

Том 3

Г.А.Бондарев

МАКРОКОСМ И МИКРОКОСМ

Г.А.Бондарев

МАКРОКОСМ И МИКРОКОСМ

Третий том

Макрокосм и микрокосм

Том I. Монотеизм религии триединого Бога

Том II. Христианство Св. Духа

Том III. Интеллигенция макро- и микрокосмоса

Г.А. Бондарев

Макрокосм и микрокосм

Третий том

Интеллигенция макро- и микрокосмоса

Духовная история Европы
в противостоянии добра и зла

2012

www.methodosophia.org

В оформлении обложки использованы книжная иллюстрация XV в. «Низвержение ангелов» и картина Рафаэля «Борьба св. Георгия с драконом».

Этим, третьим томом завершается публикация цикла работ автора, посвященная осмыслению методологии Духовной науки Рудольфа Штайнера. В состав цикла входят «Триединый человек тела, души и духа», «Философия свободы» Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления. Органон современной культурной эпохи» и трехтомник «Макрокосм и микрокосм».

Редактор Л. Бондарева

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. Начальная школа Антропософии

1.....	9
2.....	12
3.....	15
4.....	16
5.....	19
6.....	24
7.....	27
...	
32.....	112
33.....	114
34.....	117

МИСТЕРИЯ-ДРАМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БОГА И ЧЕЛОВЕКА

ГЛАВА II. КОСМИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ И МИСТЕРИИ ХРИСТИАНСТВА

1.....	129
2.....	132
3.....	134
4.....	137
5.....	140
6.....	144
7.....	148
8. Апостол Павел и Павлово Христианство	152
9.....	155

10. Таинство Причастия.....	158
11. Мудрость и любовь.....	162
12.....	168
13.....	173
14. Авелиты и каиниты. Два типа мудрости.....	177
15. Еще раз о созерцающей силе суждения.....	184

ГЛАВА III.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КОНТРИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

1. Манихейство.....	189
2. Древнее и новое откровение Св. Духа.....	195
3. Мудрость – вера – любовь – надежда.....	200
4. Возникновение духов препятствий.....	206
5. Методологическое рассмотрение принципа противостояния.....	211
6. Как зарождалось отставание.....	218
7. Зарождение мирового противостояния.....	221
8. «Дарящая добродетель».....	226
9. «Птолемеяевская система» зона Солнца.....	230
10. Свет Христа и Тело воскресения.....	237
11. Эон Сатурна в зоне Солнца.....	241
12. Лемниската метаморфоз света.....	244
13. Переход откровения в эволюцию.....	247
14. Удвоение Вселенной.....	252
15. Христос и Люцифер.....	256
16. Вступление в эволюцию космической интеллигенции.....	261
17. Триадность развития.....	266
18. Два источника происхождения человека.....	269
19. Любовь и свобода.....	278
20. Отставание Третьей Иерархии.....	281
21. Люциферическое и ариманическое отставание.....	284
22. Два аспекта Люцифера.....	288
23. Сущность отражения.....	292
24. Великие загадки бытия.....	296
25. Два царства богов.....	299
26. Принципы эволюции мира.....	302
27. Что остается для нас загадкой?.....	306
28. Две мировые троичности.....	308
29. Что такое счастье?.....	313

30. Триада Бога и триада супостата	318
31. Пасторская медицина.....	325
32. «Представитель Человечества»	331
33. Самопознание.....	340
34. Групповая Душа человечества.....	350
35. Мудрость—свет— любовь—сила.....	355
36. Эфиризация крови	359
37. Свойства и образ действия люциферических и ариманических сил	362

КОНТРИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЗЕМНОГО ПЛАНА

38. Необходимое промежуточное замечание	370
39. Христос и мировое зло	372
40. Прафеномен зла.....	381
41. Что такое теория заговора?	405

ГЛАВА IV. ДИАЛЕКТИКА ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

О жизненных плодах Антропософии	427
Созидающие и тормозящие развитие силы	429
Аристотелевский тип человека.....	433
Рождение фаустовской души.....	438
Поляризация веры и знания.....	448
Академия Гондишапур.....	451
Диалектика развития и число 666.....	458
Число и имя зверя	462
Способы действия добра и зла в истории	465
Атеизм как болезнь	468
Гондишапур и аристотелизм	471
Блеск арабской культуры.....	475
Полемика в сверхчувственном мире	479
Мировой проект «Гондишапур – 2».....	481
Три апокалиптических искушения	492
Архангел Михаэль	499
Архангел Михаэль и космическая интеллигенция	503

Дифференциация панинтеллигенции и аристотелизм	507
Борьба Михаэля с драконом	512
Духовное знание и противодействие ему	521
Аристотелики	524
Аристотелики и платоники	529
«И свет во тьму светит»	539
Прафеномен эволюции культурных эпох	541
Феноменология прафеномена культурных эпох	545
Северный и южный потоки европейской духовности	548
Два полюса европейской цивилизации	561
Северный путь к Мистерии Христианства	571
Роль двух потоков культуры в становлении Я	580
Россия и Дойчландия	587

ГЛАВА V. ИМПУЛЬС АНТРОПОСОФИИ

Духовные истоки и задачи антропософского движения (Лекция Р.Штайнера)	607
Антропософия и Гёте	617
Духовная наука и ее метод	622
Гётеанум и борьба Михаэля	627
На повороте времен.	636
Гётеанум как творение искусства.	639
Рудольф Штайнер и его окружение	643
Ита Вегман, Мария Штайнер, Альберт Штеффен.	647
Теон – София	654
Русская софиология	682
Мария Штайнер. «К Духу на пути страданий и сознаний»	692
Библиография трудов Рудольфа Штайнера(Тома I–III).....	696

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА АНТРОПОСОФИИ

1.

Рудольф Штайнер неоднократно говорил в своих лекциях о том, что познание Духовной науки необходимо сделать средством индивидуального высшего развития, для чего требуется в любом возрасте сохранять способность усадить себя на школьную скамью. Но когда речь заходит о «школьной скамье» для взрослых, то это обычно понимается в том смысле, что нужно поинтенсивнее заняться изучением чего-либо, слушая для этого других, умных людей, ну и самостоятельно что-то почитывая. О том, что школа является местом, где не только дают знания, но и воспитывают, где совершается развитие личности, в этом случае не думают, считая аксиомой, что взрослый человек — это уже сложившаяся личность.

Такое мнение, правда, было сильно поколеблено, когда с возникновением в мире диктатур начали ставить задачи целенаправленного воспитания нового, заданного типа личности вне зависимости от возрастных и любых иных особенностей людей.

В новейшее время, когда диктатуры исчезают и ширится процесс демократизации, в силу входит новое представление о связи обучения с воспитанием. Процесс обучения всё больше сводится к наполнению, насыщению обучаемого знанием как информацией. Эффективность школы всё больше оценивается по тому, насколько быстро и как много этой информации она может вложить в своих учеников. Воспитание при этом всё больше рассматривается как вмешательство в права личности. Воспитывать человек должен себя сам, и уже с раннего возраста. Его, конечно, нужно информировать о правилах

поведения в разных ситуациях, но всякое использование при этом средств ограничения признано противоречащим сути демократического общества. В нем, как в полярной противоположности общества тоталитарного, признано недопустимым вмешиваться в становление личности на всех его этапах и во всех положениях: будь то в школе, в семье и т.д.*

Нетрудно сделать для себя открытие, что подобного рода жесткие установки являются не чем иным, как новым и очень эффективным методом именно заданного, целенаправленного воспитания. Поэтому, несмотря на то, что много при этом говорится о толерантности, гуманизме и проч., именно такой подход к системе воспитания и обучения всё чаще вызывает протест также и у противников тоталитаризма, а не только у врагов демократии. Однако, где же тут истина при таком, казалось бы, противоположном совпадении мнений? — Этого, как будто бы, теперь не знает никто. Но вопрос такой стоит и сила его нарастает: как учить и воспитывать детей, чтобы со сменой поколений мир людей становился лучше, а не хуже? Этот мир — мир истории, культуры, социальных отношений — есть творение человеческое. Поэтому каковы люди, таков и их мир.

Подумать обо всем этом также и человеку, желающему сделать себя школьником в Школе Духовной науки, необходимо хотя бы для того, чтобы не пасть жертвой тривиальных, расхожих и ложных мнений по поводу природы человеческого развития. Человек развивается, если он этого хочет, всю жизнь. А если не хочет, то с определенного возраста в нем начинают нарастать процессы психического упадка и деградации. Вставая на путь духовного высшего развития, человек решительно противостает им, но ему нужно знать, как это следует делать, а для этого полезно разобраться в вопросе, что такое воспитывающее познание и как меняются его методы в соответствии с возрастом человека.

Что получение знания в школе не может быть самоцелью — это совершенно очевидно. Неизбежно и объективно оно есть средство формирования личности, а в лучшем случае — и индивидуальности, т.е. человека, реально обладающего определенной степенью свободы. Это так прежде всего потому, что в школе мы имеем дело с человеческим существом, находящимся в стадии наиболее быстрого и даже радикального становления. Процесс познания для него — хотим мы

*) Вопроса о том, какие, порой просто устрашающие исключения из этих правил делаются также и в демократических обществах, когда в них, не хуже, чем в тоталитарных, занимаются целенаправленным перевоспитанием даже целых наций, мы специально касаться не будем.

этого или нет — вступает в тесную связь даже с его физиологическим развитием, а что касается его душевного, личностного становления, то роль педагога в нем — это поистине роль творца, «демиурга». От качества воспитания и обучения, от его содержания, от методов его осуществления зависит то, какой личностью станет человек.

Несомненно, личностью становится каждый человек, если даже он не получил никакого образования. Опыт жизни и унаследованная интеллектуальность, присущая ныне едва ли не всем людям, сделают свое дело и без особого вмешательства извне. Институт же школы существует для того, чтобы личностное развитие человека ускорять, для чего необходимо им управлять.

Такое управление может быть двоякого рода. В одном случае оно способствует наибольшему раскрытию заложенных в каждом человеке от рождения способностей и дарований. В другом случае заранее, как было сказано, программируется определенный тип личности и задача школы — как начальной, так и высшей — сводится в таком случае к тому, чтобы воспроизводить этот тип, действуя по принципу «прокрустова ложа».

В первом случае мы имеем дело с рождением новообразований в личности (поскольку она есть микрокосм), чем, собственно говоря, и движется духовный прогресс человечества, во втором — мы работаем против развития. Именно такой характер носил в сфере воспитания, например, социалистический эксперимент. Вся воспитательная политика там сводилась к унификации личности, к возвращению ее в групповое сознание.

А с какого рода дидактикой имеем мы дело в современном демократическом эксперименте? Если не подходить к нему поверхностно, а вникать в его суть, то нам открывается, что в системе школьного воспитания в этом эксперименте преследуется цель *прямой деструкции, распыления индивидуального становления*. То есть и эта система является программирующей личность с помощью процесса воспитывающего обучения, только внешне это маскируется новой идеологией, способной подчинять себе народы и целые континенты.

Все усилия, направленные на тотальную компьютеризацию школы, на вовлечение детей с как можно более раннего возраста в процесс интеллектуализации сознания, эротизация уже начального школьного и даже дошкольного воспитания и многое тому подобное представляет собой набор средств эффективного разрушения не только личности, но даже *видового* становления человека (что достаточно хорошо осознается на определенном уровне мирового управления).

Положительный выход из сложившегося несомненно критичес-

кого для цивилизации положения заключается в овладении педагогом знанием, охватывающим не только естественную, но также и душевную, и духовную сущность человека, эволюционирующего именно как сложное, физическое, душевное и духовное многочленное единство. Педагогика, опирающаяся на такое знание, берет на себя задачу управлять сложным генезисом, всячески избегая нарушения его *собственных* законов.

Такого рода дидактикой руководствуются в *вальдорфской педагогике*, импульс к возникновению которой дал Рудольф Штайнер. В ней процесс воспитывающего обучения строят на знании о том, что человеческое существо, которое усадили на школьную скамью, ожидает в конечном счете *глубокая качественная метаморфоза самой формы его сознания*. Она, конечно, совершается в любом случае и результат ее может быть самый разный, но достоинство подлинно цивилизованного общества состоит в том, что оно способно создавать для этого процесса *наилучшие* условия, чтобы он в дальнейшем становился источником *культурного, духовного обновления и прогресса человечества*.

Прогресс этот движется лишь за счет *новообразований*; они же возникают только в становящемся человеке, и возможны потому, что он есть *микрокосм*, его с другой, сверхчувственной стороны наполняет вся Вселенная.

2.

В современном мире господствует система воспитания и образования, способствующая формированию одной, совершенно определенной формы интеллигенции (т.е. формы мышления и сознания). Это интеллигенция дневного, бодрственного, предметного сознания, осуществляющего себя на базе рефлексий и понятийного мышления.

Такая форма сознания развилась в течение последних примерно двух с половиной тысяч лет. До того человек имел переживание мыслей как реальных сверхчувственных существ: мысле-существ. По этой причине древняя школа вместо логики, учения о категориях давала *теогонию*. Пантеон богов, например, для древнего грека был тем же самым, чем для современного человека является состав его фундаментальных понятий. Мышление грека было «мифологическим».

Мифологии были для древних народов тем, что в современности называется гносеологией, но рожденной иной формой сознания, которое опиралось на сверхчувственное восприятие. И оно было не-

сравненно более спиритуальным, но не индивидуализированным как у современного человека.

Древний человек реально переживал живое мышление Вселенной, персонифицированное конкретными духовными существами. Оно нисходило к нему и могло возноситься в неисследимые дали мира божественных Иерархий. Оно являло себя как *сущее*, и учение о нем было сведено в системы образов, мифов, составленных посвященными древности, которые были способны на в высшей степени чистое мышление, на созерцание интеллигибельных существ, Иерархий.

Мир теогонии был одновременно и миром метаистории, которая в древности в значительной степени преобладала над земной историей, управляла ею и направляла ее. Поэтому мифологии были в самом подлинном смысле *методологиями* древних цивилизаций. Вступив в эпоху интеллектуализма, метаморфизировавшись, они через Аристотеля сложились в систему логики.

Мы поймем цивилизации древности более адекватно их сущности, если именно в таком смысле станем рассматривать их мифологии: теогонию древних греков, эпос Гомера — как методологию греческой цивилизации, книгу Гермеса Трисмегиста — как методологию древнеегипетской культуры, книги Ветхого Завета — как методологию древней еврейской культуры и т.д.

Глубокое эзотерическое содержание древних мифологий не утратило своего значения и в настоящее время. Имея дело с сущим и дополняя друг друга, они дают знание об архетипе человека, живописуют картину его эволюционного чувственно-сверхчувственного становления. В них заключены гигантская психософия, этнология, народоведение, учение об эволюции мира. Будучи началом учения о познании, они хранят в себе и его конец: в мир их происхождения возвращается человек по мере метаморфозы рассудочной формы своего сознания, только сохраняя плоды индивидуального.

В эпоху интеллектуализма древний миф нуждается в духовнонаучном истолковании, благодаря которому он приводит стоящую в потоке истории современную индивидуальность, уже мыслящую в понятиях, в связь с метаисторией и с субисторией, о которых у нас шла речь во введении к первому тому. В этом смысле особенно большим значением для европейской цивилизации обладает германо-северная мифология. И вовсе не случайно гением Рихарда Вагнера она была возвращена из исторического забвения.

Также и славянские народы России могли бы лучше понять себя, свое положение и задачи внутри европейской культуры, свои буду-

щие задачи и многое другое, если бы стремились постичь эзотерический смысл своего былинного эпоса и мира народных сказок.

Не может обходиться без мифотворчества и современная цивилизация, ибо постоянно имеется потребность выразить то глубинное, что присуще также и эпохе интеллектуализма, чего интеллект, однако, своими силами охватить не может. Выдающимся образцом такой мифологии является, в первую очередь, «Сказка о зеленой Змее и прекрасной Лилии» Гёте. Подлинная жемчужина мифологического творчества – сказка Василия Шукшина «До третьих петухов». Сильно политизированный, но все же подлинно мифологический характер присущ «Властелину колец» Толкиена.

Современная мифология по стилю, а также и своим содержанием старается быть продолжением древней мифологии и одновременно выражает порыв *индивидуализирующегося* человеческого духа взойти в мир подлинной, сверхчувственной реальности, чего в древней мифологии нет. И порыв этот человек осуществит, если, приняв Духовную науку, правильно обопрется на то интеллектуалистическое основание, которое он создал своему Я благодаря материальной культуре. Она оказалась бедной духом, у ее врат человек утратил всякое переживание сверхчувственного, и в то же время, лишь благодаря ей он обрел самосознание, взшел на первую ступень своей индивидуализации, овладел хотя и низшим, но «я», овладел им в условиях *чувственного мира*, чего не было дано ни одному иерархическому существу.

Простое и одновременно фундаментальное описание этой формы человеческого сознания мы находим в одной из глав «Философии свободы» Рудольфа Штайнера, где говорится следующее: «Человеческое сознание является ареной, на которой понятие и наблюдение встречаются друг друга и где они соединяются между собой. Но тем самым одновременно характеризуется и это (человеческое) сознание. Оно – посредник между мышлением и наблюдением. Поскольку человек наблюдает какой-либо предмет, он самому себе является как деятельный. Он рассматривает предмет как *объект*, а самого себя – как мыслящего *субъекта*. Направляя свое мышление на наблюдение, он осознает объект; направляя же свое мышление на себя, он имеет сознание самого себя, или *самосознание*. Человеческое сознание необходимо должно быть одновременно самосознанием, потому что оно есть *мыслящее* сознание. Ибо когда мышление направляет свой взор на свою собственную деятельность, то оно имеет предметом свою наисобственнейшую сущность, следовательно – свой субъект как объект»*.

*) Рудольф Штайнер. «Истина и наука. Философия свободы». (ИПН. 3,4) Изд. «Деметра», СПб. 2007, стр. 141.

3.

Древний человек, даже еще древний грек во времена, предшествовавшие возникновению греческой философии, не обладал «мыслящим сознанием», он не мог являться себе в собственном мышлении как «деятельный». Следовательно, он не имел того самосознания, каким обладает современный человек. Его сознание было еще близко к тому состоянию сознания, какое современный человек имеет, переживая сильные, яркие сновидения. Для таких состояний характерно то, что они слагаются сами собой, мы не можем ими управлять и мы в них не осознаем себя как активно познающих, и т.д. Древний человек, конечно, имел и восприятия внешней, чувственной реальности, но она являлась ему еще в соединении со сверхчувственной реальностью, от которой у нас остались лишь тени-понятия. Его мыслительная деятельность носила *восприятийный* характер; в ней то, что мы переживаем по отдельности: восприятие и понятие, — было дано как неразрывное единство.

Древние не обоготворяли природу — она сама являлась им как божественная. И для них не существовало противоположности между Я и миром, поскольку Я являлось в слитности со всем миром. Человек сам был объектом творящего мышления интеллигибельных существ. Поэтому, естественно, и культурно-исторический процесс предопределялся метаисторией. Чтобы действовать на земле, человеку нужно было лишь узнавать волю богов и стараться следовать ей. Это считалось добродетелью. Проявление своеволия наказывалось и богами, и людьми. Движение воли богов в среду людей опосредовали жрецы, жрецы-цари, сибиллы.

С ходом времени формы группового сознания менялись, изменялся в связи с этим и характер цивилизаций. В них всё больше заявлял о себе, так сказать, «прометеев дух». Сознание человека всё больше утрачивало переживание сверхчувственного, и в нем всё больше проявлялись черты рассудочности. В человеке всё сильнее заявляло о себе низшее «я», а вместе с ним росла задача человека самому направлять ход истории и культуры.

Переход групповой формы сознания в индивидуальную был полон трагизма, поскольку сопровождался отпадением человека от божественных миров. И в наше время источником социальных катаклизмов является неспособность самосознающей личности понять истинную природу генезиса сознания, отрицание ею двойного, чувственно-сверхчувственного характера единой реальности.

Уже две тысячи лет тому назад неспособность жрецов и властей

понять выступление на социальном плане индивидуального человека привело к безмерной трагедии непонимания пришествия Бога, мирового Я в среду земных людей.

В новое время вместе с развитием низшего «я» образовалось непримиримое противостояние религии и науки, в котором религия продолжает настаивать на древней предопределенности истории и человека Богом, а наука, признавая самообусловленность «я», считает его бессущностным, лишь понятием и практически ведет теорией познания жестокую борьбу с сущим. При этом обе – и наука, и религия – отрицают свободу.

В таком сложном, противоречивом положении находится индивидуальная интеллигенция человека в условиях материалистической цивилизации. Методология этой последней ведет к одностороннему пониманию реальности, благодаря чему человеческая деятельность, опираясь лишь на ее часть и принимая ее за целое, ведет к разрушению и личности, и самой реальности. Цели развития, предназначение человека понимаются ложно или не понимаются совсем. За низшим «я» человека совсем не просматривается его высшее Я. А тем временем человечество *ступило на порог очередной метаморфозы формы сознания.*

Человек уже развился до такой степени, что способен выйти за пределы абстрактного, начать мир мысли-существ, как в древности, воспринимать, но не сновидчески, а пробудившись от узости абстрактно мыслящего сознания и восходя к сверхиндивидуальному.

Подступившая метаморфоза формы сознания требует и соответствующей ей метаморфозы формы цивилизации. Отсюда следует, что познание истинного характера человеческой интеллигенции в ее связи с интеллигенцией космической становится *первостепенной* задачей человеческого бытия.

4.

В силу того, что закон единства фило- и онтогенеза действует и на душевно-духовном уровне, современный человек в пору своего детства и ранней юности проходит через своего рода повторение той формы сознания, какая была присуща древнегреческой культурной эпохе, и только после этого, с рождением в нем низшего «я», входит в развитие собственно 5-й культурной эпохи.

Развитие тем временем не стоит на месте. И вот, в этой эпохе уже созрели необходимые предпосылки для того, чтобы хотя бы небольшая

часть человечества начала овладевать формой сознания уже будущей, 6-й культурной эпохи. Та эпоха наступит еще не скоро, через полторы тысячи лет, и тем не менее, предварительное овладение ее формой сознания является одной из актуальнейших задач настоящей эпохи.

Развитие человечества протекает таким образом, что *смысл настоящего* в нем всегда заключается в *подготовке будущего*. Готовится же оно сначала прафеноменально. Прафеномены любых форм развития созревают задолго до того, как начинают проявляться внешним образом. Таковы и прафеномены генезиса культуры и человеческой личности. В древности все они формировались в метаистории, в мире существ 3-й Иерархии: Ангелов, Архангелов и Духов Личности (Архаев). Оттуда они как инспирирующие импульсы входили в человеческий мир, в первую очередь — в круг наиболее продвинутых, опережающих всеобщий ход развития людей. Такие люди соединялись в Мистериях — в местах, где боги говорили с человеком, и из Мистерий осуществлялось управление жизнью человеческих сообществ.

В среде ушедших вперед людей уже в V–IV вв. до Р.Х. стали появляться такие, которые, предвосхищая будущее, начали овладевать формой сознания нашей культурной эпохи. Это были греческие философы. Тот факт, что они овладели мышлением в понятиях, невозможно переоценить, ибо мы имеем тут дело с *видовой* метаморфозой человека. Рефлектирующее сознание теснейшим образом связано с физическим мозгом, с высшей нервной системой человека, — настолько, что даже разрушает ее.

С ребенком, который мыслит образно, это происходит в наименьшей степени. И образно мыслили древние греки. Это было обусловлено в них совершенно иной взаимосвязью физического, эфирного и астрального тел, чем у нас. Подобную взаимосвязь имеет теперь ребенок, еще не развивший индивидуального «я». В этом смысле «детьми» были греки. Они имели определенное отношение к высшему Я, но оно действовало *извне*, как Я той или иной группы людей, например городской общины. В таких условиях связь эфирного тела с физическим была более свободной. Физическое тело было более пластичным, менее грубо материальным, иссушенным, чем теперь, и не нарушало законов существования эфирного тела.

Появлением мыслящего в понятиях сознания было обозначено рождение в человеке внутреннего центра душевно-духовного единства. Это повлекло за собой радикальную перестройку отношений также и внутри тройственной телесности, равнозначную видовой метаморфозе.

Людей, мыслящих в понятиях, философов в Греции было очень мало, однако именно они определили характер дальнейшего куль-

турно-исторического процесса, в ходе которого появились многие миллионы людей, мыслящих, как и они, понятийно.

Современный европейский крестьянин, замечает Рудольф Штайнер, мыслит больше (но не глубже), чем Платон. Для Платона рефлексирование было особым состоянием его духа, которое нужно было вызывать усилием воли. К этому нужно было специально готовиться. И понятно, почему. Ведь требовалось научиться эфирно и астрально обособливаться от группового бытия, от народного бытия, более интенсивно втягивать эфирное и астральное тела в тело физическое. Насколько это было непросто, можно почувствовать теперь, решая противоположную, но равную по сложности старой, задачу: выделяя в некоторой степени эфирное и астральное тела из физического, что необходимо для развития созерцающей силы мышления.

Внешне при совершении той метаморфозы человек не претерпел чего-то, подобного тем большим изменениям, какие произошли с ним в ходе прежних эволюционных видовых метаморфоз, поскольку на смену им пришла душевно-духовная индивидуальная эволюция *Homo sapiens*. Всё, что было прежде, следует считать лишь подготовлением к ней, о котором заботились космические интеллигенции. С рождением интеллекта, а следовательно, и самосознания человек берет свое развитие в собственные руки — в том числе и видовое. И так это будет и в том случае, когда со временем прогресс личности приведет к большим изменениям также и телесность человека.

Таким вошел человек в 5-ю, европейскую культурную эпоху, а в ней примерно к началу XX в. он, по сути, исчерпал качественные возможности развития, какие ему могла предоставить рассудочная форма сознания. Ее апогеем стала современная материалистическая цивилизация. Она — и зрелый, и уже перезрелый плод интеллектуализма, и поэтому ей угрожает опасность отпасть от древа мировой жизни. Спасти цивилизацию может лишь выработка людьми созерцающей формы мышления. Это еще не то мышление, каким будет обладать человек в 6-й культурной эпохе — оно тогда станет имагинативным, — но именно этим мышлением творится прафеномен той эпохи, а это значит, что овладение им дает смысл и нашей культурной эпохе. И тут люди, мыслящие в созерцании, т.е. восприятийно, должны задавать, формировать характер современного культурно-исторического процесса; тогда он будет не деградировать, а метаморфизироваться.

Новая особенность культурно-исторического процесса заключается в том, что в нем с развитием самосознания изменился характер причинно-следственной связи, соединяющей планы истории и метаистории. Действие метаистории в истории, несомненно, имеет место

и теперь, но оно осуществляется таким образом, что существа 3-й Иерархии предоставляют человеку на земле творить мир причин своего бытия. Из этих причин они извлекают определенные космические следствия и затем уже ими инспирируют процесс истории и культуры. То есть его целеполагание слагается из совместной деятельности людей и богов, приоритет в которой отдается человеку. Существа Иерархий действуют необыкновенно последовательно, в соответствии с макрозаконами эволюции. Того же они ждут и от человека. Ну а ему это пока дается с большим трудом, поскольку он находится между планами метаистории и субистории, между мирами добра и зла.

Облегчить свою задачу он может, приблизившись к плану метаистории. Для этого ему нужно метаморфизировать форму сознания, перейти от интеллектуалистического к созерцающему мышлению. Это мышление, не порывая с понятийностью, опять, подобно тому как это было у греков, становится восприимчивым. С его помощью совершается метаморфоза низшего «я» в Я высшее, т.е. человек становится индивидуальным в своем высшем Я. Это необыкновенно расширяет самосознание. Его зависимость от физического мозга ослабевает, в результате чего происходит перестройка всех структур многочленного человеческого существа. Это полноценная видовая его метаморфоза.

Такую метаморфозу вызвал в себе Гёте. Антропософия принесла человечеству метод, каким это могут осуществлять многие: не обязательно гениальные люди.

5.

Теперь, прежде чем продолжать тему «школьной скамьи», мы должны сделать отступление, которое касается вопросов, не имеющих никакого отношения к науке, но часто встающих поперек дороги научным исследованиям, в особенности в области человекопознания: в антропологии, этнографии, народоведении.

Дело заключается в том, что в мире идет гигантская борьба сил субистории за человека, в первую очередь — за человека самосознающего, и потому человековедение во всем его объеме подвергается ужасной идеологизации и политизации.

В последние одно-два десятилетия можно наблюдать в этой борьбе опасное слияние обычно противостоящих одни другим сил клерикализма и сил, выступающих, так сказать, от имени идеалов либерализма, гуманизма, демократии. В этом противоестественном

симбиозе они принимают всё более фундаменталистский характер. Объединяет их идея борьбы за единую глобальную систему мира.

Людям необходимо понять и постоянно памятовать о том, что современный глобализм в своей главной сути носит не хозяйственный, не финансовый и т.п. (это всё вторично — лишь средство), а духовный характер. Он стремится остановить прогресс человечества на пути к дальнейшей индивидуализации и для этого чудовищным образом искажает сами основы знания о человеке. Мероприятия этого рода всё чаще принимают совершенно парадоксальный характер, но их осуществляют путем принуждения, и потому они достигают своей цели. Среди них можно в первую очередь назвать запрет на научное использование понятия расы. Безапелляционно объявлено, что расовых различий между людьми нет. И не только в социальном, но и в биологическом смысле! Запрет на всю академическую науку, занимающуюся изучением человеческих рас, объясняется тем, что, якобы, это способствует усилению расизма. Тут можно было бы возразить, что в таком случае нужно запретить и атомную физику, поскольку на ее основе возникает атомное оружие, генетику, поскольку на ее основе развивается социальный дарвинизм и т.д. Но положение в мире уже таково, что дискутировать об этом негде и некому.

Далее можно наблюдать, как растет намерение упразднить дарвино-геккелевское учение об эволюции. Уже взят курс на отмену, искоренение всех представлений даже о половых различиях между людьми.

Если такой глобализм победит во всемирном масштабе, то человечество ожидает всемирный потоп духовного рода. Он поглотит каждое отдельное человеческое самосознание, и развитие человека на какое-то время пресечется. Начнется ужасный регресс, возврат к групповому сознанию.

Проницательные умы человечества разглядели приближение этой глобальной опасности уже в первой половине XX в. Об этом много говорил Рудольф Штайнер, об этом старались предупредить человечество Джордж Орвелл («1984»), Владимир Набоков («Приглашение на казнь»), Замятин («Мы») и некоторые другие писатели.

Предувиденное ими прошло в том веке через ряд чудовищных экспериментальных стадий и в последние 10–20 лет начинает кристаллизоваться в идеологии глобализма. Ею человечество готовится к тому, чтобы каждый, действительно без различия пола, возраста, вероисповедания, национальной и расовой принадлежности, *за реальность принимал только то, что будет объявлено таковой властями предержавшими однополярного мира*, будь то реальность естественная, духовная, политическая, религиозная и любая иная.

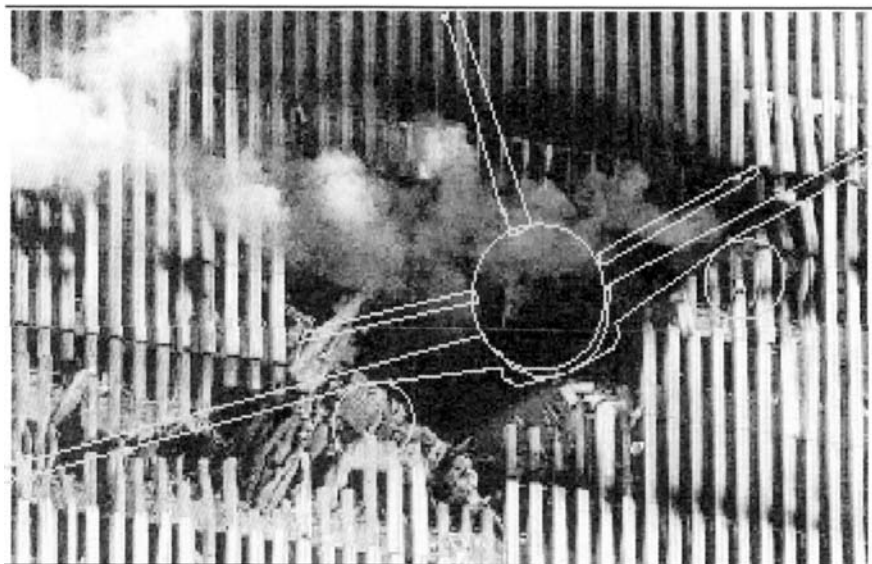
Осуществляться такой глобализм будет не путем обмана в традиционном смысле этого слова, не путем грубого внешнего подавления, а, как это называют, «свободно». Людям уже и теперь предлагается *самим* работать над собой, упражняться в самовнушении до такой степени, чтобы объявленное правдой, реальностью, как бы оно ни противоречило здравому смыслу, фактам и даже законом природы, можно бы было принять «честно», без уловок и внутренней конспирации. Кто делать этого не желает, будет в дальнейшем всё решительнее отторгаться от общества методами, которые описал Орвелл.* Их только «обогащают» открытиями в области электроники, психотроники и геной инженерии. Через короткое время о каком-либо даже самом затаенном обмане системы власти не сможет идти даже и речи.

Работа по возведению «нового мирового порядка» ведется главным образом (что вполне естественно) в западном мире, там, где в людях по преимуществу развивается душа сознательная — высший член души. Ее развитие там уже сейчас основательно заторможено, устои разума подорваны, и можно наблюдать, как западный человек идет на всё большие компромиссы со злом. Ибо в душе его господствуют слабость, растерянность и страх.

Кому всё это еще кажется неправдоподобным, тому нужно посоветовать чуть попристальнее присмотреться, например, к большим сенсациям, которыми периодически сотрясается наш мир. Мы имеем в виду такие «события», как высадку человека на Луне, как самолеты, которыми террористы «протаранили» два небоскреба в Нью-Йорке, от чего они рассыпались в пыль и др.

«События» эти в их официальной интерпретации призваны носить эпохальный характер, влиять на изменение глобального курса цивилизации. Однако пока еще находятся люди, которые не позволяют себя одурачить и докапываются до истинной сути дела, делясь своими разоблачениями с другими людьми. Их разоблачения подхватывает даже пресса, в их пользу, слава Богу, ещё высказываются некоторые ученые, политологи. В конце концов обман становится достаточно широко известен и понять его делается способным даже школьник. Но когда это наблюдаешь дальше, то становится очевидным и кое-что другое, а именно, что *сами устроители* этих событий сделали всё возможное для того, чтобы обман было легко разоблачить! А это означает только одно: те люди больше не хотят просто обманывать, они хотят, чтобы человек сам принимал ложь за истину.

*) Его роман-предупреждение упорно пытаются в масс-медиа отнести к прошлому, а он — о будущем, которое еще только приближается, а вернее, уже начинается.

Силуэт Боинга, наложенный на отверстие (отверстия!), через которое он якобы проник внутрь небоскреба и взорвался

Изобличившие катастрофу 11-го сентября привели целый ряд чисто *физических* фактов, напрочь отмечающих официальную версию, среди них — наложение силуэта «Боинга» на дыру, через которую он, якобы, проник внутрь и там взорвался. На опубликованных фотографиях просто видно, что такого не могло быть, что «Боинг» значительно больше этой дыры, а кроме того, дырок *несколько!*

Об этом и многом другом, столь же очевидном в этой истории, знают все журналисты в мире, все члены правительств, дипломаты, политики. И что же? — Да ничего. Они принимают официальную версию той катастрофы и ведут себя в соответствии с нею. И можно быть уверенным, что многие из них при этом говорят себе: зачем мне это двоемыслие? Я не хочу думать об этих разоблачениях. Что официально говорится в прессе — это и есть для меня правда. Я и во сне стараюсь не сомневаться в ней. Так проще и безопаснее, а кроме того, меня к этому обязывает служба.

Многие миллионы сознательных людей в мире вынуждены, если они хотят играть какую-то роль в общественной жизни, лелеять в себе и всячески укреплять мировую ложь. И их на этом пути всё дальше загоняют в тупик, где, как кажется, уже не остается ни одного про-

света для истины, а обман становится всё откровеннее и циничнее*. В частной жизни, в кругу верных друзей, если таковые имеются, еще можно высказываться откровенно, но чудеса электроники в скором времени исключат и эту возможность, а в дальнейшем человек не посмеет сказать правду и самому себе, ибо соответствующий сигнал об этом тотчас придет «куда следует» и окажется бедняга на страшном конвейере промывки мозгов.

Да, он именно таков — глобалистский проект. И у него очень далеко идущие метафизические цели. Все участвующие в нем люди — лишь марионетки реальных отставших в развитии иерархических существ: ариманических, люциферических, азурических. Эффективный метод их воздействия на людей — это страх. Страх всегда сопутствует лжи, а ложь — страху. Это замкнутый круг. Разорвать его способен лишь свет познания, который соединяет нас с существами Иерархий нормального развития. Поэтому Христос говорит: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными». Истина же в первую очередь заключается в том, что мы живем в единой чувственно-сверхчувственной, т.е. одновременно и двойной, реальности. Ее антиномичность выражается в существовании добра и зла. Благодаря существованию зла человек стал индивидуальностью в материальном мире, который никогда не возник бы без феномена отставания. Но дуализм развития, дуализм истории и субистории должен быть постепенно преодолен. В его преодолении человек восходит к своему высшему Я. Такова другая сторона существования феномена зла.

Ради становления человеческой индивидуальности возникло в мире противостояние добра и зла, борьба духов, одни из которых стоят на стороне человеческой свободы, а другие видят в этой свободе угрозу для своего существования.

История становления индивидуального духа человека сравнительно невелика, и она полна трагизма. Преодолеть этот трагизм можно одним только способом: активно берясь за дальнейшее развитие своей личной интеллигенции, стремясь привести ее в созвучие и связь с космической интеллигенцией. А в той господствует истина. Поэтому борьба человека за истину является одновременно борьбой его и за себя, и за всё человечество, и за дальнейшее развитие мира. Это дает ему право (и более того, это является его долгом) искать истину, стоять на истине, если даже весь мрак мира восстанет против него. Мрак принадлежит временному, истина — вечному.

*) В Москве сейчас горько шутят: 150 лет тому назад отменили крепостное право, а сейчас отменили всякое право.

Таковы основания, в силу которых в исследованиях Духовной науки Рудольфа Штайнера и в познании на ее основе современного мира, человеческих задач в нем не нужно считаться ни с какими формами лжи и обмана, какие бы масштабы они ни принимали в мире и какие бы маски ни надевали на себя. А еще нужна свободная широкая духовнонаучная дискуссия по всем актуальным вопросам современности. Расхождение мнений в ней неизбежно, но ничего плохого в этом нет, если всех обуревают честное стремление к истине. Опасность в этом могут видеть лишь силы, враждебные человечеству. Нужно идти вперед, не позволяя этим силам запугивать и дурачить себя.

6.

Итак, человек должен с помощью духовного знания всё больше овладевать своей индивидуальной эволюцией, делая это в соответствии с высшими объективными законами развития. Такая индивидуальная, направляемая самим человеком эволюция возникла сравнительно недавно. «Общая конфигурация современного чувствования и мышления (а именно благодаря им существует «я». — *Авт.*), — говорит Рудольф Штайнер, — уходит в прошлое не далее тех времен, о которых нам рассказывают как о временах первых греческих натурфилософов» (ИПН. 158, 9.4.1912). Это VII—VI столетия до Р.Х. Если идти во времени еще дальше назад, то «не только прекращается всё современное научное мышление, но конституция человеческой души оказывается иной, намного менее личностной...» Ее силы проявляются всё более как инстинктивные. Люди тогда действовали, «исходя из непосредственных, элементарных импульсов, не контролируемых рассудком, связанным с мозгом». В изначальной, элементарной силе, действовавшей в душе, можно найти «признаки современной фантазии...» Только фантазия в той душе была реальностью; «это была ясновидческая сила...» (Ibid.).

Этап того древнего становления человек повторяет каждый раз, когда вновь приходит на Землю. Это происходит в течение первых двух семилетней жизни. В первое семилетие, до начала школьного обучения ребенок живет и действует, «исходя из непосредственных, элементарных импульсов». Его рассудок еще не развит и мозг не сформирован для рефлексии. Душа в прямом смысле повторяет свое развитие, пройденное ею 3—4 тыс. лет тому назад. При этом в

младенческом возрасте и современный человек пребывает в ясно-видческом групповом сознании. Позже, с 2–3-х лет, ребенок лишь спорадически, словно в грезах, переживает сверхчувственное за покровом чувственного мира. Но и этого достаточно для того, чтобы он воспринимал мир проодухотворенным, населяя все объекты восприятия сознанием. Ребенок не фантазирует беспочвенно, «наивно»: мир открывается ему с обеих сторон. Форма сознания ребенка более спиритуальна, чем у взрослого человека, но, конечно, менее индивидуализирована. Она мифологична.

Садясь на школьную скамью, ребенок, фактически, начинает совершать переход из одной культурной эпохи в другую, из 4-й в 5-ю. И он совершает его всем своим существом, как это было в прошлой эволюции! Нужно только представить себе, сколь не просто новый, а ошеломляюще новый мир обрушивается на ребенка в первых классах школы. Чтобы смягчить этот переход, сделать его не травмирующим, а созидающим и телесность, и душу, требуется особая педагогика, основы которой дал Рудольф Штайнер. Она кардинально отличается от, так сказать, «травмирующей» педагогики, поскольку основывается на широком знании необыкновенно сложного телесно-душевно-духовного существа человека и объективных духовных законов его эволюции. В этой педагогике первую встречу ребенка с абстрактным, которое для него более чуждо, чем, скажем, спонтанный всплеск сверхчувственного опыта для не подготовленного к нему человека, смягчают благодаря тому, что процесс обучения облачают в полное фантазии образное, красочное, пластичное, живое. Например, изучение азбуки ведется медленно и художественно. Дети рисуют буквы цветными карандашами, изображают их огромными на полу, участвуя в этом процессе всем своим телом и т.д.

Постепенно, творчески, ища к каждому ребенку индивидуальный подход, учитель вызывает в процессе обучения и воспитания метаморфозу образного сознания в понятийное, вводит ребенка, фактически, в современную, европейскую культурную эпоху.

В обычной школе, как известно, поступают иначе. Там с самого начала учитель достаточно жестко говорит семи-, а то и шестилетнему существу: вот, запомни: это «н», это «е», а это «т»; соединяем всё вместе и получаем слово «нет», которое означает «отказ», «запрет». И как тут объяснить материалистически образованному варвару, сколь велика в душе ребенка пропасть между живым, спиритуальным содержанием и надвигающимся на нее, подобно могильной плите, абстрактным.

Расстояние между краями этой пропасти имеет величину одной

видовой метаморфозы человека. Ребенок должен преодолеть его за два семилетия. И он способен на это, поскольку имеет дело лишь с повторением уже пройденного. Но как это будет сделано, каким будет его духовное рождение в материальном мире — это сильно зависит от педагогических приемов его обучения и воспитания. Ими можно погасить, исказить, но также и привести к всестороннему раскрытию душевные и духовные задатки человека и потому в одном случае обременить эволюцию человечества, а в другом — дать ей новые и свежие силы. Поэтому велика и ответственна социальная роль школьного учителя, этого маленького «демиурга» человеческих душ. И он непременно должен ясно и живо представлять себе, что с началом школьной жизни душа ребенка переживает в себе «сумерки богов», «гибель богов» ее полуясновидческого, полного жизни мира.

Впечатляющим образом этот мир выражен в германо-северной мифологии и в музыкальных драмах Рихарда Вагнера. Огромное человекопознание заключено в них. Потому, видимо, и стараются в наше время, в эпоху глобальной деиндивидуализации человека их очернять. Та мифология описывает филогенез человеческого сознания, совершавшийся в течение последних тысячелетий и завершившийся со становлением понятийного мышления. В силу действия биогенетического закона в сфере душевного развития мы тот филогенетический этап проходим в повторении в индивидуальном генезисе души и духа. Поэтому далеко идущие вредные последствия для индивидуального развития имеет искаженное понимание либо отрицание филогенетического прошлого культурного становления человечества.

Описание этого прошлого мы находим и в других мифологиях, например в финской «Калевале». Три ее главных героя — это не что иное, как прафеномены трехчленной души человека. Познание их исключительно важно по той причине, что вхождение в инкарнацию через второе, интеллектуальное рождение означает в первую очередь овладение трехчленной душой, которое начинается с 20 лет и длится еще три семилетия, до 42-х лет. От того, как протекает этот процесс, зависит сила, устойчивость человеческого Я, а также способность восходить от низшего «я» к Я высшему.

Школа создает благоприятные предпосылки и для этого процесса, удерживая организм от преждевременной и чрезмерной минерализации, что достигается путем дозирования интеллектуальных нагрузок при достаточной компенсации их с помощью элементов художественного воспитания.

В ходе метаморфоз, которые переживает человеческое существо в годы школьного воспитания, оно освобождается от оков видového,

потом родового, национального, проявляющихся в групповых формах сознания, и входит в индивидуальное развитие. Если школа этот процесс коррумпирует, то вырастают либо неустойчивые, поверхностные люди, либо догматики, националисты и т.п.

Школа должна суметь сохранить пластичность юной души и наделить ее достаточной автономной силой, чтобы она уже за пределами школы смогла взять на себя выработку своего трехчленного существа, приводимого к подвижному единству самодостаточной силой Я. Эта работа длится у каждого человека до конца жизни и переходит из одной инкарнации в другую. А начинается она с того, что в каждой жизни человек сначала переживает закат «Валгаллы» своего группового образного полуюсновидческого сознания, группового действия высшего Я. А затем всё зависит от того, отправится он или нет на поиски валькирии – дочери богов Брунхильды.

Она есть высшее духовное содержание человека. В прошлом соединиться с Брунхильдой можно было лишь пройдя врата смерти. Ныне встреча с нею возможна и в условиях земного бытия: когда мы восходим к созерцающему, а затем имагинативному сознанию. Об этой возможности можно теперь говорить как об открытой для множества людей.

Такую возможность создал Христос своим пришествием на Землю. А через Антропософию раскрылся метод ее осуществления. С креста Христос говорит Своему любимому ученику Иоанну («Зигфриду» христианской эпохи): «...вот Мать твоя». Эта мать – София-Мария. И в Евангелии сказано: «И с этого времени взял Ее ученик к себе, и были они совершенно едины» (Ин. 19,27; согл. перев. Эм. Бокка).

7.

Архетипическое первого члена души – души осязающей, выраженное в «Калевале» в образе Вяйнямёйнена, Рудольф Штайнер описывает так: «Всё, что мы переживаем внутренне как наши исконные, самобытные тайны, что при этом скрыто сегодня от сознания, а во времена старого ясновидения ощущалось как силы становления, человеческого развития, что ощущалось таким образом, как если бы человек мог оглядываться назад и всматриваться в события седой древности, – всё это мы относим к душе осязающей, приписываем ей, так что она заключена в тончайшем теле человека, в том, что мы... называем астральным телом. Это сущностная часть человека, которая во внешнем земном приводит человека в связь с тем, что, инс-

пирируя, пронизывает его действием в его внутреннем, чего он не может воспринять внешними чувствами... но что он воспринимает, когда становится независим от самого себя, от эфирного тела, и остается связанным с силами своего происхождения. ... душа ощущающая рождается из сверхчувственных творческих сил, которые дали человеку астральное тело, то тело, которое он имеет не только так, как эфирное и физическое тела – от рождения до смерти, но которое он *берет с собой*, когда проходит сквозь врата смерти, и которое он имел уже *до* того, как через рождение вступил в [земное] существование» (ИПН. 158, 9.4.1912).

Душа ощущающая является той макрокосмической основой человека, которая окутывает его при его нисхождении в инкарнацию подобно покрову Богородицы и которая в ходе жизни на земле индивидуализируется до своего микрокосмического выражения в виде первого члена трехчастной души, носителя ощущений, восприятий чувств, чувствования как такового, элементарных, непосредственных импульсов эгоизма, а в случае хорошего воспитания – эстетического вкуса, такта. И это уже не архетипическое, а индивидуализирующееся души ощущающей.

Можно сказать, что архетипическое астрального, или душевного, тела, которое в ходе эволюции будет персонифицировано высшим Я человека как Самодух, ведет человека к выработке трехчленной души, образуя душевно-духовный филогенез человеческого вида. При этом совершающееся в конкретном отдельном человеке становление трех членов души образует его душевно-духовной онтогенез. Поэтому процесс взаимодействия обоих видов генезиса должен стать в культурно-историческом развитии индивидуально *управляемым*.

В возрасте от семи до четырнадцати лет каждый ребенок переживает, как его покидает Вяйнямйнен – архетипическое, *всеобщее* души ощущающей, принесенное на Землю из жизни до рождения. Его место начинает занимать Ильмаринен – архетипическое души рассудочной. Он «кует Сампо» – индивидуализирует эфирное тело, чтобы оно стало способным быть носителем индивидуального мышления, индивидуального Я.

Мы знаем, что эфирное и астральное тела в возрасте, соответственно, 7-ми и 14-ти лет впервые отпочковываются от материнских эфирного и астрального тел, становятся независимыми от них, человек рождается во второй и третий раз. Однако и после этого в них продолжает действовать видовое, родовое, национальное (и, конечно, также и расовое) начала. В них еще действуют силы наследственности. Человек по преимуществу переживает еще доиндивидуальное со-

стояние единства, что выражается в его зависимости от окружающей среды и других людей. Его развитием управляет из духа высшее Я.

В возрасте, примерно, от 17–18 до 20–21 года молодой человек переживает четвертое рождение: он отбрасывает оболочку группового Я и начинает переживать свое Я как индивидуальное. Это очень существенно сказывается на структуре как физического тела – оно становится способным быть носителем, опорой души сознательной, – так и эфирного, и астрального.

Примерно к 21 году многочленный человек получает конфигурацию, которую можно понять, представив ее себе в виде лемнискаты. После рождения ее душевная часть, т.е. одна петля, начинает поворачиваться внутрь другой, телесной. После рождения происходит не объективация, а субъективация человеческого существа: Вайянямёйнен «уходит» внутрь человека, человек утрачивает его как объективную макрокосмическую реальность.

Но чтобы Вайянямёйнен мог овнутриться, должно сначала овнутриться материнское физическое (в виде эмбриона). После рождения физическое тело нового человека объективируется, и его своего рода покровами облекает астральное тело. Вечное рожденного человека с помощью индивидуализированного материнского тела приходит в связь с физическим временным. Всё это оказывается заключенным в общую у дитя и матери эфирную оболочку (рис. 1).

Овнутряющийся Вайянямёйнен не может дать человеку индивидуального сознания, но зато тем совершеннее происходит работа над физическим телом, а потом рождение эфирного тела. Ну а если в это время грубо вторгаться в воспитание ребенка, приобщая его к абстрактному, то это нанесет урон рождающемуся эфирному телу и так будут созданы предпосылки для самых разных болезней.

Этот процесс второго

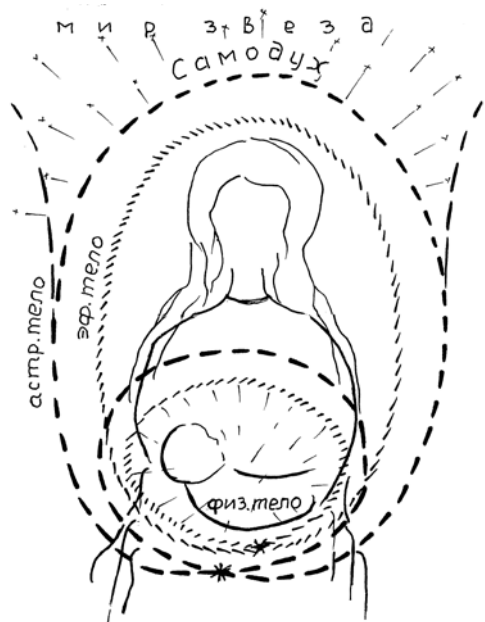

Рис. 1

рождения совершается по законам высшего мира, и если очень сильно вступать с ними в противоречие, то можно расшатать даже всеобщую эволюционную устойчивость человеческого вида.

Современная педагогика, заблудившаяся на путях материализма, с ее догмой раннего интеллектуального развития ребенка, как ничто другое, эффективно служит этой хаотизации трехчленной телесности человека и тем самым лишает и человеческий дух той подвижности, пластичности, которые необходимы для его метаморфозы.

Сознание Вяйнямёйнена в ребенке полуюсновидческое, образное, мифологическое. Но это как раз и хорошо для того возраста, когда Ильмаринен без помех пластически, через эфирное формирует физическое тело, готовя его для рефлексии, и не просто для рефлексии: он готовит его для Леминкяйнена. Древние ясновидцы финского народа, говорит Рудольф Штайнер, «ощущали душу сознательную как нечто такое, что человека впервые делает завоевателем физического плана. В Леминкяйнене ощущали древние созерцатели то существо, которое связано с силами, могуществами физического плана, элементарное, героическое существо, инспиратора души сознательной» (ИПН. 158, 9.11.1914).

Постепенно и осторожно должно совершаться человеком в пору детства и юности освобождение от родового, от группового. При этом в любом случае развитие связано с кризисами, только педагогика имеет задачу кризисы эти не превращать в источники будущих болезней: физических, душевных, социальных. Кризисы призваны обновлять становление.

8.

Политическое принуждение человечества к интернационализму выражается в ужасающей нивелировке школьного воспитания во всем мире. Это противоестественно и вредно в такой же мере, как и введение в педагогику националистической или даже расистской пропаганды. И то и другое является идеологией, измышленной абстрактным умом, видящей в человеке лишь средство для достижения целей, не имеющих ничего общего с целями собственно человеческого развития. Подлинная педагогика может быть только *естественной*, отвечающей природе *пятого, собственно человеческого царства*, творимого человеческим духом совместно с духом богов.

Рудольф Штайнер поясняет, что «для каждого народа Сампо является тем, что придает специальный, особенный облик эфирному

телу, в соответствии с которым входит в жизнь именно эта, конкретная (особенная в себе) *народность*, так что члены этой народности выглядят одинаково в отношении того, что светится через их живое и через их физическое» (ИПН. 158, 9.4.1912).

Финны в «Калевале» великолепно описали свое народное Само. У других народов оно под водительством их народных Архангелов, Духов народов, «куется» иначе — особенно в первые семилетия жизни человека. Поэтому огромные последствия влечет за собой то, как детям в школе преподается родная речь, родная литература, начала истории, эволюции, религии. Всякое неоправданное ускорение, идеологизация, односторонности в этом процессе непременно ослабят, исказят впоследствии личность человека*, и ей будут чужды задачи, решаемые современной культурной эпохой.

К дурным последствиям это ведет и в жизни общечеловеческой культуры. Она складывается из национальных культур и потому не может быть первичной или единственной. Национальные культуры сливаются в ней в более высокое единство. Интернационализация культуры практически явила миру пока что лишь один устрашающий облик. Это распространенные на весь мир и подавляющие все национальные культуры образцы и стереотипы американского поп-арта. Это не национальная и не просто упадочная культура, а бесчеловечная субкультура, антикультура. И она как раз является очень впечатляющим доказательством того, сколь опасно отрицать естество человеческого духа и духа вообще. Тот факт, что это никого не пугает и даже принимается с большим энтузиазмом, подтверждает лишь одну, старую как мир истину, что под гору человек всегда идет охотнее, чем в гору; он всегда выбирает, где легче. Растворить человека было всегда легко.

Национальные культуры по мере своего духовного роста в лице своих гениальных творцов, выразителей дорастают до общечеловеческого значения. И они тогда не нуждаются ни в какой пропаганде. Такими стали культура греков в эпоху античности, французская культура для Европы XVII, XVIII и отчасти XIX веков. Данте, Шекспир, Моцарт, Гёте, Шиллер, Лев Толстой — все они принадлежат культуре

*) Интересным примером здесь служит то, как воспитывали детей в семьях русских царей. Это воспитание с самого начала велось не на родном языке, а на французском или английском. При этом в воспитание с ранних лет вносились элементы российской великодержавности. Воспитатели обращались с детьми как со взрослыми и т.д. Вырастая, эти люди оказывались душевно неустойчивыми, страдали раздвоенностью личности. Об этом стоит почитать в воспоминаниях В.А. Сухомлинова, бывшего при Николае II военным министром, или великой княжны Марии Романовой.

человечества, и порой трудно бывает сказать, где их лучше понимают и больше ценят. Они являются выразителями лучшей общечеловеческой интеллигенции. Но никто из них не родился уже готовым гением, которого было достаточно лишь «загрузить информацией». Их гениальность была в них сначала лишь потенцией. Задумаемся на миг о том, как проявились бы они, если бы родились, скажем, в племени зулусов и никогда не покидали его? Стали бы они тогда гениями мирового масштаба? При этом совершенно очевидно и другое, а именно, что Гёте был бы невозможен на английской почве, Шекспир — на русской, Лев Толстой — на французской.

Школьное воспитание, осуществляемое в лоне национальной культуры, решает задачи, фактически уже в начальных классах, и интернационального, общечеловеческого характера. Это задачи обучения подрастающего человека языку его эпохи, его цивилизации, которым является язык интеллектуализма.

Если обучение ему осуществлялось правильно, то интеллектуальное в человеке, дав сильный импульс для овладения низшим «я», не создает препятствий для восхождения к Я высшему. Такой человек будет способен «свободно говорить» на языке своей эпохи, не станет в ней, так сказать, «иностранцем».

Язык эпохи — это крайне своеобразное явление. Перед школой стоит задача «перевести» на этот язык всё существо человека, и «перевести» так, чтобы оно не стало ущербным: либо враждебным к своей эпохе, либо потерявшим в ней всё свое личное своеобразие.

Интеллектуальный язык эпохи должен быть полноправно поставлен в ряд национальных и иных языков. Он, как и они, играет большую роль как в духовном, так и в душевном, и физическом формировании человека. Только, в отличие от национальных языков, он не ограничен, он абстрактен. А поскольку овладение им просто неизбежно, то перед школой встает задача создавать этому противовес, чтобы не ужесточить раньше времени пластику детской души. Таким противовесом является родной язык. Это не значит, что школа не должна давать знания иных языков. Речь тут идет о создании крепкой базы личности; и если она образуется, то можно свободно формировать до бесконечности другие грани личности. Без нее же человек может быть и весьма интеллектуальным, и интернационалистом — всечеловеком, но слабой, не самостоятельной индивидуальностью. И кому в таком случае нужен этот «всечеловек»?

Мысля и говоря на том или ином языке, человек оказывает влияние на становление своего Я вплоть до его укорененности в ритмах дыхания и кровообращения. Через язык Мировой Логос вступает в

человека. Но язык интеллектуализма для Логоса ныне утрачен. Задачей человека является возратить его Логосу, для чего всякое земное знание должно быть пронизано духопознанием. Для взрослых людей это помогает делать Антропософия, но в будущих поколениях спиритуальный язык цивилизации должен прививаться уже в начальной школе. На этот, спиритуальный язык система воспитания и обучения должна «переводить» человека, и потому начинать тут необходимо с того, что спиритуально по самой своей сути: с родного языка, родной литературы, национальной культуры, истории — с того, в чем отпечатлелись инспирации Духа народа. И лишь по мере такого рода генезиса души следует вводить ребенка в мир инспираций Духа эпохи.

Главным в воспитании — повторим это еще раз — является создание здорового, вполне определенного базиса личности, имея который человек мог бы с земной интеллигенцией свободно идти навстречу интеллигенции космической. Для создания такого базиса правомерно начинать процесс воспитания с архетипического, давая ему предельно конкретное выражение. Так, например, чтобы разбудить в человеке любовь к народам мира, к человечеству, нужно развить в нем любовь хотя бы к одному народу.

Любовь к своей родине, к своему народу впервые делает человека способным понять, что и другие люди могут любить их родину. Тогда, ценя свою любовь, можно поучиться ценить и любовь другого. Так возникает подлинная толерантность между народами. Ибо отношения, в основе которых лежит любовь, не могут стать враждебными. И так это было и остается в истории, если в нее не вмешиваются темные силы и не разжигают в людях инстинкты. Сколько примеров этого получили мы в последние два десятилетия. Совершенно мирно сосуществовали народы Грузии, бывшей Югославии; и так это могло бы оставаться и впредь, если бы под громкие крики об интернационализме и правах личности не началось разжигание национальной розни»*.

*) Один из представителей американского финансово-политического эстеблшмента, зам. министра финансов при президенте Рейгане, редактор двух крупнейших американских журналов Пауль Краиг Робертс открыто пишет, что «в любом государстве мира — за исключением Америки — знают, что всемирное крупнейшее государство-спонсор терроризма — это США». (Цитир. согл. цюрихской газете «Zeit-Frage», № 14 от 31 марта 2008, стр. 1.)

Также и право наций на «самоопределение вплоть до отделения» произошло из Америки во время президентства Вудро Вильсона. Национально обособляться можно с тех пор, только противопоставляя себя другим, — так направляется теперь мировой политикой дело «освобождения» народов.

Патриотизм — это естественное, здоровое чувство, основанное на любви к месту своего рождения на земле: к горам либо долинам, морям, рекам, полям и лесам, к родному языку и т.д. Прекрасно выразил это поэт:

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не победит ее рассудок мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее полей холодное молчанье,
Ее лесов дремучих колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленно пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез. ..

За чарующей внешней стороной патриотизма таится другая, сверхчувственная, где обнаруживается связь наших переживаний с самими сущностями вещей. Так, например, любовь к родной природе обусловлена связью нашего эфирного тела с сонмами элементарных духов, которые обитают именно в той части Земли, где мы родились и которую мы любим. Это выражается в характере ритмов, присущих нашей сложной телесности, с которой теснейшим образом связана жизнь души.

Но на этих естественных чувствах человека можно вести бесчестную игру и превращать патриотизм в национализм. Делать это бывает тем легче, чем меньше групповым, врожденным свойствам человека противопоставляется воспитание индивидуального. Индивидуальное же коренится в мире космических интеллигенций. Индивидуальный человек — это *духовный* космополит. Ибо космополитичен, т.е. всечеловечен его Бог. А на пути к Богу человек проходит через ряд различных общностей и водительство, которые нельзя просто отбросить, не рискуя потерять себя.

Человек имеет личную карму, а она сплетена с кармой окружа-

ющих его людей, с кармой его народа, расы, исторической эпохи. Существует не только многообразие биологических связей, которыми обуславливается наша физическая жизнь. Еще больше числом и сложнее по характеру духовные связи, от которых зависит наше бытие в духе. Мы живем теперь в эпоху, когда нарастает грубейшее вмешательство сил зла в связи обоих этих родов, и человеку предоставлено решать самому, как далеко желает он идти, заключая компромиссы с этим злом.

Народы, развиваясь в процессе своей истории и культуры, имеют высоких божественных водителей, Архангелов, выступающих в роли духов и душ народов. Современная вульгарно-материалистическая доктрина глобализации, интернационализации населения Земли, имеющая целью упразднение многообразия опыта земной жизни людей и создание всего лишь одного духовно и даже генетически упрощенного типа человека, «неокочевника» — существа, по сути, просто фантастического, порвавшего не только национальные, но и все родственные, дружеские связи, живущего только для потребления, стремящегося и других людей потреблять на манер товаров, — доктрина эта таит в себе намерение остановить естественный ход эволюции во всех ее смыслах, начать манипулировать также и божественными существами метаистории, так сказать, указать на дверь Архангелам — водителям народов.

Таким намерениям зла нельзя отказать даже в известной грандиозности, и возникают они, по сути, не сами по себе, а как составная часть объективной эволюции человека. На ее современном этапе он пришел к высокой степени самосознания, вполне овладел своим земным «я», и потому ему дана власть на физически-чувственном плане самому распоряжаться своей судьбой. Если, помня об этом, внимательно присматриваться к проявлениям зла, то в них можно всегда разглядеть наличие как человеческого произвола, так и объективных факторов развития. Зло никогда не проявляется как один только беспочвенный произвол людей. Зло включено в развитие как имманентный ему элемент и служит ему антитезой.

Все существа в Мироздании, овладевая Я, берут свое развитие в собственные руки. Человек на Земле, владея земным «я», призван сам определять историческое, духовное, политическое и т.п. развитие. В этой связи и противостояние злу в земных условиях входит в задачу человека. Эффективным средством такого противостояния является познание истинного характера земных дел человека. Познание это сложно. Для него требуется расширение его границ, что достигается познанием чувственной реальности в ее связи со сверх-

чувственной, а это последнее требует метаморфозы формы познания. *Борьба со злом, искажающим не только социальные отношения, но и ход эволюции, должна вестись путем усиления ее правомерного протекания в человеке.* Существа Иерархий постепенно передают человеку часть своих функций в эволюции, допускают его к сотрудничеству с ними. А это сотрудничество может происходить лишь по правилам высшего мира, а не мира низшей самости человека. Человек должен развивать себя, чтобы стать достойным направлять ход как своей истории, так даже и эволюции. Простого мнения о себе тут ему недостаточно. Необходимо много и напряженно работать над собой, менять форму своего сознания, хорошо зная, как и зачем это следует делать.

Многих от такой работы удерживает просто лень. Однако почему бы человеку такую работу не полюбить? Ведь подлинной, да и единственной, ценностью в его жизни являются лишь метаморфозы, которые он вызывает в себе на пути ко всё большей индивидуализации, на пути к своему высшему Я. И всё это тоже носит общечеловеческий характер, но сильно специфицировано в разных этнических группах людей.

9.

В сборнике лекций Рудольфа Штайнера, изданных под общим заглавием «Связь человека с элементарным миром» (ИПН. 158), из которого мы уже взяли несколько сообщений, а также в сборнике «Северные и среднеевропейские духовные импульсы» (ИПН. 209) читатель может найти исчерпывающее, на наш взгляд, разъяснение того, откуда в человеке берется любовь к родине и в чем состоит ее положительная роль. Ее основания потрясающе значительны и глубоки. Из этих разъяснений становится понятным также и то, как здоровый патриотизм может выродиться в национализм.

Человек как национальное существо вплетен в систему разноразличных связей. Первый уровень выражает себя в силах наследственности, кровного родства. Человек здесь в большей степени природное, чем индивидуальное существо. Отсюда произрастает связь «почвы» и «крови». Высший уровень национального самобытия человека — это его отношение с Духом его народа. Духи народов работают над возвышением индивидуального в человеке над природным. За счет этого они ведут народы к слиянию в *духовном братстве*, в родстве *по происхождению людей из единого Бога*. Народы когда-то возникли и когда-то прейдут, а человечество останется. В духе этой истины ра-

ботаает народный Архангел. Поэтому от него никакого национализма не проистекает. Взять хотя бы русского Архангела. Он выражается как несущая *духовная* сила, которой нет особого дела до «чистоты» крови. Поэтому в числе подлинных выразителей русской духовности мы видим писателя и историка Н.М. Карамзина, в родословной которого имеются татарские корни, Пушкина — фактически родоначальника нового русского литературного языка, прадед которого был африканец, знаменитого русского пейзажиста Левитана, еврея по происхождению и т.д. В то же время, неоспорима национальная окраска различных культур человечества, ибо именно она придает им неповторимый колорит.

Пока человек живет на земле, его духовное неразрывно связано с чувственно-материальным, за которым, в свою очередь, также стоит крайне многообразная духовность. Земля — это сложный организм, разный во всех своих частях. Она имеет духовную ауру, дифференцированную в соответствии с различиями земной поверхности. Народ, живущий на том или ином месте на земле, также представляет собой некоего рода организм, сложное единство, неразрывно связанное с природой места своего обитания, с почвой, с характером растительности, с географией этого места, с составом элементарных духов, которыми данная природа насыщена, и т.д.

Отдельный человек вживлен в эту сложную совокупность своей трехчленной телесностью, определяющей своеобразие его трехчленной души, душа же определяет своеобразие Я. Как житель Земли, поясняет Рудольф Штайнер, человек «через внешнее своего физического тела... находится в связи с духами земли...», через эфирное тело — с духами воды, через астральное тело — с духами воздуха, а в Я он приходит в связь с духами огня (ИПН. 158, 15.11.1914). Это четыре группы основных элементарных существ: гномы, ундины, силфы и саламандры; благодаря им существует вещественность Земли.

Когда человек становится земным существом, то сила, образующая его из духовного мира, действует на него также и с помощью элементарных духов. Их роль велика также и в формировании души через действие материального мира. Чтобы мочь вырабатывать Я сознательно, нужно развивать трехчленную душу. И тут не обойтись без четырех элементов. И тот факт что, например, финны уже в древности переживали действие трехчленной души, пусть и в ее архетипическом явлении, был обусловлен конфигурацией земной поверхности, на которой они жили, своеобразием сочетания на ней воды и суши.

Это сочетание играло значительную роль от самого начала дифференциации человеческого вида. Оно стало возникать в результате

взаимодействия Иерархий с элементарными духами. Когда человеческие монады начали получать собственные эфирные тела, то они при этом оставались в зависимости от конфигурации эфирного тела Земли, которое не было во всех частях одинаковым. Его различия обуславливались разными сочетаниями действий элементарных духов в том или ином месте географической поверхности Земли. Ими модифицировалось действие Иерархий, направленное на формирование эфирных тел.

В ходе эволюции в результате дифференциации всечеловека Адама сначала возникали, формировались разного рода групповые образования людей: расовые, племенные, родовые. Разного рода душевность формировалась в них, и разного рода предпосылки слагались для будущего овладения человеком своим земным «я». Индивидуальное сознание пробивалось из самых разных форм сознания группового. Пережитки этого последнего мы встречаем на каждом шагу и теперь. Они бывают двух родов. В одном случае они сохраняются по причине замедленного развития человеческих групп населения Земли, а в другом — они насаждаются вновь искусственно, идеологически, методом социальной психологии в среде уже индивидуализированных людей. Во втором случае мы получаем регресс человеческого вида. Предпосылки к нему часто закладываются уже на ранней стадии формирования человека, вошедшего в инкарнацию, с учетом определенных законов развития.

В силу действия закона единства онто- и филогенеза в сфере индивидуального становления человека, повторение древних форм группового сознания на новой ступени — это неизбежная стадия развития. Так, например, душа рассудочная была архетипически привита человеческим монадам еще в эоне Луны. Теперь это проявляется в принципиальном отличии эфирного тела человека от эфирного тела животного. В онтогенезе это тело проходит через этапы видового, родового и национального становления в течение всего лишь 2—3 семилетий жизни. Эволюция, длившаяся миллионы лет, выступает здесь в крайне концентрированном виде. Телесное и душевное здесь тесно взаимосвязаны, и правильное соотношение черт группового и индивидуального становления обуславливает меру свободы человека во всей его дальнейшей жизни. Обуславливает силу свободного становления.

Рудольф Штайнер говорит об этом следующее: «В животных мы видим эфирное тело действующим таким образом, что оно является зодчим различных обликов (животных): от простейших, несовершенных до высших. В человеческом эфирном теле было выковано

нечто такое, что все эти животные облики (видовые. — *Авт.*) сводит в некое единство, но с одним исключением. Оно состоит в том, что по всей Земле эфирное тело, т.е. Сампо, куется в соответствии с климатическими и другими условиями, отношениями, так что эфирное тело имеет в своих силах особенности народного характера, национальные характерные черты, что у одного народа оно образовано так, а у другого иначе». Члены одного народа «имеют сходство в отношении того, что просвечивает сквозь их живое, сквозь их физическое. И поскольку подобие в наружности человека происходит из эфирного, постольку эфирные силы заключены в Сампо. ... Но так это обстоит в эпосе каждого народа. Народный эпос может возникнуть только там, где культура еще пребывает в силах Сампо, в силах эфирного тела. ...Эфирное тело поэтому вносит во всю культуру характер народности, народный характер» (ИПН. 158.9.4.1912).

Так эфирно обусловлено вхождение воплощенного на земле человека в свой душевно-духовный онтогенез. В него можно внести разного рода искажения, в первую очередь — ранним интеллектуальным развитием. Но тут можно создать помехи и более фундаментального характера. К их числу, например, относится массовое искусственное смешение рас. Расовое, как и национальное, человек перерастает в ходе индивидуального духовного роста. Но если этот процесс начать с биологии, то это приведет к отрыву человека от своих иерархических водителей, действующих в расовом и национальном, в состоянии, когда он к этому не готов. Тогда-то как раз и возникает интернационалист-неокочевник, всечеловек со слабым Я. И такого человека можно легко вовлечь в любую идеологию. С ним можно как угодно экспериментировать социально, политически и т.д.

Человеку не дано как эволюционно, так и культурно-исторически неким образом сразу «впрыгнуть» личностно в общечеловеческое, в общечеловеческую культуру. Повсюду имеет место развитие. Искусственное, преждевременное упразднение его стадий — это претупление перед человечеством.

Кроме того люди на Земле разные и различным должно быть их развитие, идущее от группового к индивидуальному в силу общих законов эволюции. А если всеобщее этих законов унифицировать, не говоря уже об их грубом нарушении, то движение развития от группового к индивидуальному повернет в обратную сторону.

У людей, рождающихся в Африке и Азии, говорит Рудольф Штайнер, физические тела строятся эфирными силами, находящимися *внутри* человека. У европейцев же и жителей Америки доминирует действие на их физические тела *внешних* эфирных сил; ими у них в

большей, чем у африканцев и азиатов, мере формируются и их эфирные тела. Поэтому они находятся в большей связи с элементарными духами природы, живущими в воде, воздухе, тепле, земле тех мест, где они обитают. Это проявляется не только во внешнем облике европейцев, но и во всех отправлениях их физического тела, вплоть до речи, «ибо язык — это также отправление физического тела» (Ibid., 14.11.1914).

Но еще и третьим образом можно исказить соединение человека с Сампо, предопределенного ему кармой рождения. Этому служит отчуждение человека от природы. Ныне, теряя связь с природой, разрушая ее, скапливаясь в мегаполисах, люди, фактически, губят экологию собственной души. Но они не понимают этого в силу материалистических представлений. Однако «только в том случае, если мы формы, выступающие нам навстречу в природе, сможем рассматривать как выражение духовного, пойдем мы саму природу в ее связи с человеком; если мы не будем безмысленно взирать на границы земли и моря, но станем понимать, что именно эти формы выражают» (Ibid., 14.11.1914). Иными словами, если научимся понимать язык, на котором с нами говорит природа.

Рудольф Штайнер еще добавляет: «Земли не возникают так бессистемно, как это себе представляют геологи. Нет, они в их формах возникают столь же регулярно, как регулярно возникает в нас наша костная система...» (Ibid.). У Земли при этом всё противоположно по сравнению с человеком. И на этом также зиждется вполне определенное взаимодействие между ними. Для человека оно обладает просто колоссальным значением. Так, чтобы в греко-латинскую эпоху могла сформироваться душа рассудочная, была необходима именно та, изрезанная морем, с тысячами мелких островов, конфигурация земной территории, на которой жили древние греки. А позже, «чтобы греческая суть могла повториться в романской сути, нужно было, чтобы в море простирались более обширные массы земли... А это имеет место во Франции» (Ibid., 14.11.1914).

Должно было существовать специальное отношение суши и моря, нужно было островное образование, чтобы у людей, живущих там, могла развиваться душа сознательная. И такова Англия. И дело здесь, как и в случае Греции, Италии, Франции, заключается в составе элементарных духов, населяющих разные территории Земли.

Как совершенно особенную характеризует Рудольф Штайнер инкарнацию в русском теле, где «душа подготавливает в себе то, что можно будет воспринять некогда в будущем. Для этого необходимо, чтобы такая душа оставалась в определенной связи с духовным. Ина-

че Самодух не может быть выработан в свое время» (Ibid.). И если бы, продолжает Рудольф Штайнер, заливы Балтийского моря простерлись до моря Каспийского и Россия была бы, наподобие Италии, полуостровным государством, то тела у русских были бы другими и нужных для овладения Самодухом задатков в них не было бы. Вернее, они овладели бы Самодухом, но преждевременно, нездоровым образом. Русским для исполнения их миссии нужны «широко простирающиеся ровные территории» (Ibid.), что они, собственно, и имеют.

Однако, заметим мы от себя, тут возникли и исключения, которые теперь можно понять. Мы имеем в виду Петербург – вынесение русской столицы в водную стихию, что и привело как раз к преждевременному – нет, не овладению, а только проявлению в неподготовленных душах Самодуха. Оттого и произошла некая гипертрофия душевного элемента, утрата им равновесия, внесшие в русскую культуру и во всю национальную жизнь не свойственный ей элемент истонченности и даже истеричности.

И за воротами смерти национальное в определенной мере сказывается на чисто духовной эволюции души. Если душа (возьмем тот же пример) проходит через русское воплощение, то она тогда «склонна идентифицироваться в сознании со своим Ангелом, рассматривать духовный мир, попросту говоря, как бы глазами Ангела. ... Пройдя через западную инкарнацию, человек после смерти чаще всего переживает следующее. [Он говорит себе:] я ощущаю так же, как я уже ощущал, я вижу мир так же, как я его уже видел. – Особым искусством переживается (такой) душой возможность срастись со своим Ангелом. Для принадлежащих же к русскому народу это является чем-то естественным: быть всегда со своим Ангелом» (Ibid., 9.11.14). И такое состояние русских душ после смерти имеет общечеловеческое значение. Дело в том, что в духовном мире Архангел Михаэль ведет борьбу за второе пришествие Христа. Оно совершается «лишь при условии, что всё шире и шире будет расти господство Михаэля. ... Для этого он рекрутирует войнство, целый ряд значительных борцов среди душ, прошедших через русское тело, поскольку они предрасположены к идентификации со своим Ангелом. Благодаря этому они особенно подходят для привнесения сил, необходимых для того, чтобы в чистоте дать тот образ, через который должен явиться Христос», чтобы образ тот не был субъективной имагинацией человечества (Ibid.).

Своеобразно проявилось это во время 1-й мировой войны. Как об этом рассказал Рудольф Штайнер, души погибших русских неким

образом вступали в борьбу с эфирными телами павших французов, которые плохо растворяются. А на земле они были союзниками.

Таковы отдельные примеры того, сколь сложны и значительны взаимосвязи человека с местом его телесного рождения на земле. Пытаться грубо, искусственно, в политических целях эти связи разрушать способен лишь супостат в человеке. Это ему нужно как можно быстрее получить интернациональное стадо, чтобы лишиться человека его сущности.

Доктрину такого, скажем прямо, скотского смешения населения земли создал еще в начале XX в. странный во всех отношениях немецко-японский граф Куденхов Каллерги. Он назвал ее «идеалистической», и именно она теперь широко внедряется в мире — доктрина окончательного и бесповоротного сведения счетов с человечеством. Совершенно очевидно, что добровольно на эту сверхавантюру человечество не пойдет, поэтому мир переворачивают вверх дном, воздействуют на людей с помощью войн, голода, терроризма, искусственно насаждаемых болезней, путем отравления природы, финансовых кризисов, переворотов-революций, глобального идеологического насилия.

Всё это имеет успех, достигает своих целей, поскольку человечество спит. Оно утратило понимание смысла и назначения своего бытия. Поэтому первостепенным долгом каждого человека в современном мире является борьба за обретение этого смысла, для чего сначала требуется овладение подлинным знанием о смысле и назначении происходящих в мире событий. Будут люди иметь такое знание — всё в мире изменится к лучшему.

10.

Непонимание смысла происходящего коренится не столько в манипуляциях общественным сознанием, сколько в ослабленности индивидуальной интеллигенции человека, в неумении и нежелании обдумывать происходящее. Основы этой слабости закладываются в школе. Человек становится всё более интеллектуальным и всё менее интеллигентным. Крайним и в своем роде высшим выражением такого сознания станет саморазвивающийся компьютер, создание которого уже не за горами. Человек тогда может оказаться просто не у дел.

Изменить положение к лучшему можно, лишь изменив систему школьного воспитания и обучения в соответствии с точным знанием

сложного физически-духовного человеческого существа, законов его духовной эволюции. Это большая задача школьных воспитателей — по мере убывания инстинктивного переживания ребенком своего архаического единства наделять его душу реальным и устойчивым переживанием *осознанного* единства.

В наше время много говорится о переживании самоидентичности: о его ослаблении, недостатке, потере, в результате чего эпидемически растет число психических заболеваний. В этом вопросе нужно в первую очередь отдать себе ясный отчет в том, что в течение первых трех семилетий в человеке зреет, а потом рождается не понятие «я», а реальное Я. И от того, каким оно рождается, зависит вся последующая судьба человека.

На современном этапе эволюции это Я как внутренний центр личности рождается главным образом в виде отражения. Поэтому так легко низшее «я» назвать лишь понятием. Но оно не понятие, хотя осознание его дает в значительной мере мыслительная деятельность человека. Оно есть центр, обладающий в той или иной мере *волей* к мышлению, а значит — волей к сознанию. Слаба эта воля — и у человека слабое, мерцающее сознание, которое легко замещается другим, более сильным сознанием. Если та воля сильна, то мы имеем дело с самоопределяющейся индивидуальностью, способной ставить своей деятельности цели и достигать их. И эту силу и автономию низшего, повседневного «я» человек может целенаправленно развивать. И хорошо, если задатки к этому были заложены в нем в первые три семилетия жизни.

Развитие в эти годы имеет лемнискатообразный характер. Человек из своего внутреннего, архетипического душевно-духовно как бы выворачивается наизнанку, объективируется. И это, по сути, вторая лемниската его воплощения на Земле. Первую мы показали на рис. 1. В ней ребенок овнутряется внутри материнской эфирно-астральной ауры. В период эмбрионального развития он был овнутрен и физически. Но после рождения физическое тело объективируется. Объективация эта, правда, совершенно беспомощная в себе. У этого объективированного тела нет объективированных души и духа. Они у него еще не родились в посюстороннем.

По мере рождения они оказывают сильное влияние на природу, структуру физического тела. Тело же, в свою очередь, подвергается воздействиям внешнего мира. Эти воздействия через тело, через органы чувств, через рождающиеся ощущения влияют и на процесс объективации души и духа. И их влиянием нужно управлять.

Овнутренняя в себе общая лемниската матери и ребенка ослабе-

вает в своем действии по мере формирования лемнискаты собственного развития человеческого существа. Но развитие, выражающееся в новой лемнискате, в отличие от развития в первой лемнискате, не носит природного характера. В ней, так сказать, духовное питание обретает равные права с питанием физическим. Говорят, что человек есть продукт общественных отношений. Он как сформировавшийся человек является таковым в меру ослабленности онтогенеза его души в школьные годы. А вот в школьные годы он действительно вырастает как продукт бывших в школе и вне ее отношений.

В исходной петле новой лемнискаты индивидуального развития (позже она станет теоретико-познавательной лемнискатой, лемнискатой Я-сознания) ребенок, сначала объективированный лишь телесно, испытывает на себе действие прафеноменов своей трехчленной души. Часть этого их действия имеет общечеловеческий характер, а часть модифицирована географическими, природными, национальными и кровно-родственными факторами (наследственность) инкарнации. Глубокое своеобразие этих действий и выражают образы народного эпоса. Так, на душу финского ребенка действуют Вяйнямйнен, Ильмаринен и Лемминкяйнен; на душу русского ребенка — три богатыря былинного эпоса: Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алеша Попович. Это архетипы трехчленной души русского человека, соединяющие в себе всё своеобразие русской инкарнации.

Триада этих воздействий сводится в единство индивидуально высшим Я. Внутренним единством при этом выступает физическое тело. И то и другое единство остаются неосознанными. Осознаются только их действия. Высшее Я как макрокосмическое интеллибельное существо воздействует на существо ребенка через трехчленную телесность, и это действие выражается в том, что он приходит к прямостоянию и ходьбе, к речи и, наконец, к мышлению.

Эта деятельность Я является прямым продолжением той его деятельности, которой оно готовило существо человека в духовном мире к земному воплощению.

11.

Об иерархических существах можно сказать, что они состоят из мышления. Мышление есть форма их бытия и деятельности. Их мир, мир космической интеллигенции, Универсум, образован их положениями в нем, их отношениями друг с другом.

Подобен тому миру и мир человеческой культуры, где человек

проявляется как земное, но и как тоже интеллигибельное существо. Хотя, конечно, имеются между ними и различия. Главное из них состоит в наличии сфер бессознательного в земном человеческом царстве, которое из духа сгустилось до состояния материи, а это значит, что часть космического мышления оно увлекло в сферу бессознательного, в котором остается заключенной значительная часть человеческого духа, и к нему сам человек не имеет сознательного доступа. В космической же интеллигенции всё осознано, персонифицировано и различается лишь по степеням самосознания.

Но бессознательное в человеке (оно же, с другой стороны, является и сверхсознательным) не остается бездеятельным. Оно, принадлежа человеку, является до поры до времени персонифицированным иерархическими существами. Ну а те, в свою очередь, также имеют высшие члены своего духа, которые опекаются стоящими выше их иерархическими существами, поскольку сами они индивидуально владеть ими пока что не могут.

Так образуется великая лестница форм сознания-бытия. Человеческое царство занимает на ней несколько ступеней; отношение воспитателя и воспитуемого в определенном смысле занимает две из них. Учитель как бы олицетворяет высшее сознание ребенка, к которому тот идет как к своему Я. А когда он им овладевает, то оно у него оказывается *собственным* и неповторимым и лишь по роду подобным Я учителя.

У взрослого человека учитель – Ангел-хранитель, но также и Архангел – Дух народа, и Архай – Дух эпохи. В их мышлении человек коренится реальнее, чем в своих рефлексиях. Те существа олицетворяют высшее сознание человека, но и в этом случае оно у него *свое*, и оно созидает его, когда он пребывает на земле. И именно здесь он овладевает своим высшим самобытием. То есть школа земных инкарнаций есть созидатель индивидуального человека и в низшем, и в высшем смысле. У этой школы много классов, и в некоторые из них можно перейти лишь во взрослом состоянии или даже в преклонном возрасте.

Почему это именно «школа» и «классы»? Прежде всего, потому, что речь тут идет о возможности и о способности человека изменять форму своего сознания. Тот, кто способен помочь другому человеку проходить школу, во все времена называется учителем. Учителем был Сам Христос для тех, кто мог следовать за Ним. Он был для людей Учителем в высшей школе посвящения – Иерофантом. И Он был самой жизнью космической интеллигенции. Поэтому ее явление в Нем понимается как явление Св. Духа. В своей обращенности к интелли-

генции земного человечества Св. Дух опосредуется всей совокупностью иерархических интеллигенций. О нем в таком случае говорят как о Божественной Софии. В роли нового учителя, несущего знание о Христе, София низошла в мир людей как Антропо-София.

Каждый человек в полноте своего земно-небесного существа антропософичен. Он представляет собой постоянно развивающееся и потому лемнискатообразное существо, которое одной частью коренится в земном, а другой простирается в неисследимые выси духа.

В современном земном я-сознании человека эта лемниската сжимается до теоретико-познавательной лемнискаты: до образа своего великого праобраза. Общим у них является то, что обе они *мыслительной* природы. Теоретико-познавательная лемниската — это ключ к нашему высшему Я, она открывает дверь в космическое мышление. Дверь в нее самоё открывает начальная земная школа, а потом — начальная школа Духовной науки. Поэтому вторая из них должна начинаться уже в первой. Необходимость и возможность этого обнаружил уже опыт развития Гёте.

О мышлении Гёте Рудольф Штайнер говорил, что его справедливо называют «предметным». «Оно покоится на вещах, распространяется над вещами; оно живет так, что Гёте (в нем) живет вместе с вещами и одновременно вдыхает их духовность как духовный воздух, которым дышат» (ИПН. 64, 27.11.1914). А сам Гёте считал, что в силе, образующей понятия, идеи, должно жить нечто от мирового Духа (от Софии, говорим мы). Сила суждения в человеке не должна просто думать, она должна *созерцать*, духовно созерцать, подобно тому как чувственный мир созерцают органы чувств (см. ИПН. 65, S. 422).

Именно так в начальной школе Духовной науки земной интеллигенцией, логическим мышлением приходят в соприкосновение с космической интеллигенцией. В обычной же школе человек совершает переход от образного (космического) к логическому мышлению. И особенно важно заметить, что в обоих случаях происходит метаморфоза *формы* сознания, за которой следуют метаморфозы всего многочленного существа человека. В прошлом они предшествовали рождению самосознания, теперь же самосознание оказывается их *перводвигателем*. Столь велики перемены, произошедшие в законах развития, современниками которых мы являемся.

То, что составляет пока что недоступную для нас сферу нашего высшего сознания, что заключено в верхней, небесной петле нашей прафеноменальной лемнискаты, готовит тело нашего земного рождения в виде духовного зародыша: идеи. Она образована мышлением всех Иерархий, творивших человека, начиная с эона Сатурна. Этот

зародыш как концентрированная мысль богов передан в земном зоне нашему высшему Я. Оно несет его через сферы духа вплоть до физически-материального плана. Тут «он погружается в физические силы Земли, с которыми он родственен и которые приходят (к нему) от отца и матери. Он соединяется с человеческим потоком наследственности» (ИПН. 219, 26.11.1922). Космическое мышление в нас при этом угасает, но не сразу. Наше тело сходит на землю раньше нас. И мы в первый период эмбриональной жизни стягиваем из мирового эфира силы, субстанции самого этого мирового эфира, образуя из него наше эфирное тело. Так проходим мы узловую точку лемнискаты и находим себя овнутренними в материнском существе (см. рис.1). В нем овнутрено и наше высшее Я. Далее начинается работа, необходимая для его земной объективации. Внутри петли трех тел вызревает петля трехчленной души, а в петле трехчленной души вызревает петля диалектического мышления. То, что изначально таится в ней – высшее Я, затем объективируется в петле созерцающего мышления. Образуется теоретико-познавательная лемниската. Потом она утрачивает нижнюю(диалектическую) петлю и обретает верхнюю: петлю трех высших форм сознания. А они уже основательно берутся за метаморфозу трех тел, за пронизание их сознанием высшего Я.

12.

Человек есть реальная мысль богов. Когда он рождается в этой мысли как отдельное, самостоятельное мысле-существо, то это выражается в образовании его астрального тела и Я.

Сначала, как мы знаем, астральным телом было наделено человечество как целое. Это произошло в зоне Луны. И до того, мы полагаем, мысли о человеке в мире Иерархий не было. Когда мы теперь узнаем, что физическое тело человека было создано в зоне Сатурна, а эфирное – в зоне Солнца, то это следует считать некоего рода экстраполяцией современной формы человеческого сознания на те ранние этапы эволюции, где не было никаких его признаков. И сами Иерархии не знали вполне, что получится у них из Отчей Субстанции, из Духочеловека.

Чтобы понять, что мы имеем в виду, обратим более пристальное внимание на то, как в Библии описывается сотворение мира. В каждом дне творения Бог сначала нечто созидает, а потом говорится: «И увидел Бог, что это хорошо». Это означает не что иное, как *осознание* Богом актов Своего творения. Нельзя, конечно, сказать, будто

бы Бог творил мир бессознательно. Но совершенно очевидно, что тут можно говорить о *двух* формах сознания.

Из своего неизреченного Бог открывается для творения нового мира как движение воле-субстанции. Происходит три персонификации единого не имеющего определений Бога. Он един в силу абсолютности всех Своих качеств, которых по этой причине для нас как бы и нет. Откровение означает их ограничение, поэтому откровение существует. В философии санкхья три персонификации откровения называются гунами. Изойдя из несотворенного, неизреченного единства, они обретают единство в изреченном: это Пуруша-Логос, мировое сознание, мировое Я, Душа мира, а не просто человека. Так сказать, глазами этого Я-сознания Бог и смотрит на акты своего творения, порождая Себе «мнение» о них. И это, заметим еще, происходит уже в зоне Земли, когда существует носитель сознания этого зона — его собственное астральное тело, пределы которого есть и пределы творчества Элоимов. В первых же двух зонах Идея эволюционного цикла остается трансцендентной его процессу. И если высшие Иерархии видели, что творимое ими «хорошо», то это было некоей неопределенностью в силу своей безграничности. Ибо, повторяем, всё, возникавшее в ходе первых двух эонов, не имело в себе носителя *своего* сознания. На Юпитере животные станут человеком, на Венере — растения. О каком человеке следует думать в зоне Сатурна? Если думать, что замыслены были мы, а из нас планировали боги произвести других людей, то это и есть простая экстраполяция определенности земного зона на начало мира, что лишает его всех признаков творческого принципа. Мысля так, можно заранее, точно описать всё, что будет даже в следующем цикле эволюции.

В этом месте, прежде чем вести исследование дальше, нам необходимо задержаться на одном старом вопросе богословия. Вопрос этот следующий: является ли Логос Божий сотворенным или извечным? Рассуждая в ключе Духовной науки, мы откровение Бога делим на два этапа. Второй, более поздний — это эволюция мира. Совершенно очевидно, что Логос являет Себя до нее, как не рожденный в развитии. Он развитию открылся. Прежде чем стать развитием, в котором Бог допускает опосредование Своей воли сотворенными существами, Он открывается—овнутряется в объективности Своей неизреченной Сущности, о чем мы уже достаточно много говорили ранее. Он, в каком-то смысле, открываясь, созидает Самого Себя. Это созидание совершенно особого рода; оно заключается в том, что Бог приносит Себя в жертву новому творению. Такова особенность откровения высшего Бога: Ему, в смысле стоящих ниже Его существ,

некуда стремиться! В то же время, неподвижность и в абсолютном в каком-то смысле означает попятное движение. Поэтому для Бога творчество означает свободное частичное снятие Своей абсолютности, понижение части Своего бытия, Своей неизреченной высоты и принесение ее в жертву на алтарь сотворения нового. Так, отметим попутно, возникает наивысший источник вселенской нравственности. Так жертвенное склонение более высокого к менее высокому становится принципом эволюции. Без нравственности, без любви Вселенная не может развиваться. Это ее основной закон. Его исполнение ведет существ к свободе, к богоподобию.

Согласно этому закону развивается и человек, хотя следование ему требует от него известной высоты духа. И она проявляется в любые периоды человеческого развития; а убывание ее — это источник всех бедствий человечества.

Овнутряя Себя, приспособливая Себя к созданию, к задачам развития, Бог и являет Себя в трех гунах, или Ипостасях: как Субстанцию, Жизнь и Сознание Своей овнутренности. И поскольку в первооткровении есть только Бог, то и три гуны — это один только Он, но в явлении. Это единый Бог в трех Своих Ипостасях. Они если и сотворены, то в акте Себя-созидания Бога, созидания Себя в Себе в ином. Но это еще не само инобытие. Рождение же — это возникновение в инобытии. Бог — свободный Творец инобытия. Он творит его, а не рождается в нем.

Является ли Бог абсолютно идентичным Своим трем Ипостасям? И да и нет. Христос говорит, что кто видел Его, видел Отца, что Он и Отец — одно. И в то же время, Христос — не Отец. Такова сущность ипостасного явления Бога. Оно означает не разделение Бога в Себе, оно есть Лики Его явления.

Спор в богословии возник по причине отрицания им развития, что исключает возможность говорить о различных состояниях и формах сознания. Но Сам Бог эти различия делает, о чем как раз и свидетельствуют приведенные слова Христа. В них нет противоречия, если мы поймем, что Бог тут говорит о Себе в двух положениях, в двух состояниях сознания: Отчей Основы мира и единства в мире откровения и того, что из него возникло.

Откровения Бога — это излияние вечности внутрь самой себя, обособление вечности в себе, чем и вызывается импульс к развитию.

Обособление является ограничением, обособленное должно получить форму, т.е. прийти в связь с идеей обособления. Поэтому в овнутренности Бог и являет Себя в трех Ипостасях: как Жертвователю Субстанции, как Ограничитель Своего сознания и как Творец Я-Формы

Своей Субстанции. Тут во всем присутствует только Он, и всё есть частичный отказ Его от Самого Себя, жертва.

Совершенно естественно, что в каждой из Ипостасей Бог мог бы открыться и целиком, ибо это Ипостаси Его Самого. Но Он *специализирует* Свои проявления. Для Него это есть некая свободно принятая условность, лишь метод, а для творения — высшие законы.

Когда из откровения пробуждаются существа, сотворенные Богом в предыдущих циклах эволюции, то происходит ослабление «условности» и усиление «необходимости», закономерности. Одномоментность, внепространственность трех Ликов откровения постепенно превращаются в пространственно-временной континуум. Бог получает *бытие для Себя*, т.е., в известном смысле, «порабощается» развитием, и только оно может вновь сделать Его свободным. Поэтому прав Ангел Силезский, говоря:

Бог без меня
Не может дня прожить.
Не поддержи я с ним —
Испустит дух и Он.

Через саморазвитие, эволюционное восхождение форм Бог идет к Своей свободе от творения. При этом неким образом «накапливается» и Его восхождение на более высокую ступень сознания-бытия. Узнает об этом Бог сознанием сотворенных им существ, узнает — «хорошо ли» идет эволюция. На базе этих сознаний созидает себя, возвращаясь в себя, всезнание единого Бога. И этот процесс — творческий. Поэтому возникающее в развитии может быть и «плохим», отклоняться от идеальной цели, вступать с нею в противоречие. Именно благодаря этому и создается основа для развития свободы. Основой же этой основы является возникновение духовной формы, соединяющей в себе все три рода Божественного откровения. Поэтому в Первом послании Иоанна говорится: «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и сии три суть *одно* (единство). И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три пребывают (суть) *вместе* (согласно переводу Рудольфа Штайнера)» (1 Иоанн 5, 7–8). «Вместе» сказано потому, что они пока еще не являются единством.

Но кто они — эти три «на Земле»? Для богословия тут остается неразрешенная загадка. Рудольф Штайнер разъясняет, что это понятия, пришедшие в Христианство из мудрости древних Мистерий. В них астральное тело и душа ощущающая имели одно, так сказать, «техническое» название — «кровь», а душа рассудочная — «вода», душа же сознательная — «дух». Иоанн, таким образом, говорит тут о трех-

членной душе человека в ее соотносительности с Божественным Троицтвом. О том, «хорош» ли человек в этой своей душевности, Бог узнает по мере превращения ее во вместилище индивидуального высшего Я; и Он узнает об этом от него самого. А человек, который был «хорош» как творение Божие — это человек трехчленной телесности и того, что потенциально заключено в ней.

С этой телесностью дело обстояло так, что когда возник ее первый член, физическое тело (на древнем Сатурне), то ни в коем случае к тому акту творения нельзя отнести слова Бога: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему...» (Быт. 1,26). Что же касается земного плана, то он начался с того, что из великой Пралаи выступило на астральном плане некое единое образование. Это был человек. Затем части его, пришедшие раньше всего к оплотнению, стали царствами природы. На эти-то части он затем и нисшел на физический план своей трехчленной телесностью. Процесс этот шел лемнискатообразно. В узловой точке лемнискаты, в точке перехода в материальное, встало Я человека. И только ему дано восприятие обеих реальностей. И его нравственная оценка происходящего входит составной частью в нравственность духовного мира.

13.

В книге Бытия говорится, что человек был сотворен на «шестой день». До того мысли о сотворении человека в сознании Бога, Элоима, нет. Сотворив же его, Бог почил от дел Своих. Это значит, что мысль о человеке в высях, в Божественном Троицтве получила далее отклик в инобытии и там ступила на путь эволюции, сначала — как видовое образование, в котором архетипически дифференцировались «кровь, вода и дух». Возникла душа человека, Бог «вдохнул» ее в тело, и дальше она должна была развиваться в силу внутренне присущих ей закономерностей. Макрокосм неким образом овнутрился в ней. Так, можно сказать, впервые началась эволюция собственно человека.

Совершив откровение-овнутрение, Отчая Основа мира дала новому циклу развития субстанцию. В Ипостаси Св. Духа Она возбудила в ней процесс формообразования, но так, что эту работу начали опосредовать, брать на себя существа Иерархий, пробудившихся из состояния Пралаи для нового самосозидания. Это им в первую очередь нужен новый цикл эволюции. У него свои законы развития. Они неким образом зеркально противоположны характеру первооткровения. Бог из Своего неизреченного объективного овнутрился,

противостав Себе как Субъект в виде целого нового цикла эволюции. Из этого субъективного выступили Иерархии. Оно для них стало объективным миром. В него начали «всматриваться» они, в нем отражать свое субъективное, обретенное ими до эона Сатурна, чтобы развивать его далее.

Субстанция откровения также опосредуется существами Иерархий — Духами Воли — в ее служении развитию. В ней Отчая Основа мира проявляется Своей любовью, которая выражается в полном отказе Бога от Себя ради становления нового. Таков Божественный «максимализм». В силу его, субстанция с самого начала являет себя как физическое (не материальное) тепло с господствующей в нем тенденцией перейти на чувственно-физическую сторону бытия. Так возникает эволюция нисхождения.

Подступившая к субстанции Идея мира лишь постепенно утрачивала свой универсализм, будучи увлекаемой в инобытие силой нисхождения субстанции. Из их взаимодействия эволюционное нисхождение стало новой формой восхождения. В этом процессе в прошлых эонах не было и следа от мысли: «сотворим небо и землю» — или: «сотворим человека». Этого не было и в эоне Солнца, когда субстанция сделалась эфирно-физической.

Существа Иерархий отражались в субстанции. Она служила им средством самопознания через объективацию Я. Отражаясь, они «зеркало» изменяли, «моделировали» в нем свои сознания. Однако собственного сознания в нем не было. А значит, и знание о нем было только внешним, т.е., фактически, знанием Иерархий о самих себе.

Реальность высшего бытия возникает за счет положений, отношений и движения Я-существ. Таково сознание мира. Тепло-воздушная субстанция Солнца субъектом таких положений и отношений, конечно, быть не могла. Но было там нечто особенное. Это отношение между реальностью и иллюзией реальности. Понять его характер можно, привлекая в качестве сравнения процесс создания живописного полотна.

В первых двух эонах шел процесс, так сказать, заготовки холста, красок и кистей. И были творцы, в которых в самом общем смысле жила идея творчества, модифицируемая силой присущего им духа. Потом они начали творить. Когда произведение искусства возникает, то возникает нечто третье: его духовное, художественное, эстетическое содержание. Творец в нем реализовал часть высшей потенции своего духа. Но оно продолжает жить далее и само как объективная реальность.

Именно такой реальностью и стал человек в эоне Земли. Боги,

Иерархии впервые увидели, что это «хорошо» получилось, и «почили» от дел своих, а их творение, как это случилось у Пигмалиона, обрело самобытие, зажило собственной жизнью, обладая собственной астральностью, хотя и не такой, чтобы сразу как индивидуальность занять свое положение в мире космических интеллигенций. (Мы идем далее, оставаясь в рамках вопроса, поставленного в 12-м очерке.)

14.

В одной из лекций Рудольф Штайнер говорит: «Имеющий опыт в оккультизме знает, что искусства (в древности) не были тем, что вело людей к духовному. Напротив, они уводили людей от собственного спиритуального (которое в прошлом было групповым — *Авт.*). Искусства есть нечто такое, что возросло на *собственной* почве и основании человека на физическом плане».*

Земное творчество человека является отражением творчества богов. И оно есть эффективный метод индивидуализации. Оно служит эволюции, в которой восхождение осуществляется через нисхождение. В актах творчества человек обособляется от Божественного, чтобы снова прийти к нему на более высоком уровне.

Художественное мышление выше понятийного. У кого хватает непредвзятости, тот может убедиться в этом сам, пережив, например, что музыкальное мышление Рихарда Вагнера начинается там, где кончается философское мышление Шеллинга, Фихте и Гегеля.

В прошлых состояниях мира, в зоне Сатурна к творческому созиданию приступили существа 1-й и 2-й Иерархий. Благодаря им Идея нового мира начала свое воплощение, была приспособлена к новым задачам и новой структуре эволюционного цикла, созданной Серафимами и Херувимами.**

В зоне Солнца Идея приняла форму зеркала, но наделенного имманентным принципом жизни, однако это была всё же иллюзия бытия, поскольку в нем не было собственного сознания, творение богов еще не стало подлинным произведением искусства. Идея мира здесь еще не стала идеей инобытия. Прекрасное и грандиозное «изваяние» богов еще не стало человеком. Боги творят нечто такое, о чем они до поры до времени не знают, что из него получится, ибо знать о нем можно только посредством *его* сознания. С этой проблемой мы

*) Лекция от 10 июня 1904 г., прочитанная в Берлине. Записал Зайлер. (Из частного архива.)

**) См. об этом в 1-м томе.

встречаемся и в земном эоне, а именно в разговоре Христа с Пилатом, только здесь она уже становится направленной от человека к Богу. На вопрос Пилата: «Ты Царь иудейский?» — Христос отвечает: «Ты должен сказать это».* Первоначально же человек должен суметь сказать богам: я есмь человек.

До рождения сознания в инобытии, в сотворенном боги, так сказать, имеют лишь «мнение» о человеке. И впервые лишь Элоим Ягве, наделив тройную телесность человеческих монад Я, может узнать о том, что это было «хорошо весьма». В определенном смысле бессознательность в Мироздании «некрасива», ибо является отпавшей от Духа Святого**, она вненравственна, поскольку не имеет отношения к мировой любви. Так это выглядит со стороны чувственного, экзотерического бытия.

И в мире людей мы имеем дело главным образом лишь с их мнениями друг о друге. Поэтому так мало подлинной любви между людьми. Мы в других любим себя. Чтобы любить, нужно суметь взглянуть на другого человека его глазами. А для этого нужно быть способным в любви отождествляться с ним, забывать себя в нем. Таково искусство социальной жизни, в которой сходятся Я-люди.***

В мировом творчестве Иерархий положение радикально изменилось в эоне Луны. Здесь Отчая основа мира вполне явила Себя как Идея мира, как формирующее виды сознания существ сознание *самого* эволюционного процесса, имеющего, как цикл, свои границы, целостность и т.д. Явившись Св. Духом, Бог как бы провозгласил: Я есмь Альфа и Омега, начало и конец. И это стало формой *творимого* мира.

Тем самым были поставлены границы и действию жизни в мире. Троиединство стало основным законом развития. Именно развития, а не откровения, ибо *единство теперь перешло ко Христу, стало внутренним* и, естественно, *имманентным*. Единство откровения было внешним и принадлежало Отчей Основе мира (это также тема 1-го тома).

В Апокалипсисе о втором Пришествии Христа сказано: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око**** и те, которые пронзили Его;

*) Так сказано в Евангелии, если это правильно перевести.

**) Потому Фрейд и нашел в ней так много темного.

***) «Мнение» богов было не о людях, а о монадах, ставших потом людьми.

****) Способное, конечно, видеть сверхчувственное, ибо ведь не о материальных «облаках» здесь идет речь, чего не могут понять проповедники второго Пришествия Христа в материальном теле.

и возрыдают перед Ним все племена земные. Ей, аминь. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Апок. 1, 7–8). А чуть ранее мы читаем: «Иоанн семи церквям ... благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет. ... и от Иисуса Христа...»

Нельзя сказать, что всё тут тотчас же становится и понятным. Прежде всего, если Христос – Вседержитель, то кто есть Отец, пославший Его в мир. Или: что означает этот союз «и»: «и от Иисуса Христа»?

А речь тут как раз и идет о том, что «мир» – эволюционный цикл – с определенного момента имеет собственное единство, которое Отец передал Сыну. А единство – это «всё», оно является всеопределяющим. Поэтому Христос и говорит, что «всё» передала Ему Отчая Основа мира.

Правильно понять это можно, лишь совмещая планы первооткровения и инобытия как объекта творчества Иерархий. Вседержитель – это, прежде всего, конечно, Отчая Основа мира. Открывшись, Она явила Себя таковой в Ипостаси 1-го Логоса. Он – Вседержитель, поскольку всему в мире дал субстанцию, дал в Тронах (Духах Воли) основание, трон всякому бытию. Он держит и материю, а когда отступает от нее, она начинает распадаться.

В то же время, 1-й Логос введен в границы цикла в виде процесса формообразования Идеей мира, откровением 3-го Логоса. Наконец, Вседержитель в вечности, Отчая Основа мира, вошла в поставленные Ею же границы как самостоятельная, подверженная временному, метаморфозам Жизнь цикла. Именно она имеет прошлое, настоящее и будущее. Поэтому 2-й Логос – это тоже Вседержитель. Он дарует циклу его жизнь тем, что исходящую из Отчей Основы мира жизнь вечности удерживает в единстве с Идеей и Субстанцией цикла. И не просто удерживает, а постоянно осуществляет ее. Таков Он – Христос-Вседержитель.

Чтобы Его жизнь могла становиться жизнью Я-сознаний, находящихся в процесс эволюции, Он подчинил Себя жизни, протекающей на ступенях от низшей сферы не-бытия абстракции до высшей сферы жизни вечной «в Отце». Поэтому Христос есть Альфа и Омега нашего цикла.

Он наделяет бытие жизнью в соответствии с дифференцирующей и формообразующей субстанцию Идеей мира. Когда Он говорит ученикам, что пошлет им Духа Святого, то Он при этом имеет в виду, что, соединившись с Человеком, Он впредь станет

Сам наделять существ индивидуальностью. Прежде они индивидуализировались в процессе эволюции. Эволюция была главной целью. Но человек, следующий за новым Вседержителем, Христом, получает задачу из эволюции выходить (но также эволюционно), чтобы возноситься к вечности в Я Христа. Человек в таком случае не обуславливается эволюцией, а начинает сам обуславливать ее. В результате эволюции он стал, наконец, произведением искусства, над которым так много трудились Иерархии, и Дух Святой встает с ним в сознательное отношение. Он учит человека, как ему взять свое развитие в собственные руки. Именно такого, обновленного, Св. Духа посылает человеку Христос, и Дух этот должен разъяснять, почему Христос – Вседержитель. Этот новый Св. Дух и возвещает о Себе в Антропософии. Отказ слушать его отдаляет человека от Христа, искажает эволюцию человека; она тогда остается прежней, не ведущей к свободе, к индивидуальной вечности. И потому это грех непростительный.

Таким стало положение человека в мире после Мистерии Голгофы. Начало же ему было положено еще в зоне Луны. Благодаря Духам Движения человеческие эфирно-физические монады получили тогда астральное тело. Человеческое существо не стало при этом личностью, «душой живою», но начало проявлять зачатки психической жизни, присущей современным животным. В Макрокосмосе возникли зачатки еще одного субъекта.

После жертвы, принесенной Духами Движения, мир узнал о существовании человека в том смысле, что этот последний стал формой сознания, соединившей в себе все три основных принципа развития: субстанцию, жизнь и форму. Далее этому существу надлежало напечатлеть внутренний принцип единства.

Таким образом, наделение монад лунного эона собственным астральным телом положило начало становлению человека. Это становление уже в зоне Земли, будучи новой формой сознания и бытия, простерлось как в будущее, так и в прошлое. Ибо лишь с возникновением я-сознания человека новый свет пролился на прошлое мира и открыл, а вернее сказать, даровал ему еще один смысл, в который включено становление человека. Поэтому так своеобразно Рудольф Штайнер и характеризует героя финского эпоса Вяйнямёйнена, говоря о нем, что он «является творцом того члена человеческого тела, который пребывает за пределами рождения и смерти и небесное приносит в земное» (ИПН. 158, 9.04.1912), т.е. астрального тела.

15.

Отметим еще раз, что всё реально существующее в мире является сознанием. Однако не все его формы обладают самосознанием. Человек, будучи многочленным существом, лишь в одном своем члене, в низшем «я» пробился до самосознания. Остальное его существо растянулось по всему длинному пути эволюции, утопая во мраке бессознательного для «я» и не индивидуализированного сверхсознания для высшего Я. Задача развития человека состоит в том, чтобы стать самосознающим во всех членах своего существа. В этой работе первостепенное значение имеет для него астральное тело. Сила, приносящая его человеку, «состоит лишь из пребывающего, через которое пение и звучание вечного входит в мир» (Ibid.).

Обретя астральное тело в эоне Луны, человек, как мы сказали, стал фактом мировой эволюции, о нем узнали мировые интеллигенции, что сделалось залогом его вечности. В ходе инкарнаций именно в астральной субстанции, на разной ее духовной высоте, сохраняется квинтэссенция конкретного эволюционирующего человека.

Во всеобщей эволюции мира действием Ипостаси Св. Духа, т.е. высшей астральности мира, на Субстанцию Отчего принципа возникли и открылись многообразные формы сознания-бытия, открылись в движении, как мышление Универсума.

Когда человек обрел самосознание в чувственной сфере бытия, то в части его существа принципы Отца и Духа соединились, исключая принцип Сына, т.е. жизнь. Человек, таким образом, совершил своего рода попятное движение, был перемещен к началу цикла, где он служил некоего рода безжизненным аппаратом отражения для существ Иерархий. Только теперь отношение стало полярно противоположным: человек сам стал отражаться в том, в чем прежде отражались Иерархии. Так было положено начало человеческой индивидуальной эволюции.

Рождение человеческого самосознания в материальном бытии обладает определенной уникальностью. Оно, возникнув в первый раз в некоем смысле «по ту сторону» эволюционного цикла, возвращается туда при каждом своем новом рождении. А «той стороной» для него оказалось не то, что было до Сатурна, а некое абсолютно нулевое начало в Иерархии возможных сознаний (см. таб. 1 во 2-м томе).

Рождением такого пустого с точки зрения космической интеллигенции «я» было положено начало абсолютно новой формы сознания. И теперь в эоне Земли идет спор между богами о том, куда ему дви-

гаться дальше: восходить к духу Иерархий или неким образом стать началом иного цикла эволюции? Этот спор идет между нормально развивающимися и отстающими существами Иерархий.

Многообразны и глубоки основания, в силу которых боги допустили действие в развитии отстающих существ. Главное из них состоит в том, что без обособления в эволюции не было бы индивидуализации. Обособление же повело дух к нисхождению, оплотнению, отпадению от собственного смысла. Так сложилась эволюция восхождения к Я через нисхождение. Ее жизнь осуществляет себя через борьбу противоположностей, которая Жизнь неизреченного Бога из вечности низводит в становление. В силу этих необходимостей, своеобразия нашего развития, возникло в мире противостояние добра и зла. Рудольф Штайнер говорит по этому поводу: «Жизнь протекает в постоянном чередовании добра и зла, прекрасного и отвратительного и т.д. Это вещи, которые всегда противоречат одни другим. Мы сможем познать жизнь духа только в том случае, если не станем застревать в отдельностях, не будем наталкиваться на одни лишь противоречия, но поймем, что *противоречия означают жизнь!* ...если мы схватили одну мысль, то тотчас же должны искать другую, которая соответствует ей, но относится к ней так, как, скажем, голод к насыщению. Благодаря этому одна сторона мысли получает завершение через другую, подобно тому как это происходит в случае света и тени, позитивного и негативного. ... Итак, отметим для себя правило: к каждой мысли добавляй противоположную! И кто его соблюдает, станет постепенно способен жить в духовной жизни...»*

Таким образом, в овладении диалектикой понятийного мышления берет свое начало восхождение человеческого сознания в сферу духовного бытия. Но автоматически это не происходит. Необходимо принять решение: желаю ли я как мыслящий идти путем отставших, ариманических духов и углублять в себе их спор с высшими богами за начало новой эволюции или же я свободно стремлюсь войти в отношения с иерархическими интеллигенциями нормального развития.

К этому выбору сначала готовит нас обычная школа. Если ее воспитательная роль исполняется неправильно, то формирование астрального тела в человеке коррумпируется, «я» оказывается слабым, не способным на духовное познание. Человек терпит в известной мере *космическое* фиаско. Универсум не может идти далее в нем и с ним как абсолютно новым началом. Столь велика роль школьной педагогики.

*) Лекция прочитана в Берлине 14 марта 1904 г. (Из частного архива.)

А на смену ей далее, в ходе жизни должна приходиться начальная школа Духовной науки. На ее скамье решается задача наделения мыслящего сознания жизнью, его эфиризации. Человек тогда готовится к тому, чтобы переступить Порог сверхчувственного мира.

Астральное тело в человеке — это носитель целого ряда форм сознания, присущих биологической, душевной и духовной жизни: жизненным процессам, органам, процессам чувствования, мышления и воления. Пройдя по всем ступеням эволюции природы, оно в человеке в конце концов утратило связь со своей высшей сущностью — в рефлексии, однако и здесь проявляется как форма, обслуживающая проявления сознания.

Человек, низойдя по этой лестнице форм, должен по ней и взойти, взойти к осознанию всего астрального тела, к Манасу. При нисхождении же эволюции Манас высших существ прорабатывал астральное тело человека до той степени, что когда возник физический аппарат, который начал отражать импульсы духа, идущие к человеку, чтобы его метаморфизировать дальше, т.е. импульсы космического мышления, то оно эти отражения сделало осознаваемыми человеком, но лишь понятийно. Благодаря этому образовалось низшее «я», и оно как уже обретенное индивидуальное начало способно повести человека к высшему духу, к прямому осознанию астрального тела, к Самодуху.

При этом как с низшим «я» человек при его рождении был отброшен к началу цикла (реальность его сознания равна нулю), так при рождении Самодуха он окажется в начале эоны древней Луны. Восходя индивидуально по ступеням группового сознания, человек движется одновременно и вперед, и назад. Он достигнет состояния, в котором Манас впервые из Ипостаси Св. Духа вступил в эволюцию, а также — состояния эоны Юпитера. Так начинает он в эоне Земли эволюцию как Самодух-индивидуальность. Но всецело его собственной она может быть только благодаря Импульсу Христа.

Дело в том, что обретаемый в ходе совершающейся в мире эволюции Я-Манас — это лишь оболочка для, фактически, ничем не обусловленного Я-Манаса человека. Его дарует ему Христос, ведя его далее к Я-Жезнедуху, в котором Он Сам пришел на Землю. Мы имеем тут дело *с началом новой эволюции*. Она осуществляет себя путем отрицания, а метаморфозы прошлого, путем претворения всего прошлого мира в Я человека; тогда возникает будущее.

Люди, приходившие в прошлом в посвящении к Самодуху, переживали не свой Самодух, а Манас ведущего их Ангела. Этот Манас творил в человеке форму для его будущего собственного Само-

духа. В наше время мы вступили в фазу развития, где Христианство начинает осуществлять себя в отдельных людях таким образом, что новый Св. Дух не просто дает знание о Христе, а возводит человека к познанию Его в *высшем* сознании, т.е. к отождествлению с Ним в Самодухе.

Это обстоятельство должно наложить свой отпечаток и на весь характер школьного воспитания, управляемого развития человека в период формирования в нем эфирного и астрального тел. Такое воспитание должно вестись как бы в непрерывном диалоге воспитателя с индивидуализирующим действием Св. Духа в человеке.

Прообразом современной педагогики должен стать праздник Пятидесятницы. Некого рода *первичным Иерофантом* должен стать для ребенка школьный учитель, управляющий развитием его многочленного существа таким образом, чтобы оно во взрослом состоянии стало способным, особенно после прохождения через школу Духовной науки, к сознательному переживанию нисхождения на себя Св. Духа.

16.

Сколь бы высокой степени совершенства ни достигло школьное воспитание в нашу эпоху, результатом его всегда будет интеллектуальная личность. Но интеллектуальность эта в одном случае может быть, так сказать, безысходной, стать выражением остановки в развитии, а в другом – таить в себе большой запас сил, подвижности, пластичности, достаточный для того, чтобы человек смог метаморфизировать рефлектирующую форму сознания в созерцающую. Для этого требуется прийти к совсем иному состоянию трехчленной телесности, чем в первом случае.

Задача развития сводится, таким образом, к тому, как пройти через эволюционно неизбежную утрату сознанием жизни так, чтобы ее можно было потом вернуть.

Эволюционно Дух Жизни пошел за становлением человека вплоть до той границы, за которой Отчая Субстанция стала материей. И сознание Манаса там стало тенью самого себя. Тогда в Божественном мире встал вопрос: как спасти жизнь отпавшего сознания, если ни одно из иерархических существ, работающих лишь над *продолжением* эволюции, в мир материи вступить не может?

Физически-чувственная вселенная образовалась как сфера Отчей Основы мира, с которой Бог вступил в радикальное противоречие.

Субстанция, став материей, стала также формой бессознательного всеосознания.

Чтобы это противоречие разрешить, в центр его должен был встать принцип жизни всего эволюционного цикла. Рудольф Штайнер говорит: «... в Иисусе из Назарета воплотился Христос... в отдельной человеческой телесности сам Буддхи-Принцип явился на Земле».*

Таким образом, силой действия 2-го Логоса, Христа, носителя внутреннего единства эволюционного цикла, в его чувственно-материальной части, где индивидуально осознанным принципом единства является человеческое низшее «я», был впервые рожден Я-Жизнедух человека. Он рожден от Самого Бога. Он был напечатлен человеку не эволюционно, не через посредство Иерархий, как это зрело в прошлой эволюции мира.

Христос, пройдя через мистерию Голгофы, также и в чувственную часть Вселенной внес всеобщий принцип единства цикла, сказав: «Я и Отец – одно». А это ведь означает, что первооткровение Отчей Основы мира, с которого начался наш эволюционный цикл, *повторилось* в физически-чувственной части Вселенной! Потому мы и говорим, что Пришествием Христа внутри существующего цикла эволюции было положено начало *следующего цикла*, т.е. *новой эволюции*. Силой ее наш цикл будет возведен к октаве, но у нее уже в нашем цикле должно быть также и собственное содержание. Этим содержанием является человек, но не всякий, а тот, который «взял крест» своего развития на себя и следует за Христом.

Такого человека Христос делает причастным к внутреннему принципу единства текущего цикла. Более того, как Отчая Основа мира послала Христа в мир эволюции, чтобы Он там осуществлял Ее извечное единство, так Христос в человеке Иисусе послал человека в мир Отчей Основы мира, вручая ему прерогативу единствообразующего принципа. Что это, как не намерение Бога сделать богом человека? Получается, что в будущем человек будет иметь двух соправителей эволюционного цикла: Христа и самого себя. Как Отец «*всё*» отдал Сыну, так Сын намеревается *всё* отдать человеку. И это «*всё*» есть Жизнь сознания эволюционного цикла, а также Я следующего цикла. Не случайно Иоганн Таулер говорит, что «Христос есть возроденная в каждом человеке Вселенная. После Мистерии Голгофы она была внесена в человека, овнутрена в нем, ибо Бог стал Человеком.»**

*) Доклад прочитан в Берлинской теософской ветви 10 июня 1904 г. (Из частного архива.)

**) Это тема 2-го тома. См. там рис. 14.

Не следует думать, что человек станет «господом» над девятью Иерархиями. Те уйдут выше нашего цикла, и в значительной мере уже ушли. А то, что останется, — это будет вселенная человека, трех царств природы и сонмов элементарных существ. Всё это также должно когда-то слиться с Отчей Основой мира, встав на соответствующую высоту жизни сознания. А кроме того, оно будет множеством связей соединено с тем, что окажется выше его. И единством такой вселенной предстоит стать человеку как *непосредственно от Бога рожденному*.

Мировая жизнь шла вслед за мировым Духом на его пути вниз к моменту рождения человеческого самосознания. А после Мистерии Голгофы Жизнь встала впереди сознания Самодуха. Поэтому Иоанн Креститель и говорит о Христе: «Идущий за мною встал впереди меня».

17.

В одной из лекций, характеризуя христианскую мистику, Рудольф Штайнер говорит, что сначала, во времена гнозиса, ее называли матезисом. «Она была познанием мира в его целом, которое возводилось по типу математики».* Мистик стремился познавать жизнь в ее сути и изучал «законы всей жизни».

«Матезис» был, как мы знаем, методологическим принципом, которым в особенности занимались в древней пифагорейской школе. Пифагорейские Мистерии были одними из значительнейших в дохристианском мире. Поэтому нет ничего удивительного в том, что христианская мистика восприняла лучшие традиции древней эзотерики, дохристианского духовознания. Христианство, будучи новым началом в мире, возникло не на пустом месте и не за счет тотального отрицания всего прошлого.

Христианских мистиков много волновала проблема понимания единства Бога, открывшего Себя в трех Ипостасях. В понимании природы откровения Бога они надеялись найти ключ к пониманию человека.

Мистик смотрел в небо, в пространство и говорил себе: я понимаю законы, по которым оно возникло и существует, и стараюсь действовать сообразно им. Мысль, живущая во мне, есть сила, со-

*) Лекция была прочитана 29 окт. 1904 г. в Берлине и называлась «Христианская мистика». Записана Матильдой Шолль. (Из частного архива.)

зданная по образу мирового духа. И потому сам я живу по образу вышней, мировой жизни. Дух, творящий во Вселенной, — это он «намыслил» во мне свои законы. В моем мышлении этот дух празднует свое самопознание и свое новое рождение; он празднует их в моем, человеческом духе.

Но христианский мистик не забывал и о различии между мыслью в нем, субъективной мыслью, и мыслью в Мироздании. Человеческое тело он рассматривал как соединительный член для этих двух видов мышления. Мысль ,творящую вовне, он называл духом, а то, что эту мысль ощущает, — телом. А то, что мыслью живет, он назвал душой. Таким образом, он считал, что «дух является творцом мыслей, тело — это восприниматель мыслей, а душа — переживательница мыслей».*

Эта триада человеческого существа, думал далее мистик, является выражением триады Существа Бога. Творец мира не познаваем непосредственно, хотя Он присутствует во всех вещах. И Он приводит мир в движение, чтобы он восходил ко всё большему совершенству. Бог есть «Пра-движитель» мира, но Сам Он пребывает выше движения. Он есть «неподвижный Движитель»**, и нужно познавать Его пра-силы, живущие во всем.

Неподвижный Движитель притягивает нас к Себе. Но как в нас возникает стремление к нему? — Благодаря Слову, Логосу. Он есть *стремление* человека к Творцу мира. А то, что в этом стремлении осуществляется, было в начальный период Христианской мистики названо Духом, Святым Духом. «Стремящееся — это Слово. У гностиков и у Августина Св. Дух — это формирующая Мироздание мысль. То, что является стремлением во всех вещах достичь облика Духа, называется Логосом, Словом. Третье же — это Сам неподвижный Движитель». Его назвали «Отцом»***

Далее Рудольф Штайнер рассказывает в цитируемой нами лекции: «Первые Христианские мистики говорили: Бог являет Себя в трех масках (слово «маска» тут происходит от слова *persona*, персона) ... или в трех Персонах Божественного Духа. Под этими масками являет Себя Дух в Универсуме».

Три составные части имеет и живущее в человеческой душе. В первую очередь, это ощущение — «великий движитель» в человеке, «великий оплодотворитель». За ним идет то, что вспыхивает в душе

*) Там же.

**) Этот термин был взят мистиками у Аристотеля.

***) Лекция от 29 окт. 1904 г.

как представление. Душа получает его извне. Душа, пребывающая в покое и дающая внешним впечатлениям возбуждать в себе ощущения, — это «мать». Сумма впечатлений, которыми Универсум возбуждает в ней ощущения, является по отношению к душе мужским началом, душевно-мужским. Это «отец». Так рассуждали мистики, переводя на язык образов высшую мудрость мира.

То, что дает себя оплодотворять, — говорили они далее, — это является «душевно-женским», «вечной женственностью», как об этом говорил Гёте. «А то, благодаря чему человек осознает самого себя, мистик называет «сыном»».*

А далее мы получаем следующее: «Если человек дает ощущениям оплодотворять свою душу, то из души он как сын еще раз рождает всю Вселенную. И этот, рожденный из души как из матери, Универсум мистик называет Христом. Человек, приближающийся как к идеалу ко всё большему осознанию Универсума, приближается к тому, что мистик называет Христом в человеке».**

Троичность эта существовала и в древнем Египте (Озирис, Изид, Горус), и в Индии, и в других частях света. Христианин представление о Боге как о трехипостасном Существом получил из Евангелий. Осмысление этого представления в истории Христианства оторвалось от эзотерических традиций прошлого и приняло сложный, противоречивый и даже трагический характер. Представление же это — в первую очередь *эзотерическое*, и свое происхождение оно ведет из дохристианских Мистерий, а в Христианстве наполнилось новым содержанием, которого без Духовной науки раскрыть нельзя. Христианские мистики — это, собственно говоря, представители эзотерического Христианства. Поэтому они занялись познанием Божественной Троицы, развивая учение о Ней как краеугольное в христианском вероисповедании и, естественно, в христианской мистике. Они признавали и хорошо понимали значение пифагорейского метода в своем познании. И потому им удалось на уровне высших законов существования Мироздания понять принцип сотворения Богом человека как образа и подобия Своего, привести в неразрывную связь тринитарный характер откровения Бога с тринитарной природой человека.

Если бы достигнутое ими не было со временем утрачено церковью в ее чрезмерной конфронтации с эзотерическим Христианством, то не случилось бы того большого несчастья, какое вызвал в жизни

*) Там же.

**) Там же.

христиан 8-й вселенский собор (константинопольский), на котором было упразднено представление о трихотомии человеческого существа, упразднено, фактически, его богоподобие.

Что же касается представления о единстве Бога, то оно в христианской теологии остается туманным, невыраженным. Единство трех Ипостасей понимается как их единство *в одной из них*, в 1-м Логосе. В католических церквях и сегодня в воскресной мессе возглашается: Всесильный Отец, «с Твоим единокровным Сыном и Св. Духом Ты есмь один Бог, один Господь; не так, чтобы Ты был одной Персоной; Ты более того, один-единственный в трех Персонах».

Незавершенность этого кредо состоит в том, что в нем остается не выявленной Ипостась Бога Отца. «Один-единственный в трех Персонах» — это абсолютно верно, но в целом получается, что «Отец» — это и Персона, и единственный Бог.

А ведь это вопрос был правильно решен еще в конце II в. по Р.Х. Тогда возникло одно богословское направление, получившее название «монархианство» (от слова *monarchia* — единство). Оно разделилось на два течения; представителей одного из них стали называть «модалистами» (*modus* — форма, явления). У модалистов существовало вполне определенное и ясное представление о том, что Бог — один и един, но открывается Он однажды как Бог-Отец, а другой раз — как Бог-Сын и в третий раз — как Бог-Св.Дух. Учение модалистов было отвергнуто церковью из-за некоторых интерпретаций, которые они вывели из своего главного, несомненно верного представления.

Пользуясь преимуществами, предоставляемыми познанию антропософской методологией, мы предприняли в 1-м томе попытку показать, что Отчая Основа мира должна быть рассматриваема столь же реально, сколь и три Ее Ипостаси, но ни в коем случае *не ипостасно*, а как Источник ипостасности.

Единый Бог пребывает выше всех определений, а Его Ипостаси — это три Его субъективации, три Его Персоны — единосущные и в то же время обладающие всей полнотой реальности откровения Отчей Основы мира: самобытием и самосознанием в их наивысшем явлении в нашем цикле эволюции.

Этого, кстати сказать, недопонимали модалисты, утверждавшие, что единый Бог, а не Христос страдал, спасая человечество. Им тогда, на заре эры Христианства, еще было не дано понять, что Отчая Основа мира, передав «*всё*» Сыну, передала Ему и принцип единства. Поэтому верно: страдал единый Бог, но это был единый Бог нашего эволюционного цикла — Христос. И вот Христос, действительно, *проявляется в этом цикле и как Ипостась, и как единый Бог*. Было бы

это своевременно понято, то не было бы той ужасной вражды, споров и расколов, так ослабивших и исказивших историческое Христианство.

Являясь в каждой из Ипостасей, Отчая Основа мира способна проявить всю Свою безграничность, но Она не делает этого, чтобы тем самым не упразднить, не пресечь Свое откровение. Являясь ипостасно, Она делает возможным развитие. В нем все три Ее Ипостаси исходят от Нее, но, вступая в действие, а не сущностно, они исходят от Христа. В действии Св. Дух не может исходить от Ипостаси Бога-Отца. Он идет *навстречу* Ей как Идея мира, формируя субстанцию, даруемую Отцом. Сын наделяет формы бытия протекающей во времени жизнью. А как единый Бог, Христос ведет существ цикла к вечной жизни в Я Отчей Основы мира.

Бог открылся для эволюции, чтобы творить новое. Для этого Триединство должно было выйти из своей единосущности и принять иерархический характер. Это выразилось в различной жертвенной удаленности Ипостасей от источника их единства. Отчая Основа мира, с одной стороны, высылает в мир Свои Ипостаси, дает Им «отдалиться» от Себя, а с другой — «притягивает» их к Себе. Так динамично эти два универсальных действия, а лучше сказать, интенции и выражают природу мирового единства. Оно в развитии не дано раз и навсегда, а постоянно разрушается и восстанавливается. И существам мира дано в разной степени делать то и другое. Потому в мире возник дуализм, противостояние добра и зла, состояния активности и пассивности, сознательное и бессознательное.

В мире существует два вида добра: изначальное и вторичное, возникающее из претворенного зла. Вторичное добро — это добро индивидуализации. Оно невозможно без отрицания первичного добра.

18.

Все три Ипостаси суть однородные Сыны Отчей основы мира. Но их роли в эволюции разные. Они берут их на себя в качестве актов свободного самоограничения, хотя возможности Ипостасей безграничны. В определенной мере свободное самоограничение присуще и иерархическим существам, и при этом они «многофункциональны». Высшие из них могут в эволюции делать практически всё, но делают то, что нужно. Потому так трудно строго классифицировать их деятельность.

В духовнонаучном познании мы должны учиться пользоваться

языком эзотерики, понятия которой «ситуативны», т.е. не относительны, а отвечают многоплановому действию мировых законов, которые однажды проявляются в рефлексии, другой раз — в созерцании, в третий раз — в имажинативном сознании и т.д., будучи в своей сути одними и теми же законами. А сами законы — суть формы мышления и бытия Иерархических существ.

Все три Божественные Ипостаси, поскольку они открылись для творения, деятельны, но Ипостась Отца мы называем «неподвижным Движителем», что понять совсем не просто. Это такое движение, в котором духовная сила лишь отдает себя. Такой характер носит Субстанция мира, и такой характер присущ эволюции чистого восхождения. Но чтобы стало возможно инобытие, нужен «подвижный движитель», сила, которая, формообразуя, в некотором смысле замыкает сотворенное и уводит его от Бога. Такой характер носит эволюция восхождения через нисхождение. Нисхождение вызывается тем, что ставшие формы тотчас же «окаменевают», в них мировой Дух теряет свою подвижность, они даже материализуются. Так Субстанция встает в полярную противоположность с самой собой: абсолютная жертвенность становится столь же абсолютным эгоизмом, миру добра противостаёт мир зла. Тогда приходит третья сила — мировая Жизнь. Ее любовь столь же высока, как и любовь Ипостаси Отца, но Она дает ей форму Я. Вроде бы, замыкает ее, наделяет признаком эгоизма, но это эгоизм вселенский, «эгоизм» мирового Я. Он с любовью объемлет всё, всегда оставаясь Я-сознанием. Человек восходит по его ступеням.

Эволюция целого эона дает человеку одно состояние сознания. В своем становлении оно проходит через разные состояния жизни и формы, проявляя в них тенденцию обособляться и даже отпадать от Божественного, выпадать из жизни. Такова цена его завершенности. «Вероятно, можно сказать, — замечает по этому поводу Рудольф Штайнер, — что состояния жизни (рунды) и состояния формы (глобы) — это лишь оплотневшие (сгустившиеся) состояния сознания или также — пассивная сторона активного сознания...»*

Мы имеем, таким образом, активное сознание 1-й Ипостаси, которое деятельно лишь в отдаче себя и «неподвижно» в смысле деятельного формообразования. Идея, напротив, деятельна в формообразовании, но приводит формы в конце концов к неподвижности, к умиранию в силу остановки в них деятельного сознания. Так действует Ипостась Св. Духа. Не следует думать, что она несет формам

*) Лекция от 5 ноября 1904 г.

смерть. Нет, она просто поставила Себя «по эту» сторону откровения и с этой стороны отражает Ипостаси Отца сознание-субстанцию. Ибо «с той стороны», где открывается Отчая Основа мира, формообразование исключено. «Подвижный Движитель» как Ипостась Св. Духа, противопоставивший Себя «неподвижному Движителю» Отца, — это есть высший Манас мира.

Низойдя по ступеням эволюции до человека, этот Манас породил отражение и в нем. И если между Отцом и Духом мы все-таки имеем отношение, а не противоположность, то в мыслящем сознании человека это только противоположность, и в своем крайнем выражении. Эта крайность состоит в том, что мировой Манас наполнен Жизнью Христа, а в человеческой рефлексии он — лишь тень.

Ценность мыслящего сознания человека состоит в его завершенности. Как в своем роде совершенная форма мирового сознания, оно может быть метаморфизировано в нечто высшее. А высшее для него состоит в обретении жизни. Тогда «тьень» Манаса становится началом человеческого Самодуха. А поскольку мировой Манас, став рефлексией в человеке, умер, то его воскресение в нем есть рождение *нового*. Это рождение-воскресение, которое невозможно без участия Христа. Поэтому мы говорим, что Он посылает человеку «нового» Св. Духа. Восходя от человеческого сознания, мировой Манас обретает новую жизнь, которая всецело даруется Христом. То есть это не вечная жизнь Отчей Основы мира, так сказать, «приспособленная» к тому, чтобы стать жизнью пространственно-временного развития, а жизнь грядущей Вечности, в которую восходит цикл эволюции как *иное*. И в то же время, в его восхождении Отчая Основа мира возвращается в Себя. Таким образом и Она получает развитие.

И как бы удивительно это ни звучало, такой великий процесс начинается с приходом рефлектирующего сознания к сознанию созерцающему.

Созерцающее сознание — это еще не ясновидение, но с помощью его можно познать то, что для рефлексии остается непознаваемым, а именно — бессмертие души и свободу. Мы подчеркиваем: *познать, а не понять уже познанное*, что доступно и рассудку.

Гёте, созерцая природу, постоянно упражнял в себе созерцающую силу суждения. Кант же называл ее «авантюрой рассудка», видел в ней нечто демоническое. Такой она кажется ариманическому демонизму рефлексии. Как говорится, демон демону рознь. Известен даймон Сократа, а есть бэконовские «демоны пещеры».

Созерцающее сознание приводит к эфиризации, к оживлению

мышления. Эфир, говорит Рудольф Штайнер, «это не что иное, как тонкая субстанциональность, которая повсюду так проодушевлена (астрализована — *Авт.*), что в ней действуют текущие мысли; мысли в действительности извне наполняют эфир. Лишь таким способом, через (специальную) выработку сознания достигают того, что действительно должно быть названо эфиром. Но тогда достигают также интимного отношения между собственной душой и окружающим миром. В чувственном созерцании никогда не прийти в такое интимное отношение с окружением, как в переживании созерцающего сознания, которое действительно не имеет никаких границ между внутренним и внешним, где вливается и выплывает — в собственную душевную жизнь и из собственной душевной жизни — то, что является наполненным мыслями эфиром.

И только когда вступают в это созерцающее (видящее, смотрящее) сознание, могут приходиться к высшему самосознанию» (ИПН. 66, 31.3.1917).

Так идут в Мироздании навстречу друг другу два антипода: Бог и человек. Оба переступают Порог: Бог — вечности, человек — временного мира. Встречаются они в сфере Христа, Который полярность претворяет в богоподобие (человека).

Жизнь Христа рождается в существах и формах как синтез пассивного и активного начал. Он всегда идет туда, где формообразующая деятельность Св. Духа соединяется с Субстанцией Отца, где возникают новые формы бытия. Ипостась Сына, 2-й Логос наделяет их жизнью цикла эволюции. Одной из таких форм стал человек, но потом, когда начало формироваться его индивидуальное сознание, он выпал из жизни мира. Чтобы его в нее вернуть, Бог должен был войти в это состояние формы и Своим Я занять то место, которое в новом человеке занимает его низшее «я». Чтобы такое деяние стало возможным, в Иисусе из Назарета должно было жить Я, обладающее чертами воскресающего Манаса, т.е. Самодуха. И именно таким было Я великого посвященного Заратустры, вошедшее, как мы знаем, в Иисуса из Назарета на 12-м году его жизни.

Сила такого человеческого «Я» состояла в его причастности к Отчему принципу, в способности «идти к Отцу», принести себя в жертву высшему. Оно уже жило по законам эфирного мира. Оно могло создать форму, в которой силой Христова Я могла начаться совершенно автономная, новая высшая индивидуализация человека. Действием Христа был образован некоего рода мост между человеком и Отчей Основой мира.

19.

Основополагающим для понимания единой чувственно-сверхчувственной реальности является знание о том, что «весь мир — это мысль»*.

Надмирное сознание открывает себя как акт Божественного мышления, которое троякого рода. Единый Бог, мыслящий о носителе Своего мышления, — это и Сам носитель, Субстанция. В диалоге с Собой, в котором Он, как мыслящий мир, открывается как Идея мира, Он полагает начало формообразованию идей, образованию мыслеформ. Наконец, Он наделяет их самобытием, принципом самодвижения — собственной жизнью, жизнью в их инобытии.

Эволюционируя, мировая мысль доходит до своего предела: она утрачивает самобытие и подступает к границе первооткровения, но, неким образом, «с другой стороны». — Если мы представим себе откровение в виде круга, то его центр является его источником. Из него Божественная Основа мира эманурует Себя. Ограничивая Свое откровение, Она являет Идею мира. И это есть окружность. Поскольку откровение совершается в лоне неизреченного Бога (является Его овнутрением), то «по ту сторону» окружности мы имеем, по сути, то же самое, что являет себя и в центре круга: мировое Аتما. Оно и задает границы мира, простирающееся от его центра до окружности ... чего? — До окружности материальной вселенной. Ибо минеральное царство — это то же Аتما, но явленное как своя собственная полярная противоположность.

Минеральное царство обладает сознанием первооткровения, но оно никогда не вберет его в себя, *отдаляясь* от центра откровения. Ибо утраченная на этом пути жизнь никогда не может быть вновь обретена. Ее ему может вернуть только человек. Он является *посюсторонним* сознанием минерального царства, и это сознание, обретая жизнь, даст толчок минеральному к возвращению в точку откровения.

Рудольф Штайнер говорит, что «материя сама по себе не может быть воспринята, а только ее качества: звук, цвет и т.д.»** Иными словами, человеку дано воспринимать то, как ограничивает само себя безграничное единого Бога, его сознание. Законы Божественного мышления открываются человеческому мыслящему сознанию. И это — все законы материального мира, но также и надматериально-

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 11 ноября 1904 г. (Из частного архива.)

***) Лекция от 22 окт. 1904 г. (Из частного архива.)

го, какими они проявляются на этой, последней, границе откровения.

Человеческое рефлектирующее сознание имеет своей подосновой Атма Отчей Основы мира. Внося жизнь в абстрактное мышление, человек полагает начало сворачиванию откровения, его возврату в исходную точку. На этом пути он всё физически-минеральное «своими мыслеформами преобразует. Это составляет его задачу: минеральное царство спасти, излить (в него) свой дух, преобразовать его своим духом»*, взобрать его в себя.

Он может это делать только путем своей дальнейшей индивидуализации, овладевая высшим Я. При этом свой «центр каждое существо может получить лишь благодаря тому, что жизнь делается сознательной»**. Поэтому когда жизнь вносится в мышление, когда сознание делается созерцающим, то центром человеческой личности становится истинное Я.

В результате мы получаем картину того, как соотносятся между собой две мировые и главные троичности: наивысшая, трехипостасная, и самая низшая, человеческая. При их соединении образуется символ Св. Грааля, в центре которого незримо присутствует принцип Я. Содержание Духовной науки и ее методология позволяют раскрыть глубокий смысл этого символа, и он тогда являет нам суть эволюции мира и человека (рис. 2).

Лемнискатообразно происходит взаимодействие обеих троичностей. И хотя оно глубочайшим образом коренится во всеобщей эволюции, но ей не принадлежит. Это лемниската индивидуального духа. В ней главное — не этапы развития, а уровни сознания. Между ними, конечно, существует взаимосвязь, но индивидуальная эволюция духа — это нечто иное, чем скажем, эволюция видов. Она означа-

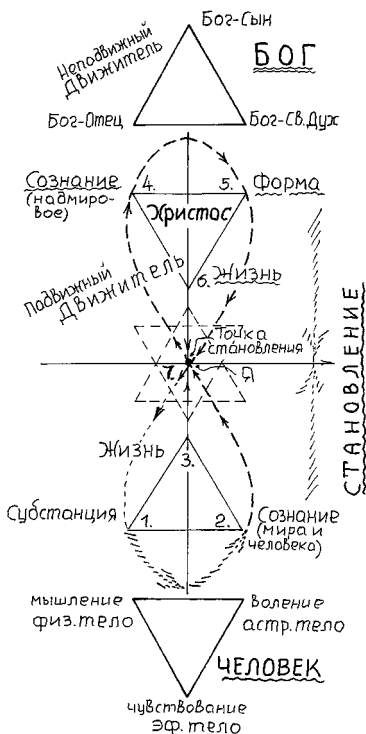

Рис. 2

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 9 ноября 1904 г. (Из частного архива.)

**) Там же.

ет *выход* из эволюции видов. В ней приходит к явлению суверенный человеческий дух. Да, он рождается в оболочках эволюционного, но его сущностное — от единого Бога.

Эволюционно зарождение человека было вызвано тем, что надмировое сознание, персонифицировав себя в существах Иерархий, получило возможность познавать себя в отражении, которое стало его инобытием. Далее произошло сгущение этого последнего, его отдаление от источника причины своего возникновения, и обретение им собственной жизни, саморазвития.

Когда человек развил самосознание, то начался другой род его развития. Три гуны приняли в нем характер его мышления, чувствования и волеизъявления. Человек в самобытии сознания сводит их в единство своим низшим «я», имеющим, в той мере, в какой оно существует по милости рефлексии, направленность прочь от единства мира.

Обращение к духопознанию полагает начало изменению характера этой направленности, но чтобы реально изменить ее, необходимо метаморфизировать форму сознания, форму «я». Это совершается таким образом, как было показано при описании теоретико-познавательной лемнискаты. Поскольку такая метаморфоза осуществляется в пределах эволюционного цикла, то всеопределяющую роль в ней играет единый Бог цикла — Христос. Только Он способен привести человека к Отчей Основе мира.

Такая метаморфоза может начаться только во взрослом человеке, уже имеющем низшее «я». Потому он должен найти в себе силы посадить себя на школьную скамью Антропософии. Большую помеху для принятия такого решения создают ошибки предыдущего школьного воспитания, которыми коррумпируется соотношение и взаимодействие телесных оболочек, дисгармонизируется трихотомия человеческого существа.

В школьные годы совершается великая метаморфоза *мирового мышления о человеке в его собственное мышление*. Оно возникает для того, чтобы человек начал *со-мыслить* со своими творцами. Перед ним встает задача понять, что окружающий его чувственный мир — это сгущенный дух, оплотневшие мысле-формы. Одной из таких форм является низшее «я» — оплотневшая форма мышления его высшего Я. Другие формы того мышления выражаются в разных видах выпрямления: физического, психического, индивидуального, — в речи и т.д.

Благодаря выпрямлению, способности двигаться в пространстве земного бытия, через овладение речью доземное мышление становится мышлением земного «я».

Совершенно очевидно, что у разных людей процессы эти совершаются по-разному, будучи обусловленными большим комплексом причин, многообразии которых есть благо для человека. Их нельзя унифицировать. В их число входят индивидуальные задатки, предрасположенности, национальное и расовое происхождение, среда обитания: природная, социальная, культурная — и многое другое.

Обусловленность человека средой огромна, но ее назначение — лишь способствовать завоеванию человеком своей самообусловленности. Процесс этот продолжительный, выходящий за рамки одной инкарнации. Однако и в одной можно достичь очень многого, изменить даже космическую направленность индивидуального развития.

В триаде земной индивидуальности, которую мы показали в нижней части рис. 2, заключены как богоподобие человека, так и его самая крайняя оппозиция Богу. В таких пределах движется человек через земную инкарнацию. Поэтому значение в ней воспитания и самовоспитания невозможно переоценить. Через них, ими задается, по сути, также и генеральное направление цивилизации человечества, а через нее оказывается влияние на всю эволюцию мира. Об этом нужно думать каждому человеку.

20.

Огромное число факторов земного и космического человеческого развития соединяет в себе, сводит в единство общая лемниuskата эволюции человека. Первоначально эта лемниuskата слагалась в единство, объемлющее собой всё человечество. С того момента, как в человеке рождается индивидуальное «я», перед ним встает задача в своем *отдельном* бытии подняться до высоты общечеловеческого.

Родившись на Земле физически, человек получает задачу родиться затем еще раз: как индивидуальность из культурно-исторического лона человечества. До рождения в отдельном физическом теле человек пребывал в духовном зародыше физического тела человечества — в Аتما-теле и в сознании мирового единства. Через рождения отдельных людей этот зародыш как бы выворачивается на другую сторону: из мира сущностного единства в мир многообразия явлений, явлений сущности. И тогда получается, что «духовный зародыш человеческого физического организма — это, так сказать, универсум безмерной величины, хотя говорить в собственном смысле слова о «величине» тут было бы не совсем верно» (ИПН. 219, 26.11.1922).

В бытии до рождения человек, обладающий ныне и там значи-

тельными чертами отдельного бытия, продумывался существами Иерархий. Его «отдельное» при этом обусловлено наделенностью трехчленной телесности общечеловеческим Я. Воплощаясь, он как бы «выпадает из рук» этого Я и «погружается в земные физические силы, которые родственны ему и приходят от отца и матери. Он соединяется с человеческим потоком наследственности. ... И мы в это время стягиваем (для воплощения) из мирового эфира силы и субстанции... и в дополнение к нашему астральному телу и я (которые теперь связаны с земным выражением Атма-зародыша. — *Авт.*) образуем наше эфирное тело» (Ibid.).

Так совершается процесс выворачивания космически-универсального человечества на сторону человечества, эволюционирующего на земном плане, что сопровождается дифференциацией отдельного из всеобщего. Она совершается благодаря тому, что вместо космического мышления о себе человек развивает собственное мышление о Космосе и о себе в связи с Космосом. Мышление в инкарнации развивается постепенно, оно «пронизывает чувство (которое рождается раньше. — *Авт.*), пронизывает волю (инстинктивную. — *Авт.*), и так чувство и воля делаются совершеннее (т.е. индивидуальнее. — *Авт.*). Но они у ребенка уже имеются. Напротив, мышление является чем-то таким, что ребенок впервые вырабатывает на Земле, в связи с другими людьми, что он некоторым образом вырабатывает благодаря учительству других людей. Так же обстоит дело с ходьбой и речью, усвояемыми ребенком до мышления» (Ibid.).

Путем овнутрений и объективаций, совершающихся лемнискатаобразно, движется вперед эволюция индивидуального человека. Периодически она то ввергает его в материальный мир, то возносит в сферы духа. Этот процесс подобен процессу физического дыхания, которое является его отражением. Кроме него человек обладает и более тонкими видами дыхания, например световым или дыханием мышления. Тут имеет место такая взаимосвязь: через дыхание мышление Космоса становится человеческим мышлением.

Человек дышит также и своими органами чувств. Такое дыхание, порождая в человеке идеальные противоположности полученных восприятий, ведет к выработке представлений. Чистые идеи человек, собственно, также вдыхает и выдыхает, объективируя себя в форме суждений. Он выдыхает себя в мир космической интеллигенции, но она не воспринимает его по той причине, что он это делает на периферии откровения и в сторону, «противоположную» от его центра. Индивидуальная духовная эволюция начинается с лемнискатаобразного поворота уже не процесса, а самого *характера* мышления от перифе-

рии к центру мирового круга. Центростремительность человеческого эгоцентризма должна при этом смениться на центростремительность мироцентризма. Это называется нравственным прогрессом.

Но всё это делается возможным после физического рождения на Земле. Тогда происходит выдыхание макрокосмического существа человека в чувственную часть Вселенной и одновременно овнутрение в ней. Так человек имитирует первооткровение Бога.

Овнутрение физического тела нового человека возникает в форме овнутрения тела матери, а оно есть физическое выражение сил круга Зодиака и опосредует действие этих сил на зреющий эмбрион.

Рождаясь физически, человек переживает свою объективацию — выдох в мир чувственной вселенной. Тогда начинается его обмен с внешней средой в форме дыхания, питания — восприятия в широком смысле. И это нужно понимать и как процесс мышления, в котором угасающее в своем действии непосредственно творящее космическое мышление идет к своему превращению в формы жизненных процессов, из которых оно затем восстанет вновь в своей чистой духовности, но как тень самого себя, как рефлексия.

От рождения и примерно до 21 года человек входит в лемнискату индивидуального змного становления. Далее на смену этой лемнискаты должна прийти лемниската чисто духовного становления. Это и есть теоретико-познавательная лемниската. Она отличается от предыдущей тем, что в ней нет ни природной, ни какой-либо иной необходимости. В ее развитие человек может войти лишь по свободному решению. В то же время, она имеет для человека судьбоносный характер. И поймет он это или нет — зависит от процесса его онтогенеза в предыдущей лемнискате (рис. 3), который во многом формируется благодаря «учительству других людей».

Ну а само «учительство» имеет в первую очередь дело с формированием основ собственной трехчленной души человека*, того, что в большей своей части носит архетипический характер, что напечатлено человеку еще в прошлом зоне. Ныне архетипическое всё более делается «рукотворным». Человек вступил в эпоху великого мирового перелома, где гигантская эволюция прошлого достигла цели своего нисхождения, породив в человеке самосознающее «я», и теперь начинает восходить. Но тут обострился спор космических сил относительно дальнейшей эволюции мира. Его исход дано в известной мере решить человеку путем свободного выбора пути Я. Поэтому мировая

*) Что, естественно, оказывает огромное влияние на развитие трехчленного тела.

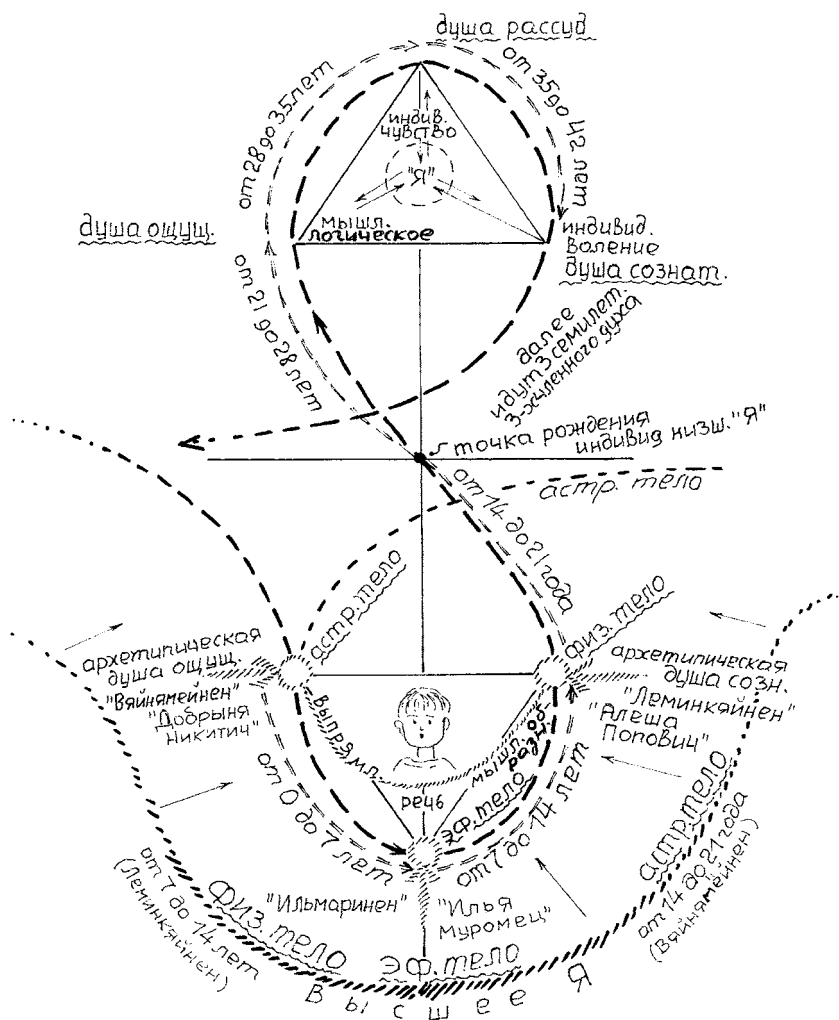

Рис. 3

борьба с особой силой идет на этапе формирования человеческой личности, в системе школьного воспитания, но также и в социальной сфере обитания взрослого человека. Первостепенным значением при этом обладает, естественно, этап первичного становления человека. Если человечество не обновит педагогику в смысле духовного возрождения, то тем самым оно поставит под вопрос всё свое дальнейшее существование.

21.

Положение: современное человечество находится в такой фазе своего развития, где поставлено под вопрос его дальнейшее существование, — образует парадигму любого общественно значимого, претендующего на глубину, системного размышления. Это вызвано четырьмя видами причин. Познавая их, мы можем дать им образное выражение, вновь привлекая на помощь уже многократно использованную нами чаще-образную форму как чувственно видимый образ (символ) эволюции мира. Эта форма, как мы помним, изображает весь эволюционный цикл, состоящий из двух частей: нисходящей и восходящей. В самой нижней, центральной и осевой точке чаши эволюции всё, что вело эту последнюю к нисхождению в материю, начинает претерпевать тотальную метаморфозу и благодаря ей восходить к духу.

Человек на своем пути к самосознанию, к первой форме своего «я», рождающегося в условиях чувственной реальности за счет понятийно мыслящего сознания, пришел ныне в эту точку. В ней же единый Бог эволюционного цикла, Христос стал Человеком, и тем самым Он положил начало не просто восхождению, но новой эволюции, нового ее цикла. Его первой половиной будет завершение второй половины существующего цикла. Но это будет не просто «исполнением» того, что закономерно осуществляется уже давно, но творчеством, созданием нового путем претворения старого.

Таковы две первые из указанных выше причин: обусловленный объективными законами эволюции ее гигантский перелом и творение нового единым Богом эволюции как Сыном Отчей Основы мира. Это Свое творение Он начинает с человека.

Другие две причины обусловлены действием отстающих в эволюции существ Иерархий. Они были вызваны к бытию потребностями старого развития, где восхождение достигалось за счет нисхождения. В эволюции чистого восхождения они не находят себе места, поэтому люциферические существа пытаются эволюцию от точки перелома повернуть вспять, а ариманические — тоже начать новый эволюционный цикл, беря за исходную точку форму

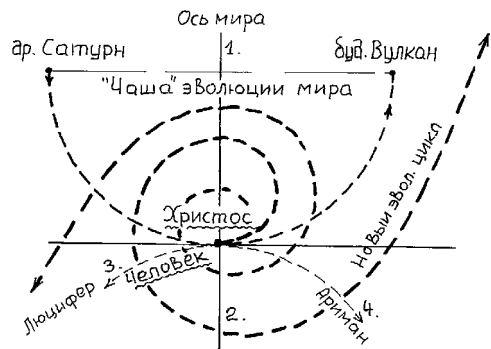

Рис. 4

низшего «я» человека, его рефлектирующие сознание и двигаясь с ним далее вниз, прочь от мира Божественных Иерархий нормального развития (рис. 4) и отрицая всё прошлое мира.

В центр такой, показанной на рисунке, формы креста, или той формы мировой структуры, какую она принимает благодаря индивидуальности современного человека, поставлен этот человек. Центр этого креста является одновременно и узловой точкой мировой лемнискаты развития человека, которую мы показали на рис. 3, или также двойной спирали развития.

В этой констелляции всё будущее человека зависит от его способности взять на себя такой крест и понести его, т.е. вступить на путь им самим индивидуально определяемого развития. Оно будет для него успешным, если он в нем последует за Христом. Но ему всячески стараются помешать делать это отставшие духи. Они стремятся в нужном им смысле препарировать его мировую лемнискату, исказить его земной онтогенез, воздействуя на характер также и филогенеза. То есть их воздействие на человека носит антиэволюционный характер, когда они вмешиваются в систему воспитания, образования человека, в формирование социальной сферы его обитания.

Современный человек, приходя на Землю, на каждом шагу сталкивается с мощными попытками *исказить его видовую эволюцию*. Однако не следует по этому поводу впадать в крайность и видеть повсюду в мире одно только господство зла. В мире теперь, как и прежде, господствуют законы развития. А их действие всегда противоречиво. Путем *снятия* их противоречий осуществляется развитие. Трудность нашего времени заключается в том, что тут их противоречия особенно сильно обострились, и человеку в значительно большей мере, чем в прошлом, нужно разрешать (снимать) их самому. И чем более бескомпромиссно будет он это делать, тем успешнее станет его движение к высшему духу.

22.

С макро-микрокосмической лемнискатой эволюции человека дело ныне обстоит так, что чрезвычайно значительные силы оккультного и одновременно политического характера предпринимают порой весьма эффективные меры для ее разрушения или радикального изменения ее характера. Для этого грубо идеологизируются все сферы духовной жизни человечества, подвергаются вульгарному искажению даже общепринятые принципы материалистической науки, в

первую очередь, как мы уже отмечали, этнографии, народоведения, антропологии, принципы учения об эволюции. Всеми способами затрудняется человекопознание, а с другой стороны — набирают силу евгеника, социальный дарвинизм, селекция, искусственный отбор в масштабах целого человечества, стремление заменить естественную эволюцию искусственным манипулированием ею с помощью новейших достижений научно-технического прогресса.

Все мероприятия такого рода вполне соответствуют намерениям ариманических сил задать не более не менее чем всей эволюции мира нужное им направление. Великий спор нарастает в мире, спор за человека, за направление его дальнейшего развития, спор между надматериальным, духовным и подприродным, между метаисторией и субисторией. И ведется этот спор в *человеке*. Антропософия пришла в мир, чтобы разъяснить сущность и происхождение этого спора и помочь человеку принять в нем правильную сторону. Без этого он просто обречен пасть жертвой атакующих его ложных учений, мнений по поводу абсолютно всех факторов его существования.

Духовнонаучная антропология, этнография, народоведение основываются на знании о том, что человек в своем сущностном ядре эволюционирует, идя путем перевоплощений в самых разных группах земного человечества — в разных народах, в разных племенах, родах, собирая тем самым богатый и многообразный опыт, необходимый для многостороннего развития себя как индивидуальности.

Индивидуальное и групповое — это две взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны человеческого становления. Индивидуальное лишь постепенно вырастает из группового. Человеческие общности возникли в самом начале земного эона, а потом дробились, метаморфизировались именно в силу задач восхождения индивидуального человека. Самой первой общностью, целостностью эона было совокупное, не расчлененное человечество. Его дифференциация шла параллельно с формированием Солнечной системы из первичной астральной туманности. Могучие космические интеллигенции управляли тем процессом.

Первым расчленением человечества на группы было разделение на два пола, потом оно разделилось на расы (их было сначала 12, потом 7). Когда возникла система семи планет с Солнцем в ее центре, то на земле сформировалось семь типов людей, обусловленных в своем душевно-физическом действии планетарных интеллигенций.

Это было уже в Атлантической коренной расе. Те семь типов людей были тогда организованы в культурном процессе так, что в средоточии своей групповой духовной жизни они имели планетарные

оракулы, т.е. места Мистерий, находившиеся под управлением получеловеческих-полубожественных существ, которые организовывали все формы совместной жизни на земле этих больших групп населения атлантического континента. Они вели и воспитывали людей, сами находясь под водительством планетарных интеллигенций.

В послеатлантическое время началась внутренняя дифференциация расовых образований. Особенно сильно она захватила арийскую расу. В ней начался интенсивный процесс народообразования. Он был вызван тем, что существа Архангелов начали брать на себя водительство тех или иных групп земного населения, и они начали формироваться в отдельные народы, обладающие своим языком, общностью судьбы, особенной, отличной от других народов духовной конфигурацией, процессом индивидуализации своих членов и т.д.

Процесс такой дифференциации шел также под влиянием земных условий: ауры Земли в ее четырехчастном, ориентированном по сторонам света действии, географии Земли, связанной с разным составом элементарных духов в различных ее частях, и многого другого.

Земное действие на человека шло через его тело к душе, действие народного Духа — от души к телу. Это последнее носило главным образом культурно-исторический характер, т.е. было индивидуализирующим, действие духовно-природного было групповым. Между ними постепенно нарастало противоречие. Поэтому в нашу эпоху обострилась борьба между сторонниками группового начала, настаивающими на примате «почвы и крови», и теми, кто выступает за эмансипацию личности, за освобождение человека от всего группового. Необыкновенно глубоки истоки борьбы между этими двумя типами людей. Если можно так выразиться, «эволюционная правда» стоит на стороне вторых, но в настоящее время в идеологии и тех и других всё невероятно спутано, перенапряжено, искажено и потому таит в себе большие опасности для развития.

Все этого рода особенности подлинной эволюции человека с необыкновенной глубиной и довольно подробно описаны Рудольфом Штайнером. Нам приходится повторять его описания, чтобы защитить право на *духовнонаучное* познание подлинной антропологии, народоведения, подлинного гуманизма от грубых нападок духовного варварства и социального насилия современной политики.

Защищать это, надо признаться, становится всё труднее и труднее, поскольку бессовестная идеология использует всё более brutальные приемы, попирая саму научность. В прессе учащаются обвинения Антропософии в расизме; при этом не делается ни малейших усилий,

чтобы вникнуть в ее взгляды на характер расового принципа в эволюции человечества. А взгляды эти, если их сформулировать совсем коротко и публицистически, сводятся к следующему: «То, что мы сегодня называем расами, — так говорит Рудольф Штайнер, — это лишь пережитки тех значительных различий между людьми, которые существовали в древней Атлантиде. В полной мере понятие расы применимо лишь для времени Атлантиды. Поэтому, считаясь с действительным развитием человечества, мы для послеатлантического времени ни в коей мере не пользуемся понятием расы в его полном смысле. Мы не говорим об индийской расе, о персидской расе и т.д., ибо так говорить было бы уже не верно. Мы говорим о древнеиндийском культурном периоде, о древнеперсидском культурном периоде и т.д.

И уже было бы совсем лишено смысла говорить о том, что в наше время подготавливается шестая раса (т.е. культурная эпоха. — *Авт.*). Да, в наше время имеются остатки древних атлантических различий, древней атлантической групповой душевности, и можно говорить, что деление на расы еще продолжает действовать, — но то, что подготавливается в шестом периоде, сводится именно к тому, чтобы снять всё, носящее расовый характер. ... И потому необходимо, чтобы то Движение, которое называет себя антропософским, которое должно подготовить шестой период (славяно-германскую культурную эпоху. — *Авт.*), в своем основном характере было свободно от какой-либо расовости, чтобы оно стремилось соединять людей из всех рас, из всех наций... Ибо в определенном отношении физический характер, присущий старому взгляду на расы, должен быть заменен духовным характером, что и произойдет в будущем» (ИПН. 117, 4.12.1909).

Ариман — враг эволюции, он перманентный революционер. Ныне он стремится то, что должно произойти в шестой культурной эпохе, навязать пятой, европейской. И нужно, зная об этом, спокойно противостоять ариманической пропаганде.

* * *

Расы и народы возникают в свое время, достигают своего высшего расцвета и склоняются к закату. Такова судьба всего ставшего на Земле. Человек же в цепи своих инкарнаций находится в непрерывно восходящей эволюции, в результате которой он станет интеллигенцией в составе космических интеллигенций. Именно для его эволюции возникли расы, племена, народы, и он воплощается в них. В этом процессе имеются две стороны:

1) эволюционно-сущностная, определяющая генетически и духовно — но на уровне форм группового сознания — тип человека, дифференциацию человечества на группы;

2) восхождение человеческой индивидуальности от родового, группового к свободной духовности Я-сознания.

Это две стороны единого целого: эволюции человечества. По мере индивидуального роста роль любой формы группового принципа для человека ослабевает. Со временем не будет ни рас, ни народов. Но только — *в свое время*, когда отпадет в них нужда, когда отдельный человек овладеет сознанием, ныне присущим целому народу, и интересы человечества станут переживать как свои личные. В этом направлении ведут отдельных людей Архангелы народов, инспирируя национальные культуры.

Подобно «истинному израильтянину» Нафанаилу, о котором говорит Христос, возможен «истинный англичанин», «истинный швед» и т.д. Это довольно высокая ступень посвящения, восходя на которую, человек становится светочем человечества. Какой-либо «национализм», «расизм» на этом, *нормальном*, пути развития исключен.

Человек, способный жить интересами человечества как своими собственными, является подлинным интернационалистом, космополитом. Он полярно противоположен космополиту-неокочевнику, стремящемуся интересы всего человечества поставить на служение своему эгоизму. Неокочевник — идеал теоретиков глобализма; это *античеловек*.

Проблема интернационализма является, таким образом, проблемой *индивидуального свободного* и, следовательно, *этического* развития, а не проблемой насильственного слияния рас и народов в одно стадо мелких и крупных эгоистов, которые, вопреки всем посулам идеологии глобализма, способны только вести борьбу всех против всех; в ней же интеллект, циничный и грубый, будет всегда, подавляя, паразитировать на менее, чем он, грубых и циничных интеллектах. Ибо патроном, духовным вождем такого стада является Ариман.

23.

Итак, эволюционный процесс земного человека имеет в себе две составляющих: групповую и индивидуальную. Крайне опасно безграмотно, исходя из абстрактных представлений (будь то правого или левого толка) вмешиваться в их естественное созревание, культурно-историческое размежевание, а потом высшее воссоединение.

Рождаясь на Земле, человек, как мы уже говорили, сначала проходит через повторение прошлых этапов своего развития, протекавшего в мировых всеобщностях. Он рождается с собственным физическим телом, эфирное же тело он в течение первых семи лет жизни имеет общим с материнским. Только к 14-ти годам у него рождается собственное астральное тело.

Наравне с обретением трехчленного тела, которое эволюционно развивалось в течение трех эонов, в человеке с момента рождения начинается еще одна эволюция, состоящая в формировании индивидуального характера астрального тела, которое у человека радикально отличается от астрального тела животного. Оно состоит «только из пребывающего, через которое поет и звучит вечное мира» (ИПН. 158, S. 33). Оно (см. рис. 3) образует некоего рода «колыбель» земно-небесного рода, в которой зреет и индивидуализируется душа человека: сначала единая, а потом триединая.

Астральное тело человеческий вид получил еще в зоне Луны. Не забудем также и здесь, что этапы эволюции являются этапами мышления иерархических существ. Через мышление могучей Иерархии Духов Движения эволюция именно человеческого вида стала достоянием сознания всех интеллигенций мира. Астральное тело человечества включило его в движение мирового мышления, и так, что этому телу были напечатлены прафеномены двух членов души.

В зоне Земли та мысль-человечество эона Луны продумывалась Иерархиями далее. Это значит, что она вплеталась в становление абсолютно всего, из чего в конце концов образовался человеческий индивид. Она играла свою роль в мышлении планетарных интеллигенций, дифференцировавших единое образование всечеловека Адама Кадмона сначала на два пола, потом на расы, ориентированные на интеллигенции семи планет.

Когда внутри рас стали выкристаллизовываться народные, национальные образования, то роль душевных архетипов еще более возросла. Их развитием начали управлять Архангелы, бравшие на себя роль духов-водителей народов. Они привели архетипы в связь с природными условиями областей Земли, где обитают народы, с аурой этих территорий. Эти процессы шли параллельно: дробление общечеловеческого и спецификация группового. Земля в своем физическом, эфирном и астральном начала в форме неких «яслей» приспособлялась к принятию народных образований. И когда одно воссоединялось с другим, то далее начиналось их взаимное действие. Подобным же образом, но в иных масштабах и с иным сознанием происходило до того расселение человеческих рас.

Народное образование имеет свою землю, территорию, свое эфирное и астральное тело. И потому по-разному идет процесс индивидуализации в разных народах. Рудольф Штайнер говорит: «...по всей земле эфирное тело, т.е. Сампо, куется в соответствии с климатическими и иными условиями, поэтому это эфирное тело содержит в своих силах особенное народного характера, особенное, *неповторимость* (каждого) народа. Вот почему у одного народа оно такое, у другого – иное» (ИПН. 158, 9.4.1912).

О физической среде обитания народа Рудольф Штайнер говорит так: «Лишь когда формы, выступающие нам навстречу из природы, мы сможем рассматривать как выражение духовного, мы поймем саму природу в ее связи с человеком, если мы не будем просто так, безмысленно глазеть на границы суши и моря, но поймем то, что в этих формах выражает себя». И далее: «Душевное Земли являет нам себя в конфигурации Земли. ...Ибо вся Земля существует для того, чтобы образовывать земного человека. Другая задача заключается в том, чтобы этого земного человека нюансировать. Эту нюансировку Земля вызывает через взаимные отношения суши, воды и воздуха» (Ibid., 14.11.1914).

Астральная аура народов, объединяя их, в то же время способствует возрастанию сознания в отдельных его представителях, что ведет их к выходу за пределы народной общности. Это совершается таким образом: каждый народ, каждое племя в своем астральном теле имеет материю, «которая является материей воплощения для Духа народа. Дух народа всегда раньше достигает того, к чему идут остальные представители народа».* Дух народа вводит людей в развитие, обусловленное кармой, что впервые возникло лишь в середине нашего, 4-го состояния формы (глобы). Карма отдельных людей слагает карму народа, которая «называется коллективной кармой». А что касается «интернациональных устремлений», то они исходят от Духа, «который объемлет совокупную астральную материю Земли», – от действительного Духа Земли. «Физическая Земля является также физическим телом для этого Духа Земли, планетарного Логоса».**

Когда отдельный человек готовит в высших сферах духа силой своего высшего Я свою очередную инкарнацию, то он думает о том, какая раса, какой народ, какое место на Земле могли бы наилучшим образом послужить его дальнейшему освобождению от группового и

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 31 окт. 1904 г. (Из частного архива. См. также ИПН. 89.)

**) Там же.

восхождению к индивидуальному. Мера такой возможности у каждого человека, разумеется, своя, но главный принцип выбора места земных инкарнаций именно таков, и он одинаковый у всех людей.

Совершенно очевидно, что одни расы, народы в большей мере способствуют индивидуализации, другие — в меньшей. В нашу эпоху это зависит от меры интеллектуализации культуры. Чем она более интеллектуализирована, тем более острую форму самосознания развивает она в людях.

Сначала архетипическое трехчленной души сливается с аурой определенного народа. Душа обретает родовые черты, которые вобрала в себя из общечеловеческого данная народность. Они часто бывают описаны в эпосе, в мифологии народа.

Три архетипа души как вполне реальные силы действуют формирующе на первоначальное становление трехчленной телесности. Они также создают в ней предпосылки для будущего индивидуального характера трехчленной души. Таким образом, нравится это кому-то или нет, соответствует ли это идеологии «политкорректности» или нет, человек в своих основополагающих структурах рождается и развивается в течение первых семилетий жизни национально обусловленным существом. Тут действуют объективные законы развития. Это, так сказать, естественное развитие, о котором обычно не думают. И сам-то ребенок — это, скорее, еще всечеловек в его древней форме. И когда он уже подросток, то и тогда национальное еще не может быть осознанно им. Он тогда интернационалист. Речь в это время идет о развитии крепкого здорового переживания еще не трехчленной, а единой души, которая, однако, у всех народов разная. И с этим нельзя не считаться.

Крепкое, здоровое душевное единство образует вертикальную ось лемнискатообразного развития (см. рис. 3). Она перемещается во времени, вбирая опыт жизни, испытывая удары судьбы и т.д. Вместе с осью времени она дает структуру лемнискатообразному развитию, приводя его в соответствие со структурой мира.

Такая структура подобно, скажем, некой «костной системе» души закладывается с детства и таким образом, что как бы в ответ на продолжающееся макрокосмическое мышление о человеке, подступающее к нему в форме наследственности, архетипов души и т.д., с земного плана поднимается мышление о ребенке его родителей, воспитателей, учителей. Человек формируется как равнодействующая диалога-действия этих сил.

Итак, в силу законов всеобщей эволюции, человек, придя на Землю, обретает три тела. Расовое и национальное начала специализиру-

ют их таким образом, что это выражается в задатках к большей или меньшей индивидуализации человека. Но именно — в общих задатках, а не как некое предопределение, ибо задатки могут быть разным образом развиты. Тут первостепенную роль играет процесс воспитания или самовоспитания, имеющий целью образовать индивидуальность, способную свое душевное и духовное развитие взять в собственные руки и направлять его к высшим целям. Прогресс человечества на земле достигает своей кульминации в свободных индивидуальностях, способных самостоятельно метаморфизировать формы своего сознания. Таким и только таким может быть подлинный глобализм. Он соединяет людей, ступивших на путь *высшего* развития, предвосхищающих будущее, в котором раса и народность, исполнив свою роль, отомрут естественным образом.

Синтезом небесного и земного мышления о человеке являются в нем выпрямление, речь и мышление. Они формируются уже в первые три года жизни, но лишь в своей первоначальной фазе. Физическое выпрямление, ведущее ребенка к ориентации в трехмерном пространстве, позже получает свое продолжение в душевном и духовном выпрямлении, которого в полной мере некоторым людям не удастся достичь в течение всей жизни. В совершенстве стоящий вертикально человек — это тот, кто своим Я тесно связан с вертикалью своего мирового развития. Он хорошо ориентируется в социальном, мировоззренческом и иных пространствах.

Речь человека сначала носит подражательный характер, и ее развитие также длится многие годы. Мышление у ребенка сначала «лунное», т.е. такое, какое было у нас в зоне Луны. Оно не умеет отличать внутреннее от внешнего, пребывает со всем в отождествлении и т.д. Потом оно приобретает образный характер. Ему тогда особенно близок мир сказок, мифов. В них оно непосредственно *чувствует* стоящий за ними космизм мышления.

Мышление, речь, ходьба — это проекции космического мышления на план земного бытия человека. И они становятся собственной деятельностью человека. В них высшее Я человека выражает себя по-земному. Ему удастся это делать во взаимодействии с земной средой обитания человека, и не со средой вообще, а сформированной конкретно природно, социально, культурно, кармически и т.д.

Рудольф Штайнер говорит: «Выпрямление человека в детском возрасте является ориентированием. Всё это связано с тем, что называют земной тяжестью, с тем фактом, что всё живущее на земле имеет вес» (ИПН. 219, 26.11.1922). Со всем этим сталкивается духовный зародыш человека, входя в земное воплощение.

В духовном мире тяжести нет. «Там ориентирование бывает только духовное, а именно такое, что тому, что на Земле является поднятием ноги, постановкой себя в силы тяжести, [там] в духовном мире соответствует прихождение в родственное отношение с существом высших Иерархий, скажем относящемуся к рангу Ангелов, Архангелов» (Ibid.). Такой характер носит там сила притяжения. Испытывая родство с существом в духовном мире, человек со-мыслит с ним путем отождествления и так ориентируется там. «Как здесь, на Земле мы имеем дело с нашей тяжестью, так там мы имеем дело с силами симпатии, которые от отдельных существ высших Иерархий идут к нашему собственному человеческому существу» (Ibid.).

Что же касается образования речи, то в духовном мире она имеет характер дыхания. До рождения сознание высшего Я (манасическое сознание), приходя в отношение с Иерархиями, то стягивается в себе, то расширяется. «...Мы направляем наши духовные органы восприятия вовне, к существам высших Иерархий, мы даем нашему существу некоторым образом (простереться) излиться в дали, [а потом] стягиваем его обратно» (Ibid.). Простираясь, мы нечто объемлем своим существом, а стягиваясь в себя, мы имеем это в себе, и оно сообщает нам, чем оно является. Так разговаривают между собой небесные интеллигибельные существа.

«Здесь, на Земле, — читаем мы далее у Рудольфа Штайнера, — мы имеем в отношении физической речи преимущественно чувство, что мы развиваем слово, когда выдыхаем. Между смертью и новым рождением мы обладаем восприятием того, что слова, распростертые в Мироздании и означающие Сущность Вселенной, входят в нас при вдохе нашего существа и открывают в нас себя как мировое Слово. И когда мы соединяем с собой то, что нам говорит мировое Слово, в нашем существе вспыхивают мировые мысли. Здесь мы трудимся неутомимо своей нервной системой, чтобы иметь земные мысли, там мы вбираем в себя («всасываем») мировые мысли из речи Логоса, которая начинает звучать [для нас] после того, как мы сначала распростерли наше существо по Мирозданию» (Ibid.).

В земных условиях, после того как мы взошли от речи к мышлению, мы в более позднем возрасте учимся, метаморфизируя форму сознания, «распростираться» в созерцающем мышлении по Мирозданию и так смыкаем в единство круг метаморфоз небесного в земное, а земного в небесное. Мы способны это делать, поскольку «то, что на Земле является ходьбой, речью, мышлением, имеет свои аналогии по ту сторону, в духовном мире. Это, во-первых, ориентирование среди Иерархий, во-вторых, становление-в-нас-живо-звучащим Мирового

Слова и, в-третьих, духовное внутреннее возжжение (вспыхивание, сверкание) мировых мыслей» (Ibid.).

Всеми этими способностями, качествами в небесном мире человек как отдельное существо овладевает на основе индивидуализации в мире земном. Здесь же великие пробразы высшего индивидуального проявляются лишь в отображении, однако только в нем полагается индивидуальное начало человека, и это полагание может происходить как совершенно, так и с искажениями. И оно ходом объективной эволюции пока что еще специализировано расово, национально, исторически, культурно и множеством других способов. Всё это можно приводить как в совершенную, так и в искаженную взаимосвязь, что будет иметь очень разные последствия в жизни человека после смерти, по-разному влияя на его отношение с Божественным миром. Совершенную связь можно построить только на основе духопознания, а построив, ее следует осуществлять. Тогда только человек освобождается от многообразной зависимости своего существа от условий жизни на земле.

24.

Мы, таким образом, увидели, что земная «колыбель», в которой совершается становление человека в течение примерно трех первых семилетий его жизни, обусловлена макрокосмически; она не может быть как-либо унифицирована по всей земле, и уже менее того — лишена своего естественного характера. Она сформировалась эволюционно и культурно-исторически, и при каждом новом воплощении на Земле человек попадает в разные ее части. Над нею склоняется Архангел — Душа определенного народа, в нее нисходят инспирации Гения речи — также мощного иерархического существа, ее «сплетают», пронизывают своим тканьем сонмы элементарных духов природы, в ней эволюция всеобщего становится историей и культурой отдельного народа, в ней всеобщее-человеческое тесно соединяется с архетипом человеческой души и получает индивидуальное выражение.

Эта «колыбель», если в ней не получают чрезмерную власть оставшие духи, никоим образом не делает человека навсегда лишь национальным существом. Это исключено уже самим водительством народного Архангела. Рудольф Штайнер так разъясняет это: *«Только в этом случае, если мы приносим понимание навстречу тому, чего желает для нас Душа народа, когда эта Душа должна развивать волю для буду-*

щего, мы оказываемся способными надлежащим образом сотрудничать в спиритуальной эволюции человечества» (подч. нами. — Авт.) (ИПН. 158, 5.6.1913). Это, по сути говоря, основная аксиома интернационализма. Всё, не приведенное в соответствие с нею, ведет к усилению национализма либо к утрате человеком самого себя в неуправляемом произволе его низшей природы.

У Духов народов имеются двойники, отставшие иерархические существа. Это они побуждают людей к национализму, к замыканию наций в себе, к противопоставлению одного народа другим. Подобное же имеет место и в больших, расовых образованиях. Так действуют люциферические души народов. Ариманические двойники Духов народов подталкивают народы к растворению в духе большевистского интернационализма и современного глобализма. Они выступают за *генетическое* смешение народов, что должно вызвать *понижение индивидуального сознания на всей земле*. Именно такой, и никакой другой, интернационализм навязывается теперь человечеству, прикрытый маской «политкорректности» и т.п., что внешне звучит привлекательно, но чему придается совершенно ложный смысл.

Архангел нормального развития является частью сущности мира, мирового Логоса, Христа. И главное, к чему стремится Дух или Душа народа, — это сделать составляющих народ отдельных людей также частью мирового Логоса. Поэтому критерием правильности воспитания приходящих на землю поколений является развитие индивидуального начала исходя из особенностей определенного народа при одновременном возведении в душах детей и молодых людей некоего рода моста от национального к общечеловеческому, привитие им такой любви к родине, к своему народу, которая способна вырасти до масштабов любви ко всему человечеству.

При решении такой задачи действует еще одна аксиома национального воспитания: человек, не развивший конкретной любви ни к одному народу, не способен любить человечество, ибо у него не развился нужный для этого орган. Ну а начинать эту работу воспитания нужно, естественно, с привития любви к отдельному, конкретному человеку. Таковы подлинная политкорректность и толерантность в системе педагогики.

В первые три семилетия жизни человек развивается, совершая переход от всеобщности эволюции к развитию себя как индивида. В этом процессе он сознает себя как личность, и дальше перед ним встает задача из свободной воли, в полном сознании, исходя из понимания, зачем это нужно делать, вращать в высшую всеобщность, в духовное единство человечества. В нем действует Христос — Бог

человеческого Я. И только человек, по свободному решению принимающий мировые цели Христа, способен стать подлинным интернационалистом вне зависимости от того, в каком народе, племени, расе родился он.

На одну очень важную деталь в «Калевале» обращает наше внимание Рудольф Штайнер. Там речь идет о том, что когда Марьятта рождает Христа, то Вяйнямёйнен уходит из страны. Человек, следующий в своем развитии за Христом, понявший, что Он есть для Я «Путь, Истина и Жизнь», перерастает рамки архетипического в своей душе, кровно-родственного, наследуемого. Он тогда свою трехчленную душу начинает возводить *заново*, пересоздавать из сил собственно Я. И школа должна подготовить его к этой работе, сделать способным ее совершать.

Никакой религиозной обособленности, нетерпимости и прочих люциферических черт религиозности в такой работе не может быть. Человек движется к своей свободе, понимая, что это делают и другие, но что у каждого свой путь, свои трудности. Мир же нравственных интуиций неисчерпаем. Этот путь развития великолепно изложен, обоснован Рудольфом Штайнером в «Философии свободы». Среди многого прочего, уникального по своему значению для становления человека наших дней и будущего, там, например, мы читаем: «Нравственное непонимание, взаимное столкновение у нравственно *свободных* людей исключены. Только нравственно несвободный человек, следующий природному влечению или принятой заповеди долга, отталкивает стоящего рядом с ним человека, если тот не следует тому же инстинкту, что и он, или одинаковой для обоих заповеди. *Жить* в любви к деятельности и *не мешать жить* другим, понимая их волеие, — такова главная максима *свободных людей*. ...Свободный живет с доверием к тому, что другой свободный принадлежит вместе с ним к одному духовному миру и [потому] сойдется с ним в своих намерениях. Свободный не требует от своих ближних никакого взаимного согласия, но он ждет его, потому что оно заложено в человеческой природе. Речь при этом не идет о необходимости, присущих тем или иным внешним учреждениям, а об *образе мыслей*, о *душевном строе*, благодаря которому человек в переживании себя среди ценимых им собратьев в наибольшей степени отдает должное человеческому достоинству».* Таково подлинное развитие, ведущее к свободе, и оно

*) Рудольф Штайнер. Истина и наука. Философия свободы. СПб., изд. «Деметра», 2007, стр. 287.

показывает всю невозможность и бесчеловечность идеи глобализма с ее идеалом интернационалиста-неокочевника.

Множество наших мыслящих современников, не удостоившихся обзавестись серьезными познаниями самих себя и окружающего их мира, уверено, что человека нужно вот, просто так, взять да и освободить сразу от «цепей» национальной «узости», сделать космополитом на базе популярных абстрактных идей гуманизма, демократии, эмансипации, поскольку и сам исторический процесс, вроде бы, идет в этом направлении.

Ну да, он идет. Только как? И что такое, в конце концов, сам этот «исторический процесс»? Он есть форма *эволюции* человеческой души и духа. На современной, крайне своеобразной стадии этого процесса человек пришел к тому, что какой бы педагогический метод ни был применен для его воспитания, он, став взрослым, будет интеллектуальным, овладеет самосознанием в низшем «я», которое он осознает по милости рефлексии, отрицания. Эгоцентризм — это исходная и неизбежная ступень индивидуального становления. Низшее «я» не может не быть эгоистичным. Требовать от него большой жертвенности, альтруизма означает требовать от человека, чтобы он отказался от себя.

Отказ этот, однако, рано или поздно должен произойти, если человечество не желает впасть уже теперь в войну всех против всех. И задача педагогики состоит как раз в том, чтобы помочь человеку *такой отказ осуществлять без ущерба для развития индивидуальности*. Это происходит, когда мы первоначальный, инстинктивный эгоизм и эгоизм души ощущающей из *прямого* превращаем в *косвенный*: учим человека *служить себе через служение другим людям*. В таком случае неизбежно начинается постепенное снятие низшего «я», но оно протекает таким образом, что при этом в человеке постоянно вырастает сила и присутствие Я высшего.

Особенность и достоинство вальдорфской педагогики состоит именно в том, что она инициирует этот процесс в человеке с самого раннего возраста, и делает это не путем механического, авторитарного привития детям традиционных добродетелей, а превращая постепенно процесс внешне управляемого развития в процесс саморазвития, в котором всё более проявляется автономная личность.

Если на ребенка действуют средствами обычной педагогики, то показанное на рис. 3 в нижней петле лемнискаты нередко слагается в некоего рода крепость, а то и темницу, приходящую на смену колыбели. В ней низшее «я» за толстыми стенами абстрагирующего мышления, с узко эгоистическим чувством, склонное лишь к пота-

канию произволу желаний, держит потом «оборону» против всего человечества. Такая структура и ментальность личности напоминает средневекового барона, занимавшегося всю жизнь разбойными вылазками из своего «осинового гнезда», построенного на неприступной скале. Надеяться из таких субъектов построить еще один Интернационал можно только в том случае, если ставить себе совершенно определенно цель сделать его инструментом ариманической власти в мире людей.

К этому, собственно говоря, и сводится теперь всё дело, хотя такая «интернационализация» возникла еще в XIX веке и даже раньше. И уже тогда она вызывала в людях страх, и они шарахались от нее в другую, люциферическую сторону. Также и это они делают и теперь. Ариманизации воспитания пытаются противопоставить его люциферизацию. Приведем хотя бы один пример того, как это делается. В России, в условиях современного хаоса и деградации, люди, думающие о спасении страны, пытаются возродить старые школы военизированного детского воспитания, кадетские корпуса, видя в них панацею от нравственного бессилия педагогики. Однако вспомним, что представляли собой эти корпуса в прошлом. Вот как описывает суть воспитания, которое давалось в них, один из прошедших через него и ставший его горячим приверженцем: «...в корпус привезли сырой материал детских тел, душ и мозга. Скульпторы (т.е. воспитатели — *Авт.*) приступили к работе. Исключительно тяжелая задача — в семь лет из детских неповинующихся душ, часто таящих в себе пагубную наследственность к дурным наклонностям (так стоит в тексте. — *Авт.*), из разного мозга, несущего в мир гениальность и порок, талантливость и бездарность, разум и глупость, порядочность и преступность, создать статуи чести. Создать статуи, в живые души которых на всю жизнь вдохнуть основы духовного и нравственного порядка — строгость к себе, порядочность, любовь к правде — и до высшей меры развить чувство долга перед Родиной. Создать статуи, уходящие из жизни с честным лицом».*

Это один из тех случаев, о которых говорят, что комментарии тут излишни.

*) Г. Ишевский. Честь. В книге «Кадеты и юнкера». М. 2007, стр. 163–164.

25.

Интеллектуализм, овладение строго логическим понятийным мышлением составляет первичную задачу развития человека в 5-й, европейской, современной культурной эпохе. Вслед за ней идет задача восхождения от рефлектирующего к созерцающему мышлению.

В цивилизованной части человечества первая из этих задач уже решена, поэтому культура интеллектуализма и цивилизация интеллектуализма движутся к своему закату. Это уже перезрелый, деградирующий рассудок, вошедший в стадию умирания, пришел к идее манипулировать мировой историей, искать телесного бессмертия, стремиться к симбиозу с «думающей» машиной, менять человеческий вид с помощью генной инженерии и социального дарвинизма.

Условиям кризиса соответствует и педагогика с ее идеей как можно более раннего интеллектуального воспитания, «сексуальной грамотности» детей и проч.

Если плодом любого воспитания в материалистической культуре является интеллектуальная личность, то это нельзя и далее считать конечной целью педагогики. У нее теперь иная задача. Она состоит в том, чтобы в подрастающих поколениях интеллектуализм ставить на другое, новое основание. В наше время уже мало думать просто об индивидуализации трехчленной души, нужно думать теперь о том, как обращением к абстрактному мышлению не вызвать преждевременную «мумификацию» эфирного и физического тел, что влечет за собой разного рода «заторы» в психике и физические болезни. На каждом шагу в наше время необыкновенно крепко сидящая в «твердыне» своего интеллектуализма личность оказывается патологической.

Здоровое воспитание и обучение возможно теперь лишь при наличии знаний о физически-духовной сущности человека и мира. Воспитательный подход к человеку как к микрокосму в силах формировать интеллектуальную личность с подвижным «я», способным на *качественное* развитие, т.е. на метаморфозу.

Обладая запасом духовных и жизненных сил, такое «я» способно вызвать в субъекте метаморфозу формы его сознания. И это единственный путь спасения сознания от Аримана, стремящегося организовать человечество в некоего рода мега-компьютер.

В зависимости от того, сколько людей в среде человечества возьмет на себя решение новых задач эволюции личности, будет определяться дальнейшая судьба человечества. Такие люди должны найти в себе силы уже в зрелом возрасте усадить себя на школьную скамью,

будучи на этот раз и учениками, и учителями самих себя. У такой школы имеется много сходства с начальной школой. Здесь, как и там, главное заключается в том, что в учащемся должна совершаться *метаморфоза сознания*. Только исходным положением в школе духовного познания и высшего развития является то, что на рис. 3 показано в верхней петле лемнискаты. Заключенный в ней «треугольник личности» у каждого человека обладает особенными качествами. Один может страдать от хаоса чувств, другой – мыслить строго, но сухо, убивая в себе жизнь чувств, и т.д.

Главным и исходным элементом в этом треугольнике является такое мышление, благодаря которому человек обладает ясным самосознанием, является подлинной индивидуальностью. Поэтому упорядочение, укрепление и развитие мышления является исходным пунктом в начальной школе Духовной науки. Только нужно подумать о том, как это следует делать. Тут перед нами, как перед былинным витязем на распутье, открывается по меньшей мере три пути.

Поскольку всякое развитие совершается лемнискатообразно, то и укрепление логического мышления должно идти путем неких превращений. Верхняя петля лемнискаты, показанной на рис. 3, должна получить свое продолжение. Таких продолжений может быть три. В одном случае исходный треугольник жизни «я» в трехчленной душе может быть метаморфозирован в триаду диалектического мышления. Тогда из неупорядоченной личности начинает слагаться ученый, философ, может быть, также и диалектик материализма. Такое развитие, конечно, является односторонним, и полезным оно может быть лишь как фаза, ступень, на которую нужно только опереться, чтобы взойти выше ее.

Во втором случае мы вступаем в сферу современного научно-технического развития, в котором из любой личности, будь она хаотической или нет, формируется естественнонаучно мыслящий специалист, действующий в той или иной области науки и практики.

В третьем случае мы имеем дело с тем, с чего начинается высшее развитие; мы входим здесь в нижнюю петлю нашей теоретико-познавательной лемнискаты, где классический принцип диалектики обретает гётеанистические черты.

В своей полноте она представляет собой продолжение центрального мотива, изображенного на этом рисунке. Им показана ее, если можно так выразиться, онтология, коренящаяся во всеобщем. А сама по себе она рождается как синтез трех показанных на рисунке альтернатив. Она ведет становление индивидуальности от онтологии всеобщего к онтологии высшего индивидуализирующегося Я. Поэтому

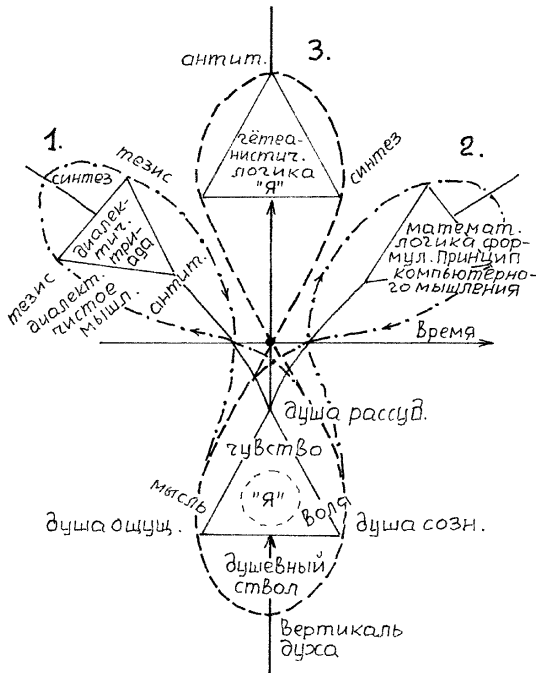

Рис. 5

в этой лемнискате в ее нижней, *диалектической* петле действует *гётеанистическая логика, которая созерцательна уже в сфере абстрактного чистого мышления*. Именно к такой логике и нужно прежде всего взойти в нашей начальной школе. Она должна увенчать жизнь наших мыслей, чувств и волеизъявлений единством низшего «я», пришедшего к *переживанию* самодвижения и самообусловленности мышления (рис. 5, поз. 3).*

26.

Индивидуально развивающийся человек — это своего рода «жест Меркурия». Его единая душа, истоки которой коренятся в общечеловеческом, проявившемся еще в начале эона, образует «душевный ствол» — вертикальную ось духовного восхождения, «жест» Я. Вокруг

*) Мы не развиваем здесь эту тему вширь, поскольку уже сделали это раньше. Следует заметить, что этот, третий том является завершением не только трехтомника, но и всего цикла наших методологических работ.

него лемнискатообразно извивается «змея» астрального тела, приносящего свое всеобщее в жертву становлению индивидуальной трехчленной души. Наше астральное тело — это сознание мира в нас.

В соответствии с новейшими задачами эволюции «змея» астрального тела, подобно «Змее» в сказке Гёте «О зеленой Змее и прекрасной Лилии», готова, принеся себя в жертву, образовать в человеческом сознании мост, соединяющий «берега» чувственного и сверхчувственного миров.

Это мост созерцающего мышления. Когда он построен, то на нем является вестник Божественного мира — Божественная мудрость, София, иерархическая персонификация Св. Духа, которого Христос посылает людям. Инкорпорируясь в людей, София становится Антропо-Софией, антропоморфизированной Тео-Софией. Так Св. Дух совершает Свое вочеловечение по типу становления Человеком Христа. Поэтому в Антропософии мы имеем начало Христианства Св. Духа, Христианства осуществления, идущего на смену Христианства приготовления.

София приходит к тем, о ком Христос сказал: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». В немецком языке слово «блаженный» (selig) происходит от слова «душа» (Seele). И Рудольф Штайнер поясняет: блаженный — это значит «исполненный (наполненный) душой»*. Душой мы «наполняем», когда индивидуально пересоздаем в себе душу ощущающую, рассудочную, сознательную путем специального развития мышления, чувствования и воления. Тогда и происходит постепенная метаморфоза формы нашего сознания. Мы готовим душу как некое лоно, в которое может низойти Самодух, индивидуализированная София — Матерь единого Бога нашего эволюционного цикла, Христа в акте Его рождения на Земле. Так тесно и обоюдно увязываются между собой Божественное и человеческое на пути высшего развития.

Это развитие с началом эпохи правления Архангела Михаэля становится всеобщей и первостепенной задачей цивилизации. В ходе его должны быть метаморфизированы все ее факторы, и в первую очередь, конечно, система школьного воспитания. Оно должно готовить человека к тому, чтобы его трудами современная эпоха, эпоха души сознательной вступила в фазу своего осуществления. Среди прочего это выражается и таким образом, что человек безраздельно берет на себя право сам, исходя из познания вырабатывать собственные суждения и стремиться приводить их в соответствие с истинным

*) Лекция от 19 марта 1909 г. в Кёльне. (Из частного архива.)

положением вещей в любой области жизни и знания. В такой душе оживает дух свободы. И далеко не простая это задача — как наполниться такой душой?

Что проявляется в ребенке в первые семилетия жизни, не является его личным достоянием. Индивидуальные проявления развития здесь связаны с эволюцией человеческих общностей. Индивидуальную трехчленную душу человек вырабатывает в возрасте от 21 до 42 лет, а потом совершенствует ее — или, наоборот, переживает ее упадок — до конца жизни. Многое тут зависит от того, сколько качеств всеобщего человек из школьных лет внес в свою жизнь во взрослом состоянии.

Обычно то, как человек мыслит, чувствует, действует, сильно окрашено характером места его рождения, культурными традициями и т.п. Это делает его подверженным влиянию авторитетов, идеологий, разных средств целенаправленного воздействия на сознание. Его индивидуальное определяется мерой господства в нем низшего «я». Оно же есть плод системы воспитания и образования. От них зависят качества личности. Если школьная педагогика стоит на месте, то она всё вновь и вновь воспроизводит один и тот же тип личности. А поскольку доминирует в педагогике рассудочное, и главным образом бездуховное, начало, то человеку прививается интеллектуализм, лишенный способности выходить за свои границы.

Вот почему 5-я культурная эпоха оказывается до сих пор живущей наследием 4-й культурной эпохи. И поскольку оно теперь уже полностью исчерпало себя, то человек оказывается стоящим перед ничто. Стоя на вершине рассудочной, интеллектуальной культуры, человек оказывается врагом самому себе.

Современный человек, вобравший в себя плоды общепринятого воспитания, попадает в психологическую зависимость от идеологий, представленных партиями и вождями, оставаясь уверенными, что свой выбор он сделал сам. Если это идеология националистическая, то он становится националистом, если интернационалистическая — то интернационалистом. И если мы спрашиваем себя: а что представляют собой сами по себе, как индивидуальности эти националисты и интернационалисты? — то оказывается, что часто на такой вопрос нечего ответить.* Люди проявляются как марионетки марионеток, как некоего рода «социальная глина», «электорат» и т.п., из чего можно лепить всё что угодно. И ариманизированные и люцифери-

*) Национал-социалисты говорили, что особенно верными их сторонниками становятся те, кто прежде были коммунистами.

зированные «демиурги» современной общественной, политической жизни именно этим и занимаются, будучи сами инспирированными силами субистории, стремящимися через них творить, подражая Ягве-Элоиму, «нового человека», «новый мировой порядок» и т.п. Всё это является злом и одновременно совершенно закономерно. Ибо только так это и может быть, если остановлен подлинный духовный прогресс.

А предпосылки для этого прогресса должны создаваться в человеке в пору его детства, когда активно, даже радикально метаморфизируются все члены его существа, когда в формировании трехчленного тела проявляются архетипы трехчленной души, когда формируется базис индивидуальной интеллигенции.

Если базис этот возводится в соответствии с законами духовно-душевно-материального онтогенеза, совершающегося в процессе повторения человеком не просто родового, но всего эволюционного прошлого человечества, то во взрослом состоянии такому человеку легко из сил Я пересоздать свою трехчленную душу, искоренив в ней всё унаследованное, всё заложенное в нее другими людьми. Это касается и добрых качеств. Если они не вполне индивидуализированы, индивидуально развиты, то цена и им не велика, ибо они действуют в человеке с известным автоматизмом*.

Нередко человек с врожденной положительностью, признанный всеми как «хороший», испытывает большое внутреннее неудобство, если сталкивается с необходимостью к чему-то отнестись критически, и потому всячески старается такую необходимость избежать, не увидеть ее или пойти со злом на компромисс.

Чтобы по-настоящему пересоздать душу — а она главным образом изживает себя в поле противостояния добра и зла, — чтобы, сохраняя врожденную доброту, не быть от нее в зависимости, освободиться от порабощающего действия любых душевных качеств, необходимо развивать самопознание, которое нам предоставляет окружающий нас мир: непосредственный и большой — Макрокосм. *По-настоящему добрым может быть только мудрый.*

Человек, владеющий такой пересозданной индивидуальной душой, устойчив в стремлении к истине и в добром делании. Он не колеблется и при тяжелых испытаниях. Он становится, как сказано в Евангелии, «благонадежным» для Царства небесного. В нем знание и вера постоянно взаимоукрепляются.

*) Сколько их в нашем мире, «людей доброй воли», активно служащих, не ведая того, разным формам лжи, зла!

Рудольф Штайнер дал целое учение о душе в ее земной и сверхчувственной сути — «психософию». А в IX-й главе «Философии свободы» показал, как практически, пересоздавая трехчленную душу силой Я, восходить к Самодуху, идти навстречу Божественной Софии.

27.

Усадив себя на «школьную скамью» самосозидания, человек тем самым учреждает в себе некоего рода Мистерию, в которой иерофант и ученик выступают в одном лице. Это совершенно уникальная возможность, предоставить которую способна только Антропософия.

Лишь в ней впервые в истории Мистерий высшее знание можно получить уже на первой ступени духовного пути, без прохождения специального приготовления и испытаний. Ими в эпоху души сознательной стали обычное логическое мышление и та мера самосознания, какую может даровать человеку низшее «я».

В учении Антропософии содержится фундаментальная наука посвящения. Она вобрала в себя всё наиболее ценное, здоровое, присущее Мистериям прошлого, а главное — она приведена в соответствие с мировой констелляцией *современного* человека, чего мы не находим больше ни в одном из других ныне известных эзотерических направлений и практик. Такое стало возможным благодаря индивидуально осознанному со-мыслию Рудольфа Штайнера с космическими интеллигенциями. Он фактически является учредителем Мистерий нового времени, и он в них — главный иерофант.

Науку посвящения Рудольф Штайнер облек в форму рациональных понятий, однако было бы неправильным думать, что всё в ней можно постичь с помощью обычного логического мышления. Очень часто это последнее у антропософа служит лишь некоего рода контролирующей инстанцией познания, полученного с помощью созерцания или с помощью пифагорейского метода мышления, или даже имажинативно. Первичным, однако, остается рассудочное понимание сообщений Духовной науки. Уже на этом уровне познания мудрость Учителя становится достоянием ученика и может быть им проверена логически, соединена с опытом жизни. Уже простое чтение трудов Рудольфа Штайнера, несомненно, является началом ученичества в эзотерическом смысле этого слова. Только мы считаем необходимым еще добавить, что при этом большую роль играет *организация* познания Духовной науки.

Карл Унгер, один из близких учеников Рудольфа Штайнера, пи-

шет: «Антропософия состоит из вопросов человека и ответов (на них) духовного мира; только нужно всё вновь и вновь учиться вопросы ставить, а ответы понимать».* Много вопросов и очень много, часто сложных, ответов — вот то содержание, с каким работает познающий Антропософию. И бывает нередко так, что читающий антропософские книги получает ответы на вопросы, которых не ставил или ставил сумбурно, и сам не вполне понимая, что он хотел бы узнать. Кроме того, даваемые Рудольфом Штайнером знания не сводимы раз и навсегда к формальным понятиям, не поддаются жесткому, неизменному закреплению в сознании. Духовная наука — это необыкновенно живая система знания. И в ней соблюдается также древний мистериальный принцип познания, согласно которому, чтобы не порабощать ученика, знание приходит к нему в виде загадок. Отгадывая их, мы как бы сами приходим к знанию, наше мышление, решая загадки, работает свободно.

Нужно при этом еще учесть, что и Учитель получил свое знание подобным же образом, только в высших мирах, где загадочность получаемого опыта несравненно выше, чем в нашем. Познаваемое нами в сверхчувственном мире, говорит Рудольф Штайнер, не имеет на себе этикеток, а также — ничего общего с объектом чувственного мира.

Это верно, что антропософское знание доступно и обыкновенному рассудочному пониманию и может быть изложено, как и всё другое в нашу эпоху, простым языком. Рудольф Штайнер говорит по этому поводу следующее: «Понимание, разъяснение, постижение — это входит в задачу нашей культурной эпохи. Она исполняет свою задачу, когда делает понятным всё, что способен понять рассудок. Водительство нашей культурной эпохой исполняет свою задачу, когда доводит ее до той точки, где рассудок начинает понимать то, во что прежде в Христианстве верили ...понимать так, что это становится возможным и разъяснить. ... То, что было простой верой, оставалось запечатанным. Но мало-помалу спадают семь печатей с книги, которая прежде была просто книгой веры и потому закрытой от рассудка».** Но наравне с простыми существуют, конечно, и более сложные формы познания. Ибо то, что встречает нас в духовнонаучном — как и в любом другом — познании с самого начала — это его организация, его метод и даже методология. По этой причине, как мы уже об этом

*) Carl Unger, Aus der Sprache der Bewusstseinsseele. Ежегодник «Anthroposophie», 1929, № 42, S. 329.

**) Лекция от 1 ноября (2-я) 1904 г. в Берлине. (Из частного архива.)

не раз говорили, Рудольф Штайнер многократно подчеркивает значение метода в познании Антропософии. Вот еще один пример: «...я хочу... всё снова и снова обращать внимание на определенные вещи методического характера. Эти методические вещи являются *наиважнейшими* в области духовнонаучного познания, в которых так нуждается наше время» (ИПН. 186, S. 23). Обратим внимание на то, что Рудольф Штайнер здесь значению метода познания отдает приоритет перед самим духовным знанием. И это не трудно понять, зная о том, что методологии определяют характер целых культурных эпох и цивилизаций.

В Антропософии овладение методом ее познания означает, что человек при этом «развивает определенные способности, которые находятся выше сферы обыкновенной душевной жизни» (ИПН. 73а, S. 57). А это значит, что в человеке, который в Антропософии становится методологом, происходит переформирование, пересоздание силой Я трехчленной души, влекущее за собой метаморфозу формы сознания: «Эти духовнонаучные методы созерцания выводят его (сознание) за границы индивидуального человека, и (тогда) наступает то, что является внутренним созерцанием мирового процесса» (Ibid.). И тогда весь процесс познания переводится в другую, более высокую, плоскость.

Таковы задачи на пути познания Антропософии, и они являются одновременно задачами на пути нового посвящения. Восхождение к посвящению становится и социально значимой задачей, поскольку метаморфоза формы сознания должна вызвать метаморфозу цивилизации. Из этого следует, что принимающий Духовную науку берет вместе с тем на себя и повышенный долг развития. О людях этого рода Рудольф Штайнер говорит: «...это было только естественно, что определенное число молодых сотрудников с хорошей научной школой взяло на себя задачу антропософскому Движению напечатлеть этот научный характер» (ИПН. 255b, 350f). Однако имеются в антропософском движении и иные люди, которые говорят примерно так: методология? — «это что-то такое, что нас совсем не интересует». (На это указывает Рудольф Штайнер.) Нет, они не отрицают самого факта особенного значения антропософской методологии, но считают, что занятие ею лишь отвлекало бы их, задерживало бы в развитии. «На внутреннем пути спиритуального понимания, — утверждают они, — мы быстрее приходим к познаниям, которые может дать Антропософия» (Ibid.).

Нельзя ничего возразить по существу против такого подхода к познанию Антропософии. Но за его пределами остается одно исклю-

чительное требование — которое носит также и социальный характер, — встающее перед тем, кто смог сделать себя носителем духовного знания. Оно заключается в возведении моста между Духовной наукой и научными представлениями современного мира.

Касаясь этого вопроса, Рудольф Штайнер с грустью констатирует, что для исполнения этой задачи у нас не хватает сотрудников, а у тех, кто имеется в наличии, «нет времени для того, чтобы возводить тот мост между тем, что требует ныне от нас мир: научного обоснования Антропософии, — и тем, что может быть выработано из эзотерики. ...И нельзя отрицать, что из-за этой пропасти наше антропософское Движение оказывается неким образом нездоровым, внешне и внутренне нездоровым» (Ibid., S. 352f.). Это необходимо знать также и тем, кто впервые приходит к Антропософии или начинает ее критиковать, глядя на тех, кто явно преждевременно называет себя антропософами. Практически с Антропософией в мире обстоит не иначе, как и с любым другим значительным духовным, научным, культурным явлением. Долго и лишь очень немногие дорастают до понимания ее подлинного смысла.

Но понимание Антропософии убыстряется, если мы начинаем тот мост строить или даже: если мы претворяем *себя* в тот мост, в который превратилась, принеся себя в жертву, зеленая Змея в «Сказке» Гёте.

28.

Аналогия между школьной скамьей антропософа и скамьей начальной школы идет необыкновенно далеко. Начав заниматься Антропософией в духе Мистерии саморазвития, человек радикально меняет характер всей своей жизни. В ней он, как и в раннем детстве, развивает три вида собственной деятельности (о них мы говорили выше), в которой проявляется космическое мышление. Разница между взрослым и ребенком состоит здесь только в том, что ребенок, выпрямляясь, овладевая речью и мышлением, порывает свою связь с космической интеллигенцией и встает на путь овладения земной интеллектуальностью, а взрослый человек идет противоположным путем: от земной к космической интеллигенции. «Выпрямлением» у него является овладение методологией Антропософии. Она, активизируя «я», выпрямление физического тела продолжает в духовном выпрямлении, совершающемся вдоль вертикали духа. Человек учится ориентироваться в мире космических интеллигенций еще до своего непосредственного,

т.е. сознательного вступления в него, учится двигаться в том мышлении, каким оно бывает в сверхчувственном мире.

Усаживание себя на школьную скамью Духовной науки можно даже уподобить некоего рода подготовке к еще одному рождению, только совершающемуся из чувственной реальности в сверхчувственную.

Овладение речью в школе Антропософии означает овладение языком эзотерики, на котором говорят посвященные всех времен. На нем говорил и Рудольф Штайнер. Потому как же мы можем понять его по существу, не понимая вполне его языка?

Овладение мышлением в школе Антропософии состоит в выработке созерцающей силы суждения. Она, можно сказать, отстоит на равном с детским образным мышлением расстоянии от рефлектирующего мышления, только по другую от него сторону.

Таковы три задачи, которые нужно решать каждому, кто желает познавать Антропософию по существу. Она, конечно, дана и самой простой душе, ищущей ответа на вопросы, которые ей ставит повседневная жизнь. Но при всём том остается колоссальная по значению задача формирования нового человека, обретающего видовые отличия от ныне существующего, задача перехода цивилизации на новый уровень сознания. Такое может происходить только в том случае, если достаточно большое число людей встанет на путь посвятительной работы. Ее могут совершать люди, способные проходить через три предварительные ступени посвятительного пути:

- 1) овладевать методологией Духовной науки,
- 2) овладевать языком эзотерики, расширяющим возможности и границы познания,
- 3) практически вырабатывать созерцающее (восприятийное) мышление.

Все эти три ступени проходятся одновременно, поскольку они взаимообусловлены, и в то же время, они разные, также и по трудности овладения ими. Они полноценно готовят человека к овладению сверхчувственным восприятием: сначала имагинативным, а потом и более высоким. Значение этих предварительных ступеней невозможно переоценить, как невозможно переоценить значение обыкновенной начальной школы для высшей школы. Они придают земной интеллигенции человека форму и силу, с помощью которых она, снимая себя, возрождается как интеллигенция высшего мира Иерархий. И именно на этих ступенях человек научается в ходе управляемого им самим индивидуального развития в разных отношениях проходить через Гётево «умри и стань».

29.

Итак, выпрямление в свободном индивидуальном движении духа, новый язык, новое мышление — таковы три вида собственной деятельности человека, какими он овладевает на скамье начальной школы Антропософии. Развивая их, он пересоздает свою трехчленную душу с ее мышлением, чувствованием и волением, проявляющимися в многообразных качествах этой души, коренящихся, как об этом говорится в «Философии свободы», в ее «понятийной» и «характерологической» основах. Тогда происходит сначала усиление низшего «я», потом его снятие и явление в индивидуальной душе высшего Я.

Совершая всю эту работу, человек не просто изучает Духовную науку, он делает ее своим достоянием. Он становится способным творчески применять ее в практической жизни, двигаться в ней далее, решая новые задачи, новые загадки сознания и бытия. Он учреждает в себе Мистерию Антропософии. Во внешнем выражении она предельно проста, так что другие люди даже и не догадываются, что она совершается в человеке. Ибо совершает ее человек, как и во все времена, не перед людьми, а перед Богом. И о плодах, которые она приносит в нем, он судит со скромностью.

В то же время, новая наука посвящения не является тайной. Она вырастает из всего духовного, культурного, научного наследия человечества и, венчая их, заявляет о себе как *социальный* факт. «Антропософия, — говорит Рудольф Штайнер, — ...вообще изошла из научной серьезности, научной добросовестности, развилась именно на почве естествознания в течение последних трех-четырёх столетий, а в особенности — в XIX веке».* И должны были, продолжает Рудольф Штайнер, протечь столетия долгого естествонаучного ученичества, чтобы мышление вообще что-то могло предпринять с собой внутри развития человечества. Теперь такая возможность возникла, а с нею — и необходимость *дополнить высшую школу естествознания начальной школой Духовной науки.*

К началу XX в. школа естествознания как двигатель индивидуального прогресса человека достигла предела своих возможностей. Она с тех пор лишь воспроизводит один и тот же тип личности, в котором по причине отсутствия духовного внутреннего движения наблюдается опасное упрощение. Преодолеть эту тенденцию можно единственно лишь путем органичного слияния начальной школы и

*) «Das Wesen der Anthroposophie». Rudolf Steiner Verlag, Dornach, 1998, S. 11. Лекция от 24 января 1922 г.

школы естествознания с начальной школой Антропософии. Должна возникнуть новая школа познания мира и человека, уходящая своими корнями в глубины посвящения, в Мистерии духовной эволюции. Антропософия с ее методологией, с ее принципами обучения и воспитания должна войти в начальную школу и в высшую школу, стать университетской дисциплиной. Тогда можно будет надеяться на то, что человечество из существующего кризиса выйдет подобру-поздорову.

Основательность школы Антропософии проистекает из познания в ней реальности двух миров: чувственного и сверхчувственного. Это составляет главное достоинство и ее методологии. Пользуясь ею, можно, идя путем саморазвития, возвести в себе высшую личность.

Мы не станем повторять то, что уже говорилось о сути, о содержании антропософской методологии, но лишь коснемся еще одной ее особенности, затрудняющей ее понимание. Она заключается в том, что субъект познания в этой методологии составляет ее существенный элемент, что в ней нет резкого разделения на знание и на того, кто его получает. В абстрактно-понятийном выражении эта методология являет себя лишь предварительно и самым внешним образом. Познающий человек должен дать ей воплощение в своем существе, дать воплощение, по сути говоря, Божественной Премудрости, которая нисходит на человека. А в таком случае понятие «познание» соединяет в себе как единство науку, религию и искусство.

Ярким, совершенно необыкновенным проявлением такого единства в Антропософии стал первый Гётеанум, который уверенно можно назвать земным домом Софии. Рудольф Штайнер сказал о нем: «Не для того, чтобы удивляться, не для того, чтобы давать оценку этому строению (Гётеануму), призваны Вы (Р. Штайнер обращается к антропософам, строившим Гётеанум), но для того, чтобы *Вы смогли стать дальнейшим материалом, в котором работает сам мировой Дух* (подч. нами. — Авт.), в котором Он, будучи Вами свободно принятым, в нынешней социальной нужде, в современный решающий момент мировой истории сделает для мирового развития человечества то, что ведет не к варварству, а к новому полному света восхождению развития человечества».*

Многое человек способен и должен понять в методологии Антропософии своим рассудком. Но овладеть ею настолько, чтобы мочь работать с нею практически, преобразуя существующий мир, он смо-

*) Лекция от 16 окт. 1920 г. В сб. «Der Baugedanke von Dornach. Phil. — Anthr. Verlag. Dornach, 1942, S. 30.

жет, лишь став частью ее существа, да — «материалом», что подразумевает также и использование всей силы индивидуального сознания, поскольку с иным, бессознательным материалом мировой Дух не может работать в 5-м, собственно человеческом царстве.

Нужно довериться этому Духу, ибо «все духовные существа различных Иерархий, которых мы можем познать в связи с человеческой природой, сводят воедино свои цели, чтобы из всего Космоса возвести человека как *смысл* этого Космоса» (ИПН. 153, 11.4.1914).

Многое при этом требуется и от человека. Какую бы деятельность он ни совершал — лишь овнутряясь в ней, он способствует его поступательному развитию своей эпохи. Со своим внутренним божественно-духовным существом должен он вступать в средоточие всех стремлений. «Однако, — предупреждает Рудольф Штайнер, — он (человек) убивает этот внутренний импульс своего стремления в новом времени, если совершенно живо не удерживает себя в развитии».* Если самого себя не переживает живой частью этого развития, совершается ли оно в его познании, в его художественной деятельности или в его религиозном созидании себя. Поэтому и в методологии человек есть ее составная часть, материал, с которым работает мировой Дух, Божественная София, из слияния с Которой человека и возникает Человеко-София, т.е. Антропософия.

Антропософия вводит в мир, состоящий из одних только реальностей, в котором всё персонифицировано . И сама Антропософия в ее сверхчувственной реальности является могучим иерархическим существом. Когда люди принимают ее на Земле, то она осуществляет себя в них и в осуществлении обретает полноту, становясь Человеко-Софией, т.е. Божественной Мудростью, пришедшей в связь с человеком, инкорпорированной в человеке, со-мыслящей, со-чувствующей и со-действующей с ним. Человек не является ее бессознательным или просто послушным инструментом. В индивидуальную сознательную связь с Софией человек приходит с помощью Методо-Софии. И, конечно, лишь просто рассудочной эта последняя быть не может.

На скамье начальной школы Духовной науки овладение Антропософией должно перерастать в овладение Методо-Софией, у которой свой язык и своя форма сознания. Особенно выразительно она свои истины являет в формах искусства.

*) Ibid., S. 42.

Краеугольное значение трех классов, или, если угодно, трех ступеней, начальной школы Антропософии для индивидуального развития современного человека, а через него — и для судьбы его цивилизации, для грядущей судьбы человечества разъяснено и обосновано Рудольфом Штайнером всем, можно сказать, *делом его жизни*. И не его вина, если, действуя через своих приверженцев, Антропософия не может занять подходящего ей места в мире. Проблема эта возникла еще в то время, когда Рудольф Штайнер работал на физическом плане. Он говорил об этом: «Антропософское Движение потому, конечно, находится в трудном положении, что очень многие люди, испытывающие страстное желание одухотворить мировоззрение, хотели бы также и познавательного легко и удобно приходить к своим познаниям, а не так, как их дает им Антропософия (подч. нами. — Авт.)» (ИПН. 345, 12.7.1923). Вот почему «каж» Антропософии является при работе с нею решающим.

Антропософия дает свои знания одновременно и сложно и просто. Но и ее «простое» содержит в себе общеизвестное и общепринятое: всякое не поверхностное познание требует той или иной *организации*. В силу этого принципа и антропософское знание не может быть просто хаотическим нагромождением разных сообщений, «объемом информации» и проч.

А далее нужно принять еще один принцип: если это большая и сложная система знания, то она непременно организована методологически. И даже при одном только рассудочном подходе к антропософскому знанию желательно владеть основами его методологической организации. Как это выглядит на практике — попробуем пояснить на отдельном примере.

Рудольф Штайнер много рассказывал о том, как различные средства питания действуют на духовное развитие человека. Тема эта интересна для многих, и многие пользуются этими сообщениями как разрозненными полезными советами. В одних из них говорится о том, что животная пища затрудняет очищение астрального тела, а растительная помогает, в других — о том, что среди растительных средств питания следует избегать есть грибы и картошку и т.д. Этим советам следуют, не вдаваясь в их смысл. Но если их изучать углубленно, то обнаруживается, что без основательного духовнонаучного понимания эволюционной обусловленности того или иного действия предмета питания на многочленное существо человека вообще и на конкретное человека такими отдельными советами можно по-

рой воспользоваться даже во вред себе. Вопрос питания у познающего Антропософию должен быть выведен из области эгоистического желания прожить подольше и приведен в связь с путем его индивидуального ученичества, духовного саморазвития, в котором человек вычленяется из всеобщего процесса эволюции и эволюционирует как индивидуальность-вид. В таком случае в методологии Антропософии он найдет понимание эзотерических основ диетологии.

Именно так развивал этот вопрос Рудольф Штайнер. В одной из лекций он, например, говорит о законе развития, согласно которому эволюция идет путем образования застоев, запруд и их растворения, освобождения от них. В этом смысле эон Сатурна был застоем, эон Солнца вызвал прогресс развития, эон Луны опять был застоем. В эоне Солнца возникло растительное царство, в эоне Луны — животное. «Поэтому дело обстоит так, что растительное питание способствует (нашему) развитию, а животное питание, напротив, содержит в себе задерживающие лунные силы. Поэтому (питаюсь мясом) человек отбрасывается назад».* Но часто оказывается, что человек не достаточно развит, чтобы целиком осуществлять себя в солнечном начале, и потому отказ от животной пищи в его конкретном случае может напоминать отказ инвалида от пользования костылями.

Так преломляются всеобщие законы в опыте конкретной земной жизни человека. Это преломление еще более значительное, по сравнению со сферой питания, в области социальной жизни. Здесь, чтобы действовать практически, необходимо еще более гибко владеть методологией Духовной науки. Так, например, размышляя о проблеме социальной трехчленности, нужно принять во внимание следующий факт: «Если человек стоит перед законом природы, то он его (просто) констатирует, а если он стоит перед *социальным законом*, то можно констатировать и его, но действительным он является лишь как определенное течение, и (поэтому) его можно изменять, исправлять. До тех пор, пока наше хозяйство основывается на свободной конкуренции... действительным остается «железный» закон заработной платы Лассаля. Но именно потому, что он действителен при этом условии, он должен быть исправлен с помощью социального законодательства в отношении продолжительности рабочего времени и т.д. Если же вы оставите руки предпринимателя свободными, то будет действовать «железный» закон заработной платы.

Поэтому в народном хозяйстве не может действовать чисто *дедук-*

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 27 апр. 1905 г. в Кёльне. (Из частного архива.) Лекция называется «Йога и Unio Mystica».

тивный метод. ... В народном хозяйстве вам нужен *характеризующий метод*, в котором понятия накапливают, исходя из различных точек зрения, сводят их в единство и дают им увенчаться одним понятием. Вы тогда получаете *народнохозяйственное созерцание*. В созерцания должны вработываться вы. ...Вы должны доработаться до *народнохозяйственных имажинаций!* Только с ними вы действительно сможете двигаться вперед».*

Таким образом, чтобы духовнонаучно понимать сферу народного хозяйства, в наибольшей мере «очеловечивать» ее, необходимо обладать созерцающей силой суждения. А ее как раз и вырабатывают в третьем классе начальной школы Антропософии.

Это необходимо делать и для успешного прохождения через первый, методологический класс. Ибо «тому, кто сегодня по-настоящему, честно желает стать антропософом, необходимо столь основательно изменить мышление, что благодаря этому антропософы начинают совершенно радикально отличаться от людей, которые даже не подозревают, что такое изменение мышления и ощущения возможно». — Так говорит Рудольф Штайнер и заключает, что такого изменения мышления не требовалось в прошлом даже в центрах Мистерий (ИПН. 345, 12.7.1923).

Эту необходимость не трудно понять, если мы вспомним еще раз, что дело тут идет о восприятии «содержания мыслей божественно-духовных существ» (ИПН. 266/1, 4.10.21). И в таком случае методологическое знание должно быть «некой *техникой*, служащей для того, чтобы человека сделать способным такие мысли возжигать в себе как подлинную жизнь» (Ibid.).

Именно этим и занимается тот, кто учится переживать семичленную метаморфозу мыслительного цикла, благодаря чему он овладевает способностью мыслить вне физического тела. Эта работа должна вестись с полным пониманием ее смысла, содержания, назначения. В ней нужно поочередно овладевать методом рассудочного, созерцающего, а далее имажинативного мышления. Без метаморфозы формы сознания этого пути пройти не удастся.

*) За недостатком места мы не можем привести здесь весьма интересную доказательную часть этой мысли, которую Рудольф Штайнер развивал на семинаре по национальной экономике (ИПН. 341, 31.7.1922).

31.

Овладение методологией Антропософии способствует дальнейшему духовному выпрямлению человека. Уже на уровне понятийного мышления он тогда начинает всё лучше ориентироваться в структуре обеих частей единой, чувственно-сверхчувственной реальности. Такая ориентация приводит познающий дух в движение, и оно становится тем свободнее, чем больше человек от языка рассудочности переходит на эзотерический язык Духовной науки.

А еще, как мы уже говорили, речь духа наиболее совершенным образом выражает себя в формах искусства. Такие формы позволяют мировому духу являть себя человеку *непосредственно*; при том условии, естественно, что человек способен понимать этот язык духа, понимать, не переводя на язык рассудочности. Это не означает, что не должно существовать никакого искусствоведения или теории музыки, учения о колорите и т.д. Они, несомненно, помогают понимать язык искусства, но от понимания тут нужно взойти к переживанию: к переживанию в созерцании, когда идея становится воспринимаемой. Гёте в «Изречениях в прозе» говорит: «Прекрасное — это манифестация таинственных законов природы, которые без его явлений навеки остались бы для нас сокрытыми».

Всё содержание Антропософии Рудольф Штайнер выразил еще раз в строении первого Гётеанума, в его архитектуре, пластике, живописи; т.е. выразил чисто художественными средствами. Однако уже и в своем понятийном выражении Антропософия тяготеет к художественности. Она, отмечает Рудольф Штайнер, «в каждой своей части ... представляет собой, вообще говоря, поиск образов...» (ИПН. 343, 29.9.1921), символических образов, ибо «символ является тем, благодаря чему мы находим для сверхчувственного путь к человеческому сердцу», и нам следует «учиться жить в символах» (Ibid., S. 120), которые в антропософской эзотерике лишены всего абстрактного, являются чувственно воспринимаемыми образами сверхчувственного. Мы тут имеем дело с языком эзотерики, который необыкновенно близок к языку искусства и даже является выражением синтеза искусства, науки и религии.

Ребенок овладевает речью, облеченной в форму определенного языка. Ученик начальной школы Антропософии овладевает языком антропософской эзотерики, который является универсальным языком человечества. На нем говорили и говорят посвященные всех времен и народов. Изучивший его знает, что если в каких-либо древних

провозвестиях встречаются те или иные знаки, то это вполне определенные знания, которые нужно суметь разгадать, расшифровать*.

Такой язык возник не просто из желания посвященных закрыться от неподготовленных и от профанов, поскольку он начал слагаться в глубокой древности, когда «профанов» в нашем понимании еще не существовало. И обычный человеческий язык (или языки) тогда еще только зарождался. Это происходило в эпоху Атлантиды, а самые первые зачатки языка следует искать в Лемурийской коренной расе; только тогда это еще был не язык, «а попытка дать звучать отдельным звукам».**

Истина, мудрость существовала в среде людей еще до возникновения языка, когда воспроизвести ее вовне в звучании человек еще не мог. Язык «возник позже, чем вечные истины, сотворившие мир и всегда продолжающие свою творящую деятельность в нем. Поэтому оккультное учение об этой мудрости мира сохранялось в тайне и общалось ученику (Мистерий) лишь в том случае, если он понимал символический язык, на котором могли быть сообщены эти тайны. Трудно переводить эти истины на наш язык. Еще и сегодня приходится (поэтому) употреблять символические образы для определенных вещей, которые лучше всего могут быть выражены с помощью образов, а не слов» (ИПН. 89, 27.3.1905).

Так говорит Рудольф Штайнер, и он высказывается в этом смысле во многих, очень многих местах. И нам остается только понять, что учение Антропософии дано им на *трех* языках: на языке понятий, на эзотерическом языке символов и с помощью форм обновленных, углубленных или созданных в ее сфере впервые искусств. Лишь понимающий Антропософию на всех этих трех языках способен понимать ее *сообразно ее сути*, познавать, изучать ее в соответствии с ее методами познания.

Указанные три языка Антропософии возвышаются один над другим. Они соответствуют ступеням восхождения сознания к его более высокой форме, которой доступно имажинативное мышление, когда рождается способность более непосредственно понимать творящую речь богов – божественных Иерархий и иных духовных существ.

*) Лекция Р. Штайнера от 10 окт. 1904 г. в Берлине. (Из частного архива.)

***) Там же.

Символы могут состоять из геометрических форм, просто линий, точек, чисел, могут иметь вид целых произведений живописи, пластики, архитектуры. Собственно говоря, и любое богослужение является эзотерически-символическим действием. Из того, что предстает нам в виде символов, говорит Рудольф Штайнер, некогда был сотворен человек. Он должен привыкнуть думать в линиях, точках и т.д., ибо так думают духовные существа, которые создали звезды, планеты или, например, кристалл. Великие посвященные дали людям символы, зная, что они действуют на духовное в человеке, подвигают его к овладению истинным Я. Взять, например, точку. Эзотерик понимает, что «из точечного изливается всё. Точка означает пра-начало (мира). ... Так человек начал свое космическое существование с духовно-точечного. И это (тоже) точка, что действует как точка эмбриона в теле матери» (ИПН. 266/1, S. 335).

Всё окружающее нас в мире представляет собой язык символов, поскольку за миром чувств лежит мир духа. Мы не переживаем духовное непосредственно, но оно постоянно говорит к нам формами природы. Поэтому, подчеркивает Рудольф Штайнер, «эзотерик должен быть в состоянии прийти к тому, чтобы читать слова, вписанные в небесное пространство, составленные из отдельных букв. Он должен научиться читать оккультные письма. Оккультные письменные знаки находятся повсюду в Мироздании. Задача эзотерика — разгадывать их».*

Это одна из наиболее продуктивных форм познания высшей мудрости, но также и мудрости земной, ибо «эзотерик учится (и) части собственной жизни познавать как буквы в мировом свершении. Я-сознание — это буква для духовно-душевного ядра человека».** Эта «буква», скажем, имеет вид точки. Человек переживает себя в земном сознании точечным центром, вокруг которого простирается всё Мироздание. Оно в таком случае есть окружность с центром в человеческом Я. Далее можно представить себе, что в Я человек является центром собственных оболочек. Я есть также точка, вокруг которой вращается Солнце. А Земля есть точка, вокруг которой в известном смысле вращаются все планеты Солнечной системы; и она также есть центр круга Зодиака, и т.д. (Внешние астрономические отношения

*) Эзотерический урок, данный 23 авг. 1911г. в Мюнхене. (Из частного архива.)

**) Эзотерический урок, данный 18 мая 1913г. в Штуттгарте. (Из частного архива.)

имеют в данном случае иное значение.) Так всего лишь из двух букв языка эзотерики — точки и окружности — мы образовали целый ряд представлений, каждое из которых может быть развернуто в целую исследовательскую тему.

Для эзотерика вся чувственная реальность иносказательна, является алфавитом языка духовного Космоса. За ее феноменами кроются пра-феномены, нечто реальное, исходное, творящее. Умея читать феноменологию природы, мы проникаем в суть вещей. А в ином случае мы остаемся лишь с «шелухой» вещей и явлений, например с теорией атома или с коперниканским образом мира.

Подобным же образом обстоит дело и в исторической, и в социальной жизни человечества. Также и там одни только внешние факты, события мало о чем говорят, но они полны значения в своей иносказательности, в симптоматологичности. Рудольф Штайнер дает тут такое разъяснение: «Если человек рассматривает, например, историю, то он не должен представлять ее себе таким образом, что одни ее факты и процессы являются следствиями, а другие — причинами. Нет, эти физические (т.е. явленные в чувственном мире. — *Авт.*) процессы должны быть для него знаками духовного свершения. Он должен быть способен эти знаки соединять и правильно *читать*».*

В определенной мере ведущие мировые политики так и поступают, хотя, главным образом, в пределах чувственной реальности. Ну а масса политически манипулируемых людей живет лишь восприятием отдельных политических, социальных, исторических фактов, которые для нее сплетают в то или иное, как правило ложное, целое те, кто этой массой манипулирует. Выйти из этого перманентного морока можно лишь одним-единственным способом: изучая факты истории и политики *симптоматологически*, с точки зрения триады истории, метаистории и субистории.

Развитая Рудольфом Штайнером методология включает в себя в качестве разделов и политологию, и историософию. Ими нужно овладеть, если желаешь знаки (буквы) опыта слагать в предложения смысла. А овладевая ими, нужно начать менять мышление. Это является общим требованием, независимо от того, в какой области мы желаем познавать: в естественнонаучной, политической, хозяйственной, духовной, вообще в чувственной или сверхчувственной.

Обратите внимание, советует Рудольф Штайнер, на то, как вы поступаете, читая, скажем, обыкновенный текст в книге. Вот перед вами слово «если». Читая, вы ведь не станете заниматься тем, как

*) Ibid.

написаны в нем буквы, что «е» имеет вверху замкнутый полукруг, а внизу незамкнутый и т.д. Вы просто читаете и приходите к тому, что имеет отношение не к буквам в книге, а к ее смыслу. «Фактически, таким же точно образом обстоит дело и с отношением души ко всей образности мира сферы духа. То, что нужно тут делать, не заключается просто в описании того, что имеется; тут происходит нечто, подобное чтению; то, что человек имеет перед собой как образы, — это, по сути, космические письма... Поэтому в сфере духа следует в истинном, самом подлинном смысле слова говорить о чтении оккультного письма» (ИПН. 147, 27.8.1913). Оно отличается от письменности, которой пользуется земной человек, тем, что в нем нет ничего произвольного. Космические письма разворачиваются перед человеком как «могучая панорама», являясь для души, пришедшей к ясновидению, «выражением страны духа ... Эти образы из самих себя изливают, так сказать, свой смысл» (Ibid.). Мы в таком случае приходим к прямому знанию, к «познанию разом». А созерцающая сила мышления позволяет в чувственном мире, еще до выработки ясновидения получать такое знание из чувственных объектов восприятия (в т.ч. и политических, и иных), которые являются косвенным выражением высшего духа.

Методология Антропософии предлагает нам, так сказать, грамматику, морфологию и синтаксис того языка, на котором читает книгу опыта созерцающее мышление. Овладение такой методологией делает нас способными строить слова, предложения из отдельных букв опыта и прочитывать их.

Такой способ познания изменяет существо познающего субъекта, ибо он познает то, из чего состоит *сам*, что действует на него созидательно, а также и разрушающе. Он входит в сферу мирового всеединства, своей душой, своим Я всё более сознательно простирается в дали Мироздания, объемлет собой человечество и всё бытие Земли.

33.

В Антропософии можно работать как с уже известными символами, так и с новыми, которые постоянно рождаются из ее содержания и позволяют в той или иной мере развивать его далее. Приведем небольшой пример того, как это может происходить. В учении об эволюции Рудольф Штайнер дал нам множество описаний элементов ее структуры и законов их трансформаций. Благодаря им мы знаем, что человечество, эволюционируя, проходит через этапы коренных рас, а

в ходе их человеческое существо в своем филогенезе повторяет ступени растительного, животного бытия и т.д.

Познавая это учение, мы можем, в одном случае, всё принимать в нем информативно и просто на веру, а в другом — пытаться организовать процесс познания методологически, т.е. сделать его духовнонаучным, и посмотреть, к чему мы тогда придем.

Во втором случае мы можем выделить в эволюции человека, в первую очередь, ее направленность на становление нового вида космической интеллигенции, на образование нового индивидуального ее носителя. Тогда становится более понятным, почему физической основой такого носителя является трехчленная структура, включающая в себя систему конечностей, ритма и головы, а не просто некое обобщенное физическое тело. Благодаря наличию этой структуры человек Земли начинает развивать собственное мышление, чувствование и воление.

Весь ход этой эволюции имеет существенное отношение, скажем, к «вертикали» духа. Она как ось, как силовой луч вызывала все эти метаморфозы прачеловека. И происходило это во времени и пространстве, которые имеют свою ось. В результате мы получаем символ креста как форму *структуры* человеческой эволюции.

Ранее, в других рассматриваниях, мы уже пришли к выводу, что крест выражает главную структуру всего Мироздания в ходе его семиступенной эволюции. И это лишь естественно, что он же является прафеноменом и эволюции человека.

На кресте своей эволюции человек развивает также индивидуальную душевную и духовную жизнь. Символом же, чувственно явленным образом (Sinnbild) жизни является лемниската. Она обретает реальность, лишь будучи крестообразно структурирована. Таковой в конечном счете оказывается и теоретико-познавательная лемниската, по которой совершается метаморфоза «я» низшего в высшее Я. А до ее возникновения человек эволюционирует в лемнискатах трехчленностей тела и трехчленностей души. Всё это емко, организуя познание учения об эволюции, выражает следующий символ (рис. 6).

Символ этот является в некотором роде «собирательным обра-

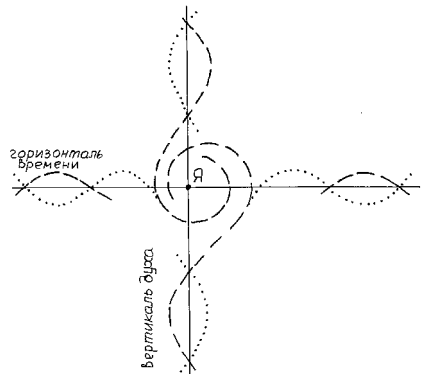

Рис. 6

зом», показывающим принцип *взаимосвязи* множества метаморфоз, через которые, эволюционируя, проходит человек. Он напоминает жезл Меркурия и при своей интерпретации оказывается просто неисчерпаемым. В сцене Преображения Господня он персонафицирован тремя апостолами и Иисусом. Он сводит в единство четыре алхимических элемента, образует структуру четырехчленного зодиакального человека и т.д. И символ этот являет собой форму мышления иерархических существ; в нем открывает себя космическая интеллигенция. И в этом смысле он весь состоит из эфирно-астральных и физических силовых потоков. Мысля, познавая в соединении с ним, мы соединяемся с индивидуализирующей силой тех потоков. Мы тогда действительно со-мыслим с космическими интеллигенциями. Но на пути к такому со-мыслию встает проблема языка.

Когда открывающееся на языке богов переводится на язык нашего рассудка, то происходит большое обеднение высшей мудрости. Чтобы этого не происходило, в школах Мистерий учат языку эзотерики.

Проблема языка, проблема понимания высшей мудрости встала и при возникновении Христианства. Сказанное Христом было, конечно, обращено и к самым простым людям, но Своих учеников Он постоянно предупреждал, что им должен быть понятен глубинный, т.е. эзотерический смысл Его слов. В таком случае открывается совсем иной облик Христианства — как новой Мистерии, учреждение которой готовили все Мистерии древности и в которой все они получили свое увенчание.

Рудольф Штайнер говорит: «Хотя и нельзя ничего возразить против того, что истина должна возвещаться в простых словах... но в неприятных словах не создать выражения для силы, внутренней силы. Эта сила происходит из высочайших высей страны духа.

Также и Христианство имело в первые века места посвящающих Мистерий, где не в одних лишь простых словах ... возвещалось оно, а как откровение высочайшего спиритуального созерцания».*

К Христианству именно такого «высочайшего спиритуального созерцания» ведет людей Антропософия. Следуя ее путем, нужно стараться развивать внутри себя силу «высочайших высей страны духа». Для этого сначала необходимо троякое: овладение методологией Духовной науки, ее эзотерическим языком и созерцающей силой мышления. Благодаря этому мы учимся мыслить творчески, со-

*) Рудольф Штайнер. Прежние и современные апокалипсисы. Лекция от 17 окт. (2-я) 1904 г., прочитанная в Берлине. (Из частного архива.)

зидательно — так, как мыслят в сферах духа, откуда к человечеству приходит Божественная Премудрость.

34.

Мы завершим эту главу еще одним рассмотрением главного и самого важного звена начальной школы Антропософии, которым является практическая выработка созерцающей силы суждения. Она, как мы уже знаем, состоит в переживании семичленных циклов мышления, которыми мыслил Рудольф Штайнер, давший в «Философии свободы» целый сборник таких упражнений. Когда мы их выполняем, то происходит некоего рода «наведение» эфирной силы такого чувствуюемого мышления в нашем эфирном теле, что способствует его индивидуализации, его претворению в Жизнедух.

Главным в упражнениях этого рода является то же самое, что и в медитативных упражнениях: в них необходимо от понимания смысла читаемого текста восходить к переживанию качества мыслительных элементов при их метаморфозе, совершающейся по законам лемнискатообразной семичленности. Эта задача проще, чем та, которую мы имеем в медитировании. Здесь объект нашей концентрации являет сам себя в самодвижении, и нужно уметь лишь следовать за сменой его качеств, зная заранее, как это происходит.*

Эта работа состоит в практическом овладении способностью больше не пользоваться рефлексией. Вся суть этой задачи имеет концентрированное выражение в теоретико-познавательной лемнискате. Она является малым, можно даже сказать минимальным, выражением той большой, универсальной лемнискаты, которая объемлет собой весь эволюционный цикл.

Цикл эволюции представляет собой живое целое, постоянно изменяющееся, развивающееся во всем своем бесконечном числе частей. Изменения эти, несмотря на всё их многообразие, подчинены основному закону семичленной метаморфозы, которая как гигантская лемниската сводит в единство все семь эонов. Одна ее петля объемлет три первых эона, другая — три следующих. Эон Земли находится в ее узловой точке и потому играет ключевую роль для всего цикла.

*) Этой теме посвящена, фактически, вся наша книга «Философия свободы» Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления. Религия мыслящей воли. Органон современной культурной эпохи», а в настоящем трехтомнике к ней даны существенные дополнения.

Вся эта лемниската как символ и закон является выражением Идеи мира, в котором осуществляет себя семичленный цикл эволюции, и познание эволюции с точки зрения этой лемнискаты представляет собой раскрытие Божественной Мудрости, заложенной в Идее мира.

Мы имеем право вести речь о лемнискате Идеи мира, которая как принцип повторяет, или, лучше сказать, воспроизводит себя на всех этапах эволюции: в зонах, рундах, глобах, коренных расах, культурных эпохах, в смене цивилизаций и в онтогенезе человеческой личности. Она как прафеномен выражает себя и в теоретико-познавательной лемнискате. В этой последней Идея мира становится идеей человека. Человек же есть образ и подобие Божие.

Таковым он является и в лемнискате своего многочленного существа, и в теоретико-познавательной лемнискате. Но в этой последней выражается уже эволюционирующий человек Я. В ее нижней петле всё прошлое мира, его самодвижение принимает вид диалектического самодвижения мысли, утверждающей себя на перманентном отрицании бытия мирового Духа, следовательно — Идеи мира.

В верхней петле человек, приходя к созерцающему мышлению, получает сознание, существующее за счет отождествления с Идеей мира. Здесь человек в третьем виде своей деятельности (два других: выпрямление и речь) индивидуально увенчивает задачу своей инкарнации путем первичного сознательного возвращения в мир космической интеллигенции. При этом он предвосхищает и задачи своей будущей эволюции. Он совершает в некоем роде индивидуальное наложение своего мыслящего духа на весь цикл эволюции. Это, поистине, есть начало становления человека богом, интеллигенцией в кругу космических интеллигенций (рис. 7).

Силой, необходимой для удержания себя в сфере созерцающего мышления, осуществляется дальнейшее душевное и духовное выпрямление человека, которым должно быть дополнено физическое выпрямление. Выпрямление тогда обретает полноту, и человек приходит уже к иному роду речи и мышления. Он приобщается к *речемышлению Космоса, т.е. к Логосу*. Такое приобщение носит характер духовного дыхания. Человек выдыхает свои вопросы Мирозданию как часть собственного духа и затем вдыхает ответы как высшую преобразующую силу.

В начальной школе Антропософии этот великий процесс начинается с укрепления обычного логического мышления, поскольку именно в нем достигает вершины земное, предметное сознание человека. И хотя интеллектуальность является теперь у подавляющей

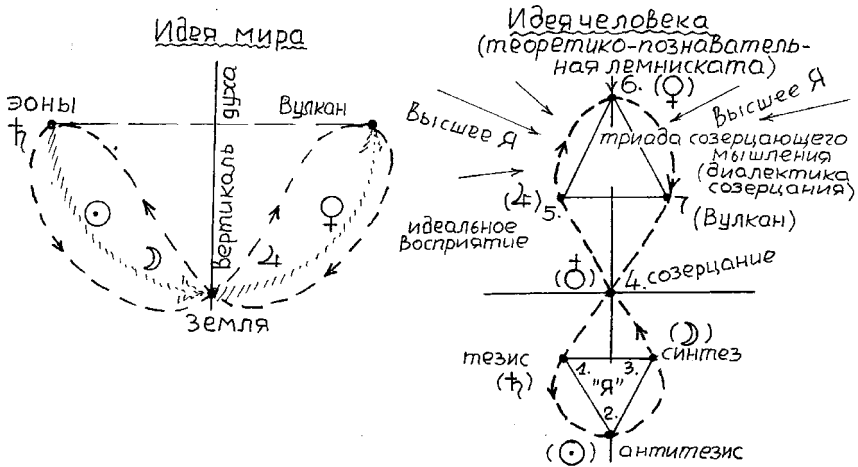

Рис. 7

части человечества врожденной, всё же далеко не все люди способны в работе с понятиями приводить в их в строгую логическую связь, не у всех людей мышление является поистине их *собственной деятельностью*. Поэтому с логики начинается методология.

Законы самодвижения мышления в понятиях описывает диалектическая логика. Поэтому она является и началом теории познания. Эта последняя в методологии Антропософии обретает в себе черты онтологизма, эволюционизма и становится частью учения о развитии.

Перед занимающимся практической выработкой мышления встает задача диалектическую логику оживить деятельностью высшего Я, оживить ее в душе, т.е. в переживании. Рудольф Штайнер так поясняет эту задачу: «В обычной душевной жизни мысли действительно имеют в себе нечто такое, что можно сравнить с формами статуи. Пусть, однако, никто не думает, что этим высказывается что-то против значения пластического искусства. Но в некотором роде с мертвой статуей можно сравнить то, чем кончается (к чему приходит) логика мышления в обыкновенной деятельности мышления, где мы не осознаем *собственной деятельности* мышления, не осознаем того, что мысли соединяет, что приводит их одну к другой и вновь разъединяет. Но если статуя не может стать деятельной и перейти в жизнь, то внутренняя логика — может; внутренняя жизнь и ткань мыслей переходят в сознание, могут внутренне стать живыми. Из «статуи» логики может как бы возникнуть внутреннее живое логическое су-

щество, которое человек тогда чувствует так, будто бы он вжился в другой мир».*

Этим «другим» миром является мир высшего Я человека. Как только нам удастся во внутреннем опыте оживить мышление, так оно тотчас же начинает освобождаться от органов физического тела. И если сознание при этом оказывается достаточно сильным, то можно далее освободить его вообще от всякого содержания, проистекающего из чувственного мира, сделать вполне чистым от него, и тогда в него начинает вливаться содержание мира сверхчувственного. Выдохнув земное сознание (сняв низшее «я»), человек вдыхает сознание небесное (собственное высшее Я-сознание).

Опыт чистого мышления дается человеку с трудом, поскольку с его возрастом рушатся все земные опоры личности. По этой причине однажды на лекции Фихте в кругу его слушателей вышел большой конфуз. Он попросил их некоторое время думать о стене, а потом сказал: а теперь думайте о том, кто думал о стене. Этой задачей слушатели были повергнуты в полную растерянность. Она ошеломила их.

В обычной жизни чем больше человек напрягается мыслительно, тем меньше он способен понять: а зачем мышление, как таковое, нужно еще и переживать? Вполне достаточно переживать результаты мышления. Такая задача кажется ему, как замечает Рудольф Штайнер в процитированной выше лекции, столь же бессмысленной, как задача «мыть воду». «И тем не менее, — продолжает Рудольф Штайнер, — действительные *методы*, действительный *путь*, на котором можно проникнуть в те миры, где может быть познана истинная сущность человека... (где она) может быть пережита, — эти пути ведут через мышление. Только через мышление они ведут таким образом, что мы не берем с собой того мышления, каким оно существует в повседневной жизни или в обыкновенной науке. Нет, мы развиваем его так, что оно, по сути говоря, благодаря такому развитию становится совсем другой душевной силой, чем было прежде».**

«Другой душевной силой» мышление при работе с гносеологической лемниской становится иным уже на своей диалектической ступени. Переживая качества ее элементов, мы душевно вчувствуемся и в характер законов метаморфизирующегося мышления, действующих между его элементами. Мы тогда входим в переживание ритма мышления. Его семичленный цикл начинается в некоем роде

*) Лекция от 12 янв. 1916 г. Журнал «Die Drei», март, 1931, S. 724f.

***) Ibid., S. 717.

«звучать» для нас подобно музыкальному звукоряду. Но в процессе такого мышления мы «слышим» не только его элементы (тоны), но и интервалы между ними (законы метаморфозы). Первое отрицание, соединяющее, метаморфизируя, тезис и антитезис, соответствует характеру секунды; второе отрицание (отрицание отрицания), соединяющее воедино, метаморфизируя их, тезис и антитезис с синтезом, соответствует характеру терции, и т.д.

В конце концов, именно переживание «интервалов» в семичленном мыслительном цикле подвигает наше сознание к тому, чтобы в «кварте» снять само низшее «я» и оказаться в мыслительном «безмолвии» четвертого элемента, в состоянии созерцания, благодаря которому в нас и может войти Логос Божий. Мы тогда входим в космический ритм мышления, в творящий ритм Логоса. Его доносит до нас наше высшее Я. Чтобы прийти с Ним в реальную связь, нам необходимо снять эгоцентризм низшего «я»; «снять» означает не уничтожить, а метаморфозировать.

Мысля в соответствии с законами, которыми образована верхняя петля гносеологической лемнискаты, мы, хотя еще и без сверхчувственного видения, выходим, ослабив наши связи с физическим мозгом, на астральный план. А там всё противоположно чувственному плану.

Рудольф Штайнер, комментируя «Нагорную проповедь», говорит, например, что всё в ней построено на знании полярности этих двух сфер бытия. Тоска по духу («духовно бедных») на физическом плане вызывает как следствие на астральном плане, в сфере высшей Самости, «исполнение»; «чистота сердца — один полюс — имеет божественное созерцание как другой полюс. И я мог бы, — продолжает Рудольф Штайнер, — привести вам множество пифагорейских полярностей, из которых вы увидели бы, что всё, покоящееся в нашей душе [на физическом плане], является в отражении в астральном мире. ... Если я страстно желаю истины, то для оккультного наблюдения эта моя тоска отражается там как исполнение (ее) в высшей Самости. Всё, чего желает низшая самость, с необходимостью вызывает противоположус в духовном мире».*

Собственно говоря, пользуясь законом такой, скажем, *сущностной* «рефлексии», мы и переступаем Порог сверхчувственного мира. В упражнениях с мышлением мы делаем это предварительно, но в точном соответствии с законами выработки имажинативной формы

*) Лекция от 19 июня 1905 г. в Берлине. (Из частного архива.)

сознания. Более того, в этой работе мы формируем в нашем много-
членном существе орган, носитель такого сознания.

Низшее «я», словно судорогой, стягивает, уплотняет и даже минерализирует всё наше существо. Сознание оно стягивает в одну точку. Размягчая этот эгоцентризм с помощью переживания мыслительного процесса и его законов, мы создаем полюс, противоположный «бедному духом» центру низшего «я», на котором эгоцентризм сменяется сущностным альтруизмом. Так с помощью 4-го элемента гносеологической лемнискаты совершается некоего рода выворачивание эгоцентризма человеческой личности, удерживающего ее в чувственном мире, на другую, не чувственную сторону.

В этом процессе «я» исчезает как консолидирующий мыслительную деятельность центр и встает на ее периферии, на периферии, где движутся диалектические триады, а в освободившееся от него пространство человеческого духа тогда вступает высшее Я. Конечно, при этом изменяется и характер диалектики мышления. Также и она приобретает до некоторой степени *онтологический* характер*.

Объект познания открывается в элементе 5 из процесса созерцания как некая данность *внутри* рефлектирующего «я». И эта данность также есть триада, только построенная по другим законам. Являясь как локальная, частная всеобщность, она вступает в противоречие с нашим высшим Я. Это противоречие вызвано хотя бы уже тем, что ядром ее является полученный в рефлексии тезис, а высшее Я чуждо рефлексии. В элементе 5 сталкиваются между собой опыт чувственного мира и отношение к нему мира сверхчувственного. Наше переживание здесь имеет дело с соприкосновением низшего «я» с Я высшим. Полного снятия «я» при этом не происходит. В той или иной мере всеобщее, явленное в созерцании, обогащая опыт Я (элемент 6), сливается с ним, и цикл мышления приходит в своих пределах к всеединству (элемент 7) (рис.8), но всё это происходит в свете сознания «я», лишь отчасти модифицированного «горним» светом высшего Я.

Известно, что в медитативной практике следует не думать о содержании медитации, а стараться его переживать. То же самое делаем мы и восходя к созерцанию. Движением чистого чувства, объектом которого является только субстанция мышления, мы создаем в себе пространство для высших противоположностей земного опыта. Обычно наш дух функционирует подобным образом в тех случаях, когда мы творим, обладая даром художественного творчества. *Оно оказывается невозможным до тех пор, пока мы наполнены деятель-*

*) Более детально этот вопрос развит в других наших работах.

ностью низшего «я».* Однако просто так взять и отказаться от низшего «я» также непроизволительно. Прежде чем мы станем способны устойчиво держаться в сфере созерцания или даже имажинации, в нас должно происходить попеременное кратковременное вхождение в состояние созерцания и возврат в понятийное. Должно развиваться в некоем роде «мерцающее» сознание, где рефлексия перемежается вспышками того, что в искусстве называется проявлениями гениальности. Это породит в нас страстное стремление к бытию высшего, сверхчеловеческого, к бытию высшей

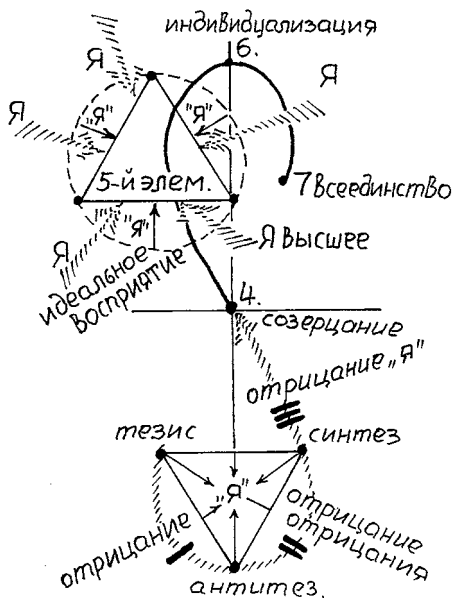

Рис. 8

этики и эстетики, как это, например, особенно ярко выразилось в творчестве Рихарда Вагнера. Идя таким путем, мы рано или поздно сознательно войдем в духовные противоположности наших высших стремлений.

Мы любим искусство именно потому, что оно являет нам феномены уже осуществленных стремлений человека к высшему. Они прекрасны потому, что уже в чувственном мире облагораживают наши души силой высшего мира и являются ручательством того, что высший божественный мир существует. Поэтому извращение искусства, принципов художественного творчества — это не просто социальное зло, это является прямым магическим проявлением сил inferнального мира, враждебных человеческой индивидуальности, как таковой. Что этим силам помогает множество просто глупых, но

*) Зная об этом законе творчества, не составляет труда распознать просто надувательский характер всего современного поп-арта, начиная от конструктивизма, супрематизма и кончая откровенно надругательскими постановками, режиссурами шедевров драматической и музыкальной классики. С новаторством, художественными поисками эти авантюры не имеют ничего общего. А в тех случаях, где низшее «я» пытаются снять, заменяя его подсознательным, также возникает нечто совершенно деструктивное для жизни искусства.

честолюбивых людей — не меняет сущности дела.* Их работа отвергает человечество в так называемую «восьмую сферу», где зреет тотальная оппозиция *всему* нашему эволюционному циклу.

Положение человека при этом усугубляется еще и тем, что у него не выработано иммунитета для защиты себя от воздействия на него искусств, превращенных в инструмент разрушения личности. В прошлом в этом просто не было нужды. Искусство творило человека. Творит оно его и теперь, но часто, к сожалению, уже как античеловека. Человек, как и прежде, при художественном восприятии снижает свое низшее «я», окружает им воспринимаемое извне, чтобы до некоторой степени вызвать в себе состояние созерцания, в котором пребывал тот, кто произведение искусства создавал. В таком состоянии человек дает возможность высшему как бы «из-за плеча» своего низшего влиться в его душу. Легко понять, что происходит, когда в таком состоянии в душу входит хаос, культ отталкивающего, ужасного, жестокого, грубые ариманические ритмы. Человек испытывает разрушение своей личности и попадает в зависимость от таких воздействий, подобную наркотической. Можно даже не сомневаться, что действие поп-арта простирается в человеке вплоть до ослабления его иммунитета.

Истинное искусство укрепляет человеческое Я, его действие в земном человеке. Поэтому и описанные нами практические упражнения с циклами мышления, будучи чрезвычайно подобными процессу художественного творчества, служат прогрессу, эволюции человека, ведут его от земно-человеческого к небесно-сверхчеловеческому.

Собственно говоря, вся деятельность человека, питаемая импульсами Антропософии, будет всё больше и больше принимать художественный характер. Со временем мы в совершенстве усвоим эзотерический язык искусства и в художественных формах будем познавать Божественную мудрость. Человек будет не рождаться гениальным, а сам делать себя таковым.

В одной из лекций, описывая характер медитативной практики, Рудольф Штайнер, фактически, описывает и задачи, какие мы имеем в наших упражнениях. Он говорит: «Мы покидаем это абстрактное мышление (что мы в наших упражнениях делаем в 4-м элементе. — *Авт.*). Мы переходим к медитативной жизни так, что покоимся на

*) Нам довелось не так давно услышать по московскому телевидению, как одна «прогрессивная» дама заявила: «Унитаз, поставленный в музей, становится произведением искусства!» Тут остается только спросить: что это — глупость или подлость?

представлении, на идее, чего обычно, в абстрактном мышлении, мы не делаем. Мы пребываем с ним, вызываем определенную внутреннюю концентрацию на нем. Мы, иными словами, предаемся жизни, протекающей в упражнении мышления, подобно тому как древний индус предавался дыхательным упражнениям (это точное описание того, что следует сделать в 4-м элементе. — *Авт.*). Мы обращаемся прямо к мыслям. Мы вносим в мышление больше ритмического, тогда как в обычном сознании мы имеем в нем больше логического. Мы постепенно добиваемся того, что я характеризовал как наделение мышления жизнью. Да, с нашими душевными упражнениями мы обращаемся прямо к мышлению...»*

Живая мысль не движется, подобно обычной мысли, так, что я мысль не чувствую. «Живая мысль пронизывает всё человеческое существо, вплоть до телесности. А переживание при этом остается в душевном. И это является переживанием страдания. И это страдание нужно преодолеть, преодолеть эту боль. Только тогда в человеке возникает то, что сверхчувственное познание полностью гарантирует ... так мы как весь человек становимся органом восприятия, когда преодолеваем переживание боли, что связано с живым мышлением. ... С этим органом чувств, которым мы становимся как целый человек, мы воспринимаем духовный мир вокруг себя, подобно тому, как с обычными органами чувств мы воспринимаем физический чувственный мир».**

Настолько далеко наши упражнения с мышлением не ведут, но в них важно то, что они ведут нас, так сказать, до половины этого пути, делают способными идти по нему дальше и гарантируют нашу психическую и духовную устойчивость, совершенно необходимую в Высшей школе Антропософии.

Что же касается начальной школы, то в ней духовный мир возмещает о себе человеку как органу духовного восприятия через нравственные интуиции, с обретением которых начинается подлинная свобода человека. Подготовить такую одновременно и нравственную, и свободную личность как созидательницу новой культуры и цивилизации и составляет главную задачу начальной школы Антропософии, школы познания Духовной науки.

*) Лекция от 18 мая 1922 г. в Кёльне. (Из частного архива.)

***) Ibid.

**МИСТЕРИЯ-ДРАМА
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БОГА И ЧЕЛОВЕКА**

КОСМИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ И МИСТЕРИИ ХРИСТИАНСТВА

1.

Чтобы духовнонаучному процессу познания эволюции мира и человека придать строгую организацию, следует иметь в виду одно из фундаментальных положений антропософской методологии. Оно заключается в том, что *единственной подлинной реальностью в Мироздании является сознание*. Мировое сознание состоит из множества мыслеобразных существ. Мышлением образована их форма, оно же является их субстанцией и деятельностью. «Весь мир — это мысль»*, — говорит Рудольф Штайнер. И еще: «Происхождение всех вещей лежит во всеознании».**

Это сознательное всеознание Бога. Бог открыл в нем Свою неизреченную мудрость. Ее откровение персонифицировано существами Иерархий. Она звучит в мировом Логосе, пронизывая Мироздание, творя его существ, формируя их интеллигибельно.

Отношения между существами Иерархий в процессе их деятельности строго закономерные и одновременно творческие. Ими порождаются различные мысле-формы, формы бытия мировой мудрости. Ради их развития субстанциональное мышление Иерархий даже сгущается вплоть до недуховного состояния, т.е. противостает

*) Лекция от 11 ноября 1904 г.

**) Лекция «Геккель и философия», прочитанная 21 марта 1906 г. в Лейпциге. (Из частного архива.)

самому себе. С помощью острейших поляризаций работает космическая интеллигенция, творя мир и человека. Поэтому процесс эволюции становится великой драмой. Ею пронизано и становление человеческого Я.

В эволюции человека мировая мудрость породила бессознательное и вступила с ним в непримиримое противоречие. В Мироздании возник Порог, на другую сторону которого высшие интеллигенции ступить не могут, поэтому они утратили возможность непосредственно проследить ход развития, перешедшего в неодолимую, чувственно-материальную часть Вселенной, и вполне управлять им. Они имеют к нему лишь косвенный доступ. И так это будет оставаться до тех пор, пока человек — существо, возведенное на отрицании духом самого себя, не выработает собственную субстанциональную интеллигенцию, в которой он сможет объять, соединить обе части единой мировой реальности, соединить их в своем Я-сознании.

Чтобы помочь человеку этой цели достичь, Божественные Иерархии учреждают на Земле Мистерии, особые места, в которых сначала полубожественные, а затем значительно опережающие всеобщее развитие человеческие существа вырабатывают в себе способность в земных условиях персонифицировать в той или иной мере мировую мудрость, интегрированную в процесс развития. Поскольку развитие носит двойственный, чувственно-сверхчувственный характер, то и интеллигенция в ходе земного развития стала двойкой: сверхчувственно-созерцающей и понятийно-мыслящей. Люди, владеющие обоими ее видами, называются посвященными. Мистерии помогают им этого посвящения достичь.

В прошлом лишь из Мистерий исходило всё импульсирование, всё управление культурно-историческим процессом. А до того, как он возник, Мистерии были, выражаясь по-современному, лабораториями евгенического оккультизма, в которых получеловеческие-полуиерархические существа занимались, выражаясь упрощенно, «выведением» рода человеческого. Они это делали в тесном взаимодействии с Божественными творцами, строго соблюдая законы развития. Их деятельность носила в высшей степени религиозный и этический характер. Это были, поистине, «отцы» человечества.

С ходом времени менялся характер посвященных, менялась их деятельность. Постепенно уже довольно значительное число просто людей могло достигать высоких ступеней сознания и брать управление Мистериями на себя, а значит, и управление культурно-историческим процессом человечества могло быть передано от полубожественных существ, адептов, людям, человеческим посвященным.

Мистерии, управляемые людьми, как и всё в мире, достигали вершин своего величия, видоизменялись в связи с меняющимся характером человека или приходили в упадок. На смену одним Мистериям приходили другие. Во внешней истории сохранилась слабая память лишь о немногих предхристианских Мистериях, находившихся уже в стадии упадка. По ним материалистический век составил себе представление о Мистериях вообще. И оно, естественно, ложное. Подлинное большое знание о Мистериях, об их сущности, предназначении принесла в мир Антропософия. Она совершила и их обновление.

С приходом Христианства роль Мистерий в развитии человечества не уменьшилась. Они лишь претерпели глубокую метаморфозу. Но с приближением нового времени, эпохи души сознательной в их деятельности возникло что-то вроде паузы. Они ушли с внешнего, социального плана в потаенное. Вызвано это было особенностями надвигавшейся эпохи интеллектуализма. Человеку надлежало впервые встать в материальном бытии целиком на собственные ноги, развить самосознание, развить автономное, обусловленное мыслящим сознанием первичное «я», причем добиться этого в отъединенности от Бога, в состоянии «покинутости» Богом.

Мистерии, хранившие себя в этот период в тайне, управляли развитием незаметным для человечества образом. Это делалось примерно так, как поступают взрослые, занимаясь воспитанием взрослых детей. Ну а прежде человечество просто еще находилось на детской стадии своего развития, и мир «взрослых» — Мистерии — занимал на внешнем социальном плане жизни особенно почитаемое место.

К концу XIX века в цивилизованной в современном смысле этого слова части человечества развитие мышления, направленного на чувственную реальность, и связанной с ним формы самосознания достигло, можно сказать, вершины своих возможностей. И для дальнейшего прогресса человеческого духа встала задача эту форму самосознания метаморфозировать. Человек должен был вновь начать переступать Порог сверхчувственного мира. Поэтому потребовалось возрождение Мистерий, но характер посвящения в них должен был стать иным. Человек ныне может проходить его, просто участвуя в культурно-историческом процессе, только делая это несколько иначе, чем масса других людей, беря на себя дополнительные задачи самовоспитания. То есть ныне стало возможным *самопосвящение*.

Множество людей приблизилось ныне к Порогу сверхчувственного мира в силу действия объективных законов эволюции. И по-

тому Мистерии опять стали нужны на широком социальном плане, чтобы помогать людям организовывать их земную жизнь в смысле задач, связанных с восхождением многих к духу, к сверхсознанию, что будет сопровождаться спиритуализацией всех факторов цивилизации. Эту роль обновителя Мистерии в соответствии с духом нового времени взяла на себя Антропософия — новая весть богов, пришедшая на землю.

2.

Не следует преувеличивать неготовность людей к восприятию духовного знания в форме Духовной науки, Антропософии, ибо они подготовлены к этому всем предшествующим ходом эволюции. Правда, особенности нашего времени ставят значительные преграды на этом пути. Будучи не в силах их понять или, поняв, преодолевать, люди всё громче возносят к небесам жалобы о своей якобы «богооставленности». На самом же деле человечество на протяжении довольно долгого времени в интересах развития погружалось во «тьму» материального бытия, в котором Солнце духа как бы скрылось «за горизонтом». Но теперь эта «темная эпоха» пришла к концу. Весть о возобновлении Мистерий на земном плане должна наполнить человека радостью, ибо их учреждение означает восстановление его сознательной связи с миром сверхчувственного. Становится возможным сознательное сомыслие людей с космическими интеллигенциями. Высокие духовные существа метаистории получают возможность благодаря знанию людей о них более непосредственно и сильно входить в земные дела человека, открывая ему космический смысл этих дел. А поскольку существа Иерархий, будучи отдельными интеллигенциями мира, переживают себя составными частями мирового Логоса, то благодаря Мистериям нашего времени Христос получает возможность с особенной непосредственностью как Брат человека приходить к нему на помощь всякий раз, как только он призовет Его. Это Мистерии обновленного Христианства, также переживающего ныне поворотный момент: переход от стадии приготовления к стадии осуществления.

Мистерии древности были наполнены ожиданием пришествия Христа, новые Мистерии наполнит жизнь и дух Христа, прошедшего через вочеловечение, умершего и воскресшего и являющего Себя в наше время в Своем втором Пришествии в мире эфирных сил. Индуирует новые Мистерии Архангел Михаэль — водитель планетар-

ных интеллигенций, Лик Господень и Сын Софии. Первый шаг на этом пути он делает с помощью Антропософии.

Предрассудки материалистов, догматизм и фанатизм клерикальных кругов, а также и глубокий декаданс многих оккультно ищущих направлений создают для Антропософии большие препятствия на ее пути в широкий внешний мир людей. Но тем большую ответственность это налагает на тех, кто Антропософию свободно принял и желает быть ее представителем в мире. Эта ответственность выражается в ряде совершенно конкретных задач, которые такой человек должен поставить себе и с напряжением всех сил решать. Среди многого прочего, это означает, что антропософ пронизывает принципами посвятельного пути все факторы своей повседневной жизни, меняя тем самым постепенно ее *качество*, насыщая ее содержание светом духа, высшего знания, возрастающей нравственностью. Тогда даже в самых малых делах и фактах жизни начинает проявляться высшее и великое.

Без духопознания на таком пути, естественно, мало чего можно добиться, например, изменить прирожденный характер души, укоренившиеся в ней привычки, эгоистичное попечение только о самом себе и т.п. То есть трудно преодолеть доминирующее в душе групповое, типическое начало.

Иное дело — овладение высшим знанием. Оно делает открытыми все загадки человеческого существа. Под напором его фактов групповое существо человека капитулирует. В самом деле, можно ли и дальше упорно замыкаться в узком эгоизме, в партийности и т.п. после того, как свободно, со всей очевидностью не только познал, но и пережил в осмысленном опыте, что человечество — это один гигантский организм, в котором страдание каждого отдельного члена сказывается на всём остальном.

Но подлинной мудростью невозможно овладеть лишь умозрительно. Ее положения нельзя затвердить наизусть. Истины, даруемые ею, — это истины становления. А истина ставшая — уже не истина. На пути духовного познания нужно как-то войти в поток мирового мышления, стать инструментом Св. Духа, постоянно переживая Его нисхождение на себя — Того Св. Духа, Которого Христос посылает человеку, чтобы Он объяснял ему Мироздание и его эволюцию, единым Богом которых является Христос, чтобы Он научил его Христову Пути, Христовой Истине и Христовой Жизни.

Подобно иерархическим существам, человеку нужно становиться сознательным членом *панинтеллигенции* мира. И это с ним происходит, когда Св. Дух начинает мыслить также и в нем. Мы говорим

об этом как о задаче нового посвятельного пути, которым не могут идти все, но который благодаря Мистерии Антропософии выходит в широкий мир и понимается как объективная необходимость многими, очень многими людьми, поскольку неким образом уже вся наша цивилизация, в силу законов развития, начинает всё больше подступать к Порогу сверхчувственного мира. Факт этот — величайшего значения и в положительном, но также и в отрицательном смысле. Да, он обусловлен объективным ходом эволюции, однако не все успевают за ним. Уже в наше время (а дальше это будет только возрастать) всё большему числу людей начинает открываться сверхчувственный мир независимо от того, готовы они к этому или нет. Те, кто оказывается не готовым, не способны понять, что в первом своем явлении этот духовный мир открывает недостатки и хаос собственной души человека. Такой сверхчувственный опыт способен рождать лишь панику и разрушение социальных отношений.

Всё это хорошо разъясняет Рудольф Штайнер, и когда мы в это входим, то начинаем понимать, что принятие Антропософии — это не дело вкуса, каких-то особенных субъективных потребностей, а главная социальная потребность человека нашего времени.

3.

С того времени, как интеллектуальное развитие стало всеобщей задачей человечества (начиная примерно с VI—V вв. до Р.Х.), начала расти рассудочная деятельность познания. И в наше время мы наблюдаем ее грандиозные плоды. Но она в конце концов потеряла самого человека. Он в ней стал даже некоей помехой. Потеряли при этом смысл и спиритуальность, и этика, и вообще всё, что составляет духовные ценности человека, и если они еще продолжают существовать, то лишь по традиции, в силу исторической инерции, с которой изо всех сил боролись уже в XIX в., где зародились позитивизм, нигилизм и проч.

Поэтому с такой деятельностью познания человеку дальше хода нет. Познание необходимо вновь спиритуализировать, наполнить высшим смыслом, а для этого требуется иная конституция души, о чем возвестил уже Иоанн Креститель, когда сказал: *Измените ваши души! Измените способ, каким вы воспринимаете и постигаете мир!* — Это уже тогда означало: познавайте и переживайте чувственный мир совместно со сверхчувственным; меняйте форму сознания, становящегося рассудочным, чтобы постигать всю полноту Мироздания в его чувственном и сверхчувственном бытии.

Полную силу призыв Иоанна приобрел уже в наше время, когда началась (в 1879 г.) эпоха Михаэля. На плане внешней культуры человечество в течение предшествовавших этой эпохе двадцати веков нисходило в сумрак материализма. То, что стало самой актуальной задачей в наше время, в те века готовилось на духовном плане. Рудольф Штайнер сообщает, что еще в XIV—XV веках по Р.Х. в сверхчувственном мире существовало нечто, напоминающее эзотерическую школу. В ней сам Архангел Михаэль учил души, готовившиеся к земному воплощению. Он учил их тому, чему теперь учит на земле Антропософия.

После пришествия Христа творчество древних Мистерий начало, метаморфозируясь, перетекать в новое время. Современному человеку необыкновенно важно понять те его истоки, его зарождение, чтобы найти живое, активное отношение к его настоящему. Прошлое в самом деле управляет настоящим, как это распознал Джордж Орвелл, социально-политический мыслитель. Мистериальное прошлое человека управляет всем культурно-историческим процессом настоящего. Ибо все известные нам факторы культуры и цивилизации зародились когда-то в Мистериях и из них вышли на внешний план жизни. Они теперь нуждаются в новой метаморфозе, и, зная их генезис, легче найти способ, как это осуществить, т.е. открыть дверь в будущее.

Описывая зарождение Мистерий, Рудольф Штайнер приводит и примеры того, как в них формировалось то, что для нас теперь стало неотъемлемой частью культуры и полностью секуляризировалось. Однако это не последняя истина культуры и, желая спиритуализировать ее, снова вызвать синтез науки, искусства и религии, нам нужно погрузиться в науку, религию и искусство Мистерий.

В одной из лекций Рудольф Штайнер рассказывает о том, как в самых первых Мистериях древней Греции родилась пра-драма, перводрама. Этот рассказ особенно важен тем, что его содержание почерпнуто Рудольфом Штайнером в Хронике Акаши и не существует других источников, из которых было бы можно об этом узнать. Последуем, говорит он, во времена, предшествующие Гомеру, «когда греческий дух породил пра-драму... и мы увидим, как великие духовные учителя вводят учеников в культовые места и дают им действительно пережить то, что мы (теперь) называем драмой. В ней они видели тайну мирового развития. То, что мы теперь стараемся объяснить с помощью многих слов, это теми учениками постигалось в астральном созерцании в действительном (сверхчувственном) видении. Нисходящий Бог, погружающийся в материю, затем преобразование прежних форм в такие, которые окружают нас теперь в минералах,

в растениях и животных, то, как сверхчувственное Божество обрело Себя в пространстве, как Оно видоизменялось в этих текучих, жидких образованиях, из которых произошел наш мир, как затем возникло физическое, как из простейшего возникло более сложное, сложнейшее, человеческий микрокосм, человек, — всё это было названо *великой мировой Трагедией*, перводрамой Божества, Которое погрузило Себя в материю, было в ней погребено, чтобы снова воскреснуть в человеке. ... ученик чувствовал себя окруженным живыми образами всего этого становления мира...»*

Когда Михаэль готовил новый центр Мистерий и намеревался основать его в наше время, то конституция человеческих душ уже радикально отличалась от той, какой обладали ученики древнейших греческих Мистерий. Теперь возникла возможность мистериальную мудрость в виде сверхчувственного культа давать душам до их воплощения на земле и тем готовить их к восприятию ее в индивидуальную форму земного сознания.

Сам Архангел Михаэль был непосредственным учителем человеческих душ в их бытии до рождения на первом этапе нового мистериального ученичества, и поскольку они пребывали в развоплощенном состоянии, то их переживания мировой Драмы были еще мощнее, чем у учеников древних греческих Мистерий. Что эти переживания существенным образом повлияли на конституцию тех душ, задали им иное направление развития, разумеется само собой. Это проявилось в них, когда они пришли на Землю, где оказались глубоко подготовленными воспринимать и понимать то сверхчувственно преподанное им, пережитое ими в духовном мире учение также и в понятиях. Так совершилось оплодотворение абстрактного познания высшей духовной мудростью.

Понятийное постижение космической мудрости — в чем еще не нуждались ученики древних Мистерий — стало необходимым в связи с тем, что в новое время рассудочность, интеллектуализм сделались основой человеческого «я»-сознания. Такое сознание является первичным индивидуальным сознанием человека, и лишь метаморфизируя его, можно выработать иную, более высокую форму Я-сознания. Задача работать над этим стала объективной эволюционной необходимостью, поэтому должен был стать иным и характер Мистерий.

Душам, прошедшим школу Михаэля, надлежало стать на Земле передовым отрядом нового развития человечества, идущего от ин-

*) Лекция «Познание высших миров», прочитанная 28 дек. 1905 г. в Берлине. (Из частного архива.)

теллектуализма к завоеванию *личной* космической интеллигенции. Поэтому тот, кто должен был учреждать на Земле центр новой Мистерии, Рудольф Штайнер, начал с развития ее второго акта: с передачи ученикам пережитой ими в сверхчувственной школе и хранящейся в их подсознании мудрости в понятийной форме.* Ему предстояло свой опыт сверхчувственного познания, преподанного Архангелом Михаэлем в форме грандиозных космических имагинаций, перевести в форму рассудочных понятий. Для этого, конечно, он должен был находиться в прямой сверхчувственной связи с Михаэлем и от его имени выступать на Земле как первый великий Иерофант Мистерии Антропософии. И как Архангел Михаэль нуждался в земном помощнике, так Рудольф Штайнер нуждался в земных сподвижниках своего дела. В целом людей, способных идти путем Антропософии, было в его время даже несколько миллионов, но подавляющее их большинство потерялось, будучи притупленным, «затоптанным» материалистической системой воспитания, образования, мощным действием всех факторов материальной культуры. А перед теми, кто всё это смог преодолеть, встала задача наводить мост от этой культуры в сферу сверхчувственного бытия, по которому со временем пойдут целые народы.

4.

Не без основания эпоха, в которую человечеству надлежало проходить через испытание материализмом, через богооставленность, в индийской эзотерике была названа «темной» — Кали-югой. Живому духовному свету здесь предстояло совсем погаснуть в человеческом сознании. А теперь, когда он вновь приходит в сферу людей, то получается (по словам евангелиста Иоанна), что «свет во тьму светит», во тьму человеческого низшего «я», но тьма эта его не принимает. Люди низшего «я» не воспринимают Христового Света, света живого Духа.

Это исключительно большая и даже роковая проблема. Она нарастала в ходе развития всего многочленного существа человека, приведшего его к тому, что он смог обрести первую форму своего самосознания лишь «во тьме» чувственного мира. Это был эволюционный процесс. Последняя его фаза — Кали-юга — длилась 5 тысяч

*) Введение понятийного в мистериальное — это является признаком именно новых Мистерий. В старых Мистериях господствовали священнодействие, культ, ритуал.

лет, а готовилась она, фактически, в течение трех с половиной эонов. Во всё это время Божественные Иерархии задавали движению духа путь вниз, в материализацию. Они призвали для этого в помощь себе даже особого духа — духа материи, Аримана, чтобы образовать некий «узел», силу, которая стягивала бы существование материи в единство. Этот «узел» действует как закон природы и называется законом всемирного тяготения. Лишь благодаря ему обеспечивается существование всех констант материи.

Обо всем этом, собственно, и повествовалось в пра-Мистерии-Драме греков, а также в индийских школах посвящения, в северных Мистериях друидов и троттов. Но знание это усваивалось учениками в особых состояниях сознания, с которыми было чрезвычайно трудно и даже невозможно вернуться в чувственный мир, чтобы рассказать другим о познанном сверхчувственном восприятии. И потому огромным достижением спиритуального развития эзотерических течений в истории и культуре человечества (мы будем говорить о них позже) и индивидуальной заслугой Рудольфа Штайнера явилось то, что в наше время возникло такое богатство высшего знания, данного также и мыслящему в понятиях сознанию.

С приходом в мир Духовной науки, Антропософии, мы, фактически, становимся участниками к великой Мистерии, рождение которой произошло на пятидесятый день после свершения Мистерии Голгофы. Тогда было положено начало нисхождению Св. Духа на *отдельных* земных людей, начало образованию не отраженной, а сущностной, субстанциональной индивидуальной интеллигенции человека.

После праздника Пятидесятницы, пережитого апостолами, потребовалось еще две тысячи лет сложного, полного драматизма развития, прежде чем человечество созрело настолько, чтобы Мистерия Св. Духа вышла на широкий социальный план, чтобы именно эта Мистерия стала выразителем осуществления Христианства на Земле.

После пережитого ими на Пятидесятницу апостолы стали водителями человечества на пути к Христианству Св. Духа. А водителем их самих стал Св. Дух, о котором Христос сказал им: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И я умолю Отчую Основу мира, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет». И далее: «Утешитель же, Дух Святой, которого пошлет Отчая Основа мира во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (Ин. 14; 15–17, 26).

В этих словах выражен, по сути, символ веры Христианства Св. Духа. В Антропософии они становятся руководящими положениями, после того как она раскрывает их эзотерический смысл. Через Антропософию Св. Дух разъясняет эзотерический смысл Мистерии-Драмы Бога, ставшего человеком и прошедшего через смерть и воскресение. Такого рода «разъяснение», подступая к понятийному мышлению, служит не только познанию, но и метаморфозе формы сознания познающего, того, кто ищет понимания События Христа.

Нужно привыкнуть к мысли, что смысл Мистерий всегда глубок, неисчерпаем. С таким настроением следует подходить и к Мистерии Св. Духа, которая в наше время приняла форму Мистерии Антропософии. В этой последней можно многое познать и понять в ее явлении для рассудка и при этом даже не догадаться о ее подлинных измерениях, ее подлинных задачах и возможностях в деле обновления, метаморфозы всего эволюционного цикла, которая должна начаться с метаморфозы сознания человека, а также его материальной культуры и цивилизации. Поэтому к Антропософии в полном смысле подходят евангельские слова: «Царство Божие усилием берется». Нужно много, упорно и систематически работать, чтобы раскрылся мистериальный характер Антропософии, а с ним — и ее просто неизмеримое значение для современного человека. Мистерия Антропософии является, по сути, ключевой, когда речь идет о пути человека ко Христу.

Христос пришел в земной мир из эволюции, но Он ею не обусловлен. Он эволюцию не отменяет (не отменяет «закон»), но благодаря наложению Мистерии, совершенной Христом, на всеобщую эволюцию мира ход этой последней изменился, стал иным весь ее характер. Из учения Рудольфа Штайнера об эволюции мы знаем, что в четвертом состоянии жизни (рунде) земного эона проявилось нечто совершенно особенное: образовались существа с земной интеллигенцией, которая не просто отпала от панинтеллигенции, но даже противостояла ей, сделала законом своего существования отрицание жизни сознания. И тогда Христос взял на Себя задачу: напрямую, т.е. по вертикали духа низойти в центр всеобщей эволюционной семичленной чаши вплоть до материально-физической формы бытия. Нисходил Он, конечно, по ступеням сознания Иерархий, отождествляясь с ними, а значит, и с ходом эволюции и редуцируя силу присутствующего Ему всеознания единого Бога.

В конце концов Он наполнил Собой земного человека, его три тела, дав им единством Свое мировое Я. Этим Он положил начало жизни космической интеллигенции в форме индивидуальной интеллигенции земного человека.

5.

Мы уже неоднократно занимались рассмотрением того, как Субстанция мира, эмануруемая Ипостасью Бога-Отца и персонифицированная существами Иерархий, движется в эволюции мира от ее начала к концу и таким образом, что до середины цикла она нисходит, а потом восходит, что особенно хорошо выражает форма чаши. Действие Ипостаси Св. Духа, несущего циклу его Идею, движется вдоль этой формы чаши в противоположном направлении: из будущего в прошлое. На каждом отрезке движения Субстанции Идея соединяется с нею и формообразует ее.

Субстанция в этом процессе постоянно движется вперед и вниз и при этом всё больше материализуется. В соответствии с этим дробится и нисходит и панинтеллигенция мира; но до возникновения человека рассудочного она не переходит, как таковая, на чувственную сторону бытия и в мире Иерархий сохраняет в иерархичности свое единство.

Но в середине четвертой рунды земного эона, т.е. в ее четвертом состоянии формы (глобе), возникает зачаток новой, десятой Иерархии — т.е. в ходе глобы образуется пятое, собственно человеческое царство, бытие которого носит душевно-духовный и культурно-исторический характер. Оно возвышается над четвертым царством, где человек эволюционирует лишь как чисто природное явление. Возникает в некоем роде эволюция в эволюции, которая одной своей частью сопряжена с законами природы, а другой — приходит во все большее противоречие с ними.

Душевно-духовная эволюция человека не может вполне оторваться от естественной эволюции, поскольку тут же утратит себя, но, оставаясь постоянно обусловленной ею, она начинает отставать, выпадать из всеобщего развития духа, принимающего восходящий характер. Чтобы человеку не просто помочь, а спасти его в этом опасном положении, в которое он пришел вобщем-то вполне закономерно, стало необходимо кардинально изменить законы развития целой рунды, и не в начале ее, а именно в середине, в 4-й глобе.

Возникла необходимость не более не менее как ввести состояние *малой пралайи*, отделяющей одно состояние жизни от другого, в самый нижний пункт его *нисхождения*. Такое мог сделать только Сам Бог. Для этого Он соединился с нашей рундой при ее первом зарождении, при выходе из пралайи, который совершается на высшем Девахане. Это значит, что всё наше состояние жизни несет в себе прямое действие на него единого Бога всего эволюционного цикла, и это

оказывает решающее влияние на весь цикл. Поэтому глубоко прав Николай Лосский, когда пишет: «...Здесь речь идет о *вечной Богочеловечности Логоса* (подч. нами. — *Авт.*) как небесного человека, а не о богочеловечности Его, проявленной Им в еще большем нисхождении к твари, поскольку Он 1900 лет тому назад спустился из Царства Божия в область падшего грешного мира и воплотился как Иисус Христос. Воплощение Логоса, исторически совершившееся на Земле, есть условие спасения падшей твари от зла, а вечная воплощенность Его, как Небесного человека, есть посредничество с Богом-Отцом и Духом Святым, необходимое даже и для тех существ, которые никогда не падали, которые от века принадлежат к Царству Божию (т.е. Иерархии. — *Авт.*) и, благодаря Христу, как небесному Богочеловеку, столь приближены к Богу, что можно говорить об их обóженности по благодати».*

Нам могут возразить, что события, совершающиеся в пределах одного состояния жизни, не могут считаться вечными. Но попробуем взглянуть на проблему вечности с точки зрения конкретных существ. Несмотря на его долгую эволюцию, которая, в определенном смысле, началась еще в зоне Сатурна, человек как субъект эволюции — а эволюционируют, собственно говоря, только субъекты, а всё остальное является объектами, средствами развития субъектов — полностью уместается именно в границах четвертой рунды земного эона. Здесь то, что прежде сложилось под действием существ Иерархий как трехчленная телесность, впервые получило собственное Я. С этой точки зрения можно говорить, что для человека вечность начинается за пределами четвертой рунды, вечность как начало его субъектного существования. Ведь в этом смысле мы понимаем и вечность, существующую до первого откровения Бога. После него существа Иерархий пробуждаются к своему самобытию, а если это существа 3-й Иерархии, скажем Духи Личности, то для них вечность по ту сторону откровения Бога означала то же самое, что и вечность для человека по ту сторону четвертой рунды.

Но «вечная Богочеловечность Бога» простирается назад и до эона Сатурна. Это если взять одно физическое тело человека. Когда оно было сотворено в эоне Сатурна, то, конечно, это ни в коем случае не был человек. Это тело стало средством обретения существами 3-й Иерархии своего Я. В первую очередь, об этих существах следует говорить, что они были «обóжены по благодати». И вот по какой причине. Физическая субстанция, ставшая впоследствии физичес-

*) Н.О.Лосский. Бог и мировое зло. М., 1994, стр. 328.

ким телом человека, явилась и основой возникших в ходе развития царств природы, и объектом, послужившим восхождению не одних только существ 3-й Иерархии. Это базовая субстанция всего эволюционного цикла, и потому она не могла не быть осененной Богом с первого же момента своего зарождения. Это была осененность Отчей Основой мира, которая с началом развития сменилась осененностью Христом.

Физическое – эта форма универсальной субстанциональности нашего цикла эволюции. Без чего, спрашивает Рудольф Штайнер, не могло бы осуществляться развитие субстанции, развитие физического тела? И отвечает: без Логоса, без Слова. «Ибо уже на древнем Сатурне оно, это физическое тело, было ведомо так, что позже стало говорящим, стало свидетелем Слова» (ИПН. 103, 19.5.1908).

В эволюции вечная Богочеловечность Христа выражается по-разному. В течение первых трех эонов Христос как единый Бог эволюционного цикла осуществлял, как говорит Н. Лосский, «посредничество с Богом-Отцом и Духом Святым», что было необходимо для развития будущего человека, а также существ, «*обоженных* по благодати», т.е., если говорить языком Духовной науки, идущих путем Христа и солнечной эволюции, чего человеку не было дано. Ему было дано нечто другое. Двигаясь по пути эволюции, где восхождение может быть завоевано в процессе нисхождения, человек именно Богочеловечностью Христа готовился в 4-м, ключевом и поворотном эоне цикла к чему-то особенному.

В силу законов развития, положенных в начале цикла, нисхождение духа могло бы длиться вечно. И чтобы эту тенденцию изменить на противоположную, нужно было особое средство, нужно было в самом сотворенном мире обрести особую силу. Ибо если бы поворот вектора развития был совершен одной только высшей силой, то в нем не было бы никакого смысла. Эта сила упразднила бы развитие. Вот почему Бого-человеческая сущность Христа именно в эоне Земли проявилась по-особому, совершенно уникально.

Повторим еще раз: только в земном эоне можно говорить о возникновении человека, когда его образование завоевало первую степень самосознания, и там, куда оно, собственно говоря, не должно было вступать, – в чувственном мире. Это отразилось и на Богочеловечности Христа таким образом, что в эоне Земли и Он переступил Порог сверхчувственного мира. А «*инкарнация Христа дала собственный смысл земному развитию*» (ИПН. 193, S.186). Это значит – не тот, каким обладают эоны во всеобщей эволюции цикла. И это слово «*собственный*» также означает особую *персонификацию* эона.

В предшествующей эволюции Христос действовал, наделяя формы жизнью, — не вечной, неизреченной Жизнью Отчей Основы мира, а жизнью, протекающей в попеременном возникновении и прехождении, удерживая ее в единстве. Совершив нисхождение на Землю в четвертой глобе 4-й рунды, Христос совершил воссоединение всех трех потоков эволюции: солнечного, земного и лунного, о которых мы более подробно говорили в первом томе.

Человек идет земным путем эволюции, где восхождение рождается в нисхождении. И мы видим, что чем глубже он погружается в материю, тем отчетливее, сильнее делается его индивидуальное сознание. Иерархии идут путем только восходящей, солнечной эволюции. Они в нисхождении участвуют жертвенно, порой даже намеренно отставая в своем развитии.

Христос в этом смысле «отстал» больше всех. Его жертва величайшая: Он нисшел на ступень человеческого сознания и благодаря этому внес туда, где зародилось человеческое самосознание в ходе *земной* эволюции, всю полноту эволюции *солнечной*, которая не содержит в себе ничего бессознательного. Так Сам единый Бог стал *непосредственным* Попечителем развития человека, что выделило последнего в разряд совершенно особенных существ всего нашего эволюционного цикла. Да, это готовилось с зона древнего Сатурна благодаря вечной Богочеловечности Христа, а проявилось в середине эоны Земли, на которую приходится и середина всего цикла.

В Своем нисхождении Христос нес с Собой сознание высшего Девахана, Идею мира, чтобы на Земле, в условиях материального бытия придать ей иной характер, т.е. изменить основополагающие законы развития непосредственно в *манвантаре*, что обычно всегда происходит в пралайе. Христос совершил действие, выходящее за рамки нашего цикла, превосходящее его возможности.

Такое деяние было поистине «не от мира сего», не от мира нашего эволюционного цикла, что и дало Земле «собственный» смысл, иной, чем у других эонов, и превосходящий их смысл. Поэтому Событие Христа стало величайшим также и для всех существ Иерархий.

Само Аتما, открывшееся для нового творения через Ипостась Бога-Отца и ставшее основой, субстанцией всякого развития, нисшедшее даже во тьму бессознательного, ступило благодаря Деянию Христа в человеке на путь возвращения к Отчей Основе мира. Было, так сказать, повернуто самое большое «колесо» развития, что наполнило новым смыслом движение всех других его «колес».

В этой смене мирового смысла в особенности изменились задачи Иерархий, служащих по преимуществу Ипостаси Св. Духа. До этой

знаменательной четвертой глобы они несли миру Идею навстречу его нисходящей субстанции, творя в ней многообразные формы, которые плотнели, материализовались, переходя на чувственную сторону бытия и там эволюционируя по принципу возникновения и прехождения. При этом их сознание оставалось в сверхчувственном мире.

С возникновением самосознания в человеческой монаде образовалась необходимость Идею мира переводить на сторону физически-чувственного бытия и там, в отдельных людях, творить из нее идеальные формы их душевно-духовной жизни.

Иерархии регулярного развития перевели космическую интеллигенцию на план чувственного бытия, но формообразовать ее там не могли. Они не могли жить в отражении, и сила их сознания была для этого слишком велика. Чрезмерное приближение его к материальному миру было способно просто разрушить этот мир, обратив его в чистый дух. Поэтому часть Иерархий, служащих Св. Духу, отстала, осталась на более низких ступенях сознания и из-за этого приняла люциферический характер. Сделала она это, конечно, не в четвертой глобе 4-й рунды, а намного раньше, еще в предыдущем зоне, когда человеческие монады получили собственный носитель сознания, астральное тело. Но в четвертой глобе их отставание *впервые* начало становиться *фактом человеческого сознания*. Прежде оно было фактом сознания иерархических интеллигенций. Человек имел к этому лишь то отношение, что был бессознательным объектом такого усложнившегося мирового мышления, которое воздействовало на его развитие. Но совсем иное началось с того момента, как действие люциферических существ проявилось в духовно-душевно-онтогенезе человека.

6.

В древних Мистериях отставшие существа Иерархий получили название «светоносцев» («Люцифер» буквально означает «носитель света»). Они несли человечеству свет высшей мудрости и являлись, по сути, учителями в тех Мистериях. Мудрость мировой Идеи в ее отношении к Субстанции мира воспринимали от них посвященные Мистерий.

Люциферические существа, находившиеся в связи со Христом, нисходившим к Земле, несли мудрость эволюционного цикла, поскольку Христос нес с Собой сознание наивысшего, надвременного плана бытия. Эту мудрость они сначала напечатлевали людям чисто

душевно, а затем, по мере развития их сознания, ее начали выражать во внешнем, чувственном мире в виде культов, ритуалов и, наконец, всех форм организации человеческой жизни на Земле.

Величайшие посвященные человечества были первыми, кто стал сознательным восприемником космической мудрости. И они нашли правильное к ней отношение, поняв, что это мудрость о грядущем Христе. Самого Христа они переживали как Грядущего. Люцифер предшествовал Ему, неся «факел» мудрости. Прежде чем стать доступной людям, она должна была пройти все девять сфер Иерархий, во всех из которых были существа отставшие, так сказать, «светоносно». Она должна была опосредоваться ими.

Люцифер нес людям творящую мудрость мира. Она дробила всеобщую астральность человечества, приспособлявая ее в земном зоне к восприятию Я. Это люциферические духи сделали человека индивидуальностью, расторгнув оковы группового сознания, подорвав силы наследственности, и повели к индивидуальной свободе. Для этого потребовалось индивидуализирующиеся астральные тела людей в их земном бытии наделять осознанной мудростью, делать ее их достоянием. Поэтому и поныне в высшем духовном мире душа встречает Люцифера не как опасное для нее существо, а как сущность, ведущую к тому, «чтобы душа все сокровища, всё существенное, что имеется в духовных мирах, сводила вниз, в чувственный мир, с тем чтобы в чувственном мире оно получило отражение и откровение» (ИПН. 138, 30.8.1912).

В первых коренных расах нашего (четвертого) состояния формы человек, конечно, делать этого еще не умел. Он тогда еще не имел никаких признаков индивидуальности. Поэтому получеловеческие-полубожественные существа выступали в роли водителей человечества, воздействуя на него космической мудростью магически. Она при этом дифференцировалась в соответствии со становлением Солнечной системы, получала свою персонификацию через духов-водителей отдельных планет. Вследствие этого единое человечество расчленилось на семь больших групп, получивших название рас. А дальше действием астрально-эфирной ауры Земли, дифференцировавшейся в соответствии с формировавшейся поверхностью Земли, с ее географией, в соответствии с природными, климатическими и иными различиями, начали образовываться человеческие племена, роды. Духовное водительство, осуществлявшееся посвященными в центрах Оракулов-Мистерий, где тем временем возвещалась не всеобщая мудрость, а ее планетарные опосредования, постепенно подвело расы к историческому и культурному развитию.

Собственно говоря, вся 4-я, Атлантическая коренная раса развивалась планетарно специфицированной космической мудростью. Люди же образовывали огромные расовые общности, во всем ведомые жрецами оракулов. В 5-й коренной расе определенное число людей доросло до сознательного участия в тех откровениях мудрости, которые происходили в оракулах. Поэтому великий Ману, выведший передовую часть атлантов из гибнувшей Атлантиды на восток, начал учреждать Мистерии, из которых изошли формы культурной жизни людей. А в их среде в это время шел интенсивно процесс родо- и племяобразования. Набирал силу институт родо-племенного кровного родства. Впоследствии на смену ему пришло нароодообразование.

С началом нашей, 5-й коренной расы эволюция человечества пошла через последовательный ряд отчетливо выраженных культурных эпох. В ходе их мудрость, несомую Люцифером, посвященные стали облекать в форму мифов, т.е. переводить на образно-символический язык. Был создан миф, выражающий главную суть земного эона. Он и получил первое драматически-мистериальное выражение. В нем ученикам, а потом и широким массам показывалось, что наивысший, единый Бог нисходит из духа в материю, погребается в ней, а потом воскресает.

По мере индивидуализации людей основной миф обрастал различными подробностями, приспосабливался к характеру различных этносов. Многообразными делались и Мистерии, возникали разные методы посвящения. Но во всех подлинных Мистериях возвещалось грядущее пришествие Христа.

Наравне с главным мифом получил драматическое выражение еще один миф – о Дионисе, выражавший сущность индивидуализации человека, происходящей за счет дифференциации, разрывания группового, родового его существа.

Событие Пришествия Христа стало водоразделом для всего. После него Христос не просто возвещает о Себе людям из высей с помощью существ Иерархий. Он как мировая несущая сила действует непосредственно в людях, вызывая через них одухотворение всего нашего состояния формы (глобы). В эфирно-физическом теле человека действует Христос, метаморфозируя в нем обусловленный пространственно-временным принцип жизни в принцип вечной Жизни Отчей Основы мира.

В этой работе Христа требуется соучастие человека как нового Диониса, который удерживает свой целостный характер, не разрывается действием страстей и вожелений, является обладателем собственного Я. Для этого человеку необходимо земную форму интелли-

генции метаморфизировать в небесную, но не утрачивая при этом своей индивидуальности.

Благодаря древнему действию Люцифера космическая мудрость не только сотворила из человека личность, но и отдалила его от Бога, ибо вблизи Бога сделать это просто невозможно. Развитие человека пошло так, что чем больше он отдалялся от Бога, тем индивидуальнее, но и материальнее становился он. В конце концов он овладел низшим «я», существующим за счет рефлексии, отражения, отторжения, отрицания живого духа.

Люди, проходившие через посвящение до Пришествия Христа, переживали некоего рода замещение своей личности (после соответствующей подготовки, оккультного праксиса) существом высшего рода. Они входили в сверхчувственный мир и через действие существа Ангела могли отождествляться с определенными его сферами. Возвращаясь в чувственный мир, они сохраняли определенные переживания, но продумывать их в понятиях не могли. Тогда-то и начали рождаться мифология и язык эзотерики.

Но с ходом культурно-исторического процесса личностное начало всё более крепло и сужалось. Его стало трудно гасить, чтобы войти в сверхчувственное, но зато сформировался рассудок, понятийное мышление, способность рефлексировать люциферическую мудрость. Человек стал «я»-существом, но узким эгоистом. Он впал в состояние кризиса.

Христос Своим Пришествием не лишил человека низшего «я», но Он *род мышления в сверхчувственном* — через слияние, отождествление — *сделал родом человеческих социальных отношений*. Для этого Он мудрость явил в ее неразрывной связи с любовью, с любовью не только к ближнему, но и к «дальному», и даже по преимуществу к дальнему. Такая любовь и дальше индивидуализирует человека (кровно-родственная любовь стоит на групповом эгоизме и имеет низкий предел индивидуализации), но уже в высшем смысле. Человеческие деяния любви на земле — это лишь иная форма мыслительной деятельности в высшем мире. И явленная Христом мудрость дарует человеку познание не за счет противостояния, отрицания, а за счет отождествления с объектом познания.

Именно в такой мудрости открывается «Дух Утешитель», новый Св. Дух, посылаемый людям Христом не через посредство люциферических Иерархий.

О старом, изначальном Св. Духе можно сказать, что он приходит по горизонтали пространственно-временного становления или — как мы это уже изображали — из будущего и высей: по полукругу чаши

мировой эволюции нести как крест своей собственной эволюции. Это означает, что впредь движение в пространстве и времени совершающегося культурно-исторического процесса само по себе мало что может дать человеку. Потому процесс этот и претерпевает ужасный декаданс. Человек должен теперь осуществлять культурно-историческое творчество, исходя из сознательного отношения к задачам своего высшего развития. А это последнее он должен всё больше и больше приводить в связь с вертикалью духа, с действием Импульса Христа, с поступательным восхождением к высшим формам сознания. О принципах такого движения говорит Сам Христос: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь». В переводе на язык эзотерики высшего развития это означает, что теперь *Христос является непосредственным подателем человеку его трехчленного высшего духа.*

Это исключительно важная и одновременно самоочевидная мысль. Стоит только подумать о том, что свое Я существа мира получают из неизреченного источника его зарождения. Я — это достояние, обретаемое из вечности. Чтобы мочь наделять им существ, Отчая Основа мира открылась в нашем цикле в трех Ипостасях и как Атма, Буддхи и Манас. Существа Иерархий взяли на себя задачу опосредовать их движение к новообразованиям мира. Но сами Иерархии — не творцы этого высшего духа. Восходя на его всё более высокие ступени, они опекают его нисхождение на нижестоящие ступени.

Достигая всё более высоких целей, Иерархии овладевают формами сознания тех или иных ступеней бытия как собственным достоянием. Так, в зоне Сатурна Атма-сознание стало собственным сознанием Тронов. И это было сознанием высшего Девахана, той сферы, где зоны из состояния пралайи входят в манвантару. Но существуют и более высокие состояния Атма-сознания; к нему Троны восходили в течение второго и третьего эонов и продолжают это делать в зоне Земли. В зоне же Сатурна Троны, овладев Атма-сознанием, стали его регентами в границах эволюционного цикла. Они напечатлели его и человеческим монадам, закрепив тем самым их присутствие на высшем Девахане, что предопределило их путь развития, проходящий через все семь эонов. Но в ходе этого развития Атма Тронов всегда останется пусть самой высшей, но лишь оболочкой человека, в которой будет созревать его уникальное, неповторимое высшее Я. Дать его человеку может только Сам Бог. Поясним эту мысль примером.

Представим себе человека, овладевшего мастерством ведения сельского хозяйства. Он выращивает разные злаки, овощи и кормит ими других людей. Плоды его труда — это, с одной стороны, его плоды. Однако в еще большей мере они принадлежат природе. Она

открыла определенным силам духа путь к возникновению средства питания для человека. Но ни эти силы, ни земледелец не могут питать людей этими силами непосредственно. Такое произошло лишь два раза, когда Христос, странствуя по земле, накормил три и пять тысяч человек двумя «хлебами». В тех случаях эфирные силы питания втекали в людей непосредственно, минуя природный процесс. И сделать это мог только Сам Бог.

Подобным же образом дело обстоит и с человеческим Я. Оно было даровано Духами Формы, оно будет во всё большей мере облекаться оболочками трехчленного высшего духа. Но всё это останется лишь *природой*, пусть и необыкновенно высокой, роль которой будет всегда состоять в том, чтобы *опосредовать* в человеке рождение его собственного Я; также и Я Духов Формы является для него лишь оболочкой. Собственное Я человеку уже принес Христос. И Он также образовал, если можно так выразиться, «внутреннюю поверхность» Атма, Буддхи и Манаса, «внешней поверхностью» которых человеческие монады были наделены благодаря опосредующей деятельности иерархических существ.

Обратим еще раз внимание на то, что Христос говорит: Я (а не кто-либо другой) ЕСМЬ и Самодух (Путь), и Жизнедух (Истина), и Духочеловек (Жизнь).* Каждое слово Бога нужно воспринимать буквально и обдуманно, ибо пустых слов Бог не произносит.

Если мы вдумаемся в буквальный смысл того, что было сказано выше, привлекая на помощь духовнонаучное учение об эволюции мира и человека, то может сложиться впечатление, что нам тут следует сделать возражение в таком, примерно, духе: как же так, Самодухом, Жизнедухом и Духочеловеком нас наделили Троны (в зоне Сатурна), Херувимы (в зоне Солнца) и Серафимы (в зоне Луны); так разве не они являются для нас Путем, Истиной и Жизнью? Ну и, конечно, в какой-то мере мы и сами по себе имеем тут определенное значение, поскольку мы и сами участвуем в нашей эволюции.

В этом возражении, по сути говоря, всё верно, но истина находится за пределами его. Да, над нами работает высшая природа существ 1-й Иерархии. Она предполагает и наше участие в ее работе. Но всё это делается для того, чтобы дать Богу возможность Самому сотворить новое, человека, т.е. новое Я в составе космической интеллигенции, Его мирового мышления. Вся прошлая эволюция человека была созданием лона, в котором Богом было зачато новое Я.

Человек и далее будет двигаться эволюционно, из прошлого в бу-

*) Так это поясняет Рудольф Штайнер.

дущее, восходя, нисходя и т.д., ибо как Я он еще не вполне родился. Главным для него будет при этом восхождение по вертикали духа, выводящее его из эволюционного процесса, ведущего к восхождению через нисхождение.

Мы встаем на этот путь, уже проникая к нравственным интуициям, в чем нам помогает работа с «Философией свободы». Ими мы должны оплодотворять социальную жизнь, творить культурно-исторический процесс и тем брать на себя крест своего нового развития.

Традиционно-эволюционная часть этого креста соответствует лишь долгу человека перед миром за свое прошлое развитие, который он обязан непременно уплатить. И в наибольшей мере он уплачивает его собственным высшим развитием. А оно теперь возможно для него лишь в том случае, если он находит отношение к несущей силе Христа, Который Своим Жизнедухом пронизал всю материализовавшуюся часть Вселенной. Таким способом Он ведет ее к Отчей Основе мира. В этом Его труде Св. Дух подходит к Субстанции мира уже не из будущего и во времени, а прямо *из высей*, вне связи со временем, с «мерой» вообще. Так начинается одухотворение мира, и человек в этом процессе — ключевое звено.

Новое формообразование в человеке должно начаться с метаморфозы формы его сознания, для чего, конечно, необходимо провести вполне определенную предварительную работу в трехчленной душе. В помощь человеку на этом «Пути», ведущем к нисхождению в трехчленную душу Самодуха, Христос посылает Св. Духа, но не через посредство Иерархий, а так, как Он послал Его апостолам, т.е. через Самого Себя. И потому Христос есть Путь человека.

Следуя этим Путем Христа, которым Он нисшел на Землю и которым человеку нужно восходить, человек получает в качестве опоры жезл Меркурия. В нем вертикаль духа лемнискатообразно обвивается движением Христа «к Отцу», к Отчей Основе мира, и нисхождением Св. Духа от Отчей Основы мира, но через Христа, к человеку (см. рис.9). Такой совместной деятельностью Христа и Духа творится в человеке ось мирового Я, которое Христос породил в нем. *Это, собственно, и есть непорочное, т.е. не зависящее от Люцифера зачатие.*

На этом пути любовь не противостоит мудрости, а мудрость ведет к любви. Таков новый принцип человеческой этики, свободный от кровно-родственного наследия, от всего группового, проповедуемого и заповеданного.

Прежняя опосредующая роль Иерархий в развитии человека сохранится и далее, ибо человек вобщем-то и впредь будет идти путем

эволюции. С помощью Иерархий он овладеет поочередно Самодухом, Жизнедухом и Духочеловеком; но, как уже было сказано, он овладеет ими как внешними формами, внутри которых будет зреть Христово начало в человеке. Пути внутренний и внешний будут двумя сторонами одного целого. Но в конце концов внешнее отпадет и из него восстанет внутреннее: единство человека со Христом.

8. Апостол Павел и Павлово Христианство

Феномен нисхождения Св. Духа на человека является теперь неотъемлемым фактором развития, действующим в каждом отдельном случае, когда человек избирает для себя Христовы Путь, Истину и Жизнь. Это значит, что, оставаясь в земном потоке естественной эволюции, он ступает на путь солнечной эволюции. Тогда по мере снятия им своего низшего «я» дух открывается ему в созерцающем мышлении. И воспринятое астральным телом явление сущностного вещей, с которыми человек, любя их, стал единством, соединяется с эфирным органом его мышления.

Впервые новое нисхождение Св. Духа пережили апостолы на праздник Пятидесятницы. Они до того уже в течение трех лет шли Путем Христа. Сам Христос подготовил их к новому посвящению, после которого они смогли стать провозвестниками Христианства по всей Земле. При чтении Евангелий легко заметить, что апостолы сначала проявляются как простые люди, обладающие разными слабостями, совершающие ошибки, не понимающие эзотерического языка Учителя. Но после нисхождения на них Св. Духа они стали двенадцатью индивидуальностями, повернувшими «колесо» всей истории и культуры человечества.

Чуть позже в их среде появляется тринадцатый — апостол Павел, в некоем роде противоположус Иуды Искарриота. Иуда в наибольшей мере среди апостолов имел в себе развитую интеллектуалистическую интеллигенцию (недаром его уподобляют Эдипу) и был не в состоянии метаморфозировать ее, опираясь на силу чистой любви. Ему недостает *созерцания* События Христа, что доступно «простоте» апостолов. Новая мудрость не нашла к нему доступа, а старая, став интеллектуалистической, теневой, губит его. Своим рассудком он постоянно переводит новую мудрость на язык повседневных понятий и тем тривиализирует то, что в высшей степени свято. Он уже ступил на путь, на котором позже возникает наша материалистичес-

кая цивилизация. Его смерть должна служить ей пророческим предостережением.

Апостол Павел, древнееврейский посвященный, смог преодолеть люциферические и ариманические искушения, которым было подвержено древнееврейское жречество. Он в чистоте выдержал испытания посвячительного пути. А это значит, что люциферическую мудрость Мистерий он воспринял в ее высшем, не приземленном аспекте, от Люцифера-Светоносца, каким тот открывается в сфере Солнца и выше.

Павел, конечно, обладал и сильным логическим мышлением, интеллектуальностью, что сказывается в его посланиях, но он, в отличие от Иуды, обладал спиритуализированной интеллектуальностью. О нем можно сказать, что он обладал сложным духом. Апостолы обладали «простым» духом. Иуда приподнялся над ними интеллектуально, но с подлинным духом соприкоснуться не смог. Поэтому он влечется интеллектуальностью к ариманическому, Павел же — к Самодуху.

Но определенного рода изъян, «жало болезни», нес в себе и Павел, ибо и он был обусловлен особенностями развития древнего израильского народа. Жречество древних евреев обладало своей системой посвящения, но в нем люциферическая мудрость открывалась жрецам (они были «детьми змеи», как об этом говорит Иоанн Креститель) не прямо в ее высшем, солнечном аспекте, а будучи отраженной Луной.

Весь израильский народ быстрее, чем какой-либо другой, шел к овладению рассудком, и потому в ходе исполнения им своей миссии: дать тело для вочеловечения Бога — он неизбежно должен был прийти в противоречие с нею. В народе всё строилось на предании, заповеди, предопределении, законе, договоре. В потоке такого развития душа, успешно идущая в нем вперед, именно благодаря такому своему развитию утрачивала способность найти отношение к чему-то до основания новому.

Еврейское жречество неизбежно должно было ожидать, что Мессия увенчает подготовленное ими Своим *земным* господством. Павел смог удержать себя от такого ожидания, но и он имел развитый рассудок, а определенное переживание в себе Манаса получал от лунного Бога Ягве. Это делало его Я сложным также и в высшем смысле, но он ожидал для него лишь еще больших даров древней люциферической мудрости. И всё это в нем обременялось еще той выработкой физического тела, которая вела человека к сильному, но лишь земному рассудку, а в дальнейшем — к материализму.

Таким образом, в некотором роде Дионисом переживал себя Павел, мучившийся глубоким внутренним противоречием, раздвоением. Имея его в себе, отношения к Христу, странствовавшему по земле, найти было трудно.

Мудростью мирового водительства апостолы Христа были введены в их инкарнации как простые, самые простые души, хотя в прошлых своих воплощениях они таковыми не были. Их элементарная неспособность понять космичность Христа была их преимуществом. Она позволила им воспринять нисхождение на них нового Св. Духа. В простоте своей оторвавшись от лунной мудрости своего народа, они, ведомые Христом, пришли к солнечной мудрости. Но путь к ней должен был найти и сложный дух человека того времени. И с Павлом случилось так, что он в своем имажинативном (но лунном) сознании пережил встречу с уже воскресшим Христом. С ним произошло нечто уникальное: на него, можно сказать, низошел не Св. Дух, а Сам Христос-Солнце и совершил полный перевод Павла от лунной к солнечной мудрости.

Это переживание можно назвать высшей Пятидесятницей. Это Пятидесятница Крещения. Ее пережил Иисус из Назарета, в котором жила самая простая (в смысле земного опыта) человеческая душа — «Натановская душа». К высшей Пятидесятнице люди должны восходить силой нисходящего на них нового Св. Духа, силой Пятидесятницы апостолов. Таков всеобщий характер Христова пути. Но порой Он может сразу открыться как Жизнь вселенского Я и тем помочь человеку найти Путь.

Я Павла не было настолько сильным, чтобы дать Христу пронизать также и физическое тело. Поэтому «болезнь» в Павле осталась. Преодолеть ее можно только эволюционно. Но зато его опыт прошлого позволил ему сохранить свое Я, восприняв Христа в свои эфирное и астральное тела. Это Я в нем в его переживании перед Дамаском на миг умерло в своем лунном аспекте, как *предварительная* форма, и «стало» совершенно новым по содержанию, о чем Павел мог только сказать: это не я, это не то Я, которое я вырабатывал в ходе воплощений; то, чем я теперь осознаю себя, — это Христос во мне.

Так совершилось перерождение Павла, сделавшее его апостолом. С этим содержанием Христа в себе он начал борьбу за Христианство, давая тем самым новую, *свою* форму этому содержанию, становясь Я-существом всецело в Христовом Духе.

Павел стал водителем тех, кто в своем развитии идет от *Пятидесятницы к Крещению*. Поэтому значение тринадцатого апостола,

Павла, в Христианстве особенно велико. Павлово Христианство идет рука об руку с Христианством Св. Духа.

В Христианстве Св. Духа человек идет к переживанию собственного праздника Пятидесятницы. И он знает, зачем он к нему идет. Он должен воспринять новую мудрость Св. Духа, даруемую людям Христом, и она поведет его к Мистерии «Крестящего Духом Святым» (Ин. 1, 33), дарующей душе встречу с Жизнедухом, с жизнью вечной, в которую должно вступить Я-сознание человека. Но ныне, в эпоху, как об этом возвестил Рудольф Штайнер, второго Пришествия Христа в мире эфирных сил «переживание Дамаска», т.е., скажем, прямое откровение человеку Жизнедуха Христа, становится возможным для многих как простых, так и сложных человеческих духов. Христос не может ждать, когда люди Его поймут. Он действует. Это не значит, что встреча со Христом в мире эфирных сил любого человека поднимает до уровня апостола. Нет, она наполняет силой, чтобы встать на Путь ко Христу.

Начиная с 30-х годов XX в., говорил Рудольф Штайнер, для людей станет возможным переживать встречу со Христом в Его втором Пришествии. Поэтому не случайно именно в эти годы поднимается новая волна темных сил и атакует человечество. Но события такого высокого рода исключить не под силу никаким супостатам. Всё больше людей, ободряемых встречей со Христом, станет обретать силу сказать себе вслед за апостолом Павлом: «Не я, но Христос во мне».

9.

Рудольф Штайнер говорит: «Христа может понять любой человек с помощью наипростейшего человеческого понимания. Нет такой меры образования, самой ничтожной, без которой было бы нельзя понять Христа. И это потому так, что Христос принес то, чем Он был, в чисто человеческие силы, во всё, что действует через человеческие силы, в то время как сообщения других основателей религий исходят из того, что они видели в сверхчувственных мирах. ... Христос является основателем религии для самых простых людей, для всякого понимания.

Отношение Христа к высшим мирам можно познать, естественно, лишь на пути посвящения. ... Христос ... с другой стороны, здесь для тех, кто нуждается в мудрости, мудрости и мудрости. ... чем дальше будет идти развитие Земли, тем больше и больше будет понимания Христа» (ИПН. 137, 11.6.1912).

Совершенно очевидно, что понимание, восприятие Христа самой простой душой является предварительным. Оно подвигает ее на становление сложной, когда и она возжелает «мудрости, мудрости и мудрости», чтобы и дальше следовать за Христом, Который, соединившись с человеком — с «мерой всех вещей» — на Земле, объял, пронизал Собой всё, что связано с бытием чувственно-физической вселенной, и увлек его за Собой к восхождению в высшие миры духа. При этом эволюция осталась, но Он наполнил ее новым смыслом и содержанием. И если бы Он этого не сделал, то Ему пришлось бы уже 2000 лет тому назад выступить в роли Судии мира и решать, что может идти вперед, а что должно быть окончательно отброшено. Однако это было бы несправедливо, поскольку и ныне мир лишь в ничтожной своей части созрел до состояния, в котором он, так сказать, способен стоять перед таким Судом, т.е. переживать его сознательно. Поэтому Христос склоняется к каждой твари и являет ей Себя доступным ей образом, чтобы мочь действовать в ней, не дожидаясь, когда она поймет смысл своего спасения.

В силу этого Христос и в Своем втором Пришествии открывает также и самым простым людям. Однако всегда будет оставаться разница между переживаниями Христа наивными душами и опытом Павла перед Дамаском. Во втором случае, как мы знаем, из Савла возник Павел — один из самых могучих апостолов. Не следует также забывать и о том, что именно опыт Пятидесятницы сделал из простых рыбаков подлинных апостолов Христа.

Одним словом, нет нужды доказывать, что Христос не упразднил идеалы посвящения, высшего духовного развития человека. Откровение новой Мудрости мира Он послал и к тем, кто способен на высшее понимание Его События, которое они далее несут в мир ко всем, в том числе и к простым людям, делая их тем самым *не простыми*. Это аксиома: *лишь сложный человеческий дух способен привести человека ко Христу сознательно, в Я. Именно ко Христу*, а не вообще к ощущению и принятию чего-то божественного, что определенные люди называют Христом, но что может не иметь (и очень часто не имеет) ко Христу никакого отношения.* Существует еще *высшая простота*, но путь к ней труден и сложен.

Однако несомненным остается и другое: главным в Христианстве является не познание Христа, а Сам Христос, Его мировая Любовь, пронизывающая мир как его наивысшее Я. Поэтому высшей

*) Например, в тех случаях, когда Христианство интерпретируют как национальную, народную религию, чем так много грешат в России.

ценностью обладает лишь реальное переживание Христа. Но чтобы Христа переживать, Его нужно познавать. Без познания мы остаемся с неведомым Богом. И как Его тогда по-настоящему любить? Истинная любовь, которую не смутит сомнениями, исходит из мудрости, воспринятой и претворенной Я. А Христос есть Бог человеческого Я.

В истории мира Христианство после Мистерии Голгофы пошло разными путями. Один был широкий и внешний — церковный, другой — узкий, глубокий и потаенный, путь эзотерический; и именно он в наибольшей мере отвечает подлинной сути Христианства. До настоящего времени эзотерическое Христианство не может в полную силу проявиться на широком социальном плане. Этому мешают предрассудки людей, не желающих взрослеть, тени прошлых этапов развития, которые не хотят отмирать.

Эзотерическое Христианство многопланово. Его сущностным ядром является Мистерия Св. Чаши (Грааля), начало которой было положено на Тайной Вечере. Это глубоко магическое, ритуальное течение высшей степени святости. К этой Мистерии можно приблизиться, идя путем того эзотерического Христианства, которое учредил Павел и у истоков которого стоит также Дионисий Ареопагит. Павлом была учреждена школа духопознания, в которой от Мистерий древности был перекинут мост к христианским Мистериям. В ней учили примерно тому же, чему теперь учит Антропософия. Павел и Дионисий подошли к Христианству не изнутри, как ученики Христа, а извне, от мира иудео-греко-латинской культуры. Через них совершилось соединение Ветхого Завета с Новым Заветом, соединение и переход одного в другой, но именно на глубинной основе, на основе эзотерического духопознания. Позже это направление проявилось в движении тамплиеров, в розенкрейцерстве; в значительной мере к нему примыкало и масонство.

Мистерия Грааля соединяет в себе и питает все течения Христианства. Она остается вечно длящимся таинством причащения телу и крови Христовой: Его Духу и Жизни. Это главная, высоко эзотерическая Месса человечества.* Чтобы быть допущенным к ней, человек должен осуществить в себе высокую степень катарсиса, очищения, т.е. должен стать на путь посвящения. Это великолепно описано в образной форме в сказании о Парсифале — главном мифе европейс-

*) Поэтому силы тьмы ополчаются на нее, стремятся ее опорочить. Особенно безобразными и опасными для людей проявлениями этой вражды в последнее время являются извращенные постановки оперы Рихарда Вагнера «Парсифаль» и пресловутый «Код да Винчи». Чем больший успех они будут иметь, тем больше бедствий постигнет человечество.

кой цивилизации, а у Рудольфа Штайнера можно найти просто потрясающее духовнонаучное истолкование этого сказания.

Мистерия Грааля постоянно излучает реальную силу Христа в мир, и миром она должна благоговейно приниматься. Свое широкое, мировое отображение она нашла в церковном культе, и этот последний должен переживать ее как наисвятейшее своего самого святого: таинства причастия. В церкви оно доступно каждому прихожанину. Однако его доступность еще не означает, что оно действует в каждом случае. И в церкви к нему нужно готовиться, до него нужно дорастать, уметь так готовить душу, чтобы оно в ней осуществлялось.

Петрова церковь, о которой Христос сказал: «И Я говорю тебе: ты – Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою...» (Мф. 16, 18), – представляет собой в 5-й культурной эпохе некое подобие малых Мистерий 4-й культурной эпохи, через которые импульсы больших Мистерий входили в широкие массы простого народа. Мистерия Грааля – это Большая Мистерия Христианства.

Мистерия Антропософии в этой связи имеет целью внецерковно, на основе духопознания соединить Большую и малые Мистерии Христианства в одно целое. Такого еще никогда не случалось в истории человечества, но человечество в лице своих лучших представителей давно уже ждало этого. И когда теперь это пришло, то у понимающих, каким чаяниям людей отвечает Антропософия, она способна вызывать лишь преклонение и благоговение, а также энтузиазм, горячее стремление нести ее в широкой мир.

10. Таинство Причастия

Мы уже говорили о том, что с 4-м состоянием жизни Христос особому соединился уже на высшем Девахане, где эволюционный процесс переходит из состояния малой пралаи в манвантару. В пралае же происходит изменение, корректировка самих *законов* развития. В чем выразилось это особое проявление Христа в эволюции рунды?

Мы знаем, что в малой пралае происходит лишь частичное изменение законов развития, а фундаментальное – в большой Пралае, отделяющей эон от эона. Христос внес в малую пралаю фундаментальное изменение законов, которые обуславливают развитие нашего состояния жизни, осуществляющегося в семи состояниях формы.

Рунда наша, главная в земном эоне, образует середину всего эволюционного цикла, и в ней, уже в ее середине, в четвертой из семи

глоб должно было осуществиться *максимальное* нисхождение духа в материю. Эта глоба — переломная во всем эволюционном цикле. И именно в эту точку перелома, где достигает максимума действие сил, ведущих к отпадению от духа, Христос внес максимум действия духа, внес мировое Я, соединил мировое Я с земным человеком и тем самым хотя бы в одном человеке, в Иисусе из Назарета, достиг конечной цели всего цикла.

Но эта Мистерия придала иной характер всему состоянию жизни, пронизала собой все его формы и изменила ход их эволюции так, как это обычно становится возможным лишь при переходе к следующей зоне.

После совершения Христом Мистерии Голгофы весь мир причащается иной жизни. Это, с одной стороны, подобно процессам одухотворения природы, совершавшимся при окончании прошлых этапов эволюции. Но там это делалось силой Иерархий, теперь это должно постепенно делаться высшей силой человека. Овладевая ею, он становится сверхиндивидуальностью, и через него свой путь индивидуализации начинают царства природы. Христос дарует жизнь вечную в Я.

В таинстве причастия несомая Христом вечная жизнь входит в человека. И таинство это является *антитезой всему ставшему*, снимает его, чтобы привести бытие к более высокому состоянию. Материальное бытие снимается силой духа, и потому причастие может совершаться *чисто духовно*. Об этом не может быть двух мнений, поскольку Самим Христом сказано: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отчей Основе мира в духе и истине, ибо таких поклонников Отчая Основа мира ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 23–24). Причастие — это и есть поклонение Богу, самое неподлиннейшее. Оно является деянием, преображающим душу так, что она становится способной вместить в себя Христово Я: «не я, но Христос во мне».

На камне основы учреждает Христос Свою церковь. Что это за камень? Это розенкрейцейский «камень мудрых» — минерал в первоначальном смысле слова и «алмаз» духа — в наивысшем, т.е. Духочеловек. В апостоле Петре нам указывается на задачу человека брать на себя персонификацию самого недуховного царства природы, которое человек несет также и в своем теле. В нем оно стало «камнем основы» его рефлексии и интеллектуализма; он возвел на нем свое низшее «я», в котором обособился, отгородился от Бога.

На «алтаре» своего минерализирующегося мозга человек совер-

шает некоего рода причастие, но направленное в обратную от Бога сторону: он в восприятии и мышлении причащается бытию вторичного, материального мира, который есть лишь отображение истинного мира. Этот антикульт совершается во всех современных людях. И потому стало большим вопросом: а способна ли Петрова церковь помогать людям преодолевать этот, творимый всей цивилизацией, культ и совершать истинно христианское причастие?

Не наше дело заниматься тем, как на этот вопрос отвечают себе люди церкви. Нас интересует то, что в решении этого вопроса способна дать Антропософия. Она способна дать очень много, только не в узко конфессиональном смысле, а исходя из всей полноты человеческой духовной, культурной, социальной и других форм его земной жизни.

Поэтому и теория познания Антропософии является наихристианнейшей наукой. С нее начинается претворение, оживление самого камня основы человеческой индивидуальности, в результате которого, фактически, каждый человек становится Петром: Христос воздвигает на нем Свою церковь, и человек поклоняется в ней Отчей Основе мира «в духе и истине». Таковы первые проявления в людях плодов особого соединения Христа с 4-й рундой земного эона и с ее четвертой глобой.

Рудольф Штайнер говорит: «Всё антропософское мышление (следует понимать — созерцающее. — Авт.) является, собственно говоря, *таинством*, как я это уже высказал в моей «Теории познания мировоззрения Гёте». Мышление — это причастие человека (и оно, как мы показали, может быть двух родов. — *Авт.*). Познание, если оно действительно является познанием, становится причастием» (ИПН. 345, 12.7.1923).

В церковном причастии используется вещество. Благодаря этому причастие получает образный и символический характер, что облегчает простому человеку доступ к нему. Но символ было бы полезно истолковать, что усилило бы действие причастия за счет сознательно-го участия в нем Я. А действие в причастии — это главное. Оно через физическое идет к эфирному и астральному человека. А в астральном коренится наше сознание. И хорошо бы было сознанию встретиться с идущей к нему силой причастия. При этом сознание способно причаститься духа и без материальных посредников.

На Тайной Вечере Христос показал, какой путь ведет к Нему: через пресуществление субстанций мира, освященных Им. Поскольку они находятся в обычном процессе эволюции, то присутствие Христа в них должно быть ритуально усилено. В своих учениках, в апосто-

лах, Христос сделал это Сам. Они после Его Вознесения сами стали, если можно так выразиться, «странствующим причастием». Уже само присутствие их на земле освящало ее. Они стали едины со Христом, и Его обновляющие силы могуче изливались через них в мир. Поэтому обычное человеческое отступило в апостолах на задний план перед Божественным в них. Они не оставили после себя каких-либо специальных сочинений. Иоанн написал «Апокалипсис», но был при этом целиком инспирирован Духом («Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям» и т.д.).

Действие Христа в человеке — *субстанциональное* и *формообразующее*. Формообразование человека в субстанции привело его в конце концов к выработке первоначальной формы «я», земной интеллигенции. К ней из высей, по вертикали духа, т.е. не эволюционно в смысле земного потока эволюции, нисходит Св. Дух, посылаемый Христом. И с ним через духовознание можно установить непосредственную связь. Тогда человек идет не от субстанции к духу, а *от духа к субстанции*. Таков был особый путь великих посвященных еще до Пришествия Христа. На нем человечество выслало навстречу грядущему Христу своих лучших представителей: Заратустру, Будду, Иисуса из Назарета. Ныне такой путь стал доступен многим.

В Иисусе Христос воплотился, а после Вознесения начались *инкорпорации* Христа, в которых Он входит в человека при сохранении им своего Я. И это есть *наивысшая форма причастия*. Ее удостоился ап. Павел. После встречи со Христом перед Дамаском Павел стал, по сути, *аватаром* Христа, что он и выразил в словах, которых никто до него не говорил и не мог сказать: «Не я, но Христос во мне». Он имеет тут в виду свое низшее «я», которое он оказался способен снять силой своего духа, но сохранить сознание: пустое. И тогда через него *изрекло Себя неизреченное Слово*: если не «я», то Я-Есмь Христос во мне.

Человек древности не мог сказать себе Я. Оно было сакральным словом. Его произносит в пылающей купине Моисею Бог: «Я есмь». Павел принадлежал к разряду людей (а таких теперь много), которые способны были сказать себе: я есмь, — однако не в высшем смысле. Павел крепко стоял на «я», был «римским гражданином», выражаясь *символически*. И он возвестил миру: это «я» нужно уметь снимать, и тогда в нас оживет наше высшее и даже наивысшее Я, оживет Сам Христос.

А тому, как следует снимать низшее «я», учит теория познания Антропософии. Учит метаморфизировать «камень основы» человеческой личности.

11. Мудрость и любовь

Апостолы при жизни Христа на Земле эфирно соединились с Его Жизнедухом, пронизали им свои эфирные тела, а на Пятидесятницу в эту возносящую субстанцию мира к духу силу их жизненных тел нисшел новый Св. Дух. Его потом христиане стали называть также Божественной Софией. Это соединенная мудрость Иерархий, обращенная на служение Христу в Его новой, особенной связи с человечеством. София как представительница Христа воссела на Его трон в среде людей. Это стало *имагинативно явленным прафеноменом Христианства Св. Духа*. В эпоху Византии ему было дано иконописное выражение, которое потом переместилось на север, в Россию. Апостолы, вместившие в себя Софию, стали своего рода «закваской» нового мира.

Своеобразным, отличным от других было становление апостолом Павла. Он, как мы сказали, свою Пятидесятницу пережил в виде нисхождения на себя Христова Я, и с этой силой он обратился *на претворение древней, люциферической мудрости Св. Духа в новую, Софийную Христову мудрость, ведущую человека к чистой, не родовой, духовной любви и тем придающей иной (не Прометеев, не люциферический) характер его свободе*.

Таким образом, двенадцать апостолов являются *носителями и воплощением* Христианства на Земле, а Павел — тринадцатый апостол — является *борцом* за Христианство, которое осуществляет себя путем метаморфозы старого мира и человека в новый.

Павел начал осуществлять свою миссию, став проповедником Христа. Поэтому его послания занимают особое место в Новом Завете, они значительно отличаются и по силе, и по характеру, и даже по объему от посланий других апостолов. Они облечены в форму, которая соответствует форме сознания человека современной, европейской культурной эпохи также и в том случае, если это сознание углубляет себя эзотерически. В таком случае ему открывается мистериальный смысл посланий Павла.

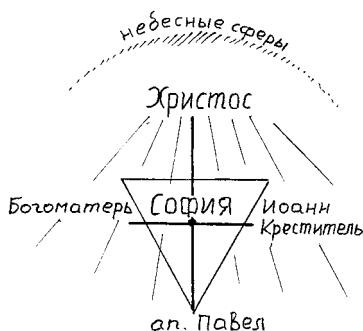
Павел необыкновенно социален. Другие апостолы в каком-то смысле подобны алхимическим квинтэссенциям, с помощью которых действие космических, зодиакальных интеллигенций вызывает на земном плане метаморфозу субстанций. Макрокосм действует через них, и Христос, как 13-й в их кругу, являет вселенское единство на Земле. В этом постоянно заявляет о себе принесение Христом высшего Девахана на земной план.

В Павле в первую очередь важно то, что он высокоразвитый чело-

век. И его, как такового, Христос ставит *на Свое место* в кругу 12-ти апостолов. Ибо не ради Себя, а ради человечества Христос вочеловечился.

Христос говорит апостолам: «Я иду приготовить вам место. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин. 14,3). О Павле можно сказать так: он является первым из людей, кому Христос приготовил место и взял его к Себе. Ибо Павел первым пережил Христа в Его втором Пришествии («приду опять!»). Поэтому он является водителем людей к переживанию вновь пришедшего (начиная с XX века) Христа.

На иконе Св. Софии *слева* от нее изображена Богоматерь, *справа* – Иоанн Креститель. *Сверху* изображен благословляющий всё Христос. Мы берем на себя смелость сказать, что, пытаясь вникнуть в эзотерический смысл софийной иконы на основе антропософской методологии, приходишь к выводу, что ее композиция могла бы носить крестообразный характер. Тогда вниз от образа Софии можно было бы изобразить апостола Павла. В этом случае мы получаем треугольник земных восприемников Божественной Софии, в нем она занимает положение в центре и дает ему (треугольнику) принцип единства.

Отношение Богоматери и Иоанна Крестителя к Софии известны благодаря сообщениям Рудольфа Штайнера (это тема Изиды-Марии-Софии, а также тема Илии-Иоанна и его связи с кругом апостолов уже из духовного мира, и др.), и мы его не станем комментировать. К этому важно только добавить, что триадный принцип более соответствует взаимосвязи духовной силы с миром людей, чем двичный. А кроме того, ап. Павел в этой триаде выражает переход глубокой мистериальной спиритуальности явления Софии в широкий мир людей. Павел в этой триаде в наибольшей мере просто человек,

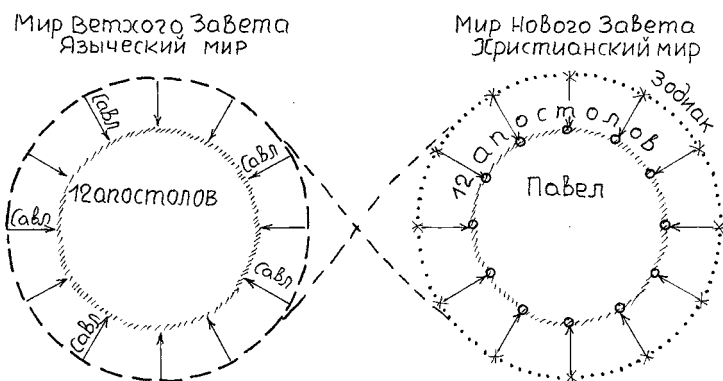

Рис. 10

но такой, которой сделал свое сознание софийным в самом начале зарождения Христианства. Это позволило ему основать течение эзотерического Христианства, которое целиком софийно, а наравне с этим открыть новому человечеству врата в мир Софии.

Богоматерь и Иоанн Креститель — это в мире людей внутренний, сокровенный мир Софии, Павел — внешний. Еще будучи Савлом, он как представитель ветхозаветного иудаизма образовал извне как бы окружность вокруг апостолов. И он сначала, как и все другие носители мудрости Ветхого Завета того времени, не находил к ним правильного отношения. Чтобы его найти, нужно, как сказал Иоанн Креститель, а потом и Христос, «изменить способ восприятия и постижения мира», т.е. изменить конституцию своей души.* Сделать это Павлу помогает Сам Христос. После этого начинается превращение Павла из человека 4-й культурной эпохи в человека 5-й. И в этом качестве он встает в *центр* круга 12-ти апостолов (рис. 10). Всё это, по сути, описано в «Деяниях апостолов», где Павлу посвящена 21 из 29 глав, с 9-й по 28-ю (этот факт даже внешне обращает на себя внимание).

Так приготовил Христос место для Своей *Мудрости* в человеке, чтобы тот и после вознесения Христа в сферу Ангелов не потерялся, а готовил себя к Его второму Пришествию.

Но Христос особо приготовил в человеке место и для Своей *Любви*. В этом случае Он поставил в круг «квинтэссенций», в круг 12-ти апостолов своего «любимого ученика», Лазаря-Иоанна, которого Он Сам провел через посвящение и которому Он, уже будучи на Кресте,

*) Мф. 3, 2 и 4, 17. Именно такой смысл заключен в греческом слове «metanoia».

поручил Божественную Софию, в чем следует видеть развитие принципа софийности, идущего через Иоанна Крестителя.

Рудольф Штайнер замечает, что нигде в Евангелии от Иоанна, которое написал Лазарь-Иоанн, не сказано, что Мать Иисуса зовут Марией. А у гностиков, которым был доступен эзотерический смысл этого Евангелия, Мать Иисуса называли Софией. И еще Рудольф Штайнер говорит, что у креста стояла Мать Иисуса – «Дева София» в смысле эзотерического Христианства; и с креста Христос говорит ученику, которого Он любил: «...се, Мать твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин. 19,27). Это значит, что ту силу, которая содержалась в астральном теле Христа Иисуса и делала Его способным нести в себе Св. Дух, делала Христа носителем Св.Духа, Христос перенес на Иоанна; поэтому именно он должен был записать то, чего это астральное тело может достичь в своем развитии.

В Евангелии далее сказано: «И ученик взял Ее к себе». Это и означает, поясняет далее Рудольф Штайнер, что он написал Евангелие от Иоанна. И потому в этом Евангелии заключена сила, приводящая к «раскрытию в человеке «Девы Софии» (ИПН. 103, 31.5.1908)*.

Иоанн есть также человеческое выражение Христовой Любви. Рудольф Штанер говорит, что любовь есть плод возрожденной, претворенной в Я мудрости (ИПН. 13). Иоанн является первым человеком, в котором это осуществилось в высшей степени, и притом божественным путем. В этом состоит его исключительность, которая также и его ставит в центр круга 12-ти апостолов.

В Иоанне мы имеем дело с прямым отношением между Богом и человеком. Бог, переступив Порог чувственного мира, пришел к человеку, посвятил его и образовал с ним отношение в субстанции высшей любви, которая родилась из претворенной в Я Христа высшей Мудрости. В этом и заключается послание Христом «Духа Утешителя». Это не просто знание, а мудрость, которая, будучи взятой человеком в Я, т.е. индивидуализированно и живо, рождает в нем любовь, а не остается абстрактным знанием.

Иоанн слился с Любовью Христа, будучи человеком, был в единстве с нею. Его христианское кредо таково: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что ... Бог есть Любовь» (1. Иоанн, 4, 7–8). В отличие от Павла, он мог сказать: не моя человечески-земная любовь, а космическая Любовь Христа во мне.

*) Мы тут, со своей стороны, хотели бы добавить, что образ Лазаря-Иоанна можно представить себе незримо, т.е. чисто эзотерически, присутствующим на софийной иконе. Он там дан в слиянии с образом Иоанна Крестителя.

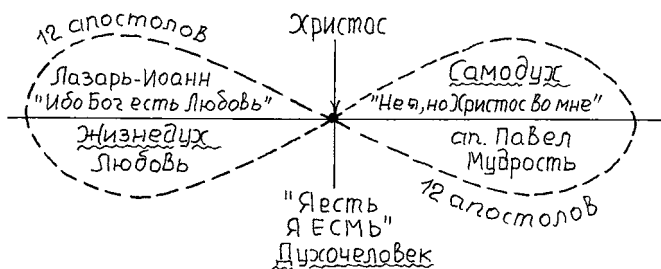

Рис. 11

И любовь, и мудрость — это лишь разные проявления космической интеллигенции единого Бога. Идя путем мудрости, человек стремится достичь способности сомыслить с Божественными Иерархиями. Но многого тут человеку пока что не достичь. Поэтому и Иоанн, будучи подведен к интеллигенции мира через Жизнедух Христа, мог переживать это отношение лишь в самой малой степени. Но главным было для него то, что через Христа, во Христе, благодаря Его любви к человеку, можно причаститься подлинной вечной жизни, которой наделены интеллигенции иерархических существ, и что преображающее действие этой любви в человеке никогда не прекратится, пока всё жизненное тело человека не отождествится с Жизнедухом Христа. В этом процессе Иоанн пребывал до самого конца своей долгой жизни.

И в этом, последнем факте также содержится нечто мистериальное. Мы знаем, что Павел умер сравнительно рано и мученической смертью, а Иоанн умер естественной смертью. Это вовсе не случайные или совершенно личные особенности их жизней. В них заключен большой иносказательный смысл. Павлов принцип — это, фактически, Гётевское «умри и стань!» Умри, по сути, «насильственной» смертью, в том смысле, что вызови в себе, в своём «я» ее сам, и как можно быстрее, чтобы вступить в высшее развитие. Путь же любви — это долгое постоянное преображение души.

По отношению к кругу апостолов Лазарь-Иоанн так же, как и Павел, был 13-м.* Он образует в их зодиакально инспирированной общности принцип единства в Буддхи, в Жизне-Любви Бога. Так учредил Христос новую Мистерию в эволюции человечества на земном плане. Он создал два центра и два способа претворения человеческого Я: через принцип Мудрости и через принцип Любви. Они соеди-

*) В числе 12-ти апостолов был другой Иоанн — Зеведеев, брат Иакова.

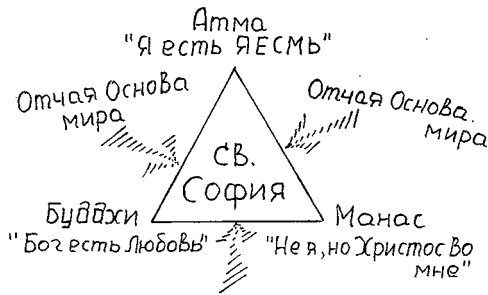

Рис. 12

нены лемнискатообразно, по принципу живого духовного организма. В узловой точке этой лемнискаты Христос пребывает Сам. Там совершается претворение всех субстанций христианина: душевных, духовных, физических. Эта фигура есть символ христианского пути, по которому может идти любой, даже самый простой человек, но его можно углубить (а значит, ускорить) мистериально (рис. 11). Рудольф Штайнер сущность этого пути выразил в уже приводившейся нами формуле: «Мудрость есть предварительное условие любви. Любовь есть плод возрожденной в Я мудрости».

Формула эта и то ее символическое выражение и раскрытие, к которым пришли мы, являются совершенно универсальными. Бог, Отчаянная Основа мира — это также и «неподвижный Движитель». Послав Сына в мир, Он учредил в нем «Движитель подвижный». Он как духовное сердце бьется в человеческой груди. И потому в человеке совершается непрерывный процесс претворения мудрости в любовь, а любви в мудрость, что развивает человеческое Я, возводя его по ступеням высшего бытия и сознания.

Изображенное на рис. 11 является, можно сказать, эмблемой Христианства Святого Духа и великим прафеноменом, который постоянно существует и действует, совершенствуя человека, несущего Путем Христа свой крест развития. Этой эмблеме можно дать и другое выражение, раскрывающее ее иные смыслы. Она тогда может быть названа «золотым треугольником» эзотерического Христианства (рис. 12).

Если человек свободно принимает соединенные в этом треугольнике три главных принципа Христианства, то всё больше наполняется Св. Духом, Которого Христос, «умолив Отчую Основу мира», посылает людям. Это «Дух Утешитель», новая София, Матерь Иисуса, преображенная душа, рождающая в себе Христа.

12.

Христос принес в мир универсальное, всепронизывающее обновление. При этом Он не нарушил всеобщие законы эволюции нисхождения, но в определенной мере метаморфизировал их и тем задал их действию иное направление, ведущее от материализации духа к его освобождению от материи, к одухотворению материи.

«Се, творю всё новое» – говорит Христос (Апок. 21,5). Человеку, пожелавшему следовать за Ним, звучит от Него: «...иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22). А всему человечеству Он возвестил: «...не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). Это следует понимать так, что в мир группового сознания и кровного родства Он принес «меч» (это оккультный символ) высшего Я. Этот меч не взять в руки никому из любящих «согреться» в групповом, но также и тому, кто продолжает пользоваться методами старого посвящения. Мы живем в эпоху засилья интеллектуализма с «деревянным мечом» низшего «я». Поэтому: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми свой крест и следуй за Мною ... кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк. 9, 23–24).

«Потерять душу» призвал людей уже Иоанн Креститель. Он крестил водою, вода же на языке эзотерики означает душевный элемент. Иоанн, таким образом, крестил людей той *душевностью*, которая должна обновлять их трехчленную душу на новой, совершенно индивидуальной основе. Обретая ее, человек готовится к крещению Духом Святым, что выражается в переживании им личного праздника Пятидесятницы. Первым пережил его Иисус из Назарета, и пережил его в его конечной полноте.

Именно в духе этих принципов вел свою работу ап. Павел, стремясь претворить древнюю, люциферическую мудрость в новую, христианскую. Он вел ее как экзотерически, так и эзотерически. Особенно последнее не могло не натолкнуться на противодействие мира «мертвых», хранителей старой, быстро отмиравшей мудрости Мистерий. Павла отверг иудаизм, против него повел судебный процесс главный судья, главный юрист того времени: Римская Империя. Внешне Павел тот процесс проиграл, чтобы выиграть его внутренне, духовно. Христианство в конце концов было принято Империей и всем миром. Началось его историческое шествие по земле. Но постепенно всё больше давал о себе занять дух новой эпохи, который можно охарактеризовать словами Лазаря-Иоанна: «И свет во тьму светит, но тьма не постигла его».

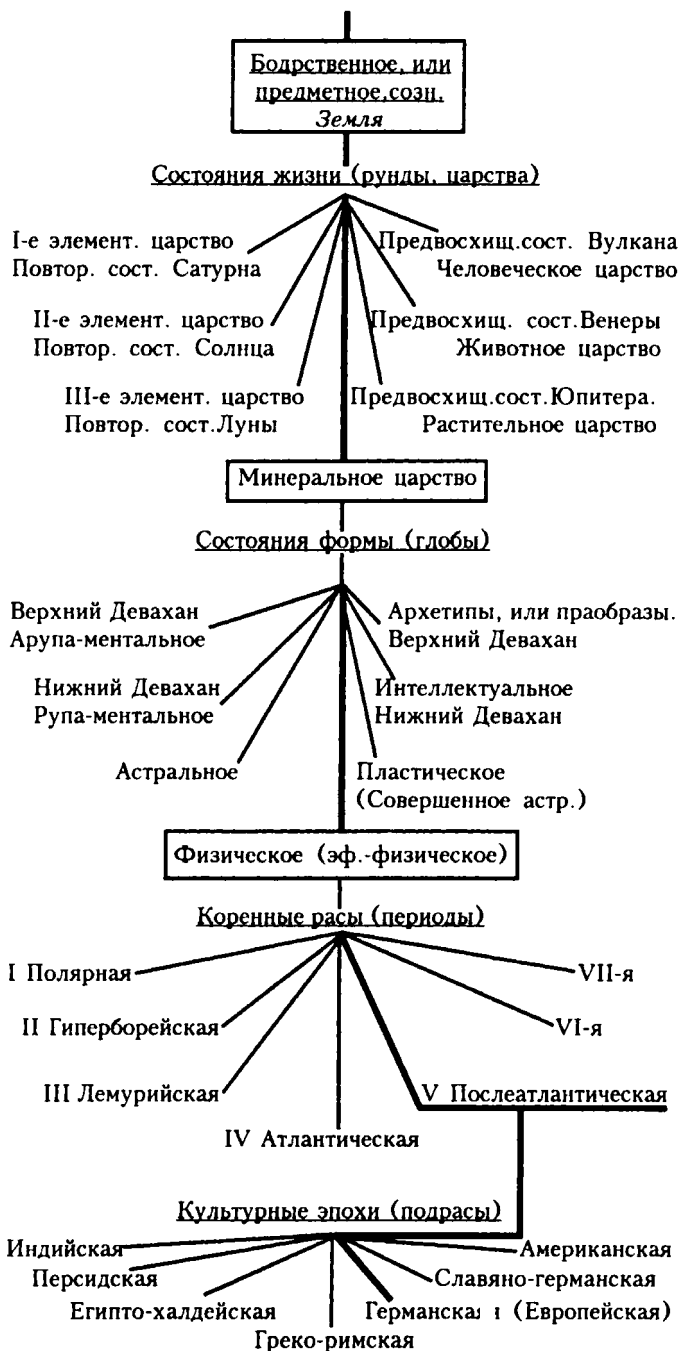
Да, Христианство было принято, внешне с ним перестали бо-

роться. Но его не поняли. Началась борьба за его понимание, а также и с его пониманием. И она длится по сию пору. В одной из лекций Рудольф Штайнер касается вопроса, почему духовенство христианских церквей не понимает Антропософию. Происходит так, говорит он, что «когда такому господину [священнику] говорят: но Вы посмотрите, христианские святые всегда переживали высшие миры, об этом рассказано в их биографиях, — то в ответ звучит: да, это хотя и так, но к этому не следует стремиться. Жития святых хотя и нужно читать, но если человек не желает подвергать себя опасности со стороны дьявола, то он не должен в жизни следовать этим примерам». Отчего, спрашивает Рудольф Штайнер, такое происходит? И отвечает: от страха перед сверхчувственным (ИПН. 138, 29.8.12).

Да, человечество нашло для себя более удобным всякое живое движение духа останавливать, заключать себя лишь в пределах пространственно-временных границ. Но всё это имеет вид «запруды», «плотины», возведенной на пути развития перед Порогом сверхчувственного мира, и потому происходит, так сказать, «накопление» духа, текущего из высей и из прошлого в выси и в будущее, а с накоплением растет его напор. Поэтому силам, противящимся развитию, постоянно приходится плотину утолщать и надстраивать. Процесс этот имеет тенденцию вообще заключить человечество в «бункер» одних только материалистических представлений.

Такого рода перспектива, вполне устраивающая отставших духов, инспирирующих радикальных материалистов, видимо, когда-то и стала бы реальностью, если бы Христианство не шло еще и эзотерическим путем. Этому течению пришлось сначала, в силу объективных причин, уйти с внешнего, социального плана, но с окончанием Кали-юги нужда в этом отпала. Этому последнему обстоятельству следует уделять особое внимание, поскольку оно имеет всемирно-историческое значение и в том смысле, что историю мы берем во всех ее трех аспектах: земном, мета- и субисторическом свершении.

Никогда в прошлом эзотерическое, мистериальное течение Христианства не получало своего выражения в форме столь систематического, обширного, одновременно глубокого и достаточно простого учения, данного понятийно мыслящему сознанию, как мы имеем это в Антропософии. Его простота, правда, требует оговорки. Составляя основной предмет Духовной науки, эзотерическое Христианство предполагает для своего глубокого познания овладение ее всеобщей методологией, когда в объекте познания выявляется структурная взаимосвязь его частей, их взаимообусловленность, генезис и многое другое.

Эта методология дает возможность познавать процессы перехода духа в материю, а материи в дух, рассматривая всякое развитие как осуществляющееся в виде определенных кругооборотов. В мире высшей интеллигенции зарождается такой кругооборот. Это мир становления чистых законов последующего этапа развития. Чистая субстанция этого мира затем под действием сложившихся законов оплотневает, вступает в пространственно-временную сферу бытия, а через какое-то время вновь восходит, растворяя свои плотные формы, становясь в конце концов субстанцией чистого закона, т.е. мыслями высоких иерархических существ, а потом Божественного Триединства.

Такой кругооборот спиралеобразно нисходит и восходит вдоль вертикали духа, периодически метаморфизируясь на разных этапах горизонтали эволюционного процесса. Всякий объект развития, нисходя и восходя через сферы бытия-сознания, обусловлен симметрично отношениями прошлого и будущего, высшего и низшего. Момент настоящего – это точка скрещения двух осей развития, перекрестие структурного креста эволюции. Это активный центр претворений, метаморфоз, которые всегда протекают лемнискатообразно.

Главная особенность земного эона состоит в том, что он стоит в центральной, узловой точке всего цикла. И точка эта обладает сложной структурой. Она при ее раскрытии обнаруживает себя состоящей из семи рунд, или состояний жизни. Среднее, четвертое из них, означает низведение абсолютной середины цикла в состояние наибольшей материализации, в котором возникает состояние формы, лишенной жизни.

Именно в эту рунду, как уже говорилось, Христос начал Свое нисхождение: на этот, самый материализованный план бытия, видоизменяя всю существующую жизнь мира таким образом, чтобы это сказывалось потом до конца цикла и даже за его пределами.

Четвертая рунда земного эона называется минеральным царством (чтобы было легче всё это представлять себе, мы дадим здесь принципиальную схему эволюции земного эона). Это значит, что в ней происходит наибольшее сгущение духа в кругообороте всего эона (и даже всех эонов). Это некоего рода нижняя кульминация феноменологии развития.

Рунда осуществляет себя в семи состояниях формы (глоб). Четвертое их них – среднее. В нашей рунде – это середина всего эволюционного цикла. Она занимает самое нижнее положение на лестнице уровней бытия. Доведение духа до состояния безжизненной материи происходит в 4-й глобе в ходе становления семи коренных рас. Сред-

няя из них — Атлантическая. Это *абсолютная середина* всего эволюционного цикла. Пройдя ее, минеральная Земля начала распадаться, превращаться в пыль. Вот что говорит об этом Рудольф Штайнер: «Земля, несмотря на все ее красоты, с середины Атлантической эпохи становится трупом и будет им становиться всё больше и больше. И когда мы стоим на природе перед гигантской скалой, то лучше всего будет при этом сказать себе: это скелет, который Земля сформировала с середины Атлантической эпохи!» (ИПН. 156, 27.12.1914).

Не все царства бытия одновременно проходят через эту максимальную точку нисхождения. Человек достиг ее в 4-й, средней, культурной эпохе *пятой*, послеплатонической коренной расы. Мы говорим «достиг», но само конкретное прохождение через нее у человека лишь частично зависит от природы, а в большей мере — от его собственной воли; хотя и у этой воли имеются определенные временные границы.

Человек как член четвертого, человеческого царства природы в начале четвертой глобы существовал как одна всеобщая астральная форма. Потом эта астральная форма начала оплотневать и дифференцироваться. При этом делении всеобщее сознание человечества также делилось и сужалось, пока, наконец, уже в ходе культурных эпох не стало индивидуальным и рефлектирующим, т.е. отрицающим жизнь духа. В том состоянии сознания человек и достиг абсолютной середины цикла и максимума его нисхождения в материю. В этом состоянии он, так сказать, *пребывает* на мировой оси симметрии (см. табл.), но *не переступает* ее. Он в некотором смысле «застрял» на ней, и с этим связан весь трагизм его современного бытия. Он особенно обострился даже не в 4-й, а в 5-й, современной культурной эпохе, хотя Мистерия Голгофы совершилась в 4-й культуре. Уже тогда Христос перевел человека во вторую половину эволюционного цикла. Он сделал это сначала только в одном человеке, а всех остальных повел за Собой в открытые Им врата в будущее. Для всех людей та Мистерия стала путеводной звездой, источником сил, надежды в их работе перехода через «мировую середину».

В этой работе человек берет структурный крест мира на себя как крест собственного развития. И сделать это он способен, лишь следуя Путем Христа. А как ему следовать им, что он означает для многочленного существа человека, для эволюции мира и т.д., — всё это знание можно почерпнуть лишь из эзотерического Христианства. Там оно, будучи отчасти унаследованным от Мистерий древности, дополненным, осовремененным, существует и развивается в течение

последних двух тысяч лет. А теперь для всех людей пришло время воспользоваться им.

13.

Будучи индивидуальностью, человек, тем не менее, имеет лишь спорадическое отношение к своему высшему Я. В процессе культурно-исторического развития человек входит как отдельный член в разного рода религиозные, политические и иные общности и в очень значительной мере определяется присущими им групповыми формами сознания. По этой причине можно говорить не об оси, а о некой «полосе» симметрии, в которой пребывает человек. В полосе ось симметрии в некоем роде «смазывается», индивидуальное Я-сознание расплывается, им начинают манипулировать и даже стремятся его аннулировать. Так Мистерия космической интеллигенции, нисходя на земной план, становится Мистерией-Драмой человеческого становления.

Особое обострение этой Драмы пришлось на время не темной, а на начало светлой эпохи развития, заря которой занялась в 1899 г., после окончания Кали-юги. Эта эпоха продлится 2500 лет. Человеку крайне опасно прохождение «полосы» симметрии продлевать за пределы этого периода. Ибо тогда очень сильно изменятся объективные условия его эволюции.

Начало светлого периода ознаменовалось одним чрезвычайно благоприятным для человека событием. В 1879 г. Регентом исторического процесса стал Архангел Михаэль. Его правление продлится 300–400 лет, и человечество должно за это время постараться достигнуть как можно большего в стремлении действительно христианизировать свою жизнь, а это означает – дать как можно больше действовать в человеке его высшему Я. Именно это Я «сужает» «полосу» до оси, до вертикали духа, по которой человеку надлежит выходить из времени и пространства. Выход человечества из темной в светлую эпоху означает окончание прежнего эволюционно обусловленного погружения в материю и отпадения от божественного мира. Мы теперь вошли в эпоху, когда, в силу законов развития, для *всего* человечества начинают постепенно открываться Врата духа. Люди естественным образом станут всё больше вновь приходить к сверхчувственному видению. Но Врата эти открываются в сторону как высшего, так и низшего мира. И если в верхнем мире человека встречают с любовью и уважением к его свободе, то из низшего мира к

нему подступают духи тьмы, силы принуждения, разрушения, хаоса. И поскольку люди в массе своей не готовы к встрече с реальным духом (виной тому культурно-исторический процесс, пошедший не совсем в нужном направлении), то вступление в светлую эпоху ознаменовалось, по сути говоря, противоестественным нарастанием драмы развития. Человечеству, в первую очередь его передовой, европейской части, необходимо многое понять, изменить, начать делать по-другому, чтобы действительно войти в светлую эпоху.

Люди в наше время становятся просто одержимыми духами тьмы, даже с энтузиазмом делают себя их послушными служителями, инструментами. Это принадлежит к одной из главных черт современной социальной жизни: она приобрела необыкновенно *темно-метафизический* характер. В таком положении помочь людям можно, прежде всего, *разъясняя* истинное положение вещей в мире, понять которое им не позволяют духи тьмы.

Именно с этой целью в мир пришла под водительством Архангела Михаэля Антропософия. Через нее же совершается и обновление Мистерий. Их импульсами должно укрепляться человечество, переступая Порог сверхчувственного мира. Оно его, собственно говоря, уже переступило, но, так сказать, с завязанными глазами, на ощупь, т.е. самым *непозволительным* образом. Поэтому люди совершенно разучились различать духов. Предаваясь звериному реву, взрывам бессмысленных страстей на стадионах, конвульсивным шаманическим движениям в «танцах» и т.п., они обольщаются привитым им пропагандой мнением, что всё это является признаками эмансипирующейся личности. И они не хотят видеть и знать, что рядом с ними совершаются поистине великие события, в мир входят импульсы высшего духа, обновляющие его, метаморфизирующие отмирающую материалистическую цивилизацию, спасая тем самым этих «эмансипирующихся» в разгуле произвола и одержимости людей от дальнейших неисчислимых страданий, неизбежно сопровождающих всё, что в развитии утрачивает свой смысл.

Углубление драматического характера Мистерии нового времени произошло не только в силу неприятия ее со стороны внешнего мира и вражды его духовно заблудившихся вождей, но и по причине недостатка пробужденности у тех, кто свободно и охотно связал свою жизнь с Антропософией. Путь ее, при вхождении в мир, оказался поистине тернистым. Ее очень часто довольно плохо понимали даже ее сторонники. Многие никак не могли вывести себя из состояния «сидения между двух стульев»: старой и новой эзотерики. И это несмотря на то, что могучие духовные силы подступили к ним. Своей кульми-

нации непонимание достигло на Рождество 1923/24 годов. Рудольф Штайнер созвал тогда собрание членов Общества и сделал попытку учредить центр новых Мистерий. Тогда, подобно тому как это случилось в свое время с апостолами, участники собрания должны были неким образом пережить нисхождение высшей духовности. В течение двадцати лет Рудольф Штайнер готовил своих последователей и учеников к тому, чтобы такое могло с ними совершиться. Поэтому он имел основание надеяться на успех. А он должен был состоять в том, чтобы имевшие задачу быть представителями дела Антропософии в мире образовали бы нужную форму, в которую могла бы нисходить София, Человеко-София. Через Рудольфа Штайнера она в течение многих лет являлась им в учении Антропософии. Была она им явлена и зримо, только чтобы всё это понимать и видеть, нужно было постоянно что-то делать *с собой* в соответствии с новой наукой посвящения.

На Рождественском Собрании 1923/24 гг. должно было совершиться нечто, предвосхищающее характер духовной жизни в 6-й, славяно-германской культурной эпохе, где будут существовать общины Самодуха. Нечто сверхиндивидуальное должно было низойти на участников того собрания, возвысить их над самими собой, чего каждый из них по отдельности делать еще не мог, и соединить их в новой общности, где *сверхиндивидуальное соединяет индивидуальных людей*. И такая общность должна была быть противопоставлена всем общностям, в которых происходит реставрация старого группового сознания и в которых поэтому человеческая личность приходит лишь в упадок и даже рискует выпасть из поступательной эволюции человечества.

В силу множества причин, обсуждение которых не входит в задачу данного рассмотрения, Рождественское Собрание в последующие один-два года потерпело неуспех. *Это было глубокой трагедией человечества*, хотя оно об этом не знает. И эта трагедия остается. Выражается она в возрастающей варваризации нашей цивилизации.

Остается в силе, однако, и водительство Архангела Михаэля, остается задача все-таки основать центр новых Мистерий. И это произойдет, когда принявшие Антропософию завершат свой выбор: *отойдут от старых, ставших атавистическими форм оккультизма и формируемой ими духовной жизни и полностью найдут себя в работе с Антропософией*, которая поистине неисчерпаема и способна каждому дать ответы на вопросы о смысле жизни, предназначении человека и вообще о смысле всего, что происходит с нами и вокруг нас.

Нынешним и будущим приверженцам Антропософии (а ими рано или поздно должны стать многие миллионы людей) необходи-

мо сделать то, чего не смогли или не успели сделать их предшественники до наступления того Рождественского Собрания, а именно: выработать в себе новый вид интеллигенции, с которой только и можно постигать Антропософию в ее глубинной сути; изменить форму своего сознания, сделав мышление созерцающим, сливающимся с духом, а не отталкивающим (рефлектирующим) его.

Как произойдет в будущем завершение великого акта учреждения центра новых Мистерий — пока что сказать невозможно. Ясно только одно: каким-то иным, чем в первый раз, образом. Движение спиритуальных импульсов — это сам процесс их *жизни*, поэтому они беспрерывно меняются. Если однажды им не удалось пробиться в мир земной жизни людей, то они принимают другую форму; при этом, естественно, приобретает другие формы и жизнь людей.

Неудача, постигшая нас с восприятием Импульса Рождественского Собрания, увеличила значение подготовительной работы, необходимой для вступления в мир Мистерий. На смену неудавшейся попытке богов одарить людей духом свыше пришла задача *развивать эзотерику снизу*, т.е. идти к дарам духа через индивидуальную работу над собой. Такая работа бывает нужна всегда, но в настоящее время ее значение стало исключительным. И если достаточное число людей с любовью и энтузиазмом соединится в ней, то они создадут то особенное духовное пространство, в котором Архангел Михаэль получит возможность далее осуществлять свою миссию. Тогда потеря обернется приобретением.

При жизни Рудольфа Штайнера на земле нескончаемые дары духа нисходили на людей. Ныне их нужно завоевывать упорным трудом. Но именно этот труд индивидуализирует человека с особой силой. Нужно только суметь его правильно, со знанием дела организовать. Главной целью человека была и остается при этом выработка новой формы сознания, в котором индивидуальная человеческая интеллигенция могла бы со-мыслить с интеллигенциями Иерархий, с панинтеллигенцией.

В трех классах начальной школы Антропософии мы ставим себе задачу работать с *пятью* типами интеллигенции. Первым из них мы все уже владеем, — это интеллектуалистическая интеллигенция. Ее силой возводится культурно-исторический процесс последних двух-двух с половиной тысяч лет, но благодаря ей же этот процесс превратился в одну гигантскую односторонность.

Человеку, вкусившему от Древа познания и низвергшемуся на Землю, было запрещено вкушать от Древа жизни. На Земле человек потерял связь с жизнью того дерева, но зато здесь он мог смело,

не рискуя, в силу своей неопытности, внести хаос в жизнь высшей интеллигенции, вырабатывать свое индивидуальное, понятийное мышление, свой рассудок. Ему предстояло, опираясь на него, обрабатывать неорганический мир Земли и благодаря этой работе формировать свое «я», личность. Поэтому уже давно работа эта называется «королевским искусством». Те, кто занимался ею, со временем стали называть себя «вольными каменщиками». Они возводили пирамиды и храмы Египта, лучший и самый мудрый среди них — Хирам Абиф — построил храм царю Соломону.

Рудольф Штайнер говорит: «Оглянемся на строение египетских пирамид, как в них благодаря человеческой работе один камень подогнан к другому, благодаря чему то, что сформировала природа, превращено в другую форму. Так преобразует человеческая мудрость Землю. И это ощущалось как собственная миссия свободно строящего на земле человека».*

Ныне первый этап этой миссии завершен. Благодаря ему человек стал земной индивидуальностью. Но мертвый земной рассудок, развившийся в процессе работы с неорганическим, хорош лишь как этап на пути к чему-то более высокому. Ныне на передний план вышла задача сделать «королевским искусством» работу с *живым*. Начинать в ней следует с оживления *рассудка*. *Лишь с живым, имажинативным мышлением можно подступать к работе с органической природой* и всю ее в целом возносить к духу.

Вот такую, собственно говоря, работу и принесла в мир Антропософия. Ничего важнее этой работы для человека нет. И почему бы ему не отдаться ей целиком?

14. Авелиты и каиниты. Два типа мудрости

Крестообразная структура мира как наиболее универсальный принцип созидания входила в сознание людей, проходящих через посвящение, уже в глубокой древности. Сообразно с этим знанием строились и Мистерии. Поэтому их можно называть *Мистериями Креста*. Они зародились уже во 2-ю культурную эпоху, в эпоху Заратустры. Из них исходили импульсы, обращавшие внимание человека на земное, побуждавшие его преображать чувственный мир земли, развивать сельское хозяйство, обработку камня, металла. Одновременно и

*) Эзотерический урок, данный 23 окт. 1905 г. (Из частного архива.)

художественной эта работа стала в 3-ю, древнеегипетскую культурную эпоху.

Мы имеем тут дело с великим процессом соединения человека с земным планом. Будучи рожденным из космической мудрости, человек с большим трудом находил отношение к ее земно-чувственному выражению. В первую культурную эпоху, в древнеиндийскую, человек хотя и воплощался на земле, но не имел к ней никакого интереса, она была ему чужда, он оставался постоянно погруженным в созерцание сверхчувственного. И нужна была большая работа посвященных, чтобы развить в людях интерес к земному плану. При этом люди были очень разные, и не в индивидуальном, а в групповом, эволюционно обусловленном смысле. Например, в разной мере трудно было пробудить интерес к земному плану в разных расовых образованиях. Это проявляется в культуре до сих пор. Но еще значительнее были различия между людьми по половому признаку.

Когда, еще до грехопадения, человеческое существо разделилось на два пола, то произошло и разделение мировой мудрости, направленной на земное творение. Возникли так называемые «женская» и «мужская» мудрость. Этот факт отражен в библейском мифе о двух сыновьях Адама и Евы — Авеле и Каине. Эти образы повествуют нам о разных ступенях развития человека эона Земли. Авель, говорит Рудольф Штайнер, соответствует той ступени, когда человечество еще находилось ближе к Божественному, чем к земному, а Каин — когда в нем уже проявилась собственная воля, а с нею — и способность творить зло (см. ИПН. 108, 14.12.1908).

В дальнейшем развитии человечества на земле обе эти ступени развития сохранились в двух типах человеческой личности, из которых для первого характерно то, что он неохотно идет к индивидуализации, более почитает кровно-родственные связи, а второй — восстает против них и является представителем самостоятельности. И это обусловлено разным характером мудрости, присущей этим двум типам людей.

В типе авелита мудрость носит более женский характер, каинита — мужской. Тема эта, надо заметить, необыкновенно глубока эзотерически и имеет основополагающее значение для понимания всей эволюции человека земного эона и отчасти даже лунного. Поэтому, естественно, в нашем исследовании мы можем этой теме лишь коснуться, воспользовавшись отдельными сообщениями Рудольфа Штайнера.

Уже само слово «авель» (по греч. — «дух»), если глубже войти в его смысл, говорит Рудольф Штайнер, носит женский характер; «каин»

же — буквально означает «мужское». В этих именах выражена противоположность между женским и мужским, как таковыми. «Женское — это то, что инспирируется воспринятым непосредственно от Божества. Пневма (дух) обретается через зачатие. А то, что дается Каину, — это человеческая работа на физическом плане. Такова противоположность между женским и мужским духом» (ИПН. 93, 10.6.1904), между женской и мужской мудростью.

Пол шествует своим путем на физическом плане, а в духе над ним «мы имеем дело с активной интуицией, происходящей от женщины, и с пассивным познанием, носящим решительно мужской характер» (Ibid., 23.10.1905(1)). Женскую активную интуицию представляет Авель. Поэтому он не способен что-то воспринимать из внешнего и перерабатывать. Он воспринимает струящееся в него Божественное. Он «пасет», опекает жизнь, как интуиция опекает жизнь божественной мудрости. Мужская мудрость Каина берет материал извне, «воздвигает» землю. Из рода Каина произошли все, кто создал на земле искусства, науки, технику. Почти прафеноменальный представитель каинитов — это библейский строитель Хирам-Абиф. Он знает, как управляться с огнем — не с физическим пламенем, а с пламенем страстей, вожделий, пылающим на астральном плане.

К роду Авеля-Сета принадлежал царь Соломон. Он владел мудростью мира — спокойной, ясной, просветленной, но и «процеженной», лишенной энтузиазма мудростью сынов Иеговы. Такая мудрость доходит до сердца, но ей чуждо то, что из внешнего мира предстает человеку как техника, искусства и т.д. Такая мудрость есть дар инспирации, а не плод мучительного и вдохновенного труда.

Каинит — это сын тех божественно-духовных сил, которые, вращиваясь в земное развитие, «способны породить микрокосм, в котором овнутряются макрокосмические силы», а в высшей точке его развития рождается Я (ИПН. 265, S. 381).

Авелиту принадлежат другие макрокосмические силы. «Они не могут так прямо овнутрить в нем силу Я» (Ibid.). Они более действуют на него извне, через посредство двух видов людей: мужчины и женщины. Для его становления необходимо существование полов, наследственности.

Каинит принадлежит земному плану. Для его развития соединение полов не является обязательным. Он способен действовать через Я-силу.

В истории эти два типа людей существовали всегда. По преимуществу из авелитов формировалось жречество. Из потомков Каина родилось течение масонства. Всё, что было построено в мире, гово-

рит Рудольф Штайнер, произошло из масонства. Поэтому «каменничество» связано со всем тем, что формировало мир, со всем тем, что из сырого необработанного вещества творит культуру.

Два эти типа людей и, соответственно, два типа мудрости должны претерпеть фундаментальную метаморфозу в 5-й, европейской культурной эпохе. С основанием Христианства, разъясняет Рудольф Штайнер, старое благочестие должно смениться новым, свободным от земных желаний; его принес на Землю Христос. «Христос — это не просто мудрость, а воплощенная любовь: высшая божественная Кама (желание), которая в то же время есть Буддхи, чисто текущая Кама, ничего не желающая *для себя*, но все страстные желания направляющая в бесконечной самоотдаче (преданности) вовне, обратная Кама. Буддхи — это обратная Кама.

Благодаря этому среди людей благочестивого типа, среди сыновей мудрости готовится высшее благочестие, которое может обладать и энтузиазмом. Это христианское благочестие. Оно было подготовлено еще в четвертой подрасе 5-й коренной расы (в греко-латинскую эпоху. — *Авт.*). Но всё это течение еще не в состоянии соединиться с сыновьями Каина. Они, в первую очередь, всё еще враги. Если бы Христианство безусловно и быстро захватило всех людей, то они хотя и смогли бы наполниться любовью, но отдельное человеческое сердце, индивидуальное человеческое сердце не присутствовало бы при этом. Это не было бы свободным благочестием, не было бы рождением в себе Христа как брата, но — лишь как господин. Поэтому на протяжении всей пятой подрасы должны работать сыновья Каина. Они действуют в своих посвященных и строят Храм человечества, возводят его из мирового искусства и мировой науки» (ИПН. 93, 4.11.04).*

Вся эта работа обоих типов людей сильно осложняется тем, что в мировом историческом развитии уже давно доминирует светский элемент, возрастает материализм, а с ним — эгоизм, ведущий людей к войне «всех против всех». Христианство хотя и способствовало раскрытию истины, что все люди равны перед Богом, но понято это не было, и французская революция подменила этот основной христианский тезис лозунгом: все люди духовно равны здесь, на земле. Что вышло из этого — хорошо известно.

Эволюционное противостояние двух типов человеческой личности, которым готовится, поистине, великий синтез, в новое время

*) Подумаем при этом о том, во что теперь превращены искусства и науки. Не вызывает ли это в нас дрожь?

было превращено в непримиримую религиозно-окультино-политическую вражду между политизированным католицизмом, наиболее радикальным выражением которого является иезуитизм, и радикально политизированным масонством, деятельность которого концентрируется в тайных обществах левого пути. Этой враждой сама эволюция человечества поставлена в опасное положение.

В 1922 г., т.е. уже после 1-й мировой войны и после большевистского переворота в России, Рудольф Штайнер говорил: «Масонство в действительности не имеет в себе больше ничего христианского. Тут, собственно, и дискутировать не о чем. Масонство, как таковое, не содержит в себе ничего христианского» (ИПН. 344, S. 244). Буквально то же самое он говорил и об иезуитизме, об «иезуитическом христианстве», которое началось в 1555 году, когда папой стал Павел IV (ИПН. 292, 9.10.1916).

В XX веке борьба между этими оторвавшимися от Христианства силами обрекла человечество на невыразимые страдания. Эти же силы встали поперек дороги и импульсу Антропософии, а это значит – будущему человечества. Рудольф Штайнер говорит: «Течение Каина нашло со временем свое главное представительство в масонстве, в то время как авелиты представлены духовенством церкви. Оба течения остаются глубоко враждебными одно другому. Лишь в одном они пришли к единодушному согласию: в ненависти к среднему [антропософскому] течению. *Результатом единодушного союза в остальном враждующих между собой направлений было уничтожение* (в 1923 году. — Авт.) *Иоаннова здания — Гётеанума*» (ИПН. 265, S. 460).

Уничтожение Гётеанума было общечеловеческой трагедией. Этого тоже пока что не понимают, однако когда-то понять придется, поскольку его пожар может обернуться всеобщим пожаром цивилизации.

У людей имеются все основания настаивать на «среднем», т.е. на антропософском пути развития. То бедственное положение, в какое впала цивилизация, имеет под собой и объективные основания. С развитием материализма должна была неизбежно быть потеряна жреческая мудрость. Масоны утратили женскую мудрость, которая позволяла им, восходя в высокие градусы, находить отношение к божественным интуициям. Поэтому неизбежным стало для них падение в материализм, утрата принципов подлинного посвящения. «И что теперь должно произойти? — спрашивает Рудольф Штайнер — Древняя мудрость ушла. Мы должны жить во внешнем. Что следует из этого? Из этого следует, что снова должно прийти определенное улучшение, когда явится мудрость, которая стоит вне пола, которая

больше не связана ни с женской, ни с мужской мудростью, ни с женской библейностью, ни с мужской Храмовой легендой*.

И эту мудрость мы встречаем в Антропософии. В этой мудрости приходят к согласию оба пола. ... Здесь в познании встречаются высшие планы мужского и женского. Поэтому вполне естественно, что некогда основы оккультизма были принесены в мир в форме масонства, а теперь должно быть положено *новое начало*. Мы имеем тут дело с тем, что называют (двойной) спиралью. ... Так должны мы мыслить переход одного в другое. Поэтому Антропософия не опирается ни на библейскую легенду, ни на Храмовую легенду, но во всем ищет зерно мудрости, которая снова должна стоять вне пола. Итак, вы видите, как Антропософия основывает мир, вносит гармонию» (ИПН. 93, 23.10.1905(1)).

Если бы масонство сохранило верность эзотерическим традициям Мистерий, из которых оно вышло в далеком прошлом, то оно с энтузиазмом и с восторгом приняло бы Антропософию, увидев в ней исполнение своих самых возвышенных чаяний. Оно поняло бы, что благодаря ей можно начать овладевать и вторым «королевским искусством», работой с органическим, и что *начинать это следует с восхождения в мир нравственных интуиций и с метаморфозы формы сознания*, с наделения жизнью сознания, и что иных путей к работе с органическим нет. Иные пути — это пути черной магии, на которых человечество может только идти навстречу второй, душевной смерти.

С Антропософией в мир пришла возможность примирить, привести к синтезу авелево и каиново начала. Примирение должно начаться с преодоления противостояния в мире полов: мужского и женского. Некогда Ягве соединил мужское и женское в земной, кровно-родственной любви. Это было сделано предварительно, пока они «не созреют до (восприятия) Принципа Христа, до мудрости, которая одновременно есть любовь, и до любви, которая одновременно способна рождать мудрость. Тогда дети Бога [авелиты] встречаются с детьми Люцифера [каинитами], тогда сливаются воедино два потока. И это происходит в Христе. Он есть Бог, ставший человеком, и человек, ставший Богом».**

И пока люди не поймут, не примут этого, не станут работать над собой в смысле этих задач, будет лишь нарастать кризис их сознания — источник всех их бед. Избавление придет только из следова-

*) Легендой о строительстве Соломонова храма Хирамом-Абифом.

**) Рудольф Штайнер. Лекция «Дети Люцифера», почитанная 14 дек. 1906 г. в Лейпциге. (Из частного архива.)

ния за Христом на Его пути к Отчей Основе мира. Для этого мужское, абстрактно-интеллектуальное сознание должно научиться мыслить в восприятии. Тогда к нему придет высшая мудрость, София. Сознание должно «умереть и стать», чтобы соединиться с «вечно женственным», с новой Софией, Которой Христос предоставил Свой земной трон. К такому пути готовит начальная Школа Духовной науки. При обучении в ней мышление человека становится *порождающим*, эфиризованным.

Метаморфоза формы сознания в трех классах школы проходит через пять этапов, или ступеней. Это можно также назвать прохождением через пять подвидов интеллигенции. Первый из них, как мы уже говорили, — рассудочный. Он сыграл огромную роль в становлении человеческого самосознания. Свой последний и высший смысл интеллектуализм достигает в первичном овладении понятиями Духовной науки. Тем самым он, не меняя своей формы, наполняет ее новым содержанием и уже только поэтому становится чем-то иным, что затем ведет и к изменению его формы. Это достигается путем иной организации *процесса* познания с помощью антропософской методологии. В человеке тогда возникает некий род переходной интеллигенции. Она носит еще посясторонний, рассудочный характер, а функционирует по законам высшей интеллигенции.

В некотором смысле параллельно с выработкой созерцающей силы суждения движется образование художественного мышления. У одних людей оно врожденное, другие могут его развить. Оно встречается также и у особенно гениальных философов. О них Рудольф Штайнер говорит, что они были художниками мышления. И в высшей степени таким же был сам Рудольф Штайнер. В одной из лекций он говорит, что *первостепенной* задачей ученика на новом пути посвящения является выработка «свободного от чувственности мышления». Для того, чтобы помочь ему в этом, написаны «Философия свободы» и «Истина и наука» (см. ИПН 94, 10.7.1906). То есть эти книги являются пособиями по выработке именно художественного мышления в сфере философии. И это не абстрактные учебники, а, фактически, сборники упражнений.

В начальной Школе Антропософии выработка художественного мышления начинается уже в области логического, а потом оно должно стать конкретным, постоянным свойством новой формы сознания. Поэтому методология художественного творчества составляет часть, и притом особенно значительную, всеобщей методологии Духовной науки.

Задачей высшей ступени начальной Школы Антропософии явля-

ются овладение чистым художественным мышлением, черпающим свое содержание во внеземном, в мире нравственных интуиций, а также способностью приводить его творчески в связь с потребностями культурно-исторического процесса.

Таким образом, мы выявили в наших рассмотрениях пять подвигов человеческой интеллигенции, владея которыми, человек простирается от земного до небесного плана, становится соединительным звеном, мостом между чувственной и сверхчувственной реальностью, носителем единства человеческой мудрости и мирового единства. Еще раз перечислим эти пять подвигов интеллигенции:

5. Мыслительная деятельность как искусство. Творческое созерцающее мышление.	<i>Нравственные интуиции</i>
4. Художественное мышление.	<i>Откровение.</i>
3. Симптоматологическое мышление (понимание иносказательного языка социальных, исторических и т.п. фактов).	<i>Мудрость.</i>
2. Методологически (в антропософском смысле) организованный процесс познания.	<i>Разум.</i>
1. Интеллектуальное (логическое) мышление.	<i>Рассудок</i>

Новым сознанием должно созидаться 5-е царство — царство спиритуальной культуры и цивилизации, в котором Авель и Каин соединятся в братском союзе, в котором мужчина и женщина протянут друг другу руки в понимании равной ценности их бытия.

15. Еще раз о созерцающей силе суждения

Также и обыденное, тривиальное сознание человека проявляется в целом ряде нюансов, особенностей. Оно бывает то более рассудочным, то более образным, то индивидуалистически обостренным, то более групповым (в тоталитарных сектах, в идеологических объединениях и т.п.). Из приведенных нами пяти подвигов человеческой интеллигенции лишь первый подвид соприкасается с обыденным сознанием, но не повторяет его. Оно на пути ученичества и в логическом берется как элемент теоретико-познавательной лемнискаты, некоего целого,

уходящего в сферу созерцающего мышления. С логики начинается процесс видовой метаморфозы человека (см. рис. 8).

Уже в работе с диалектической триадой в лемнискате на первое место выступает переживание самодвижения мыслительного процесса. Построением диалектической триады создается объект для идеального восприятия. В элементе 4 мы думаем о нем уже качественно иным образом: не из *центра* низшего «я», а из *окружения*, из Я высшего. Такой акт мышления сначала выражается в форме ожидания в освобожденном от всякой чувственности и понятийности сознании. Это начало чистого мышления.

Когда логически продуманная идея, пройдя через созерцание, является вновь, то она оказывается «продуманной» и явленной низшему «я» нашим высшим Я. Она является манифестацией нашей высшей индивидуальности в пределах низшей. Так соприкасаемся мы в себе с нашим подлинно индивидуальным началом. И тогда становится понятно, что подлинно индивидуальный процесс мышления мы имеем в верхней петле лемнискаты, где работает, как мы говорили ранее, диалектика сущего.

Низшее «я», если оно правильно мыслит, есть лишь инструмент объективного мышления. Оно — лишь «зеркальный» созерцатель. Оно действительно подобно зеркалу, лишь собирает в себе в некий образ элементы из многообразия их явления перед ним. В триаде верхней петли лемнискаты низшее «я» имеет задачу найти объективное и одновременно *личностное* отношение к идеальному объекту восприятия (элемент 5) и, в случае принятия его, сделать его частью духовного организма человека, так сказать, «переварить» его как предмет духовного питания мышлением, чувствованием и волением.

Ослабляя волей в мышлении низшее «я», мы некоторым образом втягиваем в нас наше высшее Я, а потом низшим «я» осознаем и переживаем его совершившееся присутствие в нас. Это подобно микроозарению*, и потому мышление принимает характер художественного творчества. Единая мудрость в нем от мужского восходит к женскому и снова возвращается в мужское.

Такая работа с сознанием напоминает характер мышления в мире космических интеллигенций, где одна из них субстанционально открывает себя в другой как ее высшее. Там сомыслие существ означает одновременно и их индивидуальный рост.

*) Это может однажды оказаться и большим, даже великим озарением, типа тех, с которых в прошлом начинались религиозные движения, мировоззрения и т.п.

Человек, учась мыслить в созерцании, ставит себе задачу войти в сомыслие с высшими существами, а его высшее Я является одним из таких существ. Поэтому человек в созерцании не деиндивидуализируется, а напротив — впервые становится подлинно индивидуальным существом. Высшее Я постоянно осеняет человека в ожидании, когда он снимет свое сущностно враждебное живому духу низшее «я» и даст в себе высшему Я место.

Рудольф Штайнер дает такой совет: «Тому, кто хочет практически обучать себя, следует в определенное время дня пытаться не думать. Ибо мышление особенно хорошо обучается благодаря тому, что мы с помощью нашего же мышления меньше вредим ему. Если мы способны исключить все мысли, способны не думать, тогда внутренняя, всегда присутствующая в нашей душе сила (она «внутренняя» в духовном смысле и, значит, внешняя по отношению к душевности, развиваемой в чувственном мире. — *Авт.*) начинает действовать и продвигать наше развитие вперед. А тем, что мы можем делать сами, мы, скорее, отодвигаем себя назад (ибо мы рефлектируем, т.е. отрицаем дух. — *Авт.*). ... *То, что думает в нас, присутствует в нас и тогда, когда мы не думаем.* Оно строит наилучшим образом, когда нас некоторое время при этом нет, когда мы не стоим нашей личностью, индивидуальностью ей поперек дороги».*

Нечто напоминающее феномен аватара, инкорпорации высшего в себе пытается осуществить человек, учась мыслить в созерцании. Идеи, встающие тогда перед ним в восприятии, — это явления в нем их высших сущностей, пребывающих на более высоких, чем земной, планах бытия. Они, конечно, не открываются при этом все целиком, однако и высшие существа познают друг друга лишь постепенно. Но границ у такого процесса познания нет. И именно на этом пути в человека может инкорпорировать Христос. А Его инкорпорация означает порождение — порождение собственного высшего Я человека, которое есть Я Христа в человеке.

Явление в себе высших сущностей человек воспринимает своим высшим Я. Оно всегда будет оставаться иным по отношению к любым существам Иерархий. И оно стремится не инкорпорировать, а *воплотиться* в человека. *Инструментом* в такой работе является, так сказать, *аватарическое* мышление. Увенчание его возможно только во Христе. В единстве с Самим Богом, с мировым Я может в человеке воплощаться, а точнее — рождаться, его высшее Я. Для этого нужно суметь переживать себя в духе «не я, но Христос во мне». А на пути

*) Лекция от 9 февраля 1909 г. в Штутгарте. (Из частного архива.)

к этому, в познании Христос входит в человека как Аватар, в форме откровения нового Св. Духа, Божественной Софии.

Такая посвятельная работа, осуществляемая в соответствии с законами, выражаемыми теоретико-познавательной лемниской, сначала изменяет человека, а потом новый человек выходит в высший мир и изменяет мировую лемнискую.

Человек, действующий в мире исходя из своего высшего, действует в союзе с духовными существами. Эти существа могут быть самого разного рода, ибо мир движется вперед путем возникновения и разрешения противоположностей. Если человек хочет быть реалистом, то он должен уметь работать вместе с существами по меньшей мере трех видов. Первый из них несет земле откровения Св. Духа, навстречу которым движет снизу вверх мир Христос. Вторым вид составляют люциферические существа, третий — ариманические. Эти два последних вида образуют во Вселенной некоего рода «контринтеллигенцию». В ней со все большей силой, особенно в наше время, проявляется еще один вид отставших существ — азурических.

Человек поставлен (и исторически, и цивилизационно, и психически-духовно) в точку соприкосновения и противостояния космической интеллигенции и контринтеллигенции. И его роль в этом противостоянии чрезвычайно значительна как для его личной судьбы, так и для судьбы человечества в целом и даже для судьбы всего мира. Что во многих случаях он об этом даже не знает — это является его трагедией. Он должен делать сознательный выбор в противостоянии тех сил, а если он об этом не знает, то, значит, он непременно уже вовлечен в состав того или иного группового сознания. А тогда ему лишь остается горестно восклицать: я не понимаю, почему в мире так много зла!

Могучая рука помощи протянута человеку, чтобы он научился это понимать, а понимая, «ведая» бы, что творит. «Дух Утешитель», обещанный Христом, Человеко-София уже пришла в мир. Она стремится оказать человеку всяческую помощь в современной очень не простой ситуации. Она хочет помочь человеку всю сложную констелляцию современного мира заключить в новый «Золотой треугольник». Ибо только в нем можно по-новому строить 5-е, собственно человеческое царство, царство высшей человечности и свободы (рис. 13).

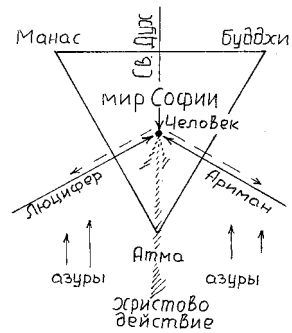

Рис. 13

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КОНТРИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В мире существует семь невыразимых, или неизреченных тайн. К ним относятся: тайна бездны, тайна числа, тайна Логоса и др. Тысячелетиями человечество ищет способы, как их выразить, т.е. разгадать, ибо от этого зависит его духовный прогресс. Одной из наиболее загадочных и при этом наиболее волнующих является среди этих семи тайн тайна зла, о которой столь впечатляющим образом повествует Апокалипсис.*

Наш многолетний опыт изучения духовного наследия Рудольфа Штайнера привел нас к выводу, что ему удалось эту тайну «изречь», т.е. выразить в понятиях то, что до него считалось понятийно невыразимым. Однако далеко не все из тех, кто изучает его труды, понимают, как он это сделал. Объясняется это тем, что раскрытие тайны того, почему в мире существует зло, как противостоят одно другому добро и зло, вплетено Рудольфом Штайнером, фактически, во всё его духовнонаучное учение. Мы имеем тут дело, если выражаться образно, с гигантским панно, отдельная, но очень значительная колористическая особенность которого и изрекает эту тайну. Значение этой «особенности» настолько велико, что без нее оказалось бы совершенно не завершенным всё живописное решение этого панно, т.е. оно перестало бы быть произведением искусства, каковым в действительности является система антропософского знания.

Антропософия дает ключ к пониманию истоков, сущности, происхождения зла, а также его права на существование. Что нужно, чтобы смочь воспользоваться этим ключом? Прежде всего, конеч-

*) Эта тайна является также и наиболее актуальной именно в нашу культурную эпоху, ибо, как говорит Рудольф Штайнер, каждой из таких эпох довлеет одна, своя, из этих семи тайн.

но, наличие опыта довольно серьезного познания. И если он у нас есть, то можно попробовать как можно шире описать то, как Рудольф Штайнер в процессе возведения всего строения Духовной науки дает в нужных местах по частям раскрытие тайны зла. Ставить при этом вопрос: а пойдем ли мы в таком случае эту тайну «до дна»? – вряд ли стоит. Успех в деле тут у каждого будет свой. Но он будет – успех в понимании одной из коренных проблем человеческого бытия и индивидуального человеческого развития.

1. Манихейство

Первыми, кто в эпоху зарождения человеческой рассудочности задумался над проблемой зла и глубоко заглянул в его тайну, были манихеи. Их движение возникло в III в. по Р.Х. и с тех пор постоянно существует на земле и будет еще очень долго существовать. Манихеи ставят себе вопрос, который волнует очень многих людей: каким образом зло, господствующее в человеческой жизни, можно соединить с действиями доброго Бога? Чтобы на него ответить, следует начинать, как считают они, с углубления понимания природы одновременно и добра, и зла. Добро и зло противостоят одно другому в мире, но постепенно добро, т.е. высшее, берет в себя зло – низшее – и преобразует его своей силой в добро. Действия человека оказываются преступными до тех пор, пока он совершает их в узко эгоистических целях (это могут быть и цели группового эгоизма), будучи поработанным своей низшей природой, которой объективно присущи многие черты животности. Но если истинный дух человека приобретает над этой природой власть, то его действия начинают идти по доброму пути. Поэтому зло не следует считать действительным – так думают манихеи, – зло – это добро, поставленное не на свое, на неправильное место.

У манихеев есть легенда, в которой рассказывается о том, что когда-то, в далеком прошлом, еще в начале мира духи тьмы задумали штурмом овладеть Царством Света. И возникла необходимость наказать их за это. Но в Царстве Света нет зла, а только одно добро. Так что демонов можно было наказать лишь чем-то добрым. Духи света решили так: часть собственного света они примешали в царство тьмы, и там возник некий род закваски, вызвавшей брожение и ввергнувшей царство тьмы в хаотическое круговращение. В результате то царство получило новый элемент: им стала смерть. С тех пор оно постоянно пожирает себя, поскольку в самом себе несет зародыш своего уничтожения.

Благодаря тому деянию духов света возник и человек. Более того — именно он-то и был той частью Царства Света, которую боги применяли к царству тьмы. Человек через смерть должен преодолевать его, в первую очередь — преодолевать в себе.

Учение манихеев вышло из западных областей Малой Азии. Его основоположником является *Манес* (или Мани), о котором Рудольф Штайнер говорит, что для многих это была индивидуальность, за которой стояло нечто, делавшее ее «выше, могущественнее ... чем Скитианос, Будда и Заратустра». «Посланцем Христа» считали его те, кто в манихеизме видел больше, чем обычные люди. Это он в IV-м столетии по Рождеству Христову собрал на великой коллегииум троих: индивидуальность, в которой тогда был воплощен Скитианос, перевоплощенного Заратустру и индивидуальность, являющуюся «физическим отблеском Будды», который сам присутствовал на коллегииуме сверхчувственно. «На том коллегииуме был составлен план, как всю мудрость Бодисаттв послееатлантического периода времени во всё большей мере вводить в (будущее) развитие человечества». Этот план позже вошел в Мистерии розенкрейцеров, с которыми «постоянно общались индивидуальности Скитианоса, Будды, Зараустры. Они были учителями в школах розенкрейцеров, теми учителями, которые как дар посылали Земле мудрость, потому что благодаря их мудрости должен быть понят Христос в Его Сущности» (ИПН. 113, 31.8.1909).

В другой лекции Рудольф Штайнер сообщает, что Манес проходил через посвящение в древнеегипетских Мистериях Озириса и Изиды. Об этом сохранилось предание, в котором рассказывается о «юноше из Саиса»*, вознамерившемся без принятой тогда подготовки проникнуть к тайнам духовного мира. Как и другие посвященные тех Мистерий, он пожелал стать «сыном вдовы», Изиды, печалившейся по потерянному супругу. «Но поскольку он был не готов, когда захотел здесь, на физическом плане узреть образ Изиды без покровов, захотел увидеть небесные тайны, то подпал смерти. В то время ни один смертный не смел снимать покров Изиды. В юноше из Саиса символизировано бессилие мудрости египетского времени» (ИПН. 264, S. 228).

Намерению юноши из Саиса соответствовал путь посвящения, которым в новое время прошел Рудольф Штайнер. И юноша из Саиса был в своих дальнейших воплощениях среди тех, кто готовил этот путь.

Когда Христос Иисус странствовал по земле, юноша из Саиса был воплощен как евангельский «юноша из Наина». Христос, как

*) См. об этом у Новалиса — «Ученики в Саисе».

мы помним, воскресил его. «Народ из города», сопровождавший умершего, состоял, — раскрывает эту тайну Рудольф Штайнер, — из бывших египетских посвященных. Во время пришествия Христа все они уже были словно мертвые, хоронившие мертвого. Мать юноши — *вдова* — стояла там словно Изида. «Она низошла на Землю, прежняя Изида; ее силы (силы мудрости — Авт.) теперь могут быть пережиты на самой Земле». Христос провел ее сына через новое посвящение, которое ведет к воскрешению, и вновь подарил его матери. Христос в этом деянии «пробудил человеческую душу, которая в силу своей судьбы была призвана к тому, чтобы быть специальным носителем культурного ядра старого времени и одновременно способной заботиться о том, чтобы дары, принесенные Христом человечеству, могли бы действовать и далее, чтобы понимание Христа и Его миссии было соответствующим образом перенесено в дальнейшие времена человечества» (Ibid., S. 228f.). Таков Манес.

В соответствии с характером его прежнего пути, Манес в дальнейшем был воплощен как «сын вдовы» Герцеллойды, как *Парсуфаль*. В той жизни он готовил себя к тому, чтобы «позже стать новым учителем Христианства, задачей которого должно быть пронизание Христианства во всё большей мере учением о карме и реинкарнации, когда время для этого созреет» (Ibid., S. 230).

Таким образом, основатель манихейства является индивидуальностью, имеющей самое непосредственное отношение к, так сказать, осевому принципу становления Христианства, к его осуществлению на разных стадиях эволюции человечества. И эта индивидуальность вызывает к жизни движение, члены которого берут на себя задачу познавать тайну добра и зла и весь свой образ жизни формировать так, чтобы он вел к практическому претворению зла в добро.

Как основатель манихейства Мани жил в 216–277 гг. В манихейском предании рассказывается, что предшественником Манеса был Скитианос (Рудольф Штайнер называет его «хранителем прадревней атлантической мудрости», «величайшим посвященным Земли» (ИПН. 113, S. 190). После насильственной смерти Скитианоса его ученик Теревинтус бежал, взяв с собой его книги, в Вавилон. Но и там ему пришлось нелегко. Лишь одна старая вдова чрезвычайно умного купца приняла его учение. Она унаследовала книги Теревинтуса и оставила их своему 12-летнему приемному сыну, которого она усыновила, когда ему было 7 лет. В Возрасте 24-х лет он, прозванный «сыном вдовы», и выступил как основатель манихейства. В этом предании всё, конечно, носит символический характер, и его символы нужно понять.

В учении Манеса, как его характеризует Рудольф Штайнер, была собрана мудрость древних религий и подана в освещении Христианским гнозисом, что дало возможность приверженцам вавилоно-египетской звездной мудрости, персидской религии и даже буддистам Индии приходить к пониманию Христа (см. ИПН. 264, S. 229f).

Рудольф Штайнер также сообщает, что импульсом Манеса было положено начало полной эмансипации личности и ее свободного восхождения к Богу, поэтому в христианской эволюции человечества Манес является тем, «кто подготавливает для человеческого душевного развития ступень, где ищут собственного душевного света духа. Всё, что происходило от него, было призывом к собственному духовному свету души, и в то же время — решительным возражением против всего, что не хочет исходить из собственного наблюдения души» (ИПН. 93, 11.11.1904). Эту, управляющую собой душу, которая больше не имеет перед собой «Божественного оплодотворителя», Манес называл «вдовой», а себя — «сыном вдовы».

Прекрасные слова были произнесены Манесом, ставшие лейтмотивом для его последователей во все времена: «...вы должны отказаться от всего, что завещано вам как внешний авторитет. Тогда вы станете зрелыми для того, чтобы созерцать собственную душу!» (Ibid.)

Не будет преувеличением сказать, что не только наша, европейская культурная эпоха, но и последняя треть греко-латинской культуры стоят под знаком манихейского импульса Манеса на его служении Импульсу Христа. Движения альбигойцев, вальдензеров, катаров, считает Рудольф Штайнер, являются продолжением течения Манеса. К нему следует отнести и Орден тамплиеров. С ним находится в связи также и масонство. Даже в той его части, которая после раскола масонства в конце XIX в. обособилась «налево» от благонамеренно, духовно настроенных масонов и впала в самое радикальное политизирование (см. ИПН. 178, 19.11.1917), мы наблюдаем в наше время, хотя и в искаженной, порой до гротеска, форме, всё те же, пронизывающие эпоху души сознательной импульсы Манеса.

Ведь что это, в конце концов, такое: «идеология глобализма», «сексуальная революция», юридически обеспеченное потакание злу (принцип: «Руки прочь от зла!»), идеология «неокочевников», «политкорректность», принуждение к смешению рас и т.п. — как не извращение правомерного процесса эмансипации личности, превращающегося таким образом в свою противоположность? Многими современниками это не понимается лишь по той причине, что они не в состоянии распознать по карикатуре подлинный образ.

Такое своеобразное выражение получило в наше время развитие человека, поставленного между добром и злом. И не имеет никакого смысла надеяться, что однажды явится высшая сила, устранил зло и рай придет на землю. Всё это противостояние коренится в каждом человеке в эпоху души сознательной, и его нужно каждому нести в себе, не пытаясь бежать от него под сень группового сознания, под защиту церкви, партий и т.п.

Современная проблема противостояния добра и зла в человеке — это проблема «фаустовской души». Поэтому не случайно Рудольф Штайнер говорит, что «Гётевский «Фауст» — это, поистине, наипервейшего ранга литературный и духовный завет человечеству» (ИПН. 57, S. 291). В другом месте Рудольф Штайнер отмечает, что не субъективная потребность Гёте породила в нем «Фауста»; его потребовало само время (см. ИПН. 172, 5.11.1916). И это время было продолжительным.

В одной из лекций Рудольф Штайнер рассказывает о некоем профессоре Парижского университета, который умер в 1518 г. Он мало известен в литературе, написанное им отличается педантизмом, но как личность он действовал просто грандиозно. В своем окружении он вызвал своего рода обновление греческого мировоззрения. Это был поистине человек эпохи ренессанса. Монахи видели в нем смертельного врага, но зато он произвел большое впечатление на Эразма Роттердамского. Рудольф Штайнер поясняет: поскольку эта индивидуальность жила в исходном пункте эпохи эгоизма, то она была «врагом тех, кто хотел жизнь человеческой души как-то приспособить к эпохе эгоизма и кто испытывал содрогание при виде таких душ, которые могли действовать из желания наколдовывать иную эпоху...» Этого профессора звали Фауст Андреинос (ИПН. 145, 26.3.1913).

В том же XVI в. в Средней Европе появился еще один Фауст. Это был странствующий певец, который, как о том рассказывает «Народная книга о д-ре Фаусте», отвернулся от традиционной теологии и обратился к изучению природы. Его звали Иоганн, по другой версии — Георг. И он также является исторической личностью. Его обращение к естествознанию в то время, говорит Рудольф Штайнер, вело к душевному обострению астральности в силу ее специфической, новой индивидуализации, к обострению эгоизма, и это ужасало всех, кто хотел с эгоизмом как-то справляться.

С самым первым образом Фауста мы сталкиваемся уже в 4-й культурной эпохе, у Августина. Августин искал некоторое время отношение к манихейству, но потом устрасился его и перешел в католическую церковь. И тогда он «противопоставил свое католичес-

кое воззрение манихейству, выразив это в образе индивидуальности, названной им Фаустом» (ИПН. 93, 11.11.1904). Он вступил с ним в полемику, и так Фауст стал борцом с августинизмом.

В своей книге «Contra Faustum» Августин говорит Фаусту, изображенному им манихейским епископом: я бы не принял учения Христа, если бы оно не основывалось на авторитете церкви. Фауст ему на это отвечает: «...таким образом, тебе хотелось бы стать блаженным без разума; я же хочу стать блаженным, имея разумное понимание» (VI, 8).

Так причудливо противостояли одни другим представления о добре и зле на заре эпохи души сознательной и даже еще за тысячу лет до ее наступления. С тех пор Фауст-проблема начала становиться коренной проблемой индивидуального развития. Она, по сути, является проблемой соединения веры со знанием и проблемой высшего развития, идущего путем претворения прямого эгоизма в косвенный.

В начале эпохи души сознательной, в XVI в. европейское человечество сковал страх перед эгоизмом, и оно выразило это в «Народной книге о д-ре Фаусте», дав некоего рода синтетический образ трех Фаустов, о которых шла выше речь. Этот образ Фауста – человека, заключившего союз с дьяволом и погубившего себя, использовал Кристоф Марло, написавший в 1588 г. книгу «Жизнь и смерть д-ра Фауста».

Принципиально иную интерпретацию образа Фауста дал Гёте. В своей гениальной поэме, говорит Рудольф Штайнер, он разъясняет нам, что «существует возможность не содрогаться перед носителем того, что сближает нас с астральностью. Лучше постараться понять его настолько, чтобы увидеть в нем возможность развития и таким образом оказаться способным произнести слова: «Мы можем его спасти»» (Ibid.).

С переходом в новейшее время противостояние веры и знания буквально раскололо человечество на две части, при этом августинизм получил радикальное выражение в иезуитизме, а манихейство – в левом, политизированном масонстве.

В будущем противостояние добра и зла примет иную, нравственно-генетическую форму. Человечество разделится на две расы, на добрую и злую. В добрую войдут те люди, которые смогут разрешить в себе Фауст-проблему, соединят веру и знание в более высокое единство, в котором мудрость рождает любовь, а любовь пронизывает собой мудрость. Достижению этой цели и служит Антропософия. В злой расе всё более неистовый характер будет принимать противоборство Аримана с Люцифером, в котором человек лишь как инструмент стоит на позициях либо веры (не важно – во что) без знания, либо знания без веры в высшее, духовное. Манихеи уже давно знали о грядущем разделении человечества на две эти расы.

Когда земля войдет в 5-е состояние жизни (рунду), то минерального царства больше не будет. Вместо него будет как раз злая раса человечества. Предварительно это состояние возникает на астральном плане, в 5-й глобе (состоянии формы), и даже еще ближе к нам: в 6-й коренной расе. А некоторый, предварительный всплеск противостояния доброй и злой рас произойдет в следующей, славянской культурной эпохе. И предчувствие этого уже живет в русском народе. Пусть и не вполне сознательно, главный принцип манихейства выразил Лев Толстой в проповеди непротивления злу насилеи; манихейский характер носила секта русских духоборов.

Манихеи, обладающие знанием, ставят себе задачу воспитывать людей, которые в будущих воплощениях станут перевоспитывать злую расу. При этом они понимают, что в мировом плане необходимо, чтобы и зло достигло своего апогея, дабы в преодолении его человеческое Я приобрело силу творить тем большее добро.

В письме (1907 г.) Эдуарду Шюре Рудольф Штайнер пишет: «...внутри всего этого посвятительного пути Манеса» был в 1459 г. посвящен и Христиан Розенкрейц. Эта ступень посвящения «состоит в истинном познании функции зла» (ИПН.262, S. 15). Обладание таким знанием сопряжено с определенными опасностями, поэтому у «народа церкви» манихейство вызывает инстинктивный страх. Они стараются дискредитировать его, концентрируясь на его отдельных исторических односторонностях (как будто бы у самой церкви их не было!). В массовое сознание внедряется образ манихейства, не имеющий к нему никакого отношения. Например, знаменитый американский политолог и политик Бжезинский утверждает, что возможная «эскалация насилия» в мире (войны и т.п.) явится «побочным продуктом манихейских страстей», что манихейским принципом якобы является: «Кто не с нами, тот против нас»*. — Принципом этим, как мы помним, руководствовались большевики, а еще — президент Буш. Так что в этих высказываниях Бжезинского выражаются одни только его католические пристрастия.**

2. Древнее и новое откровение Св. Духа

В своем воплощении в III в., в котором он вызвал к жизни манихейское движение, Манес «называл себя «Параклетом» — Св. Духом, обе-

*) З. Бжезинский. Выбор. М., 2007, стр. 25–26, 182.

**) Для завязтых конспирологов, пишущих, что у Бжезинского 33-й градус, это тема для размышлений.

щанным Христом человечеству. ... Он представлял себе, что Св. Дух является в перевоплощениях, и называл себя одним из таких его перевоплощений» (ИПН. 93, 11.11.1904). Иными словами, в Манесе действовал *аватар*, инкорпорация Св. Духа. Аватар — это духовное существо той или иной высоты, которое не воплощается полностью в теле земного человека, а инкорпорирует в нем, действует через него, не исключая его Я. Действия такого человека становятся при этом, естественно, сверхчеловеческими. Само существо аватара приходит на Землю только для того, чтобы давать, не получая от этого для себя никаких плодов.

Инкорпорированность в Манесе Св. Духа, обещанного людям Христом, позволяет нам лучше понять характер его задачи в развитии человечества. В силу своей глубокой связи с Мистериями древности, Манес был носителем древней мудрости Св. Духа, открывавшейся в тех Мистериях через Люцифера. В III в. по Р.Х. Манес приходит в сущностную связь с новой мудростью Св. Духа, которая приходит к людям через Христа, от Христа. Поэтому Манес образует великий мост, по которому человечество переходит от своего языческого прошлого к христианскому настоящему и будущему; и процесс этот протрется даже за пределы земного эона.

Понимания этого процесса просто роковым образом недостает современному человечеству. Оно не понимает, что Христианство, влившееся в разного рода церковные формы, во многом еще основано на древней мудрости Ветхого Завета, в нем доминирует принцип Бога-Отца. Это формы, так сказать, подготовительные. И даже уже в прошлом тот, кто хотел найти отношение к осуществлению Христианства на Земле, должен был искать доступ к новой мудрости Св. Духа — к Христианству Св. Духа. Манес и его движение действуют в духе именно такого Христианства; поэтому почти всё в истории человечества, что пронизано манихейскими исканиями, трагически заклеено церковью как еретическое.

Своего рода персонификацию это всемирно-историческое противостояние находит в таких фигурах, как Августин и Фауст. В своей глубинной сути Августин был тоже «фаустовской душой», но он в страхе отшатнулся от самого себя, что и ныне массовым образом происходит с приверженцами веры без знания, слепой веры.* И такова ведь сущность подавляющего большинства представителей во-

*) Декларируемый церковью принцип уважения к знанию совершенно расплывчат; она не имеет никакого положительного отношения к духовознанию.

церковленной жизни. Страх подвигает людей на борьбу с духовознанием. Но поступая таким образом, они встают поперек пути христианскому развитию человечества.

«Теперь вы понимаете, — говорит Рудольф Штайнер, — почему Августин, значительнейший ум католической церкви, который в своем «Божьем граде» прямо-таки возвел форму церкви, создал ее форму для настоящего времени, почему он должен был стать ожесточеннейшим врагом той формы, которая подготавливает будущее. Здесь противостоят один другому два полюса: Фауст и Августин; Августин, строящий на церкви, на современной форме, и Фауст, стремящийся исходя из человека приготовить смысл для формы будущего» (Ibid.).

Культурно-исторические пути фаустовской души сложны, трагичны, сопряжены с опасностями, однако лишь на них возможна подлинная эволюция человеческого духа, ради которой Христос и стал человеком. Его Событие изменило макрокосмическую констелляцию самого Божественного Троиинства.

В сообщениях из Пятого Евангелия Рудольф Штайнер говорит о духовном пробуждении апостолов на пятидесятый день после Мистерии Голгофы. Апостол Петр тогда осознал, что смерть на Голгофе была «рождением того Духа, который как всемогущая любовь излился в души собравшихся на Пятидесятницу апостолов. И как луч пра-древней, проходившей сквозь все зоны любви почувствовал он в своей душе пробуждение духа, того духа, который был рожден в тот момент, когда Иисус умер на кресте. ... Для Земли со смертью Иисуса было рождено то, что прежде существовало вне Земли: всемогущая любовь, космическая любовь. ... Это, в некоем роде, первое познание, которое мы можем почерпнуть в Пятом Евангелии. Под тем, что в Новом Завете названо нисхождением, изливанием Св. Духа, подразумевается то, что я теперь описал» (ИПН. 148, 2.10.1913).

На апостолов низошла, пробудив их, субстанция всемогущей любви, эта первоначальная сила любви погрузилась в душу каждого из них, и те, кто знал их прежде, вдруг увидели перед собой совсем других людей, «которые потеряли всякую узость жизни, всякое себялюбие жизни и обрели бесконечную широту сердца, всеобъемлющую терпимость в своем внутреннем, глубочайшее сердечное понимание всего человеческого на земле... они могли утешить каждого, могли сказать ему именно то, в чем он нуждается» (Ibid.). То есть заговорили «на его языке», как это выражено в каноническом переводе Евангелия.

Ничего подобного не вызывали откровения Св. Духа в дохристианские времена. В тех откровениях человек лишь почерпал мировую

мудрость. Она же, как пишет Рудольф Штайнер в «Очерке тайноведения», есть только еще «предварительное условие любви», а сама любовь – это «плод возрожденной в Я мудрости» (ИПН. 13, S. 416).

Именно через такое «возрождение» человек идет ко Христу. Творец «Фауста» выразил это в словах: «умри и стань».

Манес пережил в III веке, по сути говоря, апостольскую Пятидесятницу. Но произошло это с ним иначе. Через апостолов Христос открыл новому Св. Духу доступ в новую эпоху. Благодаря Манесу образовался мост, соединивший Мистерии древности с новыми, христианскими Мистериями. Манес был, в некотором смысле, подобен Заратустре. Только в тело, над подготовкой которого работало Я Заратустры, воплотился Сам Христос, а в тело Манеса инкорпорировал посылаемый Им новый Св. Дух, который есть любовь. В Манесе, носителе мудрости древних Мистерий, эта мудрость как «предварительное условие любви» умерла и возродилась в его Я как одновременно *и мировая, и человеческая любовь*. Он поистине стал Параклетом, насколько можно им стать в отдельном человеческом Я. Этой вновь обретенной силой он и основал свое движение, и оно вошло в розенкрейцерское посвящение, а также в антропософское посвящение.

Это последнее в наибольшей мере соответствует эпохе Христианства Св. Духа*. Христос полагает в этом Христианстве еще одно, после первооткровения Отчей Основы мира**, начало мира. В первый раз Он положил его во всеобщем, универсальном смысле. Во второй раз Он полагает его *в человеке*. Но, как и в первый раз, – макрокосмически.

В первом начале Отчая Основа мира передала Сыну жизнь нового мира, эволюционного цикла. Всемогущая универсальная любовь Отчей Основы мира излилась при этом через 1-ю Ипостась, через Бога Отца, и стала Субстанцией, жертвенно возложенной на алтарь нового творения. В виде овнутрения этого творения образовался человек. Процесс творения долгое время оставался вне человека, вне его оставалась и космическая любовь.

Субстанция Отца принимала в ходе эволюции различные формы под действием на нее Св. Духа, в котором Отчая Основа мира открыла Себя как Идею мира, Идею нового творения. Так субстанция, любовь и мудрость образовали то, что мы называем эволюцией, став имманентными становлению откровения. Христос наполнял рождающие-

*) Мы не входим здесь подробно в раскрытие содержания этого понятия, поскольку занимались этим во II томе.

**) А это было темой I тома.

ся формы жизнью, благодаря чему они обретали реальность, а кроме того, осуществлял единство трехипостасного первооткровения в его инобытии. В этом эволюционном «золотом» треугольнике Христос вплоть до конца эволюционного цикла остается его внутренним принципом единства, а внешним единством цикла, единством в вечности остается Отчая Основа мира.

По мере развития человеческой индивидуальности мудрость Св. Духа начала светить человеку из форм Отчей субстанции, становясь его мудростью. И в этом смысле Св. Дух исходил для человека от Ипостаси Бога-Отца.

В Событии Христа нам открывается, что Отчая Основа мира передает Христу «всё» не только как универсальную жизнь цикла, но и как *Свою Любовь*, у которой нет ни начала ни конца. И это есть *жизнь Я, жизнь индивидуальной любви*. И это уже *обновленная идея откровения*. Она новая, и поскольку по своим масштабам выходит за пределы цикла, способна возвести его седмицу к октаве, порождать в ходе нашего цикла начало цикла следующего.

Силой древнего Св. Духа рождались объективные для человека формы бытия, в том числе и его собственное бытие. Силой нового Св. Духа Сам Бог, Христос рождается в человеке как его макрокосмическое Я. И для его рождения нужно «умереть и стать», пройти через «Не я, но Христос во мне». И такое прохождение пережили апостолы в день Пятидесятницы. В Манесе это рождение было персонафицировано, чтобы стать прообразом для всех идущих путем Христианства Св. Духа. Чтобы этим путем идти, необходимо вбирать в себя откровения Св. Духа, посылаемого людям Христом. Всё дело тут заключается в образовании новых форм Я-сознания для всех людей, для каждого человека. На пути же древнего посвящения это было делом немногих из немногих. Чтобы явить именно эту сторону нового начала, апостолы Христа, внешне взяты, были самыми простыми людьми. Но в этом случае важно то, что сила Христа предполагает активное *соучастие* человека в ее преобразующем действии на него. Она желает обрести в человеке свободного духа. А это уже довольно высокая степень индивидуализации.

Вочеловечение Бога, Его прохождение через смерть и воскресение – это уникальные события. Совершившись, они вписались во всеобщую эволюцию мира и человека, полагая в ней новое начало, но не так, как это хотел бы сделать в зоне Земли Ариман, который новую эволюцию желает учредить, зачеркнув прошлую. Нет, мы имеем тут дело с метаморфозой старой мудрости в новую, с двумя откровениями Св. Духа.

3. Мудрость – вера – любовь – надежда

Совершением Мистерии Голгофы Христос, можно сказать, низвел Солнце на Землю. Он земную эволюцию оплодотворил солнечной эволюцией.

Под земной эволюцией, напомним (см. тома I, II), мы понимаем такую эволюцию, в которой восхождение духа совершается через его нисхождение, материализацию; солнечная же эволюция представляет собой прямое духовное восхождение.

Благодаря Деянию Христа вся предшествующая эволюция цикла претерпевает коренную метаморфозу. Поэтому эон Земли в цикле оказывается ключевым. В нем эволюция нисхождения получает импульс к прямому тотальному восхождению. Для человека – это эон, где он должен принять судьбоносное решение. Чтобы быть в состоянии принять его правильно, нужно освободить сознание от всего группового, от подавления его низшей чувственностью и от иссушенности его абстрактностью. Он должен его принять, будучи существом уже в некоторой мере причастным к сознанию стоящих выше его иерархических существ. Их сознание эволюционирует солнечно, а если и обращается к эволюции нисхождения, то делает это жертвенно, ради служения тому, что подлинного сознания еще не обрело.

При этом, подчеркивает Рудольф Штайнер, нужно иметь в виду, что «в Мироздании нет ничего, кроме сознаний. Помимо сознания какие-либо существа и всё остальное должны быть в конце концов отнесены к области майи, великой иллюзии» (ИПН. 148, 18.12.1913). Это значит, что «остальное», существуя, является лишь отражением чего-то подлинного. Таким существованием обладает в человеке его земная интеллигенция, его интеллектуальность. Даже собственное прошлое бытие он познает рассудком как тень. К реальности сознания нужно восходить; и если человек описывает сверхчувственную реальность, то он описывает лишь формы и бытие сознания. «...Подлинная реальность мира – это существа в разных состояниях сознания» (Ibid.).

Исходя из сказанного мы можем заключить, что если Христос Своим земным деянием изменил даже констелляцию Божественной Троицы в нашем эволюционном цикле: поставил Ее в новое начало, – то, следовательно, *изменилась и природа трех Ипостасей* как трех индивидуализаций первооткровения неизреченного единства Бога.

Христос при этом вошел в полноту Своего единобожия в эволюционном цикле. Любовь – Субстанция Бога-Отца – из внешней по

отношению к человеку стала его внутренней, из кровно-родственной – любовью-субстанцией его души, в которую входит высшее Я. Ее присутствие, действие в человеке, осознание им ее присутствия и действия и следует считать тем, что называется верой. Кто имеет веру, тот воспринимает в себя Христа таким образом, что его сердце переполняется содержанием чистой любви. Это содержание, говорит Рудольф Штайнер, способно излиться даже за пределы Я, за пределы того, что Я делает для себя, для собственного совершенства. Христос учит как раз тому, каким образом Я может выйти за свои пределы и с любовью действовать в мире, и в этом действии будут присутствовать как мировая, так и личная воля человека.

Христос изменил отношение человека с Богом-Отцом, овнутив в человеке всю прошлую эволюцию мира. В этом овнутении старая мировая мудрость получила другое отношение к Субстанции Отца; она получила его внутри человека. Вселенское созидание Христос сделал внутренним созиданием человеком самого себя. Внешнюю вселенскую любовь Он сделал внутренней деятельной любовью человека. Этим было положено начало становления человека иерархическим существом.

Космическая интеллигенция Св. Духа может теперь оживать в человеке как его индивидуальная интеллигенция. Для этого старая мудрость, подарившая человеку его низшее я-сознание, должна в нем умереть и стать высшей сердечной мудростью.

Метаморфоза такого рода протекает тяжело, конфликтно, поскольку в ходе ее сталкиваются два полярно противоположных мира. Грандиозно вызвал это столкновение Христос Иисус актом свершения Мистерии Голгофы. Потрясающе описывает это Рудольф Штайнер в сообщениях из Пятого Евангелия. Он там говорит: «...если всё то интеллектуальное знание, до которого развилось человечество на греческом и итальянском полуостровах в эпоху, предшествующую Мистерии Голгофы ... если всё это принять во внимание – как распространилось это знание способом, который теперь трудно себе представить, тогда ясновидчески наблюдающая душа получает впечатление как бы чтения оккультных ... записанных в Космосе письмен». И тогда говоришь себе: «...всё, что человечество собрало как знание и благодаря чему оно возвысилось в дохристианские времена, для всего этого знаком служит Луна...

Человек тогда знает, что всё знание в таком случае выступает так, что оно не освещает, а затемняет загадку мира. ... встает как Луна перед Солнцем во время солнечного затмения. .. Душевное затмение человечества внутри земной эволюции человек чувствует записан-

ным в грандиозных знаках оккультных писем в Космосе в том затмении Солнца, которое произошло в момент Мистерии Голгофы. ... Я не хочу говорить о чуде в обычном смысле слова, о нарушении законов природы, но я могу сообщить вам только то, как человек может прочесть затмение Солнца, что человек не может сделать ничего иного, как только встать со своей душой перед этим затмением Солнца как читающий то, что выражается через это событие природы: через лунное знание наступает затмение высшей солнечной вести.

А затем — когда эти оккультные письма прочитаны — перед ясновидящим предстает образ возвышающегося на Голгофе креста с висящим на нем телом Иисуса, а по сторонам — два разбойника» (Ibid., 2.10.1913).

В такой грандиозной, потрясающей имажинации предстает нам столкновение космической интеллигенции с тем, что возникло в ней и набрало силу как противointеллигенция. И нам, конечно, очень важно разобраться в том, как и зачем такое противостояние возникло. Ответ на этот вопрос слагается из очень многих сообщений Рудольфа Штайнера. Начать тут можно с того, что он говорит в лекции (еще не опубликованной), прочитанной 20 февраля 1908 г. в Касселе. Она называется «Происхождение зла». В ней мы читаем: «Любовь имеет иные условия бытия, чем мудрость. Мудрость может господствовать там, где все отдельные члены (целого) зависят один от другого. ... Если же любовь идет от одного существа к другому, то такое может происходить лишь при условии, что она является свободным даром. ... Только существо, обладающее божественной силой, чтобы постоянно всё вновь и вновь обретать свободу, только такое существо имеет силу, чтобы любить.

Я — это противоположность любви. В той же мере, в какой отчеканивается, проявляется любовь, в такой же мере отчеканивается Я. Это могло происходить лишь постепенно в ходе становления Земли. Сначала говорит кровь, любовь к родственному. Но любовь развивается далее, становясь душевно-духовной силой; и всё более Я делает себя свободным».

Иерархические существа «творили продуктивную мудрость и смогли перейти к любви. Но некоторые из них отстали. Они не достигли конечной цели космоса мудрости (которым был эон Луны. — Авт.) ... они вынуждены были и далее творить в мудрости и никак не могли изливать любовь; она им не была дана». Таковыми являются люциферические существа. «Они простираются из космоса мудрости в космос любви (т.е. из эона Луны в эон Земли. — Авт.). Это они одарили человека его маленькой мудростью, они создали субъективную

интеллектуальную мудрость человека в его [низшем] «я»... Этому «я» была дана самостоятельность, которую ему подобало получить из космоса мудрости лишь тогда, когда мудрость исполнится любви и достигнет определенной ступени (развития)» (Ibid.).

И она достигла этой ступени в Событии Христа. Лишь благодаря принципу Христа подлинное Я человека способно прийти в созвучие со всеми силами своего окружения, найти новое и правильное отношение внутреннего к внешнему. Но сила Люцифера действует противоположным образом, она подобна Луне, заслоняющей Солнце. Однако это необходимо человеку, пока он не стал подлинной индивидуальностью. Люциферическая сила, обособляя, противится всякому соединению людей и в то же время мешает им обрушиваться в некое нерасчлененное целое любви, «в нерасчлененную кашу любви» (Ibid.).

Таков, можно сказать, гигантский эволюционный и метафизический задний план фаустовской души, который отражается в ее конституции, в ее действиях и обуславливает задачи ее развития. Нефаустовская душа отличается при этом от фаустовской только тем, что панически этого плана боится. А его нужно понять и принять. Каждый человек имеет дело с двумя силами, ведущими его в двух разных направлениях, и это является принципом становления человека самостоятельным существом. Самостоятельность же есть бесценное качество. Без него и любовь в человеке всегда оставалась бы групповой, кровно-родственной. Однако верно и то, что задачами индивидуального развития человека было вызвано к жизни зло. И тут необходимо освоиться как можно основательнее с довольно трудной истиной: «Любовь делает зло нужным» (Ibid.).

Оба принципа: любви и мудрости – привели нас к овладению индивидуальной душой и духом, Я. На этом духовном факте основывается зло. «Лишь благодаря тому, что Бог Земли есть Бог Любви (Христос) и что образовался самостоятельный Я-человек, лишь благодаря этому стало возможным возникновение зла» (Ibid.).

Совершенно очевидно, что истины такого рода для многих людей, считающих себя приверженными добру, для людей религиозных, для проповедников нравственности являются в лучшем случае неудобными. Они отвергают такую сложность отношений Творца с творением. Отвечая на их возражения, Рудольф Штайнер неоднократно ссылаясь на историю одного испанского короля, который, выслушав рассказ астронома о звездном небе, сказал: я бы на месте Бога устроил всё проще!

Человеку все-таки следовало бы победить свой страх, маскирую-

щийся в смирение, а также и в высокомерие лишь земной мудрости, и познать и принять историю творения мира и человека такой, какой ее задумали и какой ее осуществляют боги в соответствии с положенными ими мировыми законами развития.

Впервые лишь благодаря люциферическим силам человек достиг свободы и своего, человеческого величия. Но опять-таки благодаря этим же силам он вобрал в себя силы зла. Любовь имеет задачу претворять зло в добро, поэтому Христос соединился с Землей. «Так что в люциферическом принципе, в возникновении зла следует видеть происхождение свободы, а вместе с тем и развитие любви. ... силы любви растут, должны расти, поскольку их задача заключается в претворении существующего зла в любовь, — говорит далее Рудольф Штайнер в цитируемый нами лекции. — ... Мы видели, что этот Дух Любви, который так могущественно пронизывает, наполняет мир, — настолько добрый Дух, что однажды допустил в мир зло, чтобы как можно энергичнее мочь произвести величайшее добро» (Ibid.).

Чтобы это понять, нужно непредвзято задуматься над всем тем, чем обусловлено каждую минуту наше существование, в котором без тьмы нет света, без холода — тепла, без нисхождения — восхождения, без материи — духа, без сегодня — завтра, без борьбы — победы, без обособления — единства, без внешнего — внутреннего, без глубей — высей, без огорчения — радости, без потери — обретения, без вражды — дружбы и т.д.

Особенно активно Люцифер вмешался в развитие человека в Лемурийской коренной расе. Этим было нарушено космическое равновесие эволюции, и, чтобы его восстановить, творец 4-го состояния жизни (рунды) земного эона Дух Формы Ягве допустил вмешательство в это развитие Аримана и тем создал противовес Люциферу. Это произошло в Атлантическую эпоху. Элоим позволил Ариману «так сказать, со всей его «амуницией» прорасти в человеческом мозгу, чтобы там проявлять против люциферических сил охлаждающее действие. И то, что Ариман охлаждает как находящееся в огне, сжигающем имажинации, инспирации, интуиции, — оно становится в человеке мыслями, представлениями*», без которых земное сознание человека, самосознание невозможно. Так оборачивается добром другой источник зла — ариманический. Непонимание этого вызвало в свое время трагедию Теософского Общества. У него возникла отрицательная, обременившая его существование карма по той причине, что Е.П. Блаватская примешала свои субъективные негативные чувс-

*) Р. Штайнер. Лекция от 3 июня 1914 г. в Базеле (эзотерический урок).

тва в свое понимание Ягве, что и выразила в книге «Тайная доктрина».

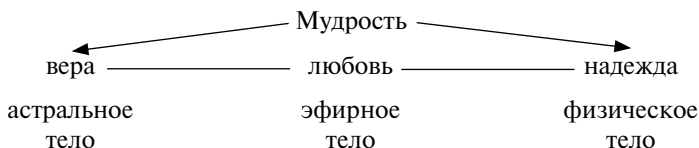
Рудольф Штайнер разъясняет: «Чтобы представить себе это правильно, стало необходимо в нашем Движении (антропософском) с самого начала заговорить о Люцифере и Аримане, ибо лишь через познание их сущности и действий можно правильно оценить Ягве. И лишь благодаря этому можно правильно ввести человека в духовный мир, проведя его через Люцифера и Аримана ко Христу.

Если Христа не ставят в средоточие каждого эзотерического стремления, то человека ведут к Люциферу».* И эту-то ошибку и допустила Блаватская, что, однако, не должно быть поводом для ее безоглядного осуждения. Это была большая душа со сложной духовной миссией, которую она во многих отношениях выполнила.

Великий переход от эоны Луны к эону Земли вызвал метаморфозу космоса мудрости в космос любви, космоса творящей Идеи Св. Духа в космос творящей Любви Христа. Так в ходе эволюции изменился характер деятельности самих ее Творцов, ее законодателей. Универсальная Любовь Отчей Основы мира, излившаяся как Сознание и Воля, как Субстанция нового цикла, опосредованная Ипостасью Бога-Отца, три эоны творила существо человека, чтобы оно смогло обрести собственное Я.

Христос, соединясь с Землей, внес Любовь внутрь человека, родился в нем как Любовь. Она стала субстанцией его самосозидания и творчества, его верой. Вера – это сознание и воля наивысшего единого Бога, становящиеся благодаря Христу Христовыми и одновременно – собственным достоянием человека. Из веры рождается новая, микрокосмическая и индивидуальная любовь. Верой, любовью, а еще надеждой создается человеческое тело воскресения. Христос приносит человеку силу надежды, уверенность в космическом будущем, в том, что воскресение тела состоится.

В процессе созидания тела воскресения душевно-духовное человека взаимодействует со всей трехчленной телесностью. Образуется такого рода единство:

*) Р. Штайнер. Лекция от 14 июля 1914 г. в Норкёпинге (эзотерический урок).

В развернутом виде это единство десятичленное. Оно включает в себя трехчленное тело, трехчленную душу, трехчленный дух и высшее Я.

Христос не просто очистил в человеке Атма Отца от тяжести материи и наследственного греха. Он это Атма возродил Своей Любовью в Своем Жизнедухе. Поэтому воскресение физического тела совершилось в Жизнедухе Христа. С тех пор в воскресшем Атма-теле, возвращающемся в выси Бога-Отца, зреет как в высшей формо-оболочке Жизнедух человека.

Христос как единый Бог эволюционного цикла исполняет, с одной стороны, закон, следует тем принципам и тенденциям развития, которые произошли из первооткровения Отчей Основы мира. И Он будет следовать им до конца цикла. Но одновременно с этим Он творит «всё новое», *Свое собственное*, которое из нашего цикла перейдет в следующий, обусловит его возникновение. Он творит это в человеке.

4. Возникновение духов препятствий

Для того, чтобы понять характер космической интеллигенции, при-сущей духам, производящим зло, характер контринтеллигенции, необходимо сначала уточнить понимание характера развития двойной, чувственно-сверхчувственной реальности. Это развитие совершается в силу вполне определенных закономерностей. В сверхчувственном мире закономерности представляют собой положения и отношения иерархических существ, что является их мышлением-действием. Это называется космической интеллигенцией.

Мыслят Иерархии сущностно и крайне строго, точно, в соответствии с их, скажем, «мировоззрением», которое закономерно меняется от эпохи к эпохе. Глобальная радикальная смена их «мировоззрений» совершается с переходом мира в состояние пралайи – высочайшего одухотворения. Эти пралайи бывают трех родов: между зонами, между рундами и отчасти между глобами. Чем ниже стоит иерархическое существо, тем сильнее сказывается на нем приход пралайи. Для наивысшего Бога перемены «мировоззрения» наступают лишь при переходе от цикла к циклу.

Чем выше форма сознания иерархического существа, тем универсальнее его участие в развитии. Самые высокие могут делать в нем, фактически, всё. Но в разные эпохи они берут на себя задачи, лишь исходя из потребностей целого, взаимодействуя с другими существами.

Часто их действия носят характер жертвоприношений на алтарь развития. Таковым является и их отставание. По своей сути оно также направлено на созидание, на доброе, но из-за него возникают противоречия в развитии. Постараемся поподробнее рассмотреть этот процесс.

Человеку, зашедшему в жизненный тупик, свойственно подчас обижаться на Бога и даже гневно вопрошать: почему Он не помогает? Но такой человек не знает или не желает знать, что причины своих бедствий он заложил сам в прошлых инкарнациях, в существование которых он не верит.

Возьмем простой конкретный случай. На какого-то человека наехал автомобиль и сильно его ранил. Материалист в таком случае готов с издевкой вопрошать: почему же добрый Бог не вмешался и не остановил автомобиль? Один из возможных ответов на этот вопрос таков: потому, что из-за действия инерции тогда были бы покалечены те, кто сидел в автомобиле. Материалист спрашивает дальше: а почему всемогущий Бог не упразднил силу инерции? — Да потому, что тогда пришлось бы упразднить закон всемирного тяготения и ввергать Космос в хаос. Люди, таким образом, часто рассуждают о добре и зле совершенно тривиально, видя в них какие-то случайные явления. Однако они совсем не случайные, они глубоко коренятся во всем бытии Космоса. И начинать спрашивать тут следует с другого вопроса: почему в Космосе возникла нужда в *контринтеллигенции*, в интеллигенции, противодействующей мышлению правильно развивающихся существ?

Контринтеллигенция возникла главным образом в связи лишь с одним из трех видов эволюции, с земной эволюцией цикла, где восхождение достигается на пути нисхождения — то есть в связи с эволюцией человека. Совсем просто рождение контринтеллигенции можно описать следующим образом. В определенный момент эволюции высокие иерархические существа сказали себе: никогда не будет достигнуто то, что должно быть достигнуто, если процесс развития будет и впредь протекать так, как он протекал до сих пор. Будет лишь повторение уже пройденного и ничего нового. Этому пути развития должны быть поставлены препятствия, для чего некоторые из нас должны быть «откомандированы» (термин Рудольфа Штайнера) для исполнения этой задачи.

Так возникли боги препятствий во всеобъемлющем смысле этого слова. Сами по себе они изначально ни возможности, ни намерения стать злыми не имели. Их поступок — отступление от нормального пути развития — был совершен ради блага человека. Выступив про-

тив нормального развития, они были, говорит Рудольф Штайнер, большими покровителями, помощниками развития. Они были «откомандированы» для создания препятствий, чтобы человеку дать возможность из самого себя достичь цели, «*которой из самих себя не могут достичь даже высочайшие Серафимы* (подч. нами. — Авт.)» (ИПН. 110, S. 166). А цель эта — любовь, соединенная со свободой, что предполагает наличие *выбора* при принятии решений, выбора между следованием намерениям Бога и отказом следовать им.

Даже 1-я Иерархия не может действовать иначе, как только непосредственно следуя импульсам, которые являет единый Бог. Они, как сказано, «лицезреют» Его, и это лицезрение дает им такую силу, такое блаженство, что ничего другого они не желают. Так обстоит дело, если об этом говорить просто, а если сложно — то нужно основательно вникать в процесс эволюции мира.

Подобно 1-й Иерархии переживают себя и существа 2-й Иерархии. А те из них, которые были «откомандированы» создавать препятствия, они также не могли ничего иного, как только следовать велениям Бога. «Так же и в том, что можно назвать происхождением зла, они лишь исполняют волю Бога, Который окольным путем, через зло желает развить сильное добро» (Ibid.) — добро свободы и любви, чем помимо человека обладает только *Он Сам*.

Могучие существа, творцы человеческого астрального тела, Духи Движения были в зоне Луны «откомандированы» препятствовать развитию. Через самих себя они, конечно, злыми быть не могли. Не могли быть злыми и Духи Формы, часть которых также жертвенно отстала, и существа 3-й Иерархий — т.е. все существа, которые до эона Луны уже прошли через человеческую ступень развития. Исключение здесь составляют только Ангелы, которые свою человеческую ступень проходили как раз в эоне Луны.

Рассматривая этот вопрос с методологической точки зрения, мы должны отметить, что эон Луны — третий в нашем цикле — представляет собой ступень синтеза, где с рождением астрального тела телесность человеческих монад приобретает целостный трехчленный характер. Дальше они готовы воспринять Я — принцип имманентного им единства. Но поскольку процесс отставания существ начался уже в эоне Сатурна, то обретение человеческими монадами своей сложной телесности приобрело неоднозначный характер. *В космическом мышлении закон отношения стал законом противоречия*. Возникла некоего рода борьба за характер будущего *единства* триады человеческих тел.

Все процессы этого рода, зародившиеся уже в ходе первых двух

эонов, носили там, попросту говоря, не актуальный для творимого характер. Ибо, как мы уже говорили, физически-эфирное образование имело до эона Луны трансцендентное ему сознание. Но всё радикально изменилось с надением совокупности физически-эфирных монад собственной астральностью. Этим было положено начало нового субъекта в Мироздании. И за него началась борьба. У ее истока стоят существа Ангелов, начавшие отставать в зоне Луны. Но при этом с новой силой обострилось, проявилось и всё предыдущее, носившее характер «откомандированности», отставание.

Когда человеческие монады стали трехчленными, встал вопрос о том, как наделять их принципом единства, т.е. Я. В силу законов их прошлого развития, это должно быть сделано путем внешнего действия на них. Но в таком случае Бог, скажем просто, повел бы их далее к совершенству, Сам осуществляя его в них. Развитие просто потеряло бы смысл. Ибо Бог благ именно потому, что Он дарует самобытие и самосознание тому, что прежде их не имело. А для надения существ свободой потребовалось восхождение обретать в процессе нисхождения, чем и было порождено противоречие между солнечным и земным характером эволюции.

Обладавшее тремя телами человеко-животное эона Луны пошло и дальше путем нисхождения, чтобы принципом единства, т.е. Я, овладеть как *собственным* достоянием. Ведущие же человека существа Иерархий пошли путем солнечной эволюции. Поэтому из планетарного тела эона Луны выделилось Солнце, и это повлекло за собой разделение духов. Возникло великое их противостояние.*

В том противостоянии часть Ангелов, нормально проходивших через свою человеческую ступень, также не могла ничего иного, как только следовать воле Бога. Они сказали тогда: мы могли бы победить препятствия, возникшие на Луне, ввергшись в весь поток лунного развития, но мы не хотим этого делать и останемся с добрыми богами. Эти Ангелы ушли вместе с выделившимся Солнцем.

Но для другой части Ангелов отставшие духи Движения оказались в некоем роде могучими соблазнительями. Эти Ангелы сказали: мы не последуем за теми Ангелами, ибо в таком случае в развитии будет одно лишь повторение, не возникнет ничего нового. И им пришлось вобрать в себя всё то, что образовало для развития препятствия. Их оболочки должны были хотя и духовно, но стать плотнее.

*) В эоне Земли оно повторилось в виде той великой «войны на небе», от которой между Юпитером и Марсом остался пояс астероидов, «обломков» той войны. О ней говорится в Бхагават-Гите.

В них выразились последействия деяний отставших Духов Движения. (Не забудем при этом, что деяния те были хорошо обоснованы в Божественном плане мира.) Но поскольку эти Ангелы еще только проходили человеческую ступень сознания, еще не овладели Я, то в них возникла возможность творить зло. Зато только у них и у человека имеется возможность прийти к свободе. Только сначала ее должен выработать человек. Поэтому, должны мы сказать, Ангелы, оставшиеся с человеком на древней Луне, пошли на большой риск. Они поставили свое грядущее спасение в зависимость от спасения человека. Их судьба теперь, выходит, в руках человека: судьба люциферических Ангелов, искусивших его на Земле, способных, если он сильно поддастся их влиянию, и погубить его! Столь сложны антиномии развития. И нужно помнить, что в Мироздании абсолютно всё происходит всерьез, не условно. Если какое-то существо берет на себя определенную функцию, то оно соединяется с законом, действующим в ней, и будет исполнять ее до конца, пока на высшем уровне не произойдет метаморфозы самого закона. Ну а человек, развивающийся под действием многих законов, должен умело *сочетать* эти действия.

В зоне Земли обе категории Ангелов подступили к человеку. Это произошло в эпоху Лемурии. Первая из них стала помогать Духу Формы наделять *человечество* зародышем собственного Я. Другие, отставшие, люциферические Ангелы подступили к астральному телу человека и напечатлели ему все последствия спора на небе. И это суть существа, которых изображают в борьбе Михаэля с драконом. В эоне Луны они подступили к человеку в состоянии, когда он только начал вчлнять в себя астральное тело, чтобы взойти на ступень человеко-животного. На Земле они в астральном теле вызвали процессы, ввергающие человека в материальное бытие. Они открыли человеку органы чувств во внешний физический мир, через противостояние Божественному повели человека к самостоятельности, к свободе. И называть всё это просто злом было бы опрометчиво.

Без искушения человек не имел бы возможности по собственному желанию идти путем добра, истины, мудрости. Не в созерцании Божества, как Серафимы, а в самом себе ищет человек импульс к действию; при этом без свободы невозможна для него и высшая любовь.

Путем борьбы с люциферическим искушением, путем работы над собой человек углубляет действие Христа в себе, делает себя приверженцем Архангела Михаэля, с которым идут Ангелы, вышедшие в эоне Луны из того потока развития, который пошел путем дальнейшего нисхождения. И тогда он становится и спасителем люциферических Ангелов.

5. Методологическое рассмотрение принципа противостояния

Существенную помощь в рассмотрении вопроса противостояния добра и зла, решение которого не уместается в рамках возможностей рефлексии, нам может оказать наша теоретико-познавательная лемниската.

В ее состав, как мы помним*, входит два треугольника: нижний — треугольник диалектической логики, и верхний — онтологической диалектики. Индивидуальное духовное (мыслительное) действие человек начинает в нижней петле лемнискаты и, осуществляя в ходе его три снятия, проходит через созерцание, стадию пустого сознания, меняет форму сознания и приходит к восприятийному мышлению с помощью не рефлексии, а созерцающей силы суждения.

Эволюционно индивидуальное становление человека шло до настоящего времени в противоположном от указанного направлении. Духовно оно было нисходящим, но с точки зрения индивидуализации — восходящим.

Логико-диалектическая деятельность человека эгоцентрична. В ней малое «я» напоминает, говоря образно, наездника, который выгуливает лошадь, держа ее на длинном поводке и заставляя бегать по кругу. Укорачивая поводок, он ограничивает для лошади возможность движения, удлинняя — рискует не справиться с центробежной силой, которая разрушит круговое движение, и лошадь тогда убежит в неизвестном направлении, контроль «я» над нею будет потерян.

Подлинный диалектик и знает, и переживает, что мышление обладает самодвижением, а задача «я» заключается в том, чтобы самодвижением управлять. Некоего рода расширяющуюся и сужающуюся спираль представляет собой логический ход мышления, направляемый малым «я». От этого последнего требуется определенная сила концентрации, устойчивость, чтобы такому процессу и давать совершаться, и держать его под контролем. Сам процесс движется путем постоянных имманентных снятий. В случае лошади это взаимная смена моментов статики и динамики. Также и наездник, стоящий в центре круга движения лошади, находится с нею в отношении непрерывных взаимных снятий, благодаря чему она и движется по кругу.

Так принцип объективного самодвижения мысли переходит на человека и становится принципом его я-сознания, которое существует по милости мышления. Таков, можно сказать, последний результат возникшего некогда в Мироздании противостояния, нисшедшего в

*) См. Том I.

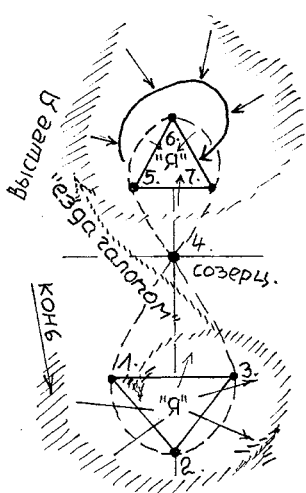

Рис. 14

человека. Его плодом стала самосознающая человеческая личность.

Но вот перед нами встает новая задача, вызванная необходимостью восходить. Наш «наездник» должен теперь сесть на лошадь и поскакать на ней. Это коренным образом меняет предыдущие условия существования и деятельности его «я». В первую очередь, исчезает прежняя противоположность между «я» и лошадью. Она была обусловлена действием прямого эгоизма. Теперь же наездник должен думать о лошади, как о самом себе, слиться с нею в одно, особенно при бешеном галопе, да к тому же по пересеченной местности. Вспомним еще состояние наездника, убегающего от погони, когда он

молит лошадь не подвести его и совсем отпускает поводья, полагаясь на инстинкт лошади, т.е. на ее высшее сознание.

Этот образ способен помочь нам в понимании перехода к 4-му элементу семичленного цикла мышления, к пустотному сознанию. Пройдя его, мы входим в мир онтологического триединства, в котором принцип диалектического снятия заменяется чем-то совсем другим. Противостояние остается: субъекта и объекта (мышления), — но оно стремится к отождествлению. Нечто подобное присуще и противостоянию тезиса и антитезиса в диалектической триаде, где принцип снятия тоже онтологичен, но в очень высоком духовном смысле: диалектическое самодвижение мысли следует признать трансцендентным мыслящему субъекту. Но теперь эта трансцендентность наполняет субъекта мышления не абстрактным образом. Он начинает мыслительное чувствовать, оно возбуждает его волю, действуя мотивом деятельности. Одним словом, бывшее противостояние сменяется отношением, и таким, какое присуще высшим существам: они в отношениях сливаются друг с другом, но не теряя себя. Так заявляет о себе трансцендентность подступающего к мыслящему в созерцании субъекту его высшего Я (рис. 14).

В онтологической триаде деятельность низшего «я» вспыхивает вновь, но при этом высшее Я, так сказать, держит его «на поводке». Рефлексия вновь вступает в действие, как только суждение (синтез), пройдя через процедуру созерцания, не отрефлектированно, а чувственно-идеально воспринято в элементе 5 лемнискаты.

Теперь перед низшим «я» встает задача «скакать» по кругу, в который вписан верхний треугольник. И чем лучше оно совершает эту деятельность, тем становится *живее* и выше, поскольку на этот раз на нем «едет» высшее Я. В конце концов это должно привести к четвертому снятию, к онтологическому снятию низшего «я», что и означает переход к высшей форме сознания, к сознанию высшего Я.

В своей деятельности в верхней петле лемнискаты «я» имеет дело с противостоянием в себе всеобщего и индивидуального. Они могут как отрицать одно другое, так и сливаться в единство. Здесь продуктивно заменять *противостояние отношением*. Но можно и не заменять. Человек тут делает также выбор между добром и злом, при этом определения и тому и другому он дает сам. Возьмем для примера отношение поколений, где новое поколение переживает старое как всеобщее. Это отношение может быть как конфликтным, так и взаимно обогащающим. И это зависит от силы созерцающего мышления в субъекте нового поколения. Там находится источник толерантности. В созерцающем мышлении человеку открывается прафеноменальное феномена его мышления. Это значительнейший фактор высшего развития, который невозможно переоценить и в социальных отношениях. Хаотически мыслящий человек и в жизнь вносит хаос. Признающий одну лишь логику рискует всё человеческое заморозить. Но если мы идею объекта начинаем идеально воспринимать на нем самом, в его внешних проявлениях, то мы приходим к пониманию его как самих себя. Себя же мы понимаем и умом, и сердцем. Тогда продуктивное отношение становится возможным также и с тем, что нам не нравится. Ведь терпим же мы свои недостатки.

Оставаясь в чувственном мире как абстрактный мыслитель, человек не знает, что его мышление постоянно рождает в высшем мире противоположности, что диалектический процесс мышления всегда получает свое продолжение в порождаемом им онтологическом противоположестве. Тут *нереальное рождает реальность*. Мысли исчезают, а противоположности порой остаются в течение очень долгого времени.

Человек об этом не знает, но противоположности, сливаясь воедино, становятся для него прафеноменом не одного только мышления, но и действия, и чувствования, всего человеческого бытия в процессе реального становления личности, а потом и индивидуальности. Это процесс *саморазвития* человека. Его импульсирует не абстрактное мышление, а его противоположности, которые как индивидуальное мыслящего субъекта приходят в отношение со всеобщим интеллигенции мира, с интеллигентными существами самых различных родов и видов. Теоретико-познавательная лемниската опредмечивает этот процесс саморазвития и позволяет придать ему управляемый характер.

Идеальное восприятие проблемы, вопроса, явленных в тезисе, доведенных до суждения в синтезе и вновь возрождающихся в 5-м элементе, заявляет о себе в конце цикла мышления как решение, принятое в той или иной мере высшим Я. В актах творчества тут заявляет о себе озарение, гениальное открытие и т.д. И для низшего «я» это, как и всё остальное, объект, всеобщее объективно данного, к чему оно должно найти индивидуальное отношение.

В высшем смысле тут выступает мир Св. Духа, который из Субстанции мира творит формы бытия, в том числе и форму мыслящего на земле человека. И перед человеком встает задача взойти в мир своего происхождения, но не так, чтобы, слившись с ним, потерять себя, а чтобы, умерев в низшем «я», стать в Я высшем. Стать сверхчеловеком. Для этого человек сначала противостоит всему всеобщему и, отрицая его, утверждает себя. Поэтому он прирожденный эгоист. Но у высшего Я есть сила существовать, не отрицая. Это сила любви. Мы учимся овладевать ею, соединяя в созерцающем мышлении индивидуальное (элемент 6) со всеобщим идеального восприятия (элемент 5), ранее просто помысленного нами (элементы 1–3), в более высокое единство (элемент 7), где всеобщее стало частью нашего индивидуального.

Закрепим наше рассмотрение практическим упражнением. Мы говорили, что всякое мысленное, логическое рассмотрение рождает в духе свои противоположности, к которым подходят разные духовные существа. Такое, несомненно, происходит с мышлением, скажем, Гегеля. Возьмем для нашего примера его главную диалектическую триаду: бытие – небытие – становление, – и подумаем о том, какой онтологический противоположный образ она может рождать.

Интересно, что подобное же попытался сделать и Маркс, но, конечно, не вполне осознанно и не владея нужным для этого методом мышления. Поэтому он понаделал трагических ошибок. Но на ошибках одних должны учиться другие, чтобы их не повторять. Маркс противопоставил диалектически одну другой две совершенно не абстрактные всеобщности: сословие буржуазии и пролетариат. Из этого противопоставления он вывел умозаключение о неизбежности социализма, поскольку-де те две всеобщности диалектически снимают одна другую. А поскольку это все-таки не понятия, а две области бытия, то снятие неизбежно превратилось в уничтожение одного класса другим. В действительности между ними существует отношение всеобщего – уже сложившийся класс буржуазии – и индивидуального – возрастающее индивидуальное сознание пролетариев. К какому единству они могли бы прийти? Во-первых, к единству в коллектив-

ной форме собственности, далее — к единству в свободной духовной жизни, рождающей еще более высокое индивидуальное сознание, а еще — к правовому равенству. Так в этом случае индивидуальное могло бы прийти к единству со всеобщим, в котором и то и другое возродились бы, после метаморфозы, в новой форме.

Подменив диалектику мышления диалектическим принципом, присущим развитию сущего, Маркс породил метафизику зла.

С мышлением Гегеля нужно обращаться совсем иначе. Начнем с созерцания категории «становление» и посмотрим, что в таком случае получается. (Мы можем тут говорить лишь исходя из личного опыта.) В идеальном восприятии, если прежде неким образом утратить себя на время в созерцании абстрактного «становления», возникает (5-й элемент) понятие «жизнь». Гегель в общем-то тоже пришел к нему, но иначе: путем логического выведения, никак не переступая границы абстрактно-мыслимого.

В нашем случае важно то, что мы пришли к противостоянию всеобщего абстракции и конкретного жизни — жизни сознания, поскольку мы работаем тут со сферой индивидуальной жизни сознания. Соединима ли жизнь с абстрактным движением мысли? — спрашиваем мы и отвечаем: соединима через *метаморфозу формы сознания*.

Далее можно построить триаду, в которой всеобщей жизни сознания противостоит его индивидуальная жизнь. Лишь из их соединения возникает наличное бытие сознания, т.е., иными словами, изживание себя космической интеллигенцией в интеллигенциях индивидуализированных людей.

В этой триаде ничто не предопределено заранее. Отношение индивидуального ко всеобщему может быть трех родов. Одна наличность сознания возникает в том случае, если индивидуальное отрицает всеобщее. Тем самым отрицается реальность сознания вообще. Таково наличное сознание диалектического материализма. Иное возникает в случае, если индивидуальное капитулирует перед всеобщим, перед, скажем, величием живой мысли Бога. Это ведет к утрате субъектом самого себя. Наличное бытие его сознания опять становится групповым. Лишь в третьем случае мы получаем желательный результат. В нем наличное сознание принимает характер непрерывного движения в виде актов отождествления индивидуального со всеобщим и обособления от него. Это и есть эволюция индивидуального духа.

Поняв это, обратимся к тому моменту в эволюции, когда одни существа Иерархий противостояли другим. В процессе эволюции восхождения через нисхождение, предшествовавшем тому моменту, формировалось некое мировое всеобщее, мировая целостность, в

которой в зоне Солнца наметилась эволюция прямого восхождения (без нисхождения). Когда она проявилась в эоне Луны, то обнаружилось, что если всё пойдет путем такой эволюции, то ничего качественно нового в цикле не возникнет. Иерархии продолжат овладевать всё более высокими формами сознания и увлекут за собой, одухотворяя, то, что сложилось как материализующаяся форма бытия. По этому-то поводу и возникли у иерархических существ, попросту говоря, разные мнения: по поводу их отношения к дальнейшему пути развития мировой всеобщности.

Возникшее противоречие было сущностным, но именно из него в конце концов произошло то, что мы имеем в нижней петле нашей лемнискаты. Для нас эта лемниската — лишь гносеологическая, но она является малым повторением лемнискаты мирового развития. За нею стоит всеобщая лемниската мировой интеллигенции, осуществляющей идею мира. И в ней, собственно, впервые в эоне Луны возникло то, что мы называем контринтеллигенцией. Тогда в мировом масштабе для космических интеллигенций возникло то, слабое подобие чего мы получили в виде онтологического завершения гегелевской диалектической триады.

Мировое целое, возникшее в результате двух первых эонов, накопило в себе противоречия. В первую очередь, это было противоречие между земным и солнечным видами, потоками эволюции. Далее это выразилось в противоположности между материализующимся физическим и чисто эфирным принципами субстанции. В эоне Луны возникла возможность физически-эфирные монады наделить неким всеобщим сознанием, пронизав их астральным телом, а значит, собственной психической жизнью. Сотворенное бытие приблизилось к возможности своей индивидуализации.

Перед творцами человека встал вопрос о том, какой должна быть эта индивидуализация, как Иерархиям осуществлять ее, насколько им при этом необходимо сливаться со всеобщим процессом становления, делать его судьбу своей судьбой и так готовить земной эон.

И тогда же отношение к индивидуальному в мире приняло *тройкий* характер, что также нашло свое отражение в лемнискате мышления, на что мы указывали выше (см. рис. 5). Макрокосм повторяет себя в микрокосме.

Основная часть иерархических существ сохранила верность первооткровению. Высшие мотивы своей деятельности они и далее черпали из созерцания откровения. В плане этого откровения было предусмотрено, что человек разовьется в семичленное существо, наделенное Я. Всё это должны были ему пожертвовать Иерархии. Для

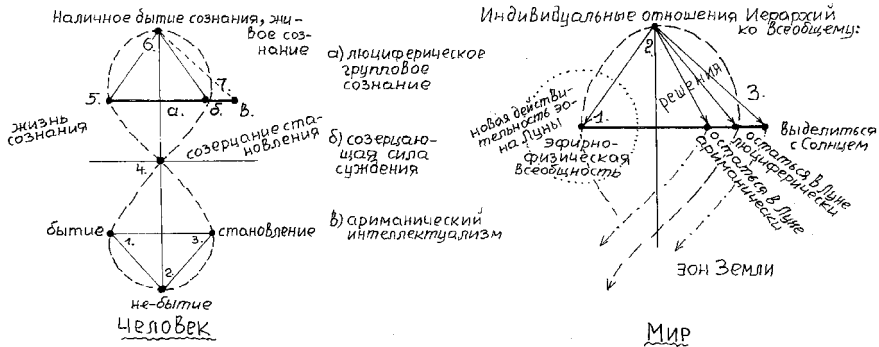

Рис. 15

их же собственного развития требовалась большая скорость, чем та, с какой эволюционировал человек. «Отяжелевший» Лунный эон, поскольку собственная психическая жизнь человеко-животных повела их к материализации, стал для них препятствием, и поэтому они выделили из Луны наиболее тонкие субстанции, образовали из них Солнце, вернее, перенесли на новое космическое тело законы солнечного развития и быстро пошла вперед.

Эти существа как бы сказали: мы, уйдя, будем — как мы это делали прежде — эон опекать извне. Другие существа — это были, прежде всего, Духи Движения — сказали: мы будем тоже поступать *как и прежде*, но останемся на лунном теле. Развитие же на нем замедлилось.

Таким образом, получается, что люциферические духи сохранили верность *изначальному* принципу развития, действовавшему в зонах Сатурна и Солнца, а правомерные духи вызвали мировой дуализм, т.е. тот принцип нарушили. И тогда еще оказывается, что ушедшие с Солнцем существа были прогрессивными, а люциферические — консервативными. Однако если бы действовали только прогрессивные существа, то человек никогда не стал бы самостоятельным. Люциферические существа дали ему возможность стать свободным, самому выбирать свой путь, но в своей деятельности на древней Луне они остались верны первоначальному плану мира, *прошлому* и потому отстали.

Всё сказанное можно еще пояснить с помощью рисунка, сопоставив на нем гносеологическую лемнискату со всеобщееволюционной (рис. 15).

В теле Луны после выделения Солнца развитие также стало противоречивым. Люциферические духи надеялись одухотворить лунное бытие, работая в нем самом. Но субстанция Луны всё более склонялась к материализации. В ней всё больше заявлял о себе дру-

гой вид духов препятствий — ариманических. Эти духи видели в возникновении материи начало нового мира. Они вообще считали, что наиболее последовательным в развитии было бы переведение всего первооткровения Бога в материально-физическую форму бытия. Вот это было бы действительно новым в мире! — так считали они. А деятельность других существ Иерархий, в том числе и люцефирических, казалась им половинчатой и даже бессмысленной, в особенности тех, которые ушли с Солнцем.

С этой точки зрения получается, что самыми прогрессивными, вроде бы, были ариманические существа, прямо-таки революционными. Они положили начало новому единству Вселенной, вот только вселенная их является всего лишь отражением подлинной Вселенной. Но нужно суметь понять ариманических существ. Их аргументы сводились к следующему: если Сама Отчая Основа мира допустила противодействие Себе и если часть Иерархий уже пошла на это, то, действуя в духе божественного абсолютизма, это противодействие должно также стать абсолютным. И мы его, — сказали ариманические духи, — постараемся сделать таким.

Так в развитие вошло *тройное* разделение духов. Но ведь в нем всё носит тройственный характер.

6. Как зарождалось отставание

Нежелание познавать природу зла лишает человека возможности претворять его в добро. А огульное отрицание зла, стремление его просто истребить делает зло только сильнее.

Характерный пример, подтверждающий это, мы находим в рассказе Рудольфа Штайнера о том, что пережил Иисус из Назарета, общаясь с ессеями. Ессеи вели очень правильный образ жизни, настолько правильный, что Люцифер и Ариман не могли проникать в их общины. Но что при этом увидел Иисус? Он увидел, что от дверей их поселений эти духи бежали в мир, к другим людям и тем сильнее действовали на них.

Зло не следует, с одной стороны, упрощать, релятивировать исходящую от него опасность, а с другой — бессмысленно надеяться, что Люцифер и Ариман могут быть просто устранены Богом из эволюции. *Устранить их можно, только устранив человека.*

В божественном плане мира эти две силы работают наподобие молота и наковальни, способствуя (именно лишь способствуя) образованию земного, самостоятельного Я-существа из той в общем-то лишь «заготовки», в виде которой Бог сотворил человека как Свое по-

добие. Но в этой их работе над ним человек должен постоянно быть начеку, удерживая между ними равновесие, компенсируя действие одной из них равным по силе противодействием другой. Эта задача делается тем актуальнее, чем больше человек перерастает групповую форму сознания. И в помощь ему дается понимание объективного мирового закона развития, в силу которого без противостояния, противоречия, наконец, борьбы, отрицания человеку никогда не овладеть Я. Таков характер именно его эволюции.

Не трудно понять нежелание многих людей бороться за Я. Понятие свободы духа, самосознания не увлекают и даже пугают их. Ну а что касается «Прометея» наших дней, то он выродился в прямого эгоиста и нагоняет страх на людей с групповым сознанием. Однако от реальности жизни убежать нельзя. Простым заклинанием супостата или отрицанием его лишь укрепляют в самих себе Аримана, а отказом от собственной воли — Люцифера.

Обо всем этом необходимо говорить и думать, потому что мы тут касаемся истоков кризиса нашей цивилизации. Существуют врата, через которые из него можно выйти, и на тех вратах, как некогда это было на вратах храма в Дельфах, начертано: «Человек, познай себя!»

Самопознание — это главное дело человека. Совершать его Антропософия и помогает ему. У нее свой метод познания. Согласно ему всё следует брать в развитии, у которого две стороны: чувственная и сверхчувственная. Из познания эволюции мира может прийти понимание того, зачем человеческую душу разрывает противостояние добра и зла. Начинать тут следует, что называется, от самого начала мира, чтобы понять, как чисто духовный мир, действуя всецело способом, присущим его бытию и откровению, породил свой антипод — материальную вселенную.

У истоков эволюционного цикла возникают действия, не имеющие ничего общего ни с пространством, ни с временем в нашем их понимании и переживании. Чтобы все-таки найти к ним отношение, нужно воспользоваться тем обстоятельством, что в характере действий иерархических существ и человека имеются не только различия, но и много подобия. Действия Иерархий образуют нравственную основу для наших действий. В этом мы имеем наше общее с ними. Только у нас между нравственным побуждением и его осуществлением в действии вклинивается мотив деятельности, а у Иерархий их нравственное побуждение является одновременно и их прямым действием.

Иерархии творят волю Бога, и в то же время, они действуют из чистой любви к поступку. Таким же образом открылась и Отчая Основа мира. К этому ее побудила некая запредельная для нас любовь

к дарованию новым сонмам существ самобытия и самопознания. Только в Ней это было целиком обусловлено Ею Самою: желание приносить Себя в жертву тому, чего первоначально еще нет, желание порождать новое, — а жертвенность Иерархий проистекает из созвучия их воли с волей единого Бога. Ибо породила их как существ Субстанция Любви Бога. Они, можно сказать, все состоят из субстанции любви, а жертвенность является одним из принципов их развития.

В их среде стремление одних жертвовать себя другим является столь же естественным, сколь естественной для нас является любовь к себе. Да, это два полярно противоположных состояния, но в основе их лежит одно — любовь как некая самоочевидность, «естество», не требующее никакого принуждения.

Когда Бог открылся для нового творения, из Его откровения вышли существа, развившиеся уже ранее. Они приступили к осуществлению намерения Бога, которое переживали вполне как свое собственное намерение. При этом их образ действий всегда один и тот же: то, что они приобрели в предшествующем развитии, они жертвуют вышестоящим существам: на алтарь задуманного ими творения. Отметим этот существенный момент: они не жертвуют себя прямо нижестоящему; это было бы своеволием с их стороны. Они всё несут тем, кто стоит выше их, в конечном счете — единому Богу, а затем проявляют жертвенность, скажем, второго рода. Она выражается в готовности отдаться на волю того, что из высей определяет дальнейший ход развития, в готовности нисходить к низшему. И эти два вида жертвенности иерархически, ступенеобразно движутся навстречу друг другу как две волны бытия. Такой образ действий соответствует естественному развитию существ Иерархий.

Иерархии любят развитие и переживают его как огонь жертвы, которую существа, стоящие ниже, несут существам, стоящим выше, но которая затем служит всем. Подобным образом поступает гениальный художник. Самозабвенно, при полном напряжении сил он напечатлевает низшему характер высшего и тем служит возвышению всего человечества и даже самой материи, но он весь при этом обращен к высшему.*

*) В наше время стало модой отрицать и осквернять высший источник художественного творчества. Люди просто с дурными наклонностями потакают низменным потребностям толпы. И при этом тратятся астрономические суммы денег на то, чтобы убедить всех, будто бы это смелое, новаторское искусство. «Голый король» в переносном и в прямом смысле заполнил собой все виды искусства. Но нужно подумать о том, как далеко идут следствия такого поведения людей.

Явившись в начале нашего мира, Иерархии продолжили свое предыдущее развитие, состоящее в их устремленности к высшему. Но если бы было только это, то возникший эон Сатурна очень скоро вернулся бы в неизреченное лоно Бога. Чтобы этого не произошло — неисполнение намерения Бога, — одна часть вышестоящих Иерархий *отказалась принимать* то, что им жертвенно несли нижестоящие Иерархии, отказалась их любовь слить со своей любовью, что даровало бы жертвующим существам более высокую форму сознания.

Таким поступком вышестоящие существа не изменили принципу своего развития. Они, фактически, явили своим отказом еще большую степень любви. Они даровали несомую *им* жертву чему-то *другому*. Так родилась волна любви, идущая из высей в глуби, от более совершенного к менее совершенному. Ею порождена земная эволюция, а другое, идущее только в выси, соответствует солнечной эволюции. Из взаимодействия обоих этих потоков любви и ткется реальная эволюция нашего цикла и его существ.

Но она стала возможной именно благодаря *отказу* от принятия жертвы. Это событие получило самое разное выражение, различным образом отразилось на развитии всех существ мира. В определенном смысле в отказе от жертвы коренится возникновение люциферических существ. Ведь в условиях уже совершающегося развития этот отказ выражает отдачу предпочтения *вечности*, нежелание принимать участие в новом развитии. В среде людей, уже в земном эоне, в современном состоянии формы отказ и принятие жертвы Богом привели к возникновению двух типов людей: потомков Каина и потомков Авеля.

7. Зарождение мирового противостояния

Эон Сатурна начался с принесения Тронами себя в жертву Херувимам. Сверхчувственно это предстает как грандиозный космический культ. Вот как его описывает Рудольф Штайнер: «... Троны, или Духи Воли, коленопреклоненные, полные самоотверженности, преданности, исполненные мужественной преданностью перед Херувимами, но так, что эта преданность проистекает не из ощущения (своей) малости, а из сознания, что у них есть нечто такое, чем они могут пожертвовать. В основе этой готовности Тронов принести себя в жертву лежит сила, мужество. И они, коленопреклоненные перед Херувимами, высылают к ним свою жертву, так что эта жертва восходит, взды-

маясь клубами, словно пылающее тепло, и дым жертвы возносится своим огнем к крылам Херувимов!» (ИПН. 132, 31.10.1911).

В этом «дыме», фактически, звучит мировой Логос, творящее Слово. Троны своей жертвой нечто высказывают, а Херувимы внемлют им. Чтобы этот необыкновенно возвышенный образ приблизить к нашей способности понимания, нам нужно привести его в связь с принципом рождения живого сознания в мире. Имагинация, которую нам дает Рудольф Штайнер, являет собой, по сути, *первофеномен* становления через рождение.

Послушаем далее, что говорит Рудольф Штайнер: «И исходя из этой жертвы — это совершается так, как если бы мы высказывали в воздух слово и это слово стало бы временем, но временем как существом, — из всего этого процесса выходят Духи Времени, Архай» (Ibid).

Много позже, уже в зоне Земли, в эпоху древней Греции существовали так называемые Мистерии Кабириов. В них жрецы воскурляли жертвенный дым и затем произносили в него магические изречения. Говоримое принимало в жертвенном дыме вид определенных обликов; некие духовные существа воплощались на короткое время в этот дым и являли себя благодаря ему видимым образом.

Нечто подобное, но в крайне ослабленном виде, совершается и в наше время, когда священник ходит с кадильницей по церкви и произносит слова молитвы. Этот ритуал восходит к Мистериям Кабириов.

А через несколько тысячелетий в небольшой, особенно духовно продвинутой части человечества один человек начнет рождать другого силой слова. Будет произноситься мантрически особый текст, и в тонкой вещественности тепла, воздуха, света соотнется тело для идущей в воплощение индивидуальности.

В начале эона Сатурна Духи Воли лучшую часть своего существа высказали Херувимам, а те дали звучащей к ним субстанции чистого тепла форму. И родились Духи Времени (или Личности) — дети Тронов и Херувимов.

В нашу задачу в данный момент не входит специально развивать тему времени, поэтому мы просто привели сообщение Рудольфа Штайнера о том, что время родилось как сумма существ, а не как абстрактное представление «раньше — позже» и т.д. Жертвенный огонь, душевное, еще не материальное тепло Тронов дало субстанцию, физическое, к которому получило отношение астральное Духов Времени, выработанное ими еще до эона Сатурна. Обретение еще одной формы телесности позволило им обрести Я. В этом и состояло их рождение: как новой самосознающей формы космической интеллигенции. Но как существа Духи Времени не были в нашем цикле

созданы впервые. Они в нем лишь достигли человеческой ступени сознания. Они были «людьми» эона Сатурна.

Рождение времени как, так сказать, *первого вида человека* в нашем цикле эволюции означает начало эволюции. Она как мы видим, состоит в том, что рождаются и развиваются новые Я-сознания. Они занимают среди Иерархий новые положения, образуют новые отношения и так меняют характер космической интеллигенции, укрепляя ее связь с земным потоком эволюции. Жертва Тронов получает всё более внешнее выражение. Душевная субстанция Тронов делается субстанцией становящегося во времени мира. Это неизбежно рождает феномен *отчуждения*. Если мы что-то отдали полностью, то оно нам больше не принадлежит, с ним нужно вырабатывать отношение.

Отданное Тронами принимает характер тепла, и с ним приходит в отношение следующая Иерархия, Духи Мудрости. Через них Бог открывается во 2-й Ипостаси, в Которой Он наделяет то, что стало внешним по отношению к Нему, Жизнью, делая его тем самым еще более самостоятельным.

Жертва Тронов была полной, поэтому Субстанция мира может принимать любые формы; и она изначально для мира духа — бескачественна. Когда Духи Мудрости пронизывают ее своей жизнью, то возникает некоего рода конфронтация, напоминающая рефлексию. (Позже она явит в себе противоположность между духом и материей.) Духи Мудрости, направляя свою жизнь на излитую волю Тронов, грубеющую в виде физического тепла, отражаются от нее. Она чужда им как «*внешнее*». Свою, но отраженную жизнь Духи Мудрости и переживают как феномен внешнего тепла.

Для Духов Личности это тепло, должны мы сказать, тоже было чем-то внешним. Они, в отличие от человека, нуждаются в физическом теле не для того, чтобы воплощаться в нем, а чтобы отталкиваться от него. Тепловое тело Сатурна служило им чем-то вроде зеркала, было неким подобием человеческого мозга, существовавшего вне их. Они отражались в нем своей астральностью, что и давало им переживание Я. И в этом состоит их подобие человеку. Они первыми начали мыслить рефлексивно, только то, что им отражалось, шло сразу в духовный мир.

Всё это оказалось бы невозможным, если бы в работу не вступили Духи Движения. Через них Ипостась Св. Духа дала теплу форму, а следовательно, и качество. Но благодаря этому возросло и противостояние существ. Поэтому уже в эоне Сатурна коренится рождение контринтеллигенции. Только, как говорит Рудольф Штайнер, это крайне трудно описать на языке понятий, ибо всё тогда носило еще

неотчетливый характер. Объясняется это тем, что в зоне Сатурна все три вида эволюции: солнечная, земная и лунная — были слиты в одно, не объективированы внешним образом.

В следующем зоне, зоне Солнца всё опять начинается с принесения Тронами в жертву своей воли, части своего существа, которая, входя из их внутреннего, во внешнем становится теплом.

Они делают это не в силу какой-то необходимости, а в виде свободной жертвы и актов свободного творчества. Они при этом как бы «выворачиваются» на другую сторону. И эта их «другая сторона» живет согласно иным законам, законам нового, физического мира. И мир этот есть иная форма сознания Тронов, более слабая, чем их внутреннее сознание, в котором они сливаются с сознанием Бога.

В этом состояло своеобразие жертвы Тронов. Она не вознеслась, а дала субстанцию для развития того, что стояло ниже их. В то же время, через Тронов Сам Бог получил, так сказать, возможность «созерцать» Себя извне. В этом, видимо, и состоит значение физической формы бытия для Иерархий, Ипостасей и Отчей Основы мира. Эта форма дает им новый вид самопознания. В нем они должны в той или иной мере отказаться от себя, редуцировать свое сознание, чтобы тем выше взойти потом.

Конечно, всё коренится в неизреченном Боге, но многое — как потенция. Чтобы потенции осуществлять, Бог должен открываться, объективироваться, противопоставлять Самому Себе, что ведет и к разделению Иерархий.

Если бы в своем жертвовании Троны не вывернулись на другую сторону, то у них сохранилась бы непрерывность их высшего, «потустороннего» сознания и жертва не была бы полной. Их сознание возросло бы, но не изменилось бы качественно. А качественный сдвиг сознания Тронов произошел в сторону бессознательного. И с тех пор вся эволюция мира есть процесс возвращения им этого их сознания. С самого низа, т.е. из бессознательного, им его вернул Христос, воскресший после смерти на Голгофе. Он воссоединил конец с началом, потому Он и есть Альфа и Омега, как об этом сказано в Апокалипсисе, — единый Бог эволюционного цикла. Он ведет его как к Богу-отцу, так и к Отчей Основе мира.

В земном потоке эволюции это выражается в восхождении через нисхождение. В нем закон объективации, закон противопоставления внутреннего внешнему, ведущий к ритмической смене процессов эволюции и инволюции, являются основными законами возвышения Я-сознания *для всех существ нашего эволюционного цикла.*

Итак, Духи Воли пошли в своем жертвовании на противостояние

с самими собой. Они поступили согласно принципам, которые для людей Христос выразил так: «Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10, 39), и: «... если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною...» (Мф. 16, 24).

Для Духов Воли «взять крест свой» означало связать себя с судьбой внешней стороны своей жертвы, т.е., фактически, с судьбой всего эволюционного цикла. Насколько это оказалось трудным — показала Мистерия Голгофы. Одно дело — нечто пожертвовать и забыть об этом, и другое — связать себя с тем, что уже не твое, поставить свою судьбу в зависимость от его судьбы.

В зоне Сатурна Духи Воли, чтобы извне созерцать свою жертву, должны были частью сознания низойти на нижестоящие ступени. Это отразилось на субстанции жертвы. Она огрубела. Ее сознание противостояло сознанию Духов Воли и в конце концов стало контрсознанием. Если в себе Духи Воли обладали сознательным всеосознанием Атма, то, противопостав ему, они породили *бессознательное всеосознание*. Оно с тех пор и пронизывает всё физическое, ставшее постепенно материальным.

К такому выражению пришло движение, мышление Иерархий, пошедшее в направлении сверху вниз. Оно возникло уже в зоне Сатурна, но тогда еще не привело к разделению духов, к полярному противопоставлению сознаний, а только создало для этого предпосылки. Во всяком случае, Рудольф Штайнер не говорит, что жертва Тронов на Сатурне не была принята Херувимами. В духовном мире всё реально, и потому то, что не принимается вверху, должно идти вниз, а этого «низа» сначала еще не было, не было инобытия духа. Троны впервые породили его. Породив же, они связали с ним Духов Личности, связали с тем, что как чистое тепло несло в себе следы возникшего в Тронах противостояния. Поэтому и отношение Духов Личности к теплу оказалось двояким: у одних — более внешним, спиритуальным, другие же оказались связанными с ним более существенно. Такие Духи Личности оказались слишком втянутыми в свой внешний аппарат отражения, и это не позволило им правильно овладеть предметным сознанием, стать полноценными людьми Сатурна, как и чрезмерно связавшие себя с физически-материальным аппаратом мышления люди Земли не смогут развиваться правильно и отстанут.

Некоторые из Духов Личности, оставших на Сатурне, потом отстали еще раз на Солнце и еще раз на Луне. Таковы современные азуры. В зоне Сатурна Духи Воли выразили в них форму своего противосознания, сознание внешнего, физического тепла.

8. «Дарящая добродетель»

В эоне Сатурна проявились два принципа эволюции: старый, досатурнический, и новый, присущий нашему циклу. Троны вступили в новый, следуя старому принципу, и породили эон. Эти существа, как и вся 1-я Иерархия, не нуждались для себя в существовании времени и пространства, а значит, им было чуждо и разделение на внутреннее и внешнее. Они стояли выше всего этого.

Иное требовалось для развития Духов Личности, существ, первыми взошедших к Я-сознанию благодаря существованию инобытия нового цикла. Собственно говоря, их глазами Троны начали созерцать себя извне, извне познавать себя. Это были совсем другие, даже по способу своего рождения, существа по сравнению со стоявшими выше их Иерархиями.

Существо каждого рода обладает, если прибегнуть к понятиям физики, определенной «амплитудой» своего развития. У 1-й Иерархии один ее шаг равен одному эону. Вернее сказать, так это было в начале, а потом, к середине цикла, их «амплитуда» вышла за пределы всего цикла. Но на нее наложились другие амплитуды, с более коротким шагом, всецело обусловленные законами нового развития. Это выразилось в том, что жертвоприношение получило внешний характер, получило вид *дарения* нижестоящим существам. Дарение предполагает наличие двух сторон: дарящей и принимающей.

И так это происходит в развитии, движущемся сверху вниз. Если же жертва приносится нижестоящим существом существу вышестоящему, то это не дар. Херувимы принимающими дар не являются. Жертва, т.е. наивысшее, чего достигают Троны в своем сознании, восходит на еще более высокую ступень, действуя по принципу: умри и стань, а Херувимы, говоря упрощенно, позволяют этому совершаться, поскольку оно не противоречит сфере их бытия, может как что-то не чуждое присутствовать внутри их существа. В результате Троны сами становятся Херувимами.

Все эти особенности, еще довольно неясные в зоне Сатурна, достаточно отчетливо проявляются в зоне Солнца. Там всё начинается с повторения жертвоприношения Тронов. Его созерцают Духи Мудрости – высшие существа 2-й Иерархии. Они к началу второго эона также развились до способности приносить в жертву часть своего существа. Это значит, что в своем высшем развитии они обрели нечто в *полное* свое распоряжение.

Мы уже отмечали, что главной особенностью сущности иерархических существ является высочайшая нравственность. Духи Мудрос-

ти переживают жертвенное деяние Тронов как что-то активное, как приведенную к активности волевою *самоотверженностью*. Это вызывает в них желание *самозабвенно* отдать себя, принести себя в жертву становящемуся миру, подарить себя тому, что их окружает. Полное милости, вплоть до готовности утратить себя, подарить себя становящемуся миру, настроение вызывает в них то созерцание.

Рудольф Штайнер говорит: «Кому никогда не приходилось переживать настроение жертвенной, самоотверженной отдачи себя (Hingegebenheit), тот вряд ли способен придти к высшему познанию. Ибо что может быть противоположностью такого настроения? ... своенравие, проявление своенравия. Это вообще как бы два полюса в душевной жизни: самоотверженная утрата себя в том, что созерцаешь, и своенравное проявление того, что имеет в себе созерцающий. Это две стороны большой противоположности. Для действительного познания, для пронизания себя мудростью своеволие убийственно. В обычной жизни своеволие известно лишь как предрассудок, а предрассудки всегда разрушают прозрение высшего» (ИПН. 132, 7.11.1911).

Так происходит это у людей. У высших существ своеволие не бывает, за исключением тех случаев, когда они его себе сознательно позволяют, поскольку это становится необходимым в силу законов мирового развития.

Стоя на духовной высоте, где пролегает граница двух циклов (это входит в сознание существ 1-й Иерархии) — нашего и предыдущего, — Духи Мудрости вдохновляются примером развития, шедшего до эоны Сатурна. И они тоже приносят себя в жертву. Но если уже Троны в своем жертвоприношении должны были отступить от принципов бытия, каким они обладали до эоны Сатурна, то Духи Мудрости уже полностью совершали жертвоприношение в духе задач нового цикла. Это было также обусловлено тем, что уже к телу Сатурна они имели внешнее отношение. Приносить жертву они тогда были не способны. Они из окружения Сатурна посылали к нему свою жизнь и отраженной получали ее обратно. Так совершался процесс их самопознания: они своей жизнью «смотрелись» в зеркало Сатурна. И это принесло им важные плоды. Их эфирное развилось до состояния Буддхи, и они могли сопереживать культ жертвоприношения, повторявшийся Тронами и Херувимами в начале эоны Солнца. И тогда, исполненные силой, воодушевлением, милостью, они начинают свое жертвоприношение. При этом «если о Тронах мы говорим, что они великие Жертвователи, то о Духах Мудрости мы должны сказать: они великие *Дарители*, приносящие свои дары таким образом, что они, исходя от

них, пронизывают Вселенную тканьем и жизнью, когда изливаются во Вселенную, творя в ней строй» (Ibid.).

Троны приносят себя в жертву Херувимам. Можно было бы ожидать, что Духи Мудрости принесут себя в жертву Тронам, что соответствовало бы старому принципу восходящего развития. Однако они этого не делают. Цикл эволюции словно бы отворачивается от старого, замыкается от него, овнутряется.

В представлениях об овнутрениях и объективациях мирового процесса нельзя жестко стоять на одной точке зрения. Мы говорили, например, что откровение Бога является Его овнутрением. Но, с другой стороны, мир откровения был внешним по отношению к внутреннему неизреченного Бога.

Извне производят Иерархии свое действие на тепловую субстанцию Сатурна. В зоне Солнца они действуют изнутри прежде овнутренного наружу. Тем самым они как бы отворачиваются от того интуитивного, «точечного» источника, из которого струится Божественное откровение, обращаются к миру задач новой вселенной. В этом смысле можно говорить о свершившемся тогда овнутрении, где образовалось самобытие первооткровения.

Сам мир древнего Солнца — это мир излучающийся. Духи Мудрости пронизывают его тепловую субстанцию изнутри, двигаясь от его центра. И теперь они уже не «моделируют» в ней иллюзию жизни, как это было на Сатурне, а приносят ее в жертву, делают постоянным теплого бытия. От этого (от возрастания меры самобытия в ином) происходит уплотнение субстанции. Чистое тепло Сатурна становится теплом воздуха, т.е. получает носитель.

Великая «дарящая добродетель» Духов Мудрости обращается на внешний мир. Она, как и в случае жертвы Тронов, получает две стороны: внутреннюю и внешнюю. Внутренне она — исполненная милости и самоотверженности жизнь; и это является внутренней жизнью всего космоса древнего Солнца. Внешне она иллюзию тепла дополняет иллюзией воздуха, ибо внешне она являет себя в противостоянии своему внутреннему.

Рудольф Штайнер говорит, что если мы представим себе большой рой комаров, то издали он выглядит как облако, вблизи же мы видим, что он состоит из живых существ. Что-то подобное являл собою и воздух древнего Солнца: воздухом смотрится «издали» сонм дарящих милость Духов Мудрости. Воздух — это их дар своему окружению.

Таким образом, действия существ 1-й и 2-й Иерархии на Солнце подобны и глубоко различны. Далее эти различия лишь возрастают.

В зоне Сатурна Троны изливают субстанцию как свое душевное

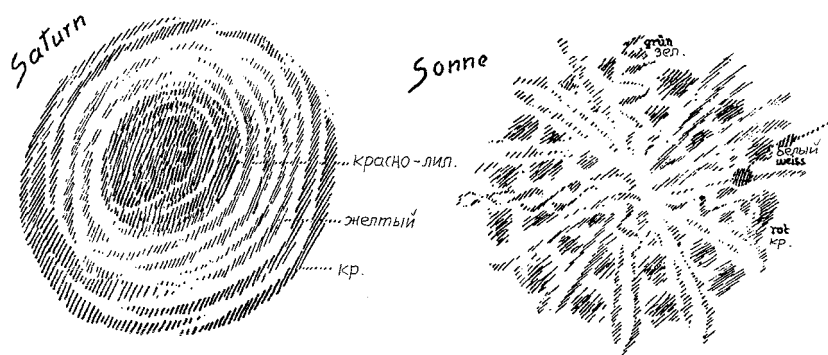

Рис. 16

тепло, которое является волей, Волею Бога-Отца. Она проявляется внешне, но крайне тонко. Возникает легкое «тепловое эфирное» физическое тело, как его характеризует Рудольф Штайнер в «Очерке Тайноведения». То есть это физическое, находящееся еще на ступени эфирного, лишь периодически, словно греза, проступающее на «эту» сторону бытия, а значит, периодически выпадающее из сознания Бога. Ибо проявляясь на «этой» стороне, оно лишается прежнего, высшего носителя и не получает нового! Говоря образно, в сознательном всесознании Бога возникают некие «провалы». Их как бы «заделывают» существа Иерархий, «моделируя» в них свою деятельность: эфирную, астральную. Однако и они не способны войти в мир бессознательного. Духи Личности, обретшие на Сатурне Я-сознание и поднимающие его на ступень Манаса, действуют при этом так, что *отрицают* бессознательное всесознание тепла и тем самым метаморфозируют часть его в воздух, подвигая его к обретению сознания в зарождающемся чувственном, пространственно-временном бытии. Они выталкивают физическое из эфирного состояния.

Совершенно очевидно, что в таком макрокосмическом процессе Троны, чтобы сохранить мировое единство, должны были уже на Сатурне как-то проявляться и на стороне физического тепла, т.е. — ариманически! Но в зоне Сатурна это носило неотчетливый характер, лишь неким образом намечалось. Духи Личности тогда образовывали мост между вечным и преходящим; однако самого преходящего тогда, как такового, еще не было, его тогда лишь «моделировали».

Эон Солнца возникает как овнутрение зона Сатурна. Это как бы вывернутый наизнанку Сатурн. Интересно сопоставить два рисунка Рудольфа Штайнера, на которых он показывает, как можно пережить их полярность (рис. 16).

В зоне Солнца Троны приносят жертву в центре Солнца. Там же в процесс их жертвоприношения вступают Духи Мудрости; и из центра, как бы «сферически» (но трех измерений тогда еще не существует) ширится «дым» жертвы: тепло, имеющее воздух своим носителем. Всё это достигает некой внешней «поверхности», и там рождаются, т.е. обретают Я-сознание Архангелы.

В зоне Сатурна Серафимы, Херувимы и Троны породили Архаев как персонификацию своих отношений, переходящих в иное, имевших задачу проявиться вовне и породить становление, для чего было необходимо время.

В зоне Солнца Духи Мудрости свой дар Макрокосму совершают из своего внутреннего. На волнах тепла, времени, на крыльях Архаев их дарящая добродетель всё дальше и дальше уходит от них, и, значит, их сила в их даре ослабевает.

9. «Птолемеевская система» зона Солнца

Архангелы обретают Я на периферии Солнца, куда приходит в виде воздуха дарящая добродетель Духов Мудрости. Это дарение – процесс творческий. «Кто имеет идею, – говорит Рудольф Штайнер, – и при этом чувствует, что она может послужить на благо миру, и выражает ее, чтобы подарить ее миру в виде произведения искусства и т.п., тот имеет правильное понятие об этой продуктивности дарящей добродетели. Она есть то, что как воздух пронизывает Солнце тканью. Если мы представим себе идею, творящую в голове художника, как она напечатлевается материи – от всего прочего мы отвлечемся, – то это и будет сущностью воздуха» (ИПН. 132, S. 32).

Чтобы эта творящая продуктивность могла возникнуть на Солнце, дар Духов Мудрости должен был кто-то принять. Принимающими тут являются Архангелы. Они поступают при этом так, что полученное от Духов Мудрости не сохраняют для себя, а излучают обратно, подобно зеркалу, отражающему образ.

Благодаря этому возникает *длительность*: прежде было что-то дано, потом оно было принято и еще позже – отражено. Это «прежде – потом», т.е. время, превращается, кроме того, во внутреннее и внешнее, и так рождается *пространство*, но только в одном измерении. Впервые оно, правда, проступило уже в конце зона Сатурна – это значит, что Сатурн в основном развивался в *интуитивной* сфере сознания, – но лишь в зоне Солнца оно действительно стало феноменом, получило свое значение для развития. Итак, мы видим, что

дар Духов Мудрости претерпевает большую метаморфозу. Исходя от них как их внутреннее, он возвращается к ним как внешнее и совершенно в ином качестве — как *свет*, как новая форма бытия. Этот свет рождают Архангелы, когда отражают дарящую добродетель, которая также достигает их как иная сфера и форма бытия, чем та, в которой живут Духи Мудрости, — отражают тепло, ставшее воздухом.

Представим себе еще раз всё в целом. В некоем средоточии, по сути говоря, в точке — ибо там сначала пространства нет, — а значит, в интуитивной сфере сознания, Троны совершают жертвоприношение. Созерцание его побуждает Духов Мудрости излучить свое собственное существо, т.е. открыться и заполнить собой то, что откроется. И вот, изливается из той точки, переходя из интуитивной в инспиративную сферу сознания, мудрость как дарящая добродетель. Она, собственно, потому и является даром, что нисходит в *нижестоящую* сферу бытия и сознания.

Возникает, по сути, гигантский процесс сущностного мышления, охватывающий существ 2-й Иерархии. Мудрая Идея Духов Мудрости продумывается при ее нисхождении Духами Движения и Духами Формы, а потом входит в сферу Духов Личности, начинает двигаться во времени и потом переходит на внешнюю сторону, становится объектом мышления существ, сотворенных уже в новом цикле.

На волнах времени, т.е. будучи несомой Духами Личности, мудрость метаморфизуется, «выворачивается» на «другую сторону». Ее при этом где-то может быть больше, где-то меньше. Она может где-то *застаиваться*, *сгущаться*. Глобус Солнца поэтому наполняет дифференцированный воздух (скажем, «облако»). А затем на периферии всё становится светом, когда отражается от Архангелов. Отраженная периферией дарящая добродетель начинает *изнутри* освещать глобус Солнца. Вовне, в трехмерном пространстве оно тогда еще не светится.

Не забудем при этом, что «дым» жертвы Тронов еще с Сатурна несут Духи Личности. Мудрость Духов Мудрости теперь пронизывает тот «дым» и как Идея развития организует его. Некоего рода осуществлением этой творящей идеи и становятся Архангелы.

Рожденные как индивидуальности дарящей добродетелью, Архангелы испытывают желание полученное отдавать дальше. Но они еще не имеют силы, чтобы дарящую добродетель переживать как свое достояние и ее дарить; поэтому они ее только бессамостно отражают, и это их деяние проявляется как свет.

Обратим внимание на различия в рождении Архаев и Архангелов. Для этого нужно вспомнить о том, что было сказано в 1-м томе

о характере первооткровения Бога. Оно было, если это выразить символически, точечным, потом стало окружностью, которая является разложенной точкой центра. Так наметилось новое отношение внутреннего и внешнего. Внешнее наполнилось содержанием благодаря тому, что Отчая Основа мира, открывшись, излила Себя как Субстанцию для новой вселенной. Она явила себя в Ипостаси 1-го Логоса, Бога-Отца. В виде некоей окружности Бог положил границу Своего откровения. Это был 3-й Логос. Он отразил к центру достигающую Его субстанцию, организуя ее Идеей будущей эволюции. Второй Логос наполнил *круг* откровения, вызвав повсеместное живое взаимодействие Субстанции и Идеи, вызвав процесс метаморфозы, а с ним – феномен Жизни откровения. Всё это в эоне Сатурна вполне сложилось примерно к его середине и стало действовать далее как законы эволюции.

Мы также говорили в 1-м томе, что первооткровение единого Бога было Его объективацией и в то же время – овнутрением в пределах Его неизреченного единства: объективным овнутрением, способным на самобытие.

Процесс эволюции начался с еще одного овнутрения этой объективации, т.е. с ее вторичной субъективации. И этим было положено начало возвращению первооткровения в Бога. В действиях трех Ипостасей всё это совершилось прафеноменально, дав эволюции законы. Далее прафеномен должен был осуществляться.

В эоне Сатурна осуществление прафеномена должно было принять вид именно единой окружности, постепенно сжимающейся до точки. Это было обусловлено характером принесения жертвы Тронами. Оно хотя было и не пространственным, интуитивным, но Рудольф Штайнер, давая в понятийной форме его описание, вынужден пользоваться представлениями нашего мира. Это не означает, что в действительности там было нечто совершенно не сравнимое с действительностью трехмерного мира. Более высокие формы бытия сознания не беднее, а богаче более низких. Наш мир проистек из мира интуиции. Всё, что существует в нем, является обедненным выражением богатства интуитивного бытия. Поэтому когда мы пытаемся представить себе пространственное выражение непространственного, то это хотя и условность, но условность в границах одной реальности. Но найти отношение к таким мыслительным операциям, конечно, довольно сложно.

Возникающая между Херувимами и Тронами субстанциональная Идея мира движется к точке откровения через сферы нижестоящих Иерархий. Каждая из них открывается бытию тем дальше от точки

центра, чем сильнее ее сознание. На самой внешней границе откровения открывается 3-й Логос. Он и ставит ее.

Строение Сатурна было, так сказать, *центростремительным*. В его центре находились тепловые монады, предтечи минерального царства Земли. Они испытывали некоего рода «сжатие» от лежащих выше их сфер Ангелов, пребывавших на стадии растительного царства, Архангелов, пребывавших на стадии животного царства (это относится к формам их сознания). Далее шла сфера, где Духи Личности вззошли на человеческую ступень сознания. Выше их простиралось как бы небо Сатурна, образованное сферами 2-й и 1-й Иерархий.

Архангелы тогда обладали сновидческим сознанием, Ангелы — сознанием сна без сновидений, человек — глубоким трансовым сознанием. И мы видим, таким образом, что объективация Субстанции сопровождалась нисходящим рядом метаморфоз сознательного всеознания. Полярное противостояние Иерархий возникло лишь в царстве человека, где духовное столкнулось с физически-чувственным, с теплом.

Духи Личности, стоя в узловых точках лемнискат, по которым духовное жертвы выходило вовне, посылали свое астральное тело вглубь сгущавшегося тепла, получали его назад в отражении и так в процессе самопознания овладевали Я.

В зоне Солнца весь эон Сатурна «вывернулся наизнанку». Началом стало жертвоприношение Тронов, наполнявшее рождавшееся космическое тело, излучаясь из его *центра*. С излучающейся Субстанцией соединился 2-й Логос. Его действия опосредовали и персонифицировали в развитии Духи Мудрости. Они в жизнь субстанции несли идею тела Солнца до его возможной границы. Всё это опять-таки носило характер космического мышления, определялось положениями и отношениями иерархических существ.

Это мышление как чисто духовный процесс достигнув Иерархии Архангелов, начало получать внешнее выражение. И тут в эволюции возникла своего рода проблема. В зоне Сатурна процесс становления шел духовно в направлении сверху вниз, устремляясь к центру; дух при этом сгущался, в известном смысле материализовался: до степени иллюзии внешнего явления. Всеобщее единство было тогда совершенно predetermined. Духовная прафеноменальная лемниската нарождающегося цикла эволюции, которую слагали три Ипостаси, в которых совершилось откровение Бога, была «центробежной», а феноменологическая лемниската зона — «центростремительной». В зоне Солнца всё было наоборот. Эон, будучи уже не первым, устремился, выйдя из Пралайи, к точке первооткровения, а оттуда простерлась вовне его феноменология (см. рис.16).

Идея зона Солнца, достигнув сферы Архангелов – ее последних сознательных носителей в зоне, – продолжала простирается далее, ибо за ними было еще несколько сфер бытия. Дар Духов Мудрости шел ко всему, вплоть до глубокого трансового сознания, над которым человек поднялся, но которое сохранила часть отставшей субстанции. Сами по себе эти сферы, конечно, не были в состоянии положить границу зона и удерживать единство мира. Возникло нечто, напоминающее разлетающуюся Вселенную. И встала задача ограничить ее.

Следует думать, что свет – отраженная дарящая добродетель – начал двигаться от периферии к центру как сокровенный свет, не воспринимаемый чувственно. При его рождении Архангелы «оперлись» на внешнюю твердь планетарного тела, на «сгустившуюся» теплоту и воздух. А сгустились они не благодаря «сжатию» в центре, как это было на Сатурне, а благодаря их отдалению от духовного центра, что вызвало их частичное отпадение от духа.

Солнце стало напоминать современный Сатурн. Его тело чисто духовно было образовано слоистыми сферами Иерархий, а вокруг из «дыма» жертвы образовалось кольцо, скажем, некой грезы чувственного бытия. Оно было тепло-воздушным, и в нем, видимо, свет проявился с тенденцией выйти на чувственную сторону бытия. Было, по словам Ев. от Иоанна: «... и свет во тьму светит». Во тьму внешнего бытия, во тьму бессознательного, которое, конечно, воспринимать его не могло.

Получается, что в зоне Солнца Вселенная удвоилась, стала чувственно-сверхчувственным единством, хотя еще и не в нашем, материальном смысле. Для этого сложная, многообразная деятельность Иерархий должна была выразиться и в том, что частично она сделалась отстающей, что повлекло за собой и отставание в части субстанции жертвы Тронов. Рудольф Штайнер дает описание этого процесса. Мы не станем воспроизводить его. Наша задача – углубить его понимание.

В «Очерке тайноведения» Рудольф Штайнер пишет, что некоторые Духи Личности оказались в зоне Солнца отставшими. Они выделили из Солнца часть субстанции и образовали самостоятельное мировое тело. Солнце получило в своем окружении еще одно тело. Оно представляло собой возрожденный древний Сатурн (см. ИПН. 13, S. 181f.). На наш взгляд, это тело имело вид *кольца*, внутри которого находилась – мы опять должны выразиться парадоксально – одномерная духовная сфера Солнца. Да, это был очень сложный для понимания феномен: гигантское кольцо тонкой, еще имажинативной

вещественности, а внутри его непространственные сферы восходящей интуитивной духовности.

Может быть, даже самая главная трудность в описаниях Рудольфом Штайнером прежних состояний мира, эонов состоит в понимании того, что нарождавшаяся тогда вещественность не была материальной, чувственно созерцаемой. Это была «предвещественность», отличавшаяся от духовности лишь своей эволюционной *направленностью* в сторону, противоположную направленности духа. Это значит, что она была тоже духом, но в ней действовали законы будущей материальной вселенной, где физическое низойдет на ступень минерала, возникнет сила тяжести и проч.

Чтобы лучше понять это, можно, например, сравнить дом, который мы видим в пробужденном состоянии, с домом, увиденным во сне. Или вот еще более интересный пример, который мы встречаем в описании Рудольфом Штайнером внутренних сфер земного шара. Он говорит, что *под* минеральной корой нашей планеты находятся *нематериальные* сферы бытия. В них неким образом повторяются духовные сферы планет.

Вся современная Солнечная система уже существовала в зоне Солнца, но в виде зародыша и не материально, в виде духовных сфер, расположенных одна внутри другой, как это описывает Птолемеевская система мира. Эта система соответствует тому, что переживают души людей в зоне Земли, восходя после смерти через сферы планет до духовной границы Солнечной системы.

Во втором эоне всё это образовалось в виде одного сложного планетарного тела. На своей периферии оно являло свой одномерный характер, периодически переходящий в двухмерный. Это было некоего рода грёзой Иерархий, мыслящих о будущем. Вовнутрь оно от одномерности восходило к точечности интуитивного пространства — к самой устойчивой форме космического мышления.

Чтобы сохранить Солнце как систему в единстве, Духи Мудрости должны были не только излучаться из центра, но и ставить своему излучению границу извне — со стороны бессознательного всеознания (рис. 17). А это значит, что должны были выступить Духи Мудрости, которые противостояли нормальным Духам Мудрости. Тут всё опять было жертвой. Она состояла в том, что второй род Духов Мудрости занял положение, в котором начал мыслить противоположным по сравнению с первым родом образом. Эти Духи Мудрости, по сути, инагурировали закон не-бытия, согласно которому дух в конце концов ступился до состояния материи. Это был закон сжатия, противодействовавший закону расширения. В их противоположности

выражается противостояние ариманических и люциферических существ Иерархий.

Духи Мудрости, отставшие ариманически, противостояли отставшим люциферически Духам Мудрости, направляя свое действие от периферии к центру Солнца, при этом не возвышая его духовно, без духовной метаморфозы. Из их столкновения и возникла граница между чувственным и сверхчувственным мирами. В ее существовании заключено одно очень значительное противоречие развития: она стремится к центру мира, в котором открывается единый Бог, но существует она по законам «бегства», отпадения от Бога. Таким родился ариманический принцип в эволюции, в силу которого материальное стремится подменить собой духовное, стать таким же универсальным, как и дух, но путем не духовного возвышения до точечности сознания, а путем сжатия в точку абсолютного ничто*. Выразителями этого принципа в зоне Солнца стали жертвенно отставшие Духи Мудрости.

10. Свет Христа и Тело воскресения

Эон Солнца, как и эон Сатурна, начинается с откровения Отчей Основы мира в Ипостаси Бога-Отца, в которой Она и новому эону дарует Субстанцию. Волю Бога-Отца персонифицируют Духи Воли. В силу их высокого развития еще до Сатурна она у них – собственное достояние. Тогда, в том неведомом нам цикле, доминировала деятельность Ипостаси Отца, которой совместно с Иерархиями была осуществлена подготовка Субстанции неизреченного Бога к условиям развития нашего цикла.

Можно, вероятно, предположить, что Троны взошли к своему могуществу благодаря «дарящей добродетели» 1-го Логоса. Поэтому господствующим настроением в них было, сделав субстанцию своей, принести ее в жертву 1-му Логосу. Но на пути к Нему встали Херувимы, лицемерные триединого Бога, из Которого открылся новый план творения. Бог не отказался принять сознание Тронов в Свое неизреченное, но пожелал, чтобы они сначала послужили развитию еще одного цикла эволюции.

1-й Логос открывается для нового цикла как бы с двойственным желанием: давать субстанции восходить и в то же время начать нечто, так сказать, с нуля (как мы это показали в табл. 1 второго тома),

*) Не этот ли принцип косвенно, чисто физически заявляет о себе в сверхтяжелых звездах?

начать что-то совершенно новое. Это и выразилось в эволюции восхождения через нисхождение.

В эоне Солнца в Субстанции Отца открылось в полную силу действие Бога-Сына. Второй Логос вступил в управление Своим, т.е. нашим, эволюционным циклом, Он дал ему его самостоятельную жизнь. Эту жизнь персонифицируют Духи Мудрости. Благодаря им вечная Жизнь неизреченного Бога приспосабливается к жизни субстанции и ее задачам в нашем цикле. Далее эта жизнь становится жизнью Идеи, духа индивидуализации в нашем цикле. Тем самым такая жизнь готовится под управлением Христа к задачам следующего цикла, Регентом которого будет Св. Дух и где она будет дана изначально, подобно тому, как в нашем цикле была дана Субстанция.

Переживая целый эон жизнь в отражении от Сатурна, Духи Мудрости достигли в самопознании высоты, на которой жизнь нашего цикла стала их собственным достоянием. Этой жизнью и была их дарующая добродетель. В ней открылся Христос. Тогда впервые возникло евангельское: «...в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». В эоне Солнца она стала светом иерархических существ, поскольку человек пребывал во тьме бессознательного.

Идея мира вошла в жизнь субстанции, но оставаясь еще внешней, не имманентной этому развитию. Поэтому Духи Мудрости хотя и соединили в себе бытие Христа с присутствием Св. Духа, но света рождать не могли. Однако они дали Идее организовать жизнь субстанции. С особой трудностью и силой эта организация совершалась на периферии Солнца, где Архангелы стояли на границе с бессознательным. Архангелы в эоне Солнца сначала тоже были бессознательными. Они обрели Я-сознание, когда их коснулась живая идея эона. Жизнь стала в них светом: светом самосознания. И это было, собственно говоря, эволюционным деянием Христа. Он есть жизненное начало эволюции и проявляется так, что способствует развитию такого Я-сознания, которое обращено на осуществление своих задач, что не должно освещаться неизреченным светом вечности. Тот свет для нужд развития чрезмерно могуч. Христос несет Я даже тому, что бессознательно.

Я существ в эволюции возникает двояким образом. С одной стороны – благодаря действию Иерархий. На этом пути сначала возникают три тела, а потом в них входит Я. В нем вспыхивает свет сознания, но это, скажем, свет вторичный, даруемый Иерархиями, которые сами получают его извне, становясь носителями света. В Я, полученном от Иерархий, светит мудрость Св. Духа, отделенная от жизни. Это древняя мудрость, открывавшаяся человеку в Мистериях и освещавшая духовный мир, когда в него ступал посвящаемый.

Непосредственно свет жизни Христа действует в эволюции через Духов Мудрости, а от них достигает Архангелов. Поэтому оба эти вида существ Иерархий в особенности связаны с Импульсом Христа. Чтобы свет Своей Жизни даровать человеку, Христос должен был ждать, пока он обретет самосознание в отраженном свете. А когда это произошло, Христос, фактически, пересоздал человека, войдя в него на материальном плане.

Христос не просто оживил то физическое тело, которое оплотнело, соединив в себе элементы тепла, воздуха, воды и земли. Этому телу Он дал умереть, сохранив от него лишь его Идею, т.е. форму, ту изначальную Идею Св. Духа, которая формировала субстанцию 3,5 зона, постоянно направляя ее к нисхождению. На этом пути высшая, универсальная Идея мира субстанционально достигла нулевой точки эволюции, и тогда Христос освободил ее физическую форму от физически-материального плана и наполнил субстанцией Своего Жизнедуха, который непосредственно исходит от Отчей Основы мира (от Отца Христа) ко Христу.

Потребовалась Душа Натановского мальчика Иисуса, та часть эфирного тела человечества, которая не нисходила к земным инкарнациям, не имела отношения к загрязненному фантому физического тела, к его идее—форме. Однако и это было лишь предварительным условием Мистерии воскресения. В прежней форме Христос породил новое тело, тело живой мудрости, в котором действует прямой, а не отраженный Свет Христа, т.е. *не просто освещающий, а порождающий*. В этом тождестве жизни и света живет Я, которое не просто творится, но и само творит, творит новый цикл в условиях нашего цикла. Зародыш этого Я в человеке является зародышем тела воскресения. Христос есть Творец и, как таковой, стоит Над Своим творчеством, а значит — впереди него. Он в настоящем творит из духа будущего. Он как Творец и единый Бог нашего эволюционного цикла пребывает уже в следующем цикле. В нашем цикле Он находит смысл лишь в том, что готовит следующий цикл. И кто соединяется со Христом, тот уже действительно «не от мира сего».

Идея нашего цикла родилась до его начала, в лоне Бога-Отца. Чтобы ее осуществлять, Св. Дух изошел от Отца. В текущем цикле зреет идея следующего цикла; она зреет в лоне Христа, и Св. Дух в этом смысле исходит от Христа.

Наш эволюционный цикл Иерархии могли бы осуществить и без Мистерии Голгофы, но тогда он был бы *последним* в эволюции. После Вулкана всё ушло бы в великую Паралайю и больше не вернулось бы из нее. Семичленность цикла не вошла бы к октаве. Как она при

этом «звучала» бы — мы сказать не беремся. А то, что ее к ней возводит, — это является неким таинственным наложением на «звукоряд» определенной зародышевой силы, которая в конце совершит его тотальную метаморфозу, и он начнет себя осуществлять по-новому, в новой октаве.

Вся семичленность человеческого существа есть, по сути, осуществление старой Идеи. Благодаря ей зреют *лишь оболочки* для того, что в нашем цикле является совершенно новым, что должно в нем зародиться *лишь по поводу* того, что возникла эта семичленность. Цель же его более высокая.

В результате мистерии Голгофы Атма было освобождено от опасной связи с ариманическим. Далее это Атма, субстанция Отца, станет наивысшим выражением Идеи цикла. Оно будет восходить к Отцу. Вместе с ним будет восходить и человек. Но и Атма будет для него *лишь оболочкой* того Я, которое есть не эволюционное Я, а Я Христа в человеке. В оболочке «яйца» Атма зреет живое существо — восьмой член человеческого существа.

Актом воскресения Христос неким образом уподобил человека Архангелу, породил в нем свет, Свой творящий свет сознания. Поэтому путь ко Христу начинается с внесения в мыслящее сознание жизни. Можно даже сказать, что Христос вознес человека до ступени Духов Мудрости, но, конечно, *лишь потенциально*. А с другой стороны, поскольку это все-таки всего лишь человек, обладающий самосознанием в ничто своей рефлексии, то с него можно действительно начинать что-то совсем новое. И потому в нем Христос положил начало следующего цикла. Это в первую очередь о человеке звучит в Апокалипсисе: «Се, творю всё новое» (21,5).

Рудольф Штайнер говорит: «...Манас...его задача состоит в том, чтобы человека развивать до ступени Буддхи».* А в чем состоит задача Буддхи? Видимо, в том, чтобы человека развивать до ступени Атма, дарованного Духами Воли. Ну а в Атма и проявится во всей своей высшей славе Я, даруемое человеку Христом. Задача же «Я», дарованного Духами Формы, состоит в том, чтобы осуществлять единство высшего трехчленного духа, пока человек в нем не станет тождественным со Христом. У этого духа, таким образом, — служебная роль.

Да, это совсем уже большие, головокружительные выси, но без попыток познавать их мы мало что поймем в нашей повседневной жизни, где они действуют совершенно непосредственным образом. Человек есть малое повторение большого Космоса.

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 9 апр. 1905 г. в Гамбурге

11. Эон Сатурна в зоне Солнца

Материальное возникает благодаря тому, что дух овнутряется по лемнискате и законы его существования изменяются на противоположные. Средоточием сферы материализации является узловая, внепространственная точка лемнискаты. Но если взять отдельную целостную систему материального мира, например Солнечную систему, то ее геометрический центр, где стоит Солнце, совпадает с точкой перехода духовной вселенной в физически-чувственную и обратно. Тут следует представить себе даже не плоскую лемнискату, а сферу, которая сферически же выворачивается на другую сторону, становясь двухмерной, имажинативной.

Такого рода феномен впервые зародился в зоне Солнца. Тогда он простерся сравнительно недалеко: до границы своей тонкой «предвещественности», образовавшей, как было показано, кольцо, вокруг духовной формы. Возникает тело, говорит Рудольф Штайнер, границы которого обозначает орбита современного Юпитера. Это тело, конечно, если бы его кто-то мог тогда воспринимать, не имело вид кольца, а скорее — лишь его идеи. О кольце мы говорим, имея в виду чувственную реальность. Но идея та сохранилась таковой и в зоне Земли, материализовалась и усложнилась по сравнению с ее просто духовной формой.

Эон Солнца начинается с повторения эона Сатурна. В его чисто духовном центре коленопреклоненные Троны жертвуют часть своего существа Херувимам. Потом к этой жертве присоединяется «хоровод» Духов Мудрости. В них господствует настроение преданности тому, что они созерцают. Жертвование благодаря такому их настроению (а там, повторяем, всё реально и макрокосмично), в их настроении вырастает до образа жертвенного дыма, который простирается по всем направлениям, сферически, хотя «сферу» тут можно мыслить лишь как принцип, ибо из самих направлений имеется только одно: идущее из внутреннего во внешнее. Нет таких понятий, как верх—низ, правое—левое и т.п.*

Дым жертвы ширится, закругляется, и в конце концов из его «облаков» рождаются облики Архангелов, которые дар жертвенного дыма (зной жертвы Трон, пронизанный даящей добродетелью Духов Мудрости и потому ставший «дымом», горячим воздухом) от

*) Когда о сверхчувственной реальности говорят языком мифа, сказки, так вообще всё антропоморфизируют вплоть до самых простых, повседневных и даже тривиальных образов. Но в них — ключ к познанию высшего духовного.

периферии отражают обратно в виде света, «пронизывают светом (освещают) внутреннее Солнца», творя имагинативное измерение Солнца тем, что жертву они не просто отражают, а метаморфизируют, переводят ее из интуитивной и инспиративной сфер в имагинативную сферу бытия, астрализуют.

При этом Архангелы, пребывающие на периферии, «то, что было на Солнце *сначала*, отражают *потом*; для этого требуется время, — для того, чтобы это пришло обратно как свет». Архангелы при этом сохраняют предыдущее, дары Духов Мудрости, в своем настоящем. «И то, что пребывало во времени, они отдают назад пространственно. Они отражают назад пространство, и в том, что они отражают это назад как пространство, они отдают назад то, что сами получили через Архаев, через Начала» (ИПН. 132, S. 36). Поэтому Архангелов называют Вестниками, Ангелами Начала.

Самым важным для нас в этом описании является то, что жертва Духов Мудрости идет в противоположном по сравнению с жертвоприношением Тронов направлении, и более того: и ее увлекает за собой.

Вспомним еще раз эон Сатурна. В состоянии сознания высшего Девахана, приходя из еще более высокой сферы, из Нирваны, открываются Троны. Бытие Нирваны их откровением овнутряется, но в точке овнутрения Троны хотели бы тотчас же вернуться в высшее. Их откровение является в своем роде их «пробуждением», дающим им более высокую степень самосознания, Я-сознания, но само по себе сознание Тронов при этом понижается, и потому, естественно, они желают вернуться в лоно единого Бога.*

Но тот факт, что они открылись, не остался без последствий. Их явление в ином стало еще одной мировой реальностью. И перед ними возникла необходимость это «иное» опекать. Это значит, что уже в зоне Сатурна часть Духов Воли не могла «беспрепятственно» уйти в неизреченное, в вечность. Это конечно, не было для них принуждением. Это стало объективной, рожденной ими самими необходимостью.

Поясним это на примере. Предположим, что двум человекам нужно преодолеть высокую стену. Тогда один подставляет свою спину, а другой, оперевшись на нее, залезает на стену. Оказавшись наверху, он протягивает руку первому и помогает также и ему взобраться на стену. Получается так, что один из этих двоих людей жертвенно послужил другому, а затем тот всеми силами старается помочь ему.

*) Следует заметить, что всякое пробуждение, обретение пробужденности в развитии сопряжено со страданием.

Примерно в таком роде повели себя Троны на Сатурне. Им для дальнейшего развития нужно было открыться вовне, но после того бросить это внешнее на произвол судьбы они уже не могли. А в зоне Солнца Духи Мудрости узрели оба эти аспекта в поведении Тронов. Особенно их впечатлило желание Тронов служить нижестоящему. Поэтому свою жертву они целиком направили к нему. Этим они, собственно говоря, и положили начало эволюции как новой форме самобытия. Они сделали жертву тронов *автономной* субстанцией нового цикла, пронизав ее новым принципом жизни: пожертвованной ими частью своего космического эфирного тела. После этого изменился характер Субстанции мира и Идея мира начала новый вид формообразования.

В зоне Сатурна, если его представить себе для простоты сферическим, разные его части существовали в какой-то степени сами по себе. Существа Иерархий погружали свои действия в тепловое ядро и, переживая его как некую «твердь», отражались от него, созерцали эту свою деятельность извне, что, вероятно, было для них сущим чудом, ибо всё, что они знали до того, было внутренним.

В зоне Солнца от точки, в которой объективное Божественное стало овнутряться, Духи Мудрости начали излучать свою жертву вовне. Ниже их проявилась сфера Духов Движения («ниже» — по силе Я); она пронизалась реальной, не отраженной жизнью Духов Мудрости, поскольку эта жизнь теперь жертвенно направлялась вниз. Духи Движения вступили в эту жертву, и она увлекла их вплоть до самой «нижней», или «внешней», границы. Далее с жертвой слились также Духи Формы, Духи Личности. Образовалось единое духовное космическое тело, живущее как один организм.

Сфера Архангелов была как бы внешним его покровом. Они до развились до состояния, в котором стали способны принять в себя Я. Однако обрести его они могли не просто свыше, т.е. в потоке текущей к ним дарящей добродетели, а, подобно Духам Личности на Сатурне, за счет некоего противостояния в ее субстанции тому, что с другой стороны от них стучалось до почти недуховного состояния. Они в этом начали отражаться. Ну а это означает, что на периферии Солнца, за сферой Архангелов *должно было опять возникнуть состояние древнего Сатурна*. И оно возникло в виде теплового кольца.

Таким образом, состояние Сатурна повторилось в зоне Солнца на двух планах: на самом высшем, дав развитие импульсу к восхождению, и на самом низшем, дав импульс к нисхождению. Это привело к разделению Иерархий, но также и элементов субстанции. Часть тепла уплотнилась до воздуха, и это положило начало появлению уже

чувственно видимого, а часть отстала и лишь внешне пронизала воздух, а также и свет. Возник теплый воздух. Архангелы оказались на границе двух миров: устремленного духовно в выси и устремленного к материализации, во тьму бессознательного, не пронизанного жизнью эволюционного цикла. От этой сферы они и получили отраженной свою жизнь. Это формировало их, скажем, низшее я, а стоявшие над ними Духи Личности несли им Я высшее, зачаток Манаса.

Духи Личности получали дары от Духов Формы, принимавшие в них форму автономного Я, наполненного собственной жизнью мудрости. Отражаясь таким Я в Архангелах, они осознавали себя способными на творчество. В результате всего этого то, что они посылали Архангелам, возвращалось к ним как свет: как свет их нового сознания, новой жизни мудрости в их Я.

Духи Личности восходили на ступень сознания, которую Духи Формы занимали в зоне Сатурна. Манасическая мудрость Духов Личности действовала на Архангелов формообразуя. Это значит, что Идея мира формировала здесь эфирность древнего Солнца таким образом, что тепловой эфир метаморфизировался в световой. Этим *световым эфиром* и осветилось внутреннее древнего Солнца. Он начал восходить к центру Солнца, потому что в индивидуализированной субстанции Архангелов отражались и Духи Формы, и Духи Движения. В результате возникло движение, идущее навстречу изливающейся даращей добродетели Духов Мудрости.

От сферы Архангелов шел не физический свет, но и не сокровенный, в смысле Отчей Основы мира. Это был свет мудрости иерархических существ. Они как бы увидели себя в свете своей мудрости (Сатурн был темным). С тех пор субстанция мудрости в нашем цикле не в переносном, а в прямом смысле слова является светоносной.

12. Лемниската метаморфоз света

Сфера Архангелов была внешней сферой духовно светящегося внутри себя Солнца. Но за нею, вовне располагались еще сфера Ангелов, стоявших тогда на ступени животного царства, сфера человека, тепло-воздушных, физически-эфирных монад, и царство отставшего тепла, монад, оставшихся на ступени минерального царства. Явления света должны были проявиться и здесь, обнаруживая тенденцию перейти на чувственную сторону бытия. Явление света в зоне Солнца носило лемникатообразный характер. Архангелы не отражали свет, а порождали, действуя как силы в узловых точках лемнискат. Там,

где находились они, была граница света и тьмы. Но то была не тьма небытия, а тьма бытия, еще не способного внутренне воспринимать мировую мудрость. И именно потому, что те сферы отталкивали внутренний свет, он в них и проявился внешне (рис. 18).

Они его отталкивали по лемнискате, т.е. это был эволюционный, а не просто физический процесс; а всё эволюционное имеет внешнее и внутреннее проявление.

Нужно еще сказать, что движение внешнего света по лемнискате происходит и в зоне Земли. Свет Солнца здесь не теряется в далях пространства, а, достигая определенной границы, вновь возвращается в Солнце. И возвращается он *сверхчужденно*. В зоне Солнца наших пространственных далей еще не существовало. Мировое пространство еще только рождалось и начинало «раздвигаться».

Движение света в темной сфере сложного древнего солнечного образования и изменение его характера обуславливалось действием иерархических существ в этой сфере. Самым значительным при этом было действие отставших Духов Мудрости. Отставшие существа Иерархий подступают к развитию извне. Что это за существа? «Мы находим их, — говорит Рудольф Штайнер, — направляя оккультный взгляд на сонмы Херувимов, Серафимов, Тронов. Некоторые из духов этого рода также отстали, не вошли в эти сонмы, остались лишь Духами Мудрости» (ИПН. 203, 11.3.1921). И это ариманические существа.

Мы помним, что в зоне Сатурна Духи Мудрости образовывали нечто вроде «атмосферы» того планетарного тела, извне воздействовали на его тепловые монады. Полученный ими тогда опыт позволил им подняться на ступень сознания Тронов. И, как таковые, т.е. как Духи Мудрости с сознанием сатурнических Тронов, они свершили свое жертвование в зоне Солнца. Но некоторые из них восходить не стали и в зоне Солнца продолжили свое сатурническое действие. Они подступили к планете совсем извне, куда переместились и отставшие Духи Личности.

Отставание последних подобно отставанию Духов Мудрости. На Сатурне они образовывали самый близкий к его тепловому ядру

Рис. 18

духовный слой «атмосферы». Через них проходило действие Духов Мудрости, направлявшееся к этому ядру. И часть из этих Духов Личности последовала за отставшими Духами Мудрости. В зоне Солнца они поэтому продолжили свою сатурническую деятельность и, значит, не взошли на ступень сознания сатурнических Духов Формы.

В древних состояниях эволюции нужда в ариманических существах появилась по той причине, что кто-то из Иерархий должен был вести отставшее бытие субстанции. А отставать она должна была потому, что сокровенное, приходя к откровению, должно было являть себя внешне и тем ограничивать себя, противопоставлять себя себе. Таков просто закон развития, без него эволюция невозможна.

Отставшие Духи Личности, действуя из темного кольца на Архангелов, побудили их, скажем, «пропускать» дарящую добродетель дальше вовне. И если бы этого не происходило, то тепло не сгустилось бы до состояния воздуха и в нем не возникло бы света. Его не возникло бы в человеческом царстве. Поэтому в факте обособления, выделения кольца-планеты (оно словно бы выпало в осадок) заключен великий смысл. Оно силой отставания Духов Мудрости и Духов Личности мощно «потянуло» откровение нормальных Духов Мудрости на чувственную сторону бытия. Можно даже сказать так: дарящая добродетель и сама имела тенденцию изливаться туда в силу центробежности своего действия, но, естественно, отставшие существа образовали мощный ее «застой». Оттого она и стала вещественностью, аппаратом отражения для существ 3-й Иерархии, а потом и человека.

Взаимодействие отставших Духов Личности с Архангелами Солнца (они ведь стояли, в известном смысле, на одной ступени) повело к тому, что и часть Архангелов начала отставать. Действуя в узловых точках лемнискат движения дарящей добродетели, они во всё большей мере стали обращаться к их внешним частям, уходящим туда, где происходил застой эфирной субстанции.

Архангелы, как мы можем понять, были не в силах справиться с той гигантской задачей, которая решалась на периферии Солнца. Тут нужна была работа более высоких Иерархий. Поэтому, собственно, и отставание не было делом свободного выбора Архангелов, не было и жертвой с их стороны. Они, отставая, начали входить в зачаток третьего, лунного типа эволюции.

Те Архангелы, которые не отставали, также были лишь инструментом более высоких сил. Однако и сами Духи Мудрости были проводниками воли Того, Кто был Регентом эона, — Христа. Он, фактически, является Творцом эона, но Он творит его не силой Своего

ипостасного сознания — оно для этого слишком велико, — а через посредство Духов Мудрости. Поэтому Христос нисходит на ступень их сознания и действует через них так, что можно сказать: Христос в эоне Солнца — это Дух Мудрости. Да, Духи Мудрости изливают свою дарящую добродетель, но она есть и дарящая добродетель Христа.

Но тогда у нас возникает вопрос: а не ступил ли в эволюции и Сам Христос на путь отставания? — Да, ступил! Рудольф Штайнер говорит об этом прямо: «Он является Существом, Которое не только в развитии эона Луны отстало так же, как и люциферические духи, но Которое, предвидя лунное развитие, отстало уже раньше, еще во время древнего солнечного развития; из определенной, уверенной, далеко превосходящей человеческую мудрости отстало во время солнечного развития» (ИПН. 130, 9.1.1911).

Можно даже сказать, что во Христе произошло гигантское, самое большое в эволюционном цикле отставание. — Ведь Он низошел в эоне Земли даже до сознания человека! *Только Его отставание не породило никакого зла.* Максимальное нисхождение Он претворил в беспредельное восхождение и тем породил в человеке зародыш его наивысшего существа, которое не умещается в пределах цикла.

Также и здесь для понимания необходимо отдать себе отчет в том, что в мире духа всё совершается реально. Там бывает так, что высшие существа склоняются к низестоящим, но если нужно действовать в низестоящей сфере сознания, то в нее нужно нисходить, подвергая себя ее судьбе, судьбе ее формы сознания. Тут условность, легкомысленная игра высшего с низшим невозможна. Христос, войдя в тело Иисуса из Назарета, затем три года погашал Свою Божественность и в Гефсиманскую ночь стал наконец лишь человеком. Поэтому и смогли подойти к нему те, кто арестовал Его.

Человек может поставить себе идеалом развития принцип «Не я, но Христос во мне» только потому, что Бог был человеком. *В самом человеке* Он создал отношение «Творец—творение». Творение семичленно, взойти к октаве оно может, снимая себя и становясь Творцом. Таков высший и уникальный смысл восхождения, идущего через нисхождение.

13. Переход откровения в эволюцию

Одним из первых определений для откровения невыразимого Бога, вероятно, будет *безграничность*. Однако мы не можем дать конкретного определения тому, что безгранично простирается и может

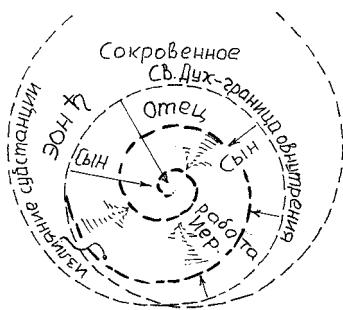

Рис. 19

быть всем во всем и т.д. Поэтому возьмем чистую безграничность как совершенную абстракцию. И пусть она будет первой рефлексией, образующей отношение мыслящего сознания к явлению невыразимого.

Чтобы это отношение углубить, привлечем снова на помощь язык образов-символов. Мы уже представляли себе первооткровение как безгранично излучающееся из одной точки по всем

направлениям. Но поскольку Бог может открыться лишь в Своей неограниченности, то Его откровение является безграничным овнутрением Его в Его же сущности. Но тем Его безграничности ставится граница, предел: точка ничто.

Именно это и являет нам эон Сатурна. Он возникает как одна петля лемнискаты, повернутая внутрь другой, внешней, невыразимой. Безграничное простираение как процесс овнутрения становится движением по закручивающейся спирали, которая превращается в точку. Так точка открывшегося «всего» уже в бытии Сатурна становится точкой «ничто». Таков центр Сатурна, к которому направляют свои действия Иерархии. Он есть точка умирания духа, а следовательно — точка рождения материи (рис. 19).

Эон Солнца является противоположностью эона Сатурна, его антитезой, космической попыткой его снять. Поэтому эон Солнца дуалистичен. В нем всё началось, как и в эоне Сатурна, из точки первооткровения, откуда изошло овнутрение. Но Духи Мудрости помешали ему. Они удержали лемнискату откровения от овнутрения. Она простерлась безгранично вовне, оставаясь при этом целостной в себе. Тем самым была снята обусловленность откровения Абсолютом. Эволюция лишь в первых зачатках проявилась в первом эоне. Но со второго эона цикл действительно вступил в свое развитие. Для этого он получил *собственную жизнь*. А жизнь проявляется в *безграничности метаморфоз*. Этим была снята абсолютная предопределенность развития. Начала слагаться структура мира, которой мы уже неоднократно занимались.* Эта структура и отразила картину безграничного простираения единого Бога в трех Его Ипостасях, метаморфизированного в процессе схождения в одну точку, в которой и

*) См., например, рис 141 в нашей книге ««Философия свободы» Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления...»

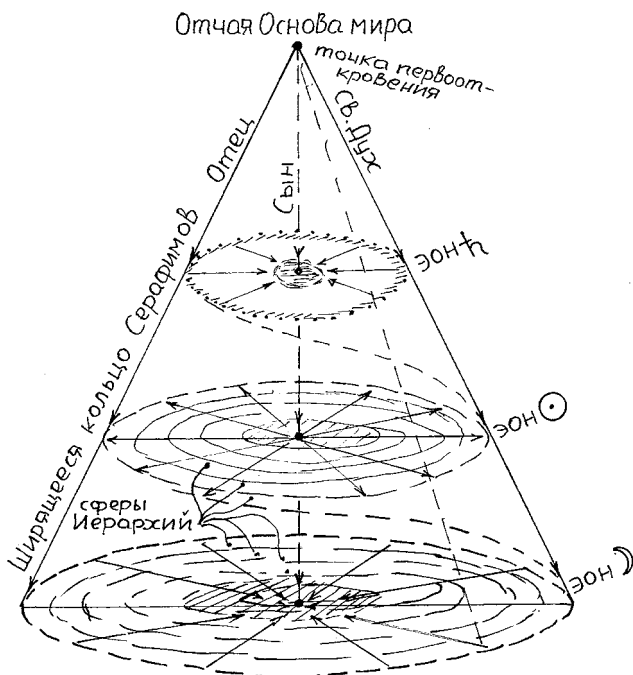

Рис. 20

происходит переход духа в материю. «За» этой точкой начинает шириться чувственная вселенная, отражающая в себе безграничность вселенной духа. Так единая Вселенная получает двойное, чувственно-сверхчувственное выражение.

Для понимания столь важного момента в возникновении Вселенной, преломления безграничности, воспользуемся образом так называемого «золотого треугольника», несколько видоизменив его для целей нашего исследования. Из его центра происходит эманация единого Бога в виде трех Ипостасей, несущих новому миру Субстанцию, Идею и Жизнь. Мы изменим этот образ, взглянув на него, так сказать, «в профиль», дав трем Ипостасям изливаться из верхней точки, из верхнего угла треугольника, поскольку нас интересует не принцип пребывающего, а динамика откровения (см. рис. 20).

Эта эманация приводит к откровению в новом бытии существ Иерархий. Это значит, что персонификация Богом Самого себя в Своем явлении сменяется персонификацией Его иерархическими существами. Первые из них — это Серафимы, «лицезреющие» Бога. Духовнонаучно мы можем это понять так, что силой своего созна-

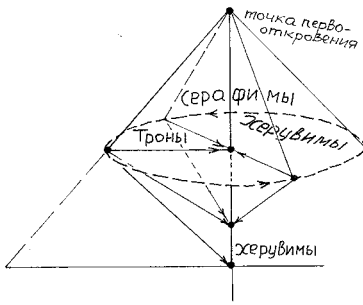

Рис. 21

ния они способны приходить в прямую связь с единством трехипостасно открывающегося Бога, т.е. выносить Его присутствие, сохраняя самобытие. Они, таким образом, с самого начала оказываются удерживающими всеединство с «другой», внешней совершающемуся откровению стороны. Это благодаря им точка откровения раскладывается в окружность. Окружность эта ширится, и принцип

единства Бога в инобытии получает безграничное простираение. При этом он не только простирается, но и входит, *нисходит* в инобытие. Это происходит в Ипостаси 2-го Логоса, почему Христос и говорит, что Отчая Основа мира передала ему «всё». «Всё» — это и есть единство Бога; всё остальное проистекает из него (рис. 20).

Принцип единства всегда остается идеальным, не связанным ни с пространством, ни с временем. Он только нисходит и восходит по вертикали духа. Но всё тянется к нему, и его движение зависит от того, что происходит по осям действий Бога-Отца и Бога-Св. Духа.

Действия Христа по вертикали духа в первую очередь опосредуют Херувимы. Поэтому им возносят Иерархии свои жертвы. Все они, стоящие ниже Херувимов, открываются и действуют в связи с задачей творения нового цикла, поэтому: со стороны либо Отца-Субстанции, либо Св. Духа—Идеи цикла. Так, в Ипостаси Отца открываются Троны. Сила их сознания недостаточна для того, чтобы устремиться прямо к точке первооткровения Бога. Они устремляются к этой точке, перенесшей себя в сферу Херувимов.

Та, скажем, окружность, в которой совершается их жертвоприношение, наполнена отношением Субстанции и Идеи. Мы показали их на рисунке в виде двух линий, чтобы подчеркнуть полярность их явления, но в действии их лучше представить себе в виде конусообразных совпадающих одна с другой форм, отличающихся только противоположностью совершающихся в них движений — движений по кругу единства, хранимого Серафимами.

Обусловленность жертвы Тронов откровением Субстанции и Идеи приводит к тому, что эти последние достигают центра единства в разные моменты его нисхождения, и оттого окружность единства превращается в нисходящую и ширящуюся спираль. Выделим этот фрагмент в отдельный рисунок (рис. 21).

Процесс безграничного простираения мирового единства претер-

певае также и постоянное сужение. Тем самым он как бы развивает еще одно измерение. Оно возникает по той причине, что Троны в точках своих откровений на окружностях единства оказываются в узловых точках лемнискат, по которым Субстанция 1-го Логоса переходит в инобытие. То же самое происходит и с Иерархиями, опосредующими действия 3-го Логоса, несущего в мир свою Идею. Получается картина эволюции, показанная на рис. 22. Из него видно и то, как возникает точка перехода духа в материю и как образуется чувственно-вселенная.

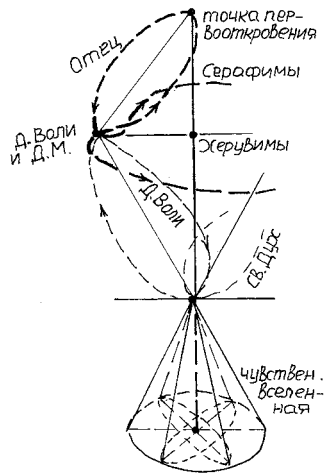

Рис. 22

Так возникает преломление безграничности как главного свойства единого Бога. Она не ограничивается, а метаморфозируется. Метаморфозируясь же, она, конечно, меняет свои вторичные качества, что получает свое выражение в характере действий Иерархий. Но Бог, в каком бы качестве Он ни проявлялся в этих их действиях: нисходящих, восходящих, — проявляется в них в Своей безграничности. Именно это мы находим и в действии как добра, так и зла.

Но вернемся опять к зоне Солнца. Его особенность состоит в том, что разложенную в зоне Сатурна точку центра Духи Воли здесь вернули в центр. Они «сложили» окружность в точку центра, дав тем простор для самореализации эона. Это еще одна деталь, которую следует внести в рис. 20.

В зоне Солнца задача удержания мирового единства исходила из центра. Этот центр является источником эманаций субстанций и сил, рождающихся из принесения жертв. Они движутся по лемнискатам и центр эона разлагают в точки окружностей нарождающегося, ширящегося и сужающегося бытия (см. рис 22). Так сочетаются в зоне Солнца его собственный принцип развития и наследие эона Сатурна. Возникает некоего рода полярная инверсия, приводящая в конце концов к сгущению духа до состояния материи: сгущения на периферии планетарного тела при сохранении в центре величайшей степени одухотворенности.

Принцип всего этого сложного образования мы находим и в зоне Земли, в сочетании Коперниканской и Птолемеевской систем.

14. Удвоение Вселенной

В эоне Солнца Херувимы, если можно так выразиться, закрывают жертвам Иерархий *прямой* доступ в вертикаль восхождения к наивысшему единству. Они могут достичь ее лишь *косвенно*, удерживая в единстве эволюционирующий мир.

Жертва Духов Мудрости направляется к Архангелам, стоящим особенно далеко от вертикали единства. Они воспринимают эту жертву приходящей по лемнискате внутренне, а возвращают внешне, т.е. действием своего сознания. Из сонма Архангелов возникает очень слабый по сравнению с Тронами круг планетарного единства. За ними его, конечно, держат Серафимы, но они не мешают работе нижестоящих Иерархий.

Архангелы посылают внешне духовный свет, как бы пытаясь освещать духовное пространство Солнца. Он по лемнискате опять возвращается к ним. В результате возникает, говорит Рудольф Штайнер, нечто сложное: «...застоявшееся облако жертвенного дыма: жертва, которая восходит, жертва, которая нисходит, жертва принятая, жертва отвергнутая, вернувшаяся в себя. ... Через это застаивание по причине того, что нечто возвращается назад, возникает как бы облачное кольцо. А совсем вонне мы имеем отраженные назад массы света» (ИПН. 132, 14.11.1911). И они начинают переходить на сторону зарождающейся чувственной реальности.

«Если искать какую-нибудь внешнюю форму (фигуру), — поясняет Рудольф Штайнер, — с которой можно сравнить Солнце в то древнее время, то это может быть современная форма Сатурна: шар, окруженный кольцами. В то время, как эти застаивающиеся массы жертвы отбрасываются вовнутрь — в то, что находится в середине, то пребывающее вонне организуется в виде массы колец» (Ibid.).

Высокодуховные эманации исходят из центра Солнца, достигают его периферии, там «выворачиваются» по лемнискате на внешнюю, «отворачивающуюся» от духа сторону и оплотневают до вещественности чистого тепла, потом воздуха и, наконец, возникает свет. Оплотневшие субстанции движутся затем к центру Солнца, но по пути вновь одухотворяются. Так возникает некое удвоение Вселенной.

Этот процесс повторился, хотя и в чрезвычайно усложненной форме, также и в зоне Земли. Здесь состояние древнего Солнца, частично сохранившись в своей структуре, одновременно еще раз «вывернулось» на другую сторону. Теперь периферия древнего Солнца стала нашей Солнечной системой, а бывшая духовная точка центра разложилась в круг Зодиака, где теперь — как в зоне Сатурна — гра-

ницу Вселенной обозначают существа 1-й Иерархии. Не говоря уже о грубой материи, даже вещественность света, уходя в те дали, одухотворяется. И там, одновременно, происходят те процессы, которые в зоне Солнца приводили свет на грань чувственной видимости и вновь его одухотворяли; там рождается свет звезд. Описывая это, Рудольф Штайнер объясняет нам природу действия отставших, люциферических духов в этом процессе.

Он говорит: «Физический свет может распространяться только в том случае, если что-то лежит в его основе, образует его носителя, которым свет как бы сковывается. Чтобы неподвижная звезда [т.е. не планета] могла стать видимой, для этого необходимо еще что-то другое, кроме просто действия духовных Существ Мудрости в неподвижной звезде. [В дополнение к этому действию] необходимо еще иметь в неподвижной звезде действие люциферических духов, которые восстают против просто субстанции мудрости, которые эту просто субстанцию мудрости пронизывают своим принципом. И тогда то, что внутри неподвижной звезды видимо лишь духовно, смешивается с тем, что восстает против этой *просто духовной* видимости, будучи в неподвижной звезде люциферическим, выносящим свет до физического явления.

Неподвижная звезда была бы невидимой [в пространстве], если бы наравне с Духами Мудрости, развивающимися нормально, не существовали еще такие, которые своей цели не достигли, которые остались на нижестоящей ступени — либо на ступени Духов Движения, либо на ступени Духов Формы. Отставших Духов Мудрости ... должны мы признать как носителей света в лишенной света духовной субстанции неподвижных звезд. ...ибо Духи Мудрости не светят» (ИПН. 136, 14.4.1912).

Люциферические духи являются носителями физического света. И зная теперь об этом, мы можем конкретизировать наши представления об идущих лемнискатообразно процессах эона Солнца.

В его центре, который находится на высшем Девахане, в сфере интуитивного сознания, Духи Воли жертвуют свое наивысшее Херувимам, пребывающим в еще более высокой сфере сознания. Эта жертва обращается Херувимами на дело новой эволюции. Она бессамостно нисходит как угодно глубоко, но меняет при этом форму. Чем меньше высшего сознания остается в ней, тем вещественнее она становится. В этот «строительный материал» цикла вносят свою жертву Духи Мудрости. Они жертвуют своим эфирным телом.

Троны приносят свою жертву на границе манвантары и пралайи, поэтому она подвержена действию любых законов развития, оста-

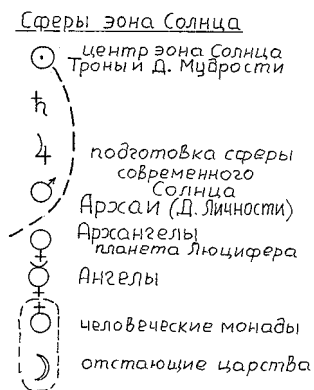

Рис. 23

ваясь в своей сути вне, выше всего этого. Таков характер жертвенности мировой субстанции.

С нею смешивается субстанция дающей добродетели Духов Мудрости. Ей присуща целенаправленность, она интенциональна. Когда обе жертвы достигают Архангелов, стоящих на границе астрального мира, готового перейти в мир физический, то они там обнаруживают тенденцию проявиться не духовно. Но Архангелами это намерение отражается, и тогда возникает духовный свет.

Совершенно очевидно, что такую метаморфозу одни Архангелы совершать не могут. Ведь к ним пришло действие Духов Мудрости, а за ним — Духов Воли и даже Херувимов. А чтобы этим Иерархиям достичь сферы Архангелов, им было необходимо жертвенно понизить свое сознание, значит, снова переживать себя на ступенях уже давно пройденных ими, иными словами: отстать. Вся эта группа высочайших существ принимает люциферический характер и тем обуславливает озарение пространства зона Солнца и последующих эонов светом нового цикла.

Как во Христе цикл получил собственную жизнь, так в Люцифере — свет своей мудрости. Выше этих жизни и света существует жизнь и свет Отчей Основы мира, но они столь возвышенны, что непосредственно бытие нового цикла вместить их не в состоянии. Необходима их определенного рода адаптация.

Духи Мудрости нормального развития на своем пути вниз разделяются на два вида, и один противостает другому. Это проявляется на астральном плане, в сфере Архангелов, где в зоне Солнца слагается сфера будущей, земной Венеры*. Ибо в «слоях» сферы древнего Солнца, в которых открываются другие Иерархии, зарождаются первофеномены современных планет (рис. 23).

Отставшие Духи Мудрости встают в определенном смысле по другую сторону сферы Венеры, восставая против происходящего там оплотнения духа. И им приходится конфронтировать с ариманически отстающими Духами Мудрости, которые и вызывают это

*) Тут следует напомнить о том, что в специальных целях оккультисты поменяли местами названия Меркурия и Венеры. Об этом сообщает Рудольф Штайнер.

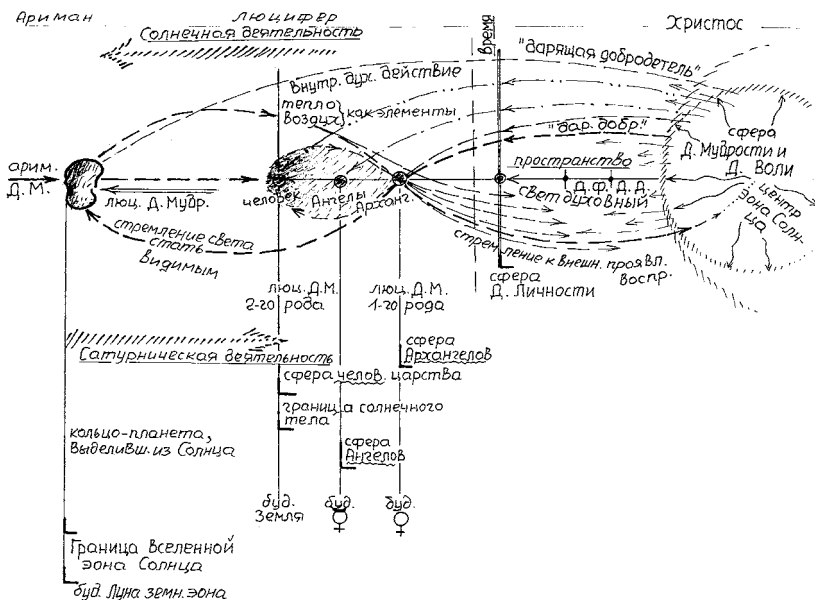

Рис. 24

оплотнение, поскольку в зоне Солнца они продолжают действовать так, как действовали в зоне Сатурна. То есть они в своих действиях идут от периферии к центру, неся ему на этот раз — за счет сжатия духа, сильно отдалившегося от центра — принцип материализации. Люциферически отставшие Духи Мудрости хотели бы простирание зона Солнца сохранять всегда духовным. Но дух при этом истончается. Возникает конфронтация двух видов сил, из которых одни выступают за вечность духа, другие — за вечность материи. В результате этой конфронтации и произошел, как нам представляется, переход света на чувственную сторону мира. А нормальные Духи Мудрости вызвали взаимное превращение, метаморфозу люциферических и ариманических сил, благодаря чему смог продолжиться созидательный процесс эволюции.

В этом процессе люциферические Духи Мудрости стали носителями того, что из мудрости превратилось в свет. Они понесли его к центру Солнца. Они не были антагонистами нормальных Духов Мудрости, не отрицали дарящей добродетели, а освещали ее.

Но были Духи Мудрости, которым пришлось противостоять ариманическим духам. Они ушли дальше от центра Солнца и увлекли

за собой часть Архангелов, которая противостояла Архангелам, увлеченным на свою сторону ариманическими Духами Мудрости. Эти Архангелы оказались в особенно опасном положении. Им пришлось стать нижней опорой тотальной оппозиции духу. Из-за этого они не смогли взойти на ступень, на которой Духи Личности стояли в зоне Солнца (т.е. на ангельской ступени в земном смысле). Не сделали они этого и в зоне Луны, и в зоне Земли. Люциферические Архангелы в зоне Луны наверстали упущенное и, хотя и с опозданием, взойшли на Земле на эту ступень.

Теперь всё полученное нами при рассмотрении эона Солнца попробуем выразить с помощью рисунка (рис. 24). Мы видим на нем потоки сило-субстанций, простирающихся от центра Солнца к его периферии. Там они достигают сферы сознания–бытия Архангелов, бессознательные сферы Ангелов и человеческих монад. Далее образуется кольцо-планета, где скапливается отставшая вещественность, не способная вобрать в себя эфирное, даруемое Духами Мудрости, на которую действуют с выделенной планеты отставшие Архаи. Там возникает зачаток третьей, отстающей, лунной эволюции.

15. Христос и Люцифер

Из проведенных нами рассмотрений первоначальных стадий эволюционного процесса мы видим, что силы препятствий, проявления которых в наше время приобрели столь конкретный и недобрый характер, возникли тем не менее когда-то как объективные мировые силы, были вызваны к жизни как совершенно необходимые для решения определенных задач развития.

Люциферические и ариманические силы имеют своих представителей во всех Иерархиях, все эти представители действуют по-разному, но в духе либо одной, либо другой глобальной тенденции. Человеку нужно их основательно познавать, если он желает рано или поздно стать гражданином сверхчувственных миров. Да и в земном, чувственном мире не разобраться, если лишь предаваться традиционным чувствам, эмоциям и представлениям относительно сатанинских и дьявольских (как это теперь называется) сил.

Духовнонаучное познание показывает, что сами по себе эти силы ни добрые, ни злые. Поясняя эту мысль, Рудольф Штайнер дает такой пример: «Кто желает утверждать, что Люцифер злой и нужно бежать от него, тот должен также сказать, что нужно бежать от огня, так как при определенных обстоятельствах можно ... погибнуть в огне»

(ИПН. 138, 30.8.1912). Иными словами, *действия* этих существ могут быть либо добрыми, либо злыми в зависимости от того, как ими пользуются. Эти действия приобретают тем более непосредственный, конкретный характер, чем больше человек нисходит в физически-материальную сферу и обретает в ней «я». И в этом состоит еще одна большая задача для человека: познавать совершенно конкретно, как в тех или иных условиях, состояниях его жизни проявляется их действие и когда оно становится опасным.

Бессчетное число раз, с самых разных сторон Рудольф Штайнер развивает это знание, тем самым оказывая нам неоценимую услугу. В одних случаях он сообщает факты своих сверхчувственных исследований, в других — разрабатывает вопрос методологически, в третьих — излагает его в духе нравственных принципов человека, максимум добра и зла и т.д.

На стадии зарождения противоположности добра и зла Рудольф Штайнер показывает в сопоставлении позиции Христа и Люцифера. Они проявились в зоне Солнца. Христос тогда действовал как Дух Мудрости, отождествившись с сознанием этой Иерархии. Эти существа взошли в ранг Творцов, обрели способность давать жизнь циклу эволюции, давать физическому собственное эфирное. Христос становится первым среди Духов Мудрости, их Регентом. Его милость изливается в их дарящую добродетель. Через них Он осуществляет метаморфозу неизреченной жизни Отчей Основы мира, делая ее достоянием нового этапа развития. В этой жизни, конечно, заключен и неизреченный свет, которому, также метаморфизировавшись, надлежит осветить мир откровения.

Чтобы свет стал видимым, ему необходим носитель. И поскольку Христос в Иерархии Духов Мудрости имел в Себе Свет, то и носителем его должны были быть Духи Мудрости. И те, которые ими стали, называются *люциферическими*. Ибо само имя «Люцифер», как было уже сказано, составлено из двух слов: «свет» и «носитель». Поэтому о них можно также говорить: светоносные существа.

Сущностный свет и его явление через носителя были вначале едва ли не одного рода. В зоне Солнца еще не существовало искушения. Солнце тогда, говорит Рудольф Штайнер, выступает как «планета среди семи планет (они, как мы теперь знаем, были духовными и имели вид заключенных одна в другую сфер или «колец». — *Авт.*)». Среди них совершенно по-особому была организована Венера. «... Ее управителем является Люцифер. И сначала оба — и Дух Солнца, и Дух Венеры, т.е. Христос и Люцифер, — являются в определенном смысле братьями» (ИПН. 137, 12.6.1912). На древнем Солнце чрез-

вычайно трудно увидеть различие между ними. Оно проявляется в них не внешне, а внутренне. И потому очень нелегко, признается Рудольф Штайнер, подыскать слова, чтобы описать различие между ними в то время.

Люцифер выступает как властитель Венеры в исключительно светоносном облике. Возникает даже ощущение, что весь блеск, который когда-либо может явиться, исходя из откровения, есть нечто незначительное в сравнении с Люцифером в зоне Солнца. Однако внутри Люцифера можно заметить, если войти в его намерение, видимую уже тогда бесконечно большую гордость. Она настолько велика, что действует искушающе. Не явленный внешне-физически, чувственно свет имеет в себе огромную силу, и Люцифер владеет ею в полной мере. Вещи, первоначально не искушающие, становятся при явлении такого величия, красоты искушающими.

Христос же – Владыка Солнца – являет образ, полный самоотверженности, преданности окружающему миру, с чем, как мы понимаем, совершенно созвучно настроение Духов Мудрости нормального развития. Люцифер занят собой, но, конечно, как космический дух. Христос проявляет Себя отдающим, преданным всему, что окружает Его в мире, сколь бы отдаленным оно ни было. Правда, те «роли» были иными, чем теперь. Круг Зодиака был лишь духовно «намечен» во тьме духовных глубин, возвещал о себе двенадцатью словами. Люцифер хотел один всё осветить своим светом и так всё познать, хотя был лишь носителем света. Отчая Основа мира тогда отдавала через Христа Свою Жизнь новому творению. И этой жертве был нужен носитель света. Жизне-воля Бога звучала как мировое Слово от двенадцати сторон к Солнцу, и Христос являл единство их. Из двенадцати слов слагалось изреченное слово, которое включало в себя весь мир. И этим-то Словом и был Христос. Люцифер это Слово отклонил, желая всё познавать в своем свете.

Христос отдавал Себя впечатлению невыразимо звучащего Слова, целиком воспринимал его в Себя, находясь в Иерархии Духов Мудрости. И Душа Христа стала соединением великой звучащей мировой тайны с тем, что слагалось как эволюция нового цикла.

Таков, мы полагаем, и был тот процесс, в ходе которого Отец «всё» передал Сыну и Бог-Сын стал Христом эволюционного цикла, его единым Богом.

Из того, чем тогда были Христос и Люцифер, произошло всё последующее. Люцифер всё больше становился владельцем без трона. Христос воспринял мировое Слово, и оно с тех пор имеет свойство возжигать новый свет в душе, воспринимающей его. Оно с зона Сол-

нца стало во Христе светом, а Солнце — средоточием Солнечной системы.

Таким образом, два пути проявляются в зоне Солнца. По одному из них ведет Люцифер, вынужденный в своем развитии отставать, чтобы нести свет на внешнюю сторону мира. По другому пути ведет Христос. Он стал Господом всей планетной системы, имея Свой престол в Солнце. Ибо Он проявил преданность Слову открывшейся Отчей Основы мира. Троны, Духи Воли образуют подножие Его престола.

Христос с тех пор «выражает сокровенного Отца», «является Его манифестацией» (ИПН. 52, 4.12.1903). Кроме того, сокровенный «Отец привел Свой Дух, Св. Дух, к выражению через силу Слова. ... Этот Дух нисшел в мировом Слове»*. Он-то и является тем светом, которым обладает Христос. Это значит, что Христос получает Св. Духа, Идею мира от Отчей Основы мира, а мир после того получает свою Идею от Христа. Такова вторая причина, в силу которой Христос есть Господь нашего эволюционного цикла. Он не был Им с самого начала. Сначала единым Богом была Отчая Основа мира. Она им, собственно, и остается — единым Богом мира, задуманного в семи зонах развития, осуществляемых силой трех ипостасных эманаций неизреченной Основы мира.

В этом плане развития господствует детерминизм. И именно чтобы преодолеть его, Отчая Основа мира, *не отменяя* Своего господства, передает господство Сыну. Это второе господство — *творческое*. Оно переведет семичленность одного цикла в следующий цикл, действуя по закону восхождения семичленности к октаве.

В господстве Христа всё есть одно лишь *осуществление*, осуществление того, что стремится выйти за пределы нашего цикла. И только такое Его господство, так сказать, признает Отец. Поэтому Христос и говорит, что Он должен «упросить Отца»; и тогда Отец передает Христу Идею мира — старую Идею, чтобы Он придал ей новый смысл и направление: к октаве. Тогда Св. Дух исходит от Христа. Но Он исходит не постоянно, а когда рождается новое, *Христово*.

Святой Дух несет Идею мира от начала Сатурна. В этой идее содержится план цикла, состоящего из семи эонов. В каком-то смысле он способен осуществиться и без Христа. Но тогда, как мы говорили, он не сможет взойти к октаве. Вот почему две Божественные мудрости действуют в мире. Первая из них как Идея мира соединяется с Субстанцией Ипостаси Отца. В процессе их взаимодействия воз-

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 17 окт. (2-я) 1904 г., прочитанная в Берлине.

никает отставание, противостояние, дифференциация, отпадение. Мудрость Христа — это сила и свет претворения, всеединства и восхождения в творении нового.

Люциферические духи являются носителями света обоих родов мудрости. Люцифер в зоне Солнца стал носителем света Христа. И в этом смысле он Его брат. Он осветил этим светом мир Иерархий. Но Люцифер оказался обращенным, так сказать, и к изначальному действию Св. Духа, где ему противостояли ариманически отставшие существа, где свет становился физическим, не Христовым. В этом свете имеется противостояние, борьба. В ней проявилась самодостаточность Люцифера, что для человека обернулось на Земле благом свободы.

Миру надлежало вывернуться на сторону физически-чувственного бытия, иначе человек не стал бы Иерархией любви и свободы. Мудрость обоих родов явила себя в этом намерении нисходить до отражения в бессущностном. Люциферические существа оперлись на такую мудрость, и это довело свет до чувственной видимости. Они стали носителями света в бессветовой высшей субстанции, а потом были вынуждены столкнуться с сатурническим действием в зоне Солнца ариманических Духов Мудрости.

Это столкновение произошло в сфере Архангелов, а значит, в духовной сфере той древней Венеры. Этим обусловлена и двойственность этой планеты. Одной стороной она обращена к солнечному развитию, а другой — к нисхождению. Разделились на два вида и люциферические существа. В высших Иерархиях они остались устремленными в выси духа, к вертикали духа, к вечности. В низших Иерархиях они были отброшены на периферию духа и запутались в ее противоречиях. Но они сохранили тоску по вечности и ненавидят всё ведущее в материю. Также и человека они искушают отказаться прежде времени от материального бытия.

Нужно уметь различать эти два подвида люциферических существ. От этого зависит очень многое как в повседневной жизни человека, так и на пути посвящения и в жизни после смерти.

В духовном мире все прошлые состояния мира продолжают существовать и дальше одно рядом с другим, располагаясь, однако, на разных ступенях сознания. Сверхчувственному взгляду на современную Венеру с Земли открывается аспект ее отставания, когда «гордый» Люцифер теряет ее как свой трон. Этот подвид люциферических существ и взирает теперь на Венеру как на свою былую родину (см. ИПН. 129, S. 92ff.). Но с иной точки зрения Венера продолжает существовать как планета Люцифера — брата Христа.

Противоречия тут никакого нет. Люцифер в некотором роде — это двуликий Янус. У него двойная природа. Он действительно несет духовный свет всем сферам нашего цикла, освещает их. И он освещает путь человеку. А будучи вовлеченным в нисходящее развитие, Люцифер утратил Венеру. И одно дело — переживание духовной сферы Венеры душами при их *восхождении* и другое — при *нисхождении*.

16. Вступление в эволюцию космической интеллигенции

Отказ Херувимов принимать жертвы нижестоящих Иерархий повлек за собой отставание этих последних. А тогда получается, что «первовина — если мы о такой первовине желаем говорить — такого отставания заключена вовсе не в тех, кто отстает. Это очень важно понять. Если бы Херувимы жертву приняли, то люциферические существа не смогли бы отстать, ибо у них не было бы никакой возможности в этой субстанции (жертвы) воплощаться» (ИПН. 132, S. 52). Поскольку же такая возможность возникла, то с нею возникла и возможность для существ становиться *самостоятельными*. Это привело к тому, что принципу отказа от жертвы противостоял другой принцип. Изливающуюся субстанцию жертвы стоящие ниже ее существа, так сказать, «потянули» на себя, начали развивать в ней собственную деятельность, осуществлять в ней свои желания и вожеления.

Если бы Херувимы приняли всю жертву, то эволюция осталась бы целиком под их управлением, т.е. вообще не возникла такой, какой мы ее знаем. Действовал бы принцип восхождения существ, который существовал еще до возникновения нашего цикла. В нашем цикле его сохранили существа 1-й Иерархии. Он называется «лицезрением Лица Божия». «Они — Серафимы, Херувимы, Троны — не могут действовать иначе, как только непосредственно следуя импульсам, которые им дает Божество» (ИПН. 110, S. 166). Не делать этого для них просто невысказано в силу их близости к Отчей Основе мира. Для них созерцание Бога — «это такая мощная сила, она производит на них такое действие, что они с непосредственной уверенностью и импульсом к действию осуществляют то, что им поручает Божество» (Ibid., S. 161).

Такова высочайшая форма осуществляющего себя сознания. Люди иногда пытаются ей подражать, конечно, не сознавая этого. Такое встречается, например, в тоталитарных сектах, в темных оккультно-политических орденах, отчего рождается только зло. Ибо человеку в его земной сфере надлежит приходить к свободной воле. Ради нее эволюционный процесс так далеко ушел от духа.

В начале этого процесса Отчая Основа мира открылась Ипостасью Отца и позволила Троном даровать новому откровению субстанцию. При этом образовался прафеномен структуры цикла. Отчая Основа мира овнутрила Себя, как мы писали в 1-м томе, в Ипостаси Св. Духа, определив тем границы откровения. Возникла некая непространственная, чистая окружность откровения. Ее персонифицировали в ином Серафимы. *Отношение* между окружностью и точкой центра персонифицировали Херувимы, а далее – Духи Воли, совершая жертвоприношение, наполняя это отношение субстанцией. Она могла бы Херувимами быть направлена назад, вверх, к Серафимам. Тогда Троны взошли бы на ступень Херувимов, а откровение вернулось бы в себя. Отчасти это так, видимо, и произошло, поскольку новое должно было не порывать с традицией старого. Но часть жертвы Херувимы направили к центру. Это, конечно, был уже не первоначальный центр, а его проекция на сферу Тронов. Так Троны как бы открылись во второй раз, но всецело уже для эволюции. Откровение, таким образом, удвоилось, а потом и утроилось, когда явило себя в отражении.

Херувимы находятся в положении звена, связующего эволюцию с прямым вознесением к Богу. Они являются силой, пропускающей и не пропускающей существ к их прямому восхождению. Это в первую очередь касается существ 2-й Иерархии. Они стоят так высоко, что тоже не могут поступать иначе, как только мгновенно следовать импульсам триединого Бога, которые, правда, достигают их, будучи опосредованными существами 1-й Иерархии.

Эти импульсы вводят их в структуру нового цикла эволюции, что и означает для них быть «откомандированными» для решения тех или иных задач, в том числе и задач противостояния Богу, поскольку Бог желает таким способом развить в мире особенно большое добро*.

*) Стоит с пониманием отнестись к тому, что у многих людей, не принимающих Духовную науку, познание такого рода вызывает один только протест. Бог всемогущ, и ему не нужны все эти хитросплетения! – убежденно восклицают они. Мысля как они, можно, говорит Рудольф Штайнер, спросить: а почему Бог не может создать четырехугольный треугольник? Если Бог всемогущ? Но сколь мало смысла в треугольнике без трех углов, столь же мало смысла в желании, чтобы свобода была достижима без возможности зла и страданий. Мы тут имеем дело с законами развития. Кому они не нравятся, кто и свободным быть не желает, тот тем самым подписывает договор со злейшими супостатами, поскольку его интересы тогда совпадают с их интересами. Страх перед реальным духом, лень, эгоизм – вот те истинные причины таких протестов.

Этот план особенно решительно вступил в действие в зоне Луны, регентами которого являются Духи Движения, из жертвенной субстанции которых образовалось астральное тело человеческих монад. Воздух в этом эоне сгустился до водного (но не минерального) состояния. Всё это произошло опять таки вследствие того, что и жертва Духов Движения была не принята Херувимами. Она вернулась в точку первооткровения, нисшедшую на уровень сознания Духов Движения.

Отвержение жертвы также и в высших существах рождает страдание, определенного рода «меланхолию», чувство одиночества, отъединенности от источника их происхождения. В особенности это проявляется именно начиная с Духов Движения*. Но именно благодаря отказу высшего принять их жертву они смогли дать эволюции нечто особенное.

Тоска по высшему породила в них желание каким-нибудь образом все же достичь удовлетворения. Нечто подобное переживает и человек. И чтобы ему разобраться в этом в себе, нужно понять, что происходило с Духами Движения в эоне Луны.

У существ, жертва которых отвергается, возникает своего рода «тоска по родине». И поскольку Херувимы — Стражи того высокого Порога — закрыли им туда прямой доступ, они начали искать другой путь. Им и стала эволюция нашего цикла. Акт отвержения вызвал в них скопление неудовлетворенной воли, ибо «повсюду, где проявляется тоска, мы можем видеть, что это является видом воли" (ИПН. 132, S. 64). Это воля, которая сначала не находит удовлетворения. Невозможность изжить волю выражается в тоске. Так возникает некоего рода перводвигатель внутренней душевной жизни.

Невозможность для существа жертвенно отдать себя более высокому существу и таким образом слиться с более высокой формой сознания и бытия рождает в существе нечто такое, что позже начинает выражаться в разных формах *эгоизма*. «Мы видим — говорит Рудольф Штайнер, — как вместе с тоской вспыхивает эгоизм, сначала в совсем слабой форме, но можно наблюдать, как он вкрадывается в мировое развитие» (Ibid. S. 65). А это и есть люциферический принцип.

Существа с тоской, предоставленные своей эгоистичности, в определенном смысле обращенные на одностороннее развитие, на жизнь просто в себе, оказываются в той или иной мере исключенными из нормальной эволюции. Таковыми оказываются некоторые

*) Эон Луны называется «планетой тоски», а эон Земли — «планетой избавления (спасения)».

Духи Воли на Сатурне, Духи Мудрости на Солнце. В зоне Луны это Духи Движения.

В отношении этих последних не следует думать, что они вызывают лишь движение в пространстве. Нет, в первую очередь их движение носит космически-мыслительный характер. Это есть *движение космической интеллигенции*.

Рудольф Штайнер говорит: «Если многие люди отдают себя высшему существу, которое (тогда) как бы выражает себя во всех них, поскольку приняло от всех них жертву, то тогда все эти многие живут в одном и испытывают в нем удовлетворение. Но если жертва отвергнута, то эти многие живут в себе и не могут испытывать удовлетворения. И тут выступают Духи Движения и существ, предоставленных лишь самим себе, ведут определенным образом друг к другу, приводят их между собой в *отношения*. Духов Движения следует сначала представлять себе не только как существ, меняющих место, а как существ, нечто производящих, благодаря чему одно существо вступает во всё новые отношения с другими существами» (Ibid., S. 66).

Так началось удовлетворение тоски высших существ: через изменение отношений между ними. Иными словами, *в зоне Луны была приведена в действие космическая интеллигенция нашего цикла. Цикл начал думать сам о себе*.

Эон Сатурна не имел собственной жизни. Она в нем, как мы говорим, «моделировалась» внешним действием. В зоне Солнца Христос, низойдя на ступень Духов Мудрости, даровал циклу собственную жизнь. Но космическая интеллигенция в зоне, т.е. положения и отношения существ Иерархий, — это было предопределено всеобщей Идеей мира, предопределено извне. Идея, так сказать, расставляла существ по их местам, и через них осуществляло себя высшее действие, в том числе и тогда, когда оно начало противодействовать себе. Поэтому эволюционного процесса, как такового, еще и не было. Был ряд последовательных откровений Божественного Троиинства через существ 1-й Иерархии.

В зоне Луны Ипостась Св. Духа как бы нисходит на ступень Духов Движения, начинает действовать через них, сомыслить с ними в их отверженности от высшего. И тогда всё отверженное пробуждается к собственному космическому мышлению. Начинается, скажем, имманентная эволюция цикла. Ибо в этом мышлении есть собственная жизнь и собственный свет. В отвергнутых от высшей родины существах возникает надежда туда вернуться. Это будет зависеть от того, как они будут мыслить. А мыслить они могут лишь в отвергнутой субстанции, в собственной субстанции цикла. Возникает гига-

нтское расслоение Иерархий на множество ступеней и подступеней. Это проявляется как следствие того, что кто-то отстал один раз, кто-то два и три; одни, отстав на одном этапе, наверстали упущенное на другом и т.д.

В целом же во всём этом многообразии существ проявляется два вида эгоизма: люциферический и ариманический. Люциферический эгоизм выражается в стремлении уйти от материализации духа, ариманический всецело замыкается на материальном. Оба они являются радикальным в своей односторонности выражением изначального принципа откровения Бога в точке абсолютного, в разложении точки в окружность, движении ее от центра к периферии и обратно.

Ариманические существа стремятся от периферии мира к его центру, но нисшедшему на план материального. Люциферические существа стремятся к окружности духовного первооткровения.

И люциферических, и ариманических существ побуждает к деятельности тоска по высшему бытию. И чем ниже Иерархия, тем тоска эта делается нестерпимее, ибо остается всё меньше надежды ее изжить. Когда фантазия современного человека живописует нам ужасные образы таких существ, одержимых яростью уничтожения, то это в определенной мере навеяно инстинктивным переживанием их. Так выражается их неизмеримая, космическая мука, которая, чем больше стремится к удовлетворению, тем больше ариманически сжимает существ в точку ничто. Такой способ освобождения губит существо в непомерном сжатии, вызывая в нем желание всё уничтожить, сбросить всё в «черные дыры» Вселенной.

Ну а что претерпевает человек? Он эволюционно заложенной в нем тоской по высшему, реальному духу гонится к бесконечной смене впечатлений: образов, представлений, мыслей чувств и т.д. — и так приходит к рождению движения в собственной интеллигенции. Сначала это происходит лишь в абстрактной форме, что нашло свое выражение в движении идей, в истории философии. Но такое движение интеллигенции теперь пришло к своему исчерпанию. Исчерпали себя даже старые принципы художественного творчества. Ни тем ни другим тоску по духу не удовлетворить. Поэтому в человека вторгается ариманическая жажда уничтожения. Она извращает, крушит всё духовное наследие человечества, порождает чудовищные формы различных идеологий и субкультуры, антикультуры. Все они порождены неистовой жаждой уничтожения и полны ею.

Тоска от этого только возрастает, она вырождается в чувство безысходности, в котором заключен источник социального хаоса. Безысходность эта нарастает еще с эона Луны. Но Земля — это эон

искупления, спасения от тоски и безысходности, эон подлинной, радостной, воодушевляющей надежды.

Эту надежду, искупление, спасение принес человеку Христос. И очень важно понять, как осуществляется наше искупление.

Мы, люди современности, поясняет Рудольф Штайнер, живем таким образом, что вверху, в голове у нас катятся волны обычного сознания, а внизу, в глубинах моря душевной жизни коренится тоска «как нечто такое, что всегда желало бы идти вверх, к принесению жертвы, к универсальному Существо, Которое удовлетворило бы не вожделение бесконечного следования одних за другими образом, но Которое дало бы удовлетворение раз и навсегда.

Земной человек уже чувствует эти настроения, и они являются наилучшим, если он их действительно чувствует. И те земные люди, которые в наше время, всецело в соответствии с особенностями нашей эпохи чувствуют эту тоску, они, по сути, являются теми, кто приходит к нашему духовнонаучному Движению (к Антропософии). Люди во внешней жизни учатся познавать всё то, что в отдельности удовлетворяет обычное, верхнее сознание; но из подсознания пробивается наружу то, что как отдельности не может быть удовлетворено, что жаждет иметь центральное основание жизни. (Это и есть поиск ответов на «вечные» вопросы, желание вырваться из замкнутого круга чувственных образов, из границ познания, осуществляемого только в понятиях. — *Авт.*) А это центральное основание может быть дано лишь благодаря тому, что мы имеем универсальную науку, которая занимается не только отдельностями, но и всеобщностью жизни» (ИПН. 132, S. 70f).

Тоска по универсальному бытию томит человека, и унять ее можно, лишь приобщаясь к нему.

17. Триадность развития

Теперь мы подошли, можно сказать, к кардинальному вопросу наших рассуждений. Он состоит в том, как затронутые нами наиболее значительные аспекты возникновения контринтеллигенции и ее связи с панинтеллигенцией мира свести к единству. А они, на первый взгляд, вроде бы, к нему и не сводимы.

Мы говорили ранее, и не один раз, о том, что Рудольф Штайнер в своих сообщениях не только дает прямое знание, но и облакает его в форму загадок, часто очень не простых. К одной из них мы подошли теперь. К большой и исключительно важной загадке.

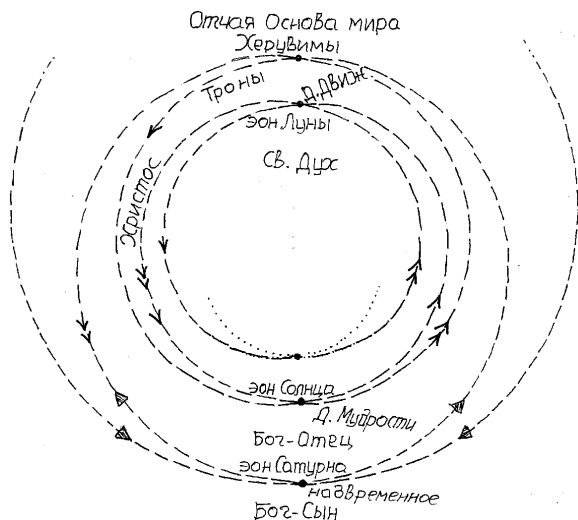

Рис. 25

Начнем ее рассмотрение с осмысления общего результата, к которому пришел мир благодаря первым трем зонам.

После эона Луны эволюция получила возможность осуществлять себя силой имманентных законов. Инобытие Бога обрело принцип самодвижения. Оно имело собственную субстанцию, собственную жизнь и собственную интеллигенцию.

Всё это произошло благодаря ряду овнутрений объективного бытия неизреченного Бога. Первое из них совершилось через Бога-Сына («Вначале было Слово...»). В узловой точке следующего овнутрения встали Херувимы – с «той», так сказать, стороны, а с «этой» – Духи Воли. Потом овнутрение произошло через Духов Мудрости, потом – через Духов Движения (рис. 25).

И так будет продолжаться до завершения цикла. Эта сложная структура овнутрений действует от эона к эону вся целиком и на разных уровнях сознания, являясь выражением мышления существ Иерархий, через которых мыслит единый Бог Своими тремя Ипостасями.

Триада субстанции, жизни и идеи (формы) породила триаду человеческой телесности. В ней астральное тело явилось синтезом противоположности между физическим и эфирным телами. Этот синтез существует как перманентное снятие их противоречия, что влечет за собой смену форм человеческого душевно-духовного существа, т.е. его эволюцию.

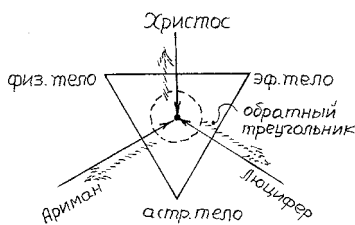

Рис. 26

В зоне Луны человек в своей трехчленной телесности был всецело объектом эволюции, и на него, так сказать, оперлись все три рода иерархических существ, пришедших между собой к разделению. Это существа нормально развитые, а также люциферические и ариманические существа. При этом

определить, что такое «нормальное развитие», совсем не просто. Определенно известно тут лишь одно, что его выразителем, Регентом является Христос.

Итак, мы имеем в зоне Луны треугольник трех тел человека с внешнеположным ему, т.е. трансцендентным принципом единства, а затем, в некоем роде, обратный, «вывернутый наизнанку» треугольник сил, работающих в эволюции и мира, и человека. Именно его действием и было в зоне Земли обусловлено овладение человеком индивидуальным Я (рис. 26).

Именно в той центральной точке треугольника тел, где сталкиваются между собой эти три столь разные силы, и шла подготовка внутреннего имманентного единства, которое выразилось в двух Я — низшем и высшем. В этот центр вошло дарованное Духом Формы в зоне Земли Я — одно для всего человечества. Действием отставших духов оно разделилось, дифференцировалось, индивидуализировалось. В дальнейшем уже путем индивидуальной работы над собой человек должен в себе в этом центре обрести Христа.

И нам остается только сказать, что без взаимодействия Христа с люциферическими и ариманическими силами род человеческий не образовал бы своего, ни на что не похожего царства. Поэтому кто желает иметь дело только с добром и молит Бога искоренить в мире зло, молит одновременно о том, чтобы Бог искоренил и его самого.

Наши творцы нашли единственно возможным привести нас к полноценному индивидуальному бытию, даровать свободу и вызвать нашу свободную любовь к Богу, лишь поставив нас в центр даже не дуализма сил, т.е. не просто между добром и злом, а в центр, позволим себе так это назвать, мирового «триализма».

Такова объективная реальность нашей эволюционной констелляции. В ней человек является семичленным существом. В трех низших членах, в трехчленном теле, в нем сошлись три прошлых зоны, взыскав света индивидуального сознания, выхода из бессознательного. Это есть своего рода человеческий гностический Ахамот: жажда божественной духовности. Пути этого стремления вошел в

человека импульс Христа, но также и импульсы Люцифера и Аримана. Так родилось «я» дневного бодрственного предметного сознания. При попытке снять его и возродиться в высшем Я человек оказывается в ситуации, с какой он пока что не встречался и о которой часто ничего не знает. Мы приучены — еще со времен древней персидской культуры — к дуализму добра и зла. Но часто это оказывается полярным противостоянием Люцифера и Аримана. В действительности мы имеем дело с противостоянием трех сил: Люцифера, Аримана и Христа. Эту позицию мы пока не можем назвать никак иначе, как только «триализмом». Ибо это не триада, как дуализм не есть просто двоичность.

В этой констелляции дело заключается не в том, противостоят Христос супостатам или нет. Здесь главное — это способность человека следовать за Христом, для чего необходимо уметь взаимно погашать действия на себя Люцифера и Аримана. Только тогда можно соединиться с миром добра, т.е.: пребывая постоянно в движении, но не в борьбе со злом, а в процессе умелой его трансформации, взаимопогашения его дуализма. При этом его наличие, необходимость его так сложно претворять является *условием* для пребывания на стороне добра. Когда мы это поймем, нам откроется, почему в мире так мало подлинного добра, почему за добро часто принимают то, что им не является, например успокоение в групповом сознании, следование групповой этике и т.д.

Христос, пройдя через Мистерию Голгофы, пребывает в человеке как сила, удерживающая чрезмерное воздействие на человека люциферических и ариманических сил, то воздействие, которое может увести его на ложные пути. Но Христос желает, чтобы человек стал способным и это сложное равновесие удерживать сам, взять и нести «свой крест» развития, действуя по принципу «Не я но Христос во мне». Это и называется путем претворения зла в добро, которым движется вся эволюция, погашая свои кармические долги прошлого. Поступая таким образом, человек сам (а не Бог) творит добро. Это понимал ап. Павел, это понял Гёте, сказавший «умри и стань», что можно осуществлять только эволюционно и для чего необходимо универсальное знание; им же не овладеть без его методологии.

18. Два источника происхождения человека

Выражаясь образно-символически, можно сказать, что в форму, показанную на рис. 26, излилась кровь Христа на Голгофе. Это, по сути,

форма Св. Грааля, дарующая человеку подлинное спасение. Оно достижимо не вдали от люциферических и ариманических сил. И оно достижимо при условии, что человек спасает себя для того, чтобы спасти других, в том числе и носителей тех сил.

Более известная форма Грааля — это гексаграмма. А у нее, во-первых, имеется принцип единства, т.е. седьмой элемент, а во-вторых, ее имеет смысл рассматривать только в динамике. Движение в ней идет по лемнискате, т.е. в виде перманентных выворачиваний обоих треугольников на другую сторону. Именно это мы и отразили на нашем рисунке.

Мистерия Грааля и по сей день остается по причине незрелости людей скрытой от внешнего мира. Она заявляет в нем о себе лишь в образной, мифологической форме. В XIX в. Рихард Вагнер благодаря своей совершенно гениальной интуиции, позволившей ему постичь тайну страстной пятницы, тайну крови, пролитой Спасителем, смог дать этому выражение в форме музыкальной драмы «Парсифаль». Это творение Рихарда Вагнера есть нечто совершенно уникальное: драма, в которой искусство становится религией, а религия — искусством. Это музыкальная драма, в которой возрождено сакральное искусство древних Мистерий. Она создает реальную возможность приблизиться к Мистерии Грааля — центру эзотерического Христианства*.

Некоего рода преддверием к Мистерии Грааля был в прошлом круг короля Артура, та эзотерическая ложа европейского человечества, где пеклись о развитии души ощущающей. Ибо с ее воспитания начинается путь человека к Граалю, образ которого вобрал в себя всю предыдущую эволюцию мира и человека.

Великая, длящаяся от начала мира Мистерия принесения жертвы и отказа ее принять получила чувственно-сверхчувственное выражение в течении Грааля как главном течении эзотерического Христианства. Сущностное ядро его Мистерии — это отказ Самого Бога от *непринесения Себя в жертву*.

Христос шел к Земле как раз в том потоке, который был образован благодаря отвержению жертвы. Христос остался верен принципу отказа, но как бы повернул его в другую сторону. Получилось так, что как бы из двойного «нет» возникло одно великое «да».

Отвергнутая жертва — человечество подступило к Богу в Его воплощении на Земле, и Он принес Себя в жертву и тем искупил отвер-

*) Потому-то ополчаются все силы зла в мире и против Грааля, и против Рихарда Вагнера, да и против всей той культуры, в которой живет прекрасная, самая святая мифология эзотерического Христианства.

жение, открыл ему путь к принятию его в высшие сферы духа, открыл путь духовной вертикали и тем повернул весь эволюционный цикл к стадии завершения.

Это совершенно уникальное событие в эволюции мира. Иерархии отстают таким образом, что следуют за своей жертвой, не принятой на Пороге наивысшего мира Херувимами. Их жертвование первоначально импульсируется желанием восходить. Но стоящий за Херувимами Христос задает эволюции путь восхождения через нисхождение. И не только задает, но и Сам проходит этот путь вплоть до земного человека.

Воплотившись в человеке, Он отверг в нем Себя: *умер* в Своем принципе отказа-нисхождения и *стал*, воскрес в принципе принятия-восхождения. Так земную эволюцию Христос повернул на путь *солнечной* эволюции.

Солнечная эволюция выходит за пределы нашего цикла. И нужно представить себе образно, как уже начиная с эона Сатурна в мир нашего цикла внедряется особое действие, действие некоего рода «восьмой» сферы, которое как бы в виде некой «воронки» раздвигает нисходящую эволюцию, но по мере приближения к земному эону эта «воронка» сужается и заканчивается *точкой* земного «я» человека. И тогда с человеком соединяется Христос, благодаря чему «воронка» снова расширяется (рис. 27).

«Стенки» той «воронки» образованы люциферическим и ариманическим принципами, действием которых вызывается материализация духа. И это совершенно естественно, что, войдя в тело Иисуса из Назарета на Иордане, Христос в первую очередь сталкивается с этими принципами в их земном выражении. Он встречается с концом того процесса, который начался на древнем Сатурне. Естественно также и то, что, несмотря на Свою Божественную Сущность, Христос, став человеком в Иисусе, не может с совершенной легкостью отразить искусителей. Даже Он, Бог не знает вполне, к чему пришло инобытие того, начало чему Он положил.

И Он не говорит эволюционного «нет» супостатам. Он их метаморфизирует актом Голгофы. Мировое зло отпадения от Бога превращается в великое добро воссоединения всего творения с Богом.

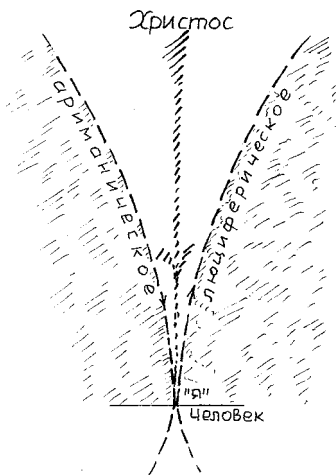

Рис. 27

Христос как бы говорит Люциферу и Ариману: ваш мир — это отверженная жертва, так примите в ее состав и самоотвержение Самого Себя Богом, Который этим самоотвержением берет «грехи мира» на Себя и утверждаетя как Творец нового, где супостатам в их старой роли места нет, где они должны будут преодолеть свое отставание.

Человеку Деянием Христа даруется уникальная возможность: жертвовать собой не Иерархиям, А Самому Богу. Это и есть жертвование по принципу «Не я, но Христос во мне». Не то Я, которое можно выработать в ходе эволюционного цикла, какой бы высоты оно ни было, но то вселенское Я, которое творит от цикла к циклу, которым начат наш цикл и которым он будет переведен в следующий цикл. Это является узким толкованием, когда мы слова ап. Павла понимаем так, будто бы в них речь идет лишь об отказе от земного «я» в пользу Я высшего. Пройти через этот отказ, конечно, нужно, но это не означает, что мы при этом автоматически даем в себе место Христову Я.

Ведь даже Атма нашего цикла — это пусть и наивысшая, но субстанция не принятой жертвы. В ходе развития она была обременена материализацией духа, была вынуждена нисходить в мир, где отказ Бога принимать жертвы стал отказом жертвы от Бога, т.е. злом, что особенно остро выразилось в низшем «я» человека, живущем по милости отражения, отвержения реального духа.

Интересно отметить, что это «я» стало первым феноменом отвержения *отвергнутой жертвы**. На этом двойном отрицании было возведено человеческое земное самосознание. Только в нем при этом была утрачена жизнь.

Полярно противоположным путем прошел Христос. Отвержение космических жертв Иерархий было для него частичным поэтапным самоотвержением. А в конце концов Он в мире Своего самоотвержения совершил, опять-таки выражаясь философски, двойное отрицание, но не объективного мира, как это делает человек в мышлении, а Самого Себя. Как бы удивительно это ни звучало, мы должны сказать, что в определенном смысле и Христос прошел в Событии Своего вочеловечения и Мистерии Голгофы через Гётевское «умри и стань». Благодаря этому он, так сказать, перешел на другую сторону бытия, где оно восходит, где земная эволюция становится солнечной, где Его жизнь может войти в человеческое Я.

Он указал человеку путь отождествлений: с восприятиями вне-

*) Ибо дух непринятой жертвы еще раз отвергается человеческим низшим «я».

шнего мира, с идеальными восприятиями, с восприятиями сверхчувственного, чтобы быть в состоянии отождествиться с Его Я, сказав: Не я, но Христос во мне.

Как полярная противоположность стоят в мире Христос и человек: величайший Жертвователь в мире духа и величайший эгоист в физически-чувственном мире. Поэтому их воссоединением решается судьба эволюционирующей вселенной. Бог такое воссоединение уже совершил. Теперь дело за человеком. Он должен начать восходить путем, которым к нему нисходил Христос. Он должен «отвергнуться себя», т.е. своего низшего «я», взять «крест» своего развития на себя, уплатить субъективную часть своих долгов миру, выровнять свою карму и, наконец, принять мир как самого себя. И делать всё это нужно в духе принципа: Не я, но Христос во мне.

Такая работа, естественно, носит высоконравственный характер. С чувством глубокой благодарности человеку надлежит платить долги всем существам, жертвенно отставшим ради его развития. Долги эти, а также и отставшие существа обступают нас с обеих сторон той «воронки» нисхождения, которую мы показали на рис. 27. Соединяясь со Христом, мы начинаем в ней восходить, но уже по другую сторону от точки «я». Это напоминает процесс нисхождения и восхождения, описанный Данте в его «Божественной комедии», только наш проводник на этом пути не Вергилий, а Сам Христос и идем мы этим путем как в жизни на Земле, так и в жизни после смерти. Мы идем эволюционно, ускоряя объективную эволюцию в нас эволюцией собственного духа.

А в нашем нынешнем состоянии нам нужно осознать всю узость этой «воронки» эгоцентризма, в которой мы просто зажаты между люциферическими и ариманическими силами. В нашем рефлектирующем «я» они стремятся сомкнуть ее «стенки». И хотя цели у них разные, для нас это должно закончиться в обоих случаях погашением низшего «я» без его воскрешения в высшем.

Это просто объективные факты развития. Такое их понимание, конечно, дается с трудом, особенно когда речь идет о том, что высшее благо нашего самобытия, Я-сознание мы получили чуть ли не благодаря тем, кого мы привыкли называть супостатами. Но эта мысль, становясь такой прямолинейной, уже уводит нас от истины. В мире, прежде всего, совершается процесс развития. Управляет им единый Бог, опосредуя Свои действия с помощью Иерархий. А далее речь для нас идет о том, каким образом мы, самосознающие, возникли из мирового ничто, т.е. с самого начала, а не как ответвление от чего-то уже высокостоящего.

И тут мы обнаруживаем основополагающую двойственность в своем существе. Мы возникли из ничто, и мы возникли благодаря жертвам вышестоящих существ. Первое остается для нас неразрешимой загадкой до тех пор, пока мы не найдем отношение ко Христу, а второе привело нас к умиранию. И если это и есть источник нашего происхождения, то он, в общем-то, должен быть нам просто чужд.

Рудольф Штайнер говорит об этом следующим образом: «Если вы эту мысль не можете постичь своим рассудком — ибо он в такие вещи не входит, — но схватываете своим чувством, схватываете то, что при этом высказывается, то у вас возникает такое ощущение: тут нечто как бы вырвано из всеобщего мирового процесса. Для существ, которые отвергли жертву, она является лишь чем-то таким, что они оттолкнули от себя. Но для других существ, в которых осталась субстанция этой жертвы, она является тем, чему напечатлевается характер странности, чуждости в отношении происхождения. Мы, таким образом, имеем благодаря этому существ, у которых их субстанциальности напечатлена чуждость в отношении (их) происхождения.

Но если это понимать чувством, если эту идею в чувстве поставить перед душой — если живописать перед душой что-то такое, чему чуждо его происхождение, — то это является *смертью*. И во Вселенной смерть есть не что иное, как то, что с необходимостью наступает вместе с отверженной субстанцией жертвы у существ, которые эту субстанцию жертвы должны (далее) сохранять. ... И смерть в ее истинном значении есть не что иное, как свойство того содержания, которое находится не на своем месте, которое из своего истинного места исключено» (ИПН. 132, S. 83f.). А потому и говорится, что зло — это добро, только не на своем месте.

Смерти в том смысле, в каком ее переживает человек на Земле, до этого зона не было. Прежде ее принцип лишь постепенно нарастал по мере замыкания в себе непринятой субстанции жертвы. Он при этом способствовал метаморфозам развития. Но поскольку действовал он сверху вниз, в направлении отпадения, то происходило превращение духа в материю. Так возникли отдельные от мировой Идеи, так сказать, «частные» идеи тепла, воздуха, воды и земли. В соответствии с этими идеями мировой эфир разделился на четыре вида и возникло четыре агрегатных состояния вещественности.

Элемент «земля» возник только в зоне Земли. Ему соответствует жизненный эфир, и «он один только смог стать носителем смерти. Ибо смерти не было бы здесь, если бы не было элемента земли...» (Ibid., S. 85).

Смерти подвержен только человек, поскольку он один в чувс-

твенном бытии имеет Я-сознание. Не имея его, он лишь метаморфизировался как вид. Но был при этом, так сказать, «на своем месте». В его нисходящей эволюции был заложен действующий принцип восхождения. Только принцип тот был не его. Поэтому человек был ввергнут в процесс самого радикального отпадения жертвы от Бога. И его водителями тогда стали люциферические и ариманические существа. Они поставили его настолько «не на свое место», что дух принял в нем форму безжизненных отражений. В человеке возник процесс перманентного умирания духа, человек стал радикальным отвергателем духа — отвергателем отвергнутой жертвы. На этом утвердилось его земное самосознание. Принцип двойного отрицания стал принципом движения его понятийного мышления. И то «я», которое существует по милости такого мышления, оно в своей радикальнейшей отстраненности от космической интеллигенции фактом своего существования обязано лишь самому себе, а значит, факту своего рождения из «ничего».

А когда речь начинает идти о восхождении к высшему, духовно живому, а значит, доброму Я, то необходимо понять, как важно на этом пути опять не впасть хотя и в высшую, но групповую форму сознания, не поменять одно зло на другое, худшее, поскольку бессущностность индивидуального низшего «я» имеет будущее, а повторное впадение в групповое сознание, из которого мы с таким трудом выбрались (или выбираемся), будущего не имеет. Зная об этом, необходимо серьезнейшим образом продумать заново те антропософские познания феномена Я, которые мы приняли в себя пассивно, следуя лишь склонности к догматизированию.

Нам необходимо с предельной ясностью сказать себе, что дарование Духами Формы человечеству единого Я было добром только вначале, в Лемурийской эпохе. А потом добром стала люциферическая деятельность, начавшая дробить ту, хотя и очень высокую, но совершенно групповую форму сознания человечества. А потом в этот процесс вмешался Ариман, и дело зашло так далеко, что человек стал индивидуальностью, но не на том месте, где она должна быть. И теперь перед нами стоит задача, как нашу индивидуальность, наше Я-сознание поставить на подобающее ему место, т.е. увести его от нисхождения, отпадения и наделить истинной жизнью духа нашего эволюционного цикла.

Я — это совершенно особенный элемент у всех существ мира. Мы не можем сказать о Духах Формы, что они хотели свое Я принести в жертву вышестоящим существам, а те его не приняли и тогда оно было даровано людям. *Я у существ всегда является их личным достоя-*

нием, благодаря чему они всегда остаются самими собой. Это значит, что существо, например Дух Формы, может восходить своим сознанием на ступень Духа Движения, Духа Мудрости, но оно всегда при этом останется самым собой. Все эти имена являются, так сказать, названиями его «должностей».

Но что в таком случае пожертвовали человечеству Духи Формы? Они приняли человечество в свое космическое мышление, многочленности земных человеческих монад даровали свой принцип единства, дав тем самым импульс определенному направлению развития. Отставшие люциферические существа 3-й Иерархии низвели тот принцип на границу астрального и физического миров, а там со стороны материального мира к нему подступили ариманические существа и возникло его отражение в материальности человека, в его мозгу.

Когда мы переживаем низшее «я», то у нас возникает сильное впечатление, что оно у нас собственное. Однако стоит только уснуть — и собственность эта куда-то девается, а когда мы просыпаемся, то она откуда-то появляется вновь.

Это не означает, что наше низшее «я» принадлежит еще кому-то. Нет, это говорит только о зависимости его существования от процесса отрицания духа, т.е. (посмотрим правде в глаза) от процесса творения нами зла. Оно, это зло, настолько реально, что, мысля, мы даже разрушаем, убиваем собственную нервную систему, вызываем в себе смерть. Однако просто отказаться от него «из добрых побуждений», уснуть и не просыпаться означает лишиться смысла гигантскую уже совершенную работу всего Космоса и его существ ради того, чтобы то уникальное, которое возникло из мирового ничто, стало «всем» мира. Это просто гениально, что Гётевский Фауст отвечает Мефистофелю: «В твоём ничто я всё найти надеюсь».

Весь процесс развития Я-сознания идет путем метаморфоз формы сознания, путем постоянных пробуждений. Поэтому и с низшим «я» нужно не уснуть, а пробудиться; пробудиться в своем мировом начале с итогом мирового конца цикла, стать на человеческом уровне его «Альфой и Омегой».

Но также и высшее Я, когда мы переживаем его в имажинативной форме сознания и она нам кажется в куда большей мере нашим достоянием, чем прежняя, в «я», претерпевает процесс пробуждения к еще более высокому, инспиративному сознанию, а потом интуитивному. Это восхождение имеет для нас начало, но не имеет конца. В нем происходит сложное, метаморфизирующееся взаимодействие формы Я с его содержанием.

Тут нужно задаться вопросом: что Духи Формы пожертвовали человечеству: форму или также и содержание Я? Если также и содержание, то человечеству оставалось бы только напрямую стать Иерархией Духов Формы. Духи Формы даровали человечеству, так сказать, в бессрочное пользование форму Я, которую отдельный человек в течение еще долгой эволюции будет наполнять субстанциями своего многочленного существа. И всегда это содержание будет лишь временно приходить к единству с этой формой. А на определенной высоте развития эта форма отпадает и содержание человеческого Я облечется более высокой формой. Завершив цикл эволюции, человек придет к совершенному единству содержания и формы своего Я, и это будет Я Христа, которым на той или иной ступени развития будет владеть отдельный человек. Такой человек скажет: Я и Христос — одно, одно в меру возможностей данной формы моего сознания. Христос несет в Себе ипостасное Буддхи и из него наделяет цикл собственной жизнью. О Христе сказано, что, нисходя на Землю, Он *Свое* Аتما оставил на Солнце. Это, конечно, не Аتما Духов Воли и даже не Аتما Ипостаси Отца. Оно не участвовало в нашей эволюции и не затемнялось из-за грехопадения человека. Фантом физического тела человека, который воскресил Христос, вознеся его в Свой Жизнедух, — это наивысшее сознание субстанции нашего цикла в нашем цикле. Когда человек взойдет к его форме, то он вполне отождествится с Жизнедухом Христа, воскреснет в Нем, подобно Иисусу из Назарета. И тогда, видимо, перед ним встанет задача овладеть формой сознания Духочеловека Христа. Он «остаётся на Солнце» потому, что всецело принадлежит солнечной эволюции. Но это такие высоты развития, о которых и Рудольф Штайнер воздержался говорить. Тут кончаются возможности понятийного мышления. И наталкиваясь на его границу, мы завершаем попытку интерпретировать главную суть нашего эволюционного цикла таким выводом: все действия Христа в этом цикле совершаются таким образом, что *всё его развитие превращают в подготовку следующего цикла*. Поэтому и деятельность Ипостаси Отца, и деятельность Ипостаси Св. Духа являются средствами, а сама цель заключена в Я Христа. Его потенцией Он наделяет человека. Оно в конечном счете и субстанционально, и по форме совершенно самообусловленное. Но на пути к нему человеку надлежит пройти через множество форм, которые Св. Дух придает субстанции мира, чтобы в этом мире в конце концов осуществила себя его главная Идея — Я Христа.

19. Любовь и свобода

Весь путь человека от начала до обретения им Я-сознания, что называется, устлан жертвами существ: от иерархических до элементарных. Жертвенность как принцип развития, согласно которому существа получают нечто, только отдавая, совершенно очевидно, выходит за границы нашего цикла.

Отдавать ради отдавания, переживать удовлетворение и даже блаженство от принесения жертвы — это одна из существеннейших сторон любви. Она излучается из Самой Отчей Основы мира, Ею обусловлена и пронизывает всё Ее откровение. Ею созданы существа Иерархий, и потому проявление любви для них так же естественно, как для нас дыхание воздухом.

Но Богом в нашем цикле задумано совершенно особое творение. В нем в принцип любви должен быть внесен принцип свободы, свободного волеизъявления. Этим творением должен стать человек как десятая Иерархия, наделенная прерогативой Самого наивысшего Бога. Ей дана возможность «достигать цели исходя из самой себя, чего, собственно говоря, не могут обрести в себе даже самые высочайшие Серафимы» (ИПН. 110, S. 166). Взирая на будущее своего развития, человек может сказать себе: «Я призван в моем глубочайшем внутреннем сам искать всё то, что дает мне импульсы к действию, — не из созерцания Божества, подобно Серафимам, а из моего глубочайшего внутреннего» (Ibid., S. 172).

Мы ранее уже говорили, что с вступлением в эволюцию Духов Движения, с принесением ими на алтарь творения жертвы эволюционный цикл получил собственное, присущее ему движение своей интеллигенции. Он начал, так сказать, мыслить о себе исходя из самого себя. И в этот мир космического мышления должен вступить человек. Но движение его интеллигенции должно носить качественно иной характер. То, что пришло с Духами Движения, было, говорим мы, овнутрением внешнего по отношению к эволюции мышления Бога. Человеческая интеллигенция входит в мир с другой стороны, от мирового ничто. Она должна форму давать себе сама, давать форму субъекта тому сверхчувственному содержанию, которое является внешним по отношению к ее абстрактному внутреннему. Возникает своего рода полярная инверсия непосредственно между Самим Богом и человеком: инверсия по способу действия. Явление это настолько уникально, что его трудно понять. Рудольф Штайнер дал его основополагающее описание в «Философии свободы».

Истинная любовь невозможна без свободы. Попытка людей апелли-

ровать к любви, подобной той, которая существует в мире Иерархий, оказывается для них проявлением инстинктивной любви. Она, будучи даже просветленной особой мистикой чувств, всё равно остается эгоистической, в первую очередь потому, что у человека, в отличие от Иерархий, еще нет высшего Я, а низшее без эгоцентризма существовать не может. Оно лишь под действием нравственности способно обращаться ко всё более и более косвенному эгоизму. И если мы поступаем сознательно, зная, что дело тут идет о воспитании трехчленной души, о восхождении к высшему, то мы, собственно, и идем к свободе.

Христос говорит: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными». Сколько празднословов в мире учительским тоном повторяет эти слова, будучи, по сути, враждебными им. А ведь тут нужно спросить: что за свободу имеет в виду Христос? Свободу от чего? И зачем нам эта свобода?

Свобода невозможна без свободы воли, без свободы решать даже вопрос: хочу я следовать намерениям Бога или нет? Кого это страшит, тот враг истины и никакая свобода ему не нужна. Но тем самым он становится служителем супостатов.

Свобода и любовь — это два взаимопринадлежащих друг другу полюса. Но эту их взаимопринадлежность человеку нужно постоянно осуществлять. Интересно обратить внимание на то, с чего он начал это делать и к чему это сразу привело. Еще пребывая всецело в сверхчувственном мире, в лоне любви Бога, решил он вкусить от древа познания и был за это изгнан из Рая и понес на себе бремя наследственного греха. Так следовало бы думающему христианину тут спросить себя: а не является ли свобода грехом? Но тогда что заповедал нам Христос? Может быть, истина ведет к свободе лишь в том случае, если мы познаем только добро и отказываемся познавать зло? Вряд ли! Дело обстоит как раз наоборот: лишь познавая зло, мы делаемся способными знать цену добру. Добрые дела возможны лишь при существовании зла. Снимите понятие зла — и само собой исчезнет понятие добра.

Именно познание зла дает силу творить добро. И познание это должно быть универсальным, объемлющим собой Макрокосм. Тогда мы узнаем и поймем, что «повсюду во Вселенной находим мы возможность формообразования (*Gestaltung*) лишь благодаря взаимодействию ... нормальных духов Иерархий с теми, кто стал мятежниками, т.е. кто отстал» (ИПН. 136, S. 203).

А еще Рудольф Штайнер говорит (мы этого уже касались), что «Серафимы, Херувимы, Троны следуют непосредственным импульсам при созерцании Божества, Господства, Силы, Власти (2-я

Иерархия) — они еще так связаны с высшими силами, что должны быть «откомандированы» (для создания препятствий), чтобы поступательное развитие могло захватить человека. Также еще и Архангелы, и Духи Личности не могут впасть в ошибку, значит, не могут из свободной воли погружаться во зло. Поэтому духов ближайшей к человеку Иерархии называют Вестниками и Архи-вестниками (Ангелами и Архангелами), чтобы указать, что они исполняют не свои собственные поручения, а поручения тех, кто стоит выше их» (ИПН. 110, S. 173). В людях же зреет Иерархия, которая будет «исполнять» собственные «поручения», поэтому и погружение во зло у человека качественно иное, чем у вышестоящих существ.

Любовь в высшем мире не рассуждает и не ждет награды. Это мы теперь понимаем. Так пойдем тогда и другое, что когда возник новый цикл эволюции и в нем Бог, чтобы породить особенно мощную силу добра, Свою собственную Любовь, которая свободно решает, что ей делать, а что нет, передает творимым Им новым существам, Свою способность делать выбор вносит в откровение, пронизывая ее как законом новую эволюцию мира, то подчиненные Ему Иерархии с любовью принимают Его волю, пронизывают себя ею, не размышляя о том, к чему это их приведет. А ведь это колоссально обременило судьбу многих из них, даже подвергло опасности их дальнейшее существование. Как следует это понимать? А так, что развитие мира — *это великая Мистерия-Драма*. Участвуя в ней, существа не боятся развития. В конце концов оно всё равно окажется восходящим, а страдания — хотя их и трудно выносить — являются наиболее эффективным средством развития.

Человек, способный это понять, свободно и сознательно делает себя участником мировой Мистерии-Драмы. И тогда другие ее участники вступают с ним в диалог. Все же прочие ввергаются в нее силой кармы и страдают, не понимая зачем, до тех пор, пока не просветлится их сознание. В одной жизни они творят зло, в другой их постигают следствия содеянного. Они борются со следствиями по принципу «зуб за зуб» и еще более запутывают и обременяют свою карму. Какие масштабы этот процесс еще примет в мире — повествует Апокалипсис.

А рядом со всем этим стоит Бог Любви и Милости и говорит людям: познайте истину, и она поможет вам выйти из этого замкнутого круга. Я уже послал вам Духа Утешителя, Духа Истины. Он уже в течение более ста лет объясняет вам смысл вашего существования, рассказывает обо Мне, о Моем втором Пришествии. Почему вы не хотите слушать его? Почему Мой свет должен и дальше отвергаться мраком вашего невежества?

В мире всё совершается всерьез, и в нем господствует справедливость. Породив Мистерию-Драму становления, Бог и Сам стал ее главным действующим лицом. Прошел ее до конца и принял на Себя все ее муки, принял свободно, не имея в том нужды. Как ни странно, это понял на Голгофе один из разбойников, сказав с укоризной своему товарищу: «И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он худого не сделал» (Лк. 23, 41).

20. Отставание Третьей Иерархии

Главное свойство люциферических существ состоит в том, что они «хотят развивать самостоятельную внутреннюю жизнь» (ИПН. 136, S. 100). Они хотят быть наполненными собственным существом. Но такового у них, собственно говоря, нет. Они наполнены субстанцией вышестоящих существ и из этой субстанции хотят творить собственную, для чего отворачиваются от Иерархий нормального развития, отделяют, отрезают себя от них. Так в мировую гармонию вторгается своеволие, однако оно подготавливает будущую самостоятельность человека.

Посмотрим, во что, так сказать, «обходится» наше становление существам Иерархий. Возьмем сначала 3-ю Иерархию. В своем нормальном развитии эти существа, говорит Рудольф Штайнер, «целиком и полностью поставлены на служение существам высших Иерархий... они, собственно говоря, не имеют своей собственной жизни... их собственная жизнь есть откровение, она существует для всего мира, а когда они не открывают самих себя, то в их внутреннем пребывает светящая в них жизнь вышестоящих Иерархий» (Ibid., S. 98). И когда у части их, увлеченных за собой начавшими отставать в зоне Луны Духами Движения, возникло чувство силы, самостоятельности, желание стать независимыми и развивать в себе собственную внутреннюю жизнь, то следствием этого стало нечто ужасное. Они отрезали себя от потока их подлинной эволюции, т.е. начали отрицать себя. Они сделали это, будучи соблазненными люциферическими Духами Движения. Они связали себя с законами развития, приспособить которые к себе они не могли, поскольку были для этого слишком слабы. Это было прерогативой высших Иерархий, от которых они обособились.

Отставшие Ангелы ступили на путь отрицания своего существа, хотя они этого не хотели. Они хотели лишь развить внутреннюю подвижность, которая пришла в мир через принесение в жертву своего астрального тела Духами Движения.

Подобно Ангелам, но раньше их, отстали Архангелы и Духи Личности. Общей чертой отставания всех их является то, что оно происходит тогда, когда они проходят свою человеческую ступень развития, т.е. впервые овладевают Я. Отставание обернулось для них тем, что они не овладели Я. Ну, кто-то из них позже нагнал упущенное, но мы берем только тех, кто этого не сделал. Не следует при этом, однако, думать, что они с тех пор остаются на ступени сознания лунного человеко-животного. Нет, в дальнейшем они стали сверхсуществами: отставшие Ангелы на Земле всё равно овладели Манасом, Архангелы — Манасом и Буддхи. Но они сделали это, не имея нормального четвертого принципа, т.е. Я. Поэтому они суть не вполне состоявшиеся люди и коррумпированные боги.

Им непременно нужно поправить это положение. Они стараются это сделать *за счет* человека, используя его как некий материал, в то время, как это надо делать при его *содействии*. Те существа этого как бы не понимают. Контринтеллигенция искажает видение даже у сверхчувственных существ. А если бы она этого не делала, то не была бы контринтеллигенцией. Подобное происходит и с человеком, когда он, подпав заблуждению, перестает видеть, казалось бы, совершенно очевидные вещи.

В Космосе это носит бесконечно более сложный характер, и человеку нужно знать об опасностях, исходящих от люциферически отставших Ангелов, ариманически отставших Архангелов и азурически отставших Архаев. У них вместо индивидуального Я имеется некоего рода неопределенное образование, окруженное аурой высших форм сознания. Стремясь доразвить Я, они способствовали выработке Я человеком, а теперь они используют его как инструмент для достижения своих целей.

Люциферические Ангелы атакуют у человека в первую очередь астральное тело. Ариманические Архангелы имеют большой интерес к человеческому эфирному телу, азурические Архаи — непосредственно к Я. Эти последние — также ариманической природы, но более сильные и радикальные в своих злых намерениях и действиях. В эволюции они отстали три раза, во всех трех зонах; поэтому и на Земле они имеют особое отношение к физическому телу человека. Это они хотели бы сделать его бессмертным в материальном мире и так захватить у него его высшее Я. Можно сказать, что их действия в определенной мере прямо противоположны вочеловечению Христа.

Когда начался земной эон, то отставшие существа 3-й Иерархии в силу своей духовной слабости были вынуждены раньше времени нисходить в земную субстанцию и вызывать своей деятельностью в ней

ее ускоренное оплотнение. Люциферические существа подступили к астральному телу человека, к тому, что он получил в зоне Луны. Тогда, по причине своего отставания, они на него воздействовать не могли и теперь попытались наверстать упущенное. Астральное тело по этой причине несвоевременно оплотнело, ухудшилось. Человек покинул Рай и пришел в связь с элементами Земли. Он получил тогда облик, напоминающий сказочного дракона. Он тогда, в тепло-воздушном еще состоянии Земли, действительно дышал огнем. Это было еще человеко-животное существо, и в его астральном теле поселился Люцифер. Он вмешался в работу Элоимов, творивших в человеке мозг. Через разветвленную нервную систему люциферические существа связали его со сферой чувств. Тогда возникла змеобразная форма с человеческой головой. Астрально она стала формой Люцифера, и потому о нем и говорят как о райском змее.

Рудольф Штайнер по этому поводу говорит: человек несет в себе импульс Люцифера; он сидит у него в голове и оттуда пронизывает астральное тело, пронизывает его, а также то, что из него образовалось: спинной мозг. Рисуя голову и позвоночник, мы получаем змеобразную форму, но ее следует представлять себе астрально. Люцифер во внешнем образе — это змея с человеческой головой (см. ИПН. 168, 16.2.1916). Таким он и предстал Еве в Раю. Посвященные древности воспринимали его не только как искушителя. В нем видели духа, несущего людям мудрость, познание.

Вспомним, что когда на евреев в пустыне напали ядовитые змеи, то Моисей воздвиг медного змея, взглянув на которого, укушенный ядовитой змеей оставался жив (Числ. 21, 6—9). Ведь это описание не означает, что Моисей совершил что-то, по меньшей мере, вызывающее страх, или унизил змея. Напротив, он его возвысил. И если попытаться понять это не в тривиальном, а в эзотерическом смысле, то нам, видимо, следует здесь подумать о становлении рассудочного сознания у древних евреев, которое в них как раз и воспитывал Моисей. Оно, обращаясь на внешнее и повседневное, отрывало евреев от группового сознания («жалило»), что ставило под угрозу их приверженности к их миссии, поскольку в индивидуальном сознании евреи тогда еще были не способны руководствоваться высшей целью; завет с Богом начал казаться им абстрактным. И Моисей в таких случаях прибегал к помощи космической мудрости Мистерий, которая тогда была люциферизирована и имела своим символом змею. Символ космической мудрости воздвиг он. Понимая это, христианин нового времени должен внести кое-какие существенные поправки в свои представления о райском искушении, о природе мудрости и др.

21. Люциферическое и ариманическое отставание

Иной характер по сравнению с существами 3-й Иерархии носит отставание у существ 1-й и 2-й Иерархий. Они вошли в наш цикл эволюции, уже обладая могучим Я, и потому заблуждение в их среде совершенно невозможно. Они приняли свою задачу отставать так же естественно, как воспринимали свое восхождение. Отказ Херувимов принимать жертву от существ 2-й Иерархии вызвал у этих последних огорчение, некую меланхолию, только у них это ни в малейшей степени не носило эгоистического характера, например как огорчение из-за того, что восхождение при этом принимает более длительный характер. Их печалило, что с их отставанием в мир вошло некое помрачение духа и им предстояло быть источниками такого помрачения, стать самой подлинной противоположностью чистым намерениям своих братьев, которые не отставали.

Не следует также думать, что это было для них каким-то там «вечным осуждением». Речь в конечном счете шла о новом роде творчества, в законы которого вошел принцип рождения нового как синтеза двух противоположных начал, снимающих себя в своем противостоянии и возрождающихся на новом уровне, в новом качестве.

Да, это было началом диалектического принципа развития, только, конечно, не в его абстрактном, а в сущностном выражении. Диалектическая логика — это лишь тень того великого принципа, легшая на бессущностное мышление человека, однако и в таком выражении способная вернуть человека в мировое мышление.

Задуманный единым Богом новый эволюционный цикл должен был получить свою субстанцию, свою жизнь, и он должен был сам мыслить о себе. Иначе ничего нового в нем не возникло бы. А мыслить самостоятельно означало также и для Иерархий *обособление* от Отчей Основы мира. И Сам Бог, совершив Свое откровение, должен был допустить равное ему по силе противостояние.

Потому и образовалась собственная интеллигенция цикла, собственный свет его идеи. Ну а противостояние высшему всегда ведет к оплотнению низшего. Низшее, если можно так выразиться, утрачивает в себе высшую пластичность. Дело доходит до материализации духа. Свет переходит на чувственную сторону бытия, а идея отражается в человеческом мышлении.

Свет духовный — это одновременно есть и жизнь. А жизнь — это дарящая добродетель. Все три постоянно превращаются друг в друга. Но они проявляются и как противоположности.

Дарящая добродетель — это любовь Бога к творению. Чтобы

любовь была действенной, к ней должна присоединиться мудрость. А это два разных начала: мудрость и любовь. Осуществляя себя, они превращаются друг в друга, и цикл получает свое мыслящее сознание — свет, свою отличную от вечной жизнь, отличную потому, что она движется вперед путем *возникновения* и *прехождения*. И тогда в ней зарождаются добро и зло. Жизнь достигает максимума, проходит через смерть и рождается заново. Свет же получает свою противоположность в тьме. Свет жизни и тьма смерти, свет сознания и тьма бессознательного — этим движется вперед развитие, в ходе которого возникает и человек.

Мы уже пытались понять, как благодаря Духам Мудрости и Архангелам в зоне Солнца родился свет. В зоне Земли свет стал чувственно видимым. Чтобы его понять, говорит Рудольф Штайнер, нужно суметь посмотреть на него с оккультной точки зрения. «И тогда то, что видит глаз, является, собственно, не чем иным, как отраженным светом, который отражается (отбрасывается назад) благодаря тому, что Серафимы и Херувимы выносят свет Солнца в мировое пространство и что навстречу им бросаются, так сказать, люциферические Серафимы и Херувимы и «вминают», «вдавливают» в субстанцию солнечного света тьму, идущую вовне, поскольку они свет во внутреннем изолируют, отрезают и пользуются собственным светом для планеты» (ИПН. 136, 8.4.1912).

Эту тайну возникновения света познал Заратустра, и то, что излучается из центра Солнца, он назвал Ауру Маздао (Ормуздом), а то, что тому свету противостоит, не нормальных духов Иерархий «в их всеобщности», он назвал царством Аримана.

Имеются лекции, в которых Рудольф Штайнер предупреждает, что Ауру Маздао не следует вполне идентифицировать со Христом, что это в общем-то *люциферический* дух. Например, в лекции от 15 июля 1821 г. мы читаем: «Древние представляли себе, что наверху находится Асгард, царство богов, внизу — Ётунхайм, царство великанов, а в середине находится человек — это Митгард. Всё это является не чем иным, как выраженное германо-среднеевропейским образом представление древних персов об Ормузде и Аримане. На нашем языке мы должны (тут) говорить о Люцифере и Аримане, говорить об Ормузде как о Люцифере, а не просто как о добром Боге. Большое заблуждение возникает оттого, что устанавливают некий дуализм между только добрым Богом Ормуздом и его противником Ариманом, злым богом. Отношение же здесь, скорее, подобно тому, которое имеется между Люцифером и Ариманом» (ИИП. 205).

В IX в. была известна одна поэма, посвященная Людовику Не-

мецкому, возникшая, однако, намного ранее этого века. Она называется «Muspilli». В ней Илия борется с Антихристом. Пророчески Илия поставлен в поэме в люциферическое царство, а Христа тогда хотели поставить в «среднее» царство, т.е. в Митгард. Тогда еще, замечает Рудольф Штайнер, имели правильное чувство о противоположности между Люцифером и Ариманом. И перед европейским человечеством ныне стоит задача от двойственности перейти к принципу *троичности*, к особой «троице», в которой «Христос уравнивает Ормузда и Аримана» (Ibid.).

Понимание этого, продолжает Рудольф Штайнер, составляет *судьбоносную* задачу Христианства в нашу эпоху и самой эпохи. Но понять такую «троицу», которая хотя и определяет развитие мира и человека, но о которой современные люди ничего не знают и активно не хотят знать, — задача довольно сложная также и для тех, кто принял Антропософию и серьезно работает с нею. Сообщения Рудольфа Штайнера на эту тему хотя и многочисленны, но они отражают разного рода аспекты этого целого, и может создаться впечатление, что они противоречивы. И мы на этом вопросе должны остановиться.

Взять хотя бы наш пример — то, что мы процитировали выше, из лекции от 8 апреля 1912 г. Там чуть ниже сказано: «Духу, который из средоточия Солнца выносит силы своего существа в окружение, навстречу бросаются аномальные духи отдельных Иерархий, которые в своей всеобщности образуют царство Аримана». То есть на одной странице эти силы названы и люциферическими, и ариманическими. Не будем торопиться с выводами, мы тут имеем не противоречие, а некий узел познания, развязав который, можно получить ключ к пониманию «судьбоносной» задачи нашей эпохи.

Рудольф Штайнер говорит, что Серафимы и Херувимы *выносят* (hinaustragen) свет в пространство. То есть они являются его *носителями*, а следовательно — люциферическими существами. Сверхчувственному созерцанию света всегда открывается Люцифер как его носитель. Почему также и тех существ, которые противостоят им, Рудольф Штайнер также называет люциферическими, если Заратустра, с которым Рудольф Штайнер согласен, называл их ариманическими?

Нужно все-таки посчитаться с тем, что реальные сверхчувственные переживания трудно поддаются сухой, точной формализации при их переводе на язык понятий. А Рудольф Штайнер к тому же и избегал этого: мертвящего языка абстрактных понятий, строгих классификаций духа и т.п. Ибо что делать, например, с тем фактом, что высшие Иерархии способны в эволюции выступать в *любом* качестве

и, будучи «классифицированы» в одном ряду процессов, могут вдруг проявиться совсем в другом, на первый взгляд не свойственном им. Сверхчувственная реальность организована строго, но она необыкновенно подвижна, метаморфична.

Нам следует понять, что отставание само по себе в оккультизме определяется как *люциферичность*. Лишь когда мы его конкретизируем по роду деятельности, особенно в отношении человека, оно получает свойства ариманичности, азуричности или собственно люциферичности. Одни духи тянут вверх, снося все структуры индивидуализации. Это люциферические существа. Другие тянут вниз, ведя всё к окаменению. Это ариманические существа. Но и те и другие — отставшие.

Почему всё же в этом общем смысле это существа люциферические, а не ариманические? Потому, что отставание в эволюции началось в тонких состояниях мира. И началось оно с раздвоения мудрости: на первичную и вторичную. Мудрость же — это всегда свет. И отставание проявилось в зоне Солнца. В зоне Сатурна оно только наметилось. Закрепилось оно в зоне Луны, где свет хотя еще и не материален, но уже, так сказать, как греза проявился посюсторонне.

Нужно у Рудольфа Штайнера различать (а это встречается во многих местах), где он говорит об отставании *в общем смысле*, а где он описывает его *конкретно*.

Когда мы имеем дело с феноменом света, то у него есть носители и в духовном, и в материальном мире, но само это несение света люциферично по своей сути. Поэтому так трудно в физике понять природу света. У света имеются два носителя, а сам он есть нечто третье. Так обстоит это и с мудростью: она «освещает» человеку опыт жизни в материальном мире, проявляется как «свет» чистого мышления, от которого можно проникнуть к свету имажинативного мира. И если мы познаем правильно, то оба рода света освещают нам одно: Христа, сам свет, свет первичный, сущностный. Он нуждается в носителях, чтобы входить в обе части единой чувственно-сверхчувственной реальности, светить ее существам. Существа же нуждаются в *самом* свете.

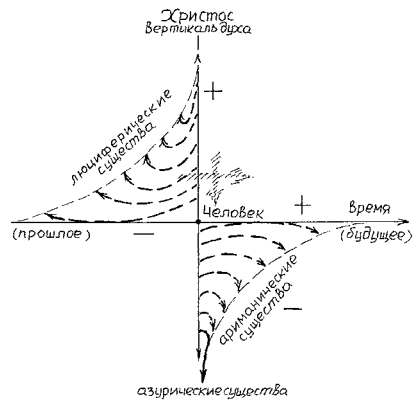

Рис. 28

Таким образом, также и здесь мы имеем дело с троичностью. Она имеет мировой и эволюционный характер. Человек поставлен в ее центр. Там освещает его физический свет, происходя из сложного духовного противоречия. Закрепим эту констелляцию человека с помощью еще одного рисунка, который будет нам помогать в ходе дальнейших рассмотрений противостояния добра и зла.

Возьмем крестообразную структуру мира. По вертикали духа, ступеней сознания происходит восхождение, а также и отставание существ Иерархий. Люциферические существа все сориентированы на восхождение вместе с Иерархиями нормального развития, но оно у них обременено тягой к прошлому, и в тем большей мере, чем ниже ранг Иерархии.

Ариманические существа стремятся по вертикали духа в противоположную от нормальных Иерархий сторону. Они при этом устремлены в будущее, которое стремятся притянуть к настоящему и отвлечь мир от восхождения к духу. Эта тенденция в них тем сильнее, чем выше их ранг (рис.28).

22. Два аспекта Люцифера

В «Очерке тайноведения», изданном в 1910 г., до того, как Рудольф Штайнер начал в лекциях уточнять природу Ауры Маздао, он пишет о Заратустре, вожде древнеперсидской культурной эпохи: «От хранителя Солнечного оракула [Атлантиды] Заратустра получил такое посвящение, что ему могли быть сообщены откровения высоких солнечных существ. ... он мог созерцать Вождя солнечных существ, принявшего... под Свою защиту жизненное тело человека. ... И он возвестил своему народу об этом Существе... Это было возвешением великого Духа Солнца, или света (ауры Солнца, Ормузда). ... Это был Христос до своего явления на Земле, Которого Заратустра возвещал как Духа Света. На Аримана же, напротив, он указывал как на силу, которая своим влиянием губительно воздействует на человеческую духовную жизнь, если последняя предается ей односторонне» (ИПН. 13, S. 280).

Заратустра был не просто посвященным, а великим посвященным. Он знал, что в Солнце земного эона совершаются процессы, подобные тем, что происходили и на древнем Солнце, что Христос в Иерархии Духов Мудрости открывает планетной системе духовный свет. Далее этот свет, несомый Люцифером, наталкивается на границу материального мира, и там ему противостоят ариманические

духи; они «вминают» духовный свет в пространственно-временной мир и таким образом производят физический свет. Этот свет начинает освещать Солнечную систему физически. Но физический свет — это тьма для света духовного.

Именно это противостояние источника духовного света, Христа, и источника материального света, Аримана, и провозгласил Заратустра. А говорить о противостоянии двух носителей света, Люцифера и Аримана — ибо Ариман, по сути, тоже есть лишь носитель света, (физического) — в том далеком прошлом в задачу Заратустры не входило, но это входило в задачу Рудольфа Штайнера в нашу эпоху.

Это, собственно говоря, входило уже в задачу евангелиста Иоанна, поэтому он написал: «В Нем была Жизнь, и Жизнь была свет человеков. И свет во тьму светит, но тьма не постигла его». В этих словах выражена последовательность: Христос — Люцифер — Ариман.

Христос вошел в эволюцию цикла, неся ему любовь Отчей Основы мира как добродетель, милость, дарящую жизнь. В эту деятельность Христа должна была войти Идея мира, с дарящей добродетелью должен был соединиться Св. Дух, наполнив духовное пространство эволюции его собственным светом. Это произошло благодаря тому, что часть Духов Мудрости поставила себя на служение по преимуществу Св. Духу, тогда как другая их часть стала носительницей жизни Христа. Возникла двойственность: жизнь — свет. В ней в братском союзе встали рядом Христос и Люцифер. Христову жизнь Люцифер осветил светом мировой мудрости. Тем самым он стал подготовителем пути Христу в мир. Люцифер инспирировал на Земле мировой мудростью Мистерии древности, в которых ученики жили ожиданием пришествия Христа: Мистерии Озириса и Изиды, Митры и другие.

Люцифер как брат Христа никогда в Иерархии Духов Мудрости не нисходил ниже сферы Солнца. Человек после смерти переживает его таким, когда восходит в сферу Солнца. Там и далее Люцифер оказывается правомерным наравне с силами Христа. Он освещает человеку путь в более высокие сферы духа. Без него там человека объяла бы тьма. Не та тьма, которую мы знаем на Земле, но затемнение высших сфер духа в силу их освещенности без Люцифера лишь сокровенным светом, не доступным человеку и после смерти.

Начиная со сферы Солнца Люцифер готовит нас к следующей инкарнации (см. ИПН. 140, S. 27f.), где свет мудрости должен будет в нас возрасти и привести нас ко Христу.

Если же нужной высшей мудрости человек на Земле не достигает, то он входит в сферу Солнца с представлением о Люцифере лишь как о супостате, что и погружает его там в темноту. Тогда Христу стано-

вится нечего претворять в нем в любовь. Человек тогда в следующий раз рождается с возросшей силой эгоизма и тем отрезает себе путь к своему высшему Я. Ему становится нечего принести в жертву Богу. Он тогда не способен сказать: «Не я, но Христос во мне».

Все эти особенности человеческого развития заложены во всей Солнечной системе. В ней дарящая добродетель Христа излучается из Солнца, будучи несомой Духами Мудрости. Это излучается эфирное тело планетной системы. Оно пульсирует до определенной границы, а затем возвращается назад. Этому излиянию эфирного противостоят люциферические Духи Мудрости. Они низводят высшее эфирное на астральный план, и тогда вспыхивает свет космической интеллигенции. Планетная система начинает думать самостоятельно, но во взаимосвязи с интеллигенциями других планетных систем и звезд. Она становится во всеобщей космической интеллигенции субъектом.

Духовный свет от некой границы возвращается в Солнце, где встречает ариманически отставших Духов Мудрости. Это, видимо, они образуют *демонизм Солнца*, выступая как отставшие Духи Личности. Зорат — один из них. Они замыкают духовный свет в себе, и он переходит на чувственную сторону бытия, порождая борьбу люциферических духов с ариманическими. Она выражается как борьба белого света с черной тьмой. Из их борьбы, но также и взаимобусловленности рождается цветовая семичленная гамма света. Эта красочность света является как синтез взаимного отрицания белого и черного, света и тьмы.

Если бы в мире всё было устроено так, как этого желает человеческая доброта, соединенная со страхом перед познанием, то из Солнца, а также и из неподвижных звезд исходило бы одно только действие нормальных Духов Мудрости, и всё звездное небо тогда оставалось бы невидимым для физического зрения. Оно было бы видно только ясновидящим.

При этом нужно учесть и то, что люциферические и ариманические существа действуют не только в феномене света. Дело тут заключается в творении человека.

Можно, в определенном смысле, сказать, что Солнечная система была создана «под человека»; она образовала сложные условия для развития человека в четвертой зоне, где он должен пройти через свою собственную человеческую ступень. Это он может сделать, лишь обособляясь, отъединяясь от Божественного мира. В этом состоит уникальность его развития. Существа 3-й Иерархии хотя и проходили свою человеческую ступень, хотя и получили свое сознание отражен-

ным от того, что сгущалось и отставало внизу, но сами они всегда находились на стороне спиритуального Я, не нисходили до абстракции. Они всегда оставались в сверхчувственной реальности.

Человек со своим отражением стоит в сгущенном оставшем мире и в нем рождается как индивидуальность. С групповым сознанием, лишь только еще с возможностью стать личностью был он рожден Элоимом в высшем мире, но как ставшая личность он — сын змеи. Это не нужно понимать нравственно, нагнетая религиозный фанатизм. Это нужно понять эволюционистски.

Рудольф Штайнер подчеркивает: когда Иоанн Креститель называет пришедших к нему креститься фарисеев и саддукеев «сынами змеи» (Мф. 3,7), то это не следует понимать в том смысле, что он их ругает. Он просто констатирует факт, что они являются носителями старой мудрости, которая свое начало берет в событии райского искушения. Она уже во времена Иоанна начинала понемногу становиться абстрактной. Эта мудрость связана с силами наследственности, с кровным родством.

Когда узы этого родства стали ослабевать, она привела человека к обособлению, к эгоизму, вызвав при этом рождение в нем низшего «я». И весь этот процесс развития человека является естественным, обусловлен объективными законами мировой эволюции. Но человеку теперь требуется силой внутренних законов развития своей души и духа «умереть и стать» в самом себе: умереть в абстрактном, низшем «я» и стать в Я высшем, мыслящем восприятивно, начать восходящую эволюцию. Мудрость этого Я пребывает в сердце, «поэтому нужно раздавить голову змеи» (ИПН. 93а, S. 208), — так образно формулируется эта задача. А делается это путем метаморфозы формы сознания. *Созерцающее мышление — это «сердечное мышление»* (см. ИПН. 119, 23.3.1910).

Голова змеи — это просто старая мудрость, и ее нужно преодолеть, метаморфозировать. Она стала абстрактной, и в нее нужно внести жизнь. Тогда она станет любовью. А еще нужно овладеть спиритуальной мудростью, с которой бороться уже не нужно. К такой цели ведет людей Архангел Михаэль — Регент солнечной интеллигенции. Это его водительство выражается в его борьбе со змееподобным драконом.

Чисто практически-эзотерически задача здесь сводится к отрыву нерва от связи с кровью, от потока крови*. Тогда Самодух начина-

*) Благодаря их связи человек крепко привязан к реальности восприятий чувств, к жизни своих вожелений и др.

ет светить в человека. Это и называется победой над драконом или «Лернейской гидрой», с которой бился Геракл, или над Змеем-Горынычем, с которым бьются русские былинные богатыри и Иван-царевич.

Одним словом, мы имеем тут дело с общечеловеческой и древней проблемой развития. Для ее решения нужно действовать умно, с большим пониманием.

Народная фантазия живописует отставших духов самыми яркими и ужасающими красками, зная лишь их самый нижний слой. Они и на самом деле далеко не красавцы. Но нужно знать, почему они стали такими. И тогда «праведный гнев» против дракона сменит в нас густая краска стыда — за свои неуплаченные долги развития. Самопознание — это сложный и часто шокирующий процесс.

23. Сущность отражения

Универсальным в нашем цикле принципом отражения человеку дано воспользоваться в условиях самой грубой вещественности, где отчуждение существа от источника своего происхождения приводит в конце концов к смерти.

Изначальная жертва Духов Воли, принесенная в зоне Сатурна, приходит в зоне Земли к максимальному отпадению от духа. На этом и возводится мышление, а с ним — предметное сознание человека. Мозг как аппарат мышления не производит мысли из себя, а отбрасывает, отталкивает их, когда они подступают к нему, идя от иерархических существ. От них в человеке остаются только тени, т.е. абстрактные мысли. Из этих теней образовано в человеке содержание тени его подлинного Я, т.е. низшее «я».

Рудольф Штайнер разъясняет всё это следующим образом. Выработка нами представлений, их содержания происходит в эфирном теле, астральном и в «я». И чтобы они могли быть явлены нашему бодрствующему сознанию, необходимо зеркало мозга. «...То, чем мы являемся сверхчувственно, становится воспринимаемым через зеркало мозга. ...Человек хотя и в состоянии продумывать мысли, но он как современный земной человек ничего не смог бы знать об этом, если бы не имел телесной организации, и прежде всего мозга с зеркальным свойством. ... Там, в мозгу нет ничего от мыслей. ... Но мозг есть исключительно сложное зеркало» (ИПН. 129, 24.8.1911).

Потребовалось три зона эволюции, чтобы образовать это «зеркало». В земном эоне с ним пришло в связь, также отразившись в нем,

человеческое Я, Я человечества, вошедшее в каждого человека. «Мы должны смотреться в себя нашей обретенной на физическом плане силой познания, если хотим познать Я» (Ibid., 23.8.1911). Сверхчувственно оно выглядит совершенно иначе. И хотя то, что является от него в зеркале мышления, всецело принадлежит только физическому плану, но поскольку мы познаем это изнутри, непосредственными силами познания, то мы знаем внутреннюю сущность нашего земного «я», т.е. и на Земле мы познаем «я» непосредственно, в его внутреннем существе.

Физическое тело во множестве экземпляров дано нам во внешнем чувственном восприятии. Но то, что мы таким образом воспринимаем, есть лишь иллюзия. При ясновидческом взгляде на него оно превращается в туман, расплывается в ничто. Истинный, не материальный облик физического тела можно познать лишь на Девыхане. На земле же мы видим его так, что оно совершенно не соответствует нашей внутренней сущности. «Но «я» мы видим здесь, внизу, в физическом мире так, что оно как физическое существо (т.е. принадлежащее земному миру и познаваемое здесь. — *Авт.*) очень хорошо подходит, соответствует нашей внутренней сущности» (Ibid.).

Такова тайна своеобразного феномена земного человека. Чтобы его образовать, потребовались отставшие Духи Формы. Потребовалось их созидающее мышление, направленное *против* созидающего мышления нормальных Духов Формы. Мы имеем тут даже тройкого рода взаимосвязь. В ней нормальные Духи Формы стремятся образовать сверхчувственную, иерархическую форму человеческого сознания. Но с нею одною человек не стал бы свободной индивидуальностью. Он перешел бы в Иерархию Ангелов, став некоего рода автоматом, значит, как существо люциферического рода! Таков был бы парадокс развития.

Когда с нормальными Духами Формы вступают в борьбу отставшие, то в конце концов возникает физический мозг. Обладая им, человек ведет себя даже ариманически: сущностно отрицает духовное. И тогда как среднее возникает люциферизированное абстрактное мышление. Оно чуждо материальному, но оно и не спиритуальное. И оно дает человеку возможность получить самосознание (рис. 29).

Его формирование сначала происходит на планетарном уровне. Вся Солнечная система постепенно, материализуясь, превращается в космический аппарат отражения для сознания всечеловека, Адама-Кадмона. А затем всё это дробится, уменьшаясь, повторяет себя в отдельном человеке. Каждый человек потому и микрокосм, что является маленькой копией всей планетной системы, а в другом смысле —

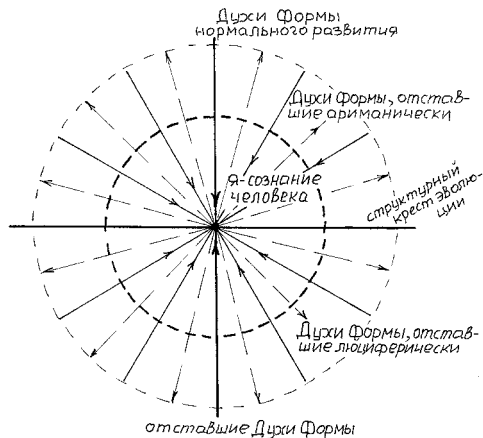

Рис. 29

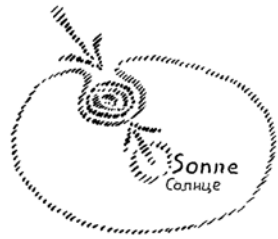
и всего Космоса. В ходе такого развития, говорит Рудольф Штайнер, «физические планеты не возникли бы, если бы действовали одни только [нормальные] Духи Формы» (ИПН. 136, S. 105).

«Коллегия» этих последних имеет местом своего обитания Солнце. Оттуда они вместе с дарящей добродетелью Духов Мудрости простирают вовне потоки эфирной субстанции. Возникает некая сферическая форма, как это было в зоне Солнца. Она многослойна. Каждый слой – это сфера будущей планеты, которая проявится также и материально. И теперь это так и существует: духовно планета заполняет всё двухмерное имажинативное пространство от центра Солнца до своей физической орбиты, а само физическое тело планеты обозначает лишь ее чувственную границу. Сферы разных планет проходят одна сквозь другую, пребывают одна в другой, поскольку их духовная субстанциональность – разной степени тонкости и высоты. В материальном мире подобно этому воздух пронизывается теплом, а оба они – светом.

Такому действию нормальных Духов Формы противостоят отставшие Духи Формы. Их действие носит центростремительный, т.е. эгоцентрический характер. В этом выражается их стремление к независимости от интеллигенции сфер неподвижных звезд, но они же дают и внешнюю форму Солнечной системе. Вернее сказать, она возникает как результат взаимодействия обоих видов духов Формы.

В своем стремлении к независимости отставшие Духи Формы проявляются люциферически, но осуществление этой независимости ведет к уплотнению духовности, выражается ариманически. Острая конфронтация между нормальными и отставшими Духами-

Формы возникает на самой внешней границе простирающейся каждой планетной сферы. Нормальные Духи Формы, так сказать, не позволяют отставшим духам потеснить себя ни на йоту, но отставшие духи на внешней границе сферы их действия образуют некоего рода «вмятину», эфир «вминается, и эту вмятину физический глаз видит как (скажем) физический Сатурн» или Юпитер, Марс и т.д. (Ibid., S. 106) (рис.).

Таким образом, физическая планета возникает как результат взаимодействия двух мощных сил. В точке их соприкосновения возникает в духовной субстанции дыра. Ее и называют физической планетой. В ней нет первоначальной эфирной субстанции, она «вмята». Такова и наша Земля. Груды ее материи — это дыра, пробуравленная в мировом пространстве. В том месте, где мы переживаем материю, мы имеем, фактически, «разбитую» форму, «но только именно форму. Форма разбивается, и возникает пробуравленность. Разбитая, расщепленная форма — это в действительности и есть материя. В физическом смысле материя существует лишь там, где формы раскалываются» (Ibid., S. 107f.).

Такой же процесс происходил и в зоне Солнца, только там формообразование было еще слабым, ибо процесс эволюции еще не набрал полную силу, не обрел собственного мышления. Нормальные Духи Мудрости готовы были простираются до бесконечности. Ариманические Духи Мудрости ограничивали их простираение, но никаких «вмятин» в эфире не происходило. Возникло нечто воздухоподобное, разливавшееся по всему планетарному образованию. Поэтому и люциферические Духи Мудрости не могли внутренне вступить своей астральностью в центры этой коллизии, не могли наделить собственным сознанием зоны этих столкновений. Но зато они породили феномен света.

В зоне Земли вся древняя солнечная деятельность повторилась, но более приближенно к процессу материализации. Здесь бывшее противостояние от Духов Мудрости перешло к Духам Формы, а от них — к существам 3-й Иерархии.

Если мы возьмем Коперниканскую систему мира, то она в своем истинном смысле являет нам *чувственным* образом зона Солнца. За нею стоит его сверхчувственный образ. Будучи взяты вместе, они объясняют природу мыслящего человека.

Центром человеческого существа является нечто солнечное — его Я. В сфере мышления некоего рода «планетами» этого солнца яв-

ляются материальные клетки головного мозга. У них одно эфирное тело. В нервной клетке встречаются подлинное сверхчувственное существо и его отображение. Совершается некий процесс, который Я через инструмент низшего «я» (а Солнце тоже двойное: вещественное и духовное) вызывает в крови, гонит кровь к нервной клетке, и та сгорает. Происходит нечто противоположное процессу образования человека. «Вмятина», т.е. физическая клетка в его эфирном теле исчезает, ариманическое отступает из того места, где была материя, «руины духа», и туда вступает астральное люциферического духа. Это есть противоположность духовного мыслесущества, или человеческого понятие, идея, мысль. Так функционирует человек-планетная система, когда он мыслит абстрактно.

Буквально такого описания сущности человеческой рефлексии у Рудольфа Штайнера нет. Это наша реконструкция, построенная на базе его различных сообщений. И мы можем ее продолжить.

Наравне с Коперниканской существует Птолемеевская система. В соответствии с ней человек проходит свою эволюцию в жизни между смертью и новым рождением. Она, на наш взгляд, соответствует собственно земному эону и представляет собой метаморфизированный эон Солнца, Коперниканскую систему, но свернутую в лемнискату. Если эту лемнискату рассматривать духовно-физически, то одна ее петля — петля так называемых внутренних планет, которые связаны с подготовкой будущих эонов, повернута внутрь другой петли — петли внешних планет, отражающих прошлое мира. Тут Солнце является узловой точкой лемнискаты, через которую прошлое перетекает в будущее и наоборот. При этом оно рождает и пространство.

В своем посмертном бытии душа переживает лемнискату планетной системы как уходящую в духовные *выси* и *в прошлое*. Поэтому сфера Сатурна образует в ней для человека высшую сферу духа.

В сфере мышления форма этой лемнискаты соответствует нашей теоретико-познавательной лемнискате. Значит, меняя форму сознания, мы изменяем форму планетной системы. Мы также покидаем тогда сферу тянущего прочь от духа ариманического, но остаемся с высшим люциферическим, со светом новой мудрости, в которой нам является великое Событие Христа.

24. Великие загадки бытия

Рудольф Штайнер дал целое учение о том, в чем и как конкретно выражается деятельность люциферических и ариманических существ

в эволюции мира и человека, а также в повседневной человеческой жизни. Мы позже снова обратимся к рассмотрению некоторых из этих сообщений, а также постараемся проследить, как эти действия становятся злом, в конечном счете очень большим, мировым злом.

А сейчас, собрав благодаря предыдущим рассмотрением определенный познавательный потенциал, обратимся к тому, что при изучении контринтеллигенции остается загадочным и противоречивым. Поясним на конкретных примерах, что мы имеем в виду.

В одной лекции, которую мы уже неоднократно цитировали, Рудольф Штайнер рассказывает о том, что в эоне Луны часть Духов Движения была «откомандирована» творить развитию препятствия. На царстве Ангелов, проходивших тогда свою человеческую ступень сознания, это отразилось таким образом, что часть из них не захотела оставаться с нисходящим потоком развития и вместе с более высокими Иерархиями ушла из лунного тела на выделившееся из него Солнце. Они тогда сказали себе: мы не хотим погружаться в мир этих препятствий, хотя и могли бы вступить с ними в борьбу. Нет, мы останемся с добрыми богами и уйдем вместе с ними на планету более высокой и чистой духовности.

Другая же часть лунных Ангелов сказала себе: «Мы не последуем за ними; если мы это сделаем, то развитие теперь вновь повернет обратно, в него не будет внесено ничего нового» (ИПН. 110, S. 163).

Новое в эоне Луны возникло только благодаря тому, что часть Ангелов в свою телесность, во всё, что они взяли от Луны, вобрали то, что тогда стало препятствием для развития. Из-за этого оболочки их телесности стали плотнее, чем у Ангелов, оставивших Луну, не пожелавших бороться на ней с препятствиями. Они вобрали в себя все тяжелые последствия деяний люциферических Духов Движения, которые, однако, имели свое твердое основание в плане мира.

В эоне Земли Ангелы, ушедшие с древней Луны на ее Солнце, выступают как воинство Архангела Михаэля в его борьбе с Ангелами, оставшимися тогда на Луне. А эти последние образуют дракона, с которым бьется Архангел Михаэль, а также св. Георгий. Они, повторяем, отстали ради того, чтобы в эволюции из борьбы с препятствиями, которые создали сами боги, родилось что-то новое.

Не бороться с ними Михаэль не может, поскольку они стали источником заблуждений и рожают зло. Но тривиальная часть нашего сознания — а она есть у каждого, и оставлять ее без присмотра не следует — может спросить: а где же тогда справедливость? Ангелы, оставившие Луну на произвол судьбы, теперь пребывают в славе, а те, кто взял на себя тогда «черновую» работу, стали теперь чертями!

Человек же религиозный, но без познания, скажет: благочести-

Герард Давид. Архангел Михаэль

вые Ангелы последовали за благими духами, и вот, теперь они в лоне Божиим; так нужно поступать и человеку: сторониться зла и стараться делать угодное Богу, и т.д. В общем, всё это уже высказал Августин в споре с Фаустом, только конца тому спору всё нет.

Кто хочет простоты, тот должен знать, что она возникает из преодоленной сложности. Простота без предшествующей ей сложности часто оказывается заблуждением («хуже воровства»). Пока мы вынуждены оставаться со сложностью. Вот на этой картине эта сложность выражена средствами живописи. Посмотрим на нее и прислушаемся к своей душе: что возникает в ней? Не возникает ли в ней чувство, что вся эта борьба совершается в ней самой?

Теперь обратимся к еще одному сообщению Рудольфа Штайнера. В Акаше-Хронике, говорит он, можно почерпнуть знание об одном

очень важном событии, произошедшем в зоне Солнца. «Тогда особенно сильное развитие получил процесс, о котором можно сказать, что (в нем) верхние боги выступают представлениями нижних богов, зависят от них. Эти верхние боги находят — если выразиться тривиально — более подходящим для своей собственной сути жить в легком элементе верхнего мира, нежели в плотном элементе, из которого (теперь) сформировалась Земля. Во время солнечного развития происходит это разделение между двумя разными поколениями богов, из которых одно в качестве действительных древних богов решает жить дальше с элементами земли, воды и воздуха. Другое поколение находит для себя слишком трудным погружаться в эти плотные элементы и потому живет далее лишь с тем, что мы называем эфирными элементами: во-первых, с теплом, затем со светом и с химическим или с жизненным эфиром» (ИПН. 129, S. 179).

Таким образом, одни боги избрали для себя трудный путь, другие — более простой. Вторые как бы «парят», «порхают» над первыми, образуя свое тело в тонком эфирном элементе, но при этом все силы, способные жить в пребывающем, в вечности, могут образовываться только в этом тонком элементе. А тяжелые элементы движутся во временном и нисходят, плотнеют.

Так это сложилось в зоне Солнца, когда ряд Херувимов отказался принимать жертву нижестоящих Иерархий. Своим отказом они показали нежелание входить во временное развитие, которое тогда уже образовалось, отказались идти путем возникновения и прехождения, путем метаморфоз и потому стали в цикле хранителями вечности. Они предпочли вечность мгновению, если говорить языком Гётевского «Фауста». Но ведь это означает, что они отказались от развития? Значит, они проявили люциферический характер?

Ну а те, кто соединился еще прежде лунных Ангелов с плотными субстанциями, они ведь тоже начали отставать, ибо пошли путем восхождения через нисхождение. А где же тогда пребывают боги нормального развития?

Быстро и просто ответить на эти вопросы невозможно.

25. Два царства богов

Далее в цитированной выше лекции Рудольф Штайнер говорит: «Но примерно в середине древнего солнечного развития произошло нечто великое, грандиозное: одно существо во время этого солнечного развития выработало силы, которые находятся в противоречии с тонки-

ми и нежными эфирными элементами. И если мы Мистерию Голгофы называем великой земной жертвой, то можно говорить и о солнечной жертве, которая состояла в том, что одно существо, которое хотя и выбрало место своего пребывания среди богов, хотевших жить только в тонких элементах, но выработало такие плотные силы, которые не уступали земным элементам. Итак, начиная с солнечного развития, мы имеем в ряду существ, которые со своими собственными силами были вооружены лишь для эфирного, одно Существо, которое внутри мирового эфира имело внутреннее родство с земным. С эпохи древнего солнечного развития это Существо ждало правильного момента, чтобы то, что Оно выработало как силы, ввести в саму Землю» (S. 180).

Это существо распознал в Солнце, за солнечным светом Заратустра. Потом пришла эпоха, в которую люди уже не могли познавать это Существо в Солнце, в эфирном мире. Оно отразилось для них в Луне. И это отражение древние евреи называли Ягве. Рудольф Штайнер поясняет далее: «Как верхние боги относятся к нижним, так Ягве, или Иегова, является *представлением* о реальном Христе и подобен Ему полностью для тех, кто способен проникать к пониманию этих вещей. ... Христос хорошо знал, что когда в старые времена говорили о Ягве... то говорили о Нем, и что всё говоримое о Ягве относится к Нему так же, как зеркальное отражение относится к первообразу, который оно отражает» (Ibid., S. 181).

Из сказанного мы можем сделать вывод, что когда существа, начинающие в эволюции мира играть роль «бунтовщиков», противопоставили себя предопределенному ходу событий, то вместе с ними, как мы теперь видим, ему противостоял и Сам единый Бог нашего цикла.

С одной стороны, Им и всей Божественной Троицей было поволено противопоставление, противодействие, а с другой — что Бог волит, то Он берет и на Себя. Он не остается просто созерцателем того, к чему поведет поволенное Им. Своим волением Он определяет и Свою судьбу.

Начиная с Солнца Христос решительно вступает в эволюцию, нисходит до Иерархии Духов Мудрости, т.е. ослабляет свое сознание до их уровня, становится единым с ними в их космосе светового эфира. И Он одновременно противостоит этому космосу. Нет, Он не начал его отрицать, но, будучи в нем, обратил взор к тому, что было обречено на отставание и страдание во имя интересов главным образом человеческого развития. Он нисшел в плотную субстанцию вместе с «откомандированными» духами. Получилось так, что они противостояли Богу, а Он оказался внутри их.

Ангелы, ушедшие в эоне Луны с Солнцем, ушли с верхними богам в сферу светового эфира, где был и Христос. Другие Ангелы связали себя с оплотневшей духовностью. В земном эоне те и другие оказались противниками. А Христос как в прошлом, так и теперь оказывается единственным соединительным звеном между теми и другими.

Ну а если всё это так, то нам нужно как-то более решительно подумать о том, что же это такое — люциферические и ариманические существа Иерархий?

Их зарождение совпадает, фактически, с зарождением нашей Вселенной. «Когда началось развитие Сатурна, — говорит Рудольф Штайнер, — а лучше будет сказать, до того, как оно началось, эфирный поток всего [будущего] человечества и всего земного* развития ... является еще единым, а в тот момент, когда вступает в действие развитие Сатурна, происходит раскол (Zwiespalt), возникает дуализм, двоичность (Zweiheit) сил Макрокосма. ...двоичность во всем макрокосмическом действии» (Ibid., S. 173).

Об этом раздвоении Космоса знали греки, когда Кроноса, под которым они подразумевали древний Сатурн, сделали противником его отца Урана. Они хотели этим сказать, что если изначально имеет место единство всех макрокосмических сил, то «когда начинает кристаллизовать себя древний Сатурн, или Кронос, тотчас же нечто, таящееся в этом Кроносе, начинает противиться универсальному развитию. ... Вся сумма божественно-духовных сущностей, правивших тогда в развитии, когда Сатурн вступил в своё становление, некоторым образом раскололась в себе, так что теперь мы имеем поток развития, непосредственно причастный ко всему, что совершалось, проходя через Сатурн, Солнце, Луну и вплоть до Земли, а наравне с этим еще один, другой поток» (Ibid., S. 173f.). И это суть те потоки, один из которых, основной, облекается плотными элементами, без которых земная эволюция невозможна, а другой, скажем параллельный, ниже субстанций света и тепла не опускается. И он образует некоего рода окружение, «атмосферу» вокруг главного потока.

«Таким образом, нам указывается на два царства богов, или духов, из которых одно непосредственно принимает участие во всем, входит во всё, что происходит, следуя одно за другим, на Сатурне, Солнце, Луне. Другое поколение богов, другой ряд богов как бы держится в отдалении, вмешивается лишь извне, опосредованно...» (Ibid.). Существа второго царства являются реально рожденными мыслями

*) Это следует понимать как поток земной эволюции, где восхождение достигается через нисхождение.

богов первого царства, являются *люциферическими* богами. А какого рода боги первого царства? Если теперь соединить все приведенные нам в связи с этими вопросом сообщения Рудольфа Штайнера вместе и сопоставить их между собой, обращая внимание на их взаимодействующий характер, то можно прийти к выводу, который мы берем на себя смелость сделать.

26. Принципы эволюции мира

В построении нашего вывода мы опираемся на методологические основы Антропософии. Взглянем на начало эволюционного процесса, на действие в нем наиболее универсальных принципов развития, мы обнаруживаем там следующее.

1. Первооткровение Бога следует неизбежно мыслить как Его самоограничение. Единый неизреченный Бог не может изречь Себя целиком, ибо в таком случае не было бы никакого откровения. Произошло бы некое «удвоение» вечности.

2. Бог может открыться только Самому Себе и в Себе, ибо вне Его ничего не существует. Значит, Его откровение есть овнутрение части Его Самого. Мы можем представить это символически в виде лемнискаты, в которую сворачивается круг бесконечности и одна петля которой поворачивается внутрь другой. Лемниската есть целостность, в которой одно перетекает в другое, метаморфизмуется и между обеими частями целого возникает отношение. Значит, в овнутрении безграничный Бог вступает в отношение с Самим Собой.

3. Бога мы можем представить себе как всеобъемлющее, полное содержания, живое, субстанциональное, творящее сознание. И Бог есть мировой Субъект. Немыслимо, чтобы что-то не было частью Его сознания. А всезнание Бога — это сонмы и Иерархии Я-сущств, которыми Бог мыслит, образуя их единство, и которые со-мыслят с Ним. Они образуют *содержание* Его сознания и субъективируют, персонифицируют его процесс. Именно в них и через них и совершается овнутрение части Божественного всезнания.

Не следует думать, что это единственное деяние Бога. Но именно как деяние Бога это откровение является самодостаточным единством.

4. В откровении выступают те Я-сущства, которые способны его осуществлять или нуждаются в его осуществлении. К первым относятся три Ипостаси единого Бога, ко вторым — девять родов сущств Иерархий. И с теми и с другими Бог вступает в отношение. Оно носит

характер творческого мышления, которым осуществляется наш эволюционный цикл. Чтобы оно могло быть творческим, в нем должны быть различия по силе и высоте сознания. Эти различия чем-то напоминают различия человеческих взглядов. В мире Иерархий это выражается в виде их различных положений и отношений друг с другом. Это мир деятельной космической интеллигенции.

5. Так слагается инобытие Бога. И Бог заинтересован в том, чтобы возрастало самобытие этого инобытия, чтобы возрастало его отличие от неизреченной Сущности Бога. Ибо тогда становится возможным рождение нового, новых сомыслящих с Богом существ. Ради этого Он и открывается. Однако не потому, что имеет в них нужду, а потому, что Он существует даруя бытие тому, что его сначала не имеет. Он существует отдавая. Поэтому Он безграничен. А мы говорим, что Бог есть Любовь. Это мировой Субъект, лишенный всякого эгоцентризма. Он излучается, эманурует, отдает Себя. А навстречу Ему стремятся существа мира. Не Бог тянет их к Себе – они сами стремятся к Богу, а стремятся потому, что возникать они могут лишь на периферии откровений, после чего начинают восходить по ступеням сознания, что приближает их к Богу и в конце концов они из откровения уходят в неизреченное Бога.

Вдали от неизмеримой силы центра откровения могут возникнуть существа, а потом их пронизывает *желание* восходить к центру. Желание же есть начало эгоцентризма. Любовь движет эманации Бога из центра, желание образует поток движения от периферии к центру. И Бог, говоря упрощенно, считается с желаниями центров самости, с их «мнениями». Так в «беседе», сомысли со Своим овнутрением Бог инициирует становление. Оно носит диалектический характер. Человек в своей логике имеет лишь тень этой диалектики мирового становления. Но это все-таки тень великого прафеномена.

Принцип диалектики невозможен без противопоставления. Эта проблема и встала в том едином потоке, который подошел к началу эона Сатурна. Для нас это является просто фактом. И нужно постараться понять, почему было допущено разделение. Высшая любовь потому и высшая, что в ней одно существо дарит себя другому ради его блага. Значит, оно заинтересовано в том, чтобы другое существо было независимо от него, чтобы оно было свободным, а не предопределялось им.

6. Подлинная любовь может быть только деятельной. Поэтому и перед началом нашего цикла возник вопрос: как любовь Бога к новому Творению будет осуществляться? Это должны были взять на себя шесть родов иерархических существ (1-я и 2-я Иерархии), развив-

шихся до очень больших высот сознания еще в прошлых состояниях мира. Но у них не был развит принцип свободы, и потому, видимо, и возникло намерение создать добро, превосходящее то, каким обладали те существа, взошедшие даже до непосредственного созерцания Бога.

Существа 3-й Иерархии для этого не подходили, поскольку зародились до эоны Сатурна. Для новой задачи потребовалось создать и новых существ. Так был задуман человек. Ему предстояло, овладев первой ступенью Я-сознания, получить свободу выбора при принятии решений. И мир Иерархий для этого разделился, образовал, в некоем роде, великое противостояние «да» и «нет», на каждой из сторон которого встали существа, не переходящие на противоположную сторону, и только Сам Бог эволюционного цикла, Христос, обладающий, конечно, свободой воли, с этим противостоянием может не считаться, может давать ему разные задачи, рождать из него синтез. А еще это может делать — но на самой примитивной ступени — человек.

7. Диалектический закон развития в его макрокосмическом изменении является даже неизбежным, ибо, повторяем, отделение части от целого невозможно без противопоставления. Нормальные Иерархии находятся в отношениях друг с другом, поскольку переживают себя членами единства. Другое дело — отставшие Иерархии: они сказали «нет» Божественному плану мира и тем ввели мир в самостоятельное становление.

При всей неизбежности противопоставления, оно, однако, неприемлемо для отдающего Себя в любви Бога. И чтобы все-таки соответствовать этому, пожалуй что основному, закону эволюции, Бог открыл Себя трояко, как три единосущных субъекта: как три Логоса, или как Отца, Сына и Св. Духа, Сам оставшись их *внешним*, т.е. не открывшимся единством. И возникла необходимость Его открывшейся Троичности получить *внутреннее*, явленное единство. Его неизреченный Бог учредил в средней Ипостаси — в Сыне, возвысив Его до достоинства единого Бога эволюционного цикла. И цикл стал самодостаточным, независимым в себе от Отчей Основы мира, продолжая, тем не менее, пребывать в Ее лоне.

Нечто подобное переживает человек в состоянии эмбрионального развития. Находясь в организме матери он одновременно и зависит от него, и свободен, поскольку у него есть свой жизненный процесс. Мать не может его отменить или как-то радикально изменить. Напротив, она старается всячески способствовать его всё большей независимости от нее, вплоть до полного отделения через рождение,

что, однако, означает лишь первую, физическую степень свободы, но не душевную и не духовную, и т.д.

Наличие внутреннего единства поставило Ипостаси в иерархические отношения: 1-го, 2-го и 3-го Логоса. Их триада еще наддиалектическая, но их проявления в развитии приводят к образованию диалектических триад. Принцип творчества через принесение жертвы инагурирует Бог-Отец; в дарящей добродетели являет Себя Бог-Сын; в отказе от жертвы – Бог-Св.Дух (см. ИПН. 132, S. 57).

Но что при этом особенно важно для развития – это возникновение, так сказать, «рабочей» триады, той триады, которая производит все действия развития. Это триада, в центре которой стоит Христос, а по обеим сторонам от Него – Люцифер и Ариман.

8. Когда три Субъекта единого Бога простирают Свою деятельность в мир Иерархий, для чего Сами принимают иерархический порядок, то в инобытии Бога возникает собственное мышление: собственные жизнь и движение. И тогда единство Троичности разделяется на два указанных выше потока. Один из них ведет к обособлению, к оплотнению духа, а также к самостоятельности и свободе, но в конце концов всё заканчивается иллюзией материи и смертью. Другой поток действует размягчающе, одухотворяюще на становящиеся формы бытия. Он нисхождение претворяет в восхождение, но делает это, вообще противясь нисхождению.

Действием обоих потоков производится то, что мы познаем как реальный ход эволюции, плодом которого является рождение новых Я и восхождение уже существующих. Процесс Я-образования оказывается потоком, идущим навстречу потоку нисхождения. Это и есть эволюция восхождения через нисхождение. В ней в противостоянии один другому нисходят, *в силу отставания*, ариманический и люциферический потоки. Собственно говоря, они и обуславливают простираемое откровения, а также переход его на сторону физически-чувственного бытия. А синтез этих потоков, их снятие рождает третье: возвращение откровения, персонифицированного Я-сущностями, в себя, в Бога.

9. Может возникнуть соблазн ариманический поток нисхождения считать ведущим ко злу, а люциферический – к добру. Но это было бы двойным заблуждением. Ни один из этих потоков сам по себе не имеет отношения ни к добру, ни к злу.

Отказ одних Иерархий принимать жертву других привел к отказу от развития, но отказ одних дал возможность развиваться другим. А всякая самостоятельность в развитии влечет за собой оплотнение духа, зло, ибо означает отхождение от духовных высей.

Мы можем хорошо видеть свет свечи, когда она горит в затемненном помещении. При ярком же свете его невозможно даже разглядеть. А такими слабыми свечечками и возгорается первоначально сознание людей.

Бог в любви дарит Себя тому, что, прежде чем восходить, должно сначала чем-то *стать*. Можно ли в таком случае Бога назвать недостаточно добрым?

Без становления беззаветное дарение движется как чистая центробежная сила. Чтобы представлять ее, нести ее, существа Иерархий вынуждены отдаляться от единого духовного центра, а чтобы этот процесс остановить, они вынуждены разделиться и вызвать противостояние одних другим. В этом разделении, противодействии не так просто однозначно определить, какие действия являются люциферическими, а какие ариманическими. В одном случае мы говорим, что бегство от духа ариманично, в другом — что оно, как ведущее к обособлению, люциферично. В одном случае существа, ограничившие извне простираение духа, проявили себя ариманически, вызвали появление материи. В другом случае противостояние простираению духа ввело человека в чувственную реальность и более плотное формирование было люциферическим.

Одним словом, мы имеем тут прежде всего дело с действием объективных законов. Но когда человек становится индивидуальностью, начинает проявлять своеволие или зачатки свободы воли, то законы те приходят в нем также и к противоречивым столкновениям. И тогда ему нужно овладевать *моральной техникой*, умением своим развитием управлять. Человек не призван стремиться к победе над Люцифером или Ариманом. Его задача состоит в том, чтобы уметь действия в себе одного из них погашать противоположным действием другого. Тогда возникает *третий* путь развития. И это *путь добра*. Именно в нем действует Христос, помогая человеку, и Он побуждает его между узостью рефлексии низшего «я» и растворением в трансе возводить в себе созерцающую силу суждения, ведущую к высшему Я.

27. Что остается для нас загадкой?

До сих пор для нас остается не вполне ясной природа тех двух потоков, на которые уже в начале эона Сатурна разделился единый поток откровения, разделилась как на «нижних» и как на «верхних» богов «вся сумма божественно-духовных существ». Особенно неясной ос-

тается природа «нижних» богов. Они «истинные» и в то же время связали себя с плотными элементами.

Выше мы проследили, во что метаморфозируется высшее Триединство, становясь триединством становления. Как те два потока соединить с нашим представлением о двух триединствах? При этом не забудем, что во втором случае мы имеем все-таки не триединство, а *триаду*: Христос в положении между Люцифером и Ариманом.

Попробуем получше разобраться в этом исключительно важном комплексе проблем, пытаясь сомыслить с Рудольфом Штайнером на базе методологии его системы знания. Для этого нужно сначала отказаться от попыток загонять в прокрустово ложе рассудочных дефиниций то, что представляет собой живое взаимодействие науки, искусства и религии.

Многим хотелось бы получить от Рудольфа Штайнера просто энциклопедию Духовной науки. Он же творит гигантскую панораму реального живого знания. Энциклопедия относится к ней, как, скажем, история искусств — к реальной жизни искусства. Да, история помогает нам через понимание прийти к лучшему переживанию искусства, но заменить его она не может.

Мышление Рудольфа Штайнера нужно учиться сопереживать. Не следует думать, будто бы он сначала что-то воспринимал высшим сознанием, а потом в тиши кабинета подбирал для своего опыта абстрактные понятия и с ними выходил в своих докладах к публике. Нет, его деятельность всегда была творчеством, *искусством познания*. Читая доклад, он и творил его, намечая до его начала лишь общее направление мысли; хотя в ходе доклада нередко менялось и оно. Он не навязывал своего знания, а приспособлял его к духовным возможностям конкретной слушавшей его аудитории. И она также была, в некоем роде, «материалом» его творчества. Всегда имела значение, конечно, и невозможность обо всем рассказать в одном докладе. Нередко приходилось годами, а то и десятилетиями с разных сторон освещать один и тот же предмет познания. Поэтому ошибкой начетничества является желание фиксировать отдельные доклады как содержащие истину в последней инстанции. Такого, кстати сказать, в науке вообще не бывает.

Прекрасной иллюстрацией того, о чем мы сейчас говорим, может служить уже не раз цитированная выше лекция от 25 августа 1911 г. (ИПН. 129). Когда читаешь ее целиком, то возникает впечатление, что ее автор творит ее, подобно скульптору, лепящему из куска глины человеческий облик. В такой работе черты человека сначала проступают обобщенно, но постепенно делаются всё определеннее и на-

чинают выражать характер конкретного человека или типа личности. Так *воплощается* замысел.

А еще не забудем о том, что многое, творимое Рудольфом Штайнером, сознательно не завершено им в надежде, что это сделаем мы, его последователи. Ярчайшим примером этого как раз служат его сообщения о двух потоках эволюции, о нижних и верхних богах. Они явно требуют нашего додумывания, а додумать их можно, опираясь на другие сообщения Рудольфа Штайнера. Будет ли такое додумывание безупречным или в него закрадутся ошибки – заранее об этом ничего нельзя сказать. Однако ведь полезными могут быть и заблуждения, если они в дальнейшем преодолеваются.

Тему того, что мы назвали «рабочей» троичностью, Рудольф Штайнер живописал всю жизнь богатой палитрой красок как гигантское панно с множеством взаимно переплетающихся сюжетных линий и при этом полный ее замысел не выразил до конца. В этом убеждаешься, когда продолжительное время вживаешься в эту тему. Сначала кажется, что вот, еще один или два доклада – и полное знание будет лежать на ладони. Но потом начинаешь понимать, что, уважая нашу свободу, Рудольф Штайнер, как учитель посвящения, оставляет нам додумать до конца то многое, что он предоставил в наше распоряжение, и решить загадку.

28. Две мировые троичности

Мы, конечно, должны говорить о трех потоках развития, разделившихся на три рода всех существ мира. Два из них представляют собой две мировые односторонности. И они, так сказать, не автохтонные. Они вторичные. Вторичные от начала нашего цикла. А из безначального в цикл вошло нечто третье.

Это третье Рудольф Штайнер называет миром истинных, а также «нижних» (не низших!) богов. Они через самих себя пребывают в своей реальности. Они суть «высокие благодетели человечества» и не принадлежат ни к люцефирическому, ни к ариманическому роду существ (см. ИПН. 113, 30.8.1909).

Понятие третьего потока в связи с этими существами требует очень значительного уточнения. С точки зрения законов нашего развития третье возникает как более высокое состояние двух исходных начал, если они приходят, метаморфизировавшись, к творческому синтезу. Истинные боги – это, видимо, существа 1-й Иерархии, они

как «третье» внесли в наш цикл принцип высшего единства, в котором пребывал мир в предыдущем цикле. И это есть Атма-единство.

Всякое, в том числе и человеческое, творчество проистекает из высших потенций творящего существа. Поэтому и наш цикл существа 1-й Иерархии могли начать силой своего наивысшего духа. Серафимы и Херувимы уже и в начале цикла стояли выше, чем Атма-сознание нового цикла. Они образовали структуру новой вселенной, приготовили путь и место для Атма, а Духи Воли пожертвовали его новому циклу.

Это жертвоприношение было совершенно отличное от жертвоприношений стоящих ниже Тронов Иерархий. Оно было, скажем, общим деянием всех трех родов существ 1-й Иерархии. Поэтому Рудольф Штайнер и не говорит, что древний Сатурн возник как отвергнутая Херувимами жертва Тронов.

Жертвование Тронов было проявлением любви Отчей Основы мира к тому, что будет происходить с Её откровением. И любовь эта стала Субстанцией мира, сначала еще никак не расчлененной, но структурированной в общих чертах, крестообразно Серафимами и Херувимами.

Так открылся единый Бог в Ипостаси Отца: как всеобъемлющий принцип единства, из которого может произойти двойственность, но в который она же и вернется. Бог-Отец через 1-ю Иерархию заложил новую вселенную как форму сознания Атма. И Атма пронизывает наш цикл от его высей до глубей, где дух становится не-духом. Из Атма-субстанции произошли все четыре элемента и их материальные отражения. Атма, таким образом, поставило себя на службу существам в самом низу эволюции и оттуда восходит к своим высям, а восходя, возносит вместе с собой и Я-существ. Поэтому, собственно, и эволюция приняла характер восходящей через нисхождение.

Войдя в новый цикл как единство его субстанции, истинные боги нуждались в *представлении* о том, как должно пойти в нем развитие. *И тогда открылась 2-я Иерархия как служащая 1-й Иерархии. Она стала ее представлением.*

Допустив космическое мышление о новом цикле эволюции, истинные боги должны были допустить и принцип обособления, субъективации, отдаления существ от присущего им единства. И формой дальнейшей индивидуализации существ 2-й Иерархии стала их люциферизация, ибо обособление связано с отставанием. Человек в смысле этого принципа развития является существом, которому пришлось особенно долго обособляться и уходить от единства, чтобы обрести индивидуализацию.

Такова была причина разделения единого пра-потока на два. Когда потом начался процесс эволюции, то «представления» истинных богов сначала устремились в изначальное единство, но Херувимы закрыли им туда путь. Тогда их деятельность направилась на субстанцию. Своим обособляющимся сознанием они вызвали процесс обособления и в ней, следовательно, и ее оплотнение.

Возникла тенденция отпадения субстанции от Бога. У нее еще не было своего сознания, а то, какое напечатлевалось ей извне, было люциферическим.

Люциферические существа стремились субстанцию вернуть в вечность и с нею сами вернуться туда, а происходить начало нечто противоположное: субстанция стала выпадать из сферы духа, материализоваться. Это вынудило люциферических существ разделиться, и часть из них связала себя с материализующейся субстанцией, стала отставшей ариманически. Так проявилась карма люциферических существ. Они получили своих антиподов, в которых живет представление, что на пути *бесконечного* отпадения от Бога можно снова прийти к Нему, но как бы «с другой стороны».

Так возникли другие два потока развития, и в них вступил Христос. *Он открылся в духе представлений истинных богов и в то же время — как истинный Бог.* Он открылся как макрокосмическое Я и потому стал единым Богом эволюционного цикла. Не Он обособился от Отчей Основы мира, а Она через Него обособилась в Себе. Это и означает, что Она всё передала Сыну. Христос активизировал третий поток, ввел его в развитие между люциферическими и ариманическими потоками. И с тех пор мир развивался так, что его макрокосмическое Я нисходило. Для этого оно вызывало синтезы эволюции путем столкновения люциферических и ариманических импульсов.

Снизу вверх, навстречу макрокосмическому Я восходило Атма цикла в субстанции нижних царств. В земном зоне по причине особой материализации духа, вызванной, в свою очередь, задачами наделения человека первой формой Я, я-сознанием на чувственной стороне Вселенной, люциферический и ариманический потоки сомкнулись, вышли из сферы деятельности макрокосмического Я, чем для Атма в человеке создалась опасность лишиться возможности восходить (см. рис. 27). Поэтому Христос нисшел в земного человека и раздвинул в нем слившиеся в опасном синтезе его рефлексии люциферические и ариманические силы, поставив между ними в человеке Себя. Отсюда становится совершенно понятным решающее значение для всего мира и человека Мистерии Голгофы.

Но деянием Христа человек не спасается автоматически. Ради че-

ловека Христос образовал с Люцифером и Ариманом трехчленность, характер же триединства ей придает человек. Этот принцип единства человеку надлежит осуществлять подражая Христу, т.е. творя новые, восходящие формы субстанции, приводя люциферические и ариманические силы к синтезу, взаимопогашающему их, снимая их в диалектике жизни своего сознания, а затем и тела. И каждую завоеванную в этой трудной работе частицу своего я он должен приносить в жертву макрокосмическому Я Христа. Осуществляя «Не я, но Христос во мне», становится человек принципом единства в той, в иных случаях крайне опасной для него, троичности. Ибо стоит ему отступить от Христа — и он окажется разорванным люциферическими и ариманическими духами, его Я станет добычей азуров, главных противников Христа в этой троичности.

Следование за Христом возможно лишь при возвышении индивидуальности человека. Она же задумана как свободно выбирающая любовь. Поэтому и дано человеку следовать непосредственно за Христом; хотя, конечно, и роль всех Иерархий в его развитии остается колоссально важной.

Согласно воле Отчей Основы мира, всё, что хочет в нашем цикле развиваться, должно обособляться. Этот макрокосмический принцип проявляется и в повседневных делах человека. Мы, например, всегда ценим умного собеседника, но в то же время своим Я противостоим его Я. Такое общение делает нас сильнее, подчинение же авторитету ослабляет.

Поэтому лейтмотивом последователей Мани являются его слова: «Вы должны отказаться от всего, что является внешним откровением, которое вы получаете чувственным путем (предостережение, касающееся Аримана. — *Авт.*)! Вы должны отказаться от всего, что завещано вам как внешний авторитет (предостережение, касающееся Люцифера)! Тогда вы станете зрелыми для того, чтобы созерцать собственную душу» (ИПН. 93, 11.11.1904).

У Августина в его полемике с манихеем Фаустом этот последний говорит: «На основе авторитета вам не следует принимать никакого учения; мы хотим принимать учения только в свободе». Эта манихейская позиция всецело отвечает намерениям истинных богов, и она при этом возможна только благодаря обособлению.

Таковы антиномии развития. Не поняв их, нам никогда не выработать правильного отношения к противостоянию добра и зла, а это значит, что вольно или невольно мы будем служить злу.

В наших исследованиях методологии Антропософии мы многократно обращались к принципиальной схеме эволюции мира, беря за

основу чашеобразную форму. В ней слева направо, постоянно нисходя, движется из прошлого в будущее импульс Отчего действия. Справа налево, из будущего в прошлое, навстречу ему движется импульс Св. Духа, Идея мира. Идея, соединяясь на разных этапах эволюции с Субстанцией, творит формы бытия. В эти формы по вертикали, из высшей нисходит Жизнь цикла. Благодаря ей формы метаморфозируются. До середины чаши в ходе этой метаморфозы формы всё больше материализуются и начинают проходить через смерть и возрождение. Там истинные боги начинают, скажем, терять их из виду. Их воздействие на эти формы становится косвенным. Это значит, что они используют для своего творчества «инструменты», всё более противостоящие им. Ими оказываются представления богов, персонафицированные отставшими существами 3-й Иерархии. И тогда обнаруживается, что замысел Бога при его осуществлении получает несколько иной вид.

Мы лучше поймем это, прибегнув к сравнению. Представим себе живописца. То, что вспыхивает в нем как замысел, не может быть осуществлено в совершенстве уже потому, что для его воплощения он пользуется материальными красками. Он борется с ними и частично преодолевает их, что выражается в эстетическом, духовном воздействии картины на зрителя. Рудольф Штайнер говорит, что побуждением к написанию «Сикстинской мадонны» Рафаэлю послужило переживание космической имажинации Рождества, встающей в ауре земли в дни Рождества*. Но сколь ни гениальна картина Рафаэля, она все же лишь тень той огромной сверхчувственной реальности. А с другой стороны, благодаря творению Рафаэля миллионы людей получают хоть какой-то доступ к тому, к чему иначе пути им закрыты.

Отличие замысла Бога от его осуществления, его ослабление дает существам те или иные степени свободы, немислимые пред Ликом Бога. В творении возникает жажда бытия, жажда сознания. Истинные боги идут этому навстречу. Но им нужны для этого представления, а представления сгущают субстанцию.

Человек поставлен в сферу самой плотной субстанции. Такова цена его представлений. И они также нужны Богу, естественно, если они истинные. А человек в своем земном бытии зажат между Люцифером и Ариманом. Во Христе может он обрести силу и знание правильно осуществлять себя одновременно и как замысел Божий, и как представление богов. Эта позиция требует постоянной активности,

*) Дополнительные фигуры, пририсованные в картине не Рафаэлем, к этой имажинации, естественно, не имеют никакого отношения.

бодрственности, знания. Покинуть ее человеку просто не дано, ибо вся его деятельность на земле организована в духе указанной троичности, и кто не идет средним путем, оказывается захваченным либо Люцифером, либо Ариманом.

Необыкновенно поучительный пример удержания себя на среднем пути Рудольф Штайнер дает, говоря о художественном творчестве человека: «На средней линии между ариманическим в архитектуре и пластике и люциферическим в поэзии и музыке располагается живопись. Это в некотором роде нейтральная область, но не такая, что в ней можно с удобствами расположиться, сказав себе: ну, хорошо, порисуем, ни Люциферу, ни Ариману сюда не войти! Нет, на этой-то средней линии мы и подавно находимся в таком положении, что с обеих сторон подступают люциферические и ариманические атаки, и нам в каждый миг необходимо им обеим противостоять. Так что в сфере живописи в высшей степени существует опасность подпасть влиянию того или другого. Средняя линия – это место, где между полярностями, между противоположностями в особенности должно быть установлено человеческой волей и человеческим деянием гармоничное выравнивание, уравнивание» (ИПН. 147, S 100f.). Так человек дает единство триаде Христа, Люцифера и Аримана, побеждая супостатов.

29. Что такое счастье?

Древние греки верхних богов называли аполлоническими, а нижних – хтоническими. Хтонические боги были очень трудно достижимы, путь миста к ним был особенно опасен. В Боге Аполлоне просматриваются многие черты грядущего Христа. Но, как и в случае Ауро-Маздао, Христово в этом образе сочетается с люциферическим.

Чтобы понять особенное значение для становления человеческого сознания именно обоих этих видов богов, нужно обратиться к вопросу о том, чем является представление в гносеологии Рудольфа Штайнера. В «Философии свободы» Рудольф Штайнер дает такое определение: «Представление является ... индивидуализированным понятием» (ИПН. 4, S. 107). Индивидуализирует их их восприимчивая часть.

Эдуард фон Гартман нашел, что «это необычное словоупотребление», если судить об этом с точки зрения, так сказать, чистой философии как науки об абстрактном. Однако и философствующий человек не способен полностью выйти из мира восприятий, ибо и понятия

он получает в восприятии, но во внутреннем, идеальном. Мир восприятия придает всеобщему понятию индивидуальный характер. Мы соединяем понятия с восприятиями и так строим мир *наших* представлений, которые лишь во вторую очередь могут стать — а могут и не стать — всеобщими. В нашем же внутреннем духовном мире и всеобщие понятия таким способом индивидуализируются. Мы воспринимаем как внешний мир, так и наш внутренний мир чувственных переживаний, а также и сами мысли. Мысля о воспринятых мыслях, мы возводим мир чистых, свободных от чувственности представлений, нечто, ведущее к сверхиндивидуальному.

Что-то подобное находим мы и в сущностном божественного мышления. Только боги впервые создают то, что мы просто застаем в мире. Весь мир окружающих нас объектов восприятия — это застывший мир былых представлений богов. Нижние боги выслали вонне верхних богов, существ 2-й Иерархии, для восприятия Идеи мира и через них, «со стороны», «глазами» Идеи мира увидели себя как подателей субстанции мира. Так возникли космические «индивидуализированные понятия» Идеи мира. Ими были существа 2-й Иерархии. И они потому, конечно, обособились от всеобщего Идеи. Возникло некое противостояние всеобщего и частного. И весь мир с тех пор находится в процессе воссоединения частного со всеобщим, в процессе восхождения ко всеединству при сохранении всего индивидуального.

Но вначале индивидуализированные понятия-существа в своем обращении к субстанции мира начали ее, так сказать, опредмечивать. Чистые представления нижних богов стали нисходить в формо-представления начавшего развиваться мира. Эти формо-представления люциферических богов и подступают теперь к нам: один раз — внешне, в восприятии, а другой раз — внутренне, как понятие, как идеальное восприятие. Но то, что теперь подступает к нам внешне, — это мир Аримана, а внутренне — мир Люцифера. Что было подлинным *внутренним* мира — это является в человеке люциферическим образом, а то, что составляло внешнее мира — люциферические боги, — это являет теперь себя ариманически. Ариман завесой майи закрыл от человека духовное внешней природы, мир, из которого приходит Аполлон, а Люцифер завесой низшей чувственности закрыл от человека его истинный макрокосмический праобраз.

Может статься, что выводы такого рода, например, что мир наших земных представлений не имеет в себе ничего от истинно божественного, производят на кого-то пугающее действие. Однако это просто факт, что своим дневным бодрственным сознанием мы обя-

заны действию на нас люциферических и ариманических богов. Поэтому кто-то и говорит, что природа — грех, а рассудок (ум) — дьявол. Но избавиться от них можно, лишь отказавшись от сознания.

Однако тут можно пойти и другим путем, которому учит Антропософия; можно от вторичного мира предметного сознания взойти к истинным богам, от низшего «я» подняться к Я высшему. Этого можно достичь, изменив, метаморфизировав форму сознания. То есть в этом случае мы отказываемся и от природы, и от рассудка, но диалектически: мы снимаем их в их бытии в чувственном мире, чтобы обрести их в мире сверхчувственном. Простое же бегство от них ведет к небытию.

Это огромная, всемирно-историческая задача; решая ее в ходе культурного процесса, человек оказывает глубокое и необходимое действие на эволюционный процесс мира. При ее решении нужно в первую очередь овладеть созерцающей силой суждения, т.е. восприимчивым мышлением. Такое, не рефлектированное мышление, покидая мир умерших представлений богов, входит в мир их реальной теперешней жизни. А жизнь миру дает Христос.

В таком случае разрываются обе завесы в «храме» человеческого существа, и одновременно и извне, и изнутри в человека входит не отрефлектированная, а живая Идея мира — Сам Бог. Однако такое не могло бы случиться, если бы не было уже существующей формы человека: «Христос мог воскреснуть во внутреннем только через воплощенного во плоти Логоса»*.

С вочеловечения Христа начинается фундаментальное, всестороннее выхождение человека из люциферически-ариманического мира его индивидуального, но низшего бытия, что влечет за собой также и освобождение его сложной телесности от пут материи. Основы для такого восхождения были заложены еще в зоне Солнца. Там Христос явил Себя как соединительное звено между люциферическими и истинными богами, создав сложную, лемнискатообразную форму мировых трансформаций, проходящих через Я-центры различного рода существ.

Два потока сил движутся навстречу друг другу в этих лемнискатах. Снизу идет поток субстанции. Он исходит от хтонических богов, и в нем, как мы уже видели, господствует Отчий принцип (см. ИПН. 318, S. 158ff.). Сверху идет поток творческих представлений нижних богов о своем явлении как субстанции мира. В узловых точках лемнискат, через Я-центры иного, третьего рода иерархических существ в оба

*) Рудольф Штайнер, лекция от 19 марта 1905 г. в Кёльне.

потока входит собственная жизнь. Так Христос пронизывает целое эволюции. Его действием обособление люциферических существ от всеобщности мира превращается в соединение с нею через всё большее возвышение Я. Мировую субстанцию, ее формы действие Христа будет всё больше избавлять от материализации. Во Христе, через Его Иерархии происходит *соединение мирового Атма с мировым Манасом в единство мирового, Христова Буддхи.*

Но таково высшее развитие; ему же предшествует низшее. Соединению предшествует разделение, в котором добру противостоит зло. «Мы можем это понять, — говорит Рудольф Штайнер, — из звучия жизни и формы. Благодаря чему жизнь становится формой? Благодаря тому, что она встречает сопротивление и не один раз, не в *одном* облике приводит себя к выражению. Обратите однажды внимание на то, как жизнь в растении, например в лилии, поспешает от одной формы к другой.

Жизнь лилии построила, сформировала форму лилии. Когда этой форме придан облик, жизнь форму преодолевает, переходит в зародыш, чтобы позже как та же самая жизнь быть вновь рожденной в новой форме. Так шествует жизнь от формы к форме. Сама жизнь бесформенна и в самой себе не могла бы изживать себя воспринимаемым образом (почему и потребовался свет и люциферические боги. — *Авт.*)». Жизнь шествует от лилии к лилии — везде одна и та же жизнь, безграничная по своей сути. «Что она является в ограниченной форме — это вызывается помехой, *препятствием*, встающим на пути всеобщей текущей жизни. ... Именно из того, что *отстало*, что жизни, стоящей на более высокой ступени, является как оковы, именно из этого в великом Космосе вырастает форма» (ИПН. 93, 11.11.1904).

Субстанция, как мы помним, также бессамостна и всеобща. Что сводит ее в форму — это как раз люциферически обособленная Идея мира, частная идея. Сама по себе Идея мира также бессамостна. И если бы не возникло отставания, обособления, то Субстанция, Жизнь и Идея как откровения трех Ипостасей Бога текли бы сквозь друг друга, нигде не соприкасаясь.

Всем этим трем эманациям Отчей Основы мира присуща безграничность их интенций. Но когда навстречу их готовности отдавать себя выступают существа, готовые даруемое им принимать, то в них это не может выражаться безгранично. Этого не позволяют уровни их сознаний. Они берут часть и начинают сомыслить с абсолютным, но в меру своих возможностей, что и оказывается их собственным мышлением, которым творится их форма сознания. Через эти фор-

мы начинает течь жизнь мира. Она преодолевает одну форму и вновь рождается в другой. Так макрокосмическое Я Христа вызывает у Иерархий по преимуществу приверженных Ему существ ступенеобразное восхождение их Я.

Но жизнь мира течет ко всем формам бытия, не только к формам Я. И движение форм сначала оказывается нисходящим в силу многих уже изложенных причин. О действующей при этом закономерности Рудольф Штайнер говорит следующее: «Что такое человеческая жизнь? Манасическое оплодотворение является сегодня внутренней жизнью человека, насажденной в нем еще в середине Лемурийской эпохи. Форма же – это то, что семеобразно перешло из лунной эпохи. Тогда, во время Луны (зона) происходило кама-развитие жизни человека; теперь оно является оболочкой, формой. Всегда жизнь предшествующей эпохи является формой настоящей эпохи. В созвучии формы и жизни одновременно дана и еще одна проблема: добра и зла; благодаря тому, что добро прошедшего времени соединяется с добром нового времени. А это, по сути говоря, есть не что иное, как созвучие идущего вперед с торможением им самого себя. Это в то же время является возможностью материальных явлений, возможностью прийти к открывшемуся существованию. Это наше человеческое существование внутри материально-твердой земли: внутренняя жизнь и отставшая жизнь прежнего времени, уплотневшая до препятствующей (развитию) формы» (Ibid., S. 75)*.

Так человек, задуманный богами в совершенном добре и для добра, стал со временем источником зла в мире. Его индивидуализация начала совершаться не просто даже как проявление частной идеи, а как противостояние интеллигибельному миру вообще, как отрицание его, не являющееся его диалектическим снятием. Этим и была обусловлена необходимость человеку быть изгнанным из мира духа и во всё свое многочисленное существо внести «изъян» такого радикальнейшего обособления от духа. Это изъян был на земле внесен в силы наследственности, стал наследственным грехом и одновременно творцом земного я-сознания. И это последнее нужно теперь перевести на путь восхождения, воссоединения со всеобщим Духом мира.

Да, горек первый опыт человеческого самопознания, когда открывается, что *в непосредственности своего земного бытия мы полностью состоим из соединения люциферического с ариманическим*. Оттого и нет предела злу, какое может исходить от человека. Однако

*) Таково, заключает Рудольф Штайнер, и учение манихеизма о природе зла.

суть человека добрая. Ее нужно только суметь поставить в нем на ее место, и тогда безграничное добро станет исходить от него. Ради этого великого преобразования человеческого существа Бог и стал Человеком.

Да, нам нужно всё вновь и вновь разъяснять себе, что становление — это великая космическая Мистерия-Драма (а не доктрина специального научного направления) и мы суть действующие в ней лица. Роли, уделенные в ней нам, очень значительны. И если мы их «играем» плохо, то от этого наше будущее становится безысходным, от этого страдает вся Вселенная. Однако мысль эта совершенно теряет свое удручающее действие, как только мы поймем, что мы не оставлены на произвол судьбы, что великие силы мирового добра, любви участвуют вместе с нами в совершении этой Мистерии-Драмы, что в ней к нам склоняется Сам Бог и желает стать в нас нашим *внутренним содержанием*, которое тогда приходит в макрокосмическую связь с содержанием всего мира. Благодаря таким мыслям мировая Мистерия-Драма становится для нас *героической и оптимистической*. И тогда участие в ней приносит лишь чистую неиссякаемую радость, наполняет жизнь подлинным высшим содержанием, подлинным счастьем. Ибо счастье — это не некое пребывание в сладостном неизменном, а великое творческое осуществление себя в окружении благосклонно взирающих на нас богов. И к такому счастью дано прийти каждому человеку в любом жизненном положении.

30. Триада Бога и триада супостата

Иерархическим существам необходимо, как и человеку, развиваться. Они развиваются чисто духовно, силой своего воле-мышления, в котором их представления состоят из других существ и своим следствием имеют возникновение миров. Когда эти миры возникают, то они тоже входят в представления высших существ.

Формирование божественных представлений в нашем цикле эволюции носит своеобразный характер в силу их связи с эволюцией нисхождения. Представления богов постоянно движутся вперед, но результаты их действий, обретая форму, начинают отставать от них и терять свою высоту, выпадать из всеобщего движения духа, принимать частный характер. Чистая Идея мира персонифицирует себя в сознаниях Иерархий и в них дифференцируется, что влечет за собой дифференциацию всеобщей субстанции. Безграничное расширение

в сфере одних Иерархий метаморфозируется при переходе в сферу других, поскольку сознание у них разной силы. При этом процесс формообразования следует отличать от процесса деятельного мышления Иерархий. Это последнее имеет характер некоего рода пульсации. Оно ритмически сужается, нисходя через ряды Иерархий, и снова расширяется, и в этом процессе формы субстанции, словно бы передаваемые из «рук» одного сознания в «руки» другого, оплотневают и в конце концов даже переходят на чувственную сторону бытия.

Рудолф Штайнер, разъясняя этот процесс, приводит в одной из лекций рисунок, который мы здесь воспроизводим. И он говорит по поводу его следующее: круг, который мы здесь рисуем, становится всё больше и, наконец, «мы получаем прямую линию. Здесь у нас часть круга, она идет дальше, но когда уходит в бесконечность, то назад возвращается с другой стороны. Это означает, что отношение, представленное нижними и верхними богами, не следует понимать как ранговый порядок, а лишь как разного рода их приближение к человеку. Но сами они взаимодействуют между собой как существа одного ранга и в удаленной в бесконечность точке должны мыслиться как стремящиеся к единству» (ИПН. 318, S. 157).

В бесконечности прошлого, т.е. до времени, Иерархии были единством, а теперь стремятся к единству после времени. Это единство в цикле представляет Христос, Который ведет эволюцию к Отчей Основе мира, к наивысшему единству.

Но в эволюции нисхождения точка схождения Иерархий в единство стала точкой ничто. Попробуем развить дальше рисунок Рудольфа Штайнера, чтобы показать движение жизни представлений нижних богов при ее приближении к человеку (рис. 30).

Из рисунка мы видим, что возможность безграничного расширения у люциферических существ становится тем меньше, чем ближе они стоят к человеку, т.е. чем ниже их Иерархия. Им становится всё труднее простираться вверх, и всё более они вынуждены простираться вниз, в сторону материального бытия, где несомый ими свет становится физическим, а мудрость — абстрактной.

Существа ариманические, а в особенности азурические, постепенно вообще утрачивают возможность простираться в сторону высшего единства и заходят в тупик эгоизма и непременно безграничного сжатия в точку ничто. Поэтому и следует говорить о них как о существах, испытывающих огромное страдание, переходящее в ярость уничтожения.

На рисунке мы видим мировой процесс целиком заключенным

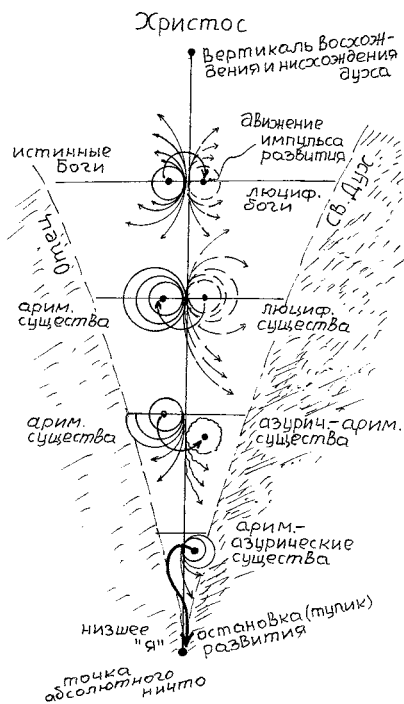

Рис. 30

внутри трех Ипостасей Бога. Словно творящие руки Отчей Основы мира пронизывают они его и в самом низу сходятся вместе. Эти творящие «руки» пользуются в своей работе инструментами. Их образуют люциферические и ариманические существа. С их помощью Бог довел Свой замысел до его материального воплощения, действуя так, что принцип отношения стал принципом отражения, а этот последний — принципом отрицания.

Всё это приняло вид единой всеобщей мировой лемнискаты, в которой узловой точкой стал переход сверхчувственной вселенной в ее физически-чувственное отражение. Минимальным выражением этой мировой лемнискаты является теоретико-познавательная лемниската, в соответствии с которой совершается метаморфоза формы

человеческого сознания. В ее узловой точке соприкасаются «я» низшее и Я высшее. После события Вознесения Сам Христос в этой точке встречает человека, восходящего к высшему сознанию, встречает как Великий Страж Порога.

Своим нисхождением на Землю Христос поставил Себя в нижнюю точку схождения Ипостасей и тем самым внес высшее сознание в сферу отражения Вселенной, сделал точку ничто точкой высшего единства. Теперь оно осуществляется там в Я-людях земного плана, которые зло материализма, отпадения от Бога претворяют в добро воссоединения с Ним.

Это также можно пояснить графически (рис. 31). Иерархии истинных богов имеют между собой различия благодаря преимущественной ориентированности на ту или иную из Ипостасей Бога. Через них эволюции открывается высший «золотой» треугольник Божественной Триады.

С началом эволюции этот треугольник обращается вершиной на две стороны: и вверх, и вниз. Так полагается всеобщая лемниската мира, только на том высоком ее уровне ее узловая точка оказывается

разложенной в круг Вселенной, в структурный круг мира, несомый Серафимами.*

В нижней части треугольника, обращенного вершиной вниз, постепенно слагается треугольник, образующий антипод «золотому треугольнику». Это треугольник отставших существ 3-й Иерархии. Их отставание носит качественно иной характер, чем отставание существ 2-й и 1-й Иерархий. Это обусловлено тем, что свое Я, свой четвертый принцип они в прошлых эонах могли, как говорит Рудольф Штайнер, «развить лишь в предчувствии», поскольку тогда Христос еще не привел в действие Свое макрокосмическое Я (см. ИПН. 130, 28.11.1911).

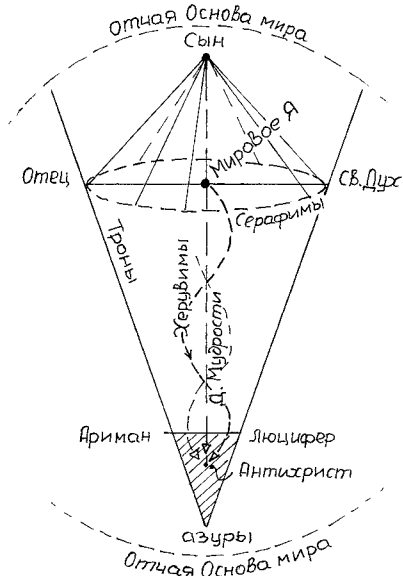

Рис. 31

Тогда действовали макрокосмические принципы Тронов, Херувимов и Серафимов, а также Духов Мудрости и Духов Движения (первый, второй, третий, пятый, шестой, седьмой), которыми была сотворена трехчленная телесность человека. Христос действует в эволюции силой четвертого принципа, который несет существам Я. Он вызывает воскресение физического тела силой четвертого принципа, силой мирового Я. Знание об этом дает людям новая мудрость Св. Духа, которую Христос посылает им после Своего Пришествия на Землю, после внесения четвертого принципа в человека.

У людей, как и у существ 3-й Иерархии, Я сначала вырабатывается предварительно. И в него, в таком его предварительном состоянии нужно принять новую весть о Христе, а затем, совершив метаморфозу формы сознания, изменив форму восприятия и постижения мира, принять Я Христа в духе «не «Я» (даже высшее, но эволюционное), а Христос (т.е. даруемое Им макрокосмическое Я) во мне.»

В этой работе человеку не в состоянии помочь даже правомерные существа 3-й Иерархии. Тут мы имеем нечто особенно сокровенное, в котором находятся в отношении только Христос и человек. А отставшие существа 3-й Иерархии побуждают человека вообще обхо-

*) Это всё темы 1-го и 2-го томов.

даться без высшего «Я» и без него овладеть с их помощью Манасом и даже Буддхи и Атма.

Об этом знают некоторые люди, находящиеся в центрах темно-магического посвящения. Они совершенно *убеждены* в том, что Антихрист сильнее Христа, поскольку может дать человеку 5-й, 6-й, принципы, а Христос — только 4-й.

Эти центры (они особенно активно действуют в политической жизни мира), несомненно, колоссально деструктивны, но важно при этом знать, что дело там идет не о тривиальной склонности ко злу, не о наивном заблуждении, а об искаженной высшей мудрости.

Повсюду отставшие существа 3-й Иерархии остаются без базового для любых существ Я-центра, без Я человеческой ступени, обращенного к макрокосмическому Я Христа. Но в них при этом сказывается космическая мощь трех высших, но действующих искаженно принципов.

Христос, соединяясь с земным планом, с четвертым зоном, чтобы сделать его в эволюции поворотным и три тела человека повести к претворению в три высших духа, действуя при этом через всё возрастающую индивидуализацию человека, — Христос поставил Себя в положение между Ариманом и Люцифером, а снизу Ему противостоят их соединенная мощь, персонифицированная азурами и Зоратом.

В Новом Завете говорится о том, что в страстную субботу Христос низошел «во ад». На языке Духовной науки это означает, что Он низошел в точку единства нижнего треугольника (см. рис. 31). Единство это мнимое, поскольку подлинное единство образует только Я Христа. И Христос установил там Свое единство, отразив атаку азуров. Но это сделано, так сказать, предварительно, ибо борьба эта идет в человеке. В Апокалипсисе о ней говорится как о борьбе Христа со «зверем из бездны». В страстную субботу Христос его парализовал на определенное время.

Рудольф Штайнер говорит, что об азурах (а-зурах, не-богах) было известно с древнейших времен в индийской эзотерической традиции. Там их называли «ракшасами», имея в виду получеловеческих существ, потомков падших Ангелов (см. ИПН. 93, S. 303). Это деятельные, активные соблазнительные существа. «Они воздействовали на человеческие страсти до того момента времени, когда в Иисуса из Назарета был воплощен Христос и одно человеческое тело обрело в себе принцип Буддхи на земле», — так говорит Рудольф Штайнер и продолжает: «Вы можете верить этому или нет, но это имеет космическое значение, значение, выходящее далеко за пределы земного плана. И не напрасно Библия выражает это так: Христос низошел в

преддверие ада. — Там уже не было человеческих существ, и Он имел там дело с (иными) духовными существами. В результате этого существа ракшасов впали в состояние надломленности, летаргии. Они удерживаются как бы в узде, так что остаются неподвижными. Это стало возможным благодаря тому, что им было оказано противодействие с двух сторон. И сделать этого не удалось бы, если бы Иисус из Назарета не соединил в себе две природы: с одной стороны, природу старого ученика оккультизма (чела), полностью связанного с физическим планом и способного действовать на физическом плане и собственной силой удерживать его в равновесии, а с другой стороны — Самого Христа, чисто духовного Существа. Это космическая проблема, лежащая в основе Христианства. Нечто произошло тогда в оккультной сфере, был скован враг человеческий, что получило свой отзвук в саге об Антихристе, который был скован, но явится снова, если христианский принцип не противопоставит ему снова в своей изначальности» (Ibid., 10.6.1904).

Роль средневекового оккультизма, продолжает Рудольф Штайнер, сводились к тому, чтобы не дать азурам вновь стать деятельными*. И те, кто способен видеть высший план, уже давно предсказывали, что азуры всё-таки явятся, они придут в действие на переходе от XIX к XX столетию.

Мы, таким образом, являемся свидетелями нового пробуждения азуров, и следствием этого можно считать все ужасы XX века. Но как бы плохо это ни отражалось на людях, азуры не могут вечно оставаться в латентном состоянии, поскольку им тоже нужно развиваться, преодолевать свое отставание, в силу которого они творят зло. Только людям при этом нужно вести себя по-другому, быть несравненно бодрственнее, чем они были в прошлом веке и остаются в веке текущем.

Азуры были временно парализованы, чтобы человеку дать время укрепиться в Я-сознании, научиться понимать мир и себя, а главное — стать на путь осуществления принципа «Не я, но Христос во мне». Тогда он становится, подобно Иисусу из Назарета, помощником Христа в борьбе с Его антиподом, с Антихристом, которого на этот раз нужно не парализовать, а начать *метаморфозировать*.

Но враг этот могучий и очень опасный. Он делает людей одержимыми собой, и если описать все проявления этой одержимости,

*) Об этом событии Рудольф Штайнер говорит еще следующее: «Возникло нечто космическое. — Та сила напряжения, та энергия *положения* не должна переходить в энергию *деятельности*. Таков принцип борьбы Христа против Антихриста» (Ibid., S. 303).

то наш современник разведет руками и скажет: так ведь это всё, чем живут теперь люди! Да, живут, потому и стало аксиомой, что цивилизация находится в системном кризисе и вот-вот впадет во всеобщий хаос. Ибо что это такое, что действительно наполнило жизнь если и не всех, то подавляющего числа людей как потребность периодически предаваться взрывам бессмысленных страстей на футбольных полях, как некоего рода наркозависимость от рок-не-музыки, пронизанной самой низкой, темной магией, как культивирование физического тела, делающее человека неспособным к восприятию духовного, сексуальная распущенность и разнузданность и многое, многое другое? Всем этим как очень эффективным инструментом достижения своих целей пользуются отставшие Духи Личности, всё более и более захватывая человеческое Я. А господствующие материалистические представления надежно маскируют их деятельность.

Но какой бы ужасный вид ни приобрел современный распад культуры, нужно понять, что он также возник в силу всемирно-исторической необходимости, как следствие обретения нами земного самосознания. Но теперь главное состоит в том, чтобы из сложившегося кризиса выбираться. И как бросанием чернильниц в черта (Лютер), так и утверждениями, что его не существует, ничего положительного добиться нельзя.

У Нострадамуса есть предсказание, что в конце XIX в. из Азии придет «брат Гермеса». Рудольф Штайнер, признававший объективность предсказаний Нострадамуса, говорит, что под этим следует понимать выступление Е.П. Блаватской и основание Теософского Общества. В нем Рудольф Штанер начал давать учение Антропософии, развив постепенно самостоятельное Антропософское Движение.

Антропософия является той рукой божественной помощи, которая протянута человечеству в борьбе с врагом его главного достоинства, Я-сознания, эволюционно развившегося для того, чтобы в человека мог входить Импульс Христа, несущий ему высшее макрокосмическое Я как Я-Жизнедух. Овладевая им, человек становится ключевым звеном в метаморфозе, возводящей семичленность нашего цикла к октаве.

Христос в человеке и вместе с человеком ведет борьбу за так называемую *восьмую сферу* бытия, за приведение космического образования, состоящего из Земли и Луны, в неразрывную связь с Солнцем. Через выработку духовнонаучных знаний мы должны подготовить себя к этой борьбе. Ибо если мы не участвуем в ней, то азуры отрывают эту восьмую сферу от солнечной эволюции и соединяют ее с лунной эволюцией, где нисхождение не ведет к восхождению.

Истины такого рода должны будить в нас не страх, а чувство ответственности, активность, рождать подлинное отношение ко Христу, Который с нами до скончания земных и не только земных времен.

31. Пасторская медицина

Проникновение в тайну противостояния добра и зла ни в малейшей степени не ведет к недооценке, умалению зла. Напротив, мировое зло встает перед нами даже в еще более грозном облике, чем это представляет себе тривиальное сознание. Но познание его способно снять страх перед ним. Если человеку, чтобы достичь определенной цели, нужно пройти через какое-то темное и опасное пространство, то, обзаведясь фонарем и оружием, он сделает это более успешно, чем пребывая во мраке неведения о том, что и откуда ему угрожает.

А кроме того, мы познаем сверхчувственную глубину, силу и миссию добра в мире. Нам становятся понятными объективные законы мира, приводя себя в соответствие с которыми, человек может развиваться успешно и без риска. Зло содержится не в них самих, а в том произвольном, аномальном выражении, которое им дает в себе человек.

У духов зла нет прямого намерения погубить человека. Он является для них просто инструментом, с помощью которого, а также за счет которого они надеются нагнать упущенное. При этом, противостоя Иерархиям нормального развития, они преследуют цель дать эволюции мира совсем иное направление, где человеку с его Я-сознанием просто нет места.

Человек является ареной борьбы отставших духов с богами. И он является ее деятельным участником, поэтому он не должен просто отдаваться жизни. Все элементы, феномены даже его повседневной жизни таят в себе большой макрокосмический смысл. И потому необходима определенная гигиена души, чтобы не ставить себя в этой борьбе бессмысленно под удар. Тут действует принцип: в чистом помещении вредные насекомые не заводятся.

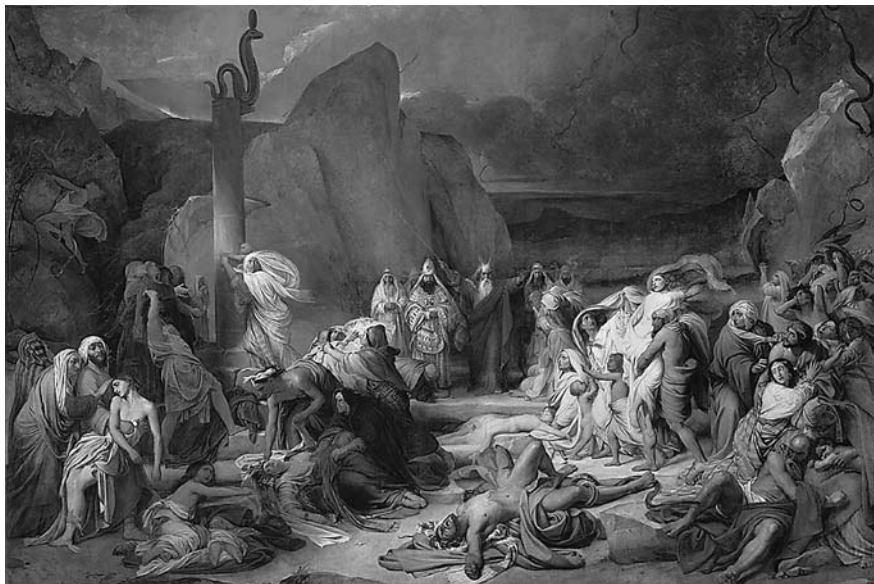
Это нужно всегда помнить, ища виновников наших неудач и страданий. В конце концов, это лишь личное дело человека, когда он определенным законам душевной, духовной, а также и физической жизни дает действовать разрушительно. Свои эгоизм, злобу, зависть, ненависть человек может как наращивать, так и искоренять. Поэтому когда мы страдаем от деградации, то виноваты в этом в конечном счете мы сами.

Непонимание того, почему мы страдаем, часто возникает по той причине, что истоки страдания мы породили в предыдущей земной жизни, а теперь имеем дело лишь со следствиями тех наших оплошностей. Помочь тут может учение Антропософии о реинкарнации и карме. В нем разъясняются как общие принципы, так и реальное выражение трансформаций добра во зло, зла в добро, одного зла в другое, еще большее зло и т.д. Они свершаются как в малых, так и в больших временных измерениях. Познавая их, мы всё отчетливее начинаем видеть всеобщую картину мира, а в ней — как проявляющееся в нас зло с иной точки зрения оказывается добром и наоборот.

Непосредственно на земном плане подступающий к нам в Иерархии падших Ангелов Люцифер — это дьявол, а подступающий в Иерархии падших Архангелов Ариман — это сатана. — Ужасные слова, заставляющие нас, когда мы их слышим, вздрагивать. И не без причины. Опыт тысячелетних блужданий человека в духовных потемках неопровержимо показал ему, что имеются метафизические силы, способные лишить его всякой человечности. Но религии, также утратившие понимание духовной реальности, помочь ему не способны. Они не могут реально научить его правильно претворять зло в добро. Насаждая в людях представления о войне с дьяволом, о «солдатах» и «генералах» Иисуса и т.д., они лишь передают человека из рук одного супостата в руки другого, из рук Аримана в руки Люцифера. А всякого рода марксистские и т.п. «заморочки» производят эту работу в обратном направлении.

Примеры тут можно приводить тысячами, и порой они просто фатальные. Вспомним хотя бы случай, о котором у нас уже шла речь, о том, какой смысл в Библии имеет употребление слова «змей», и сравним это с картиной классициста в русской живописи Ф.А. Бруни «Медный змий», отражающей церковную точку зрения в этом вопросе. А ведь имеются такие слова Христа: «И как Моисей вознес змею в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому. Дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 14—15)*. Религиозному фанатику тут как раз впору лишиться всякой веры. Но подлинный смысл этих слов заключается в том, что Христос использует образ змеи как древний символ мудрости, чтобы показать, что доступ к Нему открывается через познание. В другом месте в Евангелии об этом же сказано другими словами: «Когда же придет

*) Почему бы переводчику Библии на русский язык и тут вместо слова «змея» не поставить, как он это делает в других местах, слово «ехидна». И что бы тогда тут зазвучало для нас?

Ф.А. Бруни. Медный змий. 1841

Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины. ... Он прославит (т.е. «вознесет» — *Авт.*) Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам» (Ин. 15, 26; 16, 14).

Ныне откровением этого Духа Истины является Антропософия. Изучая ее, мы получаем великое утешение в нашем нынешнем положении, когда Дух «во тьму светит», а тьма его не постигает. Тьма заблудившегося познания под действием Духовной науки рассеивается, а с нею — и страх перед судьбой, перед испытаниями жизни, которые, если их смысл понимают, необыкновенно быстро развивают человека, а если нет, то вызывают тьму хаоса. Его не преодолеть, пока у достаточно большого числа людей не выработается всеобъемлющий взгляд на развитие мира и человечества, пока они не придут к *пониманию* того, на каком незыблемом основании покоится их вера, к пониманию того, почему, в каком смысле Христос является нашим единым Богом.

Основание христианской веры — это скала, но не в смысле неизменного, мертвого, как минерал, образования. Напротив, вся она пребывает в непрерывном движении. Ее подвижность состоит в овладении всё новым знанием и постоянном возвышении, облагорожении души. Для этого человеку нужно уметь держать в равновесии и взаимно погашать люциферические и ариманические воздействия на

себя. Именно к этому вызывает Христос, как великий прообраз человека стоя в этой особой троичности: между Люцифером и Ариманом.

Нужно понять одну трудную истину, а именно, что *весь мир ставшего состоит из люциферического и ариманического элементов*. Его христианизация возможна лишь при его *снятии*, и при вполне определенном снятии, ведущем к *становлению*. Таким образом, *судьба мира определяется характером его становления*. Люциферические и ариманические импульсы мощно вмешиваются в становление, поэтому всегда необходим третий импульс, способный их снимать продуктивным для развития образом, *которое при их отсутствии само по себе оказалось бы невозможным*. Для развития в нашем цикле необходимы ритмические материализации и одухотворения.

Ариманическое и люциферическое продуктивно снимаются в актах художественного творчества, поэтому *искусство* должно пронизывать все сферы человеческой деятельности. И наука, и религия, лишенные художественного творческого элемента, рискуют быть бесплодными для человека.

Если это не понятно само по себе, то представим на миг, чем является, скажем, картина талантливого художника. Как данность материального мира, она состоит из веществ, т.е. из ариманического. Эти вещества определенным образом соединяет замысел художника. По своей изначальной сущности он люциферичен. Он преодолевает ариманически-материальное, но также и консервативное в форме художественного произведения, снимает его. При этом художник должен уметь снять и абстрактное замысла. Тогда картина рождает нечто третье: эстетическое, духовное. В эстетических переживаниях людей происходит одухотворение материи. Но оно может идти в сторону Люцифера. Эстетическое в произведении искусства должно вызывать также религиозное переживание, но не просто религиозным сюжетом — это рассудочность и идеология; религиозное создается силой художественного гения, когда художнику при исполнении им своего замысла удалось взаимно нейтрализовать люциферическое и ариманическое.

Тогда произведение искусства рождает переживание глубокой гармонии, равновесия, которые сопровождают явление Христа в человеческой душе и творят в ней скалу веры.

Так совершается христианизация искусства; оно становится отблеском христианизации Мироздания, состоящей в том, что Христос проявляется в нем как единство трех Ипостасей, две из которых, как мы видели, в своем мировом творчестве допускают действие люциферических и ариманических сил.

В соответствии с этим происходит сложная специализация деятельности Иерархий. В одном смысле 1-я Иерархия считается Иерархией Бога-Отца, 2-я — Бога-Сына, 3-я — Бога-Св. Духа. В другом, скажем более непосредственно практическом (а первый случай отнесем ко всеобщему плану мира), смысле ряды всех трех Иерархий разделяются в

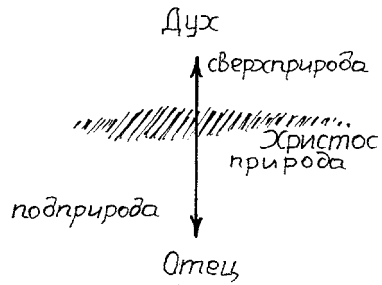

Рис. 32

их служении Отчему началу, началу Св. Духа и в служении Христу. Тогда собственно Христовыми следует рассматривать Херувимов, Духов Мудрости и Архангелов. Но опять-таки и этот принцип не есть нечто раз и навсегда утвержденное. В действительной эволюции имеет место обращение всех существ Иерархий на служение Христу. Тогда и возникает поток эволюции как синтез нового за счет снятия деятельности Отчего принципа и принципа Духа. Они, попросту говоря, творят для того, чтобы Христу и Его Иерархиям было что снимать при столкновении между собой противоположностей. И в этом духе действовали Духи Мудрости в зоне Солнца, часть Ангелов в зоне Луны, Духи Формы в зоне Земли. Так совершается христианизация мира, т.е. приход его к своему подлинному облику как прекрасному творению Бога и Его служителей. В Библии этот факт подчеркнут многократно: после каждого «дня творения» сказано: «И увидел Бог, что это хорошо»; а в седьмой раз подведен еще и общий итог: «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. гл. 1).

Когда в процессе осуществления общего плана эволюции началось образование 4-го состояния жизни зона Земли, то в потоке действия Отчего принципа ариманический ряд Иерархий привел в 4-й глобе (в которой теперь находится мир) к возникновению физически-материального состояния. Но за существующими ныне, чувственно воспринимаемыми царствами природы открывается сознанию высокого посвященного мир нижних, хтонических богов и даже Сама Ипостась Бога-Отца.

В том, что духовно открывается над природой, в сверхприроде, является мир люциферических богов, а за ним — Ипостась Св. Духа. Посередине в этой картине мира поставил Себя Христос. Он пронизал Собой три царства природы и царство человека (рис. 32).

Такова современная констелляция мира, и, как таковая, она является всеопределяющей и в делах человека. В ней сошлись прошлое, настоящее и будущее мира, и от того, насколько будет это познано че-

ловеком, зависит развитие всего его царства, а вслед за тем — и царств природы. Конstellляция эта настолько реальна, настолько конкретна, действенна, что всякое ее искаженное влияние на человека вызывает в нем разного рода патологии. Рудольф Штайнер дает им пространственные разъяснения, которые являются поистине сокровищем для новой медицины, опирающейся на Духовную науку. Мы приведем в качестве примера лишь одно из таких его сообщений, имеющее непосредственное отношение к нашим рассуждениям.

Рудольф Штайнер говорит: «...человек в своей земной организации может быть вырван из природы в двух направлениях: в направлении подприроды, к Отцу, и в направлении сверхприроды, к Духу. А Христос после Мистерии Голгофы, как Посредник обоих миров, как пронизыватель природного бытия духом, как пронизыватель духом нормального человеческого бытия, постоянно вызывает гармонию между подприродой и сверхприродой. Подприрода при нормальном протекании (у человека) процессов сна и бодрствования всё вновь выравнивается (в ее действии на человека. — *Авт.*). Сверхприрода выравнивается в тех созерцаниях, которые всегда содержат в себе возможность вернуться по собственному произволу в нормальную человеческую жизнь*.

Если человек при пробуждении не в состоянии то, что он пережил в подприроде, уравновесить (компенсировать), то приходят болезни, возникающие в физическом и эфирном телах. Если человек не в состоянии то, что он, созерцая, может пережить в сферах духа, внести в полное бодрственное сознание, в естественное протекание его земной жизни, то приходят душевные и духовные болезни. Так выступает другой полюс» (ИПН. 318, S. 159).

Оба вида болезней ведут к выравниванию нарушенного процесса взаимного погашения ариманических и люциферических импульсов. Но для этого болезни нужно врачевать. И врачевание это должно основываться на усилении действия Импульса Христа в человеке, т.е. на восстановлении Им отношения человека к принципам Отца и Св. Духа. Болезни органов в этом случае исцеляются действиями, совершающимися в духе «Из Бога рождается». В духе принципа «Со Св. Духом воскресаем» исцеляются психические болезни. Такую медицину Рудольф Штайнер назвал «пасторской» (в смысле ее религиозного характера). В ней религиозное начало соединяется с научным, чисто медицинским, и как совсем новое направление используется в

*) То есть имеются в виду сверхчувственные созерцания, при которых астральное тело и Я частично выделяются из физического и эфирного тел.

качестве терапии работа с искусствами. Таков антропософский комплексный метод борьбы со злом болезни, когда процесс исцеления одновременно означает и восстановление космического равновесия, возвращение добра на его истинное место.

32. «Представитель Человечества»

Действие Ипостаси Сына, переходящее в действие Христа, и всех Иерархий вертикали развития всегда свободны от люциферического и ариманического. *Так, действуя в Импульсе Христа, боги-служители всех трех Ипостасей являют свой истинный лик, являют его в Христовом действии.*

Поскольку действие это привело Христа в положение между Люцифером и Ариманом, то в нем следует искать и откровение подлинных богов, не замутненное никакими искажениями.

В положении между Люцифером и Ариманом Христос пребывает как Сын Человеческий, в Его связи с человеком. И потому это не может не интересовать человека. Он должен даже страстно желать это познать, чтобы не скитаться в потемках в деле своего великого освобождения от всякой обусловленности земным, будь то тяжестью, пространством и временем, наследственным грехом и др. Из такого познания можно получить руководство к любой повседневной деятельности как ведущей к высшему духу.

Этому знанию Рудольф Штайнер дал разное выражение, в том числе и художественное. Он создал в дереве скульптурную композицию, которую принято называть «Представитель Человечества»*. В композиции чисто художественными средствами выражено это положение Импульса Христа между люциферическим и ариманическим принципами.

К этому совершенно уникальному произведению искусства довольно сложно найти правильное отношение. Оно создано в соответствии с принципами новой эстетики, которые развил Рудольф Штайнер и в соответствии с которыми творил сам. Ее переживание современным людям еще нужно воспитать в себе. Специально их излагать — не входит в замысел нашей книги. Это обширная, сложная область антропософского искусствоведения. Мы лишь коснемся ее, поскольку эта скульптурная композиция имеет самое прямое отно-

*) Композиция имеет в высоту девять метров. Она находится в отдельном помещении во втором Гётеануме в Дорнахе. В книге даны ее фотографии.

шение к теме нашего исследования, и не как иллюстрация, а как, в известном смысле, его увенчание. Этот феномен искусства, в первую очередь, конечно, дан для переживаний чувств, и в то же время, в нем органично сплелись религиозное и научное начала.

Как у Рафаэля темой «Сикстинской мадонны» послужило его переживание рождественской имагинации, так темой для этой композиции, или «Группы», как ее принято называть, послужило переживание Рудольфом Штайнером пасхальной имагинации. Только у него, в отличие от Рафаэля, это переживание было совершенно сознательным, соединенным со сверхчувственным познанием всех его истоков. При этом, как и в случае Рафаэля, мы имеем здесь дело не с «зарисовкой» некоего видения, а с полноценным художественным произведением.

Четыре великие космические имагинации, возникающие в ауре Земли перед четырьмя великими христианскими праздниками, представляют собой образы мышления Космоса о Земле. Это мышление является для земных людей источником их религиозной, художественной, научной жизни. Но соединить эту троичность в каждом из ее элементов удастся очень немногим. Особенно преуспел в этом Гёте, к интересным результатам пришел Леонардо да Винчи. Скульптурная группа Рудольфа Штайнера представляет собой в этом смысле нечто совершенно исключительное. Ее можно назвать данным чувственному восприятию прафеноменом всего эволюционного цикла в преломлении через земной эон. Это художественный образ, в котором дух, как говорится, можно потрогать руками. В нем есть некое подобие Изиде древних египтян: мировой тайне, которую в древности нельзя было являть миру без покровов. Люди были незрелы для ее восприятия. Современное человечество дозрело до необходимой высоты самосознания, чтобы открыто созерцать «Новую Изиду», хотя это вовсе не означает, что она мировую тайну тотчас же раскрывает всякому, кто видит ее. Нет, для этого нужно много работать, много познавать и воспитывать в себе новый художественный вкус.

В пасхальной имагинации, говорит Рудольф Штайнер, ясновидящий может переживать Христа, Который «утверждается внизу на ариманической власти, а сверху над Ним парит Люцифер» (ИПН. 223, 7.10.1923). Живописный эскиз Рудольфа Штайнера на эту тему (см. цветное фото), воплощенный в скульптурной группе, стал также центральным мотивом живописи малого купола первого Гётеанума. Под ним в специальной нише и должна была стоять «Группа».

Приходящие «смотреть» «Группу» часто совершают ошибку, пытаясь ее толковать символически. В ее центральной фигуре, говорят

они, изображен Христос, и затем пытаются под эту мысль подвести свои чувства. Чувства же в этом случае чаще всего оказываются еще не развитыми для таких, совершенно новых, художественных восприятий. А тогда именно художественного переживания и не происходит. Человек остается с символами, пытаясь наполнить их оккультным знанием и даже религиозным чувством. На самом же деле всё это должно рождаться здесь из художественного переживания. Оно должно приподнять человека над чувственной реальностью этого произведения и соединить с его божественным одеянием. Так должно совершаться снятие покровов с этой «Новой Изиды». Ее чувственная реальность являет себя как дух, поднимая созерцающего ее в сферу божественного. Рудольф Штайнер говорит: «Мы соединим наилучшее понятие со словом «красота», если будем придерживаться того, что в прекрасном объекта внутренняя духовная сущность являет себя, как на поверхности, в физическом образе. Мы называем нечто прекрасным, если видим, что, так сказать, во внешнем, чувственном просвечивает духовное. ... Явление духовного через чувственное — это (и) есть прекрасное» (ИПН. 122, 23.8.1910). В этом смысле Элоимы нашли красивым (хорошим) сотворенный ими мир.

Говоря о «Группе», Рудольф Штайнер подчеркивал, что она создавалась не в соответствии с заранее возникшими абстрактными мыслями, а из интуиций духовного мира, какими они приходили к нему в ходе работы. Такие интуиции и есть источник всякого подлинного творчества человека. У Рудольфа Штайнера он, так сказать, бил ключом еще невиданной силы. В одном случае из него родилась «Философия свободы», показывающая человеку путь в мир *нравственных интуиций* — источник его свободы, в другом — творение, в котором путем снятия люциферического и ариманического в душе рождается подлинное, духовное явление Христа как Творца «всего нового». Лишь художественно это можно выразить с наибольшей силой, ибо искусство есть высший метод человеческого познания. Вот почему художественное переживание «Группы» нельзя подменять абстрактными спекуляциями.

В «Группе» нет абсолютно ничего символического. Ее содержание должно достигать зрителя в результате переживания им характера движения пластических масс, линий, форм, плоскостей, их взаимосвязей, взаимодействия, из чего, собственно, и рождается сюжет. В них дано как бы остановленное на миг вовне, но не в душе созерцающего, движение и жизнь космической интеллигенции, ее Мистерия-Драма. Через этот миг остановки земному человеку дается возможность войти в нее и дать ей дальнейшее движение уже в

самом себе. Это, конечно, эзотерическое искусство, каким оно было у истоков своего рождения в Мистериях древности.

Рудольф Штайнер говорит далее: «Можно в средней фигуре ощущать нечто как облик Христа, но это должно именно *ощущаться*, это не должно мыслиться, что там будто бы стоит (написанным) Имя Христа. Совершенно очевидно, внешне оно там не стоит, и нет нужды примысливать его. В нас должно возникнуть, должно совершаться такое ощущение-переживание, которое обратит наше внимание на то, как следует всё это созерцать, когда мы одновременно развиваем почитание, развиваем глубокое уважение, развиваем ощущение глубины человеческого существа» (Ibid)*.

Итак, чистое ощущение, чистое переживание чувств должно быть здесь у человека. Они суть те же самые, какие мы имеем, погружаясь другими способами в переживание Христа. Но когда мы с помощью Духовной науки познаем Событие Христа, то нам не следует переносить это понятийно на то, что образовано пластическим искусством или живописно. Мы тогда обедним его. «Что рождено пластически или живописно, рождено из *формы*, из линии, из поверхности»**, а не из понятия. Из понятия создается реклама или живописная и иная иллюстрация идеологии.

Вот такая не простая задача поставлена перед нами создателем этой скульптурной группы, в которой через художественное нам открывается главная тайна становления мира, а в ней — нашего собственного становления. Гигантская сверхчувственная реальность стоит за этим творением, и потому оно, конечно, рождает большое почтение к себе. Оно является своего рода живым «окном» в ту реальность. И имеются случаи, когда кое-кому в это «окно» удавалось заглянуть. Тогда «Новая Изиды» начинала *говорить*.

Значение «Группы» для нашей эпохи столь же велико, как и значение Изиды для древнеегипетской эпохи. Ее образ там был ключевым, и требовалась большая эзотерическая подготовка, чтобы человек смог заглянуть за покров ее тайны и не умереть на земле. «Новая Изиды», наоборот, открыта для всех, но это «открытая тайна» (см. ИПН. 180, 6.1.1918).

*) Трудно переносимой пошлостью являются все те случаи, когда фотографиями лика центрального облика «Группы» украшают обложки книг, надеясь тем самым придать им особенную значительность, используют в разных рекламных проспектах.

**) R. Steiner, Der Baugedanke von Dornach. Phil.-Anthr. Verl. Dornach, 1942, S. 24. Лекция от 9 окт. 1920 г.

В «Группе» даны два парных изображения двух существ. Одно из них мы видим по правую руку от ее центральной фигуры, другое распадается на две отдаленные одна от другой сложные композиции; их разделяет (но и соединяет) фигура центрального облика.

В самом низу всей скульптурной группы в углублении пещеры мы видим существо, говорит Рудольф Штайнер, «которое должно выражать нечто такое, что связано с другим существом, стоящим над ним (т.е. с центральным обликом – *Авт.*). Это можно увидеть так, что оно как бы излучает силы из своих рук, дает им излучаться» (ИПН. 157, 10.6.1915), и излучение проникает в пещеру, оно принимает форму руки, но в действительности это не рука, а силы.

Существо в пещере головой напоминает человека, но тело у него как у дракона, а крылья как у летучей мыши. Нечто обвивает это существо, сковывает его. И если, говорит далее Рудольф Штайнер, дать всему этому подействовать на душу, то может прийти ощущение, что сковывает его золото, жилы которого находятся в расселинах земли. Но в действительности оно сковано действием, исходящим из простертой вниз руки центрального облика. Оно продолжается в жилах золота.

Существо, скованное действием духа, выражающим себя в жилах золота, – это Ариман. Центральный облик – он назван «Представителем Человечества» – силой и жестом Своей правой руки не карает его, а ограничивает. Он, так сказать, признает мировое статус кво, факт наличия материального мира, на который Он опирается как на данность. Но с законами этого мира связал себя Ариман и они приносят ему муки. Они, можно сказать, не дают ему «выпрямиться», овладеть 4-м принципом, Который являет Себя над ним; и потому Ариман сильно страдает.

Сверху Ариману не дает «выпрямиться» его антипод, Люцифер, для которого «выпрямление» Аримана означает противозаконную экспансию материи в сферы духа. Это особенно хорошо выражено во втором сюжете, слева, если смотреть от зрителя. Люцифер там как бы перехватывает тянущуюся вверх руку Аримана, а жестом своих рук ставит границу всей его сфере. У Люцифера голова также похожа на человеческую, а тело – это можно почувствовать, говорит Рудольф Штайнер, – всё целиком напоминает вытянутое человеческое лицо. Крылья у него не сложены, а сломаны. Он сломал их, низвергаясь с духовных высей. Это низвержение поставило его в иное, в более тесное и нежелательное для него отношение с материальным миром Аримана.

В этом сюжете, как нам кажется, выражена также одна из тайн

судьбы Люцифера. Сам по себе он устремлен к духовным высям, но с крыльями, сломанными отставанием, он туда восходить не может; он, напротив, получает некую тяжесть, и она вынуждает его соприкасаться с совершенно чуждыми ему и, конечно, невыносимыми, угрожающими его бытию законами материализации духа. Он становится вынужденным, в каком-то смысле, «опираться» на сферу Аримана, удерживать его, опираясь на него. И это проявляется социально в своеобразии современного противостояния идеализма и материализма. Мы имеем в нем дело с проявлением чего-то прафеноменального.

Люцифер не хотел, чтобы дух стал материей, но не в его силах было остановить этот процесс. И теперь он обречен созерцать следствия своего «своеволия» (которое в высших Иерархиях было жертвенным). Благодаря ему стала возможной наша свобода, но вместе с тем мы вынуждены нести в себе и трагедию Люцифера как свою личную трагедию.

Второй раз Люцифер изображен в самом верху «Группы» справа, если смотреть со стороны зрителя. Туда, как мы видим, простерта рука Представителя Человечества. То, что как бы повисает на ней, как бы оползая вниз, — это крылья Люцифера. Облик Люцифера больше напоминает не земного человека, а человека эона Луны. Поэтому у него уши образуют одно целое с крыльями. Так было у лунного человека, внимавшего музыке сфер, качавшегося, колебавшегося мелодически-гармонически на волнах мирового эфира. Люцифер на Луне отстал, и та форма кристаллизовалась в нем, кристаллизовалось то, что по своей сути было космическим.

Таким образом, крылья Люцифера — это одновременно и уши, а уши эти связаны с гортанью. Всё в облике Люцифера выражает себя в текуче простирающихся линиях, которым в «Группе» дано мощное пластическое выражение. У Аримана же формы имеют тенденцию к сжатию, а в лице у него сильно выражена нижняя челюсть. «Весь материализм мира выражается в образовании жевательной системы, в зубах» (Ibid., S. 254)*.

Что особенно важно в «Группе», подчеркивает Рудольф Штайнер, — это возникшая в процессе работы над нею необходимость при изображении Представителя Человечества исходить из того, что присуще человеку: из естественной асимметрии его лица. Она у человека изначальная, «но у центрального облика принято во внимание, что вся его левая сторона имеет тенденцию обращаться (hinauftendiert)

*) Тут просто невозможно не подумать о внедренной в молодежь моде жевать резинку.

к Люциферу, что образование левой части лба иное, чем правой, которая имеет тенденцию нисходить к Ариману. Левая половина лица следует за движущейся вверх рукой, а правая половина — за движущейся вниз рукой. И так приходит к выражению необходимость в центральный облик заложить больше внутренней подвижности, чем это должно быть у человека» (Ibid., S. 254f.).

Во всем, что обусловлено чисто художественной необходимостью в этом произведении, выражается Мистерия-Драма Макрокосма. «Группа» помогает пережить, а затем понять действие Христа в этой Мистерии. Что Христос в ней «ни ненавидит, ни неправомерно любит» (Ibid.) — это хорошо понимали подлинные оккультисты прошлого, которые в своих произведениях искусства изображали борьбу высших сил добра с отставшими духами так, что на лицах сил света мы всегда видим нейтральное, отвлеченное выражение. Таковы картины, изображающие борьбу Михаэля или Св. Георгия с драконом. Так дается нам поучение не брать противостояние добра и зла эмоционально, слишком лично, не забывать о его космических истоках.

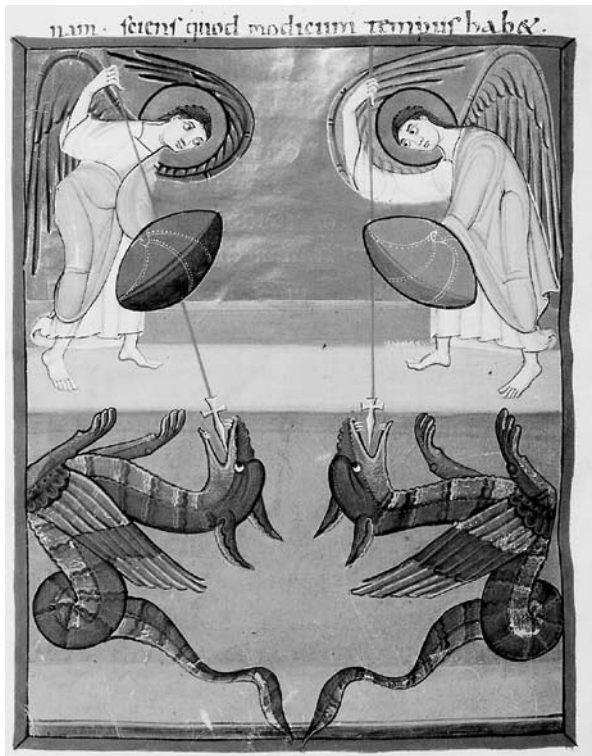
В скульптурной группе художественными средствами дано разъяснение того, почему Люцифер низвергается, ломая крылья. Мы можем видеть, что Христос «простирает руку вверх не для того, чтобы сломать крылья Люциферу. Нет, Христос простирает руку потому, что Он должен это сделать исходя из Своего внутреннего Существа. Он не ломает крылья Люциферу, но Люцифер вверху не выносит того, что излучается из этой руки, и сам себе ломает крылья» (Ibid.)*.

В своем внутреннем имеет Люцифер то, что ломает ему крылья, — это переживание им самого себя, самопознание. Подобное происходит и с некоторыми людьми, которые чувствуют себя неспособными жить среди хороших, нормальных людей. Они не выносят того, что излучается от них.

Также и Ариман: он сам причиняет себе всё то, что с ним происходит.

Христос стоит в мире так — и в дальнейшем это будет только возрастать, — что каждый человек благодаря этому сам себя будет вознаграждать и сам себя осуждать. Идеалом будущего станет «постижение Существа Христа таким, каково Оно есть, а не только в соответствии с тем, что Оно совершает или будет совершать... (как) Существо, Которое через Свое бытие вызывает то, что должно происходить в са-

*) В другой лекции Рудольф Штайнер говорит о том, что эта рука даже желает удержать Люцифера от низвержения в бездну. Это спасительная рука.

Бамбергский Апокалипсис

мих душах». А в таком случае беспрерывно длящееся познание Христа является решающим фактом человеческой жизни. Христа нужно научиться понимать. А «понимание Его невозможно, если человек не имеет правильного отношения, не желает присмотреться к силам, которые с одной стороны стоят как люциферические, а с другой — как ариманические: действительные мировые силы» (Ibid., S. 256f.).

Таков своего рода *завет* новому человечеству. Он имеет такое же решающее значение для настоящей культурной эпохи, какое для египетской имела тайна Изида. Ученик в Саисе так высказывается у Новалиса: «Если ни один смертный не поднимет ... покрывало (Изида), то мы должны будем стремиться стать бессмертными». Это стремление движет вперед современных людей. И если главный прафеномен нашей эпохи, «Новая Изида», явлен открыто, то это тоже означает, что он явлен для бессмертной части души. Бессмертие же наше связано с овладением беспрерывным сознанием, которое со-

храняется и в состоянии сна, и после смерти. И за это сознание нужно бороться.

На предварительную ступень такого сознания мы восходим, познавая Духовную науку, когда насыщаем наш дух понятиями сверхчувственного мира, а затем приводим их в связь с понятиями мира чувственного. Мы тогда уже в дневном, бодрственном сознании охватываем единую чувственно-сверхчувственную реальность, в которой живет бессмертное сознание. Рано или поздно такое знание метаморфозирует форму нашего сознания.

Новая цивилизация начинается на Земле с нисхождением на нее Антропософии, новой вести о Христе, — Пятого Евангелия. Со сменной цивилизации происходит смена всех ее парадигм (понимаемых как в современном, так и в средневековом смысле): смена методологии, критериев научности, интерпретации взаимосвязи духовного с материальным, принципов художественного творчества.

* * *

В заключении этого очерка мы должны хотя бы несколько слов сказать о том, что уже в течение десятилетий происходит постепенное уничтожение духовного наследия Рудольфа Штайнера (мы писали об этом в наших других книгах). В самое последнее время начато разрушение скульптурной группы. Делается это открыто под надуманным предлогом, что ее нужно «очистить от накопившейся грязи». Для этого ее дюйм за дюймом разогревали горячим воздухом до состояния, пока из дерева не начинал топиться и выступать воск, которым она покрыта, и этот воск вытирали тряпками. Было всем обещано, что *древесина* после этого будет выглядеть как новая! Но она — и это не могло быть иначе — стала действительно грязной.

Была ли «Группа» «грязной», можно судить по цветным фотографиям, приведенным в этом томе. И вряд ли стоит кому-то объяснять, какое значение для пластического произведения искусства имеет его поверхность, что даже самая минимальная ее деформация меняет его характер. Трудно поверить, что учинившие «отмывание» не знают этих прописных истин, не знают, что больше нигде в мире, кроме Дорнаха, подобными вещами не занимаются.

От такого варварского обращения с собой «Группа» словно бы лишилась духовной ауры, которая столь сильно окружала ее, что это мог почувствовать даже не ясновидящий. Скульптура померкла, стала темной — ибо расплавленный воск на деревянной поверхности «вытереть» нельзя, его можно только размазать, — стала более материаль-

ной. Всё это усугубили, изменив освещение, которое погрузило в тень и без того потемневший от «отмывания» лик главного образа и выпятило светлыми пятнами поверхности фигур Люцифера и Аримана.

А ведь это произведение искусства, которое, кроме всего того, о чем у нас шла речь, принадлежит к памятникам мировой культуры, охраняемым законом от актов вандализма.

33. Самопознание

В дальнейших рассматриваниях мы будем исходить из того, что в центральном облике «Группы» мы видим изображение Христа. Мы имеем тут дело с определенным рода «пороговым» переживанием, в котором открывается ключевое значение того положения, какое занял Христос, став человеком. Понимание этого, совершенно необходимое с одной стороны, с другой – может быть только *нашим* индивидуальным пониманием или не быть вообще. Крайне неудобная задача для современного рационалистического сознания, вовлеченного в процесс тотальной унификации. Но нужно уметь выносить испытания, которым нас подвергает развитие.

Выработка индивидуального переживания «Группы» есть также, в некоем роде, акт творчества, глубоко эзотерического, даже акт со-творчества с Рудольфом Штайнером, которое не ограничено определенными временными рамками. Он говорил, что во время работы над этой композицией у него не было специального намерения дать изображение Христа. Но когда работа была завершена и ее начали переживать другие люди, то Рудольф Штайнер признавался: «Я буду удовлетворен, если кто, видя этот облик, имеет ощущение: это изображение Христа Иисуса» (ИПН. 181, 12.3.1918). Ощущение же такого рода рождается из переживания всех обликов композиции, всего ее содержания, драматизма, напряжения полярностей, динамики и т.д. И нужно сказать, что такой задачи перед человеком еще не ставило ни одно произведение искусства, в котором присутствовал бы облик Христа.

Положение между Люцифером и Ариманом Христос, придя на землю, занял в трех телах и в душе Иисуса из Назарета, соединившись с его человеческим мышлением, чувствованием и волеизъявлением. Из созерцания «Группы» с необыкновенной живостью в нас рождается вопрос: а как мы, пребывая в земной инкарнации с нашим семичленным существом, с нашими мыслями, чувствами, поступками, с нашим земным «я», стоим между Люцифером и Ариманом? Сила

художественного воздействия на нашу душу снимает у этого вопроса всякую абстрактность.

В их полярном противостоянии эти два существа ведут в нашей душе борьбу между собой. Она имеет разные стороны. В своей совокупности эти стороны образуют в нас в некоем роде «пространство» душевной жизни. Рудольф Штайнер разъясняет его характер. Если представить себе человека разделенным плоскостью симметрии, говорит он, то эти существа подступают к ней с разных сторон: слева — Люцифер, а справа — Ариман. В голове, поскольку ее левая и правая половины подобны, Люцифер и Ариман «налетают» один на другого в этой плоскости и отскакивают прочь, поэтому здесь, в середине человек может «развивать спокойную деятельность (мышления). Его мышление, поистине, мало нарушается влиянием Люцифера и Аримана, поскольку они здесь отскакивают один от другого» (ИПН. 158, 21.11.1914). Но это не относится к содержанию мышления.

В левой и правой половинах человека Люцифер и Ариман имеют свои твердыни и ведут из них борьбу между собой. Искусство жизни человека состоит в том, чтобы в этой их борьбе находить правильное состояние равновесия. В сфере восприятий (глазами, ушами; их по два) мы делаем это инстинктивно. Но в мышлении, когда через него эти существа воздействуют на наши чувства и волю, за равновесие нужно бороться.

Важно при этом знать, что левая и правая половины нашего тела нам, собственно говоря, и не принадлежат. Наше в них — это лишь процесс, происходящий в плоскости симметрии, которая пространственно не имеет толщины. Такое выражение получил в нас гигантский эволюционный процесс, в котором истинные боги пользовались как инструментами люциферическими и ариманическими силами. Человек в результате этого оказался разделенным на люциферическую и ариманическую половины (см. рис. 27). Это имеет место и в царствах природы, хотя выглядит там по-другому.

В человеке, в его эфирном теле левая часть более светлая, чем правая. Она сверкает, мерцает, блистает. Так выражается в ней люциферическое действие. Правая, ариманизованная часть затемнена. Далее, в органах борьба принимает такой вид, что Ариману в ней удалось выставить в нас против Люцифера печень, а Люциферу против Аримана — желудок. Из них они ведут борьбу между собой*. И если она выходит из равновесия, одной стороне удастся возобла-

*) Наше сердце хотя и не находится посередине тела, но в нем Люцифер и Ариман стремятся ухватить каждый свое.

дать над другой, то для нас это оборачивается болезнями. А на равновесие там оказывает сильное влияние характер нашего мышления: остается ли оно пластичным, подвижным, оживленным или коснеет в абстрактной догматичности. Свою роль играет также характер питания и гигиена. Логика, этика, диетэтика — это единая сфера нашей душевной жизни, которую нужно постоянно совершенствовать, если мы не хотим погрязнуть в болезнях.

Ища точку опоры, состояние равновесия в переживании «Группы», мы находим его в ее середине. Рудольф Штайнер говорит: «В середине [в фигуре] Представителя Человечества с ее линиями, плоскостями, формами можно почувствовать погашенным всё люциферическое и ариманическое» (ИПН. 184, 21.9.1918).

Это опять имеет отношение к теме нашего рис. 27, где мы показали, как образуется *не имеющая толщины* плоскость симметрии. В нее вошел Христос, и только Он может вывести человека из положения, где тот зажат с двух сторон Люцифером и Ариманом.

Макрокосмически Христос дает истинным богам, также разделившимся в силу специфики инструментов их деятельности, вместо люциферических и ариманических истинные представления об этой деятельности и о самих себе. Тем самым Он снимает односторонность их самопознания. Благодаря этому, собственно говоря, и спасается мир во всем его целом. Люциферизированные, а также неизбежно, как следствие, и ариманизированные представления истинных богов связаны с тем мировым планом, в силу которого мир три с половиной зона находился в состоянии всё углубляющегося нисхождения в материю. Существует, конечно, и более высокий план духа, но он в манвантаре заслоняется от Иерархий уплотняющейся духовностью. Люциферизированная мудрость не освещает его.

Христос, низойдя до самой плотной материальности, явил в ней сам свет. А люциферическое высоких Иерархий побудил нести перед Собой факел, освещающий миру путь тотального восхождения. Тем самым в высях восстановилось былое, существовавшее в зоне Солнца братство Христа с Люцифером.

Но в сферах ниже солнечной, а особенно в земной сфере, люциферические существа 3-й Иерархии остаются искусителями человека. Они побуждают его встать на их сторону в их борьбе с Ариманом. Ариман же стремится к противоположному. А задача человека состоит в том, чтобы не поддаваться ни тому ни другому. Для этого нужно упражняться в самопознании.

Существует два рода самопознания: низшее и высшее. Низшее, разъясняет Рудольф Штайнер, «это познание нашего повседневного

«я», того, чем мы уже являемся, что мы носим в себе. Это, как говорится, есть всматривание в собственную душевную жизнь. Но нужно уяснить себе, что таким путем мы не можем прийти к нашему высшему Я, ибо когда человек рассматривает самого себя, то находит лишь то, чем он является. Но именно над этим он и должен вырасти, чтобы преодолеть «я» обычной жизни. Однако как это сделать? Многие люди убеждены, что их свойства наилучшие... Кто такое мнение перерос не только в теории, но в чувствах, тот уже находится на пути к истинному [высшему] самопознанию. Из отражения себя самому себе выходят с помощью особого метода... Необходимо исходить из следующего: все свойства односторонни. Ты должен узнать, в чем заключается односторонность (будь то люциферическая или ариманическая. — Авт.) твоих свойств, и найти способ их гармонизации. ... Каждое свойство имеет свой противополож; его нужно освоить и искать гармонизации с ним, например: поспешности с неторопливостью, расторопности с рассудительностью (и т.д.) ... Высшее самопознание начинается тогда, когда мы говорим себе: в том, что является нашим повседневным «я», совсем не содержится нашего высшего Я. Оно — во всем внешнем мире, вверху в звездах, в Солнце, в Луне, в камнях, в животных. Повсюду там пребывает та же сущность, что и в нас» (ИПН. 95, 4.9.1906).

Познать себя означает также и преодолеть себя. А всякое преодоление начинается с мыслительной работы и потом дополняется работой чувства и воли. Нужно приходить к христианизированным (не теологизированным!) представлениям о себе и мире. Но и они — лишь тени, пока мы рефлектируем. Тут совершенно необходима созерцающая сила суждения. Она вырабатывается с помощью структурированного теоретико-познавательной лемнической мышления.

Эта лемническая является первым средством, с помощью которого мы, следуя за Христом, выбираемся из той узкой «щели» — плоскости симметрии, куда нас завела нисходящая эволюция. Вертикальная ось структурирующего ее креста — это и есть та средняя сила, которую представляет Христос и Его Иерархии (рис. 33). А наша лемническая есть не что иное, как жезл Меркурия.

Две «змеи», обвивающие его, и образуют вместе лемничатку; она имеет целый ряд значений. В одном случае, как это разъясняет Рудольф Штайнер, это «змея» добра и зла, ведущая человека через познание (Меркурий) к преодолению зла собственной силой» (ИПН. 266/1, S. 205). С жезлом Меркурия Аарон и Моисей вели древний израильский народ через пустыню. Апокалипсический жезл, поданный с неба, — это всё он же. Им теперь необходимо всё «обмерить»

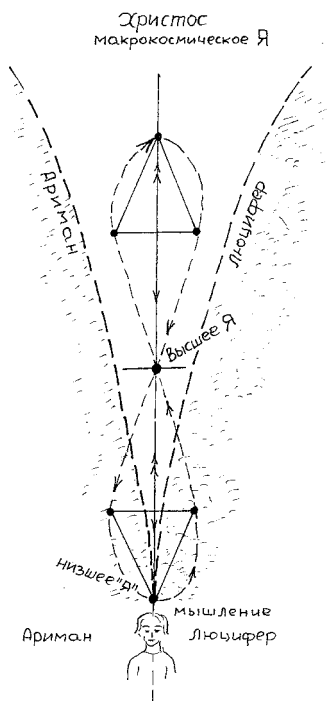

Рис. 33

заново: с точки зрения духовной жизни, духовознания, — а для этого нужна другая форма сознания.

Жезл Меркурия, разъясняет далее Рудольф Штайнер, обвивают две змеи: черная символизирует материальные мысли, низшую самость, светлая — божественные мысли, высшее Я. Этот жезл помогает нам правильно и уверенно войти в сверхчувственный мир. Если мы вызываем этот символ перед душой, когда хотим погрузиться в медитацию, то исчезает всё мешающее нам. Жезл Меркурия есть посланец богов, он помогает освободиться от вожделений нашей астральности, которые как ужасные видения встают на пути того, кто начинает созерцать сверхчувственное. Но это, так сказать, лишь частный момент на пути человека в мир сверхчувственного.

В ключе антропософской науки посвящения проблема перехода Порога сверхчувственного мира решается комп-

лексно. В ней работа с познанием и с сознанием основательным образом погружена в элемент художественного восприятия и творчества. Человек должен работать над просветлением своего астрального тела, но кроме упражнений в смысле новой теории познания на него очищающим образом должны воздействовать новые импульсы искусства, обладающие глубоким оккультным содержанием. Через них как просто через иные формы и источники познания нам дается, как мы уже видели, разъяснения всё того же, что заключено и в учении всеобщей Антропософии: индивидуальной и одновременно мировой констелляции человека, к которой он приведен ходом эволюции.

Раскрывая глубокую эзотерику отдельных тем того грандиозного художественного замысла, в который в первую очередь входило строительство Гётеанума, которому предстояло стать местом новых Мистерий, в котором искусства должны были снова прийти в живую связь с наукой и религией, Рудольф Штайнер говорил: «...эти крылья (Люцифера) в их волнообразном формировании осязают всё то, что как таинственно-духовное, спиритуальное, волнообразное действие имеется в Мироздании. И осязаемое в этих волнах идет через ушное

образование во внутреннее люциферического существа, продолжается там. Люциферическое существо понимает с помощью ушного образования то, что оно осязает крыльями, а через связанную с ними гортань это становится творческим словом, которое пребывает и живет в формах живого. ...

Так Люцифер представлен художественно вверху, в (малом) куполе (см. цветное фото), так он будет представлен в пластической группе, которая должна образовывать средоточие нашего Гётеанума*. В этом средоточии Гётеанума должна стоять, в определенном смысле, тайна Пасхи (Пасхальная имагинация. — *Авт.*). ... угрожающее в люциферическом... [и] ариманическом — это внутренняя сущность сил природы, то, к чему имеют тенденцию склоняться эти силы природы в период от весны к лету... противостоит этому оздоравливающий, целящий Принцип, излучаемый Христом.

Живое чувство всего этого можно получить, (лишь) если, после того как возведение целого архитектоники и пластики будет завершено... в будущем однажды представится возможность именно во время Пасхи с этим пластическим соединить живое драматическое, такое живое драматическое, в котором будут присутствовать два главных персонажа: человек и (Архангел) Рафаэль. Это должно быть родом мистериальной драмы, разыгранной именно внутри этой пластики и внутри этой архитектоники, мистериального представления, главными персонажами которого будут человек и Рафаэль, Рафаэль с *жезлом Меркурия*, Рафаэль со всем тем, что связано с жезлом Меркурия. ...

К празднику Пасхи эта архитектура, эта пластика требуют (такого) мистериального представления: человек, поучаемый Рафаэлем о том, каким образом ариманические и люциферические силы делают его больным и каким образом властью Рафаэля он может быть приведен к прозрению, к познанию целящего принципа, великой мировой терапии, живущей в Принципе Христа. И если бы всё это удалось сделать** — ибо Гётеанум для этого и предназначен, — то среди многого другого открылось бы, например, как всё то, что может вливаться в человека из ариманических и люциферических тайн, именно на Пасху достигает своего завершения» (ИПН. 229, 7.10.1923). Рафаэль — это Меркурий в христианской терминологии.

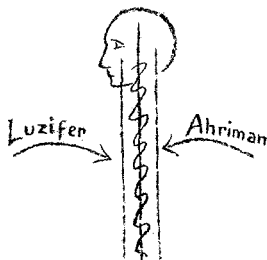
*) Скульптурная группа была не закончена до 1923 г.; поэтому она не погибла при пожаре Гётеанума.

***) Всеу этому было не дано совершиться. Через два с половиной месяца после этого доклада враги Антропософии Гётеанум сожгли.

Ища индивидуальное отношение ко всей этой грандиозной эзотерике антропософского искусства, в котором на новой ступени возрождается мистериальное искусство древности, которое более непосредственным образом, чем мышление, открывает нам мышление богов, мы опять-таки приходим к проблеме метаморфозы нашего мышления. Его теоретико-познавательная лемниската самым непосредственным образом доводит до нас эту высокую эзотерику. Работая над нею практически, мы меняем форму нашего сознания и по мере его изменения получаем живое чувство речи богов, которой сотворен человек и которая благодаря Антропософии заговорила формами искусства, открывая нам сложную констелляцию нашего существа, поставленного так полно и непосредственно в центр мировой полярности.

В нашей сначала философской, а потом чисто эзотерической работе с мышлением эта лемниската должна переживаться нами также и чувством. А в нем мы в земном бытии оказываемся также «зажатыми» между Люцифером и Ариманом, хотя и иначе, чем в мышлении.

В сфере чувства, говорит Рудольф Штайнер, мы имеем больше пространства, чем в мышлении. Чтобы понять это, нужно представить себе две плоскости, проходящие через наше существо так, что одна из них касается места, где спереди сходятся ребра, а другая касается позвоночника (рис.)

Люцифер в своих атаках против Аримана доходит тут до передней плоскости, а Ариман — до задней. Пространство между ними остается свободным, они посылают через него свои «заряды», не вступая в него. Мы имеем здесь свое пространство, которого у нас нет в мышлении. В этом новом положении борются не мысли, «космические мыслеобразования», а *чувства* (см. ИПН. 158, S.123f.). У нас в нем есть пространство, и мы в нем имеем собственные чувства.

Сталкивающиеся в нас мысли принадлежат миру. Потому диа-

лектика объективна. Но в ней правят первоначально Ариман (в тезисах) и Люцифер (в антитезисах). Объективно-космически это повлекло за собой сначала дифференциацию мирового целого, а потом застывание его форм, что, собственно, и «зажало» нас в мышлении между Ариманом и Люцифером. Но мы выбираемся из этой «щели», метаморфозируя диалектику понятийного мышления в диалектику мышления созерцающего*. В нем, поскольку оно носит восприятийный характер, принцип отрицания сменяется принципом принятия и отождествления. А так мыслит космическая интеллигенция. Поэтому добрые боги и возвели в нас пространство для наших добрых чувств.

Чувства необходимо уберечь от односторонностей. Появляются они первоначально также как полярности: симпатия-антипатия, высокомерие-смирение и т.д. Но из их столкновений не рождается чего-то третьего, какого-то синтеза. Они не диалектичны. Работа с ними состоит в претворении их негативных антиподов в позитивные. И человеческая природа устроена так, что только в этой борьбе, в этом преодолении мы действительно вырабатываем устойчивые добрые качества души. Владеть чем-то врожденно добрым, разумеется, похвально, однако эта врожденность есть опять-таки не что иное, как плод нравственного самосовершенствования, осуществленного в прошлой жизни. А в новой жизни старое нужно обновлять в духе задач нового этапа.

Существует в человеке еще одно пространство, через которое Люцифер и Ариман ведут между собой борьбу, но вступать в которое не смеют. Оно отгорожено двумя плоскостями, одна из которых проходит у человека вверху горизонтально у основания черепа, касаясь первого шейного позвонка, а вторая проходит по грудно-брюшной преграде. В этом случае Люцифер и Ариман действуют в нашей *воле*. Люцифер подступает сверху, а Ариман — снизу, но тех плоскостей они не переступают. Между ними мы имеем свободное пространство нашей воли.

Ну а в целом мы имеем теперь картину того, «как Люцифер и Ариман через космические импульсы мышления, чувствования и воления действуют внутри пространственного человека» (Ibid., S. 126), где человек начинает становиться самим собой. В этом пространстве важны не его измерения, а наполненность духом. И это можно сказать и обо всех материальных формах, рождаемых новым искусством — архитектурой, пластикой.

На пути эволюции человек был заключен в материальную форму.

*) Эта тема многократно и подробно разработана нами в других книгах.

С помощью самопознания и импульсируемой им работы над собой человек начинает из этой формы выходить. И это нужно делать, поскольку она свое уже отслужила. Нужно развивать всю полноту жизни в формах душевно-духовного. Процесс этот также эволюционный, но его уже пора начинать. Новые формы высшего бытия человек должен создавать себе сам. Но у них есть и высший Архитектор — это Сам Бог, Христос.

* * *

«Пространство» в мышлении, чувстве и воле, свободное от Люцифера и Аримана, о котором шла речь выше, образует то место, куда Элоим Ягве вдохнул человеку «дыхание жизни». В эзотерике оно называется «кубом Ягве». В нем совершается становление человеческого высшего Я в условиях, когда этот «куб» сотрясается от люциферических и ариманических атак.

Положение человека в этом кубе в некоторой степени образно описал Гоголь в одном из рассказов своих «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Мы имеем в виду семинариста Хому Брута, принужденного отпевать ночью в церкви ведьму (панночку)*. Чтобы оградить себя от нечистой силы, атакующей его, он проводит вокруг себя магический круг. Губит Хому его слабое мышление, не укрепленное в духовной семинарии никаким духовным знанием. Когда он встречается с духовной реальностью своего неочищенного астрального тела, то мышление его свергается чувством страха, т.е. в его душу, в чувство и в волю, вторгается Ариман, а также, конечно, и Люцифер.

«Куб Ягве», как мы понимаем, — не вполне куб. Он «открыт» до середины справа и слева в нашем мышлении. Поэтому через мышление, *познание*, которое имеет дело с добром и злом, соблазняется человек («Древо Познания»).

«Куб Ягве» необходимо завершить, закрыть его от искусителей также и в сфере мышления, для чего его нужно ввести в *становление*, направляемое духовнонаучным знанием.

Развивая мышление, наделяя его силой воли, меняя его характер, мы движем «куб» чувства и воли во времени душевной жизни и так из отдельных актов познания возводим справа и слева плоскости, через которые люциферическое и ариманическое также перестает про-

*) Гоголевская «панночка» — это есть не что иное, как физическое тело, атакуемое необузданными вожделениями астрального тела. Всё это пытается «летать» на нашем Я, за которое борется Хома.

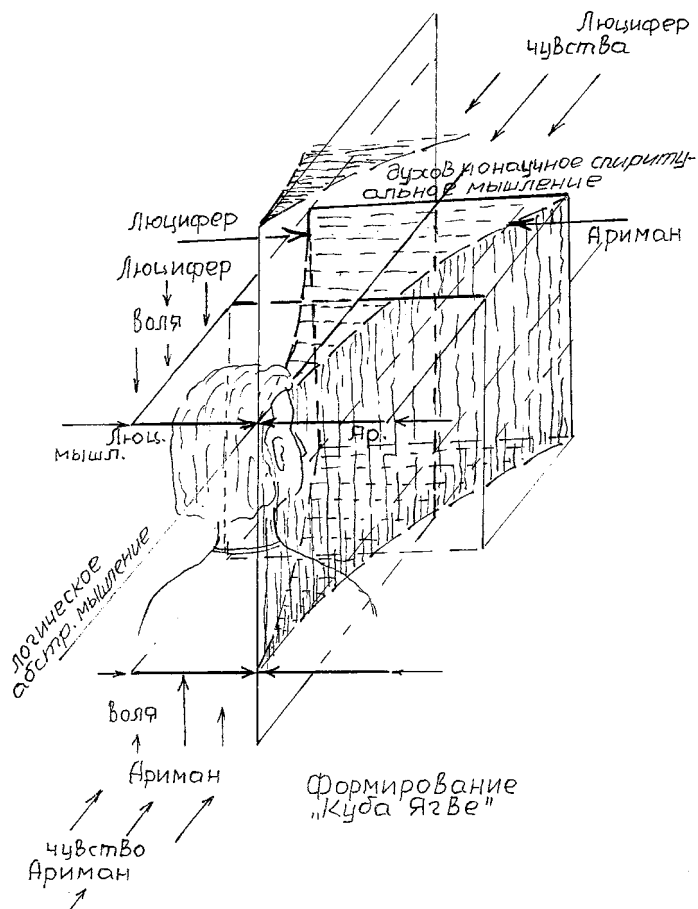

Рис. 34

никать в нас непосредственно. Мы нейтрализуем их в синтезе. Мы перестаем быть марионетками в их борьбе, постоянно перекидываемыми от одного мнения к другому, от одной идеологии к другой. Процесс такого закрытия от искуссителей и одновременно открытия в мир духа, в мир свободы помогает осуществлять работа над «Философией свободы» и овладение методологией Антропософии.

В динамике мыслительной жизни мы также просветляем жизнь чувств, что совершенно необходимо для созерцания, и укрепляем волю, развиваем волю в мышлении (рис. 34).

Так совершается процесс нашего спасения, освобождения из плена материи. Все наши действия на этом пути становятся подлин-

но нашими действиями, получают имманентный принцип единства. Это происходит по мере снятия низшего «я» в пользу высшего. А высшее Я снимает себя затем в пользу наивысшего — макрокосмического Я Христа. Не давая ему в себе места, мы рискуем быть наделенными 5-м и 6-м принципами (Самодухом и Жизнедухом) в том виде, в каком ими владеют Люцифер и Ариман. Мы в таком случае рискуем не стать подлинными, не люциферическими представлениями богов, погибнуть в высшем смысле. Христос ведет наш цикл эволюции с представлением о человеке как свободном духе, как об Иерархии свободы и любви. В этом смысле Он есть Сын Человеческий — «Се Человек». В том виде, в каком мы предстаем Ему теперь, восприятие нас как земных людей и наше понятие как свободных духов разъединены, находятся далеко одно от другого. Чтобы их соединить, нужно взять «свой крест», работу над собой на себя и следовать за Христом. Это, собственно говоря, и показано на вышеприведенном рисунке.

34. Групповая Душа человечества

Мировая идея предстает земному человеку в двух видах: как объекты восприятия и как их понятия. Восприятие и понятие — это две стороны единого целого, которое пребывает в сверхчувственном мире. Являясь человеку с разных сторон, оно дает возможность низшему «я» созидать себя в процессе образования представлений о мире. Все они первоначально ариманизированные, поскольку восприятия в них чувственные, а понятия рефлексированные. Образуя представления о сверхчувственном, мы понятия люциферизируем. Их христианизация происходит в процессе их соединения с представлениями о чувственной реальности и возведения образа единого мира. С такими сложными удвоенными представлениями нужно *жить*, обогащать ими процесс жизни и одухотворять его.

Материалистическая наука позволяет совершать процесс необыкновенно точного познания чувственной реальности, позволяет развить большую интеллектуальность и довести до полного исчерпания аналитическую силу суждения. Но этим еще не исчерпываются возможности низшего «я». Оно способно восходить к чистому мышлению, к мышлению, в котором почти полностью снято чувственное наполнение жизни субъекта, когда «я» строит себя на базе лишь восприятия мыслей, образуя себе чистые представления, каковыми в высшем мире являются люциферические существа.

Такие представления дают «я» в определенной мере независимое от внешнего мира существование. Ими полагается начало его свободы. Но полагается оно *люциферически*, и на этот раз — за счет отрицания не только чувственной, но и сверхчувственной реальности*. И человек с такой свободой оказывается в сфере ариманического ничто.

Но завоевание этой ступени сознания совершенно необходимо на пути к истинной свободе, хотя человек здесь восходит на нее в известной мере опираясь на Люцифера и Аримана. Поэтому, когда он на нее взошел, ему, так сказать, нужно выдернуть свои руки из рук опасных водителей. Ему нужно суметь снять само «я» и поставить себя под опеку макрокосмического Я.

В ходе такой работы познания и практического осуществления себя мы приобретаем способность получать идею непосредственно из объекта восприятия — не в рефлексии, а восприятивно, сливаясь с ним в одно. В аналитическом же мышлении мы с ним конфронтируем вплоть до его снятия.

Так собственной силой полагаем мы начало метаморфозы формы нашего сознания. Далее эта метаморфоза повторится еще не раз, и мы обретаем высшие формы сознания и воспримем существ, которые в чувственном мире открывают нам себя на двух путях: восприятия и понятия.

Пока человек пребывает в чувственном мире, ему следует задаться вопросом: а на чем он будет держаться, когда снимет низшее «я» и войдет в духовный мир? Для многих отсутствие ответа на этот вопрос оказывается достаточным основанием для отказа от всякого высшего развития. Многие говорят себе: меня вполне устраивает этот мир, он мне нравится и я хотел бы оставаться в нем всегда.

Это вполне понятная позиция. Но дело в том, что этот мир оплотнел, материализовался в результате определенного развития, в силу которого он же в дальнейшем истает, подобно льдине под весенним Солнцем. И что будет делать тогда человек?

Да, этот мир дал нам необыкновенно много. Бурная радость должна охватывать нас от мысли, что мы после трех эонов, которые ведь осуществлялись только духовно (и если в описаниях их Рудольфом Штайнером встречаются картины, напоминающие чувственную реальность, то это лишь образность, к которой он прибегает, чтобы помочь нам овладеть представлениями о сверхчувственном), мы наконец прорвались в эту трехмерность и стали действительно людьми: получили самосознание, личные чувства, переживания «я», что нам

*) Поскольку мышление остается рефлектирующим.

физическим светом светит Солнце, что перед нами распахиваются неизмеримые звездные дали и т.д.

Но вот к нам приходит охлаждающая нашу радость мысль: а ведь всё это чувственное бытие создано не Богом, а люциферическими и ариманическими существами. Лишь замысел был Божий, а при его исполнении «молотком» и «зубилом» служили эти духи. И тогда к нам приходит третьё, мы говорим себе: хоть этот мир и величествен и прекрасен — а в красоте его проявляется Божественное, — но надолго задерживаться в нем не стоит. Все в нем — вторичное, не подлинное. Когда Бог творил его в шесть дней, то это происходило в духовном мире. Примерно с Лемурийской коренной расы то, подлинное творение начало материализоваться и мы *впервые* во всей эволюции получили в этом чувственном мире некоего рода трамплин, от которого следует оттолкнуться и улечь туда, откуда мы пришли, только непременно оставаясь индивидуальными существами.

Определенное число людей пытается делать это тем или иным способом, например кто-то идет путем ариманического посвящения. Тогда меняется не сознание, а лишь характер восприятий. Люди начинают видеть электромагнитные поля, как по проводам бежит ток или что происходит за соседней стеной и т.п. Но все это хотя и более тонкий, но материальный мир.

На другом пути, в особенности на Востоке, приходят к имажинациям, но переживают в них люциферических существ, лишь представления истинных богов. На первом пути остаются с низшим «я», на втором его теряют, а к высшему Я не приходят. Это древний путь. Прежде на нем приходили к переживанию групповой Души человечества. В ней жило то Я, которое Духи Формы даровали человечеству как целому. Оно в ходе эволюции раздробилось на «Я» различных рас, племен, народов. К переживанию их можно было восходить, но собственным Я человека они стать не могли.

Подлинное индивидуальное восхождение становится возможным только после овладения сильным низшим «я», т.е. после прохождения через первый этап человеческой ступени развития.

Люциферические духи, не смогшие в зоне Луны пройти эту ступень, стремятся и человека увлечь в духовные выси при условии полного отказа эту ступень проходить. Ариманические, наоборот, стремятся увековечить ее первый этап.

Ищущий истинного пути посвящения должен знать, что *ныне групповой Душой человечества является Сам Бог, Христос*. И до Мистерии Голгофы Он был макрокосмически, как Мировая Душа распят

на кресте мировой структуры, на теле мира*. Это значит, что Христом двигалась вся эволюция форм и видов, плодом которой стал и человек. В ходе ее этот последний прошел через ступени царств природы, меняя свое положение в Космосе, что и выражено в форме креста (рис. 35).

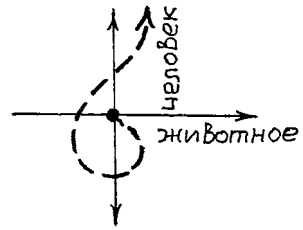

Рис. 35

Весь этот цикл метаморфоз двигался вперед импульсом Христа, импульсом Жизни. В Мистерии Голгофы групповая Душа низошла вплоть до отдельного человека и три года жила в нем.

Первым посвященным на пути, который теперь ведет человека к этой Душе, был Лазарь-Иоанн. Его посвятил Сам Христос. Далее на этом пути были учреждены Мистерии Св. Грааля, Мистерии розенкрейцеров и, наконец, Мистерия Антропософии.

Что отличает эти Мистерии от Мистерий древности, так это новый характер человеческой *общности*. Старая общность как воплощение группового сознания инспирировалась Душой человечества. В новой общности свободно, братски соединяются индивидуальные ее члены ради восхождения к высшей мудрости в условиях братской любви. При выполнении определенных условий в эту общность может низойти, как в Св. Чашу, св. Причастие, субстанция воскрешающей от смерти жизни Христа.

«Где общая истина (постигнутая и свободно принятая. — Авт.) соединяет разные Я, — говорит Рудольф Штайнер, — там мы даем высшей групповой Душе нисходить (к людям). Когда мы вместе и наши сердца обращены к высокой мудрости...то мы образуем среду, в которой групповая Душа может воплощаться» (ИПН. 98, 7.6.1908). Именно это имеет в виду Христос, говоря: «Где двое или трое соберутся во Имя Мое, там Я среди них».

Особенность такого воплощения высшей Души состоит в том, что она входит в людей посредством Св. Духа. Ибо она воплощается в человеческие Я. В первый раз это было явлено людям в празднике Пятидесятницы. Этот праздник заключается «в совместном ощущении ревностной любви и преданности, пронизывающей огнем группу людей, собравшихся для совместного деяния. ...во всех живет одно. И в этой слитности отдельных людей ими рождается чувство, в которое может воплощаться высшее, общая Душа...Св. Дух... который разделится на огненные языки и почил на каждом (из апосто-

*) Это было темой 1-го тома.

лов)» (Ibid.). Это значит, что каждый пережил его по-своему, в соответствии с характером собственной души и духа. А возможным это становится благодаря способности одного человека отождествляться с другими, в них забывая себя, чем, однако, не упраздняется своеобразие личности. Это подобно созерцанию, которое в пустотном сознании являет идею в идеальном восприятии. Так человек, идущий новым путем к духу, снимая себя, обретает всё человечество.

Стремясь привести весь процесс своей жизни в соответствие с принципом «Не я, но Христос во мне», человек, собственно говоря, и решает задачу, как вместить в себя групповую Душу человечества. Таков его путь к своей индивидуальной Пятидесятнице. Необходимое при этом снятие низшего «я» оказывается снятием себя не только в мышлении, но и в чувствах, и в воле. Человек приходит не просто к новой форме мышления, а к новому *чувству* мышления. «Человек на самом деле получает чувство, — говорит Рудольф Штайнер, — что бывшее обычно локализованным в голове делается как бы локализованным в сердце. Это, конечно, мыслит не физическое сердце, а тот орган, который как духовный орган (восприятия или мышления) вырабатывается вблизи сердца, так называемый 12-тилепестковый цветок лотоса. Он становится родом органа мышления...» (ИПН. 119, 29.3.1910). Это сердечное мышление. Мы познаем им сразу и непосредственно. Мы имеем восприятие и тут же узнаем, что это такое. То есть это и есть созерцающее мышление. Приходя к нему в области головы, 2-хлепесткового лотоса, мы затем развиваем его дальше, нисходя в область 12-тилепесткового лотоса. Это единый процесс, начало которому мы полагаем, метаморфозируя форму сознания. Главным в нем является способность выходить из себя, смотреть на себя со стороны, говоря себе прежнему не «я», а «ты». Тем самым мы, конечно, готовим себя к сознательному вступлению в сверхчувственный мир, но важным при этом остается создание надежной предступени такого развития, когда мы, оставаясь в мире чувственного, начинаем жить по законам сверхчувственного мира.

Мышлением сердцем человек обладал в прошлом, но на групповой, инстинктивной основе. Остаток его мы сохраняем до сих пор. Оно проявляется всякий раз, когда по той или иной причине происходит некоторое помрачение рассудка: в гневе, в страхе и т.д. Но на смену тому сердечному мышлению пришло логическое мышление. А теперь на смену этому последнему приходит высшая логика нового, индивидуализированного сердечного мышления.

При этом не следует забывать, предупреждает Рудольф Штайнер, что «человек становится другим человеком, если сначала, на физи-

ческом плане занимается мышлением как *школой*, как упражнением. Он занимается этим мышлением не ради того, чтобы постигать высшие миры, но чтобы сделать из себя самого *другого человека*» (Ibid.).

Чтобы проходить высшее развитие, нужно некоторое время обучаться логическому мышлению. Это усиливает волю в мышлении, но также развивает и новые привычки, без которых нельзя подходить к сверхчувственному. Это совесть в отношении познания высших истин, «логическая совесть», чувство ответственности по отношению к истине и заблуждению и др. Всё это делает человека и социально другим существом, способным образовывать общности с другими людьми, в которые может нисходить Христос как Душа мира.

Прежнюю логику сердца человеку теперь нужно пронизать понятиями, логикой рассудка, привести ум в согласие с сердцем и наоборот. В будущем человек снова воспользуется логикой сердца во всю ее силу, он будет снова в состоянии из непосредственности своего чувствования, с помощью идеального восприятия, в отождествлении с объектом восприятия видеть—познавать истину; познавать ее «разом». Но при этом, говорит Рудольф Штайнер, будет взята им с собой и ступень развития, пройденная между этими двумя логиками. «Мы — всё человечество — проходим сейчас через развитие рассудка, головы, чтобы на более высокой ступени вновь достичь того, что было достигнуто на низшей ступени: логику сердца. — Если на низшей ступени эта логика сердца не была пронизана огнем и светом того, что человек обрел с помощью своего рассудка, то на высшей ступени логика сердца будет пропитана, прокалена, пронизана светом того, что человек выработал на современной ступени развития благодаря понятиям и идеям» (Ibid., 30.3.1910).

35. Мудрость—свет— любовь—сила

В человека эона Земли были заложены два инстинкта: мудрости и любви. По мере развития трехчленной души мудрость входила в его сознание, он становился самосознающим существом и в нем росло желание самому направлять себя в жизни. Люцифер же, говорит Рудольф Штайнер, насадил человеческую мудрость в любовь, и потому к самосознанию прибавилась любовь *к себе*. «Мышление и мудрость поступили на службу к самости. И теперь существует выбор между добрым и злым. ...Чтобы мочь чувствовать добро, человек должен быть способен чувствовать зло. Энтузиазм в отношении высшего ему

дали боги. Но без наличия зла у него не было бы чувства себя и никакой свободы выбрать добро, вообще никакой свободы. Добро могло бы осуществлять себя и без Люцифера, свобода же — нет. Чтобы выбрать добро, нужно иметь перед собой зло, любовь к себе должна быть присуща человеку как внутренняя сила. Однако любовь к себе должна стать вселюбовью. Тогда зло будет преодолено» (ИПН.55, 22.11.1906).

В другой лекции Рудольф Штайнер говорит, что если бы всемудрость была высшим добром, то в каждый момент между человеком и Богом должна была бы разверзаться пропасть: Бог — всемудр, а человек имеет лишь тени знаний. Поэтому всеобъемлющим свойством Бога является любовь, полная, чистая любовь, ибо в ней нет ступеней; нет возрастания по ступеням в чистой любви. По этой причине мудрость Бог разделил с Люцифером, а силу — с Ариманом, оставив себе только любовь (см. ИПН. 143, 17.12.1912). Иными словами, это означает, что Отчая основа мира, «всё» передав Сыну, передала ему вселюбовь. Другие же две Ипостаси воспользовались как инструментом силой Аримана и мудростью Люцифера. Возникшая эволюция, чтобы породить самосознающего человека, должна была нисходить, и чтобы ей теперь перейти к восхождению, она должна найти отношение к центральному свойству мира — к силе любви.

Истинные боги, творя в продуктивной мудрости, приходят к любви. Это значит, что и для них единым Богом эволюционного цикла является Христос. Люциферические Иерархии начиная с эона Солнца стали с Христом расходиться. Они продолжали творить в одной только мудрости и наделили ею человека. Она приобрела в нем характер субъективной интеллектуальной мудрости. Наше «я» родилось благодаря космосу мудрости. Люциферическое в нем — это разделяющая сила. Когда ее касается любовь, то она становится любовью к себе и ведет к обособлению, выступает против всего, что соединяет людей. Однако тут имеется и положительный момент. Она, замечает Рудольф Штайнер, «мешает людям, так сказать, обрушиться в нерасчлененную кашу любви»*.

Принципы любви и мудрости в их параллельном действии привели человека к душе, к духу, к Я. Но благодаря тому, что образовался Я-человек, стало возможным зло. В люциферическом принципе, в возникновении зла следует видеть происхождение свободы, но вместе с тем и развития, ведущего к возможности от кровно-родственной любви подняться к духовной. Человек, таким образом, является

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 20 февр. 1908 г. в Касселе.

синтезом действия двух космических потоков, идущих в противоположных направлениях: потока Христова действия и потока люциферического действия.

Люциферу нужно на Земле наверстывать упущенное. Он может это делать, используя человека, который в чувственном бытии проходит свою человеческую ступень развития, не пройденную Люцифером; Люцифер перешагнул через нее. В его интересах было дать человеку увидеть в свете то, что ему напечатлели истинные боги. А они напечатлели ему первую форму любви – кровно-родственную. Действуя интимно в человеке, Люцифер завершает свое развитие на человеческой ступени, дает человеку смотреть во внешний мир и вместе с тем – смотреть в себя. Там Люцифер освещает ему его любовь, которая стала как любовью к себе, так и любовью к познанию.

Светом можно и злоупотреблять, творить зло сознательно. В люциферическом свете свобода может превращаться в произвол, что так убедительно показали социалистические революции. Интеллектуалистическая мудрость, служа Я, укрепляет эгоизм. Поэтому необходим союз между мудростью и любовью. Для этого знание должно как живая мудрость рождаться в человеческом сердце через любовь. Любовь стоит выше произведенных головой мнений. Мнений может быть много, а над всеми ними царит любовь. В ней человек не один. Он как индивидуальный носитель мудрости находится в большом хоре человеческого сообщества, которое осеняет Манас, явление Св. Духа. Когда в этот Манас нисходит Принцип Христа, то он освобождает всех его членов от старого союза, который люди должны были ради развития заключать с Люцифером и Ариманом. Однако человеку надлежит при этом и самому бороться за освобождение от них.

Уже в сфере понятийного мышления мы в движение диалектических триад вносим некое подобие жизни, которая имеет восходящий характер. Она есть чистая воля, которая и позволяет нам в конце концов снять низшее «я» и в любви к объекту познания слиться с ним в одно. Так уже отраженный свет мудрости, абстрактная мудрость превращается в любовь. Ее силой мы входим в мир, где идеи воспринимаются из объектов. Это созерцаемый или даже имажинативный мир. Там задача претворения мудрости в любовь носит уже посвятельный характер. От этого не нужно отшатываться в страхе, что делают люди церкви, а наоборот, саму возможность такого развития рассматривать как дар Божий. Его принес людям Бог Своей великой жертвой.

Мы приведем далее большую выдержку из лекции Рудольфа Штайнера, где он рассказывает о таком развитии. Человеку нужно научиться, говорит он, чувствовать, находясь вне тела (а это как раз

и происходит при отделении мышления от физического мозга, когда мы переходим к созерцанию). Он должен прийти к тому, чтобы собственное тело видеть извне, и тогда «он может обрести чувство пространства, наполненного теплом. Он почувствует себя так, словно бы находится в натопленной печке. ...Это тепловой эфир, облегающий нас...». Но, правда, мы не чувствуем его с самого начала. К нам прежде в имагинативном мире подступает нечто другое: мысли, которые просто набрасываются на нас: заботы, давно забытые воспоминания, образы. Но уже одно то, что мы это замечаем, есть начало прогресса.

«К этому случаю подходят слова Евангелия: «И свет во тьму светит, но тьма не понимает его». Ибо тепло, находящееся в нас (тепловой эфир), — это тьма (оно не светится). Свет хочет проникнуть к нам извне, но не может, поскольку в тепле идет борьба...», оно разделено на два рода. Правда, и свет существует в двух видах: как «внутренний, люциферический, и (как) внешний (духовно внешний. — *Авт.*), божественный свет». Также и в тепле есть начало люциферическое — оно находится внутри нас. А когда тепло подступает к нам из божественного внешнего, то в медитации мы его сначала переживаем как холод. «Это хороший знак, — подчеркивает Рудольф Штайнер, — чувствовать в медитации дыхание холода. Предаваясь этому холоду, мы чувствуем наше собственное тепло как сферу в нас и вокруг нас. Мы словно бы проходим сквозь пылающую печь, в которой сгорает всё люциферическое в нас. Это «огонь Божественного гнева», который на самом деле есть любовь; только мы ощущаем его как созерцающий нас холод. Кто достиг познания этого процесса, может сказать себе: слава Богу, что меня заставляют страдать, что я испытываю Божественный гнев, который сжигает во мне то, чего во мне не должно быть!»

Тогда в нас может проникнуть внешнее [мировое] тепло, которое сначала переживается как холод. И это тепло приходит со светом, который хотя и от Люцифера, но от хорошей стороны Люцифера. Свет, струящийся в человеке, дает ему познание. Источник этого света — Ягве, живущий в космической «воде» (море) мудрости. Духи добрых Иерархий пользуются в этом случае услугами Люцифера, чтобы этот свет излучать в человека». Тут имеют место взаимосвязи: Люцифер — свет—познание и: Христос—тепло—любовь.

Сначала мы должны как наивысшее познать Христа, а потом Его *пережить*, когда Он Сам излучается в нас как жизнь любви. «Таким способом мы можем прийти к душевному переживанию, которое лишено интенциональности, — к переживанию духовного мира, который не является простым продолжением физического, но *другим* миром. Всё это может соединиться для нас в символе креста с роза-

ми». Это, собственно, даже и не символ, а живая сила. Мы говорим себе: «Из Бога рождается», — «но к творению примешался Люцифер, поэтому древо креста должно сгореть, обуглиться, стать черным: «Во Христе умираем». И если мы так умерли, во Христе, то для нас могут извне прийти мировые силы семи планет, силы семи небесных красных роз, которые как свет и тепло излучаются в нас»*. «Со Святым Духом воскресаем».

36. Эфиризация крови

Может случиться, что кто-то упрекнет нас в чрезмерном увлечении проблемами ума, головы и в пренебрежении жизнью чувства, сердца. Но это не так. Мы исходим в наших рассуждениях из принципа, о котором Рудольф Штайнер говорит в конце 1-й главы «Философии свободы»: «Путь к сердцу проходит через голову. Не составляет здесь исключения и любовь. Когда она не является просто проявлением полового влечения, она основывается на представлениях, образуемых нами о любимом существе. И чем идеалистичнее эти представления, тем большее блаженство дает любовь».

Любовь как свободный дар одного человека другому рождается из Я. Она есть плод мудрости. И именно такая любовь есть основа подлинной христианской этики, которая существует только в моменты, когда человек рождает ее из себя.

Такая любовь не только возвышает душу, но созидает тело воскресения. Она созидает его, порождая в человеке новую эфирность, которая — от Жизнедуха Христа.

Рудольф Штайнер говорит, что в ходе эволюции в нас возник процесс, в котором кровь, материализованная в нас эфирность, снова возвращается в эфирную форму и устремляется от сердца к голове. Если бы этого не происходило, то наш мозг мог бы думать лишь о наших внутренних потребностях. «Эти эфирные потоки родственны непосредственно шишковидной железе... Шишковидная железа обогревается этими тонкими эфирными потоками, и ее движения как физического органа мозга находятся в созвучии с эфирными потоками... идущими от сердца» (ИПН 129, 25.8.1911). Благодаря этому имеется возможность получать знания, мыслить об окружающем мире.

*) Всё это мы взяли из неопубликованной лекции Рудольфа Штайнера, прочитанной 30 дек. 1913 г. в Лейпциге.

Зная об этом, подумаем теперь о том, что Христос вошел, собственно говоря, в кровь Иисуса из Назарета, поскольку Я живет в крови. Отсюда проистекает значение крови в Христианстве.

Следовательно, космическая, универсальная сила любви, любовь Отчей Основы мира, перешедшая на Христа, пульсировала в крови Иисуса из Назарета. И эта кровь была на Голгофе принесена в жертву человечеству. Поэтому она живет эфирно в ауре Земли и действует на всех людей, кто стремится найти к ней отношение.

Христос есть Бог человеческого Я, и чтобы причаститься крови Христа, необходимо обладать знанием, духопознанием существа Христа. А поскольку этого нет, то таинство причастия катастрофически теряет свою силу в современном мире.

Знать тут нужно о том, что «после Мистерии Голгофы постоянно имеется возможность в (эфирный) поток, идущий от человеческого сердца к голове, ввести действие эфирной крови Христа. ...Соединение обоих потоков происходит, однако, лишь в том случае, если человек приносит *правильное понимание* навстречу тому, что содержит в себе Импульс Христа. ...иначе эти потоки взаимно отталкиваются» (ИПН.130, 1.10.1911). (А отталкиваясь, заметим от себя, отталкивают людей от церкви.)

Мы, таким образом, всё вновь убеждаемся в том, что «мудрость есть предварительное условие любви, а любовь — это плод возрожденной в Я мудрости» (ИПН.13, S. 416).

Ну а если понимание у нас есть и те потоки соединяются, то тогда в нас от сердца к голове струится не просто «*вновь* возникающее эфирное тело» (ИПН.129, S.194), а Жизнедух Христа, в котором воскрес фантом, бессмертная часть физического тела Иисуса из Назарета.

Послушаем далее, что говорит Рудольф Штайнер: «В действительности то, что прежде было лишь в Солнце, будучи родственным с земными существами, заняло в таинственный момент Иоаннова крещения на Иордане место в физическом, эфирном и астральном теле Иисуса из Назарета. И в этом теле... впервые на нашей Земле чистейшее, светлейшее течение, идущее из космоса, соединилось со стремящимся из человеческого сердца к мозгу, вновь возникающим эфирным телом». Тем самым для человека была создана и еще одна возможность: пронизать себя «тем элементом из мирового пространства, который в символе голубя представлен нам при крещении на Иордане» (Ibid.).

Таким образом, восходящий поток развития своим объективным действием в любом случае ведет человека к одухотворению, эфиризирует кровь и т.д. Но если будет только это, то человек просто рас-

творится в великой Пралайе, а в бытии Юпитера явится как не прошедший через человеческую ступень, т.е. пополнит ряды люциферических существ. Но если мы соединяемся с эфирной кровью Христа, то наше эфирное тело не просто возвращается в некую общую эфирность, а становится *новым, другим*, не тем, какое мы получили в зоне Солнца. Рудольф Штайнер прямо говорит об этом, что оно «вновь возникающее». И то, что строит его, приходя из космоса, что «было в Солнце», — это *Буддхи Христа*. Оно соединяется в человеке с тем, в чем осуществляет себя его индивидуальная жизнь.

Человек может быть наделен Манасом, минуя Импульс Христа, т.е. может возникнуть крайне своеобразное, не просто люциферическое, а ариманически-люциферическое существо, обладающее низшим «я» — что еще не делает его вполне человеком, но отчасти все-таки делает им — и пятым принципом, делающим его сверхчеловеком. Такого человека совершенно целенаправленно стремятся получить в ариманических мистериях, в особенности в наше время, когда открыты мощные подсобные средства такого посвящения: генная инженерия, психотроника и др. Поэтому внесение Импульса Христа в поток эфиризирующейся крови — это вопрос всей дальнейшей судьбы человека.

Когда же он вносится, то человек, пусть сначала и лишь в совсем малой степени, но причащается к макрокосмическому Я в форме Жизнедуха Самой Отчей Основы мира, что составляет Сущность Христа. И эта Сущность потому выше всего, что развивается в границах эволюционного цикла, что ее действием не просто метаморфозировается уже существующее эфирное тело человека — эту задачу решает нисходящий к человеку Манас, — но в этом теле как в оболочке, в форме рождается совершенно новая макрокосмическая сущность человека. Это сущность иерархического порядка, которая, оттолкнувшись от люциферического и ариманического действия в эволюции, соединяет себя со средним потоком развития, с вертикалью духа, совершенно свободной от действия отставших духов. Человек восходит туда, фактически, из небытия, значит, в известном смысле, как ничем не обусловленный, как совершенно новое начало. Всем прошлым его развитием была образована как бы скорлупа, кокон, в котором только силой Христова действия зарождается и рождается эта новая сущность. Это Я, которое будет действовать в следующем цикле эволюции.

Поэтому Христос и говорит: «Се, творю всё новое» (Апок. 21, 5). Именно в этом «новом» воскресло физическое тело Иисуса из Назарета — дар Бога-Отца и Духов Воли.

После Мистерии Голгофы, говорит Рудольф Штайнер, Земля овеивается Жизнедухом Христа как своей новой духовностью. Эту Мистерию рано или поздно должен пережить каждый человек. Готовит его к ней также и новый Св. Дух, который целиком поставил Себя на служение среднему потоку эволюции. Он не приходит в таком случае из будущего, чтобы соединиться с идущей ему навстречу из прошлого Субстанцией Отца. *Он приходит из вневременных высей и соединяет человека с субстанцией Христовой Жизнедуха.* «...В символе голубя (он) представлен нам при крещении на Иордане».

37. Свойства и образ действия люциферических и ариманических сил

Чтобы свое развитие взять в собственные руки, человеку нужно много знать, и знать не интеллектуалистически, а соединяя знание со всем своим существом как силу, меняющую его. Тогда Христос — с ним. Если он этого не делает, то его развитием продолжают на старый манер ведать люциферические и ариманические существа. А на этом пути оно уже зашло в тупик.

Долго, очень долго, эти существа занимались развитием человека, так что он в своей современной душевности, духовности, в своем низшем «я» почти целиком оказался плодом их действий. Но теперь дело для него заключается в способности развиваться далее в соответствии уже с новыми условиями. Это совершенно гениально выразил Гёте в своем «Фаусте», которого можно переживать как своего рода новейший завет человечеству, показывающий в художественных образах истинную констелляцию современного человека, стоящего между Люцифером и Ариманом и в этом трудном положении ищущего своей «фаустовской» душой путь спасения, путь ко Христу. Не исключительный, а типичный в наше время образ человека дал Гёте в своем шедевре. В нем проблема добра и зла решается, фактически, художественно-духовнонаучно. Однако сокровенную тайну зла Гёте все же раскрыть не смог. Для этого требуются прямые сознательные исследования, проводимые в сверхчувственном мире. Богатые результаты таких исследований получил и изложил в понятийной форме Рудольф Штайнер. В его лекциях содержатся многочисленные описания отдельных свойств отставших существ, их проявления «не на своем месте». Мы теперь попробуем немного систематизировать эти сообщения, пользуясь при этом методологическими принципами Антропософии.

Отметим еще раз, что в познании такого рода дело идет не об удовлетворении мистического любопытства и не о пустых умозрениях, а об этических принципах индивидуального развития. Мы имеем здесь дело с очень важной практической потребностью, истоки которой уходят в очень сложные сферы духа, и потому в ходе такого познания нужно соблюдать контроль над процессами в душе, которые возникают от столкновения истины с «твердынями» нашего консерватизма, с предрассудками и т.п.

Послушаем, о чем нас в этой связи предупреждает Рудольф Штайнер. Он говорит: «Абстрактный человек, держащийся лишь за понятия, легко может прийти к тому, что станет гневаться на отставших существ или впадет в другое настроение и станет испытывать сострадание к «бедным» отставшим существам. Это всё были бы ощущения и понятия, которые нам не следует питать к этим большим сущностным явлениям Вселенной. Мы тогда ступаем на совсем ложный путь. Нам, скорее, подобает питать душу знанием о том, что всё, что совершается — достигают ли сущности своей цели или предпочитают, так сказать, оставаться на более ранней ступени развития, — всё совершается по изволению космической Мудрости. И глубокий смысл содержится в том, что существа отстают на известной ступени... Они *в своей отсталости* находятся на *правильном* месте. ...Вероятно, университетские профессора были бы не особенно подходящими педагогами 7–10-летних детей. Так это обстоит и в космических связях. Существа, достигающие своей цели (развития), оказываются для решения определенных задач в Космосе менее подходящими. Для этих задач их место должны занять другие существа, о которых можно сказать, что они отстали из самоотречения», а не потому, что проявили слабость (ИПН. 122, 21.8.1910).

Однако если они всё же отстали, то тем самым они поставили себя в линию действия закономерностей, противодействующих Иерархиям нормального развития. И делают они это всерьез, с готовностью идти в своем деле до конца. Когда их образ действия достигает человека, то в нем он оказывается совершенно неприемлемым уже в силу того, что от человека ни в коей мере не требуется как-либо жертвенно отставать. Он весь предназначен для восхождения. И чтобы следовать за силами отставания, он должен принять поистине *первичное* решение. Следствия его всегда оказываются деструктивными во всех отношениях. И как трагично это может выражаться — наглядно показал XX-й век, характер которого грозит повториться и в веке XXI-м.

Мир зла опасен для человека еще и потому, что в нем часто дейс-

твуют даже и не иерархические существа. «Люцифер и Ариман — могучие духи, — говорит Рудольф Штайнер, — но в их среде имеются сонмы менее сильных существ, вплоть до мельчайших элементарных существ, которые действуют (например) в отдельной песчинке (или, добавим мы, в отдельном безнравственном проявлении человека). Среди этих менее сильных существ обретаются сонмы Мамона, с которыми уже зоны ведет борьбу Михаэль»*.

Люциферические и ариманические силы имеют сферы своей правомерной деятельности, но они их часто переступают, и особенно в земной жизни людей. Рудольф Штайнер дает такой пример. «История развития философии, — говорит он, — есть [за исключением позитивизма] сплошное свидетельство инспираций Люцифера» (ИПН.147, 25.8.1913). А об огромном значении философии для развития индивидуального духа ничего говорить не требуется. Однако ее инспиратор, Люцифер, переступает эту правомерную сферу своей деятельности, возвышающей человека над чувственным миром, и своим действием на него доводит его до протеста против всего строя мира. Он пытается душевно-чувственное в человеке полностью оторгнуть от физически-чувственного мира, «одухотворить его и устроить [со всем этим] на отдельном, можно сказать, изолированном острове духовного бытия люциферическое царство...» и противопоставить его всеобщему порядку мира именно как изолированное, родственное его природе царство (Ibid.).

Ариман является правомерным господином, даже богом смерти. Он ее регулятор. Его царство — это неорганическая природа, которая всегда мертва. А поскольку ее законы пронизывают и другие царства природы, то подлежащее в них правомерной смерти также находится под господством Аримана. «В том, что окружает нас как внешняя природа, Ариман является правомерным господином смерти и, как таковой, он является не злой, а обоснованной, признанной во всеобщем строе мира силой» (Ibid.). Он признан потому, что смерть является подателем жизни, она есть метаморфоза бытия, а не способ превращения его в небытие.

Однако Ариман переступает свою правомерную сферу, когда подходит к человеческому мышлению. Оно связано с мозгом, а мозг подлежит распаду в соответствии со всеобщим мировым порядком. Поэтому вместе с мозгом должно умереть и рефлектирующее мышление. Ариман же старается физическое, направленное на чувственный мир мышление оторвать от его смертного инструмента, сделать

*) Лекция от 12 мая 1913 г. Эзотерический урок в Кёльне.

его самостоятельным, не дать ему излиться в поток уничтожения вместе с умирающим мозгом, когда человек проходит через врата смерти. И когда ему удастся это сделать, «то он выносит с этим мышлением в физический мир тени и схемы, а они затем пронизывают физический мир. ...Ариман постоянно хочет с этими тенями и схемами основывать себе особое ариманическое царство. ...эти тени и схемы шмыгают повсюду в физическом мире, нанося вред строю мира» (Ibid.). Из таких схем построен марксизм и много подобного ему.

Ариман поставил себя в Космосе как самостоятельную силу. Пространственно он пребывает в мире там же, где и человек, он связан с ним через его интеллект, но он не связан с истинными богами. Не пройдя в зоне Солнца правильным образом через человеческую стадию развития, Ариман усвоил интеллектуальность лишь в форме отражения, как противостоящую истинному духу, не смог ее овнутрить в себе, поэтому в нем она не связана с сердцем, она у него ледяная, бездушная. Его логика безжалостна. Чем больше он осуществляет свои намерения, тем сильнее становится холод, окружающий его. «... Он движется как мир, который стягивается в одном, в собственном существе, в котором он утверждает себя лишь через отрицание мира; он движется так, как если бы вел с собой зловещие силы темных глубин Земли» (ИПН.26, S. 117).

Истинные боги используют Люцифера и Аримана в их полярно противоположном действии на человека. Обусловив изгнание человека из Рая, Люцифер создал беспорядок в развитии его Я. Я пришло в неправильную связь с астральным телом нисшедшего на Землю человека, получило над ним перевес. Благодаря этому астральное тело, в свою очередь, получило перевес над эфирным телом. Люцифер как бы нанес удар астральному телу, который пронизал все три тела.

Такое действие, будучи единственным, вызвало бы ужасные «перекосы» в развитии человека. Но ему навстречу выступило действие Аримана. Благодаря ему эфирное тело как бы «отпружинило» удар астрального тела и в свою очередь получило перевес над ним. Далее таким же образом физическое тело получило перевес над эфирным телом. Люцифер и Ариман встречаются в их противостоянии в четырехчленном человеке посередине и отскакивают один от другого. Возникает следующая полярность:

Я, астр. тело ↔ эф.тело, физ. тело.

Идя с Люцифером, человек чрезмерно вонзается в свое эфирное тело своим астральным телом, а идя с Ариманом, чрезмерно вдавливает

вает эфирное тело в физическое. Но всё это имеет свои большие положительные следствия! Перевес эфирного тела над астральным дает человеку вообще чувство телесности. А перевес физического тела над астральным обусловил возникновение органов чувств, нервной системы. Перевес эфирного тела над астральным привел к образованию материи мышц.

Дух входит в оболочки человека и разбивается об их нерегулярности, вызванные перевесом Я над астральным телом. В силу этого возникает материя. Материя, как уже говорилось ранее, — это руины духа (см. ИПН.134, 29 и 30.12.1911). И получается, таким образом, что без совместного действия на нас Люцифера и Аримана у нас не было бы ни нервов, ни мышц. Не было бы и костей, органов чувств, жизненных процессов. Мы не могли бы воплощаться физически на Земле, а значит, и развивать самосознание.

В то же время, подверженность одному лишь люциферическому влиянию вызывает в человеке склонность к пустой мечтательности, к туманной мистике. Такие люди испытывают отвращение к строго очерченному мышлению, даже высмеивают его, не любят ясных представлений о мире, полагая, что все это сугубо субъективное. Такое настроение лишает душу подвижности и может привести к тому, что в следующей жизни человек окажется не в состоянии полноценно войти в оболочки и развивать нужные личные, социальные и иные отношения.

— Люцифер укрепляет в людях инстинкт оставаться на детской ступени развития в худшем смысле этого слова, т.е. он способствует развитию инфантилизма. Ибо ему вообще не нравятся старики. Его вполне устраивало бы, если бы Землю населяли одни инфантилы. Тогда ему удалось бы реставрировать изначальную групповую душевность человечества, в которой растворились бы отдельные души.* Сделать из Земли одно большое органическое существо с общей душой — такова его глобальная цель. Такова люциферическая сторона проекта глобализма, с большой настойчивостью осуществляемого на земле.

— Ариману хотелось бы, чтобы человек перестал перевоплощаться на Земле и уже в этой инкарнации чисто интеллектуально пережил бы всё, что он может пережить здесь до конца земного эона. И если бы человек имел лишь интеллектуальные образы будущего, то они отвердели бы в физическом теле и вызвали бы глубокую антипатию

*) Образец такого человечества изобразил К.С.Мережковский в своем утопическом романе «Рай земной». М. 2001. Изд. Приор.

к будущим инкарнациям. В нежелании снова приходить на Землю человек может переживать даже некое чувство блаженства. Из этого источника рождаются идеи о необходимости как можно скорее завершить земное бытие. В результате таких настроений люди после смерти словно бы «приклеиваются» к Земле. Земля от этого чрезмерно индивидуализируется, интеллектуализируется, становится лишь выражением [колонии] отдельных индивидуальных людей, выражением их интеллектуальности (см. ИПН.203, 29.1.1921).

— Люциферических существ Рудольф Штайнер характеризует, с одной стороны, как существ гнева. Они тянут человека прочь от Земли, в сверхчеловеческое. Они хотели бы видеть его Ангелом, не подпадающим низшим функциям физического организма. Они сильно гnevаются на это однополое существо с такими низкими функциями. Они хотели бы устранить из него всё животное и хотели бы, чтобы он (тут они одного мнения с Ариманом) больше не нисходил в воплощения, оставался бы в жизни между смертью и новым рождением, в духовном мире. И людям следовало бы крайне серьезно относиться к тем силам, которые в социальной жизни ведут дело к тому, чтобы как можно скорее разрушить планету, сделать ее непригодной для жизни и даже уничтожить как космическое тело. Это большая и очень реальная опасность, поскольку силы эти обладают огромной политической, экономической и иной властью.

— Ариманических существ Рудольф Штайнер еще характеризует как существ боли. Им очень хочется обрести человеческий облик, но им это не дано, что причиняет им ужасную боль. Чтобы ее понять, нужно представить себе животное, которое осознало бы, почувствовало бы, что ему хочется выпрямиться, стать человеком, и тем не менее, сделать этого оно не может. Такому существу тогда хочется абсолютно всё разорвать в себе, только бы распрямиться. Таковую необычную и ужасную боль переживают ариманические существа. Она смягчается лишь тогда, когда они подступают к человеческому рассудку и захватывают его. Наш рассудок охлаждает их боль. Поэтому они вцепляются в него всем своим существом, вонзают в него свои когти. Ариман, естественно, интенсивный враг всех попыток человека восходить к высшим формам сознания. Материалистическая наука утоляет его боль. «Ариманическое — это нечто как бы встающее из материального мира, проходящее через животное царство и, полное боли, устремляющееся к человеку, желающее захватить [его] рассудок, но отбрасываемое назад в человеке сверхчеловеческими существами, постоянно отскакивающее (от человека), но стремящееся унести с собой его рассудок» (ИПН. 208, S.56).

Бернард Эйб. Материализм

— Люцифер хочет, чтобы человек был духовным, но действовал как автомат, без собственной воли. Он стремится исключить делание человеком зла, хочет сделать его *благочестивым*. Человек должен быть добрым, но автоматом, чтобы так, автоматически, он вошел бы и в ясновидение. Люциферические духи хотят этого потому, что они сами свободной воли не обрели. Они хотят поднять человека до своей высоты, но как автомата. Они ненавидят свободную волю. Таковы люциферические Ангелы и существа, стоящие ниже их на современном этапе эволюции. Прежде, действуя в духе общей тенденции люциферических Иерархий к обособлению от истинных богов, к раздроблению Идеи мира и т.д., они способствовали обретению человеком свободы. Теперь же, когда начался всеобщий переход мира к восходящей эволюции и человек нормальным образом завоевывает свое высшее Я, свою свободу, обостряются все односторонности развития. Из рук Люцифера человек получил побуждение к свободе, но Люцифер категорически против того, чтобы человек получил свободу из рук Христа. Люциферические и ариманические существа не понимают среднего пути и боятся всеобщего синтеза.

Но именно синтезом полярностей должен заниматься человек, если хочет следовать за Христом. И его не должны шокировать факты прошлого развития (например, изгнание из Рая), благодаря которым он стал автономным существом и личностью. И самые высокие Иерархии не могли бы так образовать Землю, чтобы она породила в человеке интеллект. Им закрыт доступ в чувственный мир, и потому потребовались ариманические существа. Они принесли в мир смерть, а с нею — интеллект.

— Ариман знает смерть, поскольку стал инструментом в работе Отчего начала и связал себя с развитием Земли вплоть до ее минерализации. «Он — знающий, мудрец Смерти» (ИПН.211, S.111), а потому и господин интеллекта, и, следовательно, он просто должен хотеть всю Землю интеллектуализировать, сделать ее царством самой радикальной контр-интеллигенции — универсальным и вечным *отражением* космической интеллигенции как своим самостоятельным царством.

Универсализмом своих намерений Ариман и Божественные Иерархии поставил перед вопросом: что с этим делать? Вопрос решил Сам Бог, познав земную смерть. Благодаря Ему мудрость смерти обогатила также и Иерархии. А человеку Мистерией Голгофы было сказано, что интеллектуальность можно снова вернуть к спиритуальности, не утрачивая себя: умереть и стать. Власть Аримана этим знанием была поколеблена. Рудольф Штайнер говорит: Ариман ждал того всемирно-исторического момента, когда он сможет действовать не только через человеческое подсознание, но со всей силой проникнет в его индивидуальное сознание. И он был ошеломлен, когда Христос прошел сквозь смерть. Возможность вмешиваться в дела человека у Аримана осталась и после того, но было сломлено острие его господства. Однако он продолжает надеяться удержать человека лишь в пустом пользовании интеллектом, убеждая его, что его душевно-духовное существо неотделимо от тела. И он многого достиг по мере возрастания в мире материализма. Ведь к середине XIX в. даже теология стала материалистической.

Действуя в интеллекте, Ариман порождает в нем заблуждения и ложь. Уже ап. Павел понял, что у человека заблуждением может стать то, что когда-то приходило от богов как Истина. И потому даже у умнейших людей начало возникать пугающее недоумение: был распят невинный? — но это же невозможно! (см. ИПН.211, 2.4.1922).

КОНТРИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЗЕМНОГО ПЛАНА

38. Необходимое промежуточное замечание

Можно было бы еще очень долго приводить сообщения Рудольфа Штайнера, в которых он описывает свойства отставших существ, одни из которых объективно необходимы для развития человека, другие — опасны. Но мы теперь должны обратиться к рассмотрению социального аспекта темы контринтеллигенции. В условиях нашего времени аспект этот приобретает форму *радикального зла*. Его бурное нарастание вполне реально грозит ввергнуть всю цивилизацию в такой хаос, из которого она может вообще не выбраться. Об этом много говорят и пишут, но понимания подлинных истоков такой угрозы, ее сущности, природы в широкой научной и публицистической литературе найти нельзя. Объясняется это тем, что в этой литературе аксиоматически доминирует материалистический взгляд на развитие человеческого общества и вообще на всякое развитие, а там, где делаются робкие попытки взглянуть на суть дела с метафизической стороны, исследования принимают просто курьезный характер и служат только укреплению позиций материалистического метода познания в историографии, социологии и политологии. В результате создается впечатление, что человечество бессильно пред лицом радикального зла, что оно всегда правило в мире и будет править.

Такое настроение есть плод материалистического мировоззрения, которое, когда дело касается сущности вещей, всегда кончается агностицизмом. Цивилизация впала в кризис в первую очередь по вине кризиса сознания и познания. Так образовался замкнутый круг, в котором одни впадают в фатализм, другие — в растерянность, о чем еще в начале XX века писал с горечью Сергей Есенин:

С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несет нас рок событий.

Наивно преуменьшать опасность, перед которой стоит человечество, но недопустимо капитулировать перед нею, складывать руки или, хуже того, вставать на сторону «торжествующего» зла. Нужно во что бы то ни стало разобраться в смысле происходящего. Сделать же это можно только с помощью Духовной науки. Ибо только она смысл, содержание и процесс истории раскрывает исходя из позна-

ния целостного образования, состоящего из трех частей: собственно истории, метаистории и субистории.

Исторический процесс — это процесс эволюции на стадии индивидуального становления человека. Мировые противоположности, некогда *изошедшие* из мирового начала, в истории *сходятся* на человеке. Оттого и рождается в историческом становлении великое противостояние добра и зла. И в центр его поставлен человек. Навивно думать, что такая сложная констелляция может исчерпываться одними земными отношениями. Человек в культурно-историческом процессе (и социально, и политически) поставлен в узловую точку лемнискаты, в которой совершается взаимодействие интеллигенции иерархических существ с контринтеллигенцией. Легко представить себе, насколько сложно находиться в таком положении и решать задачи, к решению которых оно обязывает. Действие в этом положении может быть правильным только в том случае, если будет усвоен ряд краеугольных принципов духовного познания, один из которых сводится к следующему: «...до тех пор, пока верят, что добрые существа одни могут завершить мир, бывают вынуждены оставаться с сентиментальными представлениями, с миром фантазии. ...всеобщей эволюции должны были быть приданы силы, исходящие из злых существ. Это мудро, что зло было примешано к эволюции мира. ...Бесстрашно, мужественно следует выходить навстречу опасным истинам...» (ИПН. 146, 31.5.1913).

Этим положением должен определяться характер противостояния человека силам зла. Он не ставит себе задачи зло искоренить как таковое, он работает над тем, чтобы зло *претворять* в добро. Уничтожить зло нельзя, поскольку у него есть субстанция, оно есть часть мира, а за пределы мира ничего удалить нельзя, нельзя превратить что-либо в ничто. *Всё существующее можно только метаморфозировать*. А еще можно препятствовать *возникновению нового зла* путем преодоления зла в самом себе. В первую очередь — в мышлении, а потом и в чувствах, и в делах.

Приступая к рассмотрению того, какой облик приняло зло в XX веке и оттуда переползает в век XXI-й, мы позволим себе в большей, чем это было прежде, мере пользоваться также опытом и наших собственных наблюдений действительности и выводами, к которым они нас привели. Но базой и в этих случаях остается антропософская методология; поэтому, нам кажется, не следует спешно объявлять беспочвенным то, о чем далее пойдет речь; хотя и обязательной силы это для читателя иметь не может.

Кое-что из того, что читатель встретит в дальнейшем, мы уже из-

лагали в других наших работах десять и более лет тому назад. Теперь, как нам кажется, подо всё это нам удалось подвести более солидную методологическую базу.

39. Христос и мировое зло

Наблюдая феноменологию зла в новейшее время, можно заметить, что в его характере появилась совершенно новая черта. Используя определенные макрокосмические закономерности, зло на земле *социализировалось как целостная в себе система*. Особую роль при этом сыграли космический и исторический ритмы. Вся эволюция мира и человека совершается ритмически; *ритмически же вмешиваются в нее и отставшие духи*.

Для ариманически-азурических сил особенно важен исторический ритм с амплитудой в 666 лет. Пользуясь им, они в его узловых точках предпринимают особенно сильные атаки на человечество с целью дать иное направление культурно-историческому процессу, а через него воздействовать и на всеобщий ход эволюции, изменив в нужном им смысле его ритм. Нас далеко увело бы от темы изучение того, как формируются мировые ритмы. Поэтому мы воспользуемся лишь отдельными сообщениями Рудольфа Штайнера и обдумаем их в контексте нашей непосредственной задачи.

Рудольф Штайнер неоднократно подчеркивал, что главным в Событии Христа является не странствие Его по Земле, а совершение Им Мистерии Голгофы. Она буквально поделила мир надвое: на тот, который был до нее, и тот, который существует после нее. Также и историческое время разделилось на две эры: до и после Мистерии Голгофы. Поэтому новое летосчисление, которому она задала ритм, следует начинать не с 1-го, а с 33-го года по Рождеству Христову. Тот год является первым в новом летосчислении; а начинается год всегда на Пасху. (Это важно знать всем, кто считается с существованием духовной реальности и не желает автоматически следовать за, как замечает Рудольф Штайнер, капризом французского короля, которому вздумалось начинать год среди зимы, 1-го января.)

Далее нам нужно принять во внимание тот смысл, какой в пифагорейской методологии придается числу 19. В нем, в первую очередь, важно то, что оно состоит из чисел 12 и 7, образует их сумму, соединяет в себе эзотерический смысл этих чисел. Число 12 выражает макрокосмическую полноту, а 7 — это число развития и жизни. Это есть также семичленность планетной системы внутри двенадцатичленно-

го круга Зодиака. Взаимными *положениями* планет и областей круга Зодиака (космическим мышлением) ткется процесс эволюции на всех ее уровнях, вплоть до «Ариадниной нити» человеческой судьбы. В числе 19 соединяется, фактически, всё, что имеет место в нашем цикле развития (тут нужно еще учесть, что число 12 — это три раза по четыре или четыре раза по три).

Приняв всё это во внимание, мы можем понять особенное значение 1933-го года для истории и судьбы человечества. Это был, по сути, *первый* год XX-го столетия, и это было время, когда после Мистерии Голгофы истекло ровно 19 веков.* Этого года, говорит Рудольф Штайнер, особенно ждал Зорат — апокалиптический «зверь из бездны», азурическое существо большой ариманической силы. В лекции от 20 сентября 1924 г. (ИПН. 346) мы читаем: «Могло бы случиться, мои дорогие друзья, что в 1933 г. Земля вместе со всем, что живет на ней, погибла бы, если бы не существовало иное мудрое учреждение.... В смысле автора Апокалипсиса должно быть сказано: прежде чем Христос в эфирном явлении (во втором Пришествии. — Авт.) правильным образом может быть понят людьми, человечество должно будет справиться со встречей со зверем, который вылезет в 1933 году».

Это именно тот зверь, которого Христос, низойдя в страстную субботу в ад, сковал, привел в латентное состояние, и он должен, как об этом говорят на языке оккультизма, пребывать в нем до великого дня «схождения» осей, а когда это совершится, он должен будет быть втянут «в их круговорот (wirbel)» (см. ИПН.93, S. 303).

Зорат является существом, отставшим в ранге Духа Личности. Но это не просто азур — он является, в определенном смысле, «собирательным» существом, в нем сконцентрировались, скопились большие препятствующие развитию силы.

В духовном мире одни существа состоят из других. Кроме того, каждое продолжительное соединение их действий персонифицируется, обретает характер еще одного сознательного существа. Так, даже устойчивая, сильная человеческая мысль становится в астральном мире элементарным существом. Зорат образовался в ходе нисходящего человеческого развития, сопровождавшегося его отпадением от духа. В этом процессе активно участвовали три вида отставших существ 3-й Иерархии, т.е. ариманические, люциферические и азури-

*) Об этом тоже стоит подумать. Столетие состоит из десяти десятилетий. Об эзотерическом смысле числа 10 см. книгу Сен-Мартена, состоящую из десяти страниц.

ческие существа. Они сплелись с членами многочленного существа человека, влияя на то их формирование, которое вело его в материю. Этот процесс был необходим для обретения нами самосознания, но он, в силу его противостояния духу, был связан с борьбой добра и зла. Он породил *отрицательную карму человечества*, карму перехода человеческого вида от человеко-животной к собственно человеческой форме и к человеку сознательному. Мы, проходя через этот процесс, так сказать, сильно «задолжали» остальному миру. Этот долг и «запер» нас в темнице одного только материального мира. Имея в виду его, Христос говорит каждому отдельному человеку: «...ты не выйдешь оттуда (из темницы), пока не отдашь (долг) до последнего кодранта» (Мф. 5, 26).

Отдать этот долг можно единственным способом: претворив причиненный миру вред, т.е. зло, причиненное нами, поскольку, нисходя, мы вынуждали нисходить и отставать других существ, в добро — в добро их восхождения. Для этого мы должны усовершенствовать нашу природу. А совершенствуя ее, мы делаемся способными и достойными того, чтобы снова эволюционно (т.е. не спорадически), но уже как индивидуальность войти в высший мир, в высшее развитие. Такое восхождение и будет означать, что долг развития нами в существенной мере уплачен. А чтобы не желающие уплачивать долг в высший мир не вошли и не внесли в него свое зло, у Порога этого мира поставлен некий страж — неизжитая не личная, а общая отрицательная карма человечества. Ее персонификацией, по нашему мнению, и является Зорат. Поэтому как ни ужасен и как ни опасен он, людям нужно находить к нему отношение и пытаться сконцентрированное в нем зло претворять в себе в добро и так уменьшать исходящую от Зората опасность.*

Христос парализовал Зората, чтобы дать человечеству *выиграть время*. И вот, с конца XIX в., когда началась эпоха Михаэля, человечество, по крайней мере в его европейской части, созрело для того, чтобы долги развития начать платить. Была достигнута вершина интеллектуалистической индивидуализации, и перед людьми с сильным я-сознанием встала задача сознание спиритуализировать, оживлять и начать индивидуально переходить Порог сверхчувственного мира. Водительство этим процессом взял на себя Архангел Михаэль, а верные ему люди понесли весть об этом на чувственный план земного бытия. Они понесли знание об истинном земно-космическом поло-

*) Только при этом, как уже говорилось, не нужно впадать в другую крайность: в sentimentalное отношение к этому существу.

жении вещей в наше время, а также знание о новых задачах человеческого развития.

Пройдя в ходе культурно-исторического развития стадию индивидуализации, человечество в целом объективно, эволюционно пошло к Порогу сверхчувственного мира и первым, что оно должно перед этим Порогом встретить, естественно (как и в индивидуальном опыте), является его общая неизжитая карма. Перед человечеством выступает Зорат.

Поскольку в предыдущем развитии человечества много было упущено, недоделано, искажено, то теперь мы наблюдаем хаос, нарастающий на Пороге. На его другую сторону уже эволюционно многие люди увлекаются совершенно непозволительным образом: бессознательно, поскольку в своем дневном сознании они остаются материалистами. Это вызывает противоудар духовного мира: в их земную жизнь вторгается Зорат. Людями, отвергающими милость Христа, неизжитая карма начинает изживаться как железный закон необходимости, и безмерные страдания обрушиваются на человечество.

Поправить дело можно одним-единственным способом: донести до людей знание об истинном положении вещей, о том, как они сами становятся источником своих страданий, подвинуть их на «уплату долга», т.е. побудить их работать над самосовершенствованием, для чего нужно создать и соответствующие социальные условия, преобразовав все факторы цивилизации на базе духовнонаучного знания. Нужно образовывать человеческие сообщества, в которых всеми факторами жизни: хозяйственными, политическими, художественными, религиозными, научными — люди готовились бы к сознательному переходу Порога сверхчувственного мира, что является ныне *объективной эволюционной необходимостью*.

«Необходимость» эта составляет величайшее, какое только может пережить человек, счастье. Ведь речь идет об установлении сознательной, индивидуальной сверхчувственно воспринимаемой связи с Богом! Но кто навстречу этой объективной необходимости идти не хочет, тот вынужден отдавать себя на произвол своей еще не изжитой животной природы. Какова она в наше время — объяснять не нужно. Если с нею ничего не делать, она в конце концов действительно загонит человечество в «земной рай» глобализма, где *ни одна* душа не будет знать радости.

У всякого развития есть свои *сроки*. Их имеет также и тот период истории, в который для человечества были закрыты врата в сверхчувственный мир и нужно было в материальной отъединенности от духа формировать земное самосознание. Теперь этот период пришел

к концу. Врата духа снова открываются, и человечество должно в них входить. Это обусловлено объективным ходом эволюции, но именно эволюции, а не чередой каких-то спонтанных, случайных «мутаций». У эволюции есть критерии, и если человек не хочет отставать, он должен приводить себя в соответствие с ними.

Да, человечество стоит на Пороге сверхчувственного мира, но ни один не переступит его правомерным образом, не работая над метаморфозой формы своего сознания. И делать он должен это пред лицом Самого Бога. Ибо Христос является великим Стражем Порога. Его второе Пришествие самым непосредственным образом связано с тем, что человечество стоит на Пороге и нужно в соответствии с условиями нового времени помогать ему Порог переступить.

Второе Пришествие Христа, наступление эпохи Михаэля, человечество, стоящее на Пороге сверхчувственного мира, — это вещи глубоко взаимосвязанные и подготовленные всей предшествующей эволюцией. В их число входит и выступление Зората, поскольку когда отворяются врата Неба, то одновременно с ними отворяются и врата ада. Человек — целостное существо, и его высшую природу невозможно развивать, просто отсекая или как-то изолируя низшую.

Человек подошел к очередной видовой метаморфозе. Она в первую очередь касается формы его сознания. Он должен на этот раз осуществить ее *сам*, но поскольку человек — это микрокосм, то процесс такой метаморфозы превращается в гигантскую Мистерию, в которой Иерофантом человека выступает Сам Христос. Он является *на той* стороне Порога, в мире эфирных сил и протягивает человеку (ученику Мистерии) могучую руку помощи, чтобы он освободился от всех оков, пережитков группового сознания, от эгоизма, рефлексии и в чисто индивидуальном элементе, в Я пошел Путем Христа через Порог.

Но всем, что противится этому в человеке, пользуется Зорат. Он проявляется *по эту* сторону Порога, пользуясь тем, что «оси» сошлись.

Нам чрезвычайно важно понять, что означает это «схождение» и что означает «по эту сторону». В ходе исследований методологии Антропософии, которые составили целый цикл наших работ, мы много занимались изучением природы этих осей, которыми организована структура Мироздания в его эволюции. Они представляют собой пронизывающие всякое бытие три истечения эманаций Божественного Троиинства. Это направления действия сил, несущих Мирозданию Субстанцию, Жизнь и Идею (форму). Они, как откровение Отчей Основы мира, имеют тенденцию безграничного простираения и пере-

хода в иное, т.е. они исполнены жертвенности и любви к творению. Их безграничная бессамость в отдаче себя позволяет Иерархиям персонифицировать их в деле развития. Чтобы хотя бы приблизительно понять, как это происходит и к чему это привело строение мира, мы прибегали к помощи образно-графических изображений*. Сейчас мы воспользуемся одним из них, несколько видоизменив его, чтобы приспособить к задаче исследования, которым мы занимаемся в данный момент.

Самая высокая Иерархия, Серафимы, смогла дать эманации трех силовых, строящих Мироздание лучей круговое движение, в силу чего она не ограничила безграничность простираания, а придала ему другую форму. Она сделала это силой Идеи мира, которую единый Бог открыл в Ипостаси Св. Духа. Так своеобразно были обозначены границы творимой Вселенной, и внутрь их начала изливаться Субстанция мира (рис. 36).

По вертикальной оси в новый мир вошла вечная жизнь Отчей Основы мира, опосредуемая Ипостасью Сына, т.е. приспособливаемая к условиям эволюции, возникновения и прехождения. В своей наивысшей сути это жизнь Я. Так возникла мировая вертикаль, состоящая из ступеней Я-сознания.

Круг Мироздания, очерченный Серафимами, играет роль (выражаясь образно) некой преломляющей линзы. Она направляет три мировых луча сил в безграничность инобытия. Это последнее никоим образом не выходит за пределы модифицированного Серафимами божественного откровения, но в откровении образуется еще одно, второе, а потом и третье изменение, откровение принимает характер двойной, чувственно-сверхчувственной реальности.

Поскольку, будучи опосредуемыми рядами существ со все более понижающейся силой Я-сознания, три мировых луча отдаляются от праисточника мира, то в конце концов они *сходятся в точке мирового ничто*, или, иными словами, претерпевают еще одну (после сферы Серафимов) гигантскую метаморфозу и затем простирают свое действие на сторону образующейся материальной вселенной. Возникает граница между сверхчувственным и чувственным мирами. Такой ха-

*) Как сложилось у нас это образное представление – читатель может увидеть в нашей книге «Триединый человек тела души и духа». С наибольшей полнотой нам удалось его показать в книге ««Философия свободы» Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления...» (там это рис. 141).

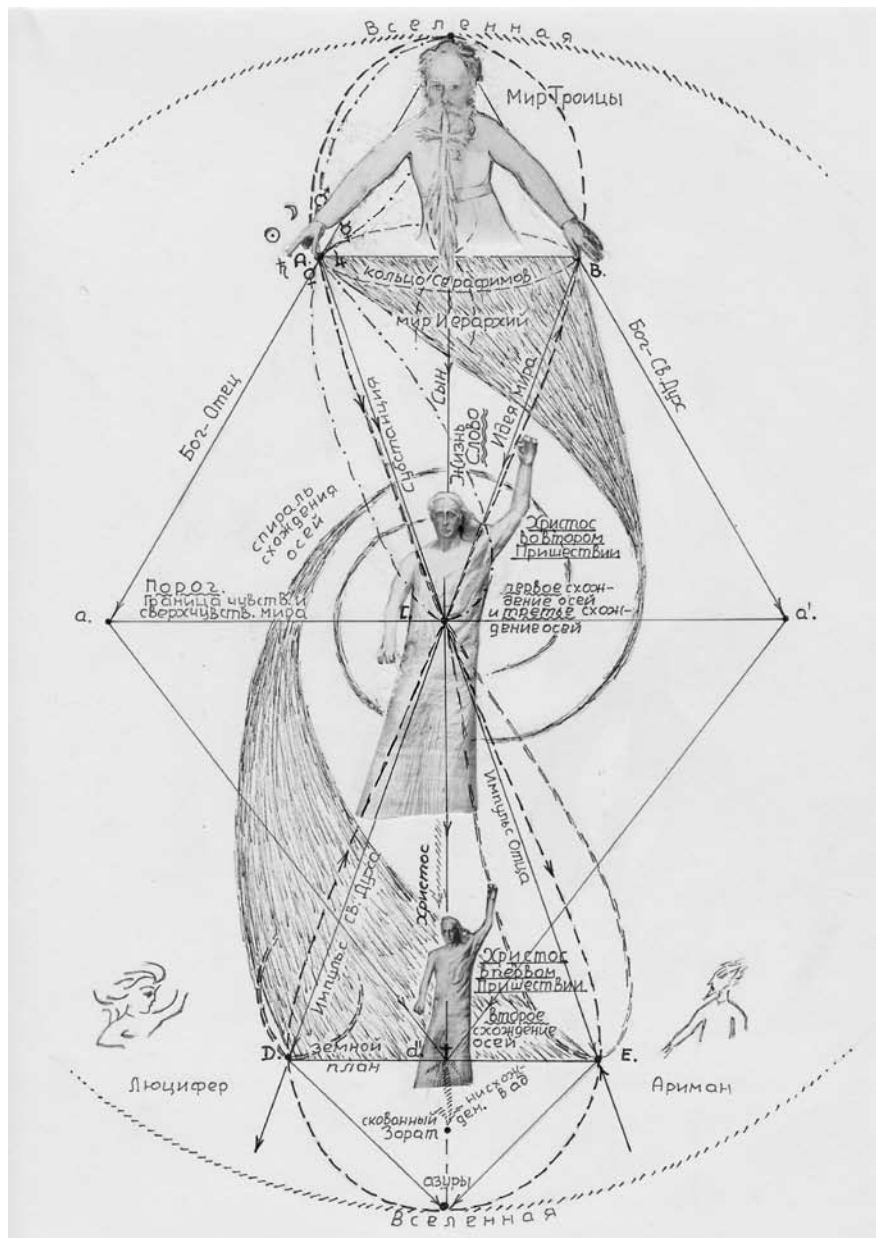

Рис. 36

рактик имеет первое «схождение осей», представляющее собой развитие эманаций трех Божественных Ипостасей.

Мы говорим об образовавшейся точке ничто, но она никоим образом не определяется пространственно. Это, собственно говоря, и есть Порог. Через него постоянно проходит всякое сознание, переступая из чувственного бытия в сверхчувственное и обратно. Это всегда носит характер некоего рода выворачивания наизнанку. Впервые мы сознательно соприкасаемся с ним, мысля в соответствии с теоретико-познавательной лемнискатой.

Изображенный на рис. 36 треугольник ABC возник в результате метаморфозы, выворачивания на другую сторону «Золотого Треугольника» Божественной Троицы. Это треугольник духовной эволюции мира. Простираение мировых осей в нем и в «Золотом Треугольнике» имеет вид лемнискат, ибо это живые силы развития. И если мы представим себе линии обоих этих треугольников как оси трех лемнискат, верхние петли которых пребывают в верхнем треугольнике, а нижние в треугольнике эволюции, то мы получим наглядный образ того, как совершается выворачивание прафеноменальных треугольников.

Далее треугольник ABC тоже выворачивается, на этот раз на сторону чувственного бытия. Возникают три новые лемнискаты, соединяющие обе части единой Вселенной: сверхчувственную и чувственную.

Треугольник CDE в ходе эволюции уже сложной, двойной Вселенной вывернулся затем еще раз, и тогда возник треугольник подприроды, сфера отставших существ 3-й Иерархии. Этот треугольник является законченным антиподом «Золотого Треугольника». В нем сконцентрировано мировое зло. В его центре был скован Зорат. Эта сфера тоже сверхчувственная, но ее следует представлять себе возникшей *не до* начала чувственной вселенной, а как *следствие* ее эволюции. Там скопилась и продолжает скапливаться вся негативная карма человечества, все последствия злых дел людей, их злых мыслей и злых чувств. Всё это, производимое людьми, рождает духовные противоположности, которые высший мир духа принять в себя не может. В человеческой душе и духе они создают некоего рода «тяжесть». Пользуясь ею, Зорат и оттягивает людей от верхнего Порога, где стоит Великий страж – Христос, понуждая их переходить порог чувственного мира в другую сторону, вступая в inferнальный треугольник. Зорат – это страж того порога. Он действует во всем как антипод Христа. Он принуждает людей переступать его порог, кон-

сервируя в них рассудочность, безмерно раздувая эгоизм и сжимая в точку ничто их дух.

Людам не достичь верхнего Порога, пока они не освободятся от той «тяжести», которая, собственно говоря, и есть тяжесть неизжитой негативной кармы. Чтобы восходить, нужна «легкость», а она возникает в процессе претворения зла в добро.

Собственно говоря, в этой «тяжести» и следует видеть *посюстороннее* явление Зората. Она имеет один источник происхождения с силой гравитации. Он находится в треугольнике мира подприроды. Там же находятся источники сил магнетизма, электричества, радиоактивности. Но это исключительное явление, что сила тяжести проявилась также и в душевно-духовном действии. Свинцовой плитой придавила она в особенности интеллектуальную часть человечества, порождая в ней тяжелые депрессии и психические заболевания. Человека охватывает чувство безнадежности от пусть порой и полуинстинктивно, но в конце концов достаточно реально осознаваемого положения: он не может восходить! восходить к верхнему Порогу! а с другой стороны, все факторы жизни сформировались таким образом, что гонят его за нижний порог.

Но несмотря на всё это, остается верной мысль, что зло является необходимой составной частью мира. Современная структура мира просто не могла сложиться иной, чем та, каковой она является. В ней имеется три порога. Самый верхний отделяет откровение Троицы от процесса эволюции. На этом Пороге зародился земной поток эволюции, в котором восхождение достигается через нисхождение. Он вызвал рождение границы между сверхчувственным и чувственным мирами. Она носит точечный характер. Это точка ничто, через которую должен пройти дух, чтобы явиться в формах чувственного мира.

Солнечный поток эволюции такого сужения не знает. В нем эманации трех Ипостасей простираются, не метаморфизируясь. Но рано или поздно они тоже наталкиваются на чувственную реальность, которая в этом случае представляет собой окружность и даже круг, в который раскладывается точка С (рис. 36). И тогда чувственная реальность метаморфизирует солнечную эволюцию, приводя ее оси к схождению (треугольник a, a', a''). Это и есть *новое схождение осей*. В его центр поставил Себя Христос, став Человеком. Движением земного потока эволюции по обеим сторонам этой точки были поставлены Люцифер и Ариман: боги чувственной реальности. Она, в конечном счете, есть разложенная точка человеческого земного «я». Это реальность грубой материальности, минерального царства. Преломляя в ней оси земной эволюции, Люцифер и Ариман создают тре-

угольник подприроды. Как и на втором Пороге, в любой точке видимой природы находится граница с inferнальным миром. Но войти туда (по аналогии с точкой С) можно лишь через точку человеческого «я». Поэтому и Богу нужно было стать человеком, чтобы совершить нисхождение в ад.

Христос, совершив Мистерию Голгофы, лишь учредил новое схождение осей. Осуществляться оно должно человеком, который, стоя в точке их схождения (а'') приносит в жертву низшее «я» в смысле «Не я, но Христос во мне». Тем самым он второй Порог воссоединяет с третьим, преодолевая опасность низойти в ад. Это и есть констелляция человека 5-й культурной эпохи во время правления Архангела Михаэля, когда на Земле должны возобновиться Мистерии, а цивилизация — обновиться на базе духовного знания.

В мире существует гигантское поле напряжения между «Золотым Треугольником» и inferнальным треугольником. И в этом поле совершается развитие человека. Претворяя зло в добро, он ослабляет то поле, способствует восстановлению в мире единства. И таков просто инструмент его работы над собой.

Благодаря Христу произошло схождение осей, неметаморфизированных эманаций Отчей Основы мира. Поэтому Христос и может творить в формах старой эволюции все новое — следующий цикл эволюции. В пространственно-временной мир Христос низвел вечность Отчей Основы мира. Поэтому Христос и говорит: кто видел Меня, видел Отца.

Можно еще сказать, что в Своем втором Пришествии Христос осуществляет *третье* схождение осей, которым является первое их схождение (точка С) во втором, вызванном Мистерией Голгофы и рождением низшего «я» человека. Поэтому Христианство вступило теперь в стадию своего осуществления, где Христос являет Себя как абсолютная Мудрость, Любовь и Свобода.

40. Прафеномен зла

Прафеномен — это духовная сущность, первоисточник сил формообразования, которое в чувственном мире выражается в виде той или иной совокупности феноменов. Прафеномен проявляется как законы их существования и генезиса. Лишь познавая прафеномены, можно с достаточной глубиной понять феноменологию чувственного мира.

С точки зрения Духовной науки «прафеноменами» животных

(Гёте называет их «типами»), растительных видов можно назвать их групповые Я, т.е. конкретных духовных существ. Сливаясь в общей деятельности, групповые Я, скажем, растительных видов образуют один всеобщий прафеномен растительного царства.

Прафеноменом человеческого вида при его рождении на Земле был в некотором роде *замысел* Духа Формы Ягве, намеревавшегося одарить три оболочки человека всеобщим Я. Но по мере развития человек обрел самосознание, собственное земное «я». Тем самым прафеноменом своей душевно-духовной деятельности он стал *сам*. Сознание его оболочек еще по-прежнему остается на высших планах: физического тела – на верхнем Девахане, эфирного – на нижнем, астрального – на астральном плане. Но, обретя самосознание, человек получает задачу и их эволюцию брать под контроль своего Я – высшего в данном случае. Этим Я уже не может быть первоначальное единое Я человеческого вида, поскольку оно действует свыше, предопределяя развитие. Человеку же теперь надлежит свое развитие определять, направлять самому, т.е. становиться свободным. Поэтому его уже не видовым, а индивидуальным прафеноменом стал Христос. Он стал им в самом человеке.

Человек, правда, остается пока еще крайне несовершенным, несмотря на то, что обладает самосознанием, что и сам уже выступает до некоторой степени творцом. Высшее творчество человека ведет его к его высшему прафеномену, ко Христу. Отдельный человек тогда восходит на ступень всечеловека, вмещает в себя как свое личное интересы всего человечества. Но если он творит зло, то это рождает свои противоположности в нижнем мире, где всё еще коренится животная природа человека и где распоряжаются отставшие духи 3-й Иерархии и сонмы элементарных существ мира зла. Эти противоположности постепенно слагаются там в прафеномены зла.

Такое укрепление человеком сил антимира принимает эволюционный характер. Само человеческое существо дает ему организацию. Человек же – это микрокосм, он есть малое выражение большого космоса – всей планетной системы. Эфирные силы, исходящие от семи планет, соединяются в своем действии в одно, и этим одним становится *жизненное тело* земных человеческих монад. Чувственно созерцаемым образом, символическим выражением этого тела является *пентаграмма*.

В духовном бытии, до райского грехопадения силы еще более высокого, зодиакального духовного мира формировали человеческую голову, вливались в эфирное тело человека, давая в нем форму действиям планетарных интеллигенций, что сказывалось на образовании

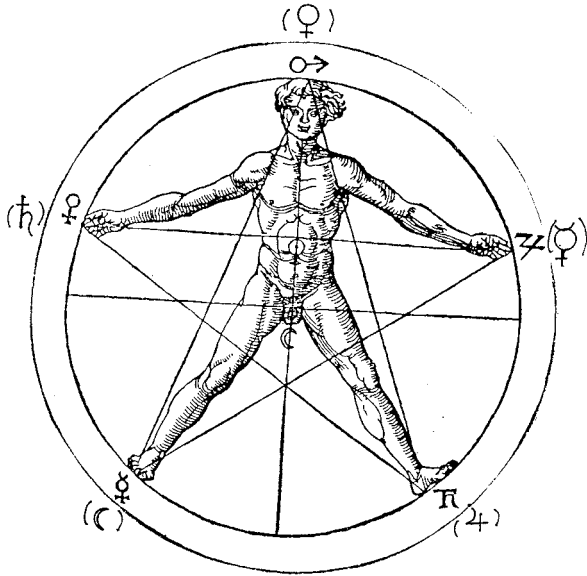

Рис. 37

На рисунке дан образ человека-микрокосма, каким он был известен средневековым оккультистам, например, Агриппе Неттесхаймскому. Рудольф Штайнер показал другую взаимосвязь планет в пентаграмме. Мы дали эти знаки планет в скобках.

физического тела. Человек тогда имел в духовном мире вид сияющей пентаграммы, в которой в своем действии соединялась вся планетная система (рис. 37).

Пентаграмма в соединении с силами планет является чувственно зримым образом *прафеномена*, действием которого человек развился эволюционно до прямоходящего существа. Когда человек был изгнан из Рая на Землю, то этот его прафеномен, попросту говоря, опрокинулся. Человек был головным образованием направлен к земной поверхности и им, словно бы корнем, соединился с нею. Таким способом было положено начало формированию человеческого рассудка. Далее, идя путем эволюции своего вида, человек принял горизонтальное по отношению к поверхности земли положение и, наконец, повернул головное образование к Космосу, стал прямоходящим в современном смысле слова существом. В процессе такого развития выпрямился и его праобраз, пентаграмма его эфирного тела. Человек вошел в фазу восходящего развития, в котором метаморфоза форм его сознания стала его индивидуальной задачей.

Но вертикально человек до сих пор в полной мере стоит лишь как биологическое существо. Что же касается жизни души и духа, то там с выпрямлением люди еще имеют немало проблем, которые проявляются вплоть до психических болезней. В ходе онтогенеза человеческой личности процессом ее душевно-духовного выпрямления занимается сначала педагогика, а потом сама личность. Проблема выпрямления не только личная, но и общественная. И это *коренная проблема* становления человека человеком в полном смысле этого слова.

Поскольку опрокидывание праобраза человека произошло в результате райского грехопадения, то и о его полном выпрямлении можно говорить лишь в том случае, если человеком преодолен наследственный грех.

Его главным положительным следствием стало обретение человеком низшего «я». Оно же с его ориентацией на материальное по-прежнему направлено не к небесному, а к земному. И, таким образом, в самосознании человек остается, так сказать, верен наследственному греху. Вся деятельность, исходящая из такого «я»: духовная, социальная, политическая, экономическая, даже религиозная, — неизбежно всё больше направляется по преимуществу к земному. Человек, таким образом, душевно-духовно стремится как бы снова встать на голову. А в антимире живет страстное желание перевернуть человека и как вид, повернув вспять его эволюцию. В последние 150—200 лет можно наблюдать, как земное человечество всё больше отходит от импульсов метаистории и его интересы всё больше совпадают с интересами субистории. В результате этого там, в треугольнике зла, всё большую актуальность приобретает опрокинутый прафеномен человека. Силы, действующие оттуда, стремятся именно через опрокидывание сознательной душевно-духовной ориентации и деятельности человека вызвать в нем и обратную биологическую метаморфозу.

В наше время можно уже говорить о том, что *перевернутая пентаграмма человека стала прафеноменом зла в планетарном масштабе*. Это не какой-то объективно образовавшийся эволюционно прафеномен, а крайне опасный опыт творчества оторвавшегося от богов и пришедшего к сотрудничеству с существами субистории человека. Наполняющие такой прафеномен силы стремятся пронизать собой всю земную деятельность человека, сделать человека, Homo sapiens, одержимым их целями и вырвать его из прогрессивной эволюции. Это стало *главной характерной чертой общественной жизни современного человечества*.

Не зная об этом, невозможно понять, что же на самом деле и почему происходит ныне с людьми, с цивилизацией в целом. К совер-

шающимся на их глазах событиям люди относятся либо фаталистически, либо релятивистски. Фаталистов мы чаще всего встречаем в среде людей религиозных, а релятивистов — в среде, например, политически правящих в мире элит. Там исходят из того, что мир движется отдельными задуманными и осуществляемыми людьми действиями. Никакого смысла у истории нет, кроме того, какой ей придает человек. Ни над нами, ни под нами ничего нет. Давать нравственную оценку делам человека поэтому бессмысленно. Здесь господствует старая, выраженная Гёте словами Мефистофеля истина:

Народец сей не видит черта,
Когда тот держит его за воротник.

Народ же церковный, мистический сжимается в страхе перед «зверем из бездны» и молит Бога удерживать его и дальше в преисподней. Молит, фактически, о том, чтобы Бог по крайней мере в мире отставших существ увековечил наследственный грех человека. А тем, что для этого пришлось бы остановить эволюцию, определенный род воинствующих теологов не напугаешь.

Интересно, что именно такое настроение возрождается у постсоветских наследников византизма в восточной ортодоксальной церкви. Они надеются создать из России государство-«катехон»*, т.е. препятствующее приходу Антихриста. До каких пор? — спросим мы. — Да всегда! А как в таком случае восстановить Царство Божие? — Вечным закланием антихриста! То есть путем сохранения в Мироздании вечной темницы. И тут уже совсем не имеет смысла спрашивать, откуда и зачем вообще взялся супостат. Бог наслал его на нас за грехи наши? Но ведь змей был в Раю еще *до грехопадения* человека, до сотворения Адама и Евы! Возникает череда больших вопросов без ответа или с профанирующими саму суть Христианства ответами.

Всем этим опасным блужданиям в потемках в поисках понимания смысла происходящего с человечеством в наше время Антропософия противопоставляет ясное и строгое учение о сложном, чувственно-сверхчувственном единстве Вселенной, учение о карме и реинкарнации и о прафеноменологии земного бытия. Но действительно овладеть познанием Духовной науки можно, лишь поняв принципы ее методологии. Простое нанизывание, словно бисера на нитку, ее отдельных сообщений может порой лишь добавить к типичным заблуждениям века новые.

*) Греч. «удерживающий».

Ведь уже был случай, когда «антропософски мыслящие» авторы привели в прямую связь сообщение Рудольфа Штайнера о выступлении Зората в 1933 г. с приходом к власти в Германии национал-социалистов и тут же сделали сенсационное «открытие»: Гитлер — это и есть «зверь из бездны», ну ... или, там — его «аватар»!

Кто ищет в познании истину, тот понимает, что преувеличивать значение феноменов зла так же непозволительно, как и преуменьшать его. В обоих случаях возникает неправда.

Мир в течение последних шестидесяти лет буквально затопляется непрерывно длящейся гипертрофией зла национал-социализма, который стал уже выражением космического зла, принял даже в материалистической цивилизации метафизический характер. В кинопродукции Голливуда космические пришельцы, атакующие Землю, одеты в стилизованную нацистскую униформу, у них светлые волосы, уродливо длинные лица с массивной нижней челюстью, что должно означать их «тевтонское» происхождение. Что эта пропаганда носит откровенно расистский характер — замечать в век сугубой «политкорректности» не полагается.

Всё это делается не из боязни возрождения национал-социализма, а для того, чтобы отвлечь внимание человечества от нового, необыкновенно опасного зла, которое наползает на мир в виде «Сообщества Тени», как его удачно назвали авторы книг, о которых мы говорили во 2-м томе. И это зло, действительно, имеет мощные метафизические корни.

Мы хорошо понимаем, что, касаясь этой темы даже в тех случаях, когда мы опираемся на документально доказанные в печати факты истории, мы рискуем привести ряд читателей, которые до этого места следовали за нами, к пределу их толерантности в области социально-политического познания.

Способность идти в этом познании достаточно далеко определяется в наше время всё чаще не разумом, а мерой заболевания души, вызванного глубокой инфильтрированностью ее многообразной и крайне изощренной пропагандой лжи. Эта ложь к тому же часто находит опору в страхе, а страх — это прямое присутствие Аримана в человеческой душе. Рудольф Штайнер дает такой совет: если вы желаете знать, а не сидит ли в вас Ариман, то посмотрите, есть ли в вас чувство страха. Засилье же Аримана в душе — это болезнь.

Ложь и страх на наших глазах сковывают человечество единой цепью рабства. И потому: «С настоящего времени *радикальное зло* выступает в среде человечества» (ИПН.196, 21.2.1920). И происходит это потому — такой вывод делаем мы, — что у него благодаря совмест-

ной деятельности людей и духов инфернального мира сформировался единый прафеномен и что этот прафеномен *социализировался*; в особенности — начиная с 1933 года. *Его творением и представительством в среде людей является «Сообщество Тени».*

Ни один здравомыслящий и честный человек в мире не думает, что национал-социалистический эксперимент нес добро народам Европы. Но если вникнуть в историю его происхождения (а документов для этого ныне опубликовано достаточно), то становится совершенно очевидным, что в ряду самых известных фигур, проявившихся в трагедии XX века, таких как Черчилль, Рузвельт, Сталин, Гитлер, последний в этом ряду «знаменитостей» был также последним и в табели о рангах «мастеров зла». Он был в ней подмастерьем. Собственно говоря, и те, другие, были не более чем инструментами сил иного уровня, творцов зла, природу которых как раз и следовало бы познавать, поскольку из XX-го века они свои действия простерли и в XXI-й век. А это значит, что если и теперь всё пойдет по-старому, то трагедия XX-го века продолжится, а масштабы ее сильно возрастут.

Что можно противопоставить этому? — Познание и понимание смысла происходящего. Человеческие мысли — это реальность. Истинные мысли служат созиданию, ложные — разрушению. Мысли людей восходят до высшего Девахана. Боги слышат их и в соответствии с ними формируют процесс метаистории в его связи с земной историей. Если бы мысли не обладали никакой реальной силой, то не было бы и нужды так тотально обманывать человечество и бороться с *каждым отдельным* человеком, если он начинает понимать подлинный смысл происходящих событий.

* * *

Национал-социализм нанес большой вред не просто Европе, а всей 5-й, современной, англо-германской культурной эпохе. Только о подлинном характере этого вреда еще *никто* и *нигде* ничего не сказал.* А что касается 1933-го года, то выступлением в нем Зората *ознаменовалось соединение на плане истории разрозненных, разобщенных и противоречивых действий разного рода отставших духов в некую систему.* На базе одного лишь средневропейского этноса такое прозойти не могло. Хотя бы потому, что в национал-социалистическом эксперименте доминировал *люциферический* импульс, а Зорат — это

*) А если кто-то заговорит, то на него, в этом можно не сомневаться, зашикают со всех сторон.

дух по преимуществу ариманической природы. И он дух, который работает в масштабе не отдельного народа и даже не расы, а только *в масштабе человечества*. Он есть мировое глобальное явление. С появлением национал-социализма это явление лишь получило *последний недостающий ему элемент*. И вредно, крайне вредно для судьбы всего человечества заслонять или даже подменять частью целого само целое, в которое это человечество интегрировано злой волей одних (немногих) и пассивным, а часто и просто глупым поведением других — «широких масс».

Рудольф Штайнер еще в 1921 г. говорил: «Со стороны Зората предпринимаются попытки сначала хотя бы временно проникнуть в человеческое сознание и вызвать в нем бедствие, несчастье, беспорядок. К чему стремятся проникающие в душу человека духи Зората — это не мировая война, а то, что *последовало за ней*, нечто еще более ужасное, что будет становиться все ужаснее, как, например, то, что происходит в современной России» (ИПН. 343, S. 119). А произошло в ней в 1917 г. зарождение интернационального большевизма с его идеей перманентной революции.

Теперь, уже оглядываясь назад, мы можем сказать себе: да, сначала был ариманизированный социалистический эксперимент в России, сопровождаемый войной, страшным террором, вымариванием искусственно вызванным голодом многих миллионов крестьян, атеистической, грубо ариманизированной диктатурой; потом был люциферизированный социалистический эксперимент в Германии; потом оба эксперимента столкнули между собой и мировая война продолжилась; масштабы ее во второй раз были еще более ужасными, чем в первый; то, что «последовало за ней», таит в себе угрозу социалистическим экспериментом уже всецело азурической природы охватить *все человечество*, и это в условиях неслыханного прогресса науки и техники, предоставляющих эффективнейшие инструменты для тотального и изошренного контроля личности и манипулирования ею, более того: для психического, генетического и евгенического формирования ее по заранее заданной модели.

Всем событиям этого рода — уже произошедшим и тем, какие еще только произойдут — особую значительность придает их метафизическое основание. Внешней политологии и даже самому смелому разделу в ней — конспирологии понять это просто не дано, хотя некоторое чувство этого там имеется. Порой тема ставится именно в этом ключе, но всё сводится к так называемым «космическим пришельцам». И поскольку понимается это всецело материально, то всё кончается просто глупостью.

А «пришельцы» на земле есть. Ими являются духовные существа субистории, которые всегда остаются *сверхчувственными*. Но люди могут придти с ними в отношении. Это происходит с помощью ритуалов посвящения, совершаемых в темных мистериях определенных оккультно-политических тайных обществ и орденов.

Мы много говорили о том, что существуют светлые, святые Мистерии. В них земные люди приходят в сознательную связь с высшими существами, которые действуют также и в метаистории, помогая людям идти к духовной свободе и к высшему Я. Но им противостоят темно-магические мистерии, в которых человек попадает в рабство к существам infernalного мира и делается инструментом в их борьбе за их *мировые* цели, в их борьбе с высшими богами. Это всё та же проблема мирового противостояния добра и зла, принявшая в новейшей истории остро политический характер, поскольку человек живет в эпохе *души сознательной*. В эту эпоху интересы отдельного человека способны, как в положительном, так и в отрицательном смысле, охватывать собой интересы всего человечества. При этом редки случаи, когда человек ставит себя на служение человечеству, и часты случаи, когда отдельные эгоизмы, сливаясь в групповой эгоизм разных сообществ, стремятся подчинить себе человечество и поставить его на службу себе. Это выражается в претензиях на мировое господство.

Такой аномальный процесс развития человека приходит во всё большее созвучие с целями отставших духов. И теперь уже можно говорить о том, что в мире треугольника субистории образовался противоестественный прафеномен, действием которого на земном плане приведен к некоему, также противоестественному, единству *конгломерат из пяти оккультно-политических темных сил мирового значения*. Они в этой своей совокупности образуют некоего рода «тело», в которое инкорпорирует Зорат. Таков еще один смысл его посястороннего явления. Это «тело» совокупной общественной жизни человечества, которое Зорат персонифицирует и которому придает характер античеловека: микрокосма, перевернутого вниз головой, имеющего вид опрокинутой пентаграммы — *знака постоянно длящегося грехопадения человека*.

Земные люди, входящие в то странное сообщество пяти сил, мнят себя особенно развитыми индивидуальностями. На самом же деле они — «винтики», отдельные «детали» этого искусственно созданного суперэгоистичного собирательного «всечеловека». Они послушные рабы Зората. И если где-то действительно нет никакой свободы, так это в Сообществе Тени.

Идет процесс порабощения человечества, осуществляемый рабами inferнального мира. И этому процессу придан системный характер, поскольку у него имеется прафеномен. Он окончательно сформировался в период времени между двумя мировыми войнами. С тех пор ни одно государство в мире не обладает суверенитетом. Судьба мира вершится узким кругом лиц, внутри которого имеется еще более узкий круг — посвященных, напрямую инспирируемых Зоратом или одной из составляющих его сил: ариманической, люциферической или азурической.

По этой причине все внешние события в мире носят, так сказать, знаковый характер, заключают в себе *иносказательный* смысл; т.е. сами по себе, как внешние события, будь то экономической, культурной, политической, военной, дипломатической и др. жизни, они ничего не значат, они лишь знаки, внешняя игра, условность. Значение им придают стоящие позади них, вызывающие, формирующие их из-за кулис — кулис не только политических, но и оккультных, *сверхчувственных* — силы.

* * *

Как уже говорилось, в ходе эволюции, в эпоху древней Лемурии человек, низойдя с астрально-эфирного плана на материально-физический, имел вид перевернутой пентаграммы. Он был таковым на земле, и такой же вид приобрел его прафеномен на астральном плане планетной системы. В розенкрейцерской легенде рассказывается, что Адам после грехопадения снова посетил Рай и, как это стоит в пересказе легенды Рудольфом Штайнером, «пережил там на этот раз ужас от своего собственного существа. Опрокинутая пентаграмма с одной разомкнутой вершиной — в виде такого знака явился теперь Адаму Ангел (т.е. прафеномен, пребывающий в сфере Ангелов и несомый ими. — *Авт.*), грозя ему огненным мечом; и Адам бежал» (ИПН. 265, S. 349).

Угроза, исходившая от Ангела, означает, что человек не смеет возвращаться в божественный мир без высшего Я-сознания. А чтобы выработать его, он должен был вести свое развитие в материальном мире, во вторичной реальности. Он должен был здесь, идя путем эволюции человека как вида, стать прямо стоящим существом, повернуть, овладевая Я, и свой прафеномен, вернуть его в положение, в каком он был до грехопадения.

Планетарный человек, Адам, принял вид перевернутой пентаграммы. В сверхчувственном мире это действительно должно было

вызывать ужас, поскольку выражает собой вступление человека, через отпадение, в борьбу с Божественными Иерархиями, в борьбу с Самим Богом. Но такова была воля и жертва Бога, принесенная ради того, чтобы человек не стал духовным и моральным автоматом, чтобы он обрел свободную волю. И поскольку это было промыслом Божиим, то на земле пребывание человека в виде перевернутой пентаграммы первоначально не было черной магией. Это было просто эволюционной задачей. Человек на этой стадии представлял собой совершенно целомудренное растениеподобное образование. Растения и до сих пор обращены своей «головой», т.е. корнями, к центру Земли, а органами размножения — к Космосу.

Иное дело — современный человек, эволюционно ставший самостоятельным существом. Когда теперь, в условиях инфернальной социальности его пытаются опять повернуть головой вниз, а конечностями вверх, то это влечет за собой не только утопание его Я в материальном и растворение его в групповом, но и оскверняет всю планету. Это делается таким образом, что темная, неочищенная, разжигаемая пропагандой сексуальной революции человеческая сфера размножения поднимается, набирая все больше силы, в головную сферу, в сферу сознания, свергает его, попирает его и начинает являть себя Космосу. Установка на разнузданную сексуальность делается *мировоззрением*, питает собой псевдоискусство и даже становится едва ли не религией. Безнадежно наивен тот, кто во всем этом видит процесс эмансипации личности.

Так искажается весь образ Божий человека, всё его многочисленное существо: и тело, и душа, и дух. Символом такого искажения и является перевернутая пентаграмма — символ черной магии. Его периодически пытаются навязать человечеству как символ борьбы за свободу. Он не раз возникал в разных частях социалистического эксперимента*, но потом опять прятался. И понятно — почему. Если другие, пра-древние святые символы при их использовании в политических манипуляциях оскверняются — а как раз этого-то и хотят силы субистории, — то перевернутая пентаграмма — это *правда!* Правда, показывающая сущность работы зла в мире.

*) Ее можно увидеть на известных во всем мире портретах Че Гевары. Ее одно время носили на своих фуражках большевистские комиссары. Она была символом торжества их дел.

Перевернутая пентаграмма иногда встречается в духовно светлых орденах. Но там она как раз понимается как символ зла или же как эволюционная задача.

Нарукавный шеврон красноармейца. 1918 г. (Введен по инициативе Троцкого)

В пентаграмме большое значение имеет ее цвет. В символе розенкрейцеров в некоторых случаях розы заменены красными пентаграммами. Они выражают человека, который очистил свою кровь от вожделений и потому может сораспяться со Христом на кресте эволюции, т.е. взять на себя его несение. Этот красный цвет должен быть особенно нежным, спокойным. Большевики наполнили пентаграмму таким красным цветом, который выражает бушевание человеческих страстей. Он словно пламя бушует в пентаграмме — пламя борьбы за то, чтобы ее опрокинуть. Ну а когда она изображается уже опрокинутой, то это можно назвать символом генетического социализма, *борьбы за видовое низвержение человека*. Действие люциферических сил в пентаграмме выражается белым цветом. В сверхчувственном пентаграмма сияет золотым свечением.

Так соприкасаются в пентаграмме, а значит, в человеке, величайшее добро и бездонное зло. Пентаграмма стала символом борьбы за *всего* человека.

Иная цель преследуется в национал-социализме. Ею, в первую очередь, является борьба против гётеанизма, с созерцающей силой суждения. Это борьба за возврат к старому ясновидению, которое достигается путем приведения во вращение цветов лотоса на, так сказать, *родовой основе**, а не так, как это следует теперь делать индивидуальному человеку, когда он от рассудочного мышления восходит к созерцающему.

Вот почему для национал-социализма символом был избран древний пра-святой знак свастики — символ 2-хлепесткового лотоса**. Сначала он замелькал и у большевиков, введенный их оккультными патронами, но потом, видимо, было понято, что это недалековидно: Зорат претендует на *всего* человека сразу. И восторжествовала ало-красная пентаграмма.

У национал-социалистов свастика была взята в том варианте, где концы креста загнуты вправо, что выражает ее вращение против ча-

*) Это тоже специальный вопрос, и у нас нет возможности входить в подробное его рассмотрение.

**) Но у него имеются и другие значения. Он является символом также 4-хлепесткового лотоса.

совой стрелки. Такой она открывается на астральном плане, где ее созерцают лишь подготовленные для этого люди. Экзотерически они должны быть загнуты влево. Выставить на физическом плане свастику в ее астральном вращении означает попытку использовать ее как средство понижения дневного бодрственного сознания, что облегчает процесс массового внушения. Так извращается сущность святого символа. Глядя на знамена, на военную технику национал-социалистов, снабженные символом свастики, можно легко почувствовать, будучи свободным от суггестии, что они вызывают в душе маленькую вспышку чувства ужаса*. Он, возможно, родственен ужасу Адама, пережитому им при возвращении в Рай, чего он не должен был делать. Это оккультный ужас, вспыхивающий при соприкосновении с контринициацией, где всё строится на искажении святых символов, на придании им противоположного смысла, иными словами, на помещении присущего им добра не на его место.

* * *

Для вступления на план мировой истории, для социализации своего импульса в форме античеловека Зорату требовалось иметь на земле в своих руках пять направлений человеческой деятельности, способной влиять на ход земной истории и даже определять судьбу человечества, в особенности в его оторванности от Божественных сил, от метаистории. Эти пять направлений, видов деятельности и должны были быть соединены по принципу пентаграммы. Два из них пришли в наше время из исторического прошлого. Они уже несколько веков находились в непримиримой борьбе между собой за человека. В XX веке этой борьбой были порождены три остальные вида.

Какова эта, служащая целям Зората, деятельность? Если речь идет о власти, о господстве, то она может быть только политической, а при наличии глобальных намерений — оккультно-политической. Это совершенно неверно, когда утверждается, что к власти стремятся ради денег и что основа власти в мире — это деньги. Нет, к власти стремятся не ради денег. Как верно пишет один теоретик заговора: «Деньги ради власти и власть ради денег. Но если быть точным, деньги и власть для этой «касты избранных» являются инструментом

*) Вполне возможно, что подобное переживание вызывала сначала у людей и красная пентаграмма, но теперь к ней притерпелись. Ну а если она перевернута, то вид ее и сейчас вызывает микрошок.

для каких-то конспиративных мессианских идей, имеющих оккультное содержание».*

В пентаграмме зла, которая стала прафеноменом земной истории в ее зависимости от субистории, соединились пять центров оккультно-политической власти мирового масштаба, ведущие между собой борьбу за господство над человечеством, будучи для этого инспирируемыми силами субистории. Борьбу между собой они ведут по той причине, что в мире субистории нет единства. Ариман и Люцифер – это космические антиподы. Азуры представляют собой силу третьего рода. Но своеобразие настоящего момента развития вынуждает все три силы прийти к некоего рода (мы тут воспользуемся излюбленным словечком «отца» перестройки М.Горбачева) «консенсусу».

В эволюции мира совершается гигантский перелом. Вся она силой Мистерии Голгофы, которой Христос во втором Пришествии стремится наделить человека, должна принять восходящий характер. Должен быть положен конец эволюции нисхождения, всё отставшее в развитии должно начать интенсивно наверстывать упущенное. Этим создается особая угроза, скажем попросту, устоям власти зла в мире, а если говорить по большому счету, то – самой сущности сил зла в эволюционном процессе. Потому-то они и ищут «консенсуса», а таковой возможен на базе негативной кармы человечества. И потому из бездны на социальный план жизни человечества выползает Зорат.

Первым объектом его атак является человеческая воля. Она у нас коренится, как бессознательная воля, в сфере конечностей. В опрокинутой пентаграмме это соответствует ее двум верхним остриям. И мы находим стоящими там два центра мировой власти, сложившиеся уже в ходе прошлых столетий. Одним из них является особенно политизированное ответвление католицизма – иезуитизм, а другим – так называемые «тайные общества» англо-саксонского мира,

*) Вадим Деружинский. Теория заговора. М., 2009, стр. 105.

Возьмем в качестве примера ведущуюся в мире непримиримую борьбу с курением. Она обрекает на разорение гигантские концерны, с которыми в финансовом отношении не многие могут сравняться. Если верить, что капитал управляет политикой, то можно не сомневаться, что у табачных концернов имеются мощные лобби в парламентах ведущих стран. А кроме того, у них нет опасных конкурентов в сфере бизнеса. Ни фармацевтические, ни винодельческие, ни другие гиганты не заинтересованы в их крушении. Так в чем же тут дело? В заботе о здоровье человека? Думать так – просто смешно. В мире процветает многое, что губит его сильнее табака. Дело тут во власти над человеком. И этому не способны помешать никакие финансы. (Между прочим, в Голландии разрешили курить «соломку».)

возникшие в результате раскола мирового масонства и выделения в нем сильно политизированного течения левого толка.

Мы имеем тут дело с впечатляющими примерами того, что происходит с добром, когда оно покидает свое истинное место. В иезуитизме католицизм настолько удалился от своих истоков, что совершенно утратил связь с Христианством. В нем действуют лишь интенции древней Римской Империи. Эта мировая клерикально-окультино-политическая сила знает

«Одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть» (Лермонтов),

а именно: власть над людьми.

Тайные общества левого пути в современном обыденном политическом сознании облачаются в понятие панамериканизма. Конспирологи полностью отождествляют панамериканизм с масонством, но это большая ошибка, о чем мы еще будем говорить.

В панамериканизм влилось традиционное духовное противостояние масонства иезуитизму. В силу своего рода диалектики (также опрокинутой) треугольника зла, иезуитизм и панамериканизм пришли также и к некоего рода единству в том, что было порождено ими как марксистски-троцкистски-ленинский большевизм, оставаясь при этом, конечно, и в состоянии постоянной непримиримой борьбы. Их противостояние дало возможность большевизму стать третьей мировой окультино-политической силой, метафизическим патроном которой выступают отставшие Духи Личности, азуры. Большевизм возник на нижнем острие опрокинутой пентаграммы, на ее вершине. Эта ее часть соответствует головной системе человека.

В нормальном развитии, идущем через гётеанизм и Антропософию, в человеческое мышление должна быть внесена и, таким образом, осознана воля. Это воля высшего Я в ее созвучии с волей Иерархий. С помощью большевистского эксперимента азуры стремятся низшее, абстрактное «я» человека затопить своей волей. Отсюда проистекает большевистская философия динамизма, философия действия, в которой абстрактная идея нужна лишь как лозунг, способный воспламенить бессознательную волю системы конечностей для совершения насильственных действий в мире.

В трехчленном человеке головы, конечностей и ритмической системы эта последняя играет роль связующего звена между системой головы и нервов и системой конечностей, опосредует их связь с помощью ритма дыхания и кровообращения. В качестве суррогата ритмической системы, приспособленной к политическим нуждам,

Надевание символического кольца при возведении в высокий (33-й?) градус

Франклин Рузвельт в высокоградуированной ложе

Папа Бенедикт XVI на открытии конференции ФАО по проблемам мирового питания.
Рим, 16 ноября 2009 г.

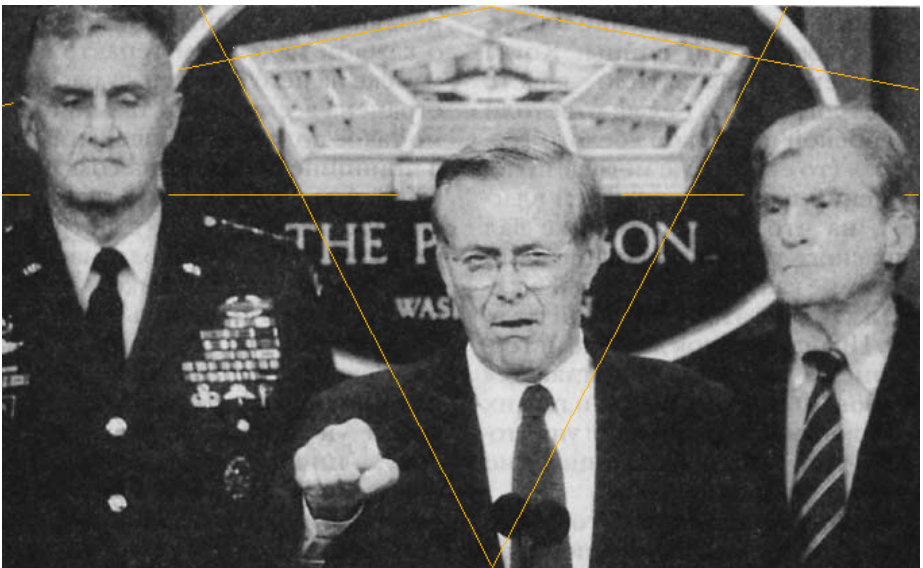

На похоронах Папы Иоанна Павла II

были для прафеномена зла образованы еще два центра оккультно-политической мировой власти: сионизм и национал-социализм (рис. 38). Внешне они находятся в непримиримой конфронтации, но в антимире как раз всё противоположно тому, что существует в нормальном мире. И нужно понять «ритмику» опрокинутой пентаграммы, которая осуществляется через противостояние. Это опять-таки диалектический закон единства и борьбы противоположностей, но в своем противоестественном выражении.

Знания такого рода, конечно, очень нелегко принять и усвоить не только «массовому» человеку, но и профессиональному политологу, хотя он постоянно имеет дело с феноменологией прафеномена зла. Большим препятствием на пути тут встает и насаждаемая как раз силами этой пентаграммы (особенно на Западе) крайне своеобразная «политкорректность». Своей заботой о правах и достоинстве человека она напоминает (мы просим извинения) кулак, поднесенный к носу этого человека, чтобы тот знал, что если он позволит себе вольность в своих мнениях, отклонится от того, что уже объявлено во всем мире истиной, то тут же узнает силу мирового «гуманизма».

Однако заповедано нам иное: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Дональд Рамсфельд, бывший глава Пентагона

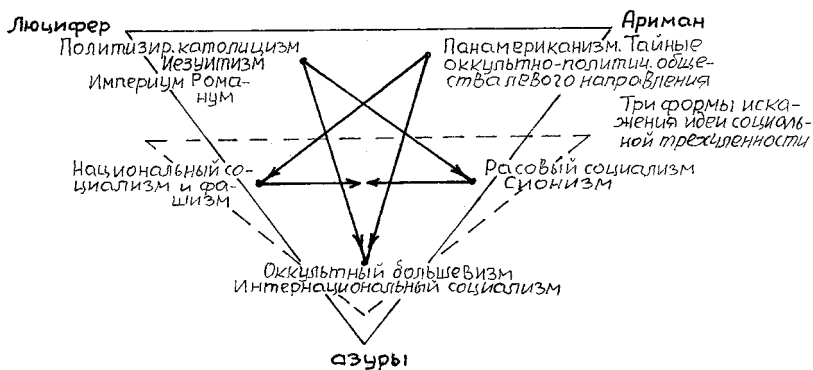

Рис. 38

* * *

Все пять мировых сил, соединенных в пентаграмме зла, крайне своеобразны, но у них у всех имеется два общих свойства: *каждая из них стремится к своему мировому господству и всем им совершенно безразлична судьба этносов, на которых они в то или иное время паразитируют.* В любой момент они готовы приносить их в жертву, когда этого требует их междоусобная борьба за единоличное господство над человечеством.

Никогда, ни в малейшей степени не служил собственным, коренным интересам народов России большевизм. Россия была ему нужна лишь как военная суперсила. А что такое был для китайцев Мао Цзедун, особенно в период «культурной революции», Пол-Пот для камбоджийцев, чья клика в течение трех лет (1975–1978) уничтожила больше четверти населения страны?

Для panaмериканизма население США – это огромный полигон для психологических, генетических и иных экспериментов над человеком. Когда бывает нужно, люди легко приносятся в жертву во имя политических и военных манипуляций в мире. Тут и Перл-Харбор, и кризис конца 20-х – начала 30-х годов, и 11-е сентября, и многое, многое другое. Эти жертвы, правда, не так велики, как в СССР или в Китае, но только потому, что в этом пока не было нужды.

Не думал о судьбе средневропейцев и возведенный на национализме нацизм. Огромную армию послали воевать в Россию без зимнего обмундирования. Болтовню о том, что, якобы, главари были уверены, что победу удастся одержать до наступления холодов, можно просто не принимать во внимание. Когда советские войска уже

подступали к восточной Пруссии, ее гауляйтер строго запрещал населению эвакуироваться, а когда все рухнуло и народ побежал, то автострады, забытые беженцами, начали утюжить советские танки.

Кто-то думает, что, вот, сионизм — это мировая сила, которая печется только об интересах евреев. Конечно, печется, но тоже как-то странно. Самые напористые, радикальные идеологи сионизма открыто пишут, что они заинтересованы в росте антипатии и даже ненависти других народов к евреям, ибо лишь в таких условиях они лучше всего сплотятся для выполнения своей мессианской миссии. Однако, что это за миссия, замешанная на ненависти народов? Ведь это граничит с игрой ва-банк с судьбой целого народа. Какая такая *благая* цель может оправдать это средство ее достижения?

Сионизму присуще также и стремление к власти над миром. Об этом говорят и сами его идеологи. Приведем лишь один пример из огромного их множества. Мы процитируем статью профессора университета Бар-Илан в Израиле, бывшего эмигранта из России Элизера Воронель-Дацевича, написанную им в 1999 г. и опубликованную в московской газете. В статье, среди многого прочего, автор пишет: «На нас (евреях) лежит тяжесть мира сего. ...сегодня мы, народ святых, вновь призваны к своей истинной роли — к удержанию всего мира на плечах своих. ...Мир есть продукт коллективного воображения еврейского народа. Арийцы, в сущности, таковы, какими мы их придумали. Мы играем в последнюю игру...наступает эра абсолютного молчания арийских народов.

...Арийцы *не сдали экзамен на человека**... Европа проиграла. Ей некуда деваться. Победили все-таки мы. ...Отныне мы — единственная культурная нация, единственный в мире народ, имеющий перспективу. Мы молча взирали на камни европейских городов, подергивающиеся песчаной пылью, и знаем — так было завещано от века. Стоит ли жалеть их? Нет. Стоит ли им помогать? Да, ведь это рабы наши, и, проиграв великую игру, они будут нам служить. ...Единственное, о чем мы сегодня должны молиться, — чтобы враги наши *меньше мучились* в день окончательной победы народа Г-ня»**. Из этого примера мы видим, что имеются случаи, в которых приход к мировому господству может пониматься даже как вынужденный.

*) Это теперь до бесконечности иллюстрирует американский кинематограф, где отрицательный герой, отъявленный негодяй всегда белый, а положительный герой — черный. И это расизмом считать не велено.

**) У евреев не принято писать полностью слово Бог, или Господь. Это соответствует древнему запрету произносить имя Бога.

Что касается, наконец, иезуитизма, то он, в определенном смысле, мирового господства уже достиг. Иезуиты — самые большие интернационалисты, весь мир они поделили на провинции, и у каждой из них есть свой наместник. Над этим не следует смеяться — как это было принято в Советском Союзе, — к этому нужно относиться серьезно. Методы, которыми иезуиты действуют в мире, внешне менее всего заметны, они не навязчивы, не конфликтны и потому, наверное, особенно эффективны. Со своими противниками они не вступают в открытую борьбу. Нередко они начинают даже активно поддерживать их действия, но при этом гипертрофируют их и доводят до абсурда. Так это происходит с сексуальной «революцией», рок-субкультурой, «политкорректностью», охотой на расистов и проч. Не иезуиты придумали эти идеологии, но подспудно они всячески способствуют тому, чтобы они заполняли весь мир, пока людям не станет от них дурно, и тогда можно будет им сказать, кто их такими средствами ведет к деградации, называя ее освобождением.

В других случаях они заполняют структуры враждебных им сил изнутри и как бы «выедают» их. Тогда-то и возникают те курьезные явления, когда снаружи известная организация продолжает вроде бы существовать так же, как и много лет прежде, а на самом деле от нее осталась лишь оболочка, внутри которой — одна труха. Такое иезуиты уже не раз проделывали, например с учреждениями масонства.

Политическую идеологию иезуитизма, понимание им своей миссии в мире в большей мере, чем сионизм характеризует, на наш взгляд, сказанное в статье Воронель-Дацевича*. Доктрина мирового господства иезуитизма с гениальной простотой выражена в романе-утопии К.С.Мережковского «Рай земной».

Принцип «цель оправдывает средства» все ведущие политические силы в мире заимствовали у иезуитов. Это особенно эффективный принцип зла в его борьбе с добром.

* * *

Природа Сообщества Тени необыкновенно сложна. Чтобы ее понять, нужно суметь понять законы существования прафеномена и треугольника сил мирового зла, понять почему он претендует на собственное единство, состоя из полярно непримиримых сил. В опрокинутой пентаграмме мировых сил земного плана противоречия уходят в макрокосмические измерения. Лишь познавая их, можно

*) Там только слово «рабы» нужно заменить словом «овцы».

понять, почему в некой центральной ложе Сообщества монсеньеры мирно обсуждают проблемы планетарного значения с великими мастерами, носитель идеологии сионизма обменивается конспирологическим рукопожатием с носителем идеологии национал-социализма. Там вряд ли когда звучит критика марксизма. Потому так терпеливо обходятся с Северной Кореей, с Ираном, в котором ведь произошла хотя и исламская, но *социалистическая* революция.

Но несмотря на всё это, каждая из пяти составляющих той системы ждет только случая, чтобы подчинить себе, пожрать четыре остальные. Обреченные тем не менее волей Зората на сосуществование, эти пять мировых сил, видимо, заключают между собой какие-то «конвенции». Так, наблюдая политическую картину мира, можно предположить, что между ними существует договор, в силу которого ни одна из них не должна покушаться на единоличное господство в мире. Периодически договор нарушается, и тогда четыре другие силы объединяются и ставят «нахала» на место. Внешне это имеет вид, например, погрома Германии в конце второй мировой войны, российской перестройки. То есть для простых людей это оборачивается невыразимыми страданиями.

В нарушении конвенций выражается не человеческая недалекость, а природа сил субистории. Их деятельность сопряжена с мировыми ритмами, с циклами природы, где они играют необходимую роль, но при этом постоянно стремятся повернуть дело лишь в свою пользу. Это можно уподобить центростремительной силе, которая в каждый момент вращения колеса стремится к его центру, ограничивая тем самым силу центробежную, и в то же время вынуждена двигаться по кругу.

Рудольф Штайнер описывает в одной из лекций, как Ариман стремится извести земной коры, которая каждую весну становится внутренне оживленной, одушевить, превратить в живое одушевленное существо и таким способом стянуть на Землю астральность Мироздания и в ней, во всей природе развернуть «свою драконову сущность». Каждый год эта надежда ариманических существ рушится, но тем не менее, каждый год с приближением весны возобновляется (см. ИПН. 223, 7.10.1923). И можно просто поражаться, насколько похожи на это поведение Аримана действия, производимые в пяти центрах мировой власти. Там находятся люди, лишённые свободной воли, вместо нее в них действует мощная воля их метафизических патронов, если даже они никак не осознают ее. Они той волей просто одержимы, ни здравый смысл, а уж тем более соображения гуманизма не имеют для них никакого значения.

Одной из главных причин крушения Советского Союза была именно та, что он изготoвился к решительному рывку, чтобы получить вождeленное мировое господство. Это не наше «досужее» мнение. Известный писатель А. Проханов, о котором его сподвижники открыто писали, что он член Ордена «Полярных», принадлежащего к ядру оккультного большевизма, все последние 20 лет стенает по поводу того, что у «Красной Империи» в самый последний момент вырвали победу, что всё было уже готово для того, чтобы «красным смыслом» охватить весь мир и даже рвануться на завоевание космоса. Эти сетования и упования на то, что всё еще повторится, весьма осведомленного не только писателя, но и политолога очень сильно напоминают те весенние надежды Аримана. И такие упования, может быть в иной форме, действительно повторятся, ибо в пентаграмме зла ни одна из составляющих ее сил не может быть другими искоренена до основания. По крайней мере — до какого-то момента времени.

Обратим далее внимание на то, что как только Россия была вытолкнута на обочину истории, с неслыханной ранее открытостью и дерзостью о своем мировом господстве заговорили США. И тут же начала нарастать во всем мире им оппозиция! И вот, в последнем президенте США мы имеем уже, вроде бы, спокойного и миролюбивого человека. Хотя это вовсе не означает, что США стали кроткими. Они просто совершают маневр. И он себя скоро проявит.

Можно наблюдать и заметный рост влияния сионизма в мире, его очень далеко идущие политические шаги. Чем все это кончится — можно сказать заранее.

Силы пентаграммы зла многослойны. В нижних слоях господствует строгая конспирация, а борьба доходит до ножей; в верхних — одни всё знают о других. Каждая из сил буквально нашпигована просто агентами, агентами влияния и лоббистами четырех других сил*. И потому не стоит удивляться, когда на папском престоле сидит масон, а в высоких градусах масонов распоряжаются 100-процентные иезуиты, что за республиканцами в США легко просматривается иезуитское лобби, а демократы — просто вотчина тайных обществ и широких кругов политизированного масонства. И в то же время, демократы ездят на поклон к папе (а кто к нему не ездит?), а ведущие политики у республиканцев оказываются питомцами ложи «Череп и кости».

Это взаимопроникание пяти главных мировых оккультно-политических сил переполнено тайной борьбой, вербовками и пере-

*) Всё это почти открыто вылезло наружу в период «перестройки».

вербовками, предательством и т.п. Если бы во всем этом действовал только человеческий рассудок, то такая сложнейшая паутина давно бы превратилась в ком хаоса. Но этого не происходит, поскольку слишком велики различия между членами этой системы. Они определяются различиями между люциферическими, ариманическими и азурическими силами. А их спутать нельзя. Они в своем роде подобны видовым различиям в царствах природы.

Из сказанного следует, что ни одну из этих сил невозможно преодолеть политическими и даже военными средствами. Потерпев даже полный разгром на физическом плане, как это было, например, с национал-социализмом, они не умирают, а уходят за кулисы общественной жизни и там конспиративно готовят свой реванш. То есть собирают внешнюю физическую силу. Ядро же их вообще остается не затронутым внешним поражением.

Таково «Сообщество Тени», или «Они», как их называли в 20–30-е годы – сообщество сил, соединенных в одно прафеноменом совокупного человеческого грехопадения: перевернутой пентаграммой. Что могут противопоставить им отдельные люди? Знание об их существовании и деятельности и апелляция к Божественным Иерархиям. На социальном плане им должна быть противопоставлена перестройка социальных структур отдельных стран в духе социальной трехчленности. Такая социальность создаст в настоящую эпоху наилучшие условия для преодоления человечеством своей негативной кармы.

41. Что такое теория заговора?

Нашими рассматриваниями мирового противостояния добра и зла и выхода этого противостояния на социальный план мы дали уже все основания представителям авторитетных направлений в современной российской историографии и политологии для того, чтобы причислить нас к когорте так называемых «теоретиков заговора». А их гигантской, работающей в мировом масштабе пропагандистской машиной в общественное сознание внедрен жупел: люди этого сорта страдают манией преследования, они научно не состоятельны и т.п. Особенно много тут поработали левые журналисты и политологи, создав тем самым довольно эффективный способ маскировать истинный смысл происходящего в мире, характер манипуляций человечеством.

В конспирологическом крыле правой, консервативной политоло-

логии этот прием либералов, что называется, не ставят ни в грош, хорошо понимая его циничное лицемерие. В то же время, подавляющее число не только левых, но и правых историков, социологов, политологов, журналистов боится быть зачисленными в число таких «теоретиков», ибо это грозит утратой общественного веса и научного авторитета. И потому часто можно встретить серьезное конспирологическое исследование, автор которого в конце начинает, так сказать, идти «пятками назад», противореча самому себе, даже унижаясь, лишь бы показать, что он не «теоретик заговора». Этим отличаются пусть, с одной стороны, и тенденциозные, но с другой — просто сенсационные работы Николая Старикова или тоже и тенденциозные, и сенсационные исторические исследования Марка Солонина.

Никто не станет спорить с тем, что «теория заговора» манит к себе также и всех тех, у кого мало профессионализма и много желания «просвещать профанов». Она может быть легко использована партиями для манипуляции сознанием своих простоватых приверженцев, которых она способна таким методом довести до одури, до помрачения всякого здравого смысла. В ней много и просто провокативного. Однако о какой политологии в наше время нельзя этого сказать? Но у этой теории, если к ней относиться серьезно, имеются значительные преимущества, каких больше нигде в политологии нет. Нередко по отношению к беспросветной лжи ангажированных законодателей общественных мнений она представляет единственную конструктивную альтернативу, ибо призывает человека смотреть и думать.

Возьмем в качестве примера все то же 11-е сентября. Официальная версия этого события держится только на том, что люди приучены думать лишь то, что велено. Конспирологи же обращают внимание на то, что она противоречит законам, нет, не политики, а — *физики!* Если для кого-то это не убедительно, то его, конечно, нужно оставить в покое. А если убедительно, то приходится думать о реальных виновниках события, которые в объективы фото- и кинотехники не попали и, вероятно, никогда не попадут. И тут мы имеем уже большую конспирологическую проблему.

Или вот еще пример. Конспирологи давно пишут о том, что существует климатическое и геологическое оружие и с его помощью *уже* ведется в мире война. Допустим, что это параноидальная идея, но вот оказывается, что во всех ведущих армиях мира офицерскому корпусу на специальных занятиях еще в 70-е годы начали давать некоторые знания о наличии такого оружия. Так что же, должны ли мы думать, что целые армии страдают манией преследования? Совершенно очевидно, что — нет. Более того, нужно самым серьезным

образом задуматься над психическим или нравственным здоровьем других, тех, кто охотно, не размышляя, глотает все шизофренические официальные версии происходящих событий.

У «теории заговора» имеются объективные недостатки. Первый из них заключается в том, что это, собственно говоря, еще не теория, ибо она строится хотя на совершенно очевидной, но всего лишь одной исходной посылке. Эта посылка носит базовый характер и состоит в признании факта, что скрытые действия, не только теперь, но и в далеком прошлом, носили и носят более эффективный характер, чем открытые («троянский конь» греков), что и открытые действия оказываются тем эффективнее, чем основательнее они подготовлены скрытыми действиями.

Да, это соответствует дурной природе людей, и она, к сожалению, пока что только ухудшается. Она в действие вышеназванной аксиомы внесла изощренную, рафинированную организацию и постоянно придает ему все более усложняющийся характер, что дает все основания искать *теорию* ее действия. Но теория впервые становится возможной лишь в том случае, если за определенным феноменом или феноменологией, за образом планируемых действий, систематическим знанием о них начинает просматриваться *прафеномен*, соединяющий в себе обе части реальности. *Способ глобального действия в мире с помощью заговора такой характер приобрел*. Мы показали прафеномен зла, в котором приведены к нестабильному единству пять мировых оккультно-политических сил. На этом прафеномене может и должна возводиться конспирология. И только потому, что этого не делается, мы на каждом шагу сталкиваемся с досадным явлением, когда ученый, порой основательно приблизившийся к познанию истинного характера ряда событий, затем сам же ввергает свои достижения в хаос.

Но в любом случае конспирология проявляет себя как высшая область политологии. И не стоит тут смущаться насмешками, ибо легко понять, почему они звучат. Ну, а что касается научного авторитета, то тут каждый решает сам. Только пусть он при этом имеет в виду, что речь тут идет об авторитете в глазах тех, кто исполняет поручение заговор маскировать.

* * *

Работая с трудами конспирологов, повсюду наталкиваешься на одну и ту же картину. Тот или иной автор приводит порой просто сног-

сшибательные факты, доказывает их, подкрепляя публикацией документов. Их находишь в его книге всё больше и больше, они начинают в конце концов просто «кричать» о чем-то другом, еще более важном, симптоматологическом, выражением чего они являются. Но исследователь так и не дает «открыть им рта» или же, будучи тоже политически и идеологически ангажированным, заставляет их изрекать новую, худшую, чем та, которую они изобличают, ложь. В конце концов остаешься лишь с простым нагромождением фактов, и хорошо, если без горького чувства, что и на этот раз тебя пытались одурачить.

Если исследователь честный, то легко понять его затруднения. Обладая рациональным умом и установкой оставаться лишь в пределах чувственной реальности, он вдруг сталкивается с чем-то таким, что в ней просто не умещается. Это мы встречаем и у Виктора Суворова*, и у Марка Солонина. Герой знаменитого романа Джорджа Орвелла Уинстон Смит записывает в своем дневнике: «Я могу понять «как», но я не могу понять «почему»». То есть – каковы подлинные мотивы у тех, кто Англию спаял единой цепью неслыханного рабства.

Один из современных конспирологов формулирует Смитов вопрос так: «Вот что действительно непросто объяснить, так это то, *почему* идея нового мирового порядка, взявшего за основу некий подтекст секретных организаций и служб, могла передаваться из поколения в поколение и столь долгое время существовать, прогрессируя естественным путем. Ведь еще на круглой печати США, созданной в 1776 г., есть слова, выражающие стремление молодой республики к новому мировому порядку.

Богатство вовсе не гарантирует этого. ... Политическое могущество также не объясняет этого, ведь все эти игроки достигли вершины власти. Монополистический капитализм тоже не является преследуемой целью... Наследники богачей и люди, имеющие способность к бизнесу, вскоре забывают мечты об империи, которым посвятили себя их предки и предшественники...

Нет, здесь скрывается что-то более важное. ... И далее, не верится, что нормальный мужчина или женщина, если это будет зависеть от их желания, станут посвящать свою жизнь формированию мира в единое целое, чтобы потом контролировать его. Нет, такого рода импульсы не исходят из человеческого сердца или от Бога. Они исходят, напротив, от дьявола...»**

Мысль, несомненно, верная и пронизательная, но придать ей ме-

*) У Виктора Суворова порой между строк написано больше, чем в строках.

***) Николай Сеченко. Кто делает мировую политику? М. 2010, стр. 51–52.

тодологического характера автор не в силах и потому, погрывая себя под ворохом фактов, он попросту меняет одного маммона на другого и от имени одного ведет борьбу с другим. Таково не просто сложное, а глубоко трагическое положение «фаустовской души» обществоведа в наше время.

«Мужчины и женщины», стремящиеся взять под контроль всё человечество, — они в своем стремлении к богатству и власти в какой-то момент переступили роковую черту, за которой кончается всякая свобода*. Человек на земле имеет иллюзию свободы, когда живет в пространственно-временной истории. Он имеет свободу выбора, когда в своей деятельности научается сочетать ход всех трех уровней истории. И он лишается всякой свободы, попадая под власть субистории**. Это происходит и с отдельными людьми, и с большими человеческими общностями.

Так сложно сформировались в ходе развития условия, в которых человек может стать свободным. Они объективны, и их нужно научиться понимать, а потом действовать, исходя из понимания. О них можно сказать, что они представляют собой единого человека, разложенного на плоскости своего становления, или, вернее, на структурном кресте эволюции. Двойко, тройко, пяти-, семи- и двенадцатикратно дифференцировалось на нем человеческое существо как по вертикальной, так и по горизонтальной оси. А теперь мы вступили в фазу развития, где нужно в Я возвращаться к первоначальному единству. Поэтому за социальными, политическими и т.п. проблемами стоят большие эволюционные проблемы.

В первую очередь, должен восстановиться братский союз авелева и каинова начал. И если они сейчас враждуют как, например, «народ церкви» и «народ лож», то положительных перспектив у этой борьбы нет; она будет только губить человечество. Их взаимные обвинения ничего не стоят хотя бы потому, что как церковное христианство, так и ложи утратили свое былое спиритуальное содержание, опустошены, коррумпированы, духовно мертвы. Поэтому их политическое противостояние принимает такой монстрёзный характер.

Но когда-то всё было иначе. В истории мира невозможно переоценить роль каинитов, образывавших разного рода оккультные братства. Вот две мысли Рудольфа Штайнера на эту тему. В одном случае он говорит: «Были ли то приверженцы Гермеса или ученики Элевзинских Мистерий, были ли то египетские или христианско-

*) Помните: «Вход — рубль, а выход — два»?

***) Это тема введения к 1-му тому...

гностические эзотерические школы, или европейские розенкрейцеры, — постоянно из строго ограниченных братств исходили колоссальные действия. И если даже современный человек с его рассудочной наукой ничего или почти ничего об этом не знает, то это всё равно остается фактом, что из таких братств изошло всё содержание духовной культуры, а благодаря ей — всё содержание материальной культуры» (ИПН. 86, 8.10.1906).

Через них осуществлялась преемственная связь Мистерии Голгофы с Мистериями древности. Эти последние «имели в основном задачу хранить священные предания», а христианским оккультным братствам «была в первую очередь поставлена цель подготавливать будущее. ...Оккультные братства способны приходить в связь с жизнью, и участие в развитии человечества составляет их главную задачу» (ИПН. 94, 26.5.1906). Вот почему масонов можно встретить во всех сферах практической деятельности. Без них прогресс человечества был бы невозможен. И эта истина удваивает свою силу на фоне социальной установки иезуитов, что «прогресс отвратителен», а «уложение» человеческого духа несет лишь страдания*.

Но приходится, конечно, считаться и с другой стороной дела. Большая часть масонов подверглась соблазну эволюцию подменять революцией, т.е. ускорять прогресс в ариманическом смысле. Сколь велика эта часть — никто не знает, но, кажется, уже никто не спорит с тем, что почти все вожди революций — выходцы из лож. Но это, однако, всё же не те оккультные братства англосаксонского мира, которые входят в пентаграмму зла и в которых практикуется ритуальная магия наихудшего рода. Однако существует тенденция на всех масонов свалить всю вину за мировое зло. Этим сильно увлекается одно направление в конспирологии, явно вдохновляемое иезуитизмом, ну и, естественно, — церковный клир.

В прошлые века католическая церковь огнем и мечом искореняла оккультные общества. Примерами того служит судьба тамплиеров, альбигойцев, вальдензеров, катаров. Великий инквизитор всегда был глобалистом, подменявшим вселенскость Христианской церкви вселенскостью власти Рима. В новое время формы борьбы изменились. Масонство губят его собственными руками, доводя до абсурда, до противоположного смысла его бывшие цели и идеалы и побуждая массы простых членов лож с энтузиазмом способствовать этому. Это удастся делать потому, что в высших градусах сидит множество скрытых иезуитов. Они меняют, что хотят, а низшие градусы

*) См. указанную выше утопию К.С. Мережковского.

обязаны беспрекословно подчиняться высшим. Пример того, во что это выливается, мы нашли в одном документе. Это протокол допроса ближайшего сподвижника Троцкого и Ленина Х.Г. Раковского. Когда с приходом к власти Сталина в Советском Союзе заработала «красная инквизиция» (Г.Климов), Раковский вместе с многими, кто осуществлял большевистский переворот в России и принадлежал к ложам, был арестован. Оказавшись в ситуации, где ему приходилось рассчитывать только на себя, он решил, чтобы спасти себе жизнь, рассказать о том, как готовился этот переворот в тайных обществах, где он, Раковский, взошел до 33-го градуса.

По интересующему нас вопросу в показаниях Раковского можно прочесть следующее: «Масоны не научились ничему из того первого урока, каким для них была Великая Революция, в которой они играли колоссальную революционную роль; она пожрала большинство масонов, начиная со своего Великого Мастера Орлеанской ложи, правильной сказать, масона Людовика Шестнадцатого, чтобы затем продолжать уничтожать жирондистов, геберистов, якобинцев и т.д., и если кто-либо выжил, то это получилось в результате месяца Брюмера.

Следователь: Не хотите ли Вы сказать, что масоны принуждены умирать от руки революции, вызванной при их же содействии?

Раковский: Совершенно точно. Вы сформулировали истину, облаченную большой тайной. Я масон, вы уже знали об этом. Не так ли? Ну так вот, я расскажу вам, что это за такой большой секрет, который обещают раскрыть масону на одной из высших степеней... но который ему не раскрывается ни на двадцать пятой, ни на тридцать третьей, ни на девяносто третьей и ни на какой самой высокой степени любого ритуала... Ясно, что я знаю об этом не как масон, а как принадлежащий к «Ним»...

Следователь: И каков он?

Раковский: Каждая масонская организация стремится добиться и создать все необходимые предпосылки для триумфа коммунистической революции; это — очевидная цель масонства; ясно, что всё это делается под различными предлогами, но они всегда прикрываются своей известной трилеммой. Понимаете? А так как коммунистическая революция имеет в виду ликвидацию как класса всей буржуазии, физическое уничтожение всех буржуазных политических правителей, то настоящий секрет масонства — это самоубийство масонства как организации и физическое самоубийство каждого более значительного масона... Вы, конечно, можете понять, что подобный конец, подготовляемый масону, вполне заслуживает тайны, декоративности и включения еще целого ряда других секретов с целью скрыть на-

стоящий... Если когда-нибудь вам случится присутствовать при какой-нибудь будущей революции, то не упустите случая понаблюдать жесты удивления и отражения глупости на лице какого-нибудь масона в момент, когда он убеждается в том, что должен умереть от руки революционеров... Как он кричит и хочет, чтобы оценили его заслуги перед революцией! Это зрелище, при виде которого тоже можно умереть, но от смеха».*

* * *

Мировой заговор (не теория, а сам заговор) существует, заговор против человечества, против нормального пути его эволюции. Он исходит от сил подфизического мира, от отставших духов, которые переступают границы своего правомерного действия в развитии. Их действие на человека приобрело характер заговора по той причине, что человек вступил в эпоху свободы. Ему предоставляется свобода выбора, но сам он очень медленно созревает до этого. На нем продолжают лежать оковы наследственности, тяга к групповому сознанию, а в «я» он пуст, абстрактен. Поэтому его можно обмануть, а через него ограничить деятельность и сил метаистории.

С особой силой существа антимира атакуют человека именно в наше время, ибо мы переживаем переломный момент эволюции. Она принимает тотально восходящий характер и потому требует радикальной метаморфозы также и отставших существ. Но у них имеется намерение силой законов истекшей, нисходящей эволюции начать ее новый цикл совершенно в своем духе, полярно противоположном духу нормальной эволюции. Они смогут это сделать, если им удастся заполучить в свою власть человека, человечество, чтобы сделать из заключенной в нем Субстанции Бога-Отца некоего рода исходную «глину» для своего, ариманически-азурического, космоса, антикосмоса.

Но треугольник антимира ослабляет отсутствие у него собственного единства. Он будет всегда раздираться внутренней борьбой. Так задуманы Богом духи препятствий. Силы пентаграммы зла едины лишь в одном: в желании вырвать человека из сферы действия всех естественных законов развития, но в этом их единстве они, так сказать, тянут человека в разные стороны, и богатое, хотя и крайне трагическое панно этой их деятельности являет собой всё многообразие социальной, политической и иной нашей жизни на земле.

*) Цитир. по кн. Н.Сенченко Кто делает мировую политику? Стр. 221–222.

Конспирологов занимает такой вопрос: сколько человек на самом верху тайной власти распоряжается миром? Согласно нашим рассуждениям, проводимым в ключе духовнонаучной методологии политологии, их должно быть три. Они неким образом, ритуально, стоят в вершинах треугольника, в который заключена прафеноменальная опрокинутая пентаграмма. Разговор об их существовании ведется давно и открыто. Их называют белым, черным и красным папами. При этом известный римский папа, как нам кажется, не входит в их число, но можно заметить, что некий отблеск «пламени» того мира постепенно испепеляет и его лицо, измождает его.

То должны быть три могущественных черных мага, подготовивших себя к этой роли в целом ряде прошлых воплощений. С помощью именно ритуальной магии они осуществляют связь пентаграммы зла с ее социальной проекцией (рис. 39).

«Папство» при этом следует понимать как некоего рода верховное «первосвященничество», взятое с обратным знаком. Далее, в «треугольнике пап» должен быть совет пяти — тех, кто возглавляет пять оккультно-политических центров мировой власти. В охватывающей пентаграмму извне окружности находятся учреждения типа «Трехсторонней Комиссии», «Совета по международным отношениям», «Бильдербургского клуба» и т.п. Это всё учреждения, в задачу которых входит осуществление намерений, которые в мире земных людей проявляет треугольник зла.

В этих организациях пестро, противоречиво представлены силы всех пяти центров мировой власти. Их работа протекает внешне

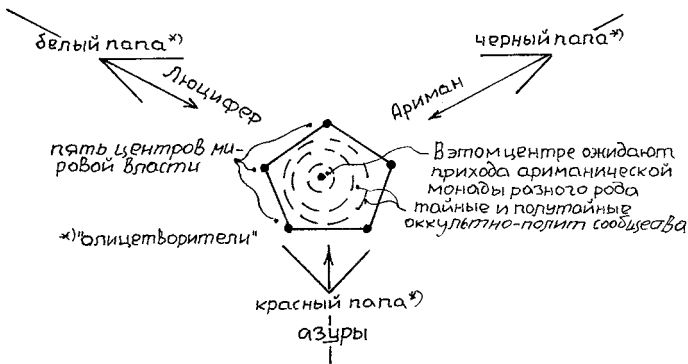

Рис. 39

спокойно по той причине, что они занимаются практическими делами, при этом как-то согласовывая их. В их же задачу входит и усмирение «смутьяна», ежели таковой обнаружится и потянет руль управления миром на себя. Однако кто-то в пентаграмме всё равно постоянно доминирует и ведет дело в направлении намерений Зората.

Вся система власти Сообщества Тени едина в намерении оторвать человечество от духа, утопить личность в материи. По этой причине она делит народы на не актуальные, нейтрально-бесперспективные и опасные. К последним относятся народы, образующие авангард эволюции, культурно-исторического прогресса, где у них есть миссия, которой они наделены силами метаистории, Божественными Иерархиями. К этому авангарду в 5-й и 6-й культурной эпохе относятся народы Средней и Восточной Европы. Поэтому их стравливают в страшных, уничтожительных войнах. Силы субистории охотно вообще устранили бы этносы этих территорий с земного плана, но сделать это им пока не дано. «Пока» — по той причине, что, несмотря на материальное и духовное опустошение, прокатывающееся через эти этносы, они не утратили отношение к своим миссиям, однако они его утратить могут, и тогда в мире станет еще намного хуже.

Окончательное устранение этих этносов затрудняется также и свирепой борьбой групповых эгоизмов внутри пентаграммы зла. Поэтому их действия во внешнем мире — это лишь покров для конспирологии «борьбы под ковром». Ну а историки часто приходят в большое недоумение, принимая происходящее по эту сторону ковра за единственную самообусловленную реальность. Из-за «борьбы под ковром» наружу всегда вырывается целый веер альтернатив возможного внешнего хода событий. Порой их можно даже сосчитать. Так, например, когда Германия и СССР были подведены к возможности военного столкновения, то оно: 1) могло бы всё же не состояться, 2) начаться нападением СССР на Германию и 3) Германии — на СССР. В каждом из этих трех вариантов могла бы ведущую роль играть каждая из пяти мировых сил. И в каждом случае развитие событий пошло бы по-другому. Вот почему до самого последнего момента было не ясно, что произойдет. Мы имеем 15 вариантов того, как могли бы пойти события в мире после 1941 г. И в каждом из них одна сила играла бы ведущую роль, а четыре других ловили бы рыбу в мутной воде, *постоянно* стремясь поменять действующий сценарий на свой.

Несомненно, в наших вычислениях содержится известная абстрактность. Они больше соответствуют, так сказать, теории вопроса. Но это вовсе не означает, что они не верны. Дело тут заключается только в том, что события мирового масштаба готовятся долгое время и не все участвующие в них силы приходят к их началу с равными возможностями. Но борьба между ними длится до последнего момента, а потом продолжается и в фазе военных действий, придавая им в некоем смысле «зыбкий», колеблющийся характер, что потом вызывает у историков большие недоумения, типа, например, того, которое выразилось в виде вопроса: почему колонна германских танков не пошла на Москву, когда путь был совершенно свободен. Ведь речь там шла все-таки об исходе войны. Можно было и рискнуть этой колонной. Имеется еще один совершенно подобный случай: в дюркгеймской операции, где тоже двигалась колонна германских танков и она могла пленить группировку англо-французских войск численностью в 250 тыс. человек, но вдруг остановилась. Там, правда, известно, что немцы получили приказ стоять. Он пришел не из Лондона, а из Берлина. Но, может быть, он не был первичным?

Имеются веские основания — а в последние годы они еще возросли — думать, что пакт Молотова-Риббентропа не был просто политическим маневром, а был подлинным договором о длительном мире. И у него были мощные сторонники и в Кремле, и в Берлине, но были и непримиримые противники. Ибо при его сохранении национал-социализм распространился бы на всю западную часть мира, а большевизм, начавший при Сталине принимать всё более национальный характер, — на всю его восточную часть. В конце концов это могло превратиться в господство в мире одной силы.

Могло бы случиться и так, что Советский Союз напал бы на Германию. Тогда довольно скоро, может быть уже через полгода, советские армады достигли бы берегов Атлантики.* Тогда большевизм восторжествовал бы во всемирном масштабе. И у этого варианта были сильные противники, и не только в Лондоне и Вашингтоне, но и в Москве.

Возможен был и такой вариант развития событий, при котором

*) Благодаря публикациям последних 10–15 лет полностью развеян миф о гигантской мощи германской армии. Ее не было, и историков теперь удивляет другое: как вообще она могла продержаться столько лет. Ей было почти не по силам воевать ни с Францией, ни даже с Чехословакией, если бы те защищались всерьез.

национал-социалистическая Германия победила бы Советский Союз. Для этого нужно было всего лишь еще несколько месяцев Советскому Союзу вести себя так же, как в начале войны (и как, заметим в скобках, вела себя Россия в войне с Чечней в годы перестойки). Но и этот вариант не устраивал коалицию сил пентаграммы зла, поскольку вел к единоличному мировому господству национал-социализма, в который потом вскоре переродились бы и большевистские системы.

В конце концов возобладал британо-американский план. Он оказался для Сообщества Тени наиболее приемлемым по двум причинам: во-первых, он не нес в себе непосредственной угрозы возникновения однополярного мира, а во-вторых, он давал гарантию максимального разрушения и истощения Средней и Восточной Европы и обеспечивал их продолжительное последующее закабаление панамериканизмом. Такой план возник еще в конце XIX в., осуществлялся с помощью 1-й мировой войны, и теперь было наиболее «естественно» его просто продолжать.

Итак, в действие опять вступил старый план. Согласно ему, сначала следовало всячески способствовать дальнейшему физическому истреблению этносов Восточной и Средней Европы, их культурных традиций, духовного наследия, а потом попробовать заняться их перевоспитанием. Нельзя при этом думать, что в коллегии пяти мировых сил возник при этом «честный» консенсус. Война началась и шла, и близилась к концу, но на всех ее этапах сохранялась возможность радикального поворота событий в другую сторону.

Введению в действие британо-американского плана мешало одно обстоятельство: мощь советской армии. Нет, она не мешала развязать войну, но мешала сделать ее продолжительной и разрушительной.

Николай Стариков дает замечательный анализ того, как Ленин и Троцкий, ловко лавируя во время гражданской войны между своими патронами: британцами, германцами, французами, американцами — неуклонно вели дело к созданию новой мировой силы — большевизма*. С приходом к власти так называемой «сталинской группировки»** все силы были брошены на то, чтобы позиции большевизма предельно укрепить. Любые средства были для этого хороши. Страна была превращена в одну большую «кузницу» производства оружия. Нача-

*) Николай Стариков. Ликвидация России. Кто помогал красным победить в гражданской войне? Изд. Питер, 2010.

**) Там, конечно, речь шла о смене власти, власти не в тривиальном, а совсем в ином смысле, и кто на самом деле возглавлял эту группировку — мы вряд ли когда узнаем.

ла гуманизма, человечности были попораны до основания. Поэтому не зря для Джона Толкиена «кузница» эта послужила прообразом для описания «царства орков».

В 1941 г. ни одно государство в мире воевать с этим «царством» не было в силах. И потому было решено сначала эту силу существенно уменьшить. Принести в жертву кадровую армию в 5 млн. человек и горы ее вооружения. После того силы Германии и Советского Союза все равно еще не сравнялись, но войну стало возможно вести долго, подбрасывая в ее «костер» полено за поленом то с той, то с другой стороны.

Кто-то, может быть, спросит: а кто это решил? Ответ на этот вопрос мы уже дали. После 1917 г. в мире больше нет суверенных государств.

Новые историки пытаются дать объяснение тому погрому советской армии и пишут при этом всякий вздор, например, что армия была настроена антисоветски и проч. Но она ведь хорошо воевала до того с японцами. С финнами внешне война имела жалкий вид, но только потому, что по характеру она была «чеченской». Нужно было до поры до времени не демонстрировать силу, а скрывать ее.

Еще более глубокие и страшные тайны XX в., чем те, о которых мы уже знали, начинают нам в последние годы раскрывать историки. И хотя все они, как и прежде (или почти все), не свободны от доктринерства и ведут свои разоблачения в духе новых методов борьбы между собой мировых центров зла*, но самой исторической фактологией, публикуемыми документами мы просто обязаны воспользоваться. Важны и некоторые фундаментальные выводы этих авторов, например тот, какой Николай Стариков делает в отношении гражданской войны, когда пишет: *«Ликвидация Белого движения «союзниками» — это исторический факт»*. («Ликвидация России», стр. 254). И факт, добавим мы от себя, колоссального конспирологического значения.

Фундаментальный и еще более потрясающий вывод о начале второй мировой войны делает Марк Солонин. Этот вывод требует от современников просто радикального пересмотра всей истории XX в. В каком смысле? Именно в том, о котором мы ведем речь. Ибо вся эта разоблачительная литература является подтверждением и яркой иллюстрацией правильности сделанных нами методологических выводов в сфере политологии.

Этот вывод Марка Солонина звучит так: *«...главная причина военной катастрофы 1941 года лежит вне сферы проблемы оперативного*

*) Н. Стариков в этом деле нередко доходит просто до глупости и пошлости.

искусства или техники вооружений»*)! Воспользоваться своим выводом Солонин, правда, не в силах (или не решается) и ограничивается лишь вопросом: «Почему грандиозная военная машина тоталитарной деспотии в считанные дни превратилась в груды хаотически разбросанных «колесиков» и «винтиков»? (стр. 373) Нам кажется, что мы ответ на этот вопрос нашли.

* * *

Таково Сообщество Тени в действии. Нормальный человеческий рассудок не способен вместить в себя такой образ действий и потому без конца тешит себя иллюзиями, пытается объяснить происходящее «естественным» ходом вещей. Тот же, кто в той или иной мере прозревает характер мирового зла, мучается вопросом Смита, который не разрешим в пределах одной только чувственной реальности. Он есть составная часть невыразимой тайны зла. О нем нужно много размышлять и не только рассудочно, но и медитативно, привлекая на помощь Духовную науку. Тогда открывается многое и меняется не только наш взгляд на вещи, но мы сами меняемся. Мы тогда начинаем понимать, что интегрированные в это Сообщество — несчастнейшие люди. Но они заслуживают не сожаления. Им нужна долгая кармическая реанимация, которая может продлиться несколько воплощений.

Среди манихеев уже сейчас имеются люди, которые целенаправленно готовят себя к тому, чтобы в будущем спасти такие души даже с применением белой магии. Придут эпохи развития, когда вся лучшая часть человечества, ныне преследуемая Сообществом Тени, будет трудиться над исправлением последствий его темных дел.

Ибо со злом ничего нельзя поделать, как только обратить его в добро.

В наше время большим препятствием на пути дальнейших планов пентаграммы зла могло бы стать осуществление социальной трехчленности. Но именно против нее в этой пентаграмме приняты особые меры: в мир запущены три страшные карикатуры на социализм. Это социализм национальный, интернациональный и расовый. В пентаграмме зла они замыкаются в треугольник трех нижних сил (см. рис. 38). Поэтому после того, как пройдет воплощение на Земле в человеческом теле Аримана, они будут аннулированы первыми. Католицизм с его политизированным авангардом — орденом ие-

*) Марк Солонин. 22 июня. Анатомия катастрофы. М., 2009, стр. 370.

зуитов — просуществует, как об этом говорит Рудольф Штайнер, до конца XXIV столетия. Англосаксонский же эгоизм еще надолго, все более окостеневая, твердея, останется как пережиток 5-й культурной эпохи в теле человечества: до конца коренной расы и даже долее.

* * *

В 1910 г. Рудольф Штайнер предсказывал, что период с 1930 по 1940 год будет очень важным, особенно годы 1933, 1935, 1937. В то время у отдельных людей естественным путем, т.е. без прохождения через посвящение, как бы из их собственной природы начнут развиваться высшие силы, с помощью которых можно будет переживать эфирный мир. Тогда произойдут большие изменения как в физическом, так и в сверхчувственном мирах. Но может случиться, что материализм эпохи сохранится в полной силе, и тогда «при проявлении подобных сил не поймут, что они ведут в духовные миры. И тем самым они будут подавлены» (ИПН. 116, 8.2.1910). И если, продолжает Рудольф Штайнер, скажем, в 1940 г. станут говорить: вот, смотрите, предсказание не сбылось, — то это не будет ничего доказывать, а будет только означать, что неразумное человечество задавило в зародыше необходимое ему для того, чтобы не зачахнуть и не засохнуть в своем развитии.

Но может все случиться и по-другому, а именно так, «что Антропософии удастся распространить с помощью своего учения понимание восхождения человека в духовный мир, удастся возвысить человечество над материалистическим миропониманием» (Ibid.). В таком случае еще до истечения первой половины XX в. у людей, может быть даже у многих, как бы естественным образом разовьется способность лично переживать событие Дамаска, переживать Христа в Его втором Пришествии в эфирном теле.

Со времени этого предсказания прошло ровно сто лет, и мы можем взглянуть на него в связи с уже совершившимся ходом истории. Он был таким, что, кажется, было сделано всё возможное и невозможное для того, чтобы оно не сбылось, чтобы приглушить, затоптать тонкую восприимчивость души. Была развязана мировая война 1914 года, потом начали большевистский эксперимент, за ним — национал-социалистический эксперимент, в России к середине 30-х годов был искусственно организован массовый голод, поднялась новая волна террора, и, наконец, была развязана еще одна мировая война.

Далее Рудольф Штайнер предупреждал, что если силам созерца-

ния дадут засохнуть, то в душах людей «поднимутся понятия, которые будут оказывать давящее действие (на душу)... а человек не будет знать причины, по которой они в нем возникают. Во время бодрственной жизни будут выступать кошмары как неврастеническое явление у большого числа людей» (ИПН. 174, 30.1.1917).

Говоря это, Рудольф Штайнер имел в виду уже 50-е годы, но страшные бедствия второй мировой войны, вызванное ею потрясение привели души к некоего рода онемению и отодвинули это на 20—30 лет. Где-то с 80-х годов в мире наблюдается устрашающий рост психопатологии. И по сути говоря, именно следствием ее являются все проявления извращенных форм искусства, образа мышления, образа жизни. Психически больное человечество порождает больную культуру и больную цивилизацию. Из подсознания людей вырывается ужас, вызываемый опрокидыванием их как микрокосмосов на прафеноменальном уровне.

С людьми, находящимися душевно в таком состоянии, Сообщество Тени может делать всё что угодно. Того сопротивления, какое, например, оказали выступлению большевизма народы России, больше не будет нигде.

И нужно посмотреть правде в глаза и осознать, что пророческое описание Орвеллом распространения большевизма в западном мире идет в наши дни полным ходом. Возьмем, например, такой прием разрушения личности, как двоемыслие. Орвелл описывает его так: «Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществить аккуратно, но также и бессознательным, иначе возникает ощущение лжи, а значит, и вины. Говорить заведомую ложь и одновременно верить в нее, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, — всё это абсолютно необходимо. Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. ... ложь всё время идет на шаг впереди истины».

Событие 11-го сентября и ряд других, подобных ему мировых мошенничеств, являются гигантской, охватывающей всех проверкой наличия и даже уже доминирования такого рода мышления в мире. Огромному числу государственных служащих даже вменено в обязанность верить в эту ложь, и при этом она грубо сколочена и, фактически, полностью изобличена, что не скрыто ни от кого. И многие, очень многие говорят себе: зачем мне эта головная боль, зачем мне

рисковать карьерой? Как всё это официально объяснено, так это и есть на самом деле. И они «верят» — чисто по-орвелловски.

А взять насаждаемую под знаком человеколюбия «политкорректность», которая, будучи доведенной до абсурда, является повсеместно и регулярно совершаемым насилием над здравым смыслом, логикой, чувством справедливости, законом, представлениями о нравственности, о красоте — фактически, над всем, чем жив человек на земле. Так проявляется другой грозный признак мирового оккультного большевизма. Джордж Орвелл говорит о нем: «Если хотите видеть картину будущего, то представьте себе ботинок, наступающий на человеческое лицо — навечно». Так это он и есть, этот ботинок, на котором — тут фантазии и Орвелла не хватило — написано: «политкорректность»!*

Не следует думать, что люди Сообщества Тени творят всё это себе в усладу. Также и в среде высших мировых элит растут алкоголизм, наркомания, неврозы**. Всё человечество уже сковано единой рабской цепью. И нет никого, кто способен ее разорвать. Как некоего рода уже объективный ход вещей совершается углубление двоемыслия и всего тому подобного. А происходит так потому, что идет формирование человеческой интеллигенции всецело в духе ариманических интересов.

*) Во Франции в августе (или в сентябре) 2010 г. было принято постановление, согласно которому гамбургеры впредь будут готовить только мусульмане, в соответствии со своими религиозными и расовыми принципами. Для тех французов, которые их есть не захотят, будут привозить прежние гамбургеры с фабрики и разогревать их в микроволновых печах. В этом, казалось бы, ничтожном факте выражается вся суть проводимой в отношении европейцев политики. Французы в своей стране становятся людьми второго сорта. Это неприкрытый национализм, дискриминация, однако пропаганда называет это антирасизмом, веротерпимостью, политкорректностью, образцом демократического действия.

Так что это такое, как не ботинок, поставленный на лицо уже брошенной на пол французской нации?

Примеров подобного рода множество. Они показывают, что ботинок не просто стоит на лице, а делает еще и растирающее движение. Кто может — а таких много — защищается от него двоемыслием: ботинок, конечно, есть, но его в то же время и нет, он является выдумкой конспирологов, которые все расисты.

**) Об этом можно сказать еще по-другому: неужели, например, Ротшильд завидует образу жизни северокорейского диктатора или орвелловского О'Брайена?

Рудольф Штайнер дает глубокие разъяснения того, почему все три существа, образующие триаду, в которой Христос стоит между Люцифером и Ариманом, непременно должны пройти через человеческое воплощение на Земле. Мы не станем входить в подробности этого вопроса, а только скажем, что Люцифер сделал это в Китае за три тысячи лет до Р.Х. В наше время, в начале третьего тысячелетия по Р.Х. на Западе должен воплотиться как человек Ариман. Он имеет объективное право на эту инкарнацию, ничто не может и не должно ей помешать, но ее близость обременяет наше и без того трудное время.

Свою инкарнацию Ариман встраивает в ритм 666-ти лет. После Пришествия Христа человечество уже дважды проходило через узловые точки этого ритма и оба раза это сопровождалось негативными событиями, например разгромом Ордена тамплиеров.

666 лет – это и ритм Зората. В наше время, на которое приходится его третий узел, оба эти существа проявляются как объединенная сила. Зорат всячески способствует тому, чтобы воплощение Аримана прошло максимально успешно. Для этого он всячески мешает пониманию Христа в Его втором Пришествии (см. ИПН.343, S.119ff). Ариман, со своей стороны – это можно предположить – при своем явлении на Земле станет выдавать себя за Христа. И это как ближайшее будущее тенью наползает на время, в которое мы живем.

Третий узел числа 666 пришелся на 1998 год. Это был год, когда Россия в ходе перестройки пришла к пределу своего хозяйственного упадка. Она была окончательно выброшена из пентаграммы зла, и ее место на нижней вершине заняли США. Началась фаза осуществления мирового большевизма. Изменился весь характер социальной проекции опрокинутой пентаграммы (рис. 40).

Рис. 40

Россия оказалась в некоем роде «задвинутой» в ее середину. Там при всей ее недееспособности она находится в поле притяжения всех пяти мировых центров власти. В будущей борьбе за мировое господство каждой из них она очень нужна в качестве мощной «дубины», которой можно будет уложить наповал любого дерзкого конкурента. Нас ничуть не интере-

сует то, как такое определение звучит для «имперского» уха в России, для «национальной гордости» и т.п. Тут важно совсем другое — что России в новых условиях следует вести себя с крайней осторожностью и скромностью.

В одной из лекций Рудольф Штайнер говорит, что в начале XX века России в какой-то мере было предопределено «проспать» и упустить свой шанс, но ей не следует этого делать в конце XX столетия; ну, естественно, — и в начале XXI-го. Если с нею это произойдет, предупреждает Рудольф Штайнер, то цивилизация может погибнуть, и даже вся планета стать непригодной для воплощения на ней людей.

Ей, как мы понимаем, не следует «проспать» ход перестройки и того, что из нее последует. Как это сделать? — Давайте посмотрим на то, как она свой шанс упустила. Она сомнамбулически ввязалась в первую мировую войну, в которой ей было абсолютно нечего делать. Ей никто нигде никак не угрожал, и в войне у нее не было никаких целей. Британо-американизм намеревался сокрушить Среднюю Европу как своего конкурента, а заодно и Восточную Европу, Россию как своего будущего конкурента. И Россия вступила в эту войну, поведшую ее к самоуничтожению! Но всё в мире, мировая история пошла бы иным, лучшим путем, если бы Россия всего лишь *воздержалась* от участия в войне. Без мощной русской дубины Британия не решилась бы воевать с Германией. Но Россия вмешалась, ее использовали именно как дубину, а потом за ненадобностью отбросили в сторону.

Мысля по аналогии с той историей можно сказать, что *теперь «не проспать» для России означает не вмешаться ни в какие глобальные авантюры пентаграммы зла*. Сделать это будет трудно, но возможно. Для этого в первую очередь следует, наконец, искоренить имперский гонор, который, как говорил еще Вл. Соловьев, раздувают «льстецы России».

Ныне то и дело опять слышишь в масс-медиа: «Я горжусь, что я русский!», «Я горжусь, что я русская!». Опасный вздор! Нам совсем *ничем* и *незачем* гордиться. Если мы возьмем историю нашего народа — нет, не историю царей, князей и проч., а просто народа, то ведь вся она описана в трех хрониках: в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина и в «Архипелаге ГУЛАГ» Александра Солженицына. Это история беспросветного жестокого рабства. В XIX в. подлинные патриоты России (их было немного, например Чаадаев, Лермонтов) стыдились того, что они русские, стыдились принадлежности к стране, держав-

шей народ в рабстве. Ну а о советском периоде просто нечего и говорить.

Нам нужно сильно поменять взгляд на нашу страну, с предельным реализмом увидеть и понять, с чем мы имеем дело. Наша любовь к ее природе, к ее культуре, к ее народу от этого не убудет, но нужен трезвый государственный реализм, чтобы Россию сохранить в новых потрясениях. Нужна трезвая национальная самооценка.

Лорд Бэконсфилд в свое время возмущался тем, что Россия «подобно глетчеру» неудержимо ползет в направлении Персии, Афганистана и Индии. А то были сферы британских интересов, и какова бы она ни была, эта Британия, не следовало наживать в ней врага. Кроме того, ни исторических, ни государственных, ни географических интересов у России там не было. Их не было и для мечтаний о Царьграде и проливах. Далее, не нужно было тайком завозить военную амуницию на Балканы. Да, сербы — родственник нам славянский народ, но это *западные* славяне, у них совсем иная судьба, чем у нас.

Наполеон, уже вторгшись в Россию, написал Александру I: Нас с Вами поссорила Англия, но теперь уже поздно; посмотрим, что будет. Но «поздно» на самом деле не было. Когда Наполеон бежал из России, потеряв всю армию, то было достаточно русским дойти лишь до своей границы, а не до Парижа. Бонапарт был проблемой Англии, так пусть бы она им и занималась. Но мы пришли в Париж, и Россия заслужила кличку «жандарма Европы». Отсюда пошли в ней и социалистические волнения. Отчасти они были оправданными, необходимыми, реформы были нужны, но сама Россия помогла задать им марксистское направление. И придя в Берлин в 1945 г., мы не победили, а *проиграли*. Наше сегодняшнее экономическое состояние особенно убедительно говорит об этом. С победителями такого не происходит. Вот Америка победила — так тут и вопросов нет.

* * *

Нам, русским, можно не то чтобы гордиться, но радоваться тому, что у нас есть богатая культура, замечательный язык, о котором Иван Тургенев сказал: «Во дни сомнений, *во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора...*»

Политически мы очень долго пребывали во тьме, а когда вышли к свету просвещенной Европы, нас принялись использовать именно как дубину, как политически безграмотную, близорукую систе-

му в борьбе не за наши интересы. Этот процесс длится уже более двухсот лет.

Социально мы очень много страдали. А страдание склоняет к скромности и покаянию. Покаяние бывает расслабляющее, а бывает очищающее, освобождающее *для новых дел*, более добрых и светлых. Вот в чем нуждаемся мы. Наша современная элита вопиет, что у народа нет объединяющей, движущей идеи. Это значит – на ее языке, – что нет новой идеологической схемы, которой можно было бы обмануть на какое-то время всех. А народ на самом-то деле просто лишен *смысла жизни*. Смысл же этот может быть только духовным, и не групповым. Напомним еще раз слова Рудольфа Штайнера: «Спасительное средство у России есть, им является Антропософия».

Однако иного хочет «элита». Она «жаждет бури», хочет вернуться в былую борьбу. Особенно выразительно об этом высказался один довольно крупный чиновник. Его слова в 2000-м году опубликовала московская «Новая газета». Чиновника зовут А.А.Игнатов, его пост имеет длинное название: генеральный директор информационно-аналитического агентства при Управлении делами президента РФ. Весьма значительный пост. Чиновника не удовлетворяет отношение мирового правительства к правящей элите России. Он считает, что эта элита непременно «должна войти в мировое правительство и его структуры в целях существенной корректировки целей и способов глобализации ... Важной и деликатной является задача внедрения российских представителей в многочисленные тайные организации, составляющие невидимую основу власти Мирового правительства (будто бы они туда уже не внедрены! – *Авт.*) – масонские и парамасонские ложи, «тайные» ордена и другие подобные образования. Россия должны иметь влияние на решения, принимаемые тайными международными структурами власти».

Однако, почему это им удалось нас, гордых и сильных, оттуда вышибить? И кто именно это сделал? Игнатов отвечает на эти вопросы так: «...в своей работе эта организация ориентируется на интересы малочисленной элиты, объединенной этническим родством и инициацией в ложах деструктивной направленности. Данное обстоятельство – узурпация власти в Мировом правительстве хасидско-парамасонской группой – требует скорейшего исправления».

Ну, теперь все понятно! Оказывается, хасиды вытолкнули нас из пентаграммы зла. Так, может быть, им за это в ноги поклониться? От такого рабства освободили! Но нет, не такова постсоветская (это значит – все та же советская, но во время после Советского Союза) элита. Своим поведением в новых условиях она сильно напоминает

ресторанного дебошира, который во время всеобщей пьянки превзошел всех и которого за это взяли за воротник и выкинули за дверь, и он теперь ломится в нее с той стороны, откровенно (пardon!) матерясь на языке отборной конспирологии.

Возмущенный голос Игнатова, скорее всего, будет услышан «паранормальными» масонами, Россию в роли боевой дубины как-то интегрируют в то Правительство. Это, собственно, уже бы и сделали, да вот, — дубина одна, а претендентов пять. Но кто-то когда-то до нее дотянется и в мировом конфликте, если он случится перед приходом Аримана, стукнет ею так, что она переломится. А тогда ее выбросят уже совсем. К этому нас ведут «элиты».

Так что же, и надежды никакой нет? Внешне взять — очень мало! Но где-то в глубине души она не умирает. Уж больно велика миссия России в будущем мира, в 6-й культурной эпохе. И потому Самим Богом ей заповедано: «Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего»!

Желающие «восхитить» его имеются. Чтобы защититься от них, нам нужно апеллировать к Божественным Иерархиям, а не к Мировому правительству. Из мира высшего духа придут силы, а с ними воспрянут те, кто еще душевно не мертв. А таких людей в России должно быть много. И, Бог даст, мы свой шанс не проспим.

ДИАЛЕКТИКА ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

О жизненных плодах Антропософии

Настоящее время переживает быстрое и бурное крушение всех установившихся парадигм земного развития человека. Цивилизация стремительно ввергается в хаос: то в социальный, то в духовный, то в тот и другой одновременно. Главная причина этого заключается в том, что материальная культура исполнила свои задачи и исчерпала свой потенциал. Она подобна дереву, цветение и плодоношение которого завершились, поскольку срок действия его корневой системы пришел к концу.

«Закат Европы» длится уже второе столетие, а человечество бездействует. Поэтому «закат» этот принимает характер катастрофы. В таких условиях Антропософия пришла в мир не для того, чтобы служить средством для удовлетворения мистического любопытства или быть своего рода экзотическим «десертом» к давно остывшим и уже мало съедобным «блюдам» премудрости, скажем, Элифаса Леви, арканов таро и т.п. Антропософия принесла земной цивилизации новые парадигмы, учение о подлинном взаимоотношении между духовным и материальным, учение о единой чувственно-сверхчувственной реальности. И она могла сделать это по той причине, что в мире уже родился новый человек, человек *новой формы сознания*. Пользуясь им, ему надлежит впредь творить реальность новой, спиритуальной цивилизации.

Духовнонаучное знание, несомненно, нуждается и в популяризации, поскольку оно имеет отношение ко всем людям, но более того оно нуждается в том, чтобы люди им овладевали глубоко, на пределе

своих духовных возможностей. И это вопрос не вкуса, а *судьбы* каждого отдельного человека и человечества в целом.

Человечество напрягается даже сверх меры своих сил, чтобы развить науку и на ее базе совершенствовать, разнообразить предметы потребления и средства ведения войны. А ему уже давно следует употреблять свой духовный потенциал для того, чтобы в условиях нового времени приводить свое миро- и жизневоззрение в соответствие с единой чувственно-сверхчувственной реальностью и благодаря этому, наконец, понять, в чем состоит подлинный смысл его бытия, куда ему следует идти дальше, к чему стремиться. Если человек заплутал в темном, холодном, опасном лесу, то главное для него — как из него выбраться.

Антропософия дает богатым содержанием и даже исчерпывающие ответы на вопросы о смысле и предназначении человека, об истоках и развитии мира, о смысле бытия в его целом и во всем его многообразии. Этим знаниям можно дать практическое применение и с помощью их совершенно по-новому обустроить земное бытие человека, стащить с мели «корабль» цивилизации.

Все составляющие человеческого прогресса — его методология, теория познания, естествознание, религиозные верования, искусства, приемы воспитания и образования, наконец, наука посвящения — поставлены Рудольфом Штайнером на новое основание, на котором они могут снова цвести и плодоносить. Он раскрыл тайны мировых ритмов, силой которых развитие движется путем метаморфоз. *Учение о познании он соединил с учением о сознании и эволюции*, чем заложил основу для новых Мистерий, где люди будут в соответствии с их современным уровнем индивидуального развития приходить в сознательную связь с богами. Он дал учение о человеческой свободе.

Благодаря его сообщениям, основанным на точном сверхсознательном исследовании духовного мира, доступном ему потому, что он овладел даже не одной, а несколькими формами высшего сознания, наша современная культура и цивилизация раскрываются нам как следствие огромного числа уже совершившихся в мире и в человеке процессов чувственного и сверхчувственного характера. Нам раскрывается гигантская причинно-следственная связь, периодически уходящая в сверхчувственное и возвращающаяся на материальный план, раскрываются законы, но также и тайна рождения нового, тайна творчества богов и человека.

Благодаря всему этому мы начинаем понимать себя, понимать наше время, понимать смысл происходящего с нами — как хорошего, так и плохого. За покровом феноменов нам раскрываются *прафе-*

номены бытия. А знание — это, поистине, сила. Незнание делает нас слабыми, а сущим ядом для нас является знание ложное. Мы тогда перестаем понимать, «куда несет нас рок событий» (Сергей Есенин), и теряем себя.

Знание позволяет нам избавиться от рока, взять управление ходом жизни в собственные руки, и в руки — созидающие ее в смысле высших сил, а не разрушающие. Соединение с Антропософией дает нам возможность действовать, исходя из мотивов, почерпаемых в мире *нравственных интуиций*, когда наша индивидуальная интеллигенция становится способной вступить в мир космических интеллигенций.

Созидающие и тормозящие развитие силы

У той монады, которая к конце концов стала человеком, был гигантский период приготовления, а собственно становление человеком, т.е. самосознающим существом совершилось, если на это посмотреть в масштабах эволюции мира, едва ли не мгновенно. Даже Лемурийская коренная раса (см. табл. на стр. 170) должна быть еще отнесена к стадии приготовления. То, что сделало монаду человеком: выпрямление, овладение речью, способностью представлять, — всё это зародилось в эпоху Атлантиды и в нашей коренной расе получило лишь свое дальнейшее развитие.

В полном смысле индивидуальное становление всех человеческих существ совершилось в ходе исторического развития, которое выкристаллизовалось из процесса эволюционного и длится не более 5–6 тыс. лет.

Таким образом, мы имеем три с половиной *зона приготовления* того, что со временем должно стать еще одной Иерархией, и каких-то 5–6 тыс. лет, в течение которых эта задача начала *осуществляться*. Если задуматься над этим соотношением, то можно ясно понять, что наше развитие в историческом процессе стало необыкновенно быстрым и плотным. Мы несемся сквозь него с ужасающей скоростью, и она только нарастает. Какой вывод нужно из этого сделать? А тот, что при таком движении даже малейшие отклонения от курса могут привести к необозримым негативным последствиям. Тревогу по этому поводу можно почувствовать в сообщениях Рудольфа Штайнера, хотя он, разумеется, никого не желал пугать. Однако и скрывать опасности развития от людей он считал себя не в праве, поэтому говорил об определенных сроках, о том, что жизнь сама по себе есть «опасный процесс» и т.п.

Божественные Иерархии развиваются еще быстрее. Поэтому в прошлом эоне и в эоне Земли они образовали для себя особое космическое тело — Солнце. Собственно земная эволюция идет значительно медленнее солнечной. Но и тут с приходом Христа на Землю произошли фундаментальные изменения. Христос приблизил земную эволюцию по характеру к солнечной. Поэтому христианином следует в первую очередь считать того, кто убыстряет свое высшее индивидуальное развитие. В таких людях нуждается остальное человечество, которое по причине своей медлительности, вызываемой застреванием в эгоизме, всё больше расслаивается, разбрасывается по разным ступеням «лестницы» развития. Пока это носит более культурно-исторический, чем эволюционный характер, и потому положение любого отстающего человека исправимо, но отставание может принять эволюционный характер, и тогда оно станет необратимым. Именно эту цель в отношении людей преследует Сообщество Тени. Индивидуально противостоять ему можно, лишь избрав для себя Христовы «Путь, Истину и Жизнь». Людьями такого рода спасается и опасно отстающая часть человечества.

В прошлом, когда развитие шло намного медленнее и монады еще не обладали ни малейшими признаками индивидуального сознания, двигаться вперед им помогали существа Иерархий, перед которыми тогда стояла проблема выбора пути развития. Особенно серьезной она была у Ангелов. Как мы помним, в эоне Луны часть из них ушла с Солнцем, когда оно выделилось из общего тела эона, а часть осталась с людьми на Луне. Ушедшие ввели себя в ускоренный процесс развития. Это не было эгоистичным, что они не остались с монадами, чтобы, двигаясь в соответствии с их темпом, вести их в развитии на Луне. Они ушли вперед, и плоды этого сказались в эоне Земли. Те Ангелы стали в земном эоне служителями Архангела Михаэля — Регента космической интеллигенции. Они трудятся вместе с ним над тем, чтобы развитие индивидуальной интеллигенции земного человека стало *солнечным*.

Другая часть Ангелов осталась в эоне Луны с Луной. Они отстали. Однако и это обернулось в эоне Земли огромной пользой для человека. И это побуждает нас стремиться разгадать тайну зла, но конечно, не является поводом к тому, чтобы видеть что-то доброе в отставании человека. Человек — это не Ангел. У него иные, чем у Ангела, принципы развития. Ангелы уже с эона Луны действуют в эволюции как ее субъекты. Человек же лишь на Земле стал таковым в узкой области культуры, социальной, политической и т.п. жизни.

Для богов эволюции он еще в значительной мере есть некая «гли-

на», которую, чтобы формировать, нужно, так сказать, «мять двумя руками». А поскольку «глина» эта уже душевно-духовного рода, обладает самосознанием, то это и должны быть рука добра и рука зла. Ну а человек имеет задачу выйти из этих рук существом, владеющим высшим Я, т.е. полноценным субъектом развития. Такая вот непростая задача у него на этом этапе быстрого и даже еще ускоряющегося процесса становления. И она совершенно не зависит от того, нравится она кому-то или нет. Тем, кто ее понял, она нравится, и нравится очень сильно.

Взаимодействием добра и зла объективный процесс земного развития удерживается в границах ускорения, приемлемого для всех людей. Но это сопряжено с опасностями. Они тем меньше, чем охотнее сам человек идет вперед, и тем больше, чем неохотнее он это делает.

Отставшие в зоне Луны Ангелы в эпоху Атлантиды, можно сказать, сыграли решающую роль в становлении человеческой монады человеком. Они тогда, как об этом говорит Рудольф Штайнер, в определенном смысле сказали себе: если мы оставим человека таким, что он в этой коренной расе будет жить лишь инстинктивно, т.е. как человеко-животное, то и Принцип Христа он воспримет инстинктивно и он не разовьется как свободное существо. Так сказали себе *люциферические* Ангелы. И в то время их намерение воспротивиться общему ходу эволюции не было злым делом. Они сказали себе далее: мы пожертвуем собой и на этот раз и образуем в человеке некую способность, некое свойство, задержав наступление момента времени, в который он может узреть Христа.

Свою работу они тогда начали в соответствии с ритмами и законами мирового развития и за узловую точку затеянной ими метаморфозы взяли середину Атлантической эпохи, т.е. середину всего эволюционного цикла. Одну петлю этой лемнискаты они настолько же далеко простерли в прошлое (их работа шла больше на астральном плане), насколько далеко в будущем от той узловой точки отстоит Мистерия Голгофы. Поэтому Мистерия Голгофы пришлось на середину следующей, 5-й коренной расы, на греко-латинскую культурную эпоху (рис. 41). То есть временную середину цикла они использовали в роли точки опоры для некоего лемнискатообразного рычага.

Во время этой работы люциферических Ангелов духи нормального развития действовали в силах человеческого размножения, в силах наследственности. В соответствии с намерениями этих духов Моисей позже дал закон древнему израильскому народу. Люциферические духи повели человека, в соответствии с задачами своей лемнискаты, к тому, чтобы он как отдельный человек начал этот закон

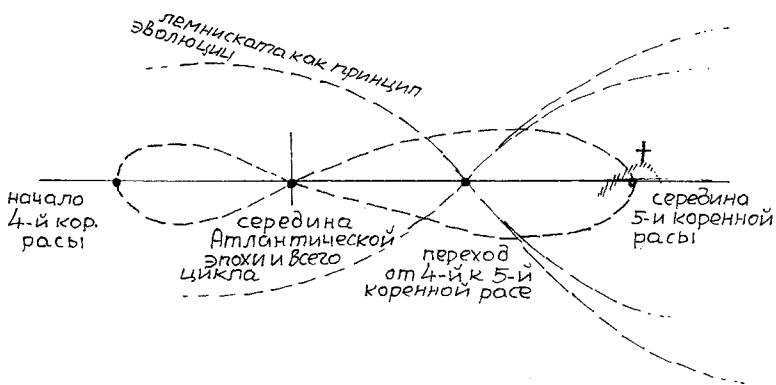

Рис. 41

рождать *из себя*, свободно понимая его значение, т.е., в известном смысле, пошел бы дальше Моисея, ибо тот просто получил закон от Бога. Тут нужно было человека вырвать из уз кровного родства (см. ИПН. 105, 10.8.1908).

Что особенно при этом интересно: в духе этого люциферического импульса проявил Себя и Христос, когда странствовал по земле! Люди церкви могут по этому поводу сколько угодно возмущаться, но об этом сказано в самих Евангелиях: «И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12, 49–50). И еще более сильно: «Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его» (Мф. 10, 35–36).

Если эти места в Евангелии не понять правильно, то они могут вызывать только недоумение. А правильно они могут быть поняты только в эволюционном смысле. Христос выражает в них необходимость для человека от группового сознания переходить к индивидуальному, и так, чтобы кровная любовь к ближнему была перенесена на «дальнего», не родственного, на любого человека.

Да, этот принцип развития соответствует древней деятельности Люцифера в человеке. Однако теперь она стала иной и со временем к ней примешалась ариманическая деятельность. Ариманические духи пытаются действовать как бы в смысле интенций Михаэля: ускорять развитие, — но так, чтобы определенные свойства индивидуального духа человек получал *преждевременно*, когда он еще для этого не созрел, и таким образом лишать его возможности в будущем правильно

овладевать этими свойствами, когда придет их время. На этом принципе основывается современная педагогика, разрушая онтогенез личности в пределах одной инкарнации. Ариман — это своего рода карма Люцифера, действующего в нисходящем потоке эволюции.

Христос, действуя в духе люциферического принципа, придал ему свойство, ведущее человека вверх. Он не отменил закон, а претворил его в милость: «...милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9,13), т.е. не жертвы подчинения, а свободного действия. Люциферическую свободу Он соединяет с любовью.

А еще Христос говорит, что Он пришел для того, чтобы «не праведников, а грешников привести к покаянию». Это не следует понимать так, что праведники уже спасены. Ап. Павел был праведником в духе Моисеева закона — и едва не погиб. В действительности в новое время каждый человек, в том числе и старый праведник, должны пройти через греховность, которая выражается в интеллектуализме, в рефлексии, в отрицании живого духа. «Греховность» дает низшее «я», а «покаяние» — снятие «я», что ведет к созерцанию, в том числе и Христа в Его втором Пришествии.

Аристотелевский тип человека

Уже в ходе исторического развития человек выработал индивидуальную душу ощущающую, душу рассудочную и теперь овладевает душой сознательной. Это касается человека, которого можно назвать представителем современной, 5-й, европейской культурной эпохи. Такой человек теперь работает над тем, чтобы своей трехчленной душе дать единство в собственном высшем Я. В этом состоит главная суть культурно-исторического процесса. Всё его прошлое является своего рода отпечатками, «следами» поступи группового сознания и групповой душевности, двигавшихся путем самораздробления и упорядочения себя в пользу индивидуальной души и индивидуального сознания.

Культурно-исторический процесс, совершавшийся на физически-материальном плане, осуществлялся в тесном взаимодействии с метаисторическим и субисторическим процессами, являлся своего рода *синтезом* противостояния и взаимодействия тех двух процессов. Именно таким его и следует изучать, если мы хотим понимать его в его сути, а не просто в фрагментах его внешнего протекания. Тут имеет место тройственная взаимосвязь. В силу ее в пространственно-временном измерении будущее культурно-исторического процесса

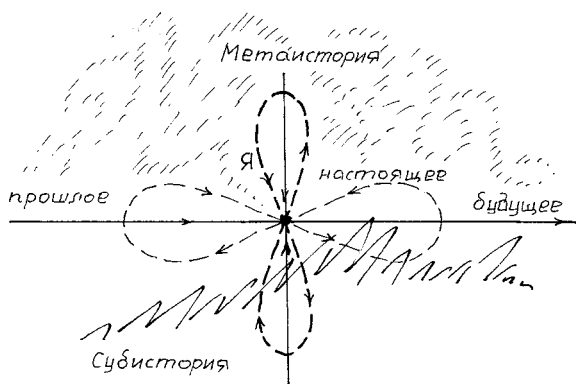

Рис. 42

рождается из прошлого, претворяемого, метаморфизируемого в моментах настоящего*. В этом мы находим объяснение того, почему нужно знать *подлинную* историю прошлого.

Таким образом, два рода лемнискатообразных метаморфоз соединяются в каждой точке настоящего, а точка эта находится в Я земного человека. Если это только слабое низшее «я», держащееся лишь силой рассудочного мышления, то оно постоянно рискует быть захваченным существами субистории и как их инструмент постоянно вести борьбу с существами метаистории. Сделать это нетрудно по той причине, что те, высшие существа всё больше отступают от человека, побуждая его управление собственной судьбой взять в свои руки, т.е. стать сознательным центром тех претворений, что совершаются в его «я», что и означает для человека взять крест своего развития на себя (рис. 42). Для этого ему нужно иметь в первую очередь знание. А знаниями существа метаистории снабжают его, можно сказать, даже сверх меры.

Показанный на рисунке крест является оккультно-социальной, одновременно чувственной и сверхчувственной проекцией мирового структурного креста, на котором (согласно Платону) «распяты» Мировая Душа, пребывающая в процессе эволюции. Человек эволюционно «распят» на нем на своем пути прохождения через этапы царств природы. На социальной проекции мирового креста человек имеет

*) На злоупотреблении этим законом держится «английский социализм» Джорджа Орвелла. Эту мысль он высказывает в своем романе так: «Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое, а тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее».

задачу выпрямляться душевно-духовно, *выпрямляться в Я* и так выходить из истории и из эмпирического времени и пространства. А если он этого не делает, то культурно-исторический процесс закабляет его в земном, отрывает от вертикали духа. Тогда-то он и становится «страдальцем» истории, начинает жить суррогатами субкультуры. Он тогда ничего не делает со своим мышлением, формой своего сознания, и управление историей превращается для него в сущее бедствие. Духи субистории начинают опрокидывать пентаграмму его микрокосмоса, и потому уже само пребывание на физическом плане делается для многих людей не благом, а бедствием.

Выйти из столь глубокого, действительно *системного*, обладающего и *космическим измерением* кризиса можно, начав духовнонаучно познавать, как совершается культурно-исторический процесс, будучи формой эволюции мира и человека.

В нем человек проходит, глубоко видоизменяясь, через культурные эпохи, в которых земное тесно связано с космическим. Особенно важно для настоящего понять прошлую, греко-латинскую культурную эпоху. В ней человек претерпел гигантскую по ее последствиям метаморфозу. Она совершилась в его сознании, но была *видовой*. Человек тогда от группового, полуясновидческого, напоминающего яркие сновидения сознания перешел к дневному, бодрственному, предметному сознанию, каким мы владеем и теперь. Оно живет силой понятийного мышления, опирающегося на опыт чувственных восприятий.

Эта метаморфоза начала совершаться в эпоху Платона и Аристотеля. При этом Платон образовал некоего рода мост от старой формы сознания к новой, а Аристотель уже полностью стоял по эту сторону того моста и явился, по сути, *родоначальником* понятийного, логического индивидуального мышления*.

Аристотель, поистине, является отцом логики и понятийного мышления. Более того, он олицетворяет тип человека, который родился в прошлой культурной эпохе, а на своем подлинном месте находится в настоящей эпохе. Он первым познал законы понятийного мышления и описал их. И поскольку законы эти остаются неизменными до тех пор, пока существует это мышление и соответствующая ему форма сознания, то неизменной в это время остается и Аристотелева логика. Аристотель стал первым самым значительным вырази-

*) Мы уже неоднократно вели разговор на эту тему, но она необъятна, и, начав с нее еще раз, просто невозможно двигаться в исследовании никаких фундаментальных тем Духовной науки.

телем в истории закона опережающего развития, согласно которому последующая эпоха всегда зарождается в недрах предшествующей. В случае Аристотеля это было опережение *нисходящего* развития, «уткнувшегося» в конце концов в непознаваемость, относительность и вульгарный материализм. Но этой ценой человек обрел на земле самосознание, малое «я».

Ценность такого развития не понималась и не понимается большинством ни в его начале, ни в его конце, наступившем в наше время. Уже у греков оно вызвало вполне обоснованный страх, что им будут сотрясены основы Мистерий. Поэтому Сократ получил свою чашу с ядом. Но в то же время, в Греции были круги людей, понявших, что занимается заря новой эпохи, новой цивилизации и культуры. Александр Великий, ученик Аристотеля, понес его учение в цивилизованный мир того времени, который простирался тогда не на запад, а на восток от Греции.

К моменту прихода в мир Христианства рассудочность уже основательно окрепла и принесла свои плоды в образовании Римской Империи. Поэтому (можно сказать) естественно, что Христианство не было понято погружавшейся в рассудочность цивилизацией эллинизма. Об этом ярко свидетельствует выступление ап. Павла в афинском ареопаге. Но Христианство родилось в преемственной связи с Мистериями древности, в которых готовился его приход и некоторые из которых смогли метаморфизировать себя в его духе. На этом пути оно стало эзотерическим Христианством. Экзотерически Христианство также было в конце концов всё же принято, но в силы группового сознания, которое в эпоху Рима получило мощное государственное управление. Христианство стало государственной религией и было использовано в конфронтации со становлением свободной самоопределяющейся личности, т.е. пошло по *не свойственному* ему пути. Уже в раннем средневековье в церковных кругах начало нарастать представление, что природа — это грех, а ум — искушитель. Доминирующей сделалась наивная вера, вера в авторитет.

Причины расхождения путей знания и веры многообразны; одной из них, особенно существенной, явилась трагическая судьба учения Аристотеля, которое остается не понятым и ныне. Аристотель является выразителем типа человека современной, европейской культуры, но ни в коей мере — ее кризиса. Философия Аристотеля содержала в себе то, что было необходимо для преемственной гармоничной связи 4-й культуры с 5-й и гармоничного перехода от одной к другой. Его естествознание было одновременно и метафизикой, каким ему и следовало всегда оставаться. Аристотель учил также о трехчленном

характере эволюционирующей человеческой души. При этом ее высшую часть, душу сознательную (дианоэтикон), он понимал и как интеллектуальную, и как нисходящую к человеку из высшего духовного мира. Но в историю философии духовнонаучный аспект учения Аристотеля вообще не вошел, он был утрачен. Осталось лишь то, что способствовало наступлению эпохи материализма.

В этом заключена и всемирно-историческая необходимость, в силу которой наиболее полное раскрытие низшего самосознания, рассудочности низшего «я» происходит лишь в условиях полного замыкания человека в материальном мире. Рудольф Штайнер, характеризуя эту сторону аристотелизма, пишет в «Антропософских руководящих положениях», что после раскрытия души рассудочной в человеке происходит «порча его физического, эфирного и астрального тел. Древняя наука знает эту порчу как нечто, живущее в человеческом существе, знает, что она необходима, дабы сознание в человеке могло продвинуться до самосознания. В познании, которое блюлось в местах, приготовленных Александром Великим для науки, жил аристотелизм, который, если его правильно понять, несет в себе порчу как определяющий, решающий элемент его науки о душе» (ИПН. 26, S. 161–162).

Человеку было предопределено прийти к теории познания, не имеющей никакого отношения к реальному духу, прийти к учению о душе без души. Всё это неким образом коренится в аристотелизме. Но в нем же есть и взаимосвязь абстрактного со спиритуальным. «Аристотель понимает под материей не только вещественное, но и субстанцию, что одновременно и как духовное лежит в основе действительности» (ИПН. 35, S. 98). Но главное у Аристотеля заключается даже не в этом, а в том, что основы его гносеологии были совершенно созвучны с тем, к чему, идя от Гёте, пришла Духовная наука.

В книге «Мировоззрение Гёте» Рудольф Штайнер пишет, что Аристотель «видел в природе единое существо, которое в равной мере содержит в себе идеи и воспринимаемые чувствами вещи и явления. Только в человеческом духе идеи могут иметь самостоятельное бытие. Но в этой самостоятельности у них нет никакой действительности. Лишь душа может отделять их от воспринимаемых вещей, вместе с которыми они составляют действительность. Если бы западноевропейская философия продолжала бы (двигаться) в духе правильно понятого воззрения Аристотеля, то она могла бы уберечься от многого того, что гётевскому мировоззрению явилось как заблуждение (кантианизм, прежде всего. — *Авт.*).

Но этот правильно понятый Аристотель был, прежде всего, очень

неудобен для многих, кто хотел обрести мыслительную основу для христианских представлений. Иные, считавшие себя «христианскими мыслителями», не знали, что делать с тем воззрением на природу, которое полагало ее высший принцип в мире опыта. Многие христианские философы и теологи перетолковывали Аристотеля на свой лад. Они придавали его воззрениям такой смысл, который, согласно их мнению, делал их пригодными для того, чтобы служить логической подпоркой для христианской догмы. Дух не должен *искать* в вещах творящие идеи. Истина сообщается людям Богом в форме откровения. Разум должен лишь *подтверждать* то, что открыл Бог» (ИПН. 6, S. 34). — Так считали они.

Всё это отстоит бесконечно далеко от понимания того, что в христианскую эру изменяется сам тип человека, что у него даже структура мозга стала иной, по сравнению с той, какой обладали люди, получавшие прямые откровения божественного мира. В новой эпохе от тех откровений остались лишь спорадические проявления, например у Константина (цезаря), у Жанны Д'Арк. Но главным образом человечество теперь живет *внешними* явлениями духа. Он открывает себя в объектах мира через воспринимаемую человеком природу. Восприятие ее рождает во внутреннем человека духовное, хотя это лишь тень духа, понятие.

Следует, наконец, обратить внимание и на то, что Христос явился сквозь *внешнюю* завесу чувств, а не так, как, скажем, Ягве являлся пророкам. И Св. Дух, посланный Им людям, низошел на апостолов духовно *внешним* образом: как их высшее Я к их земному, низшему «я». И для восприятия такого, нового Св. Духа приспособлен аристотелевский тип человека, в особенности если он в культурно-историческом процессе движется к гётевскому типу.

Рождение фаустовской души

Собственная мыслительная деятельность человека, зародившаяся в Греции в эпоху Сократа, Платона, Аристотеля, там же достигла и максимума своих возможностей в ее основоположниках. Рудольф Штайнер говорит об Аристотеле: «Мышление, научность Аристотеля представляют собой нечто столь грандиозное, что и по сей день в человеческом мышлении, можно сказать, не произошло восхождения выше того» (ИПН. 148, 1.10.1913).

В последующей истории развития мысли вплоть до настоящего времени идет в основном разработка двух философских систем: плато-

новской и аристотелевской. В ширь цивилизации пошел аристотелизм, пошло укрепление понятийно-мыслительной жизни, ее проникновение во все сферы человеческой деятельности, а увенчалось всё это неудачной попыткой мыслящего духа проникнуть в суть вещей.

Существо человека, начиная с эпохи греческих философов претерпевает метаморфозу, суть которой лучше всего образно выражает лента Мёбиуса. Человек в своем духовном существе начал как бы выворачиваться «наружу», на сторону внешнего мира, тогда как прежде он в основном переживал себя в себе слитым с объективным духовным миром. Теперь объективным миром для него стала чувственная реальность, противостоящая ему как мыслящему субъекту и не открывающая ему непосредственно, т.е. в его восприятии, свои космические тайны, свою сущность. О них теперь можно строить себе лишь представления.

Душа имеет в себе идею, вызванную восприятием, и она лишь косвенно может свидетельствовать о наличии в восприятиях (в объектах) их сущности. Аристотель хорошо понимал, что идеи пребывают в вещах и процессах; одна их сторона явлена мыслящему субъекту, другая их сторона — это их внешнее явление как объектов восприятия. Но в последующие времена этот вопрос стал спорным. Со всей энергией и мужеством его аристотелевский смысл отстаивали представители высокой схоластики. Они это делали в сфере религиозного сознания; в сфере же светской науки полный аристотелевский смысл ему вернул Гёте.

Метаморфоза сознания, изменившая человека как вид, которую начали переживать в себе сначала лишь немногие греки, была отчасти плодом всеобщей эволюции, а отчасти, так сказать, «рукотворной», результатом культурно-исторической работы, жизни и творчества людей. Самые подвинутые из них были к этой метаморфозе подготовлены в Мистериях. Там в результате интенсивной работы над собой ученики вызывали то, что можно назвать «регрессом» сознания, его субъективацией. Оттуда этот своеобразный посвятельный процесс был вынесен на план социальной жизни — в школы диалектики, ставшие некоего рода малыми Мистериями наступавшей новой культурной эпохи. В этом смысле началом нашей, европейской культурной эпохи можно считать IV-е столетие до Р.Х.

Собеседники Сократа еще созерцали в себе вечное, а он помогал им родить в себе абстрактную мысль. И она в конце концов в них рождалась. Они начинали мыслить понятийно. И это было для них *развитием*, подобным тому, какое осуществляли в Мистериях, т.е. — посвящением!

Рождение мышления вызывало в душах потрясение, ибо означало «закат богов», люциферических богов, порождавших во внутреннем души откровение высшей мудрости, мир космического мышления, которое в своем роде тоже логично, даже сверхлогично. И эта сверхлогическая «систематика» космической интеллигенции делалась в созерцании внутренним достоянием посвященных, которые затем управляли ее хаотическим явлением в душах остальных, не причастных к большим Мистериям людей.

Со вспышкой интеллекта к человеку вместо Люцифера подступил Ариман. И тогда встал вопрос: как чистую волю сверхлогики созерцания сохранить в учении о мышлении. На внешнем пути культуры вопрос этот никогда и нигде не был решен. Древние же греки надеялись индивидуализирующей космической волей охватить нечто даже более совершенное, чем то, что открывалось им в старых полуюсновидческих переживаниях.

Платону, поскольку он прошел посвящение в Мистериях, было совершенно ясно, что в идеях открывается мировой Дух. А благодаря его учителю Сократу в нем росло доверие к работе мысли. И он пришел к выводу, что всё познаваемое посредством чувства, восприятия не имеет цены, пока не будет освещено светом мысли. Философия для Платона — это наука об идеях как *об истинно сущем*. Он, говоря современным языком, не гносеолог, а онтолог. А в опыте он соединил в себе реальность обоих миров: того, где мысли суть реальные сверхчувственные существа, и того, где они являются уму, соотносенному с воспринимаемой чувственной реальностью.

Живя в идее, размышлял далее Платон, человек развивает в себе индивидуальную душу. Рудольф Штайнер пишет об этом следующее: «В Платоне мысль осмелилась не только указать на душу, но также выразить, что такое есть душа, определенным образом описать ее. И то, что мысль может сказать о душе, дает этой последней силу осознать себя в вечном. Мысль о душе освещает даже природу временного. ... Душа воспринимает мысль. ... Душа нравственна, если устраивает жизнь так, чтобы с особой силой проявляться как душа разума. Мудрость — это та добродетель, которая исходит из разумной души; она облагораживает человеческую жизнь. Мужество соответствует [другой] мужественной душе, сознательность — [третьей] душе вожелений. Две последние добродетели возникают тогда, когда разумная душа становится властительницей над откровениями двух других душ» (ИПН. 18, Vd. 1, S. 72f). Все три добродетели вместе рождают справедливость, направляют к добру. Таким образом, онтология Платона носит по преимуществу этический характер.

Мудрость, почерпаемая в Мистериях, служила грекам и в практической жизни, целиком регулировала ее. Того же самого ожидали они от нее и в ее явлении в форме понятий. А тут место богов должны были заступить обычные земные люди. Это чрезвычайно осложнило положение человека на земле. Особенно ярко это обнаружилось в трактате Платона «О государстве». Выстроенное по законам чистой мысли, по законам ее бытия, это утопическое сочинение в социальном смысле оказалось совершенно нежизнеспособным*. Ну а другие греческие мыслители, жившие после Платона и Аристотеля и уже не достигавшие их духовной высоты, пытались каждый по-своему приспособиться к миру в новых условиях, когда и о смысле жизни, и о ее практических потребностях нужно размышлять, рефлексировать, будучи абстрагированным от всякого откровения. Одни из них считали, что поскольку вождениями, страстями человек заглушает свою естественную сущность, то мудрец, отказывающийся от потребностей, является идеалом человека; другие были уверены, что верно прямо противоположное.

Для Платона и Аристотеля мудрый был в то же время и добрым; всякое устремление к добру проистекает из мудрости. «Стоики же, — говорит Рудольф Штайнер, — спрашивали: что должен сделать человек, чтобы стать мудрым в жизни, в практической жизни, стать человеком, целесообразно стремящимся к добру? Здесь практические жизненные цели примешались к тому, что прежде было универсальным размахом мудрости» (ИПН. 126, 1.1.1911).

Эпикурейцы, напротив, спрашивали: как следует направить себя интеллектуально, чтобы жизнь могла протекать счастливо, внутренне гармонично. Фалес, Платон на этот вопрос ответили бы: ищи истину, и она даст тебе блаженство. Но и стоики, и эпикурейцы вопрос о ценности жизни отделили от вопроса об истине, и культурный процесс сделался нисходящим.

После стоицизма, эпикуреизма, скептицизма «человек, стремящийся к истине, чувствует себя как бы исторгнутым из Мировой Души и обращенным к своей собственной душе. Оглядев себя, он тогда говорит: теперь не та мировая эпоха, в которую через сам идущий вперед поток духовных сил в человечество входят импульсы развития. Тогда он обращается к собственной внутренней жизни, к своему субъекту. И в дальнейшем течении греческой жизни это вы-

*) Когда у современных апологетов диктатуры встречаешь порой похвальные отзывы об этом произведении, то остается лишь сказать, что люди, поистине, совершенно не ведают, что творят.

ступает в неоплатонизме, философии, не имевшей больше никакой связи с внешней жизнью, смотревшей в себя и стремившейся восходить к истине мистическим путем одиночек» (Ibid.). Так это продолжалось до эпохи схоластики.

Предтечей Плотина (204–269 по Р.Х.) был в определенном смысле Филон Александрийский. В Боге иудаизма он надеялся найти то, что Плотин искал в мире идей. Филон пользуется мыслью, чтобы понять откровения Ветхого Завета. Его описания, факты он излагает мыслительно, беря их как аллегии, как символы душевных процессов. Для Плотина же за жизнью мысли должна лежать совсем иная душевная жизнь. Чтобы обрести ее, нужно мысль уничтожить. Мировой разум, к которому поднимались Платон и Аристотель, для него – не самая высокая духовная реальность. Приверженцами и продолжателями воззрений Плотина были Аммоний Закс, Порфирий, Ямвлих, Прокл.

Резюмируя этот период развития греческой мысли, Рудольф Штайнер говорит: «Дело не в том, как называются вещи, а в том, что на самом деле живет как сила в представлениях. И это был люциферический мир. И хотя слова произносились другие, философы заступающего язычества во всех своих интерпретациях говорили не что иное, как следующее: мы хотим как души, дабы избежать смерти, бежать к Люциферу, который нас примет, так что мы обречем бессмертие. Мы умираем в царство Люцифера» (ИПН. 184, 6.10.1918).

Они бежали к Люциферу в страхе перед Ариманом. И они еще не могли понять, что умирать теперь нужно во Христе.

Таким образом, философский этап развития человеческого духа с самого начала ознаменовался противоречивостью и многообразием субъективных воззрений, чего никогда не было во все предшествующие ему времена, когда движение мысли отличалось необыкновенной жизненностью, направленностью на разрешение вечных вопросов бытия. Таким, собственно, был и гнозис – «отзвук древних ясновидческих понятий, – как его характеризует Рудольф Штайнер. – С помощью древних ясновидческих понятий люди пытались понять Мистерию Голгофы. ... И эти древние ясновидчески постигнутые понятия были (в эпоху М.Г.) уже совершенно заражены люциферизмом, и это пронизание люциферическим старой ясновидческой системы понятий и есть гнозис» (ИПН. 165, 16.1.1916). Поэтому нет ничего удивительного в том, что церковь постоянно враждует с гнозисом, искореняет его как только может. Однако гнозис нужно не искоренять, а учиться пользоваться несомненными сокровищами его познаний и претворять их в духе новых задач развития.

Рудольф Штайнер дает потрясающее раскрытие основных человеческих воззрений, философских направлений мысли, которые развились в философствующем духе человечества под влиянием космических интеллигенций зодиакального круга и планетных сфер. Гнозис входит в их число. С этой точки зрения «человек является гностиком, если настроен на то, чтобы познавать вещи в мире не посредством органов внешних чувств... а при посредстве определенных, лежащих в самой душе познавательных сил. ... Гнозис, поистине, у себя дома в спиритуализме»* (ИПН. 151, 22.1.1914).

В главных, обусловленных Космосом мировоззрительных установках, ориентациях человека наиболее существенными являются присущие им методы познания. В своей совокупности они образуют сложную, подвижную методологию перехода космической панинтеллигенции в индивидуальную человеческую интеллигенцию. В этом формировании человеческого духа главное — это не застревать в отдельных мировоззрениях, а сохранять подвижность мыслящего духа, способность двигаться по зодиаку мировоззрений и по планетным сферам в их действии на мыслящую душу, овладевать такой подвижной жизнью мысли словно бы техникой фортепианной игры, когда низшее «я» возносится в искусстве мышления к Я высшему.

Так примерно выглядит эта задача в наше время, на заре же философского этапа развития она еще только формировалась, а в неразрывной связи с нею формировался и современный человек, человек нового типа. С ним впервые столкнулся Августин, вначале шедший к тому, чтобы самому стать таким человеком, но в конце концов оказавшийся побежденным старым типом человека в себе.

В Августине жила большая тяга к индивидуализму, потому его идеи так выразительны, душевны, сердечны. Он чувствовал, как возрастает личная ответственность человека за всё, что он делает и чему учит других. В то же время, на Августина, как говорит Рудольф Штайнер, оказывала сильное действие философская традиция, в которой возобладали не Аристотель, а сверхчувственный опыт людей, стоявших еще на границе между чувственно-понятийным и духовно-откровенным.

«Два вопроса интенсивнейшим образом стояли перед душой Августина. ... Первый вопрос можно охарактеризовать, сказав, что Августин боролся за сущность того, что человеком могло бы быть признано как поддерживающая его, как наполняющая его душу истина.

*) Астрологически это Сатурн в Козероге.

Второй вопрос такой: ...как объяснить наличие в этом мире зла?» (ИПН. 74, 22.5.1920).

С этими вопросами он сначала пришел к манихеизму, а потом к платинизму. Характеризуя подлинный манихеизм, от которого в новое время совсем мало что осталось, Рудольф Штайнер говорит, что дело в нем в большей мере заключается «во всей позиции, в направленности этого мировоззрения, чем в том, что ныне буквально можно называть содержанием» (Ibid.). В нем не разделяют переживания человека на чувственные и сверхчувственные. Что является материальным, в том открывает себя и духовное, и наоборот. То есть подлинный манихеизм коренится непосредственно в платоновско-аристотелевском взгляде на мир, не искаженном последующими интерпретациями. Солнце для манихея светит на небе и одновременно имеет дело с моральным в человеке. Земной человек — это жалкий остаток творения богов. Христос пришел на Землю для того, чтобы вернуть человека к его высшему предназначению.

Такого рода представления мощно подействовали на Августина. Его взволновала чувственная наглядность, образность этого мировоззрения. Но он сам как человек был существом уже новой формации. У него уже не было никакого сверхчувственного видения. Оно было в нем погашено работой низшего «я». Чисто понятийно мир делится для него на две части: на ту, что лежит под понятиями, и на ту, что лежит над ними. Обращаясь к миру под понятиями, Августин не находил никаких ответов на вопросы о том, что такое Божественное. Потому он отошел от манихеизма и приблизился к платинизму, где всё внимание было сосредоточено на мире, лежащем выше понятий, на духовном мире. Однако Августина с его земной индивидуализацией и в платинизме в конце концов оттолкнуло наличие в нем неизбежной недооценки индивидуального, апелляция к групповому, к панинтеллигенции.

Для Плотина и для всего течения неоплатонизма человечество сходилось воедино в Адаме. Адам не мог грешить, был бессмертен и обладал свободой воли. Чуждое, люциферическое влияние ввело его, а следовательно, и всё человечество в грех.

Вынужденный принять решение в этом противостоянии индивидуального и группового, человека и человечества, Августин развил идею о *предопределении*, согласно которой Бог спас одну часть человечества без всякой заслуги с ее стороны, а другую оставил в грехе, предопределил быть отвергнутой. Эта идея Августина вызвала ужасную борьбу, нашедшую свое выражение в пелагианстве и семипелагианстве.

А Августин, двигаясь дальше по этому пути, в конце концов пришел к тому, что отказался от человеческой индивидуальности ради человечества. При этом философию Плотина он сменил на церковное воззрение, воспользовавшись, однако, плотинизмом для понимания Христианства. Он образовал *понятие* единого Бога как Троицы. Для Плотина же это было *переживанием*.

Августин вступил в борьбу с Пелагием*, «человеком, исполненным западного индивидуализма», который говорил: «Не может быть и речи о полной непричастности человека к своей судьбе в чувственно-духовном мире». Из человеческой индивидуальности должна развиться сила для возвышения из сферы чувственного в чисто духовные области, где душа возвращается к бессмертию и свободе. «...Отдельный человек должен найти силу для преодоления наследственного греха» (ИПН. 74, 23.5.1920).

В Пелагии Августин, по сути, боролся со своим манихейским прошлым. Он выразил это в сочинении «Konfession». В нем он, уже как носитель католического воззрения, ведет дискуссию со своим противником, манихейским епископом Фаустусом, о которой мы уже говорили выше. В ней Августин заявляет, что и учение Христа он бы не принял, если бы оно не основывалось на авторитете церкви. Манихей Фаустус ему на это отвечает: не следует принимать никакого учения, основанного на авторитете; мы желаем учение принимать в свободе.

Это, поистине, ключевой диалог для философского периода духовного развития человека. С приходом Христианства в этом развитии возник раскол между верой и знанием, между апелляцией к групповому сознанию и решимостью идти вперед, опираясь на силу самосознания и Я. Основополагающей причиной этого раскола была начавшаяся метаморфоза формы человеческого сознания. В ходе ее рождался новый тип человека, который можно назвать «фаустовской душой». Сложен и противоречив процесс ее становления, но именно она делается *типической и всеопределяющей* в 5-й культурной эпохе. Именно она в наибольшей мере соответствует задачам этой эпохи.

Фаустовская душа отдает должное люциферической мудрости прошлого и хочет пронести ее через период нисхождения в сумрак мудрости ариманической и, претворяя ее, стремится сделать ее своим индивидуальным достоянием, чтобы развиваться в духе задач уже следующей, 6-й культурной эпохи.

*) Ирландский мирянин-монах, действовавший в 410 г. в Риме, потом в Африке и Палестине. После 418 г. упоминаний о нем нет.

Рудольф Штайнер, характеризуя эту душу на этапе ее зарождения, говорит: перед Августином встает манихейский епископ Фаустус, хранящий в своем существе оккультные подосновы 3-й культурной эпохи. Он «благородно идет навстречу эпохе эгоизма и одной только внутренней силой этой эпохи хочет защититься от эгоизма», сохранить в оккультном течении мира связь со сверхчувственным миром (ИПН. 145, S. 131f.).

Новый тип человека сделался в истории Европы настолько актуальным, что августиновский образ Фауста получил впоследствии ряд подлинных исторических воплощений, о чем мы уже говорили выше (см. гл. III).

Средневековое жизневоззрение в ужасе отшатнулось от фаустовского типа души, и только Гёте смог его понять. Он показал, что Фауста можно спасти, что и глубоко увязнув астральным телом в эгоизме, можно, тем не менее, спастись от него, если удержаться в непрерывном развитии. Именно с этой проблемой и имеет дело каждый современный человек, не уповающий на откровение и авторитет. А кто на них уповает, тот спасаясь от эгоизма, становится жертвой группового сознания, т.е. жертвой Люцифера.

Начатое Гёте художественное исследование фаустовской души получило в Антропософии духовнонаучное обоснование. Эта душа является, фактически, единственно приемлемой при прохождении через этап эволюции, начавшийся с эпохи души сознательной, а окончание которого уходит в будущие эоны. На этом этапе Христос являет Себя стоящим между Люцифером и Ариманом. И в этой позиции находится каждый человек, ступивший на путь индивидуального развития. За этого человека ведут между собой непримиримую борьбу Люцифер и Ариман. Человек буквально разрывается этой борьбой, что в древности было предсказано в мифах об Озирисе и Дионисе. Ее первой жертвой был царь Эдип, второй – Иуда Искарот.

Своим Пришествием Христос принес человеку единственное средство, с помощью которого он может быть защищен от нескончаемых атак Люцифера и Аримана, от перманентного страдания, вызываемого внутренней раздвоенностью, воспалениями страстей, одержимостью разными идеями и т.д. Этим средством является *Сам Христос*. Говоря себе: «Не я, но Христос во мне», – человек мгновенно упраздняет в себе борьбу между Люцифером и Ариманом. Ее тогда берет на Себя Христос, и в человеке она стихает. Поэтому истина, к которой пришел ап. Павел, – вовсе не для избранных. Она является повседневным и даже ежеминутным, так сказать, руководством к действию хотя бы уже для того, чтобы дать душе отдых. Но она же вызывает и самое высокое развитие души.

И велика заслуга Гёте перед человечеством, что он раскрыл тайну фаустовской души*.

Что очень многим людям она антипатична, а в иных всё еще вызывает страх — это составляет проблему лишь самих этих людей. Это антипатия и страх человека *перед самим собой*, когда самопознание совлекает с него покровы самообольщения.

* * *

Что касается Августина, то он в конце концов пришел к мнению, что убедиться в неопровержимости чего-либо можно лишь тогда, когда оно пережито внутри собственной души. Эту позицию Августина взял за исходный пункт своей философии Декарт, живший уже в начале эпохи души сознательной.

«По праву, — пишет Рудольф Штайнер, — чувствуют родство Августина с Декартом. Только интеллект Августина представляет собой остаток космического, а у Декарта он уже втягивается в отдельную человеческую душу. Именно на продвижении духовного стремления от Августина к Декарту можно видеть, как утрачивается космический характер сил мысли, а потом возникает вновь в человеческой душе. Одновременно видно, как Михаэль и человеческая душа, преодолевая трудности, находят друг друга таким образом, что Михаэль получает возможность управлять в человеке тем, чем он некогда управлял в Космосе» (ИПН. 26, S. 138). То есть космической планетарной интеллигенцией управлять в человеке как его личной интеллигенцией.

Против такого развития восстают Люцифер и Ариман. При этом «люциферические силы хотят дать развернуться в человеке лишь тому, что было ему свойственно в его космическом детстве; ариманические силы, будучи противниками [люциф. сил] и одновременно всё же идущие вместе с ними, хотели бы развивать лишь силы, которыми [люди] овладеют в будущие эпохи мира, а космическому детству [человечества] дать просто засохнуть» (Ibid).

Такова сложная и одновременно необыкновенно богатая высшими возможностями земно-космическая констелляция фаустовской души, т.е. человека, стремящегося развиваться в духе задач эпохи души сознательной.

*) Не всё, конечно, мог разглядеть в этой душе Гёте, но в Антропософии дано полное раскрытие ее характера.

Поляризация веры и знания

Гигантское, грандиозное, яркое панно разворачивает Рудольф Штайнер, показывая, каким образом космическая интеллигенция, с наступлением мирового перелома в развитии, мощным потоком низвергается в культурно-историческое становление человечества, делаясь индивидуальным достоянием человека, вызывая в нем бурное, конфликтное столкновение старого с новым, группового с индивидуальным, делая его в истинном смысле слова творцом культуры и всех земных отношений. Знание обо всем этом Рудольф Штайнер развивает на базе огромного количества известных и внешней культуре фактов ее прошлого и настоящего. Только в освещении духовным знанием они раскрываются нам в их глубинной сути и значении. Идя по-настоящему путем такого познания, мы переживаем, как впервые открывается наш взгляд на мир, и мы понимаем, что прежде мы пребывали в совершенно притупленном состоянии, не подозревая, в какой грандиозной жизни мира протекает наша личная жизнь, не зная, что в каждом моменте настоящего постоянно и сильно заявляет о себе прошлое мира и открываются головокружительные перспективы будущего. Мы начинаем понемногу осознавать себя постоянно присутствующими на всех этапах и на всех планах становления Вселенной.

На фоне такого опыта наша старая жизнь с ее узостью лишь чувственного опыта предстает нам во всей своей бедности и убожестве. В ней мир был наполнен для нас лишь шмыгающими тенями, и самих себя мы переживали в нем тенями. А человек-тень весь соткан из предрассудков и беспорядочных мнений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что власть над ним теперь забирает Сообщество Тени.

Антропософия дана человечеству на многие и многие столетия, но в ходе их многое может измениться в составе самого человечества, в нем многое может отстать крайне опасным образом, если не будет отвоевано широкое право и возможность людям метаморфизировать свое сознание, а вместе с ним — и отмирающую цивилизацию, превращая ее в светлое спиритуальное будущее.

* * *

Рудольф Штайнер говорит, что в хронике Акаши сохранился один разговор, состоявшийся между Платоном и Аристотелем, но не известный внешней истории. Платон тогда был уже совсем старым,

и то, что он сказал Аристотелю, можно облечь примерно в следующие слова: «Многое тебе [Аристотель] показалось не столь верным в том, как я говорил об этом тебе и другим ученикам. Что сообщалось мною... является, в конечном счете, экстрактом пра-древней священной мудрости Мистерий. Но люди в ходе их развития примут форму, облик, внутреннюю организацию, которые постепенно приведут их к чему-то более высокому, чем то, что мы теперь имеем в человеке, но которые сделают для людей невозможным принимать [прежний род] естествознания. ... И поэтому, — продолжал Платон, — я хочу на время устранился, а тебя предоставить самому себе. Попытайся в мире мыслей, к которому ты особенно предрасположен и который на многие столетия должен стать миром мыслей людей, попытайся в мыслях выработать то, что ты воспринял здесь, в моей школе» (ИПН. 232, 14.12.1923).

После того разговора Платон и Аристотель внешне разошлись, о чем в истории рассказывают так, будто бы они поссорились из-за строптивного характера Аристотеля. Так написано в книгах по истории, — продолжает Рудольф Штайнер. — Я же вам рассказал о том, что было в действительности, и это «несет в себе импульс для кое-чего очень значительного. Ибо, видите ли, существовало два рода сочинений Аристотеля. Один из них содержал в себе значительное естествознание, то естествознание, которое существовало в Элевзине и которое окольным путем, через Платона пришло к Аристотелю. Другой род сочинений содержал мысли, абстрактные мысли, которые по поручению Платона, вернее, по поручению того, что Платон получил как задачу из Элевзинских Мистерий, надлежало представлять Аристотелю.

И двояким путем пошло то, что должен был дать Аристотель. Одно стало так называемыми логическими сочинениями ... которые извлекли из элевзинской мудрости основополагающие мысли. Эти сочинения с небольшой долей естествознания Аристотель передал своему ученику Теофрасту. И идя окольными путями через Теофраста, через Грецию и Рим, они в конце концов всплыли и на протяжении всего средневековья составляли учебную мудрость для тех, кто действовал в цивилизации, — для учителей мировоззрений в Средней Европе» (Ibid.).

Высокая схоластика приняла тот аристотелизм, который пришел к ней от Теофраста и аристотелевской школы перипатетиков.

Александр Великий в своем походе на Восток принес туда естествознание Аристотеля, вошедшее затем в учения иудейских и арабских школ. Это в конце концов в крайне ослабленном виде также

пришло в Европу вместе с нахлынувшими в нее арабами. Они принесли с собой и логику Аристотеля. В результате Европа получила двух Аристотелей, которые мировоззрительно оказались совершенно несовместимыми. В этой несовместимости выразилось и впервые возникшее тогда противостояние Востока и Запада, противостояние *двух форм сознания*: старого, группового и нарождающегося нового, индивидуального.

Именно Аристотель стоит у истоков этого столкновения. Оно коренится во взгляде на космическую интеллигенцию. Когда в силу законов эволюции она начала изливаться на Землю, в отдельных людей, становясь в них интеллектуальностью, то отношение людей к этому факту оказалось двояким. Фаустовская душа пошла путем индивидуализации, выработки рассудка. И ей высшим промыслом предопределено некогда вновь взойти к панинтеллигенции, более того: принять индивидуальное участие в ее возвращении к себе.

Именно это и имел в виду Платон в том разговоре с Аристотелем, увидев в нем человека, который как раз и ступил на путь, ведущий к фаустовской душе. Однако позже сложившееся церковное сознание испытывало перед этим путем лишь страх. В нем догмы откровения приняли рассудочный характер, а рассудок переработал и приспособил для своих нужд старое духовознание, в первую очередь — гнозис. Приспособил он и Аристотеля.

Рудольф Штайнер говорит, что, например, в отношении учения о душе утверждение церкви, что в момент соединения двух людей мужского и женского пола Бог впервые создаст новую душу, принадлежит Аристотелю; ему же принадлежит и мысль о вечных муках после смерти. Однако те, кто проповедует с амвона, не хотят, чтобы люди узнали, что они проповедуют в Христианстве аристотелизм. Подобным же образом дело обстоит и с гнозисом, которого очень много в церковном Христианстве. На нем построены, фактически, все его догмы. Но при этом из него выброшено всё живое. На нем возведены абстрактные мысли, понятийные оболочки, гностический живой первоисточник в них уже почти невозможно разглядеть (см. ИПН 197, 13.6.1920 и ИПН 187, 25.12.1919).

Так, позволим себе сказать, мстит за себя люциферическая мудрость древности, если ее не желают встречать силами нового сознания, самосознания, которое при этом должно наполнить себя познанием Импульса Христа. Оставаясь нерешенной, эта проблема тянется через тысячелетия, вызывая расколы, войны, ожесточение людей. Она же добивает и нашу цивилизацию, «увенчавшись» возникновением прафеномена зла и его социальной проекции.

Внешнее выражение эта проблема впервые получила в IV столетии, когда Христианство стало государственной религией Римской Империи. «Почему Константин, Хлодвиг приняли Христианство? — ставит вопрос Рудольф Штайнер и отвечает: — Потому что они верили, что Бог христиан будет помогать им больше, чем их прежние боги. Они некоторым образом поменяли своих прежних богов на Бога христиан. Поэтому Христос получил многие свойства древних народных богов. Эти свойства приписываются Христу на протяжении столетий. — Но в таком случае Христианство не может стать универсальной религией, а напротив, всё больше и больше ... будет отступать перед интеллектуализмом» (ИПН. 226, 18.5.1923). Перед интеллектуалистическими спекуляциями, добавим мы.

Ну а тех, кто к интеллектуализму нашел правильное отношение с первого момента его зарождения — Гераклит, Платон, Аристотель и др., — Августин назвал христианами, жившими до основания Христианства.

Интересно на этом фоне выступают первые христианские цезари. Например, о Юстиниане (527—565) Рудольф Штайнер говорит, что «он был врагом всего, что пришло из высокой мудрости эллинизма...» (ИПН. 182, 16.10.1918). Он закрыл Афинскую школу философии (в 529 г.), где еще сохранялись остатки былой греческой мудрости. Еще раньше гонения на греческих философов начал император Зено Исарикус (475—491). Философы были вынуждены эмигрировать. Их приютила Персия. Туда вместе с ними ушла и аристотелевская мудрость.

Академия Гондипапу

Наша чувственно воспринимаемая вселенная во всех своих частях пронизана противостоянием жизни и смерти. Оно является двигателем развития, а главный закон развития — метаморфоза. Всё, что не желает просто умирать, должно метаморфизироваться: «умереть и стать». Это относится также и к цивилизациям, и к культурным эпохам. Все они, достигнув своей вершины, начинают склоняться к упадку. Тогда полученные в них плоды развития должны пройти через гётевское «Умри и стань». Если этого не происходит или происходит лишь частично, то человечество несет гигантские, порой невосполнимые потери.

К началу христианской эры весь мир эллинизма склонялся к своему естественному упадку. И перед теми, кто делал себя носите-

лем Христианства, встала задача духовное наследие античного мира метаморфизировать силой пришедшего в среду человечества Импульса Христа. Это была всемирно-историческая задача, и они ее решение, попросту говоря, провалили, что самым роковым образом сказывается на нашей культурной эпохе.

Христиане, в особенности с того времени, когда Христианство стало государственной религией Римской Империи, встали в неприемлемо враждебное отношение к духовному и культурному наследию эллинизма, и оно, вместо того чтобы двигаться на запад, куда пошел импульс развития культур, ушло на восток, в Персию.

Во внешней исторической науке этот факт не получил почти никакого освещения, он не понят европейцами до сих пор, хотя именно его роковые последствия сильнейшим образом сказались и продолжают сказываться на судьбе европейских народов и человечества в целом.

Рудольф Штайнер оказался, фактически, единственным человеком, кто эту тайну раскрыл и тем самым дал ключ к пониманию подлинной истории последних примерно полутора тысяч лет, дал ключ к пониманию истоков нашей материалистической цивилизации.

Он обратил наше внимание на то, что когда христианские императоры в единодушном взаимодействии с церковными иерархами начали закрывать в Греции философские школы и изгонять философов, то цвет греческой учености собрался в конце концов в определенном месте тогдашней Персии, в городе Гонди-Шапур, неподалеку от Суз (см. далее карту), где возникла академия. Ее в этой связи называют академией Гондишапур.

Ее действие, ее влияние, фактически, решающим образом сказались на всем характере европейской истории и культуры начиная со Средних веков, и сказались *крайне односторонне*. Этого факта не понять лишь исторически, поэтому Рудольф Штайнер раскрывает его во взаимосвязи истории с метаисторией и субисторией.

С тем, кто такой метод исторического рассмотрения отвергает, т.е. с материалистом, говорить об этом совершенно бессмысленно. Ибо если взять всё чисто внешне, исходя из современных представлений, то та академия была прямо-таки «лучом света в темном царстве» тех времен. В ней необыкновенным, пышным цветом распускался букет содружества всех наук: философии, медицины, астрологии, естествознания и т.д. Более того, научная методология в той академии уже в IV, V, VI веках очень сильно напоминала современную, а в медицине и педагогике она осталась просто той же самой. И происходило всё это на фоне погружения во тьму фанатизма, распрей, гонений на

светскую культуру, совершавшегося в ареале зарождавшейся христианской цивилизации.

Но несмотря на всё это, импульс академии Гондишапур, проникнув в Европу, очень сильно отклонил европейское развитие от его подлинных целей. И именно это разъясняет Рудольф Штайнер единственно приемлемым способом: духовнонаучно. И на основании этого рассмотрения мы получаем возможность углубить, конкретизировать нашу тему прафеномена зла: причин и истоков его возникновения.

Начинает Рудольф Штайнер с того, что разъясняет определенного рода *космические* закономерности, ритмы, в силу которых возникла академия Гондишапур. Он говорит: Мистерия Голгофы отстоит на 333 года от середины греко-латинской эпохи. «Еще через столько же лет после этого времени определенные духовные силы намеревались повести земное развитие совсем другими путями, чем те, которыми оно пошло благодаря Мистерии Голгофы. 333 года после 333-го года — это 666-й год; об этом числе лет автор Апокалипсиса говорит с большим темпераментом... Здесь, согласно намерениям определенных духовных сил, с человечеством должно было нечто произойти и произошло бы, если бы не совершилась Мистерия Голгофы. Нисходящий путь (развития), который предназначался человечеству после 333 года [по Р.Х.] — вершины эпохи души рассудочной, или характера, этот нисходящий путь был бы использован для того, чтобы человечество ввести совсем в иной фарватер, чем тот, каким оно должно было идти, согласно намерениям божественных существ, связанных с ним изначально, еще с эпохи [древнего] Сатурна. Произойти это должно было благодаря тому, что то, *чему следовало лишь позже войти в человечество, душа сознательная с ее содержанием, была бы через некий род откровения дана человечеству уже в 666-м году* (подч. нами. — Авт.). И если бы это произошло, если бы действительно осуществились намерения существ, противостоящих развитию человечества, но желающих захватить это развитие, то в 666-м году человечество было бы захвачено врасплох, наделено (преждевременно. — Авт.) душой сознательной. ... то, что впервые должно совершаться лишь *с середины нашей эпохи* ... лишь через 1080 лет после 1413 г., т.е. в 2493г. — лишь тогда человек должен будет настолько далеко продвинуться вперед в сознательном постижении своей личности, — это через люциферически-ариманические силы могло бы быть напечатлено человечеству в 666-м году. ... *благодаря этому ему была бы привита природа, которая сделала бы для него невозможным найти дальнейший путь к Самодуху, Жизнедуху и Духочеловеку. Человеку была бы отрезана дорога в будущее,*

и он был бы захвачен для совсем иных путей развития (подч. нами. — Авт.). Облик этой тенденции... феноменальный, грандиозный, но дьявольский облик ... история не приняла, хотя определенные следы этого в ней остались» (ИПН. 182, 16.10.1918).

Таков был замысел, и на физическом плане его старался осуществить узкий круг оккультистов, понимавших законы развития, другие же следовали за ними бессознательно — вообще так, как это происходит и теперь в общественной жизни. Разобраться во всем этом без помощи Антропософии совершенно невозможно. А в ней нужно для этого случая взять учение о трехчленной душе, о ее развитии, идущем от одной культурной эпохи к другой. Само становление этих эпох духовно обусловлено движением Солнечной системы внутри круга Зодиака, т.е. управляется силами высших Иерархий. Это развитие должно быть постепенным, поскольку оно связано с развитием трех тел и поскольку главный плод в душе человека — высшее Я — должен рождаться постепенно. А рождается он в ходе многих земных воплощений, в которых система воспитания и образования человека должна быть приведена в правильную связь с этой большой задачей. Как нельзя (или крайне опасно) искусственно ускорять или замедлять рост физического тела, так нельзя заниматься эскалацией развития трехчленной души с помощью каких-либо внешних приемов.

Учителями академии Гондипапура была сделана попытка побудить людей во внутренне незрелом состоянии инстинктивно, хотя это была и гениальная инстинктивность, в короткое время овладеть гигантской суммой древней мудрости, которой человечество должно было овладевать постепенно, метаморфизируя ее в соответствии со своим духовным становлением. В то время ее попытались напечатлеть человечеству, так сказать, разом, без труда с его стороны, дать в VII столетии то, что должно было начаться постепенно входить в культуру лишь с началом XV века.

Мудрецы Гондипапура и его позднейшие последователи занялись в некоем роде *выведением типа личности*, которая, минуя выработку личной интеллигенции, получала бы плоды космической панинтеллигенции. Блокируя ее индивидуальное развитие в человеке, такое выведение закрепощало бы человека в пределах физического мира. И на его нужды он начал бы обращать дары космической всеобщей интеллигенции. Он стал бы (и в известной мере он им теперь и стал!) *метафизиком материализма*.

В академии старались древнюю мудрость давать старым способом — через откровение, минуя рассудок, развитию которого была посвящена греко-латинская культура. Там был разработан метод

прямого наделения человека гениальностью. Об этом много мечтают современные ученые, ища способ, как с помощью генетических манипуляций и средств электроники и психотроники вкладывать в человека уже в раннем детстве весь объем необходимых ему в жизни знаний. В этих «мечтаниях» физиков, биологов, педагогов сказываются отголоски того, что происходило в той древней академии.

Точная дата основания академии не сохранилась. Возможно, это произошло во второй половине IV в., после чего академия росла и набирала силу в течение нескольких веков*.

Город, в котором она возникла, был основан Шапуrom I, иранским шахом из могучей династии Сасанидов, примерно в 262 г.** Большая часть населения этого города составили жители Антиохии, депортированные оттуда после ее захвата и разрушения Шапуrom I. Предположительно в Гонди-Шапуr был из Антиохии переведен и ее епископ. Во всяком случае, в дальнейшем, в течение столетий в Гонди-Шапуre находилось самое значительное епископство Персидского царства.

Существует один особенно важный факт, относящийся ко времени основания Гонди-Шапуra. Когда Шапуr I вззошел на престол — это случилось в 242 г., — то в это же время впервые выступил внешним образом Мани. Он имел с Шапуrom I беседу. Во время ее, как говорит предание, за плечами у Мани можно было видеть сияние света. Но Шапуr настолько враждебно отнесся к Мани, что тому пришлось из Персии бежать в Индию. В 271 г. он вернулся оттуда, был зороастрийскими магами вызван на диспут, осужден на смерть и распят в Гонди-Шапуre. С него была снята кожа и повешена на воротах города.*** Такой зловещий знак был запечатлен в ауре этого города через девять лет после его основания. Сасанидские цари в дальнейшем преследовали манихеев. Они повелевали закапывать их головой в землю, и, смеясь, говорили, что так они насаждают свои сады. И еще говорили при этом: Мани утверждал, что Иисус на кресте высшее, Духа Солнца, низвел в низшее, — так мы с его последователями это и делаем.

Духовное наполнение Гонди-Шапуру дали три волны иммигрантов. Первая пришла из Антиохии. Это были не только вынужденные

*) Существуют сведения, что всё началось примерно в 350 г., когда некий Бадема основал в местечке Гонди-Шапуr монастырь и школу. В это время правил Шапуr II, большой друг наук.

**) Он имел еще сирийское название Бет-Лапат, или Лапета.

***) Об этом можно прочесть у Фердуوسي, ярого противника манихейства.

переселенцы. Когда начались гонения на античную мудрость, на греческих философов, то они сами побежали в Персию. За Антиохией последовала Эдесса. В IV–V веках она была, фактически, духовным центром Востока. В ее академии процветали семь известных «прекрасных искусств»: грамматика, риторика, диалектика и т.д. Она была в 489 г. закрыта повелением византийского императора Зено Исарикуса, а ее ученые и философы изгнаны за пределы империи. Они нашли дружеский прием в Гонди-Шапуре. В VI веке, когда гонения продолжил Юстиниан, в Гонди-Шапур пришли философы из Афинской платоновской школы.

В Гонди-Шапур были принесены сирийские переводы Аристотеля и, собственно говоря, вся греко-сирийская наука, в особенности медицина. В Гонди-Шапуре была основана даже ставшая знаменитой медицинская академия, в которой наследие Гиппократов было соединено с медицинскими познаниями Индии и Китая. Христианство в Гонди-Шапуре было несторианское. Была там, несомненно, и эзотерическая школа.

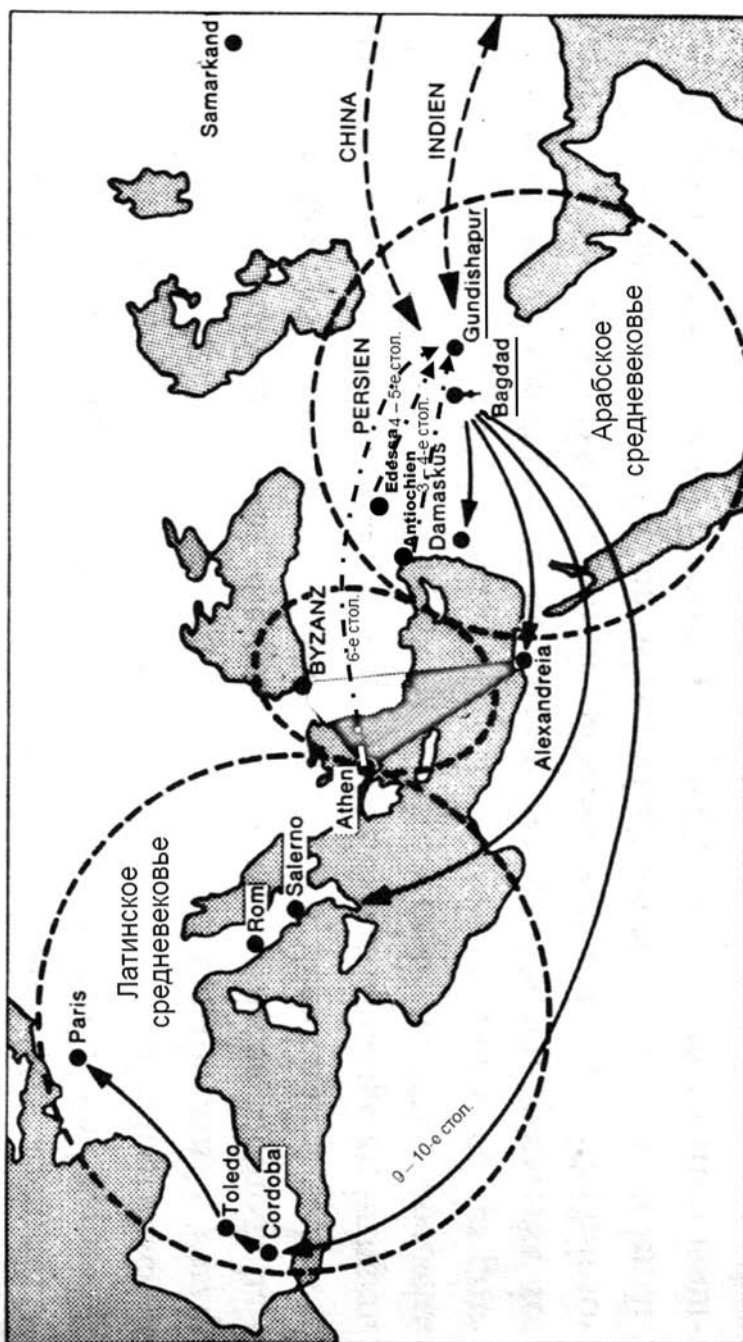
Таков был Гондишапур, духовная метрополия персов, резиденция персидских царей и магов.

В одной научной публикации нам повстречалась карта, показывающая место Гонди-Шапура в общем расположении ареалов культурной жизни того времени*.

На этой карте мы видим, что Гонди-Шапур со своей академией оказался и по своему местоположению в некоем роде универсальным средоточием мудрости древнего Востока и всей античности.

После того, как исторический Гонди-Шапур померк, его духовный импульс переместился в Багдад, а затем вместе с нашествием арабов пришел в Испанию, проник во Францию и в конце концов наполнил собой всю духовную жизнь Европы, пробуждавшейся для культурного творчества. Поэтому Рудольф Штайнер говорит: «Об этой учености Гондишапура даже среди философов говорится очень мало. Однако *без знания сущности академии Гондишапур, основанной остатками древних ученых, ничего не понять во всем развитии нового человечества*» (подч. нами. — Авт.) (ИПН. 184, 12.10.1918).

*) Heinrich Schipperges, «Арабская медицина в латинском средневековье». Ежегодник сообщений Гейдельбергской академии наук, 1976. Мы приводим эту карту, дополнив ее несколькими элементами, поясняющими наше рассмотрение.

Диалектика развития и число 666

В 13-й главе Откровения Иоанна говорится: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агничьим, и говорил как дракон. ... Кто имеет ум, сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть».

Это предвидение Иоанна выражено на эзотерическом языке, на котором говорили в Мистериях до Христианства и говорят в христианских Мистериях. Это объективная истина, и она противостоит всему негодованию церкви, которым та периодически раздражается в адрес оккультизма.

Рудольф Штайнер дал истолкование этого числа и образа самого зверя. Благодаря этому истолкованию впервые открылось огромное значение увиденного Иоанном для всех социальных отношений нашего времени, но также и для будущей судьбы человечества.

Исследуемое нами теперь показывает теснейшую взаимосвязь всех трех уровней исторического процесса. И именно в таком процессе проявляется «число зверя».

Мы уже цитировали те места в сообщениях Рудольфа Штайнера, где он дает разъяснение возникновения числа 666. Согласно его сообщениям, мы должны рассматривать 333 год по Р.Х. как некоего рода точку опоры «весов» истории. Весы мы получаем, отложив от этой точки вперед и назад по 333 года (рис. 43).

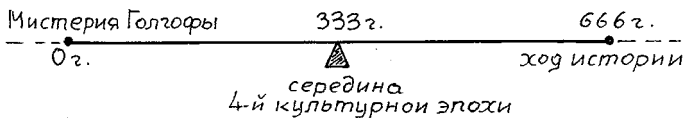

Рис. 43

Обратим внимание на роль числа три во всех этих временных отношениях. Нам известно, что число 3 является числом откровения. Это и три Ипостаси, и троичность человеческого существа, и троичность отставших духов 3-й Иерархии и др. Вся предшествующая эволюция мира образует треугольник, направленный вершиной вниз (см. рис. 36). Это нисходящая эволюция. Навстречу ей движется треугольник восходящей эволюции. В ней действует Христос, Которого по этой причине называют «обратным Адамом»*. Христос действует в эволюции таким образом, что оба ее треугольника сводит в единс-

*) «Umgekehrter Adam» (ИПН. 97, S. 22).

тво, дает им общую точку опоры, создает «весы» эволюции. И в этой точке Он стоит Сам. Так удваивающуюся троичность, шестеричность он претворяет в семеричность. Символ Грааля как раз и служит выражением этой мировой истины*. И это есть также и истина семичленной лемнискаты как принципа всякого подлинного развития.

Силы, препятствующие ему, восстают как раз против претворения шестеричности в семеричность. Они стремятся оба треугольника развития удерживать по отдельности, и в этом стремлении они с особой силой напрягаются в те моменты, когда циклы развития входят в свой шестой элемент.

Понимание значения шестого элемента лучше всего начинать в теоретико-познавательной лемнискате, которая является минимальным выражением лемнискаты эволюционного цикла. Мы уже много говорили о том, что лемнискаты развития имеют привязку к структурному кресту мира. На его вертикальной оси, вдоль которой располагаются ступени Я-сознания, в лемнискате находятся 2-й, 4-й и 6-й элементы. Они поэтому действуют как динамичный системообразующий принцип лемнискаты; это элементы Я.

В теоретико-познавательной лемнискате 2-м элементом является антитезис, в нем, по сути, впервые проявляется движение человеческого мышления, а значит — и низшего «я». В элементе 4 низшее «я» встречается с высшим. Это и есть точка опоры «весов» развивающегося сознания. В элементе 6 зарождается индивидуализация мыслящего субъекта в его высшем Я.

Нечто подобное совершается и в лемнискатах больших и малых циклов всеобщей эволюции мира. Если мы возьмем культурные эпохи, то их семичленная система образует одну коренную расу. Развитие в ней есть целостный процесс, проходящий через семь этапов метаморфозы. В нашей коренной расе два первых этапа взаимно отрицают один другой. Первая, индийская культурная эпоха вошла в наш цикл как итог четвертой коренной расы. Она есть некоего рода *данность той* эпохи, способная метаморфизироваться в соответствии с законами *нашей* эпохи, т.е. несущая в себе свое *снятие*. В предыдущей коренной расе царила обусловленность человека сверхчувственным миром, его сознание было глубоко групповым, пребывало в некоторой «оцепенелости» в своем отношении к развитию. Поэтому снятие его коренилось в характере индийской культурной эпохи, подрасы. Но началось оно во второй, персидской культуре, где выступила большая человеческая индивидуальность — Заратустра.

*) См. витраж на обложке 1-го тома.

которые в конце концов их седмицу возведут к октаве, и тогда совершится гармоничный переход к шестой коренной расе (рис. 44).

Зорат со своей стороны стремится цикл нашей коренной расы сделать замкнутым, неспособным метаморфизироваться в следующий цикл. Для этого он старается до предела обострить в людях эгоизм — до такой степени, чтобы отдельный человек стремился поставить интересы человечества на служение одному себе. Такой должна быть психология и нравственность человека глобального мира, неокочевника. Такие люди в конце концов несомненно возникнут, и между ними в 7-й культуре отбушует предсказанная Апокалипсисом «война всех против всех».

Ариманически-азурические духи надеются 5-ю коренную расу сделать *последней* в нормальном эволюционном цикле и одновременно заложить в ней начало их собственного эволюционного цикла, в котором реальная Вселенная будет существовать лишь в отражении. Грубая материя прейдет и там, но станет не духом, а энергией. Человек в той энергии будет растворен, а его сущностное, Отчая субстанция, которой он образован, станет тем «краем» творения, ухватившись за который духи тьмы надеются перетянуть на свою сторону весь мир Иерархий.

Именно эти цели и преследует социальная проекция прафеномена зла, а не овладение природными ресурсами, мировыми финансами и т.п., как нас пытаются убедить некоторые конспирологи. Реальный технический прогресс, который скрыт от нас, уже сейчас способен самым радикальным образом сократить потребность в природных ресурсах и при этом дать произвести столько продуктов, что ими можно накормить и десять и больше миллиардов людей. Нет, *силам зла нужен только человек как микрокосм*. Они ведут за него эволюционную, космическую борьбу. Вот *почему* изощренность зла на Земле не знает пределов.

Ариманически-азурические силы понимают, что полной победы им до конца нашей коренной расы не одержать, поэтому они сделают свой напор на человека еще сильнее в ходе всей 6-й коренной расы. Их успех там будет означать достижение целей *второй* шестерки их числа. Он сделает отставание человека очень трудно компенсируемым. Это будет уже отставанием на уровне глобы. Наконец, в своей мировой борьбе силы зла поведут атаку на шестое состояние жизни (рунду) земного эона. Тогда возникнут люди числа 666. Они не смогут как нормальные человеческие существа войти в следующий эон. Там для них будет существовать некий спутник, вроде нашей Луны, на котором сохранится минеральное царство. Самый последний этап

этой борьбы и отставания развернется в *шестом зоне*, на будущей Венере. Там будет принято последнее решение, совершится «страшный суд».

Те, кто со Христом побеждает зло добром, в 5-й и 6-й культурных эпохах образуют особую расу — расу *михаэлитов*. Она будет бороться за спасение той части человечества, которая пойдет путем «зверя», числа 666, на котором человек опять станет в определенном смысле человеко-животным. Только эти две расы и будут составлять будущее человечество. Существующие до сих пор расы отомрут. Они исчезнут не путем биологического смешения, а путем *духовного развития личности*, которое возможно в любой из ныне существующих рас (ну и народов, разумеется) и которое отражается также и на физической телесности.

Число и имя зверя

В двух циклах лекций, где Рудольф Штайнер комментирует Апокалипсис (ИПН. 104 и 346), он высветляет мощный христологический аспект эволюции, переводя эзотерический язык этой книги на язык доступных нам понятий. Он говорит о противостоянии двух принципов в развитии, которые на языке Мистерий выражены в двух числах: 777 и 666. Их следует читать как семь, семь, семь и шесть, шесть, шесть. В первом случае мы имеем дело с целостностями эволюционного процесса: с зонами, рундами и т.д. Во втором случае речь идет о *незавершенности* этих целостностей, и именно в самый ответственный момент их становления, о чем мы говорили в предыдущем очерке. Поэтому именно в таких моментах, на таких этапах особенно опасно для человека останавливаться. Уже, так сказать, застревание в первой шестерке «для многих людей станет роковым, хотя и не окончательным, ибо еще можно будет вернуться назад», в нормальную эволюцию (ИПН. 104, 29.6.1908). Но в седьмой коренной расе, в эпохе апокалиптических «трубных звуков» положение людей, пошедших путем зла, станет значительно сложнее, в них возникнут труднопреодолимые задатки к отставанию, которые и на пути кармы будет крайне сложно исправить. Последнее великое решение в нашей зоне будет принято по завершении шести рунд. Тогда задатки ко злу в людях примут ужасающий характер. Это выразится в том, что душевные заблуждения, увязание в вожделениях и в материализме постепенно станут заблуждениями Я и войдут в процесс эволюции, примут *эволюционный* (вернее, антиэволюционный) *характер*. Имен-

но таким методом и воздействует на человека Зорат. Его интересуют главным образом заблуждения Я. А подготовительную работу: заполнение мира ложью, двоемыслием, массовое растрение людей с помощью «сексуальной революции», разрушение в них живой космической ритмики и замещение ее ритмикой подприроды и т.п. — эту работу совершают для него люциферические и ариманические духи самого низшего рода.

В эволюции всё протекает в ритмах, и в них-то и вмешивается Зорат, имея на это, в общем-то, объективное право, но используя его извращенным образом. Посмотрим, как всё это началось еще в середине земного эона, которая является и серединой всего эволюционного цикла.

В четвертом состоянии формы (глобе) весь земной эон впервые проявился материально. Сначала это была некоего рода духовная «мировая туманность», содержащая в себе в нерасчлененном виде всю Солнечную систему. Но постепенно, в цикле коренных рас этой глобы начался процесс оплотнения, материализации духа, достигший своего максимума в четвертой коренной расе.

Следуя закону симметрии, произошедшая в трех первых коренных расах дифференциация Солнечной системы в последних трех коренных расах сменится ее слиянием в одно космическое тело, состоящее из духовной субстанции (рис. 45).

Благодаря этому сложному процессу человек обрел самосознание, стал собственно человеком. Сложность этого процесса была обусловлена тем, что когда во 2-й, Гиперборейской коренной расе Солнце отделилось от Земли, то общая эволюция разделилась на три вида: на солнечную, земную и лунную. И когда в будущей, 6-й коренной расе Солнечной системе потребуется слиться в единство, то встанет проблема, как соединить в одно далеко разошедшиеся в развитии три рода эволюции, — в одно солнечной эволюции.

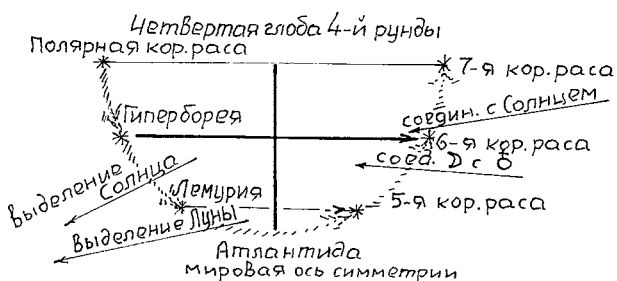

Рис. 45

Отставшие духи противятся, действуя *через человека*, тому будущему воссоединению планет Солнечной системы. Они делают это уже сейчас. Настолько далеко в будущее уходит смысл разрушения нашей цивилизации и культуры! Их особенное значение обусловлено тем, что они существуют в эпохе души сознательной, где человек, развивая в себе все три души, имеет возможность своим высшим Я сводить их в единство. Эта задача по смыслу напоминает будущее сведение в единство всей планетной системы силой ее космического Я, силой Христа. Поэтому именно в наше время отставшие Духи Личности, азуры, становятся всё более деятельными, всё сильнее подступают к человеческому Я. Поэтому выходит из земли «зверь» — Зорат, сильнейший из азуров. Его действия в социальной и духовной жизни людей по мере ее продвижения от 5-й к 6-й культурной эпохе будут только возрастать. Если ему удастся помешать нашей, европейской, или англо-германской, культурной эпохе выполнить свою эволюционную задачу, то тем самым он просто сорвет будущую, славяно-германскую культурную эпоху и благодаря этому обретет большую силу для борьбы с богами за человека, за смысл развития в 6-й коренной расе, когда Солнце воссоединится с Землей.

Этим далеко идущим намерениям «солнечного демонизма», как его называет Рудольф Штайнер, противостоит в человеке Христос. «Когда Земля вновь соединится с Солнцем, то те, кто воспринял в себя Принцип Христа, будут зрелыми для того, чтобы войти в те силы Земли, которые соединятся с Солнцем. (И) исключены будут те, кто воспринял в себя возможность зла. Они такие, что отталкивают Солнце от себя... Они являются врагами соединения с Солнцем» (Ibid.).

Власть, ведущую людей к соединению с Солнцем, автор Апокалипсиса называет Агнцем. Это Христос, «Гений Солнца», «Который соединился с Землей и стал также и Гением Земли. Он начал им становиться с События Голгофы.

Но имеется также принцип, враждебный Агнцу. Это солнечный демон, так называемый демонизм Солнца, который действует в злых силах человека, отталкивая силу Агнца. ... Это, в то же время, суть те силы, которые имеют в себе задатки, когда пройдут 6—6—6 состояний развития, к тому, чтобы быть совершенно выброшенными из нашего развития ... в бездну» (Ibid.).

В прошлом по причине неразвитости индивидуального сознания в человеке имелись все основания прямое знание об этом скрыть в Мистериях. Но в новое время оно должно стать доступным для многих людей, поскольку «крест» развития они берут на себя.

Уже давно многие пытаются разгадать тайну числа 666 и имя зве-

ря, но без духовного знания возникают лишь глупости. В XIX в. утверждалось, что это «Нерон», а в XX в. — «Гитлер».

На самом же деле мы имеем следующее. В Мистериях, в которые был посвящен и Иоанн Богослов, число 666 было зашифровано в таком написании: 400 200 6 60. Профан этого, конечно, понять не мог, а посвященный знал, что эти числа нужно привести в связь с буквами древнего еврейского алфавита, который был чрезвычайно оккультным. «Тогда мы должны написать, — поясняет Рудолф Штайнер, — 400 как тав, 200 как рещ, 6 как вав, а 60 как самех. ... Теперь попробуем это прочитать ... естественно, справа налево:

400	200	6	60
ⲧ	Ⲣ	ⲱ	Ⲫ
Taw	Resch	Waw	Samech

Это необходимо дополнить гласными, и мы тогда получим слово «Зорат». Зорат — это имя солнечного демона, противника Агнца. ... Для Зората, солнечного демона, существует такой знак: толстый штрих, который в себе сгибается назад, а вверху имеет два изогнутых острия» (Ibid.).

Иоанн пишет о нем: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агничьим...» (Апок. 13,11).

Способы действия добра и зла в истории

Социальные проявления Зората начались давно, ибо с овладением человеком душой рассудочной начала зреть проблема эволюционного сознательного перехода человечеством Порога сверхчувственного мира. Это актуализировало действие его малого, низшего Стража, которым, как мы говорили, и является Зорат, персонифицирующий негативную карму человечества в целом.

Это положение начали впервые осознать в местах, где существовало таинство посвящения. Там понимали, в каких глубинах мировой мудрости коренится тайна добра и зла и старались подходить к этой Мистерии так, чтобы уже одно только познание зла вело к воз-

растанию добра. Ученики тех эзотерических школ, как рассказывает Рудольф Штайнер, «должны были долгое время молчать и спокойно слушать, как им всё вновь и вновь разъяснялись одни лишь числа 666, 777 и др., сначала в их формальном значении. И когда это значение бывало постигнуто, они получали право познавать (их) содержание» (ИПН. 104, S. 233). Они действовали в соответствии со словами Апокалипсиса: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя: ибо это число человеческое» (13, 18).

Задача эта чрезвычайно сложна для современного человека, поскольку его «ум» — это рассудок, а рассудок — это, фактически, дар ариманических духов. Пользуясь им, человек пришел к выводу, что зверем является, собственно, он сам, в том смысле, что он произошел от животного и является, по словам Маркса, «социальным животным».

Иное было в древних Мистериях Египта, Халдеи, Греции, где предвидение будущего существовало всегда, всегда существовал Апокалипсис. Там на языке эзотерики, с помощью пифагорейского метода познания сначала постигалась эволюция мира, потом соотношение микро- и макрокосмоса. В этом, так сказать, контексте постигались не только указанные числа, но и другие: 1, 3, 5, 8, 12. Со всеми ними плодотворно работает Духовная наука.

Антропософия начинается с ее методологии, дающей познающему практическую возможность выйти за пределы ариманически-рассудочного, с чего и начинается преодоление власти Зората. И вполне понятно, что он всячески будет стараться помешать этому, действуя в самих людях. И именно этого рода его действие, начавшее проявляться уже с середины эпохи души рассудочной, в 666 г. по Р.Х., вошедшее в ритмы исторического становления и использующее их в своих целях, достигает в наше время, в преддверии пришествия в человеческом теле Арима, особой силы. И понять сложную и духовно, и социально констелляцию нашего времени можно, лишь обращаясь к тому, уже довольно далекому, прошлому, сопоставляя формальное знание «числа зверя» с его социально-культурно-историческим содержанием.

Во второй половине эпохи души рассудочной ариманические духи пытались привить людям преждевременно душу сознательную, а люциферические духи, напротив, тянули человечество назад. Такой образ действий особенно благоприятен для азуров, и мы можем повсюду наблюдать его и в наше время. В пентаграмме зла он выражается в противостоянии иезуитизма и политизированного масонства тайных обществ.

Исторически это впервые выразилось в деятельности римских цезарей, особенно Августа, правившего во время прихода на Землю Христа. Август стремился не допустить людей к развитию души рассудочной, тянул их назад, к душе ощущающей. Внешняя история, говорит Рудольф Штайнер, скрыла от людей знание об этом, но Август «стоял в средоточии римских стремлений, которые *совершенно сознательно* (подч. нами. — *Авт.*) искали, как вызвать такое состояние мировой культуры, которое должно будет помрачить перед человечеством всё то, что принесла душа рассудочная, или душа характера; помрачить то, что люди в культуре с 747 г. (до Р.Х. — это начало греко-латинской культурной эпохи. — *Авт.*) могли бы завоевать собственной работой. Люди должны были, прежде всего, быть ограничены тем, что человечество завоевало в эпоху души ощущающей, в египто-халдейское время» (ИПН. 184, 13.10.1918).

Поэтому Август начал консервировать в Риме старые культуры*, «консервировать интерес, ощущающий интерес к старым культам, тем культам, которые были на своем месте тысячи лет тому назад у египтян, в Передней Азии и еще далее в Азии» (Ibid.). Этим преследовалась цель воспрепятствовать распространению Импульса Мистерии Голгофы, но не внешним способом, а так, что пытались «выключить человеческий рассудок, сделать бездейственной человеческую интеллигенцию, приводить к образованию лишь души ощущающей с помощью демонстрации людям всех значительных, всех грандиозных, потрясающих культов, которые должны были действовать в древние времена, были действительными, когда люди еще не пришли к интеллигенции...», культов, которые в свое время действовали на человека в полугипнотическом состоянии (Ibid.).

С другой стороны, когда была пройдена середина 4-й культуры и силы рассудка окрепли, ариманический импульс Гондишапура стремился сделать душу рассудочную гениальной, но опять-таки не с помощью индивидуальной работы человека. Более того, этот импульс стремился преждевременно напечатлеть человеку душу сознательную. Безмерно наращивая присутствие интеллигенции в человеке, стремились свести ее к панителлигенции таким образом, чтобы создать на земле вместо общины Самодуха *общество группового рассудка*.

Среди мудрых учителей Гондишапура, говорит Рудольф Штайнер, был один особенно большой учитель. Имя его осталось неизвестным.

*) Примерно тем же самым является глобалистская идея «веротерпимости», слияния религий, так неуклюже, а главное — принудительно осуществляемая в мире.

Он был «величайшим врагом» Христа Иисуса (см. ИПН. 194, S. 283). И несториане не были ему помехой.

Атеизм как болезнь

Характеризуя вредное влияние импульса Гондипапура на развитие человечества, Рудольф Штайнер говорит: «С человечеством нечто случилось, а именно: тогда человечество, на которое подействовал этот неоперсидский импульс, вновь принесший, но не вовремя импульс Заратустры, всё человечество — я позволю себе выразиться тривиально — внутренне хрустнуло вплоть до телесности. Человечество тогда получило импульс, вошедший вплоть до физической телесности, с которым теперь мы уже всегда рождаемся». Человечеству была привита болезнь, «ведущая к отрицанию Бога-Отца» (ИПН. 182, 16.10.1918).

В других лекциях Рудольф Штайнер говорит, что отрицание Христа означает для человека большое несчастье, а отрицание Бога-Отца, т.е. действия в мире Божественного начала, — это просто болезнь. Она возникает в физическом теле, а выражается в душе. Мы можем это понять, зная, что погружение в рассудочность повлекло за собой угасание всех сверхчувственных переживаний и вызвало в физическом теле видовую метаморфозу, которая выразилась в образовании современной структуры мозга — «аппарата отражения».

Этот объективный эволюционный процесс начался за тысячи лет до Пришествия Христа. Следствия его хорошо почувствовал в себе ап. Павел, заговоривший о «жале» в теле: «...дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня...» (2. Кор. 12,7). Это и есть ариманический дух, коренящийся в минерализации физического тела и склоняющий человека к безверию.

Переход от группового, но спиритуального, живого сознания к мертвому интеллектуализму — это психологически процесс мучительный. Но он мог бы быть в значительной мере смягчен, человека могли бы не постигнуть страдания Эдипа — первой жертвы болезни материализма, если бы переход от 4-й к 5-й культурной эпохе совершился в форме метаморфозы, а не слома, заката старой духовности и культуры. Это могло бы произойти, если бы люди принесли навстречу Импульсу Христа больше понимания, понимания того, что Он пришел как Целитель, как Бог, спасающий через исцеление от новой болезни и потому принявший в круг Своих апостолов того, кто нес в себе болезнь Эдипа, — Иуду Искариота.

Христианству надлежало осуществить связь своих Мистерий с Мистериями древности. Импульс для этого был дан в акте воскрешения Лазаря, однако церковью он был совершенно не понят.

Рассудочность, философия вышли из Мистерий и, совершив свою работу индивидуализации человека, должны снова в них вернуться, для чего человеку нужно вызвать в себе еще одну видовую метаморфозу. Именно в такой работе Христос как Целитель является помощником человека. Эта задача приобрела в наше время решающий характер. Болезнь, вызываемая интеллектуализмом, углубляет, удваивает райское грехопадение. Через атеизм человек уже не дистанцируется, а вообще отпадает от Бога. И чтобы в этой беде человеку помочь, совершается второе Пришествие Христа, в котором Он несет эфирные силы мыслящему сознанию человека; мы причащаемся им, делая сознание созерцающим, а потом имажинативным.

Антитезой этому космическому Событию второго Пришествия и задаче человека в этой связи являются социальное проявление Зората и приход, инкарнация Аримана. В результате возникает решительный спор о человеке: пойдет ли он путем избавления от болезни атеизма и наследственного греха или удвоит тяжесть наследственного греха и начнет погружаться в бездну небытия. Современные безумные идеи приведения сознания человека в симбиоз с компьютером, т.е. с машиной, наиболее точно соответствуют намерениям Аримана и являются логическим продолжением импульса Гондишапура.

Болезнь отрицания Божественного* создает чрезмерное притяжение души человека к телу, чего не в силах выносить природа человека. Душу тогда постигает судьба физического тела, которое в конце концов всегда умирает. Именно в этом направлении и ведут человечество силы, соединенные в пентаграмме зла. Подчеркнем еще раз: это большое и опасное заблуждение, когда люди думают, что мировая власть стремится господствовать на финансовой основе, что кто-то видит свою конечную цель в том, чтобы прибрать к рукам все деньги мира и т.д. Силы зла используют, конечно, все существующие рычаги принуждения, в том числе и деньги, но только для того, чтобы задать душе человека путь, ведущий ее к смерти, оторвать человека

*) Она также выражается в современных спекуляциях с понятием Бога, когда Его определяют как «энергию», как «мировое Ничто», «поле смыслов» и т.д. Делается это якобы для примирения веры со знанием, однако это чисто ариманический «экуменизм».

от перевоплощений, так привязать его к земле, чтобы и умерев он оставался вблизи ее и не проходил духовной эволюции*.

Метафизические силы, стоящие за оккультно-политическим Сообществом Тени, стремятся именно отнять у человека «возможность дальнейшего развития. Они хотят получить его (человека) для себя, для совсем другого мира, хотят законсервировать его со стороны земной жизни, чтобы заставить его отказаться (abbringen) от того, для чего человек находится здесь, на земле, чему он должен [в действительности] учиться лишь в медленном, постепенном развитии, благодаря чему он придет к Самодуху, Жизнедуху и Духочеловеку» (ИПН. 182, 16.10.1918).

Чтобы удержать «весы» развития человека в равновесии, Христос после Мистерии Голгофы поставил Себя между Люцифером и Ариманом, что особенно выразительно Рудольф Штайнер показал в своей скульптурной композиции «Представитель Человечества».

Борьба духов тьмы за человека ведется по двум направлениям: в отношении души и тела и в отношении души и духа. То есть охватывает всё триединство человеческого существа. В первом направлении работает материализм, во втором — церковь. Ведь это она на 8-м экуменическом соборе в 869 г. в Константинополе, попросту говоря, упразднила в человеке его дух, объявив, что человек состоит только из души и тела. В этом смысле, замечает Рудольф Штайнер, Карл Маркс был лишь логическим следствием католицизма, совершив еще один шаг в духе того собора: упразднил и душу, оставив человеку одно тело.

В таком сложном положении находится современный человек, но опасным оно остается лишь до тех пор, пока он его не понимает. Христианство Св. Духа дает ему понимание. Ему нужно хорошо осознать, что смерть, предопределенная физическому телу, должна была в некоторой мере стать и судьбой души. Человеку нужно было стать родственным со смертью, но Мистерия Голгофы его от родства со смертью освобождает. Она делает его родственным духу, и даже в большей мере, чем ему это было предопределено. Таким образом, «в человеке имеется две силы: сила, делающая его душевно подобным смерти, и сила, которая его снова от смерти освобождает, ведет его внутренне к духу» (Ibid.).

*) Подобный опыт ставится также и на мумии Ленина и других вождей большевистского эксперимента.

Гондишапур и аристотелизм

Главным образом в ключе антропософской методологии вскрыл Рудольф Штайнер роль академии Гондишапур в духовном становлении человечества, показал ее действие в больших историко-культурных и чисто оккультных процессах, которые проявляются вплоть до нашего времени, оказывая очень большое влияние и на его характер.

Вникая в эти сообщения Рудольфа Штайнера, мы испытываем большую потребность как можно подробнее узнать о том, как и что в действии той академии противоречило нормальному развитию человечества. Довольно интересные, на наш взгляд, разъяснения по этому поводу дает небольшая работа Сигизмунда фон Гляйха*.

Беря действие импульса академии в его широком проявлении, какое он нашел в целом ряде известных истории арабских мудрецов, таких как Аль Фараби, Аль Гацали, Авиценна и др., Гляйх пишет: «Некогда устремившийся в Гонди-Шапур во всей своей полноте экстатический неоплатонизм спустя столетия принес свои плоды в арабских мудрецах, целиком и полностью пронизавших себя им. Благодаря этому обучению их мышление не осталось бледным, лишенным субстанции, как наше современное; их организм мышления экстатически несколько освобождался от тела. По этой причине вспыхивавшие светом мышлеобразования ощущались сущностно, как приливающие из субстанционально-живого эфирного мира. Эта в высшей степени духовная сила представления, соединенная с подвижной, живописующей силой фантазии, коренившейся в их крови, восходила порой до визионарного созерцания образного мира «сферы снов», в которой «особенно сказочные» образы предвещали истину. И этот «мир сказок» является естественным элементом жизни арабской культуры. Откровений образного мира снов придерживались ... серьезно и твердо большие философы и ученые, например Авиценна».

В освобожденности организма мышления от тела они пребывали в эфирно-визионарной сфере Луны, и они приходили к уверенности, что «связь с этой сферой есть *истинная жизнь*». Истина, словно сквозь узкую трубку, течет к нам из той сферы как мыслительный элемент; «обычное сознание души есть лишь тень и иллюзорный образ истинной душевной жизни».

На знании эфирной организации человека в Гондишапуре развивали гениальную медицину. Из внутреннего созерцания организма врачи-ученые диагностировали болезни. Они использовали так называемую «яатроматематику» — космическую математику исцеления.

*) Sigismund von Gleich, Impuls von Gondi-Schapur. Stuttgart, 1966.

Наравне со всем этим арабская наука пользовалась «строго экспериментальным, естественнонаучным методом чувственного наблюдения, благодаря которому делались многие открытия и изобретения». Так было предвосхищено многое из того, что мы имеем теперь. И к этому стремились сознательно. Те мудрецы «имели намерение на одну эпоху раньше излить в человечество гностическую науку откровения и тем отрезать ему путь к духу. *Момент времени, род и способ сообщения той науки играли в этом случае решающую роль.* ...

Чтобы в раннем средневековье сорвать будущее раскрытие силы Я, для этого не могло быть лучшего средства, как выработка мудрости и науки, которые, не обращая никакого внимания на Христа, Стража человеческого Я, ввергали бы экстатически эфирное тело человека в текучее море эфира лунной сферы. Ибо в этом мире «истощается» всякая сущность, не укрепившая себя прежде как Я.

Такое направление было задано силами, стоявшими за импульсом Гонди-Шапура. При этом, естественно, ариманические силы не были настолько глупы, чтобы ради достижения своей цели вводить в мир какое-нибудь учение, направленное против Христа», а несториане никакой помехи той цели не создавали.

«Пантеистическое растекание и распыление людей в одном образовании, во всеобщем эфирном море должно было быть последним следствием этого импульса, полное «поглощение души», как это выразил Аль Гацали, всеобщей божественной мировой Основой, единым Отцом мира» (S. 32ff).

Материалист, прочтя всё это, скажет: ничего плохого я во всем этом не нахожу; современная наука тоже хорошо обходится без Христа. — Да, обходится, но именно потому, что вся она произошла из того импульса, который в наше время переживает мощный ренессанс, отчего мы и зашли в тупик. Но, к счастью, тот импульс был в свое время сильно притуплен, иначе человечеству было бы еще хуже, оно бы уже всё, как выразился один постсоветский ученый, было «переведено в кремний», человек представлял бы собой био-психотронного монстра.

Импульсу Гондишапура помешало, в значительной мере нейтрализовало его выступление магометанства. Свое учение Магомет распространил в первую очередь в тех областях, где хотели укоренить упадочную гностическую мудрость Гондишапура. Она неким образом «уперлась» в то, что сделал он, и не смогла пройти сквозь него. «... Магометанство впервые начинают понимать правильно, — говорит Рудольф Штайнер, — лишь в том случае, если знают ... что его предназначением было притупить гностическую мудрость Гондишапура,

отнять у нее ее, собственно говоря, сильно ариманическую искушающую силу, которую она в ином случае применила бы к человечеству» (ИПН. 184, 12.10.1918).

Так обстояло дело с целями Аримана, но было в том импульсе и много человеческого, «рукотворного», в первую очередь — отвержение ставшей христианской Римской Империей платоновско-аристотелевской мудрости. Эта мудрость, уйдя в Персию, приняла крайне односторонний характер. Правда, и в самой Греции еще до прихода Христианства аристотелизм претерпел большой упадок. Эпохой его расцвета была работа школы перипатетиков. Достаточно сказать, что Теофраст собирал в ней порой на свои лекции до двух тысяч слушателей. Но к I в. до Р.Х. школа эта увяла. Труды Аристотеля, как об этом пишет Страбон, были свалены в какой-то подвал и пролежали там чуть ли не 200 лет. В I-м веке их все-таки нашли, и Сулла, ограбивший Афины, вывез эти свитки в Рим. Ну а потом начались гонения на философов.

Те из них, которые жили в Эдессе, переводили Аристотеля на сирийский язык. Эти переводы они принесли в Гонди-Шапур. Там их с сирийского перевели на персидский, а с персидского — на арабский. И это имело для сочинений Аристотеля большие негативные последствия. Рудольф Штайнер разъясняет, какие именно: «Кто вникает в изменения, какие происходят с мыслями, когда их действительно переводят, пытаются переводить с одного языка на другой, тот может понять, что нечто вроде сознательного намерения ... могло присутствовать в том, что был взят не греческий Аристотель, а Аристотель, пришедший в арабский язык через сирийский. Ибо при переводе Аристотеля образовалась основа для того, чтобы Аристотелевы понятия предстали в свете арабской души, какой она была тогда, этой примечательной души арабов ... в которой острейшее мышление сочеталось с некой фантастичностью, которая, однако, шла по путям логики и восходила до созерцания. И вот, в свете этого своеобразного учения, этого своеобразного воззрения Гондишапур развил гигантское мировоззрение» (Ibid.).

А когда интенции Гондишапура были ограничены, притуплены, то его аристотелизм не умер, а обрел свою дальнейшую жизнь у магометанских постаристотеликов, которые вместе с походами мавров принесли своего Аристотеля в Испанию.

В этом, как нам представляется, проявился действующий в развитии закон полярности. В свое время Александр Великий понес подлинного Аристотеля Востоку, и вот, как противудар возникло движение мавров на запад, понесших туда уже сильно модифицирован-

ного Аристотеля. Муавийя, Габ-эль-Тарик – предводители арабских завоевательных походов – оказались некоего рода противоположностью Александра Великого. Всего этого могло бы не случиться, если бы греческие философы восприняли Христа и вместе с византийскими христианами исполнили бы свою всемирно-историческую миссию: дали поднимающейся Европе подлинного Аристотеля и тем осуществили преемственность двух культурных эпох. Тогда вся история Европы пошла бы по-другому.

У современного человека (но не у прирожденного философа) может возникнуть вопрос: а стоит ли так выпячивать значение Аристотеля и недооценивать действие хозяйственных, политических и т.п. факторов в истории? На этот вопрос можно ответить другим вопросом: а стоит ли «выпячивать» возникновение Homo sapiens на фоне общей эволюции природы?*

Антропософия может по этому поводу сказать: в зарождении греческой философии проявилась начавшаяся тогда *видовая* метаморфоза человека. Она отличалась от всех предыдущих тем, что в большей своей части была плодом не всеобщей естественной эволюции, а культурно-исторического развития передовой части человечества. Поэтому ее протекание в большой мере зависело от духовной деятельности человека. Аристотель был, так сказать, первенцем нового человечества, рождавшегося в ходе той метаморфозы, и он дал этому человечеству метод, как отдельному человеку следует работать над собой, чтобы новую видовую метаморфозу успешно завершить. Он дал науку логики и заложил основы нового естествознания. Его «Органон» стал методологией нашей культурной эпохи. Поэтому в том ряду цивилизаций, в смене которых возникла наконец наша материалистическая цивилизация, решающую роль играло понимание Аристотеля. Он для этого периода так же значителен, как Гомер для древней греческой эпохи.

Ни один из факторов истории последних примерно полутора тысяч лет не проявляется с такой силой и значением, как фактор мышления, – не мировоззрения, а мыслительной деятельности, как таковой, ее характера. Вот почему Аристотель, живший и творивший в 4-й культурной эпохе, стал одной из ключевых фигур 5-й эпохи.

Это просто факт, что судьба аристотелизма стала всеобщей судьбой человечества, а также и каждого отдельного человека; человек же есть мера всех вещей.

*) Марксистские дарвинисты ответят: конечно, не стоит!

Блеск арабской культуры

Действие импульса Гондишапура, в результате которого человечество, как говорит Рудольф Штайнер, «хрустнуло», а также притупление его магометанством совершалось в течение продолжительного культурно-исторического процесса, в потоке которого мы пребываем по сию пору. Это никоим образом нельзя оценить однозначно негативно. Ведь в результате всего этого мы развили низшее «я» и обрели самосознание. Мы тут просто имеем дело с развитием, движущимся вперед за счет столкновения противоположностей. А чтобы эти столкновения были не только разрушительными, но и созидательными, необходимо искать способы, как противоположности примирять, приводить к синтезу. Для этого необходимо их глубоко познавать.

В середине VII века в деятельности академии Гондишапур наступил кризис. И именно в 666-м году в ней произошло нечто особенно значительное. Сигизмунд фон Гляйх пишет, что это «значительное» осуществилось через двух епископов: некоего Сергиуса и «Иоанна, сына Марты».

Что именно было сделано ими — без сверхчувственного опыта, видимо, узнать нельзя. Гляйх высказывает лишь предположение, что были совершены некие действия, переведшие научные и мировоззрительные импульсы академии в русло внешней истории*. Об этом свидетельствует дальнейшее действие этих импульсов в культуре. Что сначала в академии было импульсировано оккультно, то в ходе последующих столетий проявилось, раскрыло свой характер в самых разнообразных обликах, в фактах и событиях внешней истории и культуры.

Начиная с VIII столетия пышным цветом расцветает двор Багдадских халифов. Наиболее знаменитый из них, Гарун аль Рашид (766—809), собирает множество выдающихся ученых, философов, художников, поэтов того времени и создает им все условия для работы и творчества. Возникает нечто вроде универсальной академии, в которой процветает утонченная, рафинированная ученость и образованность. Там продолжают делать и переводы Аристотеля и Платона: с персидского на арабский. В дальнейшем той учености двора Гаруна дали продолжение такие значительные мыслители, как Фараби (870—950), Авиценна (980—1037), Ибн Баджа (кон. XI в. — 1139), Маймонид (1135—1204), Аверроэс (1126—1198). Последний из этого ряда заложил в зарождавшейся светской культурной жизни Европы

*) S. von Gleich, Impuls von Gondi-Schapur, S. 23.

целое научное направление. Среди его представителей были Пико делла Мирандола и Джордано Бруно.

Было бы грубым фанатизмом видеть в этом научном направлении лишь «происки» Аримана. Но было бы непростительной поверхностностью не видеть их там совсем. Это приходится подчеркивать всё снова и снова в наше время, где господствует лишь тяга к односторонним мнениями, к поляризации мнений и к борьбе, доходящей в конце концов до ножей. Понять же что-либо по существу можно, лишь отказавшись от симпатии и антипатии к объекту познания. И познание это должно быть чувственно-сверхчувственным.

Судьбу аристотелизма можно проследить, лишь имея возможность познавать его движение на всех трех уровнях, составляющих ход истории. Такую возможность предоставляет нашей культуре Рудольф Штайнер. В ходе своих духовнонаучных, сверхчувственных исследований он открыл, что ряд наиболее значительных деятелей как самой академии Гондишапур, так и ее проекции на арабизм, пройдя врата смерти и духовную метаморфозу, воплотились затем в Европе, и на этот раз их прошлая деятельность оказалась еще более значительной и придала европейской цивилизации тот облик, какой она имеет теперь.

Целый букет личностей, задавших тон этой цивилизации: Дарвин, Лаплас, Фрэнсис Бэкон, Амос Коменский, Вудро Вильсон, даже Шуберт и многие другие — в своем прошлом воплощении были носителями импульса арабизма, особенно в его устремленности на запад. Мы тут имеем дело с еще одним законом развития, согласно которому духовно-исторические импульсы, будучи оттеснены, подавлены на физическом плане, возрождаются внутренне на противостоящей им стороне. Ярким примером действия этого закона служит монголо-татарское нашествие на Россию, которое, будучи преодоленным внешне, ожило в абсолютизме московской монархии.

Импульсы, препятствующие правильному развитию, уводящие его на ложные пути, следует преодолевать духовно. Тогда они метаморфозируются в нужном смысле.

Возникшее в VI в. магометанство никоим образом импульс Гондишапура, влившийся в него, не метаморфозировало. Оно лишь вызвало большое движение в арабском мире, в котором направление той академии внешне было как бы задвинуто на второй план, потерялось в волнах религиозного реформирования. Магомет основал некоего рода монотеистическую религию, и упадочному гностицизму в ней как будто бы не было места. Этот монотеизм, говорит Рудольф Штайнер, «как и в иудействе, взирает строго на единое, объемлющее

мир Божество. ... всесильное единое Божество, которое для религиозной жизни заключает в себе нечто от фаталистического элемента. Судьба человека заранее predetermined» (ИПН. 235, 16.3.1924).

А кроме того, эта форма арабизма начинает бурно распространяться военным путем и в конце концов чуть ли не на тысячу лет становится носителем цивилизации. Она из Мекки проникает в Медину, в Дамаск, в Багдад, а при халифе Муавийе (661—680) начинает походы в Европу.

Это движение захватывает духовную элиту в областях своего распространения, в том числе и ученых, поэтов, врачей, которых собрал при своем дворе Гарун аль Рашид, сам будучи духовно незаурядной личностью, а кроме того — прекрасным организатором. Он создал поистине духовный оазис, где расцвели архитектура, астрономия (астрология), философия, география, музыка, поэзия. И поэты заслуженно воспевали мудрого халифа.

И такой расцвет духовного центра Гаруна аль Рашида происходил в то время, когда в Европе правил король франков Карл Великий (742—814), едва владевший зачатками грамотности и робко пытавшийся такие зачатки прививать своему окружению. Стоит ли поэтому удивляться, что слава универсальной академии Багдада, организованной поистине в большом стиле, достигнув Европы, вызвала там широкий интерес.

Гарун аль Рашид с помощью своего мудрого, загадочного советника сделал необыкновенно много для распространения арабизма в мире, но особенно важным при этом было то, что он стал неким подобием Александра Великого. Из его академии аристотелизм вместе с военными походами (на этот раз не греков, а арабов) распространился на запад. Но это, конечно, был уже совсем другой аристотелизм. Характеризуя его, Рудольф Штайнер говорит следующее: «Несмотря на то, что при дворе Гаруна аль Рашида всё жило умно, одухотворенно, грандиозно, убедительно, будучи пронизанным арабизмом... будучи даже пронизанным восточной мудростью посвящения, — то, что как аристотелизм жило [при этом дворе] ... было все-таки не подлинным, не тем, что лелеяли Аристотель и Александр. Он принял формы, которые не желали заботиться о Христианстве». Это был аристотелизм, «который представляет собой полюс, вредный для Христианства, который принял духовный облик, вид некоего пантеизма, не желавшего ни в малейшей степени соединяться с Христианством и в своей эссенции не способный с Христианством соединиться» (ИПН. 238, 10.9.1924)*.

*) Таким он продолжает оставаться в диалектическом материализме.

Придя через Испанию в Европу, такой аристотелизм вместе с остальной арабской ученостью инициировал возникновение здесь академической науки, которую мы имеем и теперь. Он необыкновенно ускорил становление интеллектуализма у народов Европы, и это ускорение коррумпировало естественное развитие души европейца.

Этого, повторяем, не понять современному позитивисту, атеисту и материалисту. Но подобные вещи хорошо понимал, например, Ж.-Ж. Руссо. В своем «Общественном договоре» он, характеризуя реформы Петра I в России, уподобляет их действиям француза-наставника, который воспитывает своего питомца так, «чтобы он поражал всех в детстве, и мало заботится о том, что из него выйдет в зрелом возрасте». (Не то ли самое мы имеем теперь в России в педагогике ускоренного обучения?)

Роль такого рода «французского наставника» сыграл в Европе импульс Гондипапура, пришедший сюда в оболочке арабской учености, а далее действовавший в перевоплощенных в европейских народах ее учителях. Они несли в себе душу сознательную еще до наступления ее эпохи и стремились насаждать ее в Европе, выводя ее к свету просвещения так, что при этом нарушался принцип постепенности душевного развития, а когда эпоха души сознательной наступила, они, уже в новых обликах, вызвали в ней консервирование голого интеллектуализма, отчего наша цивилизация «хрустит» во второй раз.

Европе было предопределено развиваться медленно, идя от поры исторического детства к зрелости, к эпохе овладения Я. До IX–X вв. народы Европы проходили через фазу *души ощущающей*. С рождением высокой схоластики и далее, в эпохе Ренессанса они овладевали душой рассудочной. И только после того пришло время для развития души сознательной. Лишь где-то в XVIII–XIX вв. появились ее первые полноценные цветы. На этом, здоровом пути развития душа от малограмотного Карла Великого поднялась до Гегеля, Шиллера, Гёте, Рихарда Вагнера.

А во внешнем ходе истории произошло нечто примечательное. Натиск арабизма был совершенно погашен «тюркским наводнением... лишь его рудименты нашли потом (на Востоке) участники крестовых походов, а не господствующее культурное течение; турки погасили его» (ИПН. 235, 16.3.1924). Последующие нашествия турок на Европу уже не имели ничего общего с тем, о чем у нас идет речь*.

*) Но имело бы смысл подумать о том, какое значение имеет современное наводнение Европы тюркизмом.

Полемика в сверхчувственном мире

С самых разных сторон Рудольф Штайнер раскрывает сущность аристотелизма, считая, что по большому счету в нем жила определенная предпосылка для всеобщей эволюции человечества (см. ИПН 115, 14.12.1911). А поскольку эволюция движется путем столкновения противоречий, противоположностей, односторонностей, то их, естественно, должно содержать в себе и учение Аристотеля. И они в нем есть, особенно в учении о духе. Оттого и стали возможными самые разные его интерпретации. Например, Аристотель не признавал перевоплощений, ибо отрицал предсуществование души. По его мнению, дух творится Богом непосредственно перед рождением человека, а после смерти он созерцает прошедшую жизнь. Рудольф Штайнер по этому поводу спрашивает: но чего хочет этот дух в том случае, если прошедшая жизнь была несовершенна? — Очевидно, еще одной жизни?

Далее, Аристотель очень ценит чувственный мир, и это может быть истолковано как предпосылка к материалистическому естественовознанию. Однако в действительности он ценит его не ради него самого, а как условие для восхождения в духовный мир. Именно так понимали в этом вопросе Аристотеля представители высокой схоластики, и это оказалось особенно близко всему не искаженному европейскому мироощущению, которое еще живо и теперь, несмотря на засилье позитивизма.

Наконец, нужно помнить и о том, что Аристотель явился зачинателем абстрактного мышления, а в самом Аристотеле при этом жило переживание того, что живая идея начинает обнаруживать себя в отдельной человеческой душе, когда она мыслит понятийно. В этом можно видеть зачатки гётеанистической гносеологии.

Аристотелизм при его возникновении явился тем игольным ушком, через которое предстояло пройти гигантскому макрокосмическому содержанию, панинтеллигенции мира, чтобы заключить себя в границах земного рассудка и далее, метаморфизируя его, вновь вознестись к духу, но уже в человечески индивидуализированной форме. В этом содержится, скажем, огромная зародышевая сила аристотелизма, *его необыкновенная способность к развитию*. И в этом своем качестве он оставался предметом заботы для его создателя также и после того, как, пройдя через врата смерти, он вошел в духовный мир. Вместе с индивидуальностью Аристотеля попечение о дальнейшей судьбе аристотелизма взяла на себя в духовном мире и индивидуальность Александра Великого.

Что обе эти индивидуальности основали на Земле, говорит Рудольф Штайнер, с чем они были связаны всем своим существованием — один мыслительно, а другой — всеобъемлющей силой властелина, — действовало и далее. «Всё это они наблюдали в духовном мире в течение следующих столетий, в которые произошла Мистерия Голгофы ... (наблюдали) как внизу (на Земле) распространяется их творение, распространяется также и такими гениальными людьми, как Гарун аль Рашид и его мудрый советник» (ИПН. 240, 14.8.1924). Они также понимали, что с Мистерией Голгофы пришло нечто совершенно новое, силой чего должно быть изменено, обновлено и созданное ими. Они, в некотором роде, сказали себе: что было основано прежде, должно быть поставлено в строжайшем смысле слова под господство Архангела Михаэля.

Этот Архангел в чреде Архангелов-Регентов отдельных исторических эпох был Регентом в то время, когда Аристотель и Александр жили на Земле. Пройдя врата смерти, они вошли в его небесную общину и оттуда наблюдали свершение Мистерии Голгофы. «Они видели Христа не приходящим на Землю, а расстающимся с Солнцем. И всё пережитое сложилось в них в такой импульс: при всех обстоятельствах работать над тем, чтобы эпоха нового господства Михаэля (она началась в 1879 г. — *Авт.*), которой Аристотель и Александр всеми силами души хотели сохранить верность, чтобы новое господство Михаэля принесло [в среду людей] не только глубоко обоснованное, но интенсивное Христианство» (ИПН. 240, 14.8.1924).

Чтобы сохранять верность Михаэлю, нужно было на земле творчески развивать аристотелизм далее. Но Гарун аль Рашид и его мудрый советник, когда они также перешли в духовный мир, не хотели ничего слышать об этом, когда Аристотель и Александр попытались вести с ними там об этом диалог.

Чтобы лучше представлять себе, какой облик принял аристотелизм среди людей на Земле, Аристотель и Александр даже сошли в IX в. на короткое время в земное воплощение. Словно бы в окно они смогли тогда взглянуть на западную цивилизацию, взяв с собой в духовный мир впечатления и импульсы и сберегая при этом силы для будущего.

Будучи подготовленными таким образом, они и встретились в духовном мире с Гаруном и его советником. «Это была полемика большого, огромного значения... Нужно при этом представить себе, что полемики в сверхчувственном мире — это не словесные дискуссии». Но, упрощая изложение, можно сказать, что Аристотель и Александр говорили о необходимости то, что основано на земле, ввести в рус-

ло деятельности Михаэля. Однако Гарун аль Рашид и его советник остались при намерении и дальше распространять господство того импульса, которому они служили в своей земной жизни. Сильно противостояли тогда одна другой эти две пары индивидуальностей. Между ними, фактически, произошла духовная борьба, и она до сего дня действует в европейской цивилизации. Из нее тогда изошли два течения; они изошли из метаистории и влились в исторический процесс на земле. Одно из них действовало далее в арабизме, другое – в аристотелизме-александризме, слившемся через импульс господства Михаэля с Христианством.

Гарун аль Рашид и его советник направились после того в духе на запад, постоянно наблюдая, что происходит на земле. А через некоторое время они снова воплотились. Первый стал в новом рождении Бэконом Веруламским, ученым, государственным деятелем, лишь самым внешним образом принявшим Христианство. Абстрактность арабизма он внес на этот раз в европейскую науку. Второй, советник, стал знаменитым педагогом, внесшим в систему обучения материалистическую наглядность, которая никак не связана с Христианством. Это был Амос Коменский.

Еще интересно отметить, что полемика в духовном мире, возникшая между этими четырьмя индивидуальностями, происходила в 869 г., в том году, когда на Константинопольском соборе было разрушено представление о трихотомии человеческого существа. Так взаимопереплетаются между собой история, мета- и субистория, в результате чего формируется сложный, противоречивый и часто трагический процесс развития земного человечества.

Мировой проект «Гондишапур – 2»

Середина 4-й культурной эпохи, 333-й год по Р.Х., является серединой нашей коренной расы; это точка опоры ее «весов», точка, в которой ее прошлое претворяется в ее будущее. Как начало мировой *противоположности*, которая будет существовать еще необыкновенно долго, по обе стороны от этой точки противостоят Мистерия Голгофы и 666-й год от Рождества Христова. *Этот год явился началом оппозиции Мистерии Голгофы всех отстающих сил, и оппозиция эта возникла на базе человеческой души рассудочной.* Поэтому в рассудке человека, в его интеллектуальности идет борьба за две формы будущего мира: за христианскую и за ариманическую (рис. 46)

Приведенный рисунок может помочь нам понять масштаб и уни-

вия Христа на Землю. Цезарь Август путем консервирования древних культов стремился остановить развитие на душе ощущающей. И хотя Мистерией Голгофы это намерение Августа было аннулировано, но, уйдя с внешнего плана, оно позже возродилось в католической церкви, которая стала истинной продолжательницей Августовой эпохи. Ибо форма, которую она приняла, говорит о том, что церковь эта не основана на Мистерии Голгофы (см. ИПН. 184, 13.10.1918). Живущий в ней культ пришел из эпохи души ощущающей. Он хотя и вобрал в себя что-то от Мистерии Голгофы, но церковь эта, по сути, не ведет людей к душе рассудочной, а тем более — к душе сознательной, к Я.

Что касается академии Гондишапур, то и ее импульс (противоположный импульсу католицизма) был внешне как бы аннулирован, но потом возродился в европейском естествознании и во многом другом.

Нужно лишь, говорит Рудольф Штайнер, шаг за шагом, десятилетие за десятилетием проследить, как пришедшая в эпоху Христианства к упадку древняя гностическая мудрость, укоренившаяся в Гондишапуре и получившая там сильное ариманическое искушающее действие, хотя и была притуплена магометанством, но всё же проникла в Африку, в Южную Европу, в Западную Европу, вошла в христианскую культуру и приняла ее формы.

Взять, например, архитектуру. Стрельчатая арка, «луковицы» церковных куполов — ведь это порождения мавританского стиля в архитектуре. Собственно европейская форма — это полуциркульная арка. Импульс Гондишапура входит в христианские монастыри — и из них изгоняется сверхчувственное, а сохраняется только чувственное. Сохраняется, как говорит Рудольф Штайнер, «тенденция, интенция», а из приглушенной мудрости той академии возникает «европейское естественнонаучное мышление» (ИПН. 184, 12.10.1918).

Особенно характерен в этом смысле Роджер Бэкон (1214–1294). Он был францисканским монахом и в то же время, можно сказать, естествоиспытателем в современном смысле этого слова. Основой метода познания природы он считал опыт, опирающийся на эксперимент и математику. Но было в этом Бэконе и нечто от арабского гностицизма — в понятие опыта он включал и внутреннее, сверхчувственное «озарение». Он был противником схоластики, монашеская братия недолюбливала его, а в марксистской истории науки его относят к ранним предшественникам материалистического естествознания.

Когда в мир пришел другой Бэкон, Фрэнсис, который был пе-

ревоплотившимся Гаруном аль Рашидом, то он нашел для себя, для своей миссии в Европе все необходимые условия. Весь западный мир был в его время уже пронизан волной нужных для него убеждений, и Бэкон, фактически, стал лишь тем, кто наиболее ясно эту волну убеждений сформулировал. «Эта волна, — поясняет Рудольф Штайнер, — живет в отдельных людях, но так, что они не знают об этом. Тот род и способ, каким они мыслят... каким они выражаются о самых важных делах жизни, в областях западной цивилизации является бэконовским также и в том случае, когда люди с Бэконом борются, когда они говорят противоположное ему. Это особенно касается не содержания, придаваемого какой-либо мировоззрительной идее, а того...[как она] относится к людским сердцам... как она встает в импульсы всемирно-исторического становления» (ИПН. 196, 1.2.1920).

Фрэнсис Бэкон является обновителем органа Аристотеля; он дал его Европе, обновив в духе арабского аристотелизма; и он, несомненно, заложил материалистической цивилизации основы ее методологии. Он дал их европейцам в то время, когда они уже не имели сил для постижения духовного и пользовались лишь направленным на чувственное рассудком. Исходя из него Бэкон сформулировал принцип нового, индуктивного метода познания и объявил эксперимент единственным основанием науки.

Методология Бэкона носит всецело номиналистический характер. Он понимал лишь частности природы, абстрагировал идеи из многообразия частных. Идеальное было для него лишь субъективным элементом в человеческом духе. Это настроение господствует и среди современных естествоиспытателей.

Рудольф Штайнер в своей книге «Мировоззрение Гёте» обращает внимание на то, какое мнение о научном методе Бэкона имел Гёте, писавши в своей «Истории учения о красках»: «Ибо хотя он (Бэкон) сам уже постоянно указывает, что частности нужно собирать только для того, чтобы затем выбирать из них, упорядочивать их и чтобы, наконец, мочь добраться до универсалий, *но отдельные случаи сохраняют у него слишком большие права*, и прежде, чем через... восхваляемую им ... индукцию приходишь к упрощению и заключению, жизнь уходит прочь и силы чахнут»*.

Но Гёте видел и положительные стороны в том вкладе в европейскую культуру, какой сделал Бэкон. Ему было присуще стремление обновить «ветхое здание» уходящей цивилизации его времени и

*) Цитир. согл. ИПН. 6, S. 36.

строить на его месте новое, для чего нужны новые, еще незнакомые материалы. Этим он оказал услугу человечеству. В то же время, говорил Гёте, план его постройки довольно неопределенный, он не манит к себе.

Двойственный характер носила и деятельность Яна Амоса Коменского, перевоплотившегося загадочного мудрого советника Гаруна аль Рашида. Его называют «учителем славянства». Его вклад в педагогику на столетия определил характер школьного обучения в Европе. Коменский с большой энергией отстаивал мысль, что духовное проходит через всё развитие человечества. И он верил, что наступит эпоха, когда человечество воспримет духовность, вчлняющуюся в это развитие. Им написана книга, которая называется «Пансофия», т.е. «Всеумдрость».

Люди справедливо находят много ценного во взглядах и делах Коменского. Однако и о Фрэнсисе Бэконе вряд ли стоит говорить лишь в духе осуждения, если мы подумаем о том, что прохождение человечества через эпоху материализма является объективной, обусловленной его мировой кармой необходимостью. Коменского и Бэкона инспирировали даже люди из круга Христиана Розенкрейца.

Ну и вообще нужно еще раз подчеркнуть, что духовное рассмотрение мирового свершения, мировых событий, никогда не сводится к осуждению одних из них и восхвалению других. Его цель — только познание, беспристрастное и бескомпромиссное. Оно называет вещи их именами, а имена у них разные: у тех, которые способствуют развитию человека, и у тех, которые ему препятствуют, которые, препятствуя, способны человека просто погубить. Мудрым водительством мира отставание, т.е. зло, введено в его развитие как составная часть, но было бы просто неразумно зло принимать напрямую как созидателя. Не может быть созидателем и заблуждение.

В этом смысле следует понимать Рудольфа Штайнера, когда он, например, говорит: «В трех умах — Монтень, Локка и Коменского — можно примерно видеть, как отказ от Логоса и обращение к чувственным вещам становится самым большим импульсом в цивилизации человечества. Возникает страх перед «идолами» (Бэкона) в словах. ... Мы видим, как пугливо Монтень, Джон Локк и Коменский хотят отвратить человечество от чего-либо сверхчувственного, живущего в Логосе. ... (Они) постоянно указывают на внечеловеческое и ищут, как избежать всего, что не может быть дано чувственно. Они стремятся через педагогику внести как можно больше чувственного в юных людей. Мы видим, как Коменский проектирует книги, которые позволили бы действовать не через слово, а через искусственно сде-

ланное чувственное созерцание*. ... Мы видим, как вся цивилизация больше не может внутренне принять, что «изначально было Слово». Вместо этого человечество привязывает то, что является цивилизацией, к чувственным фактам, а Слово, Логос принимается лишь по традиции» (ИПН. 307, 9.8.1923).

Ну и, конечно, из подсознания Бэкона и Коменского поднималось сильное действие той полемики-борьбы, которую они вели в духовном мире с Аристотелем и Александром. В лорде-канцлере Бэконе Веруламском, отмечает Рудольф Штайнер, «господствует настоящая ярость, когда он борется с аристотелизмом. Во всем проявляется подлинное бешенство, из чего видно, что дело тут уходит в глубины души. ... Возьмем сочинения Бэкона Веруламского, сочинения Амоса Коменского — и мы обнаружим в их тоне, во всем протест против аристотелизма. Как это можно объяснить?*** (ИПН. 240, 14.8.24.).

* * *

Сложно и необыкновенно интересно складывалась предыстория европейской цивилизации. Множество огромных потоков и разного рода малых рек и ручьев физического и метафизического характера сливалось в кипящее противоречиями целое этой цивилизации. Мы можем хорошо это почувствовать и на опыте личной судьбы.

Были течения, в которых действовали человеческие индивидуальности, сумевшие взять аристотелизм таким образом, что он вошел в фарватер миссии Архангела Михаэля, которая гигантским, подобным радуге мостом простерлась из V—IV столетий до Р.Х. в наши XIX, XX, в XXI столетия.

В другом потоке творилась материальная культура, необыкновенно трудная, но и необходимая человеку, задачей которого было обретение самосознания на физическом плане.

Во всей этой многообразной работе принцип преемственности, простиравшийся на многие века, осуществлялся также и с помощью

*) Благодаря ему наши дети до сих пор в первом классе учат: А — арбуз, В — верблюд, и т.д. А ведь было: Аз (Я), Буки, Веди, Глагол, Живеди.

**) Или как можно объяснить, что известный в свое время советский писатель-фантаст Ефремов вдруг написал роман об Аристотеле, пронизанный откровенной личной антипатией автора к философу? Ефремов не был философом, Аристотель жил до него за 2,5 тыс. лет. Так что же двигало его душой, когда он собрал в своей книге тысячелетие сплетни об Аристотеле и разбавил их своими литературными домыслами? — Двигало ею, видимо, подсознание, из которого пробивался опыт далекого прошлого.

реинкарнаций, поскольку пространственно-временные отношения тут были не достаточны. Таких реинкарнаций, в которых ключевые фигуры культурно-исторического процесса *сами* продолжали свое дело, было, видимо, множество. Но только посвященные высокого уровня способны это исследовать и разъяснять другим людям. Рудольф Штайнер делал это, развивая методологию своего учения об эволюции. И мы благодаря этому начинаем понимать ее не в абстрактной отвлеченности, а как то непосредственное развития, в которое мы сами включены всем своим существом.

Кому из современных людей не известен, например, дарвинизм? Всё наше жизневоззрение сформировано этим научным направлением. И тем не менее, оно часто остается для нас некой отвлеченностью. Но ярким и впечатляющим становится его образ, когда мы узнаем о его подлинных истоках. Понятным становится и его предназначение.

Рудольф Штайнер сообщает, что энергично понесший культурную задачу арабизма в начале VIII в. в Испанию военачальник арабов Гебель аль Тарик*, пройдя врата смерти, пережил в духовном мире, как ослабевает во внешней истории Европы тот импульс, который он нес сюда, и он решает вновь явиться здесь в XIX в., чтобы «отчеканивать арабизм в новой форме». Он воплощается как Чарльз Дарвин.

Наблюдая, изучая, так сказать, культуртрегерскую роль импульса Гондишапура в истории новой Европы, не следует забывать и о его подлинной, опасной сути, которая желает проявляться также и в наше время и хочет все-таки достичь своих целей. В этом случае мы имеем дело с иного рода индивидуальностями, например с предшественником Тарика, фактически положившим начало походам арабов на запад, халифом Муавиейей (661–680). Он снова воплотился в Европе как Вудро Вильсон, тот президент США, о котором Рудольф Штайнер сказал, что он был лишь оболочкой ариманического двойника. Вильсон говорил наподобие фонографа, а читая его, «можно получить впечатление, что разговариваешь с самим Ариманом, господствующим в подосновах его души» (ИПН. 192, 13.7.1919). Поэтому Рудольф Штайнер, ставя вопрос: " где мы находим упадочную, опустошенную риторику, которая подобно тому, как римская церковная риторика иезуитизма относится к ставшему инвалидом культу, относится к современному, лишенному духа естествознанию и которая несет угрозу человечеству, поскольку оно воспринимает ее

*) Его именем называется пролив Гибралтар.

спя?» — отвечает: Мы находим ее в вильсонизме! «Это вильсонизм!» (ИПН. 184, 13.10.1918).

Пресловутые 14 пунктов Вильсона, выдвинутые им в конце 1-й мировой войны, сделали неизбежной вторую; они повернули всю историю мира в направлении, куда ее теперь продолжает вести Сообщество Тени. Вильсон — это большая, знаковая фигура, знаменующая реванш ариманически-азурического импульса Гондишапура. В тесную связь с нею следует поставить и Маркса с Энгельсом. Нам не известно, были ли они когда-либо воплощены как ученики или учителя Гондишапура, но весь характер их деятельности соответствует как раз ариманически-азурическому началу его импульса. Именно арабизированный аристотелизм они развернули в диалектический материализм и в учение о диалектике природы.

Они, фактически, создали органон для социалистического эксперимента, в котором импульс Гондишапура перешел к стадии своего осуществления в социальной и духовной жизни человечества. В этом органоне, с которым начали социалистический эксперимент, старая метафизика гнозиса была заменена метафизикой материализма, что и позволяет нам говорить об оккультных корнях большевизма, который ни в коем случае не является лишь российским явлением. Всей Европе были даны новые критерии теории познания и познания природы, критерии совершенно бездуховной научности.

Маркс и Энгельс сделали это с такой интенсивностью, что старые «демоны пещеры» Фрэнсиса Бэкона забродили «по всей Европе» как призрак азурического коммунизма. Призраком здесь является и Зорат, вползающий в социальную жизнь. Под его прямым действием был начат «социалистический эксперимент». Первую его фазу Сообщество Тени решило осуществить на периферии Европы, в России, где в борьбе противоположностей двух мировых сил: иезуитизма и американо-британских тайных оккультно-политических обществ — сформировался оккультный большевизм. Используя религиозную настроенность русской души, марксистский органон был превращен в новую форму религии, которая потом распространилась по всем сторонам света.

Этот эксперимент является в первую очередь *евгеническим*. Главное в нем — это создание нового человека, который мог бы населить чисто азурическую цивилизацию планируемого будущего, а потом послужить сырьем для нового типа эволюционного цикла.

Воспитание такого человека можно начать, лишь полностью оторвав человечество от естественных корней всей его прошлой эволюции. Поэтому главным в этом эксперименте, где бы он ни осу-

ществлялся, является *геноцид*, стремление истребить старое население как непригодное в силу своей «зараженности» духовностью прошлого, чтобы можно было создавать нового человека. Речь при этом идет даже о срезании нескольких поколений, что Троцкий называл «перманентной революцией».

Цели большевизма – космические. Вот что об этом можно прочесть, например, у Мао Цзедунa: «В разные времена, в разных революциях разных наций всё время очищаются от старого, образуя новое. Всё это коренные изменения, связанные с рождением и смертью, образованием и уничтожением. Уничтожение Вселенной тоже не может быть окончательным. Что уничтожено здесь, появится, несомненно, как новое там. Я очень хочу, чтобы она уничтожилась, поскольку, уничтожив старую Вселенную, можно получить новую Вселенную. Разве новая не лучше старой!»*

С появлением в мире марксизма-вильсонизма началось планетарное осуществление проекта, которому, имея в виду его суть, можно вполне дать название «Гондишапур-2». Как и в первый раз, в нем предусмотрено прививать людям преждевременно и быстро то, чем они должны овладеть постепенно, в течение продолжительного времени. Этим объясняется осуществляемое в планетарном масштабе принудительное смешение рас. И искажением уже совсем отдаленного будущего является намерение уже теперь упразднить половые различия между людьми. По мере осуществления проекта должна будет нарастать довольно своеобразная форма группового сознания: при одновременном обострении в человеке личного эгоцентризма. Облик носителя такого сознания гениально разгадал Джордж Орвелл. Это не нео-кочевник Атали**, а «двоемысл» О’Брайен. Нео-кочевник при всем его суперэгоизме – это все-таки индивидуалист.

Фазу первичной апробации проект «Гондишапур-2» прошел в России и в ряде других этносов по всей планете. Теперь он «облокотился» на англосаксонский этнос, на носителя души сознательной в нашу эпоху. Проект коренится в опрокинутой пентаграмме зла – проекции прафеномена зла на социальную жизнь человечества. Главная из составляющих ее мировых сил образовалась в России

*) Цитир. согл.: «Девять комментариев о коммунистической партии» (Китай). Комментарий 4. Anzeigen@ Die neue Epoche.com

***) Атали всё-таки романтик – черный романтик.

после 1917 года*. Но теперь она заявляет о себе в сфере западной цивилизации, где она, возможно, в скором времени будет колоссально усилена пришествием в мир земных людей ариманической монады.

А России, пока она не «сидит на игле» перманентной революции, было бы очень полезно заняться всесторонним историческим и национальным самопознанием, чтобы в конце концов все-таки стать самосознающим субъектом истории и международных отношений, избавившись от власти распоряжающихся ею клик. Такое самопознание возможно только в том случае, если события, происходящие

*) Николай Стариков, описывая историю гражданской войны в книге, которую мы упоминали выше, дал также и описание, правда совсем слабое и фрагментарное, того, как, взаимодействуя с силами, породившими его, большевизм, вынужденный подчиняться им, лавировать между ними, оформился и окреп, используя их противоречия, как новая самостоятельная сила, заявившая претензию на мировое господство. Это могло бы быть необыкновенно важной темой самостоятельного исследования, в особенности если бы в нем была учтена многослойность, многоуровневость историко-политических событий XX века. Тогда можно было бы, например, хорошо разглядеть зарождение оккультно-политической системы большевизма как составляющей англо-американских тайных обществ, но также и политизированного католицизма, т.е. иезуитизма, для чего пришлось бы попристальнее всмотреться в некоторые детали, например в «латышских стрелков» и проч. Тогда стал бы понятнее посттроцкистский и постленинский этап существования большевизма и его внутренняя борьба, и т.д.

Но для такой работы нужны политически не ангажированные историки и политологи, а таковых пока что в России, за исключением ушедшего из жизни Александра Солженицына, встретить очень трудно.

Советский большевизм яростно желает взять реванш, снова сделать Россию сильной и кинуться в драку в пентаграмме зла ... до следующего погрома России, а там опять ее восстановить и бороться до нового краха. Таков принцип существования пентаграммы зла. И нас в России уже открыто убеждают, что иного и быть не может, что политик, проиграв, должен мгновенно вступать в «следующий акт смертельной борьбы» и т.д. Нам внушают, как и в советское время, что Россия окружена врагами, которые только и ждут, как бы ее пожрать. Но только вот интересный вопрос: почему они этого уже не сделали при Горбачеве и Ельцине, когда возможно было абсолютно всё: и Грузию присоединить к Западу, и на Украине поставить всё что угодно, любые ракеты, а не только в Польше? — Уже и тогда всё было не так просто? Так почему таким простым оно делается теперь, когда всё сводится к аксиоме: раз кругом враги, то — если не желаешь им пособничать, о Россиянин! — терпи всё, что с тобой проделывают в твоей стране? Одобряй ГУЛАГ, забудь о геноциде и т.д.

Россию действительно окружают и будут окружать враги, но только потому, что *она опять рвется назад в пентаграмму зла, откуда ее к счастью для нее выкинули.*

в мире, будут рассматриваться симптоматологически и *многослойно*, если исследующий их будет способен, расшифровывая иносказательность истории и политики, проникать до самого фундаментального слоя, до методологических основ истории и политологии как части всеобщей методологии Антропософии.

Современный конспиролог может быть в своей работе созидателем лишь в том случае, если свободно и основательно поймет, что реальность едина, являясь чувственно-сверхчувственной.

Антропософская методология — это не абстрактная, отвлеченная наука. С ее помощью не создать лозунгов, побуждающих к прямому действию. Она подходит к человеку с чем-то более серьезным, она ставит перед ним требование: прежде чем действовать, постарайся познать — если можно, то досконально — тот объект, ту часть реальности, в которую ты хочешь своими действиями внести изменения. Иначе, действуя без знания, доктринерски, односторонне, ты даже при добрых намерениях, скорее всего, нанесешь реальности вред. Не зря же сказано, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Это именно те намерения, которые не в ладах с истинным познанием.

Таковыми намерениями выше всякой меры переполнена ныне Россия. Все вроде бы желают ей добра, а добро это сводится к тому, чтобы она *стала сильной, ничего не меняя в своей сути*. И никто не хочет понять, что в таком случае еще раз повторится старое. Решение современных вопросов ищут только *в прошлом*. А там у нас по преимуществу лишь промахи, глупости, застои, жестокость, обман. Главное у России — не в прошлом, а в будущем. В его духе нужно искать себя в современном положении, учитывая ошибки прошлого.

Подлинным патриотом России может быть только тот, кто стремится сделать всё возможное, чтобы Россия никогда *не была возвращена в пентаграмму зла!* Ей нужны такая власть и такая социальная структура, которые всему миру могли бы показать и *доказать*, что она больше никогда и ни для кого не будет представлять угрозы. Ее, конечно, в любом случае будут всё равно стремиться использовать как инструмент, как дубину во внутренней борьбе сил Сообщества Тени, поэтому она, чтобы этого избежать, несомненно, должна быть сильной в военном отношении. Но: *сильной и не страшной по сути*. А такую суть ей может дать *только осуществление социальной трехчленности*, которая может стать несомненным залогом устойчивого миролюбия страны и ее народа.

Социальная трехчленность должна спасти и Европу. На ее основе должно возникать *содружество* народов и государств. Тогда пентаграмма зла рассеется, как мираж.

Три апокалиптических искушения

Прежде чем двигаться дальше в наших рассматриваниях, мы хотели бы привести здесь почти полный перевод одной лекции Рудольфа Штайнера из цикла лекций об Апокалипсисе, прочитанного в Дорнахе для священников Общины христиан (ИПН. 346).

Рудольф Штайнер *Противостояние добра и зла*

«Мои дорогие друзья, давайте попробуем перенестись в тот мир, в который автор Апокалипсиса желает ввести людей путем описания того, что произойдет в ближайшее время на Земле. Он описывает свои видения того, как разверзаются духовные миры и как земное существо человека захватывается этими духовными мирами. Но прежде он показывает три этапа, три состояния, предшествующие этому событию, с которыми нам нужно познакомиться. В каждом из этих состояний (или этапов) изображено нечто такое, что в определенном смысле сначала должно пасть, прежде чем человечество станет достойным и способным во всей чистоте принять духовный мир в свои труды, в свое мышление и в ощущения.

На первом из этих этапов падает Вавилон [...] на втором низвергается зверь и те, кто с ним связан, а именно ложные пророки, распространявшие его учение. На третьем этапе происходит низвержение божественных противосил, которые традиционно называются «Сатаной». [События] этих трех этапов при взгляде на будущее человечества, при взгляде на будущее спиритуальное воззрение относительно эволюции человечества, поистине, совершенно объективны, совершенно реальны. И имеется достаточно оснований именно в нашем столетии, в наше время, когда многое является решающим для эволюции человечества, направить душевное внимание на эти три низвержения. Ибо они в некоем виде ведь действительно произойдут после того, как Христос в первый раз явится на Земле в эфирном теле, т.е. после Его второго Пришествия на Земле. Человечеству следует подготовиться к тому, чтобы в нужное время оказаться достаточно сильным, чтобы пройти через это тройное низвержение супостатов Импульса Христа без вреда для развития души.

Не следует забывать о том, насколько точен автор Апокалипсиса. Каждый раз, когда совершается такое низвержение, у него из духовных миров спускается Ангел и мы замечаем [...] что он показывает спустившегося Ангела ликующим по поводу великих мук, ужасных

вещей, происходящих при данном низвержении; и нам нужно это ликование понять.

Но сначала рассмотрим три этапа низвержения сил Христовых супостатов. Первым идет то, что названо низвержением Вавилона. Тут нужно поставить перед душой сумму всех заблуждений, в которые может впадать человек благодаря своей человеческой природе. Всё, что годится для того, чтобы человека низводить ниже присущего ему спиритуального уровня, заключено в том, что Иоанн называет вавилонским искушением.

Человек лишь тогда [...] поистине человек, когда в нем царит полная гармония между принципами материального и спиритуального, т.е. если материальное не взрывает в не управляемых спиритуальных эмоциях. Именно в этом заключается дело, и это нужно лишь хорошо понять. Ибо и автор Апокалипсиса не смог бы говорить так, как он говорит, если бы исходил из предпосылки, что аффекты, страсти и всё, что приходит из сферы воли и сферы души, является *изначально* неправомерным. Именно объявление аффектов и страстей неправомерными, именно это ложное аскетическое стремление истекает опять-таки из эмоционального и страстного. Ибо[только] тот, кто не чувствует себя достаточно сильным так пронизать свои страсти спиритуальным, чтобы поставить их на служение хорошей эволюции мира, именно такой человек привержен своей эмоции и слабости. [...]

Таким образом, у автора Апокалипсиса дело заключается не в том, чтобы вырвать с корнем эмоции, вырвать с корнем аффекты и страсти, а в том, чтобы эмоции не оставались неподконтрольными спиритуальному. [...]

В Вавилоне, или, скорее, в области, где стоял Вавилон, были в древности поистине высокие Мистерии, в которых можно было быть посвященным в тайны сверхземного космоса, можно было соприкоснуться с тайнами звездных миров и их духовного содержания. Это было именно в Вавилоне, что старейшие вавилонские жрецы неким образом использовали силы человеческого сновидческого ясновидения, которое ныне мы называем медиумическим ясновидением. И на этом, в известном смысле медиумическом, пути сформировалось удивительное древнее вавилонское учение. [...] В древнее вавилонское время на таком пути возникали совершенно великолепные познания и откровения. Но в более позднее время и также сегодня проявляется отрицательная сторона (медиумизма). Что происходит (теперь), когда медиум возвращается в физическое тело? Видите ли, с логикой, какой пользуются в физическом мире, чтобы в нем отличать ложь от истины, в духовном мире нечего делать. [...] Там име-

ются существа, одни из которых добрые, а другие злые. И их нужно распознавать исходя из самого себя, поскольку сами они не говорят, какого они рода. Но ведь и злые существа в своем роде истинные. Это, естественно, очень трудно понять [...]

Поэтому правильно посвящаемый должен иметь для созерцания в духовном мире определенную конституцию души. Он должен чувствовать себя целиком ответственным за то, что в тот момент, когда он снова возвращается в физический мир, он должен работать с физическими понятиями. А медиум этого не может [...] Можно на самом деле сказать, что Вавилон проделал развитие от высочайших, значительнейших откровений духовного мира до ужаснейшей коррупции. [...] Поэтому Вавилон следует понимать как представителя моральной коррупции. И выражения, встречающиеся в Апокалипсисе, имеют то же значение, что и те, которые уже и тогда применялись для обозначения того, что находилось в полном упадке.

Но с тех пор всё человечество, продолжая то, что жило в вавилонском, стало во всем мире городом Вавилоном. [...] Если мы исследуем то, что действует в «вавилонской коррупции», то мы повсюду найдем, что [...] деятельным является ариманический принцип. Ариман вонзился в человека, и он является силой, которая прежде всего близко стоит к человеку внутри мирового целого. Он вонзился в эмоции, которые по этой причине деградируют.

Ариманическому противостоит как другой полюс люциферическое. В том, что приходит к падению в Вавилоне, живет ариманическое, а люциферическое противостоит этому. Какой образ должен дать Иоанн, когда он это созерцает? – Образ люциферических Ангелов с ликующим настроением. И это не должно остаться сокрытым от нас, мои дорогие друзья.

Это было всегда большим заблуждением целого ряда мировоззрений, когда считали, что именно плохое противостоит доброму... Но это не так! Здесь, в этой (19-й) главе Апокалипсиса внизу находится ариманическое – Вавилон, а сверху, где Ангелы ликуют по поводу низвержения Вавилона, – люциферическое. [...] Принцип Христа всегда является выравнивающим оба эти принципа.

Если в конституции мира правильно понимать троичность, то можно понять и то, о чем здесь говорит автор Апокалипсиса. [...] Люциферические существа хотят всю эволюцию удерживать на совсем другом духовном уровне. Они не хотят той связи, того брака духовного с материей, который возник в земном бытии. И они в своей душе чувствуют: вот, теперь, когда из земного бытия выделяется то, что захвачено Ариманом, теперь мы удовлетворены, что хотя бы часть земного бытия не будет продолжать развития и извергнется из

земной эволюции. В этом смысле грандиозная честность в постижении мира говорит из этого образа, описанного Иоанном.

Таким образом, первое низвержение, падение Вавилона, это является тем, что как заблуждение производится самим человеком. И если даже это соединено с принципом инициации, то и в этом случае это человеческое заблуждение. Когда Вавилон рушится из-за человеческого заблуждения, то часть человечества в определенный момент — мы поговорим о нем позже — выпадает из дальнейшей эволюции мира. [...]

Второе низвержение таково, что в нем участвует не только человек. [...] При низвержении зверя и ложного пророка, представляющего учение зверя, падает не человеческое, а сверхчеловеческое, падает духовное. Падает то, что не находится внутри человеческого царства. Падает зверь, вторгающийся в человеческую общину, и падает тот, кто возвещает учение зверя: ложный пророк. Мы имеем тут, таким образом, дело с тем, что может сделать людей одержимыми собой, но где действует не слабость человеческой природы, как в случае медиума, а где непосредственно сверхчеловеческое порождает в человеке импульс зла». Тут дело идет об использовании физического тела, чтобы на земле через него творить несчастье, бедствия.

«Придет время, — хочет сказать Иоанн, — когда по земле будут странствовать люди, которые не смогут выносить того, что заключено в христианском провозвестии, которые хотя и примут Христа в свои души, но со своим физическим и эфирным телом не смогут восходить до высей Христа и потому предадутся другим духам, но сделают это не с полным сознанием и потому подпадут деградации. Таковы те, кто имеется в виду в падении Вавилона.

Другие хотя и будут как люди ходить вокруг, но в силу их жребия их собственный Я-человек будет из них выделен; поэтому они не смогут считаться на земле людьми; они будут одержимы зверем и ложным пророком. Это придет после низвержения Вавилона. После его падения на земле будут существовать люди, которые будут словно странствующие демоны, в которых [совершенно] непосредственно будут действовать ариманические власти*.

Для всех такого рода вещей уже сегодня имеется достаточно предпосылок. Я бы сказал, в зародыше всё это уже имеется. Ведь уже произошел ужасный случай, когда Ариман через человека — ну пусть не через всего человека, а только по причине его временной слабости — уже выступил среди нас как писатель. Ницше был блис-

*) Таковыми, собственно говоря, и являются многие люди Сообщества Тени, задающие тон в пентаграмме зла (перев.)

тательным, грандиозным писателем, но в тот период, когда он писал «Антихриста» и «Се человек», то не индивидуальность Ницше была в нем. Я знаю индивидуальность Ницше, я даже описал ее в моем «Жизненном пути», но в этом случае Ариман непосредственно стал писателем, а Ариман — это более блестящий писатель, чем человек.

Дальше будет происходить так, что ариманические власти станут вмешиваться (в дела человека) всё больше и больше [...] пользуясь некоторыми отправлениями человеческого тела. И придет время, когда христиане должны будут при встрече того ли другого человека, серьезно ставить себе вопрос: а это, собственно, человек или пустая оболочка для ариманического духа? — К тем различиям, какие мы делаем теперь, придется добавить и это. Это будет вторым низвержением: демонизма зверя и его провозвестника. Они станут делать тела людей одержимыми собой. Но зверь и его пророк будут низвергнуты. Мы имеем, таким образом, сначала низвержение коррумпированных людей, а потом низвержение определенных коррумпированных духов, стоящих рядом с человеком. Эти духи падут сами при втором низвержении.

Далее мы имеем в Апокалипсисе третье низвержение, низвержение Сатаны. В Сатане мы имеем совсем высокое существо, которое, однако, идет иными путями, чем те, которыми можно идти на земле. В звере и ложном пророке мы имеем дело с соблазняющими человека властями, желающими человечество в его моральности и интеллектуальности привести на ложные пути. А та власть, дорогие друзья, которая имеется в виду, когда говорится о низвержении Сатаны, хочет еще чего-то совсем другого. Она хочет сбить с пути не просто всё человечество, а саму Землю. Эта власть является с земно-человеческой точки зрения ужасным супостатом Бога.

Однако гипотетически можно сказать — именно лишь гипотетически, без впадения в интеллектуальный грех, а особенно в спиритуальный грех, — сказать следующее. Если это рассматривать не с точки зрения человеческого земного развития, но подняться к более высокой точке зрения, то можно спросить: как во Вселенной эта власть Сатаны стоит по отношению к другим духам?

Да, видите ли, нет ничего удивительного в том, что Михаэль, который ведь имеет иную точку зрения, чем человек, совершенно иначе, чем человек, думает о Сатане. Люди остаются в абстрактном и думают, что Сатана — это злая сила. Но Сатана является в то же время и высокой силой (властью), хотя для направления, которым идет Земля, он — заблудившаяся власть. Но это [всё-таки] высокая власть. И Михаэль, обладающий достоинством Архангела, не имеет ранга, в который поднялся Сатана. А это ранг Перво-сил, Архаев (Духов

Личности). Михаэль — «лишь» Архангел. С точки зрения Михаэля Сатана, собственно говоря, не является силой, которую следует презирать, а силой, которой следует чрезвычайно сильно опасаться, ибо Михаэлю эта сила является как принадлежащая к Иерархии Архаев, стоящая выше, чем он сам. Только Михаэль выбирает путь, направление, идущее в смысле земного развития.

Уже давно Михаэль решил действовать в тех планетных кругах, которые предопределены бытием Солнца. Сатана же является силой, которая постоянно сидит в нашем космосе в засаде. Что-то злое содержится в этом подкарауливании, которым занят Сатана. Это можно воспринять, мои друзья, в то время, когда мы видим комету, пролетающую через наш космос, имеющую совсем другую орбиту, чем планеты. [...] По сравнению с регулярными орбитами планет, кометы имеют совершенно не регулярные орбиты. Представление, что кометы движутся по длинным эллипсам, лишено всякого смысла, но сейчас мы в это вдаваться не будем. [Остановимся на том, что] орбиты комет внутри нашего планетного космоса совершенно не соответствуют орбитам планет.

И тут подкарауливает Сатана, стремясь каждую комету, которая сюда приходит, перехватить и использовать направление ее полета для того, чтобы планеты сбить с их орбит, а с ними также и Землю. Это действительно имеет место во Вселенной, что сатанинские власти постоянно сидят в засаде, желая всю систему подвижных звезд переформировать. Но если бы такое случилось, то система этих подвижных звезд, путями которых должны двигаться люди, была бы отнята у божественно-духовных сил и введена в совершенно другие направления эволюции мира.

Михаэлем такое намерение рассматривается как ужасное заблуждение, о котором он себе говорит: я не мог бы даже иметь такого намерения, ибо оно для существ, стоящих в Иерархии Архангелов, с самого начала представляется безнадежной задачей. — Только у существ, стоящих в Иерархии Архаев, может хватить сил совершить что-то подобное. Михаэль, действующий внутри планетных орбит с Солнца и ставший тем, кого в оккультизме называют Архангелами кругооборота времен или планетными Духами, — он давно решил оставаться в своей деятельности при этом кругообороте времен. Это ангельское решение — оставаться при этом кругообороте времен.

В определенный период древнего атлантического развития в Мистериях, к которым тогда нисходили боги, можно было действительно воспринять, как воинства Архангелов, таких как Орифиэль, Анаэль, Захариэль и др., приняло решение двигаться в начертанных орбитах планет. Это возникло в определенное время.

Те мощные сонмы, которые стоят под водительством Сатаны, такого решения до сих пор не приняли. Они еще и сегодня стремятся каждый маршрут кометы использовать для того, чтобы всей планетной системе придать иную конфигурацию. Мы тут имеем дело с супостатом, противником Христа, стремящимся [...] Землю в ее связи с планетной системой — если можно так выразиться — захватить заживо. Таково третье низвержение в Апокалипсисе. [...]

Эти вещи, о которых рассказывает нам автор Апокалипсиса, необходимо предвидеть. Первый этап, низвержение Вавилона, явит заблудившихся людей, вобравших заблуждение уже в свою *физическую* конституцию, и потому не остается никаких шансов это человеческое тело, над которым Я и астральное тело совершенно утратят свое господство, также и в будущем сохранять пригодным (для жизни). От этих тел придется отказаться, но не от Я и астрального тела, принадлежащих им. Эти Я и астральные тела как таковые пойдут далее в человечестве путем кармы.

На втором этапе появятся люди — и это можно будет видеть, — о которых придется сказать: в них живут ариманические власти. Здесь Ариман действует непосредственно. Это зверь [...] который не человек, а сверхчеловек.

На третьем этапе будет замечено, что в самих законах природы проявляется нечто необъяснимое. Это будет большим, значительным опытом, который в будущем придется получить людям, узнавая: в самих законах природы происходит что-то необъяснимое, явления совершаются не в соответствии с законами природы. — Это проявится явно и сильно; и не будет просто ошибочным вычислением, когда окажется, что какая-то подвижная звезда должна стоять на таком-то месте, а она туда не пришла.

Сатане удадутся первые шаги: внести беспорядок в планетную систему. В противоположность этому само человечество должно будет развивать сильную спиритуальность. Ибо только с помощью сильной спиритуальности людей сможет быть выровнено, уравновешено то, что придет таким образом в беспорядок.

Видите ли, это вещи, которые нам нужно сегодня предвидеть, когда мы ставим перед нашей душой будущие этапы эволюции Земли и человечества. [...]

15 сентября 1924 г.

Архангел Михаэль

Мы видим, таким образом, насколько серьезным является время, в которое мы живем. Через три искушения человечества стремится отклонившийся от правильного развития Дух Личности изменить характер всей Солнечной системы с тем, чтобы далее простереть свое действие и на мир неподвижных звезд.

В ключевой точке этих действий стоит человек. Сначала от нормального развития должен быть отклонен он. Первую атаку на него ведут люциферические и ариманические Ангелы, вторую — ариманические Архангелы. Тот, кто ведет их сонмы, уже в скором времени должен будет войти в человеческое воплощение.

Рудольф Штайнер в целом ряде лекций дал широкий анализ и описание того, какие факторы нашей цивилизации и каким образом готовят это воплощение, чтобы оно прошло в благоприятном для Аримана смысле. Из этих сообщений мы узнаем, что многое, очень многое в нашей цивилизации работает на это воплощение. И потому необыкновенно трудно говорить об этом людям. Они возражают: если мы откажемся от всего этого, то мы просто выпадем из культурной и социальной жизни. — И как тут объяснить, что необходимо *видоизменить весь характер цивилизации*, для чего должен измениться сам человек, но не в ариманическом смысле?

Чем больший успех будет иметь на земле инкарнация Аримана, тем сильнее станут космические позиции Сатаны, который в ритме 666-ти лет именно в наше время вновь поднимает голову из «океана мирового становления».

Сатане, конечно, оказывают сильное противодействие нормальные существа Иерархий и Сам Христос. Пользуясь ошибками и слабостями людей, Сатана в чем-то достигнет успеха, но в целом он будет сокрушен. Сокрушать его будет Архангел Михаэль — Лик Христов. Но он нуждается в помощи людей и для этого помогает им встать на путь Христа и тем самым преодолеть природу Зората в себе. В этой работе им не обойтись без глубокого понимания спасительной для них миссии Михаэля.

В 1879 г. он в ряду семи Архангелов вступил в непосредственное управление историческим процессом, стал его Регентом и будет им оставаться в течение 300—350 лет. Но ход истории в XX веке дает основание думать, что Михаэлю пока не удастся в полную силу развернуть свое регенство.

Одна из причин тут заключается в том, что этому мешает сам человек. В своей индивидуализации он ушел так далеко, что поменялась причинно-следственная связь его с метаисторией. Теперь, ува-

жая человеческую свободу, существа Иерархий сначала извлекают следствия из поведения и дел земного человека и только потом организуют свою деятельность. Именно так поступает Михаэль в своем новом регентстве. Он направляет в мир людей свои импульсы, но всё дальнейшее зависит от того, следуют ли им люди или нет.

Об этих импульсах возвестила человечеству Антропософия. Но она встретила в мире гигантское противодействие. Участвуя в нем, люди неизбежно попадают под водительство отставших духов, творят и дальше свой «Вавилон». И потому как будто бы остается только ждать, когда он рухнет. Рухнув же, он погребет под собой очень многих. Поэтому человеку нужно «Вавилон» в себе метаморфизировать, не боясь выпасть из его «культурной» — субкультурной — жизни и инферальной социальности.

В так называемых «Антропософских руководящих положениях», написанных Рудольфом Штайнером уже в последние месяцы жизни, дано в очень концентрированной форме описание всего того, что составляет задачу человека в эпоху Михаэля, а также разъяснен характер действий Михаэля в его борьбе с драконом за человека. В этих положениях дана квинтэссенция Антропософии; их нужно изучать, конечно, целиком и в соответствии с ними строить образ своей жизни, что поможет Михаэлю в осуществлении его регенства, его борьбы.

Мы возьмем в наше рассмотрение лишь несколько мыслей из этих положений. Человек исшел из духа, овладел самосознанием и с ним должен вновь восходить в духовный мир. И «это является задачей Михаэля — вести человека на путях воли снова туда, откуда он пришел, низойдя на путях мышления от переживания сверхчувственного к переживанию чувственного своим земным сознанием» (ИПН. 26, S. 81).

Низойдя в земное, человек оказался в сфере Аримана, где развивает абстрактные идеи о природе, пользуясь личностной интеллигенцией. При этом он подпал ориентации ариманических сил. Но теперь пришло время выходить из этого состояния, чтобы следовать за Михаэлем. А следовать за ним можно только в свободе, «чтобы с силой Христа найти путь, выводящий из сферы Аримана, куда [люди] были должны прийти в силу необходимости» (Ibid., S. 86).

Михаэль уже давно наблюдает, как в Мироздании совершается объективный процесс отделения космической панинтеллигенции от источника ее происхождения, и она — «космическая интеллектуальность» — всё в большей мере направляется к человеку, а человек тем временем всё больше подпадает власти Аримана.

Но в сферу Аримана нисшел Христос, и человек должен сделать

выбор между Христом и Ариманом. Ариман же имеет своего антипода, и к человеку подступают два искусителя: Люцифер и Ариман.

Какова будет судьба космической интеллигенции в человеке — это составляет большую заботу Михаэля, ибо он есть *Управитель всей интеллигенцией Солнечной системы*. Он последовал из своей солнечной сферы за Христом и за интеллигенцией на их пути к Земле. «Он находитесь на этом пути с VIII христианского столетия», но непосредственно в свою нынешнюю «земную должность» он вступил в конце XIX в.

Михаэль не может человека принуждать. Поэтому человек, уже овладев интеллигенцией, должен свободно вернуть ее назад, в сферу Михаэля, при этом и сам взойдя туда. Часть человечества уже идет этим путем, движется за Михаэлем. «Такие люди видят, как человек в свободе, с помощью образа Михаэля должен быть в сфере Аримана ведóm от Аримана ко Христу» (Ibid., S. 92). Эти люди причастны к Мистерии Михаэля, которая идет в мир начиная с VIII-го христианского столетия. Для них «осознать по-настоящему деятельность Михаэля в духовных мировых взаимосвязях означает решить, исходя из космических взаимосвязей, загадку человеческой свободы в той мере, в какой [это] решение необходимо земному человеку» (Ibid., S. 93). В помощь человеку тут дана в первую очередь «Философия свободы» как пособие по эзотерической практике и как основа антропософской методологии.

Понимая деятельность Михаэля в современности, можно прийти и к пониманию космической сути свободы. А из свободы в среду человечества должна войти новая нравственность, нравственность «моральных интуиций», к восприятию которых ведет правильная практическая работа с «Философией свободы». В них свобода сочетается с любовью на чисто индивидуальной основе.

Противодействуя этому, Ариман подменяет свободу произволом и соединяет его с сексуальностью. Так, со знанием дела поступает он и получает человека в свою власть.

«Свободным может быть только то действие, в котором не участвует никакое природное свершение, будь то в человеке или вне человека» (Ibid., S. 113). Именно в таком действии человек соединяется с Михаэлем и благодаря этому находит путь ко Христу. Такое действие, естественно, предполагает преодоление эгоизма. Свобода, рождающая гордое чувство, что в действии я открываю *самого себя* — а именно таким предполагается быть нео-кочевнику, — ведет человека к Ариману. «Эгоизм» подлинно свободного человека выражается в любви ко всему человечеству как к самому себе.

В первой трети эпохи души сознательной в людях еще очень

сильно доминирует действие души ощущающей, они еще сильно подвержены тяге к групповому сознанию. Совершая переход от него к индивидуальному сознанию, человек совсем слабо ощущает михаэлическое действие в мире и подпадает искушению вернуться в космические силы детства. Полярно противодействуя этому, к человеку подступает Ариман, и человек рискует вообще быть оторванным от тех сил и уведенным в царство Аримана. Что человек подвергается этим опасностям – это является объективной необходимостью при прохождении им через эпоху материализма. Но чтобы при этом не получить свой «Вавилон», нужно знать, что между Люцифером и Ариманом стоит Христос. И на этом же месте являет себя Архангел Михаэль.

В еврейской древности, которая была подготовкой к Мистерии Голгофы, еврейские посвященные обращались к Михаэлю как к внешнему откровению Ягве. Теперь из посланца Ягве он стал посланцем Христа и опосредует Его откровение на его пути к людям. Это выражается в новом действии Св. Духа, которым нам дается познание Импульса Христа. Поэтому: «Можно сказать так: пути Михаэля, – а можно и иначе: пути духовнонаучного познания». (ИПН. 195, 25.12.1920). Это, по сути, одно и то же.

В нашу эпоху Михаэль восходит в ранг Духа Личности. Поэтому он становится Духом Времени, который, вероятно, «до скончания земных времен» будет предвещать дело Христа на Земле.

Михаэль – это совершенно особое существо. Он не открывается тому, кто не несет ему навстречу усердную земную работу, совершаемую во имя прогресса человечества. И он – молчаливый дух. Человек может испытать на себе силу его взгляда. Это объясняется как раз тем, что он работает со следствиями человеческих дел. Другие же духи стремятся подсказывать человеку, что ему следует делать. Михаэль ведет человека к свободе таким образом, что предоставляет его его делам, а затем их результаты несет в Космос и там действует с ними.

Михаэль хочет, чтобы люди молили о ниспослании его сил, он хочет, чтобы люди активно связывались с ним. Михаэль ясно и определенно очень во многом отказывает человеку, отказывает всему унаследованному в нем, а также, например, всему, что как разделяющее живет в человеческих языках. Он также не принимает познания, которое живет лишь в словах, в речи, а не в мыслях. «...К Михаэлю человек придет только тогда, когда через слово (сквозь слово) придет к истинному внутреннему переживанию духа...» В этом заключается тайна современного посвящения: сквозь, через слово выйти к пере-

живанию духовного. А если человек больше не мыслит в словах, то он начинает по-настоящему переживать и речь и давать ей как элементу ощущения течь в себе и из себя. (ИПН. 233а, 13.1.1924). В этом случае через само переживание речи, слова, звука можно также восходить к духу.

Забегая вперед, скажем, что зная об этом, мы легко поймем, почему так самозабвенно, самоотверженно работала с новым искусством слова, с рецитацией, самый близкий друг и сподвижник Рудольфа Штайнера Мария Штайнер, и, по свидетельству ее современников, ее учеников, достигла в этом искусстве совершенства, которое трудно описать в привычных представлениях.

Христос сказал: «...Я с вами во все дни до скончания земных времен...» (Мф. 28.20) Это означает, поясняет Рудольф Штайнер: «Я открыл вам Себя не только в те дни, когда были написаны Евангелия. Через Моего дневного Духа Михаэля Я буду постоянно говорить к вам, когда вы ищете путь ко Мне» (ИПН. 194, 22.11.1919).

Архангел Михаэль и космическая интеллигенция

В современном положении человечество сильно ослаблено из-за незнания о тех, поистине, гигантских, потрясающих событиях, которые совершаются в духовном мире на протяжении последних полутора-двух тысячелетий. События эти полны противоречий, борьбы, взлетов и падений, в ходе которых происходит духовное становление человека. Человек наталкивается на них в их внешнем, физическом проявлении, совершенно не понимая, что происходит.

В ходе тех событий сформировалась огромная, сложная карма человечества, требующая своего выравнивания и погашения. Понятие кармы после того, как возникло теософское движение, сделалось широко известным в Европе, но понятие это, придя с Востока, осталось крайне поверхностным и ассоциируется с представлением о роке. На самом же деле понятие кармы почти идентично понятию деятельности, в том смысле, как это определяет Рудольф Штайнер, что «действие и противодействие – это механизм кармы» (ИПН. 93а, S. 87).

Приходя на Землю, человек несет с собой последствия своих прошлых дел и желание дел новых. Собственно говоря, весь мир – это сплошная, непрерывная деятельность. В ней несовершенное сталкивается с совершенным и в конце концов претворяется им. Карма – это всегда что-то невыправленное в развитии, требующее чего-то

другого. Она коренится в астральном теле человека, где всё находится в непрерывном движении, в проявлениях радости, симпатии, страдания, страстей и т.д. Когда вся карма этих проявлений будет выровнена, то всё астральное тело превратится в Я-Самодух.

Именно в такого рода деятельности и пребывает человек в ходе культурно-исторического развития. Рудольф Штайнер дал уникальное и обширное раскрытие ее тайны, описал ее законы, развивая свое учение о реинкарнации и карме. Он делал это на протяжении всей своей антропософской деятельности, но особенно значительные вещи он сообщил в циклах лекций, прочитанных в начале 20-х годов. Они изданы в виде шеститомника и озаглавлены «Эзотерические рассмотрения кармических взаимосвязей» (ИПН. 235–240). Кто проработал их, уже не может оставаться прежним человеком. И глубоко трагично, что внешний мир ничего не хочет знать о них и предпочитает заниматься дешевыми спекуляциями, совершенно дилетантскими расхожими представлениями о реинкарнации и карме*. Этим его карма только обременяется. Ибо человек самопознающий имеет *долг* познавать себя и исходя из этого познания становиться духовно деятельным. Тогда придет лучшее.

Учение Рудольфа Штайнера о реинкарнации и карме составляет, можно сказать, высший раздел его теории познания. Поэтому главное в нем — это то, что говорится об интеллигенции как духовной субстанции мира. Те, кто имел отношение к Мистериям, всегда знали, что субстанция мира — это субстанция сознания, персонифицированная сонмами духовных существ. Деятельностью своего Я-сознания творят они мир и участвуют в его процессах.

Интеллигенций как неких универсальностей, предупреждает Рудольф Штайнер, не существует. «Интеллигенция — это взаимные правила поведения высших Иерархий. Что они делают, как они относятся друг к другу, каковы они в этих отношениях друг к другу — это является космической интеллигенцией» (ИПН. 237, 8.8.1924).

Человек в своей земной интеллигенции руководствуется правилами логики. Они же суть правила поведения разумных людей в их отношениях друг с другом. Характер мышления определяет и то, каков данный человек сам по себе. Своей индивидуальной интелли-

*) Например, ведется болтовня о том, что человек может перевоплощаться в разных животных. В подлинном индийском эзотеризме это говорилось в отношении Камалоки, где земной человек приобретает облик своих животных страстей. Но до Европы всё это дошло в совершенно искаженном виде.

генцией человек соприкасается с космической интеллигенцией. Это происходит с помощью Иерархии Ангелов. Всё, что находится выше ее, превосходит познавательные способности человека. Поэтому для него космическая интеллигенция есть «сумма существ из Иерархии Ангелов» (Ibid.). Их сознание опосредует для него более высокие интеллигенции. Но чтобы интеллигенцию Ангелов сделать доступной для человека, нужны особые человеческие посредники, посвященные. Рудольф Штайнер был таким посредником. Он, фактически, вместили в себя ангельскую интеллигенцию всего человеческого рода. Иными словами это можно выразить так: он вместили в себя Божественную Софию, какой Она открывается человеку, и соединил ее с сознанием земного человека. Так возникла Антропо-София. Но мы еще очень далеки от понимания сущности и значения такой Антропософии.

Рудольф Штайнер опосредовал для человечества саму интеллигенцию Ангелов — ту форму космической интеллигенции, какую она принимает в них — на ее пути к человеческому мыслящему духу. И в этом состоит главная особенность теории познания Рудольфа Штайнера*. Она могла возникнуть в результате, с одной стороны, специальной эволюции человеческого рода, в ходе которой человек стал интеллектуально мыслить и «взаимные правила поведения» иерархических существ сделались для него законами логики, а с другой — в результате совершенно невероятных изменений в космической интеллигенции, вызванных деянием Бога, в котором Он, будучи наивысшим ее единством, радикально изменил Свое *положение* в ней, а вместе с тем и все правила Своих *взаимных отношений* с интеллигентными иерархическими существами. *Вочеловечение Христа радикально изменило творящее мышление Вселенной*. Без понимания этого человеку не понять своего истинного *положения* на Земле.

До пришествия Христа мир интеллигенции был упорядочен таким образом, что ее центром было Солнце. Оно управляло интелли-

*) Одним пишущим на темы Духовной науки автором была высказана мысль, что Мироздание — это содержание сознания Рудольфа Штайнера. Не будучи раскрытой, эта мысль вызвала критику и протесты в антропософской среде. Раскрытие же ее, по нашему мнению, состоит как раз в том, что мы сказали выше. Не существование Мироздания в его космической мыслесубстанции, а форма его интеллигенции, которую способна вместить в себя интеллигенция Ангелов, стала содержанием сознания Рудольфа Штайнера. Ее он и принес нам, метаморфизировав в форму нашей земной интеллигенции. И он дал это в некоей универсальной целостности, чего до него не мог сделать никто.

генциями планет. Через Солнце интеллигенции мира неподвижных звезд входили в планетную систему, входила интеллигенция единого Бога мира. С определенного времени Христос начал пребывать на Солнце, т.е. во вратах, ведущих из большого Космоса в планетную систему. Тогда действия Христа в этой системе, действия большого Космоса, Универсума, начал опосредовать Архангел Михаэль. Он начал делать силу интеллигенции высшего Космоса приемлемой для планетарных интеллигенций.

Архангел Михаэль — высший в Иерархии Архангелов. Он является управителем всей солнечной интеллигенции, панинтеллигенции. Из всего, что предстоит человеческим органам чувств, к человеку говорит панинтеллигенция. Но она является ему и непосредственно — в откровении. Весь внутренний мир человека — это некоего рода капля панинтеллигенции, упавшая в созданные ею в эволюции три тела, словно в некую чашу.

Но вот, в мир земных людей, в отдельного человека начало нисходить мышление-бытие всей Вселенной. Оно вознамерилось уместиться в одном человеке. А это означает, что Бог пожелал отдельного, индивидуального человека сделать центром Мироздания, т.е. наделять его вселенским Я.

Когда Михаэль — Регент панинтеллигенции — обнаружил, что Христос покидает Солнце и нисходит на Землю, то он понял, что тем самым снимается его господство над панинтеллигенцией. «И Михаэль и те, кто был с ним ...смотрели вниз с Солнца на Землю и могли сказать себе: то, чем мы управляли в течение эонов, ускользнуло от нас, мы утратили его, оно устремилось вниз и теперь находится в душах людей на Земле». И далее Рудольф Штайнер говорит: «Видите ли, мои дорогие друзья, таково было настроение в общине Михаэля на Солнце. Во времена Александра (Великого) и несколько столетий до того всё обстояло так, что на Земле действовало прежнее господство Михаэля. Ко времени Мистерии Голгофы Михаэль со своей общиной был на Солнце (в Солнце). ...приверженцы Михаэля видели нисходящего Христа не так, как жители Земли, они видели Его уходящим с Солнца, и одновременно с этим они видели, как их господство над интеллигенцией постепенно выпадает из их рук» (ИПН. 240, 21.8.1924).

С тех пор это стало непрерывно длящимся процессом. В VIII—IX веках нисхождение космической интеллигенции на Землю достигло такой степени, что люди начали развивать собственные мысли, собственную, не инспирированную интеллигенцию. От VIII до XV столетия, до начала эпохи души сознательной, в культурно-историческом

процессе шло усвоение этой нисходящей интеллигенции, возникали духовные центры, где люди становились ее индивидуальными земными восприимчивыми. А после XV в. интеллигенция начала в людях умирать, становясь интеллектуальностью теневого, мертвого рассудка. «И в ближайшие столетия и тысячелетия, — говорит Рудольф Штайнер, — эта интеллигенция станет чем-то совсем другим, чем-то совершенно другим. Сегодня эта наша интеллигенция имеет в себе некоторую предрасположенность. Мы как человечество будем двигаться в развитии интеллигенции таким образом, что она будет иметь в себе склонность понимать лишь фальшь, заблуждение, обман и измышлять одно только зло» (ИПН. 296, 16.8.1919).

Так говорил Рудольф Штайнер в 1919 году, когда Средняя и Восточная Европа лежали в руинах, а в России к тому же свирепствовал социалистический эксперимент. Это значит, что уже тогда начало проявляться это свойство умирающей в человеке космической интеллигенции. Ну а в начале XXI в., оглядываясь на век прошедший, мы можем с уверенностью констатировать, что, действительно, мертвый рассудок производит вздымающееся от земли к небу зло. Все его абстрактные схемы совершенно не жизнеспособны. Они несут человечеству только страдания и смерть. И на этом пути дальше будет становиться только хуже. Человечество придет к войне «всех против всех», оказавшись вне действия Импульса Христа.

Выйти из полосы бедствий оно может, лишь метаморфизировав форму сознания, восстановив его живую связь с космической интеллигенцией на индивидуальной основе.

Дифференциация панинтеллигенции и аристотелизм

Еще до Мистерии Голгофы посвященные на земле знали, что Михаэль управляет солнечной интеллигенцией, что космическая интеллигенция, специфицированная в солнечной интеллигенции и интеллигенции других планет, хотя и соуправляется Архангелами других планет, но надо всем господствует Архангел Михаэль.

Так было в древности, но к VIII—X столетию по Р.Х. планетарные интеллигенции стали принимать во внимание, что Солнце и Земля сильно изменяются. Они увидели, что сила Солнца начинает убывать, на нем появляются потемнения, которых раньше не было; оно начинает терять силу света. Физические пятна на Солнце являются внешним проявлением утраты Михаэлем власти над панинтеллигенцией Солнечной системы. Рудольф Штайнер так говорит об этом:

«И по появлению достаточно большого числа солнечных пятен интеллигенции планет распознали, что ими больше не хотят управлять с Солнца. И они вознамерились больше не оставлять Землю в зависимости от Солнца, но чтобы она зависела напрямую от всего Космоса. Это произошло благодаря планетарному решению Архангелов. Говоря совсем конкретно, под водительством Орифиэля [Архангел Сатурна] совершалась эта эмансипация планетарных интеллигенций от интеллигенции Солнца. Это было полнейшим разделением находившихся прежде в единстве мировых властей. Солнечная интеллигенция Михаэля и планетарные интеллигенции встали постепенно в космическую оппозицию друг к другу» (ИПН. 237, 8.8.1924).

С точки зрения земных представлений это можно назвать революцией на Небе, восстанием Архангелов планет против Михаэля. В этом с особенной силой выразился принцип поляризации, движущий развитие. Но на высоком уровне Архангелов это, конечно, носило характер жертвы, приносимой ради эмансипации земного человека от всего родового и наследственного.

Всё это произошло на плане метаистории. А духи субистории, воспользовавшись происшедшим, довели эмансипацию человека в истории до абсурда, до утраты им себя, что мы в наше время наблюдаем повсеместно. Человек должен процесс своей эмансипации взять под контроль своего Я, чтобы уже как автономная личность войти в эволюцию высших существ. А то, что вытворяется с его «эмансипацией» в современном мире, есть грубая пародия на его истинную задачу. Но обратим внимание на то, что и супостаты стараются достигать своих целей считаясь с законами развития. Они только ставят добро не на его место, слишком замедляя одно и безумно ускоряя другое. В результате личность освобождается не от низшего, принуждающего, а от высшего. Интеллектуальность, возрастая, делается гордой и презрительной. А эгоизм грозит погасить личность в точке ничто.

И все-таки это неизбежные следствия процесса освобождения человека. Развитие в узловых точках лемнискат не может протекать без риска. Импульс Михаэля, например, уже в эпоху походов Александра наполнил мир духовным космополитизмом. Но ныне, извращая его, космополитизм насаждают принудительно снизу, путем марксистско-большевистских революций, а то уже и *физиологически*, по сути, принуждая расы к смешению*. Так революция, осуществляемая в духе ариманических сил, оказывается страшной реакцией, ибо,

*) «Под «ксенофобией» понимается уже любое проявление инстинкта этнического самосохранения». (Михаил Веллер)

не запугав массы и не помрачив их сознание, такие евгенические эксперименты невозможно провести в современном мире, который считается цивилизованным.

Существует Дух Времени и существует его ариманический двойник. Подлинный Дух Времени нашего отрезка истории – это Архангел Михаэль. Только он знает, как нужно действовать человеку в столь радикально изменившихся условиях. И потому нужно суметь следовать за ним.

Уход панинтеллигенции из-под его власти он воспринял как объективную необходимость. Уже за столетия до Мистерии Голгофы ему в Космосе стало видно, как догорает древняя спиритуальная мудрость, являвшаяся людям в откровении, как на земле начинает распространяться материалистический иллюзионизм и людям становится всё труднее восходить к богам в Мистериях.

Рудольф Штайнер так рассказывает об этом: «Впали в уныние дочери и сыновья древних египетских Мистерий. Ах, эти египетские Мистерии – уже ко времени Александра они настолько лишились бодрости, что, я бы сказал, производили лишь шлаки древнего чудесного металлического плавения, таких глубоких учений, какие выражались в сказании об Озирисе или в восхождении к созерцанию Сераписа. А дальше, в Азии? – Куда девались те мужественные, потрясающие восхождения в духовный мир, какими они были, например, в Мистериях Дианы в Эфесе? Даже Самофракийские Мистерии, мудрость Кабиров – в их тайну могли теперь проникать лишь те, кто в самом себе нес импульс к восхождению, к великому...» (Ibid., 1.8.1924).

Уныние, обескураженность царили не только в Мистериях, запустение возрастало повсюду. В лекциях о Пятом Евангелии (ИПН. 148) Рудольф Штайнер рассказал о том, что пережил Иисус из Назарета во время своих странствий до момента крещения на Иордане, как он созерцал на алтарях, где совершались жертвоприношения, присутствие демонов, делавших людей больными и одержимыми собой. Та эпоха была временем больших испытаний. Люди повсюду ощущали: человек не может восходить в божественный мир. И Иисус остро пережил это. Он увидел, что миру грозит хаос и «мерзость запустения».

На фоне прежней высокой мудрости Мистерий даже Платон, говорит Рудольф Штайнер, был лишь водянистым ее экстрактом. Из этого экстракта было затем Аристотелем получено нечто интеллектуальнейшее; и Александр понес это на Восток, учреждая там (не только в Александрии) академии. Да, на место центра Мистерий пришла академия!

Космическая интеллигенция начала утрачивать свой единый, все-

общий характер и втекать в головы отдельных людей, сначала, правда, совсем немногих. Но уже явно обозначилось отпадение человека от Бога, *падение* человека. И планетарные интеллигенции примирились с этим. Но сильнейшим образом в оппозицию к этому процессу встал Архангел Михаэль. «Это было тогда словом Михаэля: человек должен прийти к панинтеллигенции, к постижению Божественного на земле в безгрешной форме» (Ibid., 1.8.1924). Таковым стало отличие Михаэля от других Архангелов.

В кругу тех, кто следовал за Михаэлем в эпоху его прошлого правления, он поставил мировую цель: когда после эпох правления других шести Архангелов на земле снова наступит его эпоха (с 1879 г.), он должен в сердцах людей прийти к управлению той интеллигенцией, которой он прежде управлял с Солнца. Это означало, что человечество должно будет, пройдя через эпоху материализма и интеллектуализма, снова подняться к созерцанию сверхчувственных мысле-существ, обретя это как форму индивидуального мышления. То есть Михаэлем была поставлена задача во время от Мистерии Голгофы до начала XX в. возвращать такую культуру мышления (наравне с грубеющей интеллектуальностью), которая подготовила бы метаморфозу *формы* человеческого сознания, чтобы человек мог подступить к космической интеллигенции и помочь Михаэлю восстановить панинтеллигенцию, некогда ушедшую от него. В этом должен состоять новый метод восхождения в сверхчувственные миры.

Именно чтобы сделаться способным на это, человек должен был сначала стать рассудочным. Аристотелизм на закате греческой спиритуальности положил этому начало, что потом получило гигантское развитие в форме философии и метафизики, а затем просто естествознания. Об Аристотеле Рудольф Штайнер также говорит, что он «вылушил» земную интеллигенцию из космической. И с ее земной судьбой соединилась обращенная на земное миссия Михаэля.

Аристотелизм приобрел судьбоносный для человечества характер.

Аристотелем были, фактически, заложены первоосновы методологии современной цивилизации. Но путь аристотелизма в нашу эпоху оказался крайне извилистым. Сам же Аристотель, а с ним и Александр в основном были обращены к панинтеллигенции Михаэля. Поэтому индивидуальная интеллигенция не нашла места в системе учения Аристотеля. Именно *такой* Аристотель был воспринят и законсервирован арабской ученостью. Поэтому учителя арабизма стояли на точке зрения, что *индивидуального* бессмертия не существует.

Но аристотелизм возник в истории культуры не как догма, а как

живой процесс становления индивидуального духа. И тот аристотелизм, который разрабатывали учителя высокой схоластики, был, говорит Рудольф Штайнер, «благословением» для Европы. Но в XIX в. Аристотеля, фактически, потеряли, и по той причине, что он, войдя в академическую науку, стал объектом *изучения*, тогда как на самом деле его сочинения должны браться как своды *духовных упражнений*. «Логические сочинения Аристотеля в определенном отношении правильно постигаются лишь в том случае, если берутся как медитативные упражнения» (ИПН. 233, 29.12.1923). Именно такими их, пришедших в Европу через Теофраста, и переживали в школе схоластики.

Чтобы нам, людям современности, это понять и принять, нужно еще усвоить нечто другое: что интеллектуализм пришел из опыта Мистерий древности. И те, кто стоит у его истоков, были в те Мистерии посвящены. И Аристотель, и Александр в своих предыдущих воплощениях прошли через инициацию в Эфесских Мистериях. Рудольф Штайнер, давая описание этих Мистерий, говорит, что ученики в них приходили к реальному переживанию планетарных интеллигенций. «...Внутренне светлой, красочной была духовная жизнь в Эфесе... [и в ней] содержалось то, что в Пасхальной мысли сводит в единство всё, что человек узнаёт о своем достоинстве в Космосе. ... О, сколь безгранично много произошло в ходе столетий для тех, кто принадлежал к храму в Эфесе! Сколь много духовного света и мудрости прошло через пространства того храма! ... непрерывный праздник Пасхи в Эфесе, который был замкнут в храмовом пространстве, вписан с того времени [после пожара храма. — *Авт.*] ... во всё Мироздание, в эфирный Собор Мироздания» (ИПН. 233а, 22.4.1924).

С тем светом и мудростью в душе Аристотель и Александр в своем новом воплощении подошли к Самофракийским Мистериям кабиров, которые пробудили в них воспоминание о прошлом, и в воспоминании возникла сила творить новое; они поняли, «что означал пожар в Эфесе, как этот пожар внес в мировые эфирные дали то, что составляло тайну Эфеса... в них обоих возникла инспирация основать мировую *письменность*. ...И так возникли буквы мировой письменности» (Ibid.). Ими стали категории Аристотеля: количество, или число, качество, или свойство, отношение, пространство, время, положение, деяние, страдание.

Если правильно воспользоваться этими категориями Аристотелевой логики, то можно читать в мировой интеллигенции. — Читать с помощью этих «букв», а не останавливаться на самих буквах. Тогда в них откроется глубокий эзотерический смысл. В них как в мировом алфавите, который отразился на поверхности человеческого мозга и

который должен ожить в человеческой душе, содержатся все тайны Мироздания. Но рефлектирующему мышлению их никогда не открыть. Ариманизированный рассудок не хочет этого делать. Ему достаточно лишь мертвого. Он умертвил и естествознание Аристотеля. Окольными путями это естествознание пришло в Европу и сначала привлекло к себе такие умы, как Яков Бёме, Парацельс, но ходу ему не дали.

Мы уже говорили, что Аристотель передал Александру перед его походом на Восток свое естествознание, в котором также сохранялся отблеск мудрости Эфесских Мистерий. Это естествознание нужно было воспринимать душой как эзотерический праксис. Оно тоже было путем упражнений, делаемых для вхождения в духовный мир. Таковым его воспринимали и так занимались им средневековые алхимики-розенкрейцеры. Однако и им в новых условиях открывались уже не планетарные интеллигенции, а элементарные духи природы. Потом исчезли и эти духи. Вместо алхимических элементов начали изучать химические вещества. Так развитие Аристотелева наследия пошло по нисходящей линии. Но было не только это. Через всю историю последних 2,5 тыс. лет прошла линия михаэлического развития аристотелизма. В ней он постоянно прогрессивно видоизменялся, а вместе с ним и те, кто был связан с ним.

Пройдя врата смерти, Аристотель и Александр вошли в солнечную общину Михаэля и с тех пор остаются постоянно связанными с ней как в своем духовном бытии, так и при нисхождении к земным воплощениям.

Борьба Михаэля с драконом

Человек обрел свою индивидуальную интеллигенцию в земных воплощениях благодаря тому, что нашел отношение к Земле. В этом ему помогли Люцифер и Ариман. И теперь они стоят по обе стороны от него, вызывая в его душе определенного рода разрывающее действие. Человек в этой своей констелляции напоминает Озириса. Новый Тифон, люциферически-ариманическая сила, тянет его одновременно и назад вверх и вперед вниз. Таков крест, который человек должен нести в новой эпохе. Он необыкновенно тяжел, если его не нести, следуя за Христом. Михаэль помогает человеку выбрать именно такой род несения его. Действие Михаэля укрепляет человека в центре креста его судьбы и кармы, чтобы он был способен силой Я удержи-

вать равновесие между полярно противоположными воздействиями на него, взаимно нейтрализуя, погашая их.

Люцифер в человеке восстает против погружения интеллигенции в царство Аримана. Ему хотелось бы вернуть человека в старое, полусновидческое созерцание духовного мира. И он выступает за безусловное господство космической панинтеллигенции.

Ариман стремится интеллигенцию оторвать от божественного мира, пользуясь тем, что она раскололась и вошла в человека. Ему хотелось бы всю ее стянуть в свое субъективное, но овнутрить ее он не способен. Она остается в нем холодной и бездушной. Пользуясь ею, человек логику ариманизировал, сделал ее безжалостной, бессердечной.

В такого рода констелляцию земного человека вступает Михаэль: «...между люциферическим образом мира и ариманическим мировым рассудком». У Михаэля образ мира становится «полным мудрости мировым откровением, которое мировой рассудок раскрывает как Божественное мировое действие. В этом мировом действии живет работа Христа о человечестве. И оно, таким образом, из Михаэлева мирового откровения может открываться человеческому сердцу» (ИПН. 26, S. 131). Так сжато, афористично характеризует Рудольф Штайнер новейшую констелляцию человека, в которой он должен найти связь Земли с Небом и уверенно шествовать к овладению высшим Я.

Михаэль последовал за мировой интеллигенцией вплоть до ее конечного нисхождения на земной план, а теперь он идет в обратном направлении, приглашая человека следовать за собой. Чтобы мочь это сделать, человек должен научиться действовать, исходя из любви к поступку, а не к себе (как это имеет место у Аримана). Человек должен также научиться различать, когда мысли приходят от Михаэля, а когда от Аримана. Михаэль имеет мысли как *служитель* высших сил, благодаря которым он, как и человек, некогда обрел бытие. И он никогда, в отличие от Аримана, интеллектуальность не «присваивал». Он управляет ею как божественной духовной силой. «Благодаря этому, когда он пронизывает интеллектуальность, в ней обнаруживается способность настолько же хорошо быть выражением сердца, души, как и головы, духа» (Ibid., S. 115). Благодаря этому становится достижимой подлинная человеческая свобода, которая совершенно невозможна без приведения индивидуального сознания, интеллектуальности в связь с *мировым* мышлением, которое проявляется в человеке. Мир строит в человеке, когда он в восприятиях чувств, в чувствовании, а также и в мышлении-созерцании становится как индивидуум мировым содержанием.

Таким принципам должен следовать человек, если желает, чтобы Михаэль вывел его из царства Аримана. Эта работа носит эволюционный характер, ибо на человеке лежит часть мировой кармы, кармы эволюции. От прошлого нельзя просто оторваться, его надо изжить, метаморфизировать в силы будущего, создав тем самым в себе возможность творить новое.

Что человек со своим низшим «я» оказался стоящим между Люцифером и Ариманом, есть следствие обретения им в земных условиях самосознания. В этом состоял высший смысл их отставания. Но в силу объективных условий развития отставание связано и с отпадением от Бога, что само по себе есть зло. Отставшая часть Иерархии Ангелов была поэтому свергнута на Землю в самом начале ее материализации. Ягве в это время астрально формировал в человеке нервную систему, его голову и позвоночник. Люцифер вмешался в этот процесс, вмешался в астральное тело человека. Поэтому говорят, что

падшие Ангелы, будучи низвергнутыми на Землю, воплотились в форму змеи, духовно имеют образ змеи с человеческой головой. Так имеем мы с тех пор дело с люциферически-ариманическим драконом. (Эта промежуточная человеческая форма, перестав эволюционировать, деградировала и материализовалась в царстве животных, в царстве рептилий.) Человеку нужно его побороть, чтобы спасти его, уплатив тем кармический долг своего развития.

Нужно вернуть Михаэлю отпавшую от него интеллектуальность, а для этого ее нужно облагородить и возвысить. За это ведет Михаэль борьбу с драконом и взвешивает на весах кармы взнос человека в эту борьбу.

Михаэль с определенного времени способствовал нисхождению панинтеллигенции в человеческое царство. Но тем самым он изгнал падших Ангелов на Землю, изгнал в человека, в его голову. Он создал положение, в котором человек не может начать восходить, не начав побеждать в себе, метаморфизировать люциферически-ариманического дракона. Делать это можно только со знанием дела, поэтому Михаэль инспирировал приход на землю Антропософии. Благодаря ей мы узнаем, почему и как именно дракон сидит в человеке. Это есть результат эволюции. Но в ходе ее Бог стал человеком, чтобы дракона в нем победить.

Рудольф Штайнер раскрывает гигантскую панораму того, как за завесой внешних чувств идет борьба с драконом, вплетаясь в мировые ритмы. Особенно острой она стала в последние примерно 150 лет. В 1879 г., когда Михаэль вступил в свое очередное правление, он еще раз сверг дракона на Землю. Он делал это не раз и в прошлом, но тогда действия люциферических и ариманических сил были иные, чем теперь, ибо тогда еще не существовало индивидуального интеллектуального человека.

* * *

Люциферические Ангелы были свергнуты Михаэлем на Землю за их «своеволие», за то, что они не захотели ждать нужного для них момента, когда они могли бы нормально пройти через человеческую стадию развития. Они захотели иметь самостоятельную волю тогда, когда это было возможно получить лишь в сгущающейся материальности. И Михаэль тогда решил «принудить строптивное существо принять форму, которая была единственно подходившей самостоятельной воле в том состоянии мира: животную форму дракона, «змеи». Вы-

сших животных обликов тогда еще не существовало. Этого «дракона» следует, конечно, представлять себе видимым лишь сверхчужденно (ИПН. 36, S. 339).

Этот дракон искусил человека в Раю, проявив тем самым вновь свое «своеволие». При этом он угнездился в низшей, животной природе человека, где рождаются вожеления, откуда приходят низкие инстинкты. Человек пал, но внутри его Михаэль повел борьбу с драконом.

Это произошло в Лемурийскую эпоху. А в Атлантическую эпоху Люцифер пришел в связь с Ариманом. Вместе они повели борьбу с духами света, с Ангелами нормального развития. Позже, когда интеллигенции планет начали «восставать» против Михаэля, часть этих Ангелов сохранила ему верность. Это те же самые Ангелы, которые в зоне Луны ушли вместе с выделившимся Солнцем, о чем у нас уже шла речь в третьей главе.

Что же касается «духов тьмы», то они в те отдаленные коренные расы хотели в общем-то лучшего для человека, но в том смысле, как это понимали они: «...они хотели напечатлеть людям абсолютную свободу, для чего те в то время, конечно, не были зрелы. Они хотели снабдить людей теми импульсами, благодаря которым каждый отдельный человек был бы индивидуально поставлен на самого себя. Но такого (тогда) не должно было происходить, поскольку человечество было для этого не зрело» (ИПН. 177, 26.10.1917). (Мы видим, таким образом, каким древним был метод, которым пользовались в Гондипауре и пользуются до сих пор духи тьмы.)

Если бы человек в праотдаленные времена получил черты самостоятельной индивидуальности, то он начал бы одухотворяться, восходить в высшие сферы, еще не став вполне человеком. Поэтому духи света, противодействуя духам тьмы, изгнали человека с астрального плана (из Рая) в плотные сферы Земли, а там ввели его в эволюцию видов, в поток наследственности, оперев его не на себя, а на видовое, а потом родовое. Это обременило человека земными качествами, кровно-родственной любовью, наследованием качеств от предков. Поэтому во всех религиях древности мы находим символы зачатия, символы наследования. (Их нынешние пошлые интерпретации всецело обусловлены испорченностью современного человека.)

Водителем в той работе духов света был Дух Формы Ягве. Его законом упорядочивались в первую очередь кровные связи. Духи тьмы бунтовали против этого, против расовых, племенных и т.п. связей. Они хотели введения законов, которые поддерживали бы индивидуальную свободу человека. В течении 2–3 тысяч лет до начала эпохи

души сознательной можно наблюдать, отмечает Рудольф Штайнер, как повсюду прорастают учения, направленные против естественных связей людей, будь то семейных или народных, против уз родства.

В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что и Христос, когда Он странствовал по земле, призвал людей отходить от кровно-родственных связей и обращаться к связям духовным: «И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои» (Мф. 12, 49); «Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью его... И враги человеку домашние его» (Мф. 10, 35–36). Легко представить себе, какое негодование эти слова должны были вызывать у приверженцев Ягве.

Но читая это в Евангелиях, мы не должны думать, будто бы Христос вставал на сторону духов тьмы. Нет, тогда занималась новая эпоха и многие знаки прошлого менялись на противоположные. Кто не мог этого понять и принять, следовать за Христом не мог. И так это остается до сих пор, когда мы наблюдаем, например, как Христианству желают придать черты народной религии, когда ягвезируют его. После Мистерии Голгофы духи света побуждают человека к индивидуальной свободе, а духи тьмы делают то, что духи света делали прежде. В смысле новых задач духов света высказывается Христос.

Духи тьмы проявляются теперь в феноменах национализма. Они говорили через Вудро Вильсона, который своими 14 пунктами положил начало конфронтации и обособлению народов и даже самых малых национальных групп. Народы теперь не просто разделяются, обособляются, но делают это крайне враждебно по отношению друг к другу. А громкие крики об интернационализме, о расовом равенстве и т.д. только мешают понимать происходящее. Ведь и в большевистском эксперименте выведение нового типа человека с помощью искусственного отбора преследовало цель целые народы превращать в некоего рода гигантские семьи. Хотели создать человека с новой родовой сущностью, которая изжила себя уже в эпоху Мистерии Голгофы.

Рудольф Штайнер, вскрывая метаисторический аспект смены эпох, говорит, что нашего времени не понять, если не знать, что *в последней трети XIX в. произошел окончательный обмен функциями у разных видов духов*. Если даже еще в XIV в. можно было говорить об идеале расы, нации, племенной принадлежности, имея в виду прогрессивное развитие, то ныне всё это ведет к деградации, к закату человечества.

Но тут опять-таки этим пользуются ариманически-азурические силы, пытаясь стереть все национальные различия между людьми пу-

тем смешения рас. Но дело то идет о *духовном* преодолении расовых, кровных связей, а не о том, чтобы дети отворачивались от родителей, испытывали антипатию к ним, чтобы разражалась межэтническая резня, чтобы вместо многообразия культур царил интернационально глухой стук барабана и инфернальные крики рок-интернационалистов.

Так замысловато вводит человека в заблуждение люциферически-ариманический дракон, свергнутый Михаэлем с неба на землю. В 40-х годах XIX в. начал Михаэль с ним новый этап борьбы, которая, как об этом сообщает Рудольф Штайнер, закончилась осенью 1879 года; она закончилась низвержением духов тьмы на землю, в человеческие головы, и они стали там после того сильно и весьма своеобразно проявляться.

Рудольф Штайнер не дает специальных разъяснений, почему борьба Михаэля с драконом началась в 40-х годах XIX века, но в одной из записных книжек у него имеется много говорящее вычисление:

$$\ll 2160 : 5 = 432 \quad 1413 + 432 = 1845 \gg \text{(В. 69/70, S. 27).}$$

Он делит, как мы видим, продолжительность одной культурной эпохи на пять, т.е. на число человека, и полученное число лет прибавляет к году начала нашей культурной эпохи.

Та борьба, говорит Рудольф Штайнер, началась в 1841 г., а в 1845 г. достигла максимального накала. И если 1879-й год взять за точку опоры новых исторических весов (прежняя находится в 333-м году), то на их противоположных концах мы получим следующие даты (рис. 47):

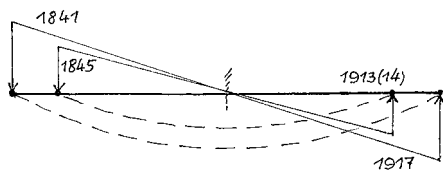

Рис. 47

Так действием мировых и исторических ритмов объясняется возникновение самых трагичных событий XX в. Они, фактически, явились перенесением небесной борьбы Архангела Михаэля на земной план, где план метаистории столкнулся с планом субистории. В тех событиях духи тьмы попытались взять реванш за проигранную в духовном мире войну. На всё это, естественно наложилось проявление Зората, действующего в ритме 666-ти лет. А в результате возникают

огромные трудности и опасности для развития человека на земле. Они переходят и в XXI век, беря за точку опоры 1998-й год. Тут возникает еще одна симметрия исторических событий, которая еще не изучена.

Вступив в 1879 г. в свое новое правление, Михаэль положил конец древнему ночному способу получать откровения. С тех пор каждый человек должен мыслить сам и силой индивидуального мышления в свободе искать связь с духовным миром. Свергнутые же в его голову Михаэлем люциферические Ангелы побуждают его ко всему тому, что в свое время вошло в моду как спиритизм, а теперь носит название парапсихологии. У парапсихологов (экстрасенсов) побуждает Люцифер людей искать ответы на волнующие их вопросы.

Ариманические духи, свергнутые в 1879 г., подступают к человеку снизу, из духовных сфер внутреннего Земли, из сил магнетизма, электричества, гравитации. Они делают интеллигенцию человека необыкновенно изобретательной, пытаясь впрячь ее в «думающие» машины и т.п. Они же рожают в человеке и мертвые схемы переустройства мира. «Личной собственностью людей, — говорит Рудольф Штайнер, — стали эти ариманические импульсы, а именно силы познания и воли, с осени 1879 г.» (ИПН. 177, 14.10.1917). В этих импульсах действует воля и намерение Аримана упразднить *всё*, что пришло с прошлой эволюцией, и начать новый, азурический эволюционный цикл.

* * *

Люциферически-ариманический дракон действует в человеке, стремясь использовать его в своих целях, но он есть и часть эволюции человека, в которой тот достиг индивидуального сознания. Боги не зря допустили существование двух супостатов, полярно противоположных один другому. Борясь между собой, они, подобно молоту и наковальне, «куют» в человеческом земном существе многое такое, без чего человек не смог бы быть человеком. Но этим, разумеется, дело не кончается. Как подлинное и высшее в человеке между Люцифером и Ариманом стоит Христос.

Благодаря райскому искушению и изгнанию на Землю обрели мы в конце концов собственную интеллигенцию. Однако она не делает нас вполне личностью. Мы получили ее благодаря тому, что Михаэль сверг люциферических и ариманических духов в сферу человека. И наша интеллигенция в силу этого весьма своеобразна. Это не

вполне чистая «капля» панинтеллекции. Рудольф Штайнер говорит: «Мы встречаемся друг с другом с нашими личными интересами, и в отношении наших личных интересов мы индивидуализированы. Но эта индивидуализация останавливается перед интеллекцией. В отношении интеллекции, в отношении логики мы, все люди, имеем одно и то же и считаемся с этим общим для всех» (ИПН. 194, 23.11.1919). Импульс интеллекции имеет в себе нечто принуждающее.

Но совершенно иное дело — Импульс Христа. К нему нельзя выработать никакого иного, как только личное отношение. «Импульс Христа может быть одним и тем же для всего человечества и тем не менее являться для каждого отдельного человека личным делом» (Ibid.).

А далее в человеке всё происходит таким образом, что боги, предоставив Ариману минерализовать голову, чтобы она смогла рефлексировать лучи панинтеллекции, вызвали в ней процесс умирания. Так, мысля благодаря Ариману, мы одновременно и спасаемся от него через отмирание клеток мозга и высвобождения из них эфирного тела.

С этим умиранием головы в нас борется Люцифер, борется с Ариманом, не давая интеллекции застыть в логических схемах. Люциферические духи стремятся сделать голову такой же живой, как и остальной организм. Если бы им удалось это сделать, то интеллекция в нас стала бы субстанциональной, но я-сознание помрачилось бы. Человек пришел бы к созерцающему мышлению не путем индивидуальной работы, а за счет простого отказа от мышления, т.е. медиумически.

Силы смерти Аримана уместны в голове. Они позволяют людям рассудочно мыслить и понимать друг друга. Но подлинным Я-существом человек с помощью принудительной логики никогда не станет. С другой стороны, он воспаряет в свободной фантазии, но, ослабевая как индивидуальность, подпадает заблуждению. Таков люциферически-ариманический дуализм.

Михаэль побеждает его в человеке, если тот принимает участие в его борьбе с драконом. А участвовать в ней можно, снимая низшее, пронизанное отставшими духами «я», рефлексию и целенаправленно восходя к созерцающему мышлению. Оно — живое. Но не витальность тела оживляет его, а чистая, свободная от ариманизированных желаний *воля*. Люциферизированная фантазия становится при этом *моральной фантазией*. А в ней действует высшее Я человека, которое ему принес Христос. Так Михаэль ведет человека ко Христу. В вы-

сшем Я все люди снова сливаются в одно и в то же время каждый остается неповторимой индивидуальностью.

Чтобы прийти ко Христу, личное должно быть очищено от всего группового и эгоистического, от игры вождельений. Никаким научно-техническим прогрессом, никакой парламентской борьбой, финансовыми реформами и т.п. человечеству дракона не победить. А оставаясь непобежденным, он без конца будет ввергать человечество в войны, в страдания, которые не ведут к очищению. Опыт двух мировых войн убедительно это доказал.

Не следует, однако, думать, что любое социальное действие в силу этого бессмысленно. Нет, социальным устройством можно создать более благоприятные условия для борьбы человека с драконом. Для этого нужно расколоть социальный монолит власти, на котором может рождаться только диктатура. Нужно социальную структуру общества раздробить на три суверенные части: политическую, духовную и хозяйственную. Такая трехчленность будет соответствовать задачам социального освобождения трехчленного человеческого существа.

Но решающим при всех условиях отстается индивидуальная работа человека над собой, работа в духе борьбы Архангела Михаэля с драконом.

Духовное знание и противодействие ему

Антропософия пришла в мир как откровение нового Св. Духа, «свидетельствующего» людям о Христе. Его, «Духа истины и познания», «подателя духовного мужества», Христос обещал послать людям, сказав при этом, что «Он придет для того, чтобы призвать человечество к ответу за закоснение в болезни грехов, чтобы пронизать его высшим бытием и в связи с великой мировой развязкой. ... ибо над владыкой преходящего уже произнесен приговор» (Ин. 16, 8—12; согл. перев. Эмиля Бокка).

«Владыка преходящего» — это Ариман. Спор с ним в сфере духа уже решен. Михаэль будет всегда попирает его, но совсем иное дело — как «мировая развязка» осуществляется в сфере людей и в отдельном человеке.

Антропософия принесла новое откровение Св. Духа мыслящему человеческому сознанию. Иначе, как только через индивидуальное понимание, доступа к этому откровению нет. И это понимание должно охватить и свершение в нашу эпоху гигантского мирового поворо-

та в развитии. Нежелание знать о нем есть выражение закоснелости в «болезни грехов». Ибо к болезни и смерти ведут оживление мышления силой Люцифера и наполнение воли произволом Аримана. Эти болезни выражаются во всеобщей деградации телесности современного интеллектуального человечества, но также и в болезнях души.

Но всё это можно преодолеть, заставив ставшее косным метаморфизироваться и совершать переход от всеобщего эволюционного нисхождения ко всеобщему восхождению. Начать этот процесс человеку мешает дракон интеллектуальности, лишаящий интеллигенцию в человеке жизни или растворяющий ее в актах массового внушения. В страхе перед абстрактностью человек кидается в другую крайность, в объятия Люцифера: в туманную мистику, экстрасенсорику и т.п.

Особенно трагично бегство от дракона выражается у современной молодежи. Инстинктивно, в смутном ощущении она переживает присутствие дракона и при этом ничего не знает о Михаэле. Все так называемые движения хиппи, панков, одержимость оргиями рок-«концертов», не знающая никаких тормозов сексуальная распущенность, вернее сказать превращение этой распущенности в обыденный атрибут жизни, наконец, наркомания — всё это является выражением страха перед опасностью быть душевно проглоченным драконом и желания убежать от него. Но объяснить это молодежи никто не хочет. Напротив, ей даже прививают некий иммунитет против способности понимать, выражаясь по-современному — иммунодефицит.

«...Любой глупец может сказать ныне, — замечает Рудольф Штайнер, — что это неправда, когда внешнюю науку называют драконом. Она же, однако, является драконом» (ИПН. 217, 15.10.1922). И те, кого она уже поглотила, занимаются изобретениями любого рода средств массового истребления людей, генетического изменения типа личности и т.д. А главное — она своим материалистическим воззрением затопила уже весь мир.

Но с такой судьбой смиряются не все, и потому многие бегут от благ цивилизации, от ее унифицированности, бегут от родителей, которых переживают «проглоченными». Бегут от больших городов, надеясь найти убежище в природе; наконец, — бегут от самих себя, что сделать особенно трудно.

«Но тут имеется одна тайна, — говорит Рудольф Штайнер, — и она состоит в том, что дракон в состоянии проявить свою власть повсюду, также и там, где пространственно он не присутствует. И если ему не удастся прямо, через идеи, через интеллектуализм убивать [духовно] людей, то ему это удастся делать с помощью того, что повсюду в мире

он сделал воздух настолько тонким, что им нельзя дышать» (Ibid.)*. Некоего рода тонкое удушье вызывает дракон, и молодежь, не имея возможности дышать будущим, переживает кошмар прошлого, от которого стремится всячески избавиться. Этот кошмар встает в душе изнутри. Но он мало отличается от давления, оказываемого драконом извне. Это ложится на душу как бремя, разрушая душевный ритм, ритм дыхания.

По этой причине в мире разрослась до гигантских масштабов привычка курить. Рудольф Штайнер говорит, что хотя курение и очень вредно для здоровья, но оно на короткое время восстанавливает в человеке внутренний ритм, снимает душевный стресс, чувство микродушья. Поэтому идущая теперь в мире кампания борьбы с курением, видимо, приведет к росту наркомании и психопатологии. Она никак не связана с заботой о здоровье человека**.

Изгнание духов тьмы из духовных сфер позволило принести людям духовное знание. Но здесь, на земле духи тьмы прибегают к очень эффективным методам, чтобы это знание оттолкнуть, изолировать, исказить, о чем особенно заботится прафеномен зла и его проекция на социальный план. Действующие там люди хотят знание иметь только для себя, чтобы пользоваться им для своей борьбы и господства.

Об этом многократно говорил Рудольф Штайнер. Вот одно из таких его высказываний: в мире имеется, с одной стороны, острейшая необходимость «правильным образом сопровождать человечество, пользуясь тем, что оно воспринимает спиритуальное знание; с другой же стороны [мы видим], — закрытые оккультные братства наихудшего сорта, как раз не желающие, чтобы это знание распространялось среди людей, [они хотят] чтобы люди оставались глупыми в отношении духовного мира, оставались безрассудными и чтобы тогда те, кто

*) В наше время к этому добавилась опасность, что будет загублен солнечный свет. Мы имеем в виду так наз. «Chemtrails» — ежедневно распыляемая самолетами на большой высоте бариево-алюминиевая пудра. С помощью ее, как утверждают, борются с потеплением климата. Но информацию об этих полосах, которые почти ежедневно покрывают небо Европы и других континентов порой просто в крупную клетку, всячески скрывают. Кое-какие публикации, однако, все же появляются. См., например, большую научную статью в журнале «Magazin 2000 plus», № 211, 2005 или заметки в бернской газете «Freitag» от 6.10.2006, в цюрихском «Facts» от 31.7.2003. Но в последние два года такие публикации, кажется, прекратились.

**) В Нью-Йорке запретили курить на океанском пляже длиной 25 км.

находится в накрепко закрытых братствах, могли совершать оттуда свои махинации» (ИПН. 178, 13.11.1917).

Поэтому в наше время не достаточно только говорить о том, что Михаэль ведет борьбу с драконом и сверг его на землю, — нужно хорошо распознавать действия дракона на земле и в человеке.

Всё, что происходит на земле, имеет свою длинную предысторию в развитии. А в прошлом делалось немало для того, чтоб подготовить людей к испытаниям нашего времени. И сейчас Архангел Михаэль и Христос стоят на стороне человека. Во внешнем объективном духовном мире Михаэль уже победил дракона. То, чего дракон хочет достичь в развитии человечества, он не достигнет, но перед человеком при этом стоит поистине великая задача: из свободного решения соучаствовать в победе Михаэля над драконом в себе самом. Для этого нужно преодолеть духовную пассивность, которую навевает на нас дракон.

Не политическая борьба с Сообществом Тени составляет задачу духоиспытателя, а правильное понимание его дел и его сущности. Без духопознания этого достичь нельзя.

Чтобы соединиться с силой Михаэля, нужна исполненная любви воля сделать себя его оружием. Тогда, служа Михаэлю, мы будем идти ко Христу. Он же возводит индивидуальное в человеке в Макрокосмос.

Михаэль не желает, чтобы к нему прибегали, лишь спасаясь от дракона. Он хочет, чтобы человек с внутренней энергией воспринял учение о духовном мире и тогда постарался бы стать приверженцем Михаэля, *михаэлитом*. В нашем мире, возможно, существует немало людей, которые в силу их кармы несут в себе предрасположенность к Духовной науке. Им нужно только разгадать себя.

Аристотелики

Уже в предыдущую эпоху своего правления Михаэль видел, куда направляется ход мирового развития, что созерцание сверхчувственного мира уходит от людей и потому этот мир должен иным, косвенным образом подходить к человеку — через чувственную реальность. Человек перестал видеть Бога и потому начал отворачиваться от Него. Тогда Бог явился ему чувственным образом, Сам став человеком. А потому и космическая интеллигенция должна была начать являться человеку так, чтобы он через нее находил отношение к Богу, странствовавшему по земле. Она должна была в человеке стать инди-

видуальной, чтобы он, исходя из Я мог находить отношение к Богу как к мировому Я. Ибо между человеком и Богом тогда образовалась бы новая форма родства.

Панинтеллигенция Михаэля, которой он управлял с Солнца, была, так сказать, формой мышления Иерархий о Христе до Его нисхождения на Землю. Это было мышлением планетарных интеллигенций, восходящих к звездным интеллигенциям, и звездных, нисходящих к планетарным.

Когда Христос начал нисходить с Солнца на Землю, то мышление всех Иерархий обратилось к Земле. В этом выразился их выход из подчинения интеллигенции Солнца. Даже часть Ангелов, которые всегда следовали за Михаэлем, откололась от него и самостоятельно направила свои действия на земных людей. Но Михаэль знал, что интеллигенция вернется под его управление и вместе с нею к нему придут люди, обретшие новое отношение к духовному миру: одновременно и индивидуализированное, и сверхчувственное. Но вначале нисходившая интеллигенция должна была найти себе на Земле нужных ей восприемников. Земной же человек пребывал в сфере Аримана, который к нисходившей интеллигенции проявлял жадный интерес, просто «всасывал» ее, однако овнутрить в себе не мог.

Михаэль также знал, что время, когда интеллигенция, став достоянием человека, будет вновь восходить, наступит в эпоху его следующего правления, т.е. с 1879 года. И он уже в первой половине 4-й культурной эпохи начал готовиться к этому с сонмами оставшихся верными ему Ангелов и с душами людей, которым в их будущих воплощениях предстояло стать на земле восприемниками интеллигенции. К этой работе были привлечены и отпавшие от Михаэля люциферизированные Ангелы. Ну а со стороны Земли ариманически-азурические существа начали готовиться к тому, чтобы космической интеллигенции не дать вернуться в лоно Михаэля, чтобы присвоить ее себе. Человек оказался в центре этой борьбы духов света и тьмы, и он находится там до сих пор.

Некоторые люди осознали всё это еще в далеком прошлом. То были, с одной стороны, те, кем воспользовался Зорат, стремящийся поставить эпоху души сознательной на служение себе, инспирировавший импульс академии Гондишапур, а с другой — души тех людей, которые связали себя с течением Аристотеля—Александра. Они образовали прошедшее через всю двухсполовинойтысячелетнюю историю духовное течение, которое Рудольф Штайнер назвал течением аристотеликов-михаэлитов. Другие, их антиподы, приняли Аристо-

теля на свой манер, о чем мы уже говорили, и образовали антимихаэлическое течение.

Оба течения непримиримо столкнулись на земном плане. Это столкновение пришло в наше время и перейдет в будущее. В нем большую роль играет пришедшая в беспорядок карма человечества, что было вызвано отпадением части Ангелов от Михаэля. Ангел — это водитель отдельного человека. Он действует совместно с другими Ангелами и побуждает человека приходить к взаимопониманию с другими людьми. Но когда Ангелы разделились, то, фактически, разделились Ангелы—водители людей и между людьми возникло противостояние, борьба. Она и ввергает культуру в хаос. Чтобы мочь развивать ее дальше, людям нужно приводить в порядок свою карму: карму отдельного человека, карму народов, племен, рас. Это огромная работа. Она возложена в первую очередь на михаэлитов. Они первыми в состоянии понять ее смысл и назначение, ибо были для этого подготовлены Михаэлем в его сверхчувственной сфере, где они прошли через некоего рода сверхчувственную Школу.

Она начала действовать — о чем можно узнать только в Акаше-Хронике — в X, XI, XII веках по Р.Х. Когда аристотелики, ее ученики, сошли на Землю, то для восприятия здесь космической интеллигенции они создали совершенно особенную школу мышления, которая получила известность как школа высокой схоластики. Понимание ее значения для духовного становления человечества было сильно искажено тем обстоятельством, что она, говоря современным языком, была «приватизирована» Римом, который поступил с нею на манер того, что было сделано с Аристотелем в процессе его арабизации. На самом же деле, говорит Рудольф Штайнер, «из схоластики исходит всё современное интеллигентное стремление, если только оно не оккупировано арабизмом» (ИПН. 240, 19.7.1924), возродившимся в течении Бэкона-Коменского.*

Течение схоластики ввело во всё развитие цивилизации то, что стало христианским аристотелизмом и взяло на себя задачу готовить приход новой эпохи Михаэля. И только по той причине, что католический ультрамонтанизм увел это течение на ложный путь, мир светской культуры замкнулся от него.

Ныне существует расхожее представление, что в прошлом католицизм, управляемый Римом, являл собой идеологический монолит.

*) Тут вряд ли нужно что-либо доказывать тому, кто, углубившись в немецкую философскую классику, пробовал потом читать сочинения Фомы Аквинского.

На самом деле этого не было. Например, многие францисканцы в XII в. считали папу символом Антихриста. А Альберт Великий, когда узнал, что Фому Аквинского хотят возвести в сан епископа, сказал ему: сын мой, мне было бы легче увидеть тебя на смертном одре, чем в епископском облачении.

Рудольф Штайнер говорит: «Можно как угодно бранить схоластику с той или иной партийной точки зрения, — вся эта брань содержит мало понимания истинного положения вещей. ... Существенно [в ней] именно то, что чистое мышление с математической уверенностью идет от идеи к идее, от суждения к суждению, от вывода к выводу, что эти мыслители всегда отдают себе отчет о малейшем шажке» (ИПН. 74, 23.5.1920). Внешне взять, может показаться «будто бы Альбертус Магнус... и Фома ... хотели в некотором роде лишь диалектически соединить августинизм ... с аристотелизмом. Один был носителем церковных идей, другой — философских». (Ibid.). Однако, если иметь в виду именно *технику мышления*, как всё фиксируется в мыслях, то это по значению далеко выходит за рамки того исторического времени.

Школа схоластики создала *форму* человеческого духа, в которую низошла панинтеллигенция, став достоянием отдельного человека. Эта форма связана с рассудочностью, с логическим мышлением, явление которого засвидетельствовал и описал Аристотель. Поэтому это лишь естественно, что именно Аристотель вновь оживает в школе схоластики. Но не догматически, а пройдя через развитие, и развитие крайне существенное.

Аристотель, в силу условий его времени, стоял на точке зрения, что существует только панинтеллигенция и ею управляет Михаэль. (При этом не важно, как тогда называли Михаэля.) Как свет она излучается с Солнца и заполняет мир. Она инспирирует человека, когда он думает. При этом лишь в человеческом духе идеи могут иметь самостоятельное бытие. Но в этой самостоятельности у них нет никакой действительности. После смерти душа возвращается в сферу Солнца, куда ее берет космическая интеллигенция, и оттуда вечно взирает на свершённые ею на Земле дела. Михаэль берет человеческие души к себе вместе с каплей интеллигенции, которую он изливает в них, когда они, после сотворения их Богом, нисходят на Землю.

Пройдя врата смерти и войдя в сферу духовности Михаэля, душа Аристотеля поняла, сколь радикально меняется после Мистерии Голгофы связь космической интеллигенции с человеком, и что необходимо привести аристотелизм в соответствие с этими изменениями. Сделать это на Земле никто лучше самого Аристотеля, естественно,

не мог. И потому нас не должно удивлять, что индивидуальность, жившая в Аристотеле, вновь воплотилась как Фома Аквинский.

Рядом с Фомой Аквинским встала индивидуальность Альберта Великого. О ее прошлых воплощениях Рудольф Штайнер говорит следующее: В орфических Мистериях был один замечательный ученик, прошедший в предыдущем воплощении подготовку в кельтских Мистериях. В IV столетии по Р.Х. он воплотился в Александрии, перенес орфические тайны (связанные с переживанием Диониса, разрываемого на части титанами) в личные переживания. Это была Гипатия, дочь известного в Александрии математика Феона. По наущению александрийских епископов Феофила и Кирилла она была разорвана чернью (см. ИПН. 126, 27.12.1910). В следующем воплощении эта душа и была Альбертом Великим.

Оба они, Фома и Альберт, противостояли арабским последователям Аристотеля, действовавшим в Испании в XI–XII веках и стоявшим на позициях первоначального аристотелизма. Особенно значительным среди них был Аверроэс. Он и его сторонники считали, что панинтеллигенция едина, всеобща, что существует только одна панинтеллигенция. Интеллигенция человека — это лишь отражение в отдельных человеческих головах одной панинтеллигенции. Поэтому никакой индивидуальной интеллигенции не существует. Не существует, следовательно, и индивидуального бессмертия. Когда человек умирает, то, что он имел как интеллигенцию, возвращается назад во всеобщую интеллигенцию*. «Таким образом, всё то, что человек в течение жизни между рождением и смертью имеет как мысли, понятия, идеи, изливается назад во всеобщий резервуар всеобщей интеллигенции и нельзя говорить, что то, что человек несет как особенно ценное в своей душе, его интеллигенция, подлежит личному бессмертию» (ИПН. 237, 8.8.1924).

В решительную борьбу с этим воззрением вступили схоласты-доминиканцы. Они признавали эволюцию человечества и решительно возражали против аверроизма. Человек *лично* бессмертен! — возгла-

*) Интересно, что всё это учение аверроизма было в точности повторено в оккультных романах Карлоса Кастанеды, имевших в мире бешеный успех и продолжающих его иметь. Европейская ученость не только не нашла, что на это возразить, но в части своей также увлекалась этой материализованной магией.

В этом феномене важен еще один момент. Он показывает, что всё, о чем в этой связи говорит Рудольф Штайнер, продолжает жить за кулисами современной духовной культуры и ищет всё новых форм, как войти в нее и увести ее на старые ложные пути.

шали они, — а то, чему учит Аверроэс, — это ересь. «Они могли бы, естественно, также сказать, — поясняет Рудольф Штайнер: — когда-то это [что говорит Аверроэс] было так, но теперь это уже больше не так! — Но этого они не сделали. Они лишь приняли положение дел, каким оно было именно в XIII веке и особенно сильно проявилось в XIV, XV столетиях. Они сказали: теперь каждый имеет свой собственный рассудок» (Ibid., 1.8.1924). Ну а насколько это оказалось значительным, даже решающим и всеопределяющим для дальнейшего культурно-исторического процесса — объяснять не нужно.

Аристотелики и платоники

Параллельно с течением аристотеликов через историю Европы проходит течение платоников. Оба они, можно сказать, наилучшим образом приводят план земной истории в связь с метаисторией и субисторией. Течение платоников порождено учением и личностью Платона, оно так же, как и аристотелизм, сориентировано на мировые цели Архангела Михаэля.

Платон и Аристотель — это поистине два столпа, воплощающих символические апокалиптические колонны Якин и Боас, на которых человек строит «архитрав» своей личности, вступает на путь истории развития своей трехчленной души, в которой зреет сначала низшее «я», потом Я высшее и Самодух. Платон и Аристотель стоят у врат этой истории и сами являются этими вратами.

Зачинателем платонизма является Сократ. Главное в его воспитательном методе заключается в том, что он, подходя к человеку, знает, что в нем имеется жизнь мышления и ее нужно разбудить. Благодаря Сократу Платон укрепил в себе доверие к жизни мыслей. В нем достигло кульминации всё то предыдущее развитие человека, в конце которого он начал рефлектировать. Однако не об абстрактном духе заговорил Платон. Всё его мировоззрение пронизано ощущением, что в жизни мышления открывается мировой Дух, космическая интеллигенция, мир «интелигибельных» существ, как он их назвал.

Характеризуя сущность мировоззрения Платона, Рудольф Штайнер пишет: «Всё, что человек познает с помощью органов чувств или как-то еще, не обладает ценностью до тех пор, пока душа не поставит это в свет мыслей. Философия была для Платона наукой об идеях как о подлинно сущем. И *идея* является откровением мирового Духа, совершающимся через откровение мыслей. ... Человеческая душа,

постигая идею, соединяется с силой мирового Духа» (ИПН. 18, Vd. I, S. 70).

К такому пониманию идеи пришел в новое время Гёте, и он открыл, что она приводит человека к мировому Духу, если постигается созерцающей силой мышления. Этот путь Гёте основательно расширяет Антропософия. Можно сказать, что Платон создал онтологию, дальнейшее развитие которой мы находим у Рудольфа Штайнера в его теории познания, соединенной им с учением об эволюции сущего, в ходе которой и было порождено абстрактное, вошедшее в теорию познания на ее пути от Аристотеля до Канта.

В Аристотеле движение мыслей перешло во владение человека и было направлено на понимание вещей и процессов мира. «У Платона его представление еще обращено на то, чтобы мысли обеспечить господство и направить ее к миру идей. У Аристотеля это господство стало само собой разумеющимся» (Ibid ., S. 73). Для Аристотеля мысль стала инструментом. Платон же вступает в борьбу с миром восприятий, чтобы преодолеть его и освободить от него чистую идею. Это сугубо посвятельная задача, которую и сейчас решает человек, стремясь от рефлексии взойти к имажинативному созерцанию идеи. Аристотель же в философии, в отличие от Платона, — гносеолог по преимуществу.

Платон и Аристотель были посвященными древних греческих Мистерий. Своими системами философии они дали иную форму тому, что как мудрость возвещалось в Мистериях. Они инаугурировали, фактически, новый метод посвящения, который сначала породил гигантскую работу мысли, а теперь подвел к воротам новых Мистерий. Человеку необходимо соединить в себе оба эти течения, опереться, как мы сказали, на обе эти колонны и на них строить, как архитрав, свой Я-Манас. При такой постановке задачи в платонизм и аристотелизм нужно уметь углубляться медитативно. Тогда мы станем приходить не к новому знанию, а к *новой форме сознания*.

Медитируя над мыслями Платона, говорит Рудольф Штайнер, можно через некоторое время пережить, что голова как бы возвышается над всем физическим телом; а тогда мы начинаем мыслить, не пользуясь физическим мозгом.

Аристотеля можно пережить таким, что он работает именно в физическом человеке. Благодаря Аристотелю физический человек развивается дальше. Логика Аристотеля работает внутри человека, но для этого и ее следует брать как материал для медитаций. Тогда душа укрепляется чистым мышлением, и если она покидает физический организм в духе платоновского переживания мысли, то не происхо-

дит растворения мысли, ведущего человека к утрате себя, к утрате низшего без обретения высшего.

Оба эти течения, не представляют собой в строгом смысле слова полярности, но подступают к человеку как две стороны его Я. И чтобы ему прийти к своей целостности, необходимо оба течения, а лучше сказать принципа, человеческой духовности привести к синтезу. Сделать это совсем не просто, поскольку как аристотелизм, так и платонизм прошли в истории культуры разными путями. У них, так сказать, разная карма. Поэтому, чтобы помочь человеку в решении этой задачи, потребовалось на плане метаистории и истории произвести особые действия. К ним нужно найти отношение, от этого зависит здоровое рождение целостной личности, нового человеческого вида — михаэлита.

Рудольф Штайнер в своих эзотерических рассматриваниях кармических взаимосвязей показывает, с чем мы имеем дело в этом ключевом вопросе дальнейшего духовного развития человечества. Мы возьмем лишь немного из его обширных рассматриваний.

* * *

В своей земной эволюции человечество сначала идет путем ступенеобразной дифференциации себя как целого. После возникновения человеческой индивидуальности начинается процесс синтеза. Отдельный человек должен ступенеобразно соединять в себе одним разделенные прежде части целого — первоначального единого образования «человек» как человечество, приходя в конце концов к его повторению в себе, но в новом, индивидуальном облике.

В ходе дифференциации возникли расы, племена, народы. Но наравне с этим шла иная, более тонкая, дифференциация, следствием которой были *типы человеческой личности*. Этот процесс был не менее глубоким, чем естественная эволюция. Он коренился во всем многочленном существе человека и в то же время носил по преимуществу душевно-духовный характер. Начало ему было положено в исходном и общем для всего человечества разделении человека на два пола. А далее возникает два вида потомков прародителей человечества, Адама и Евы. Это сыны Авеля и сыны Каина, т.е. типы людей с преобладанием ориентации на духовное в одном случае и на земное — в другом. Эти типы рождаются во всех расах, во всех народах.

Далее возникает более тонкая дифференциация, в результате которой рождаются апполонический и дионисийский типы личности.

Этим определяется склад души. Он особенно ярко выражается в характере художественного творчества индивидуальности. (Например, в русской поэзии мы имеем в Пушкине аполлонический тип, а в Лермонтове — дионисийский.)

Еще одним, уже чисто духовным, было разделение людей на приверженцев аристотелического и платонического мировоззрения. Несомненно, существует взаимосвязь всех этих видов дифференциации: так, чаще в ряду платоников можно встретить авелитов, а аристотеликов — каинитов и т.д.. Но жесткой фиксации, предопределения в этих связях уже нет*.

На пути к всеединству индивидуальную работу можно начать только в сфере духа, в сфере мировоззрений, повлиявших на формирование типов людей. Поэтому с синтеза платонического и аристотелического принципов в отдельном индивидуальном человеке начинается процесс всеобщего синтеза дифференцированного человечества, в результате которого отдельный человек становится *всечеловеком*. Первый этап этого процесса можно успешно пройти, упорядочив карму духовного разделения. Но для этого нужно сначала познать истоки возникновения платоновского и аристотелевского типов человека.

Эти истоки, как их описывает Рудольф Штайнер, являются в определенном смысле не менее древними, чем истоки возникновения авелитов и каинитов.

Когда человеческие монады начали приходить в связь с земной вещественностью, то процесс ее материализации пошел быстрее, чем это могло вынести дифференцирующееся всеобщее эфирно-астральное тело человечества. В конце концов этот процесс вызвал кризис. Уже более или менее обособившиеся души будущих людей оказались не способными войти в слишком огрубевшую вещественность земного тела и работать в ней и с ней. Они ушли на уже существовавшие тогда планетарные образования Солнечной системы.

Через какое-то время кризис был преодолен и души стали вновь приходить на Землю. Они несли на себе отпечаток духовности тех планет, на которых они пребывали в период кризиса. Поэтому они разбились на группы, и в каждой из них — это было в эпоху Атлантиды — возникло служение Духу соответствующей ей планеты, возникли оракулы отдельных планет.

Все оракулы Атлантиды объединял оракул Солнца. К нему сходи-

*) Тема эта чрезвычайно обширная и далее общего ее рассмотрения мы пойти не можем.

лись особенно сильные, продвинутые в развитии души. Они раньше всех вошли в процесс земных реинкарнаций, начали образовывать карму. Они после атлантической катастрофы ушли с Ману на восток и положили начало нашей коренной расы.

Обо всём этом уже говорилось ранее, но теперь в том эволюционном процессе нас интересует другое, не принцип расообразования, а то обстоятельство, что эти солнечные души начали *первыми* приходить на Землю после того кризиса. Позже, уже в середине нашей коренной расы и в дальнейшем именно в среде этих душ оказалось, в силу их очень старой кармы и их древнего отношения к Солнечному оракулу Атлантиды, много таких, которые испытали склонность войти в христианское течение, развили импульс раскрытия себя в сторону христианского течения (см. ИПН. 237, 8.7.1924).

Эти души, таким образом, ко времени, когда стали христианами, имели за собой много земных жизней. При этом, предупреждает Рудольф Штайнер, не следует думать, что это непременно были умнейшие головы. Дело тут заключается, скорее, в характере, конституции души. Свою особенно важную инкарнацию такие души имели во II, IV и V, а некоторые — в VII—VIII столетиях по Р.Х. В те ранние века Христианства можно еще было, не вступая в противоречие с церковной традицией говорить о том, что в Иисусе из Назарета жило Существо Солнца. Будучи приверженцами Солнечного оракула Атлантиды, такие души, собственно, уже в ту коренную расу поклонялись Христу. Это были солнечные христиане.

Но в те древние времена говорили о Христе лишь как о внеземном солнечном Существо, и поэтому в эпоху Христианства этим душам было трудно понять, каким образом Он мог соединиться с Землей. Им было трудно найти отношение к христианской космологии. Они приняли Евангелия, будучи не в силах поднимать взор к небесным сферам, ибо Христос оставался для них внеземным Существом, а в Иисусе из Назарета они просто видели воплощенным некое божественное существо, но не Солнечного Героя.

Пройдя врата смерти после своей первой христианской инкарнации, эти души обнаружили, что Христа на Солнце нет, а тот факт, что Он сошел на Землю, они, пребывая там, не смогли правильно воспринять в свои мысли и чувства, чтобы взять это с собой в духовный мир. И большая неуверенность в отношении Христа овладела ими в духовном мире. Поэтому, когда они снова сошли на Землю, то стали легко вливаться в разного рода сообщества еретиков.

Из тупика, в который эти души зашли в Христианстве, их вывел Архангел Михаэль. Когда они находились в жизни между смертью и

новым рождением, он в первой половине XIX в. в мощных имагинациях, образно раскрыл им космическую Сущность Христа, пробудил в них то, о чем они могли вспомнить сами. Это наполнило их безмерным теплом, преданностью Христианству в чувстве, наполнило страстным желанием стать истинными христианами.

Их настроение, говорит Рудольф Штайнер, можно понять – ведь они в веках выстрадали этот дар Михаэля. В первые века Христианства они были вынуждены довольствоваться лишь представлениями о том, что произошло в Палестине. Многие из этих душ образовали массу христиан, руководствовавшуюся тем, что диктовал Рим. Но часть из них сохранила живое воспоминание о космическом Христе. Эти начали протестовать против диктата Рима; они образовывали еретические течения.

В бессознательном всех душ этого рода жило огромное, длиной в тысячелетия прошлое Христианства, которое они начали переживать еще в 4-й коренной расе. А в душах «еретиков» еще сохранялось живое воспоминание о Христе как о солнечном Существо; поэтому они страдали, наблюдая, как церковное Христианство всё больше утрачивает понимание Христа. И в то же время, они и сами ощущали себя неспособными в живом воспоминании (а не традиционном воспоминании) соединить космического Христа с земным. Рудольф Штайнер говорит, что эти души «устали» от Христианства и с этим настроением «усталости» восходили после смерти в духовный мир в VII, VIII веках по Р.Х.

Эти души, вошедшие в еретические движения первых веков Христианства, испытывали, кроме прочего, некие внутренние пробуждения, которые в них вызывало то, «что жило в старом греческом платонизме. Они были побуждаемы таким образом, что, когда благодаря сообщениям из старых времен в их душе возникал внутренний «пролом», они под влиянием пусть слабой, но реально происшедшей инспирации могли всматриваться в нисхождение Христа на Землю и Его действие на ней. *Это было платоновское течение*» (ИПН. 240, 18.7.1924).

* * *

Другой тип человеческих душ сложился благодаря тому, что, в отличие от «старых» душ, они стали довольно поздно нисходить в земные воплощения. В Атлантиде они примыкали к оракулам планет, не Солнца. Они дольше, чем первая группа душ, оставались после кри-

зиса в духовном мире и потому принесли с собой в земные воплощения много спиритуальных сил. Они начали очень быстро развиваться. Среди индивидуальностей, живших в новое время, таким типом души, «молодой души», обладал, например, Иммануил Кант.

У таких душ решающая для их дальнейшей судьбы инкарнация была в последние дохристианские столетия. В древних Мистериях они смогли ясновидчески направить взор в духовные миры и узнать, что некогда Христос низойдет на Землю. В своих немногих воплощениях они наполнили себя «теми мощными импульсами, которые можно было иметь именно тогда, когда человек в прошлых инкарнациях стоял в очень живой связи со многими языческими богами и эта связь проявляла сильное последствие в более поздних инкарнациях. По этой причине это были такие души, которые в первые века Христианства еще не были утомлены старым язычеством, в котором сильно действовали старые языческие импульсы, несмотря на то, что они более-менее склонялись к Христианству, которое пусть медленно, с трудом, но поднималось из язычества. Эти души восприняли тогда Христианство преимущественно интеллектом, правда пронизанным душой ...», и многие из них о Христианстве *думали*, даже будучи простыми душами (ИПН. 237, 8.7.1924).

В свое первое христианское воплощение они пришли после VII столетия. Они тогда вступление Христа в земную культуру рассматривали преимущественно с точки зрения сверхчувственного мира. И они жаждали Христианства. При этом «они хотели с большой активностью действовать во имя того, чтобы подлинное космическое, спиритуальное Христианство нести в мир» (ИПН. 240, 8.6.1924). Именно эти души влились в поток аристотелизма.

А далее культурно-историческое развитие пошло таким образом, что течением платоников на земле был основан духовный оазис, оказавший колоссальное действие на духовное развитие человечества. В XI–XII вв. в Шартре (недалеко от Парижа) в великолепном соборе, который стоит там и поныне, действовала школа, можно даже сказать, академия – антипод академии Гондишапур. Там изучали «Богиню Природу», в которую трансформировалась старая Прозерпина, изучали Природу как божественную силу, помощницу Бога, о Котором возвещает Евангелие. Ученики той школы-академии, монахи-цистерцианцы, изучали четыре элемента: землю, воду, воздух и огонь, – и при этом они приходили к переживанию сотканности своего эфирного тела с живыми силами природы, к переживанию природы, наполненной Богом. Затем они переходили к такому познанию планет, которое давало познание человеческой души, и, нако-

нец, вводились в космическое «море» неподвижных звезд. Так про-никали они к тайне Я.

В той школе учил Петр Компостелла, учил живому мистериальному Христианству. Бернард Шартрский (ум. в 1130 г.) давал ученикам семь свободных искусств, и давал так живо, что пробуждал в них фантазию и научные лекции превращались для учащихся в блистательное искусство. Эти же семь свободных искусств, но уже в связи с Христианством, давал Аланус Лилльский. Бернард Сильвестрис (ум. в 1150 г.) в могучих описаниях излагал древнюю мудрость. Иоанн Шартрский, которого называют также Салисбери (ум. в 1180 г.), грандиозно, инспирирующее говорил о человеческой душе. Он также приводил учеников в связь с аристотелизмом.

Школа Шартра была широко известна в северной Италии, в Испании. В конце XII в. ее учения были перенесены в Орлеанский университет. Через Брунетто Латини (1220–1294), учителя Данте, ее живым принципом познания был инспирирован Данте при написании «Божественной комедии». Но Шартрская школа имеет универсальное значение для всего человечества. В этой Школе шла выработка земной формы сознания, способной воспринять в себя вышедшую из-под господства Михаэля интеллигенцию. Ученики в ней проходили через учебно-посвятительный процесс, менявший структуру их личности именно в направлении обретения индивидуальной интеллигенции, при этом без впадения в сухую, безжизненную абстрактность. Они изучали семь прекрасных искусств греков, возрожденных на христианской основе: грамматику, диалектику, музыку и т.д. Как божественно-духовные облики, совершенно живо изучали их ученики. Возникал синтез науки, религии и искусства, над чем уже в новое время упорно работал Гёте и что составляет одну из краеугольных задач цивилизации нашего времени на ее пути к возрождению.

Школа существовала в ордене цистерцианцев. И весь этот орден стал прибежищем духовного праксиса, в котором стремились платоновское мировоззрение соединить с Христианством и так взаимно обогатить их и пробудить к новой жизни. Платон в свое время говорил о том, что весь мир духа состоит из мыслесуществ. Теперь стало необходимо земному человеку прийти к со-мыслию с ними, стать самому интеллигибельным существом среди ангельских интеллигенций.

Нужно было совершить гигантский переход от познания в откровении к познанию в мышлении. Шартрская школа, совершая первый шаг на этом пути, оставалась в промежуточной сфере: между михаэлической панинтеллигенцией и индивидуальной интеллигенцией. Ее

учителя готовили Землю к приходу интеллектуальности, готовили ее, как поле к посеву, готовили Михаэлю путь к его интеллигенции в отдельных людях. «Нечто подобное волшебству проходило через Школу Шартра, когда Аланус аб Инсулис давал [свое учение] всего лишь немногим ученикам. В действительности было так, что окружающий эфирный мир охватывался ударами волн этого могучего учения Михаэля» (ИПН. 240, 18.7.1924). Именно этой атмосферой был захвачен Латини, когда пережил свои видения, так вдохновившие Данте, давшего им воплощение в своем гениальном творении.

В учителях Шартра, правда, еще не проявлялось сильного прозрения в личное бессмертие человека уже в Христианском смысле. «Они еще несли в себе нечто такое, что выражали следующим образом: душа, проходя врата смерти, возвращается в лоно Божественного» (Ibid., 21.8.1924). О личном бессмертии во всю силу заговорили те, кто пришел после них, — доминиканцы-схоласты.

Учителя Шартра, например Аланус Лилльский, хорошо понимали, что в следующие столетия Земля уже не будет подходящим местом для того, чему учат они, давая не просто платонизм, а учение мистериальных созерцаний доплатоновских времен, которые теперь вбирали в себя созерцание Христианства. Они строили мост от Мистерий древности к новой Мистерии Архангела Михаэля. Но чтобы мочь стать ее учениками, им предстояло пройти через эпоху интеллектуализма. И Аланус Лилльский говорил: «Теперь некоторое время на земле должно действовать познание, окрашенное аристотелизмом, осуществляющееся в строгих понятиях и идеях. Ибо лишь так может быть подготовлено то, что в дальнейшем времени должно прийти вновь как спиритуальность» (ИПН. 237, 13.7.1924).

* * *

Когда учителя Шартра прошли сквозь врата смерти, то они встретились с душами тех, кто шел на Землю с миссией учредить школу схоластики. Между ними произошло нечто вроде совета в духовном мире. «Один из важнейших обменов идеями произошел за кулисами человеческого развития в начале XIII в., — так характеризует это Рудольф Штайнер, — между теми, кто внес еще старый созерцающий платонизм из Школы Шартра в выси сверхчувственного мира, и теми, кто готовился нести вниз аристотелизм как великий переход для достижения новой спиритуальности, которая в будущем должна была влиться в развитие человечества» (Ibid.).

И когда схоласты-доминиканцы были на земле, то они находились в духовном взаимодействии с платониками Шартра. Чтобы между теми, кто был на земле, и теми, кто пребывал в духе, не возникло каких-либо разногласий, на Землю учителями Шартра был даже послан специальный ученик. Через него проходила совместная работа носителей обоих этих духовных течений. Принцип Мистерий взошел в дух с учителями Шартра и своими солнечными лучами освещал работу действовавших на Земле.

Но были тогда и на земле Мистерии, в которых совершалась работа над тем, чтобы подготовить в Европе условия, необходимые Михаэлю для его будущего правления, когда к нему начнет возвращаться его солнечная интеллигенция. Такие Мистерии совершались в братстве «Круглого стола» короля Артура в Корнуэле. «Из этого места, — говорит Рудольф Штайнер, — вышла, можно сказать, цивилизация Европы» (ИПН. 240, 21.8.1924). Этот круг был организован по зодиакальному принципу; в нем водитель, 13-й, стоял в кругу двенадцати паладинов. Этот круг довольно древний. Его приверженцы переживали Христа как солнечное Существо еще до Мистерии Голгофы. Через этот круг высшая астральность мира звезд изливалась на европейский континент и очищала его ауру от дикого языческого демонизма, чтобы образовались условия для возникновения культурной жизни.

Рыцари Артура еще не переживали личной интеллигенции; она была для них божественным откровением. И именно она и действовала через них в форме цивилизующих импульсов. Круг Артура был сообществом, коренившимся во временах, когда Михаэль еще был управителем панинтеллигенции, и он дольше всех стоял на стороне господства Михаэля над нею. И поэтому «над Школой Шартра парило нечто от того солнечного Христианства, импульс которого стремились как рыцари Михаэля нести в мир паладины круглого стола Артура» (Ibid.).

С другой стороны Школу Шартра осенял отблеск Мистерии Грааля — южного принципа Христианства, в котором, в отличие от течения Артура, полностью осознавали, что Импульс Христа, духовное Солнце сошло на Землю, соединилось с эволюцией людей и должно лелеяться в человеческих сердцах (см. ИПН. 240, S. 245). Школа Шартра, таким образом, стояла *между северным потоком Артура и южным потоком Грааля*. Их невидимые сверхчувственные импульсы присутствовали «во всем тоне, в позиции, в настроении всего... чем были одухотворены ученики в аудиториях Шартра» (Ibid.).

Еще интересно отметить, что посланная платониками Шартра

из духовного мира на землю упомянутая выше индивидуальность осуществляла связь аристотеликов-схоластов также и с течением Артура.

Таковы были грандиозные дела людей, готовивших приход нашей, европейской культурной эпохи, в которой начиная с 1879 г. Регентом исторического становления является Аархангел Михаэль. Сам он в то подготовительное время учредил некоего рода сверхчувственную школу. Она начала действовать с XV века. В ней сходились человеческие души аристотелевского и платоновского направлений, а также те, кто принадлежал к Мистерии Грааля и к Мистерии Артура. Кроме людей в той школе Михаэля были и Ангелы и даже элементарные духи.

В мощных ритмах мантрически звучащего сверхчувственного слова давалось развоплощенным душам учение обо всем том, о чем теперь учит Антропософия, о задачах грядущего развития европейской культуры и о Миссии Михаэля в ней. А в начале XIX века Михаэль открыл всё это душам в грандиозном космическом имажинативном культе. Так течения платоников и аристотеликов были подготовлены к тому, что им предстояло осуществлять на Земле в XX-м, в XXI-м и последующих веках, содействуя великой миссии Михаэля, которая заключается в том, чтобы, найдя доступ к душам людей, к их сердцам, оградить нисшедшую в них с Неба интеллигенцию от Аримана и направить ее на понимание События Христа, Истины Христианства, чтобы человек с пониманием смысла и значения задач своего развития пожертвовал своим низшим «я» ради Я высшего, ради следования принципу: «Не я, но Христос во мне». Тогда космическая интеллигенция начнет возвращаться под господство Михаэля, вознося михаэлитов, смогших свести в себе в единство принципы аристотелизма и платонизма, какими они являются в эпоху Христианства, в сферу высшего сознания.

«И свет во тьму светит»

В той поистине грандиозной, потрясающей панораме подлинной культурно-исторической жизни человечества, которую мы попытались набросать лишь в самых главных чертах, используя духовно-научные сообщения Рудольфа Штайнера, нам открывается, как в сложном взаимодействии всех трех уровней исторического процесса готовилась эпоха, в которую человечество вступило после 1879 года. Исключительно важную и интересную задачу каждого человека со-

ставляет познание и переживание того процесса, каким он запечатлелся в хронике Акаши.

Если человек не знает о том, что на самом деле происходит с ним на земном плане и в духовном космосе, событиями в котором обуславливается происходящее на земле, то такой человек — это нужно сказать при всем искреннем уважении к нему — сильно напоминает домашнюю скотину, которая живёт рядом с человеком и не знает о его существовании, остается связанной с ним на уровне условных рефлексов.

Вот уже более ста лет совершенно новое по форме, соответствующее уровню духовного развития современной эпохи провозвестие События Христа несет в мир Антропософия. Свет ее светит в темноту века, но она не воспринимает и отталкивает его — эта «тьма египетская» человеческих страхов и предрассудков. Ибо наравне с гигантскими усилиями духов света, прилагаемыми для того, чтобы вызвать уникальный поворот в развитии человека и мира, через людей ведется колоссальная, противоположно направленная работа духов тьмы. Индивидуальной интеллигенции человека эти последние придали абстрактный, безжизненный характер и убедили его гордиться ею, погружая его при этом всё более и более в групповую форму сознания.

Современный человек привык мыслить по преимуществу ассоциативно, руководствуясь во всех случаях жизни идеологемами, пропагандистскими лозунгами, внедренными в него с молоком матери и даже в период эмбрионального развития, а потом, соответственно, в период школьного и всякого другого воспитания.

В человеке развился подсознательный страх расстаться с готовыми схемами поведения и с «руководящими и направляющими» лозунгами, поскольку он боится при этом потерять себя, т.к., по сути, ничего кроме них не вобрал в свое мыслящее сознание, которое совершенно разучилось производить подлинную мыслительную деятельность. И таков он, современный человек, во всем так называемом цивилизованном мире. Он легко поддается многообразным темным манипуляциям, в которых играют не только на его низших склонностях, но и на остатках унаследованных от прошлого нравственных идеалов.

Пусть не все современные люди именно таковы. (И слава Богу, что не все.) Но их много, их очень много, их подавляющее большинство. И если кто-то пытается объяснить им истинное положение вещей, то работа эта чем-то напоминает «нисхождение во ад». Она встречает агрессивное сопротивление: все демоны в душах встают на дыбы.

Живя в современном мире, получаешь впечатление, что повсюду предпринимаются усилия тотально заменить в нем правду ложью. Даже взывание к правде, к истине всё чаще означает, что в этом случае имеешь дело с повышенной лживостью. К истине, справедливости теперь часто взывают особенно бессовестные люди.

Но несмотря на всё это, истина жива, и нужно пролагать ее свету путь в мир, если даже для этого требуется нисходить в ад. В наших рассматриваниях мы туда на один шаг уже спустились, когда излагали наше видение прафеномена зла и его проекции на социальную жизнь. Но теперь нам необходимо сделать шаг в другую, в светлую сторону и заняться вопросом о том, чем держится, на чем стоит светлая, созидательная сторона жизни в наше время.

У нее тоже есть прафеномен: *прафеномен современной культурной эпохи*, т.е. совокупность земно-космических взаимосвязей и закономерностей, которая как сверхчувственная реальность проецируется на план культурно-исторической жизни, импульсируя ее феноменологию. Его познание раскрывает другую, светлую сторону современного культурно-исторического развития.

Познание это требует большой непредвзятости, способности принимать реальность того, что держится непротиворечивой связью своих частей. Ну а значение такого познания невозможно переоценить. От него действительно зависит судьба нашей цивилизации — будет ли она такой, что в XXI-м веке образуется дыра, в которую провалится всё, что еще смогло уцелеть от века XX-го, или удастся наконец создать достойные условия жизни для человека, в которых он смог бы свободно духовно развиваться. То есть мы имеем тут дело с вопросом первостепенного *практического* значения.

Прафеномен эволюции культурных эпох

О прафеномене европейской культурной эпохи мы уже начали разговор в первом томе этой книги. Теперь нам предстоит углубить его познание с помощью того, что нам с тех пор удалось исследовать.

Становление этого прафеномена было обусловлено ходом предыдущих культурных эпох и даже особенностями всей нашей коренной расы, состоящей из семи таких эпох. Всякое реальное семичленное образование является целостностью, системой. Закономерное развитие в нем особенно хорошо и наглядно выражает символ двойной, закручивающейся и раскручивающейся спирали. Для нас это символ жизни; и его можно метаморфизировать в лемнискату.

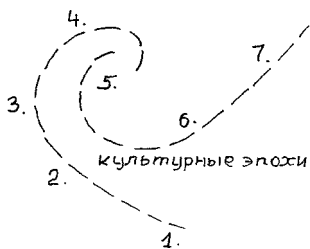

Рис. 48

Если мы спираль нашей коренной расы представим в виде лемнискаты, то одна ее петля соответствует трем первым культурным эпохам, другая — трем последним. В середине, в точке «ничто», перехода, преобразования находится 4-я культурная эпоха, в которой произошла Мистерия Голгофы — узловая точка всех мировых лемнискат.

В процессе развития каждая культурная эпоха является в определенном смысле переходной, и в связи с этим каждый раз меняется структура двойной спирали, а в лемнискате совершается сдвигание вперед ее узловой точки.

Задача каждой культурной эпохи может быть понята из познания характера перехода, совершающегося в ней, — перехода в составе семи культурных эпох. И если взять двойную спираль нашей коренной расы в том ее состоянии, когда переходной является 5-я, европейская культурная эпоха, то мы получим символическое выражение основного закона этой культуры (рис 48).

К современной культурной эпохе из прошлого подступает четыре эпохи. Они должны в ней, по словам Гёте, «умереть и стать» — стать 6-й и 7-й культурными эпохами. Так в настоящем завязывается узел взаимосвязи прошлого с будущим. От того, как этот «узел» будет «развязан», зависит будущее человечества.

В завязавшемся в нашу эпоху узле в цепи культур и цивилизаций взаимодействуют все три плана истории. Человек в этом процессе находится в узловых точках лемнискат, по которым осуществляется взаимодействие этих планов*.

Из всей этой сложной совокупности процессов, взаимосвязей, взаимодействий, противостояний и слагается прафеномен 5-й, европейской культурной эпохи, в центр которого человек как микрокосм поставлен каждым мгновением своей земной жизни (рис. 49).

В каком-то смысле можно говорить о том, что на усмотрение человека отдано решение тех коллизий развития, которые возникают при столкновении на плане истории сил мета- и субистории. Действуя в духе прафеномена культурной эпохи, человек способствует нормальному протеканию метаморфозы культурных эпох, а будучи захваченным прафеноменом зла, он создает развитию крайне опасные препятствия.

*) Об этом более подробно шла речь во введении к 1-му тому.

Проблема эта своими масштабами выходит за пределы культурных эпох, становится проблемой метаморфозы коренных рас и, наконец, отражается на судьбе всей нашей, 4-й, рунды.

Мы здесь опять-таки должны подчеркнуть значение нашей культурной эпохи как переходной в совершенно универсальном

смысле. Человек — это решающее звено земного потока эволюции. В этом потоке совершается последний перелом всеобщей эволюции, благодаря которому она из нисходящей становится восходящей. И потому в наше время возник столь судьбоносный спор между нормальными и отставшими иерархиями, спор за дальнейшую судьбу всего мира: восходить ему или начать безнадежно отставать.

Спор этот обусловлен особым схождением действия ряда мировых закономерностей. Мы уже говорили о том, что в нашей семи-членной лемнискате культурных эпох, в 5-м ее элементе идет спор за судьбу 6-го элемента, где должна проявиться высшая индивидуальность человека — Я-Самодух. Для этого в 5-й культуре должна быть правильно выработана человеком его душа во всех трех ее частях, а в особенности — душа сознательная, которой предстоит вместить в себя Самодух. Если она сейчас коррумпирует, то 6-я культурная эпоха перейдет в подчинение к отставшим существам Иерархий. Именно к этому и стремится приходящий в наше время в социальное действие Зорат. Он в оккультно-политической борьбе, задающей облик культуре, бьется за первую шестерку своего имени.

Эта борьба простирается дальше за счет того, что на двойную спираль культурных эпох накладывается спираль цикла коренных рас. Мы находимся в 5-й коренной расе. Здесь, метаморфизируя сознание, мы готовим видовую метаморфозу человека. И из 5-й в 6-ю коренную расу должен перейти не просто человек, владеющий высшим Я, а такой, который в соответствии с этим Я до основания изменит всю свою трехчленную телесность, откажется от грубой материальности в своем физическом теле и т.д.

Намерением же отставших сил является ещё большая минерализация человека в 6-й коренной расе. Этого удастся добиться, задав в

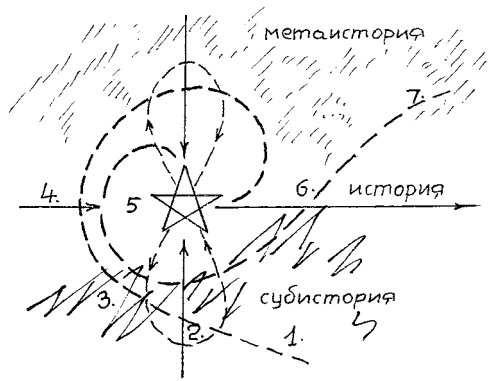

Рис. 49

наше время нужное для этого направление человеческому сознанию: к материализму, к еще большей интеллектуализации, компьютеризации и т.п. Так Зорат бьется за вторую шестерку своего имени. И если он добьется в этом значительного успеха, то ему удастся помешать всей эволюции мира в ее середине, т.е. в 4-м состоянии жизни (рунде) земного эона, нормально переходить во вторую половину *эволюционного цикла*. Тогда он успешно поведет в 5-й рунде борьбу за захват 6-й рунды, борьбу за третью шестерку своего имени.

В таком, так сказать, широком, но не добром смысле, стиле Зорат работает уже в наше время. Удержание сознания в неизменной форме он пытается достичь не только душевно, но и *биологически*. Для этого в мире ведется широкая кампания по смешению рас, генетическому манипулированию и проч. Так делается попытка (в духе метода Гондишапура) преждевременно осуществлять в настоящем будущее развитие. Такая возможность облегчается как раз указанным наложением ритмов эволюции культурных эпох и коренных рас.

Нормальным образом расовый принцип в его старом смысле должен быть полностью изжит лишь к концу 5-й коренной расы. При этом всеопределяющую роль в этом процессе должно играть *духовное* развитие. Силой его действия в будущем мы будем иметь добрую расу михаэлитов и злую расу опасных отставших в развитии людей. В духе Зората расам хотят дать отмереть просто физически. В таком случае образуется материальный носитель сознания, который затруднит возможность человеку восходить к Самодуху. В человеке всё взаимосвязано, а взаимосвязанность членов его существа обусловлена *эволюционно*. И во всех существующих расах эта обусловленность *разная*. Ее можно изменить только духовной работой, путем более интенсивного духовного развития личности. Но можно поступить и иначе: создать телесность из смешения рас, в результате чего произойдет некая консервация эфирно-астральной телесности и интеллекта, который утратит само понимание высшего развития.

Такого рода, надо сказать, дьявольский, а вовсе не гуманистический проект заложен в основу глобального переустройства мира. Для его осуществления попирают всё разумное и очевидное, упраздняют целые направления академических наук, наращивают аппарат насилия и проч. Почву для этого проекта подготовили мировыми войнами и революциями, в которых, так сказать, «сжигали» классический генофонд человечества: население России, Германии, — который, несмотря на все кризисы его развития является носителем той духовности нашей культурной эпохи, которая *способна* метаморфизироваться в духовность 6-й культурной эпохи.

Феноменология прафеномена культурных эпох

Развернув содержание понятия расы на всех уровнях знания — от антропологии до Духовной науки, Антропософия дает нам подлинное понимание ее сути. Расообразование было промежуточным звеном на пути дифференциации человеческого принципа от общечеловеческого до индивидуального. Оно началось еще в Лемурийскую эпоху и было усилено пребыванием душ в сферах планетарных интеллигенций в пору того кризиса ускоренной материализации земного плана, из-за которого души не могли воплощаться на Земле. Они снова стали возвращаться на землю во второй половине Лемурийской эпохи и в эпоху Атлантиды и оказались при этом сильно дифференцированными действием того пребывания на других планетах. Возникли оракулы планет, человеческие приверженцы которых оказались и телесно, *расово* различными людьми.

Оракул Солнца осуществлял единство всех рас, а арийскую расу он взял за основу для становления 5-й коренной расы.

В конце Атлантической эпохи началось переселение ее обитателей на образывавшиеся тогда соседние континенты. Посвященные атлантических оракулов руководили распределением переселенцев на новых территориях. Там люди оказывались под влиянием Элоимов нормального развития, т.е. Элоимов, обитавших на Солнце, и Элоима Ягве, обитавшего на Луне. Это влияние оказывалось неким образом видоизмененным из-за вмешательства в развитие отставших Элоимов, т.е. Элоимов, не взошедших в свое время в ранг духов Движения и обитавших на других планетах. Эти влияния, приходя с планет, отражались от разных областей Земли, воздействуя определенным образом на телесность обитавших там людей. Таким способом сформировалось пять существующих и поныне главных рас человечества: черная (негроидная, меркуриальная) раса, малайская (венерианская), монгольская (марсианская), европейская (юпитерианская) и индейская (сатурническая) раса.

В результате переселения человечества из Атлантиды на восток расовый принцип, зародившийся, собственно, еще в Лемурии, закрепившийся в Атлантической эпохе и начавший склоняться к упадку, пережил определенное освежение. Тогда произошло омоложение человечества. В то же время, в 5-й коренной расе расовый принцип начал терять свое значение. На первое место вышел принцип культурного развития, начавшего свое движение с востока на запад. Он сопровождался активным народообразованием, значение которого сохраняется до сих пор. Можно заметить, что там на земле, где еще

Рис. 50

сильно действует расовый принцип, процесс народообразования идет слабее, и наоборот. В белой расе деление на народы совершенно затмило, оттеснило на задний план принцип расы. Поэтому особенно большим атавизмом выглядит белый расизм. С помощью его белую расу пытаются отбросить в эпоху Атлантиды.

Интересно проследить, как в соответствии с мировым спиралеобразным принципом развития процесс расообразования нисходил на Землю и метаморфизировался на ней в принцип народообразования и культуурообразования (рис. 50).

На рисунке первой показана Гиперборейская коренная раса, поскольку предшествовавшая ей, Полярная эпоха, была уж слишком духовной, имела вид астральной мировой туманности, заключавшей в себе всю будущую Солнечную систему. Однако и в Гиперборейскую, и даже в Лемурийскую коренные расы еще не существовало в полном смысле слова материальной Земли. Она как бы только еще намечалась. Тем не менее, те эпохи уже имеют определенную привязку к будущей географии земли. Гиперборейская коренная раса была в большей мере связана с тем, что позже стало северным полушарием Земли. В ходе ее развития образовался прафеномен Лемурийской коренной расы, которая как феномен существовала на том месте, где сейчас находится Индийский океан.

Далее, в соответствии с законами развития, по мере угасания феномена Лемурийской коренной расы в ее недрах формировался прафеномен Атлантической коренной расы. А потом в связи с гибелью Атлантического континента произошло великое переселение его расово дифференцированного населения в новые области земного шара. Арийцев увел на восток Ману, и они положили начало первой культурной эпохе 5-й коренной расы.

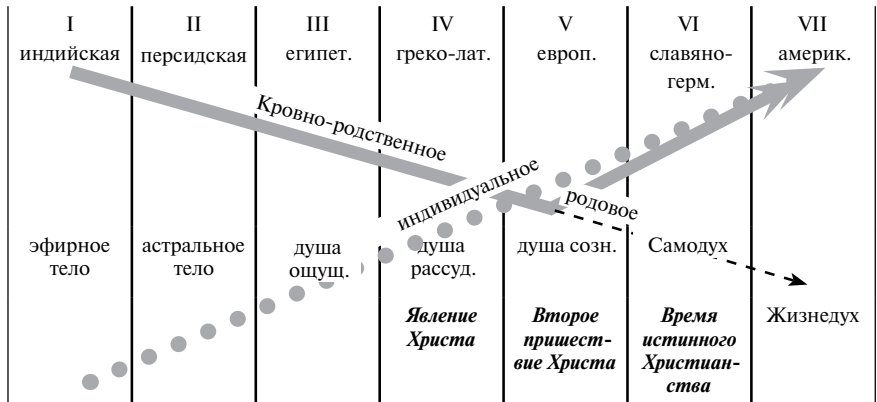
Спирали коренных рас следует представлять себе всё более *нисходящими из духовных высей к земле*. Наша коренная раса, так сказать, «стелется» по земле. Потом начнется отдаление коренных рас от материальной Земли. Земля станет одухотворяться.

Мы проследили как в ходе культурных эпох нашей коренной расы вместо приходящего из космоса и отражающегося от Земли действия расового принципа выступает принцип кровно-родственных отношений между людьми, принцип развития культур и народообразования. Но после Пришествия Христа на первое место всё больше выдвигается принцип индивидуального духовного развития человека. *Именно в нем выражает себя космополитизм михаэлического действия.*

Столкновение расового, родового с индивидуальным приняло особенно острый характер в нашей культурной эпохе. Всё это, собс-

Пятая (послеатлантическая) коренная раса

Культурные эпохи

твенно говоря, и выражается в ведущейся в мире оккультно-политической борьбе. Как бы она ни протекала, расовое и родовое обречены на отмирание, а индивидуальное — на восхождение. Однако «призраки» древней Атлантиды, «призраки» Ветхого Завета отмирать не хотят, особенно в эпоху второго Пришествия Христа, которым под ними окончательно, так сказать, подводится черта. Их должно сменить михаэлическое развитие человечества (см. табл.).

Всё это и придает нашему времени апокалиптический характер. Оно всё пронизано борьбой за будущее, ибо в нем закладывается зерно даже будущего эона Юпитера.

Северный и южный потоки европейской духовности

Одна из главных особенностей европейской культуры и цивилизации состоит в том, что для них был, в своем роде, припасен даже специальный этнос, удержанный от участия в потоке культур, который из Индии через Персию и Египет двигался в Европу, чтобы передать ей духовную эстафету и постепенно растаять в ней.

Четыре предыдущие культурные эпохи возникали так, что к уже находившемуся в тех местах этносу — это были выходцы из Атлантиды — приходили посвященные посланцы великого центра Мистерий, который Ману основал в том месте, где теперь находится пустыня Гоби. У древних индусов это были святые Риши, у персов — Зара-

тустра, у египтян — Гермес Трисмегист. Они несли этносу импульс культурного развития, учреждали Мистерии, чтобы развитие культуры находилось в связи с существами Иерархий, с метаисторией.

В Европе ее изначальным населением были кельты. Но примерно в III—II вв. до Р.Х. сюда начали приходить с востока новые племена. Они известны в истории как германские племена. Некогда и они вышли из Атлантиды, но не достигли Индии, а осели в огромной области, простиравшейся от Уральских гор до озера Байкал. С точки зрения культурного развития, совершавшегося в южном потоке культур, эти племена в течение тысячелетий пребывали как бы в заторможенном состоянии, а перед началом нашей эры началось их переселение на запад. Внешним поводом для этого послужило похолодание, вызванное повышением сибирского континента.

Такова самая внешняя предыстория Европы. Рудольф Штайнер дает вскрытие ее глубин. В одной, к сожалению еще не опубликованной, лекции он говорит: «Вспомним о том, что я назвал однажды северным культурным течением или, более того — идущим с востока на запад и на север [Европы] течением, которое я назвал индо-персидско-германским течением. Противостоящим ему мы имеем то, другое течение, которое распространилось через халдео-вывилоно-ассиро-египетские области. Окультисты совершенно ясно представляют себе, что пришедший из Испании в Средние века удар (арабская наука. — Авт.) был последним и на смену ему должно было прийти санскрито-персо-германское течение. Шестая подраса (славяно-германская культура. — Авт.) будет полностью охвачена этим северным течением».*

Из этого сообщения для нас следует двоякое. Во-первых, мы должны отметить себе, что две первые культурные эпохи имели некое ответвление, пошедшее на север. И, во-вторых, из него следует, что поскольку будущее России находится в 6-й культуре, то живущим в ней должно быть особенно интересно и важно изучить историю северного потока культуры.

Культурное раздвоение, фактически, всей нашей коренной расы было вызвано законами, необходимостями индивидуального становления человека. Оно идет, как мы уже отмечали, путем нарастания противоположностей и их снятия. В этой связи, как говорит Рудольф Штайнер, вызванное Заратустрой к жизни культурное развитие древней Персии «неким образом противоположно древнему индийству. Это последнее было целиком построено на эфирном ясновидении;

*) Лекция от 19 июня 1905 г., прочитанная в Берлине. (Из частного архива.)

Заратустра (же) обратил свой взор к Солнцу. Он видел Духа Солнца, «великую Ауру», Аура Маздао. И Заратустра был первым, кто здесь привел к выражению особенности северной культуры. Всё последующее строилось на этом.

Другой ход [поток развития], южный, создал основу для халдео-египетской культуры, возникшей через срастание одного с другим»: индуизма с персидским импульсом (ИПН. 117, 14.11.1909).

В Персии развилось тело ощущений, в Индии – эфирное тело, а в Египте – душа ощущающая. Эта последняя развивается внутренним путем. Такова же и ее культура. «И как сливаются [в одно] тело ощущений и душа ощущающая, так происходит [и иное] развитие во всем человечестве. Именно это проявилось в египто-халдейской культуре. Подобное же произойдет и в случае души сознательной и Самодуха. И произойти это может в областях, в которых духовность была удержана [от развития]. Это может произойти только в Европе. Тут развитие, идущее к душе рассудочной и душе сознательной, было удержано (не проявилось) и получило развитие только после События Христа. И в будущем тут может произойти слияние [души сознательной] со свойствами Самодуха. Но такое станет возможным только с помощью духовнонаучного спиритуального течения. Это принесет с собой время нашей шестой культурной эпохи» (Ibid.).

Такова, можно сказать, *генеральная констелляция* европейской культурной эпохи и ее проекции на 6-ю культурную эпоху, обусловленная законами развития нашей коренной расы. Но она, естественно, коренится и в законах развития всего нашего состояния формы (глобы).

Большое эволюционное прошлое предшествует возникновению обоих, и южного, и северного, потоков. Начало его следует искать аж в Гипербореической коренной расе, а может быть, и в Полярной. Тогда, в первый период нашего состояния формы (глобы) человек был лишь одним эфирным телом, но имевшим подобие астральному телу; из него исходил эфирный свет. Индусы называли эту эпоху состоянием Брамы.

Во второй коренной расе эфирное тело вобрало в себя физическое, но не материальное, тело; оно состояло из элемента (в алхимическом его смысле) воздуха. Люди тогда пребывали в колеблющемся, вибрирующем состоянии. Подобие в колебаниях – они были чисто духовными, не «частотами», говоря по-современному – образовывало родство между человеческими монадами. Тогда образовался орган слуха.

В Лемурийскую эпоху у человека возникла способность различать

формы, предметы. Во второй половине этой эпохи человек получил отношение к Манасу и создал предпосылки для образования представлений. Всё это, естественно, проходило в совершенно групповой форме сознания, общего для всех монад.

В Атлантическую эпоху началось овнутрение душевной жизни, возникла память и самые первоначальные зачатки мышления. Они развивались крайне медленно и максимальной высоты достигли в 5-й подрасе. В эзотерике она называется подрасой пра-семитов. С современными семитами она не имеет ничего общего. В ней образовалось ядро, побег (Grundstock) современной арийской расы.*

Для развития именно этой способности мышления арийская раса ушла на восток и там возбудиладвигающийся на запад культурный процесс, в ходе которого совершилось дальнейшее овнутрение мышления, а, значит, и индивидуализация души.

Но вместе с индивидуализацией возникла опасность чрезмерного увязания человека в чувственном мире. И чтобы избежать этого, мудрым водителям человечества пришлось всячески многообразить процесс эволюции даже уже на том его этапе, когда человек только начал нисходить на материализирующуюся Землю, а также и на возникшем потом культурно-историческом этапе. Человек не должен был ни отрываться от Земли, ни теряться в материальном.

В том развитии, которое пошло через цепь культурных эпох, необходимое равновесие было достигнуто благодаря тому, что, как говорит далее Рудольф Штайнер в цитированной выше лекции, «был заключен брак между лучшим, что осталось [в людях] от Лемурийского времени, с тем, что как лучшее должна была дать арийская раса». Благодаря этому возникло знание о-реинкарнации: «...благодаря связи чувства лемурийца с силой мышления арийца». В то же время, когда этот культурный поток начал свое движение с востока на запад в широком поясе земных территорий и населяющих их племен, то в его главном направлении, пошедшем через Египет в Грецию, это знание в конце концов было утрачено, но зато образовался острый земной рассудок. Человек на земле получил «я», хотя и в виде лишь отражения Я подлинного.

А далее, как мы знаем, человек в этом потоке культур в конце концов зашел в тупик. И он должен был зайти в него, причем на самом важном этапе: в 5-й культурной эпохе, где, как мы это показали выше, решается судьба всей коренной расы. Возможность такого развития

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 26 июля 1904 г., прочитанная в Берлине. Записал Франц Зайлер. (Из частного архива.)

была предвидена мудрыми посвященными, ведущими человечество. Они общему потоку культурных эпох дали еще одно, можно сказать *специально арийское**, направление. Ведь именно этой расе надлежит в 5-й культурной эпохе образовать мост в видовой метаморфозе чело- века, по которому он от рефлексии перейдет к созерцающему мыш- лению. В главном же потоке культур арийская раса постепенно сме- шивалась с различными этносами других выходцев из Атлантиды.

* * *

Сделанного к предыдущему абзацу небольшого примечания, конеч- но, совершенно недостаточно, чтобы, так сказать, уберечь «ладью» наших исследований от опрокидывания ее читателем, охотно подда- вавшимся на протяжении всей жизни промыванию мозгов, многооб- разному дотошному оболваниванию мировой пропагандой, которая в этом вопросе занимается еще и разжиганием страстей, стремясь полностью исключить трезвый, научный к нему подход. Многие де- сятилетия в мире раздается одна только брань и улюлюканье в ад- рес понятия «арийская раса», и занимаются этим часто сами арийцы. В этом наш рациональный век уже превзошел всё, что в свое вре- мя позволила себе церковь в борьбе с научными представлениями о мире, к которым пришли Коперник, Джордано Бруно и др.

За основание для такой брани взято лишь извращенное отно- шение к этому понятию национал-социализма, включившего его в свою идеологию. Однако уже давно пришло время посчитаться с тем, что в исторической литературе с большой убедительностью доказа- но: национал-социализм вовсе не был порождением «тевтонской нации прирожденных убийц». Большой ряд историков, работающих в строго научном смысле, среди них Энтони Саттон, Гвидо Препара- та, Марк Солонин и многие другие, сделали совершенно очевидным тот факт, что творцов национал-социализма нужно искать на Уолл- Стрите, в Лондоне, в Ватикане, в Кремле и кое-где еще.

Иными словам, национал-социализм есть порождение Сообше- ства Тени. *Это просто научно доказанный факт.* И теперь нужно пос- тавить вопрос: *зачем он был создан?*

*) Легко представить себе, что поднимается в душе иного современного чи- тателя, когда он наталкивается на такое понятие. На протяжении всей его жизни вся его душа пропитывалась отвращением к нему, возмущением и страхом. И никто никогда не обратил его внимание на то, что это было, по сути, его отвращением к самому себе, а единственным основанием для него было извращенное использование этого понятия национал-социалистами.

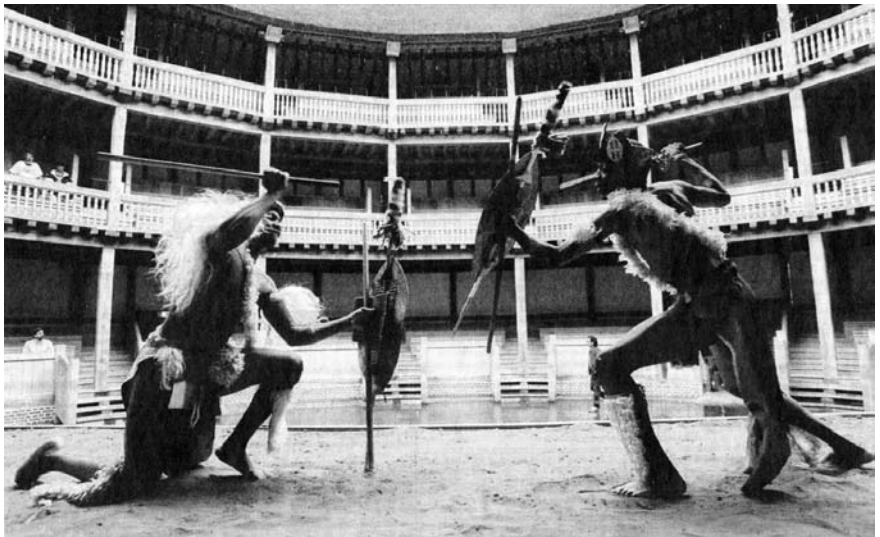
Национал-социализму удалось настолько скомпрометировать понятие даже не арийской, а вообще белой расы, что это дало Сообществу Тени своего рода формальное право приступить к искоренению этой расы, начать ее разными способами упразднить с молчаливого согласия подавленных укорами совести и раскаянием народов.

Это нужно силам мирового зла потому, что в белой расе содержится большой потенциал для дальнейшего *духовного и культурного прогресса человечества*. И поскольку *духовный* прогресс невозможен без *нравственного* прогресса, то силы зла делают также всё возможное, чтобы белую расу всячески растлевать, чтобы именно из нее творить будущую злую расу человечества.

Лишение легитимности, самого права белой расы на существование было *главной* целью при создании национал-социализма. Второй его целью было — опорочить историческое и духовное прошлое Европы. И то и другое было им успешно сделано, что позволило Сооб-

Кадр из фильма «Планета обезьян»

Репетиция «Макбета» в Лондонском театре Глобус

ществу Тени приступить с помощью политических, генетических и иных средств к упразднению белой расы, т.е. к осуществлению гигантского расистского проекта, овладев ее *прошлым*, а благодаря этому — ее *будущим*, свободно коррумпируя ее настоящее.

Такова *разгадка* одной из величайших трагедий XX века. И теперь каждому предоставляется свободно решать, с кем он желает идти дальше: с опрокинутой пентаграммой зла или с теми, кто стремится пробиться к познанию истинного предназначения Европы как авангарда духовного прогресса человечества и тем защитить цивилизацию от ужасного заката. Идти первым путем легко. Он сулит большую, хотя и кратковременную выгоду. Там важно лишь либо оставаться покорной жертвой массового оболванивания и гипноза, либо отказаться от совести, убедив себя, что «живем лишь один раз» и что «на всех благ всё равно не хватит». Избрав второй путь, необходимо проснуться и посмотреть в глаза уже вскрытым фактам, нужно гражданское мужество, совесть, нужна любовь к людям и чувство ответственности за судьбу народов и всего человечества.

* * *

В мире много и справедливо говорится о вреде, который национал-социализм принес народам Европы и всего мира. В наибольшей мере от него пострадали народы Средней Европы, но не только в смысле внешних, людских и материальных, потерь. Эти потери, конечно, ужасны, но более ужасно долговременное действие зла национал-социализма, или «фашизма», как его принято называть (что является абсурдом).

Можно легко и повсеместно наблюдать, как, маскируясь массивной критикой фашизма, в мире в послевоенные годы расплозается этот самый фашизм, принявший лишь иное обличье. Он спекулирует на понятиях «прав личности», «либеральных ценностей», «демократических принципов» и др. Эти спекуляции стали особенно откровенными с того времени, как в России началась перестройка.

Но эти дешевые спекуляции призваны скрыть ту истину, что именно *арийская, или просто белая раса служит основой, ферментом для перехода от расового принципа к индивидуальному, перехода всех рас к общечеловеческому*. Эта ее задача зрела в тысячелетиях, и начиная отсюда следует стараться ее понять. Но именно поэтому с помощью национал-социализма постарались совершить еще одно зло: извратить отношение к северо-германской мифологии, в которой заклю-

чено многое архетипическое нашей культурной эпохи, бесценная мудрость, необходимая для ее самопознания.

Силы Сообщества Тени знают, что если эта раса исполнит свое *духовное* предназначение, то сообществу этому придет конец. Поэтому, с одной стороны, делаются попытки упразднить ее путем быстрого смешения всех рас, а с другой — без конца нагнетается истерия по поводу ну прямо-таки безграничности зла нацизма. Об этом совершенно замечательно пишет современный русский историк Андрей Буровский: «Похоже, советских историков и вообще всех советских людей подводит собственная пропаганда. Все они так болезненно воспринимают договор именно с Гитлером, что поверили собственным заклинаниям. Для них Гитлер — это что-то вроде черта, только без рогов, а Третий рейх — земной вариант преисподней. Конечно, очень тяжело сознавать, что предки заключили договор с такими страшными существами. Вот если бы с Британией... Но чем британцы лучше Третьего рейха? Чем Черчилль уж так приятнее Гитлера?»*

Да, именно так всё и обстоит, как в России, так и во всем остальном мире.

* * *

Таким образом, мы подошли к теме, на которую трудно говорить. Но делать это нужно, ибо она *ключевая* не только для понимания нашей эпохи, но и для духовной судьбы будущего человечества. Духовнонаучное рассмотрение позволяет эту тему развить в ее эзотерической глубине и без всяких идеологических наслоений.

В антропософской среде много знают об основном потоке движения культурных эпох, но даже здесь редко говорят об ответвлении от этого потока, которое духовно пошло в северо-западном направлении, сливаясь с этносом германских племен, пребывавших тысячами в сибирском регионе, а потом двинувшихся на запад.

Это течение, говорит Рудольф Штайнер, от Персии пошло к Каспийскому морю, а далее через европейскую часть будущей России в Скандинавию, на британские острова, во Францию, слагаясь как духовное, культурное, этническое течение.

В центральной Европе жило тогда население, несущее в себе еще нечто от Гиперборейской коренной расы. Это нужно представлять себе, предупреждает Рудольф Штайнер, пребывающим в ином «аг-

*) Андрей Буровский. Великая Гражданская война 1939–1945. М., 2009, стр. 84.

регатном состоянии»*. Это жило не как что-то грубо чувственное, а в виде чрезвычайно тонкого, спиритуального образа представлений. Поэтому в Европе было основано спиритуальное учение, которое было одновременно и иным, и совершенно подобным первоначальному индийскому спиритуальному учению. В ослабленном, в «разведенном» виде оно проявилось в культе друидов.

Происходило некоего рода преломление, отражение южного потока культуры в северном, так сказать, освоенном необыкновенно высокодуховной мудростью Гипербореи.

Название германо-северного эпоса – «Эдда» («младшая» и «старшая») означает то же самое, что и слово «веда». «Повсюду на севере, – говорит Рудольф Штайнер, – можно обнаружить следы того, что приходило к своему выражению в Азии. Например, Муспельхайм и Нифельхайм – области в стране нибелунгов (Атлантида) – имеют подобие с (противостоянием) Ормузда и Аримана». А далее обнаруживается, что «великан Имир, из которого сделан весь мир, имеет соответствие с разрываемым на части Озирисом египтян. Вплоть до мелких отдельностей можно обнаружить связь севера Европы с другими культурами. Когда на юге Европы развивалась 4-я подраса (культурная эпоха), то и северные племена перешли на четвертую ступень своего развития. Поэтому Тацит обнаружил у германцев много общего с мифологическими представлениями греков, например, что их Ирмин – это то же самое, что и Геркулес. Также и о некоего рода служении Изиде на севере рассказывает Тацит. Так жили (те) древние ступени развития, идя навстречу тому, что возшло как Христианство» (ИПН. 93, 5.11.1905).

Но это были два совсем разных потока. Если сравнить культуру друидов с культурой Вед, то мы увидим, что в первом случае выделяется безусловная вера в бессмертие души, в ее вечность, однако о перевоплощениях речи не идет. Ибо в эпоху Гипербореи их еще не было. На юге же, где еще сохраняются остатки духовности воздушных людей Лемурии, выходцы из Атлантиды сохраняют некоторое знание о реинкарнации, зачатки которой проявились в конце Лемурийской эпохи. Правда, по мере движения культурного импульса на запад это знание угасает.

Культура северного потока не была единством. С одной стороны, в ней на гигантском пространстве от озера Байкал до побережья

*) То есть не в том смысле, добавим мы, что уже Гиперборея была материальным материком и в ней была столица, носившая название «Туле». Это всё домыслы материалистической фантастики.

Атлантического океана действовали Мистерии Друидов, которые на севере современной европейской части России назывались Мистериями троттов, а с другой стороны – в северную часть Европы пошло нечто от духовности 2-й культурной эпохи, в которой выразилась определенная противоположность учения Заратустры учению святых Риши.

Индийское мировоззрение, говорит Рудольф Штайнер, придерживается почитания дэвов – чисто душевно-духовных существ, правомерных иерархических существ. В подчинении у них стоят а-зуры, не-боги, отставшие духи. Персы же испытывали к дэвам некий род страха и даже отвращения. И наоборот – «в персидском мировоззрении часто поклоняются тому, что индусы рассматривают как плохое. ... Персидское чувство содержит в себе удивительное главенствующее ощущение того существа, которое, собственно, имеет природу дэва, но которое внутри этого (индийского) мировоззрения вызывает отталкивание, страх. Короче говоря, в этом мировоззрении выступает образ Сатаны, Люцифера...» Однако ведь «в самой человеческой природе заложен тот сатанинский протест, который, в то же время, как люциферическое стремление является вообще гарантией нашей свободы» (ИПН. 93, 23.5.1904).

Дэв стоит выше человека, но поскольку у него нет физической телесности, то, следовательно, нет и задатков к ее преодолению, к восхождению, как это свойственно человеку, к высшей природе. Человек же «может в самом себе ... породить дэва, который некогда станет Св. Духом» (Ibid.).

Такого рода представления, спиритуальность влилась, изойдя из Персии, в культуру друидов, где развилось исповедание физической природы человека, стремление также и *материальным* образом господствовать над миром чувственных явлений, в конце концов – и стремление овладеть техникой.

Таково сложное основание европейской культуры. Рудольф Штайнер говорит: «Мы не найдем в ней сегодня ни одного человека, который придерживался бы почитания азуров, но среди нас есть многие, имеющие в себе нечто от этой природы. Отсюда берет начало (европейский) подход к материальной стороне жизни, и это составляет основную черту мировоззрения современного северного пояса» (Ibid.). И как бы даже естественно в этом поясе народов проявляется страх перед чистой спиритуальностью, перед дэвами. Ну а из индийского влияния пришло содрогание перед Люцифером. (Этот страх теперь кристаллизует в себе, например, католическая церковь.) И как третье, как некоего рода синтез южного и северного потоков,

из собственных сил севера рождается в конце концов определенного рода середина — «Фауст» Гёте. Это большой результат, к которому пришло действие разных культурных потоков.

* * *

В ходе развития культурных эпох старый эволюционный принцип расообразования как видообразования сменился принципом формирования личности.

В северном течении духовно-цивилизационного развития мы имеем вначале два этноса: кельтский и германский. Постепенно кельтский этнос растворяется и его духовное достояние вбирает в себя германский этнос. В южном течении расообразование протекает более сложным образом.

Это, разумеется, новое, не то космическое атлантическое расообразование. Оно новое в том смысле, что в нем ослаблена генетическая составляющая и усилено действие культурного процесса.

О новом расообразовании населения Европы Рудольф Штайнер говорит следующее: оно «начинается за несколько веков до Рождества Христова, и именно таким образом, что семитические народности заселяют побережье Средиземного моря». И при этом идет образование латинской расы, «которая получает оплодотворяющий импульс от Христианства. Она развивается до IX, X столетия. В этот период всё зависит от латинской расы. Потом совершается еще одно оплодотворение, через нашествие арабов на Запад». И вот в дополнение ко всему этому «приходит германская раса, в которой мы живем в настоящее время. Так развиваются расы, радиально распространяясь в мире»*. К ним приходят великие посвященные. При этом «колонии посвященных работают не иначе, как только с полным учетом того, что уже существует в соответствующих областях».**

* * *

Таким предстает нам великий процесс становления современного населения Европы, начавшийся еще во 2-ю, Гиперборейскую коренную расу. В нем к началу нашей, 5-й культурной эпохи сошлись вместе два больших культурных течения: южное и северное. Южное

*) Лекции от 26 июля 1904 г.

**) Ibid.

течение принесло северному Импульс Христа и тем исполнило свою всемирно-историческую задачу. Северное течение принесло на встречу этому Импульсу свежие силы для его осуществления и для метаморфизирования человеческого духа.

К своей задаче северное течение готовилось тысячелетиями. Не участвуя непосредственно в том развитии человечества, какое происходило в южном течении, оно, тем не менее, тоже прошло через четыре культурные эпохи. Мистерии, т.е. места соединения людей с божественным миром, существовали и на севере; и там были школы посвящения, хотя внешне они выглядели, как мы теперь сказали бы, примитивно.

Интересно, как их описывает Рудольф Штайнер: «Представим себе примитивнейший храм, который наполовину был творением природы. В нем имелось святилище, и там были представлены два божества, управляющие миром: Ху и Церетвен. Ху – это, фактически, Озирис, Церетвен – Изида. А человек – это Горус.

Существовало три ступени посвящения: 1) Starizen*, 2) Бард (по-русски это певец, сказитель, гусяр. – *Авт.*), 3) Дриид. Взшедший на третью ступень претерпевал такое превращение своего существа, что в нем пробуждались высшие способности и он становился подобным Богу Бальдуру. Мист [посвящаемый] должен был здесь сказать себе: ты обязан стать вновь ожившим (воскресшим) Бальдуrom, которого убил Локи. ...

В северном посвящении посвящаемому сначала разъяснялись прошлые состояния мира, которые были пройдены на предыдущих планах**. Разъяснялись также некоторые законы развития, например, что заблуждение в одной зоне становится болезнью в другой. Омела, которой люциферический Бог Локи убил Бальдура, рассматривалась как символ того, что отстало в зоне Луны. Оттуда пришел и Локи. Бальдур же – это Бог Солнца, податель всякой жизни, действенной силы Солнца. Еще говорилось – это отражено в германо-северной мифологии – о Хёдуре, слепой механической необходимости, служащей тому, что отстало и что борется с Бальдуrom.

«Такова была одна сторона Мистерии. Во второй ее части слепая механическая необходимость преодолевалась благодаря тому, что через переживание (грядущего) Христа приходила гармония. Во Христе

*) Это слово перевести невозможно. Мы тут подумали: а не отсюда ли происходит русское «старец»?

**) Здесь и далее мы цитируем не опубликованную лекцию от 22 марта 1905 г., прочитанную в Дюссельдорфе.

должен был воскреснуть новый Бальдур. Тогда (это было в глубокой древности. — *Авт.*) существовало сообщество двенадцати больших посвященных. Тринадцатый был их водителем. ... Его называли Siege или Sieg. Когда он достигал определенного возраста, то становился способен передать свою индивидуальность другой развитой индивидуальности». Процедура такой передачи напоминала нисхождение голубя при крещении на Иордане.

«На смену Зигу пришла индивидуальность Одина, или Вотана. Еще в эпоху Атлантиды он жил как великий посвященный. ...

В первой подрасе это был Вотан, которому противостоят Хёнир или Вили и Локи, или Ве. Воплотившись, Вотан должен был пройти через тяжелое испытание: имея рану в боку, где находится сердце, девять дней провисеть на перекладине виселицы [в других местах, где существовала эта Мистерия, это был крест].

Потом пришел Мимир и научил Вотана руническому письму. А затем совершилось его воскресение. *Таково было посвящение первой подрасы*»*.

Сам Вотан представлял в Мистерии человечество. И в ней учили, что сначала всё земное было заключено в одной большой индивидуальности, в великане Имире (в Адаме Кадмоне). Вотан, Вили и Ве победили его, и из него возникла вся Земля.

«*Посвящение второй подрасы* было таким. Вотан должен был получить напиток мудрости, чтобы вторая подраса могла развиваться». Мистерии этого периода соответствуют мифы, в которых рассказывается о великане Ситтунге, через которого образуется мудрость. Он является хранителем напитка мудрости. У него есть дочь. Ее зовут Гюннлёд. Чтобы получить напиток, Вотан превращается в змею и три дня находится в святилище Гюннлёд. Далее в мифе появляются облики трех гномов, а также золото: золотое кольцо. «Человек пронызывается золотом мудрости. ... А кольцо означает замыкание в ощущениях чувств, которые самость делают отдельным, особым существом (кольцо нибелунгов)».

В *третьей подрасе* Вотан и те, кто принадлежал к нему, прошли еще раз через процесс посвящения. Чашу мудрости Вотан принес в жилище богов. Там ее, содержащую напиток мудрости, должен был хранить Мимир. Он обладает мудростью, способной вести нас дальше. Вотан при этом должен пожертвовать одним глазом. Это «третий глаз», глаз ясновидения лемурийского человека. Его имеет гомеровский циклоп. Этим глазом циклопов и жертвует Вотан, жертвует через

*) В южном потоке это была древнеиндийская культурная эпоха.

замыкание в кольцо чувственности. Приближается эпоха интеллектуализма.

Ну а далее идут «вользунги и их потомки ... Зигмунд, Зигвард, Зигфрид — это поколение посвященных *четвертой подрасы*. Зигфрид — последний посвященный. Он побеждает дракона, т.е. низшую природу».

На этом мир германских богов закатывается. На смену ему приходит Мистерия Голгофы.

Два полюса европейской цивилизации

В крайне своеобразном, необыкновенно спиритуальном и очень медленном процессе развития совершалось созревание северного пояса культуры, чтобы в нашу эпоху он смог решить великую задачу поворота эволюции человечества от нисхождения к восхождению.

Каждый народ имеет в развитии свои задачи. Задачи народов Средней Европы — совершенно особенные. *В их решении должно быть заинтересовано всё человечество*. Сначала, конечно, ему нужно это понять; нужно это понять и самим народам Средней Европы. Совершенно уникальным гением Рихарда Вагнера было грандиозно обновлено воспоминание об их прошлом и указано на их христианское настоящее. В среде этих народов миру были явлены вершины развития человеческой мысли, культурного, духовного творчества человечества. Наконец, именно здесь произошло явление Антропософии.

Всего этого, казалось бы, должно было хватить для понимания совершенно очевидных вещей. Но понимание это было самым радикальным образом затруднено поляризацией исторического развития. В нем прафеномену даже не культурной эпохи, а целой коренной расы противостоял прафеномен зла. Его действием были разрушены все представления об истинном, о справедливости, о нравственном, о смысле всех происходящих в мире событий. Средняя Европа оказалась растоптанной и физически, и — что особенно страшно — психически и духовно. Ее лишили всякой возможности распоряжаться своей судьбой, поставили на колени и заставили каяться в том, что на самом деле было преступлениями враждебных ей сил.

Обратим внимание лишь на один пример того, как это делается в действительности. В 2005 году в Дрездене люди старшего поколения решили мирным шествием помянуть жертвы дрезденского холокоста, когда на город, буквально забитый гражданским населением, в ужасе бежавшим от «армии-освободительницы», было сброшено британс-

кой и американской бомбардировочной авиацией количество взрывчатки, эквивалентное атомной бомбе. В результате возник огненный смерч с температурой более тысячи градусов. Он носился по улицам города и даже в убежищах сжигал женщин, детей, стариков.

И вот решили дрезденцы спустя 50 лет помянуть ту великую трагедию. Но тут вдруг изо всех углов повылезали группы странной публики. Они выставили плакаты, на которых метровыми буквам были написаны разные лозунги, например такие:

«Сталинград, Сталинград,

Один выстрел – один солдат!» (следует понимать, немецкий).

Или: «Чтобы больше никогда не было Германии!»

А то и вот такой: «Всё лучшее приходит сверху!» Сбоку к тексту пририсована бомба. Это значит, что всё лучшее пришло в Германию с той бомбардировкой ее городов. Ей было подвергнуто более, чем 130 городов Германии и она имела целью уничтожение только гражданского населения, а не военных объектов и промышленности. Это просто доказанный факт*.

Траурное шествие не состоялось. Против циничных хулиганов не было принято никаких мер. Пресса промолчала. Лишь, кажется, одна газета поместила фотографии этого зверства гуманистов.

Нас несколько не удивит, если многие, прочитав это, скажут: да, всё правильно! Ведь это же фашисты! – Ибо одичание, в какое стала

*) Гарвардский профессор Джон Кеннет Гальбрайт, доверенное лицо президента Кеннеди, был вскоре после окончания войны назначен членом комиссии США, изучавшей в Германии последствия бомбардировок. В своих воспоминаниях он писал, что военная промышленность Германии достигла своего наивысшего подъема к осени 1944 г., «когда союзники стояли уже на границах Рейха. К этому времени ее производство возросло в три раза по сравнению с началом 1942 г. ...и оставалась на высоком уровне до 1945 г.» Это объясняется тем, что бомбежкам подверглось в основном гражданское население. Например, «налетами на Гамбург были разрушены (таково было заключение комиссии) центральная часть города и жилые районы, а фабрики на окраинах города остались не тронутыми». При этом «бомбардировщики восполнили недостаток на них рабочей силы», поскольку те, кто выжил, пошли работать на заводы.

Гальбрайт заключает: «Постепенно мы (члены комиссии) поняли, что натолкнулись на одну из величайших ошибочных оценок, может быть вообще даже на самую большую ошибочную калькуляцию войны». Гальбрайта привело в изумление еще одно открытие, что в первые три года войны промышленность Германии продолжала работать *в ритме мирного времени*. Он называет это «преступным легкомыслием», а мы в этом находим еще одну из больших загадок той страшной и странной войны.

J.K. Galbreit, *Leben in entscheidender Zeit*. Güretslöh, 1983.

впадать наша цивилизация уже с начала 1-й Мировой войны, с тех пор только возрастает. И люди перестали замечать, что, радуясь горю других, они навлекают горе на себя, которому тоже всегда есть кому радоваться.

Подобной судьбе Средней Европы была только судьба Восточной Европы. И потому хотя бы здесь нужно постараться понять причины и истоки всех этих нечеловеческих страданий.

Они — эти истоки — коренятся именно в указанной поляризации, которая носит *космический* характер, поэтому судьбы людей, народов для другой, отставшей стороны — это просто ничто. Именно это характерно для зла, совершенного в XX веке и перекидывающегося в XXI-й век, — оно носит метафизический характер, оно совсем не умещается в рамки привычных представлений о добре и зле.

Происходящие события имеют, конечно, и свои простые, земные причины. Так, например, желание Британской империи устранить конкурента в сфере торговли, финансов, промышленного развития также послужило основанием для мировой войны, состоявшей, как теперь *доказано*, из двух этапов, из двух мировых войн. Но за этими внешними причинами кроется куда более важное космическое изменение.

В мире действует намерение *сорвать культурную миссию северного пояса народов*. Меры для этого принимаются как изнутри, т.е. в среде самих этих народов, так и извне, из окружающего их мира. Цель у них одна — исказить действие прафеномена коренной расы. И если при этом потребуется эти народы устранить из истории или даже с земного плана, а вместе с ними и народы России, в среде которых подготавливается будущее действие этого прафеномена, то пойдут и на это. Удастся ли прафеномену зла так далеко пойти в своих намерениях — мы судить не станем; ибо ему противостоят силы метаистории. Но в любом случае нужно понять, как и за что ведется борьба.

Противодействуя прафеномену правильного развития, силы зла стремятся исказить его закономерности; прежде всего — закон метаморфозы. Двойная спираль развития в приходящей к концу феноменологии одной своей ветви должна породить прафеноменологию другой. При этом в точке, где спирали могли бы соприкоснуться, они никогда соприкасаться не должны. Там пребывает тайна метаморфозы. И в этом месте как раз и решается сейчас Средней Европой главная эволюционная задача человечества. В Средней Европе эта метаморфоза должна быть осуществлена через метаморфозу *формы* человеческого сознания.

Действиями американо-британских оккультно-политических

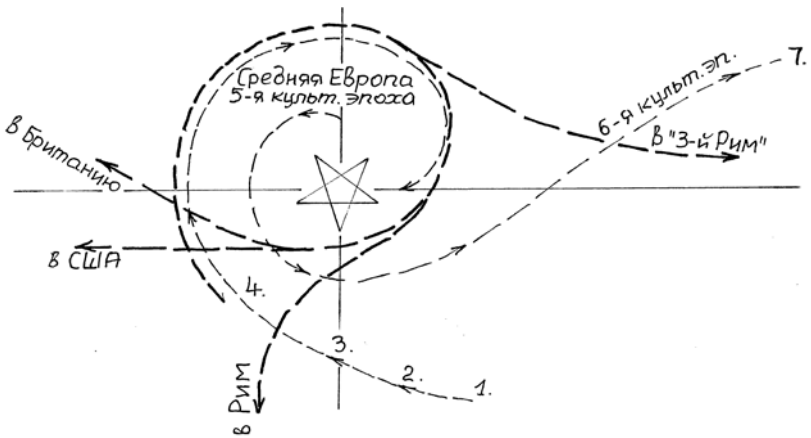

Рис. 51

сил делаются попытки первую половину спирали, т.е. наследие прошлых культурных эпох, *не метаморфизуя* его, так сказать, «потянуть» на себя, на запад. Тогда прафеномен превращается в некоего рода «удавку», накинутую на шею Средней Европы. И по мере ее умирания должен осуществляться американский проект. Именно это мы и наблюдаем в истории XX и XXI веков (рис. 51).

Чтобы достичь этой цели прафеномен зла поместил себя на то место в прафеномене культурной эпохи, где Средняя Европа должна решать свою общечеловеческую задачу. Поступая таким образом, прафеномен зла творит, фактически, самое вопиющее оккультное безобразие.

Первой мощной его попыткой подменить собой прафеномен истинного развития нашей культурной эпохи, исказить его суть было учреждение национал-социалистического эксперимента. Тогда на внешний план политической жизни была выставлена свастика — пра-святой знак северного потока культуры. Он был использован для грубых оккультно-политических манипуляций, как средство массового внушения. С тех пор в сознании человечества этот символ сделан символом самого страшного зла, — т.е. манипуляции с ним продолжают, только, так сказать, с обратным знаком. Если у национал-социалистов он служил утверждению исключительности одной-единственной, белой расы, то теперь он служит для исключения этой расы вообще из бытия.

Но что представляет собой этот символ в действительности? Еще

в 1907 году Рудольф Штайнер говорил, что большинство истолкований этого знака, «даже будучи содержательными, являются бессмыслицей. ... Свастика является не чем иным, как проекцией, показом того, чем человек обладает как астральными органами чувств — их называют также цветками лотоса, — которые начинают двигаться, когда человек делает определенные упражнения...» (ИПН. 101, 13.11.1907).

Свастика была известна в древней Индии, у древних славян. Это был символ Солнца, солнечно-небесных сил в человеке, символ, как говорит Рудольф Штайнер, действия цветков лотоса, приводящего к раскрытию сверхчувственного видения. То есть это был символ, употреблявшийся при посвящении, и потому святой.* Таковым он остается и теперь, и вынесение его на политическую арену было мощной атакой на процесс выработки европейцами созерцающей силы суждения. Поэтому феномен национал-социализма можно уподобить 30-летней войне, развязанной на этот раз против гётеанизма, против Антропософии.

Такими методами упраздняется смысл 5-й культурной эпохи и исключается возможность возникновения 6-й, славяно-германской культурной эпохи.

Положение усугубляется еще тем, что наследие латинской эпохи, желая продлить свое господство, также противится метаморфозе культурной эпохи и тянет первую петлю спирали на себя, тянет ее в прошлое. Это делает политизированный католицизм, иезуитизм — огромная мировая сила. Он, в отличие от англосаксонских оккультно-политических сил, которые, борясь со Средней Европой, совершают роковую ошибку, является просто естественным врагом

*) Мы привели, разумеется, далеко не всё из того, что можно узнать о свастике в Духовной науке. Она, например, еще определенным образом соотносена с репродуктивной силой в человеке. Еще и по этой причине оккультные вожди национал-социализма ухватились за нее, намереваясь универсализировать принцип кровно-родственных связей как надежную базу для реставрации группового сознания.

Как символ Солнца свастика указывает на связь с северным потоком культур солнечного культа Заратустры.

На сверхчувственном плане свастика представляет собой два перекрещивающихся астральных луча, вращающихся справа налево, т.е. против хода нашего эмпирического времени. Человек должен быть познавательным и нравственно подготовлен, чтобы созерцать такую свастику. Когда же нацисты начали изображать ее именно в этом вращении на своих знаменах, самолетах, танках, то это было еще одним вопиющим оккультным безобразием.

германской расы, т.е. всех народов северного пояса. Когда они пытались освободиться от него путем реформации, он организовал им 30-летнюю войну, нанесшую Средней Европе непоправимый ущерб. В новое время он — главный враг гётеанизма и Духовной науки. Приняв самое активное участие в подготовке и проведении большевистского эксперимента, иезуитизм на семьдесят лет исключил всякую возможность антропософской работы в России и во всей Восточной Европе.

Свою лепту в искажение действия прафеномена развития пытается вносить и Россия. Уже задолго до большевистского переворота в ней родилось стремление первую ветвь спирали перетянуть на восток, и также не метаморфизируя ее, т.е. минуя развитие. Это нашло свое выражение в идее «третьего Рима», которую охотно поддерживают иезуиты (негласно, конечно). Эту идею в 1523 г. провозгласил монах Псковско-Елизаровского монастыря Филофей. Что за силы инспирировали его при этом — мы не знаем. Сверхчувственно его, скорее всего, инспирировал люциферический двойник российской государственности. Похоже, под его действием было провозглашено: «Москва — это третий Рим!» Уже в наши дни об этой идее пишут следующим образом: ««Вечность» России заключается, с одной стороны, в том, что она наследует миссию «вечного» Рима... с другой стороны, «вечность» России должна подтверждаться ее историческим существованием... Россия как пятое и последнее, Вечное Царство, как Третий Рим вместе с византийским наследием в мистическом и культурном смысле наследует всё то, что наследовала сама Византия»*.

Всё в этом заявлении является опасным дилетантизмом и самой пошлой провокацией. Ведь что это такое — унаследовать всё прошлое Римской Империи во всех ее модификациях? Это значит *всю ее неизжитую дурную, тяжелую карму сделать кармой России*. Это все равно что — если бы такое было возможно — привести юный, полный сил организм в симбиоз со старческим, умирающим организмом. Поистине, нет лучшего способа похоронить Россию, как заставив ее принять этот лозунг. И хорошо возразил на это Владимир Соловьев:

Судьбою древней Византии
Мы научиться не хотим.
И всё твердят льстецы России:
Ты третий Рим!
Ты третий Рим!

*) Малер М.М. Духовная миссия третьего Рима. М., 2005, стр. 136–137.

Пусть так!
Орудий Божьей кары
Запас еще не истощен.

.....
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому — не быть.

Однажды Россия на этом пути во прах уже легла. Она вступила в войну с Германией, надеясь получить Царьград и проливы. И вот страшная ирония судьбы! — русская армия Царьграда достигла, но это были остатки армии Врангеля, бежавшей из России. Идет ли нам впрок исторический опыт?

* * *

Так, можно сказать, «дружными», совместными усилиями народов мира, превращенных путем обмана и потакания низменным инстинктам мировыми центрами оккультно-политического манипулирования историей человечества в свой послушный инструмент, затягивается тройная петля на шее народов Средней Европы. И в таких условиях они свою всемирно-историческую задачу — метаморфозировать наследие четырех прошлых культурных эпох в будущее 6-й, славяно-германской культурной эпохи — решать не могут. А задача эта — общечеловеческая! На всех этапах исторического развития существовали отдельные этносы, шедшие впереди других и решавшие главную духовную задачу этапа для всего человечества. Никогда это не трактовалось националистически, и никогда окружающие народы не ополчались на те центры культуры в пору их цветения, в пору решения ими своей общечеловеческой задачи.

В наше время кто угодно может сводить свои счёты с Германией, упиваться страстной германофобией, без конца перебирать фиктивные основания для этого, не желая знать, что они уже избалованы исторической наукой, — никто не станет такому человеку мешать. Более того, он всегда найдет в этом официальную поддержку, на его стороне будет «общественное мнение». Но дело тут заключается в том, что, какими бы они там ни были — эти «немцы» в нашей цивилизации, но именно в центре Европы, совершается гигантский поворот развития с запада на восток, и всякий, кто ему мешает, служит тем самым силам, враждебным не просто Германии, а всему человечеству.

Итак, в результате очень долгой, кропотливой работы, которую мы описали вкратце, существа Иерархий подготовили народы Сред-

ней Европы к тому, чтобы они совершили метаморфозу формы сознания, которая, собственно, и позволит человечеству, как по мосту, перейти из прошлого в будущее. Возведение такого моста есть главная задача европейской культурной эпохи. Все современные народы причастны к ее решению. И не нужно много рассуждать о том, плохие они или хорошие. Народы нужно оценивать с точки зрения решаемых ими в развитии задач.

* * *

Если опираться на духовнонаучное познание законов развития, то не составит труда понять то, к чему мы пришли на рис.51 и 50. Прафеномен имеет всякая феноменология развития. В эволюции человека на Земле действуют законы планетарного развития, которые сочетаются с законами воздействия эфирно-астральной ауры Земли на ее географическую конфигурацию, а также с законами исторического, социального, культурного развития народов и отдельных людей. Именно из такой сложной и огромной целостности сформировался прафеномен нашей коренной расы. И нет ничего удивительного в том, что он получил и свою географическую привязку*.

Методология Антропософии показывает *многообразие действия в мире одних и тех же законов* и разъясняет, что для понимания феноменологии земных событий нужно знать их прафеноменологию.

В области оккультной политологии именно столкновением двух прафеноменов объясняется всё то, что политически, социально происходит между людьми, народами, расами. В центре этого столкновения находится человек как малое подобие большого Космоса, и именно за него идет мировая борьба. В ней он в одном случае — в опрокинутой пентаграмме — жертва и инструмент враждебных ему сил; в другом случае, духовно активно выступая как соединительное звено двух ветвей спирали развития, он созидатель, творец высокой и светлой духовности.

В этом ему стараются помешать отставшие духи. Они стремятся не дать развиваться в нем органам высшего восприятия. Очень многое из того, чем извне наполняется жизнь современного человека, представляет собой глубоко, оккультно продуманные средства разрушения его духа, его индивидуальности.

*) У Рудольфа Штайнера есть множество сообщений о том, как по-разному аура Земли действует на человека с севера, запада и т.д. Мы занимались этой темой в нашем «Органоне».

Весь человек как личность образован набором тех или иных качеств, которые он усваивает, вырабатывает в ходе жизни. Качества эти, как таковые, зародились и развились в ходе долгого культурно-исторического процесса под влиянием метаистории. Так, например, человек как микрокосм постоянно пронизывается потоком космических эфирных сил, движущихся в нем по пентаграмме. В эпоху индивидуализма пронизание его этим потоком зависит от того, насколько совершенно он усвоил шесть определенных качеств. Первое из них — «контроль мыслей». Оно обеспечивает вхождение того потока в голову. Он тем совершеннее проходит сквозь нее в эфирное тело, чем более человек способен управлять своим мышлением, мыслить самостоятельно и упорядоченно. И трагично в этой связи наблюдать, как много предпринимается в нашей цивилизации для того, чтобы лишить людей самостоятельного мышления, создать в их головах хаос, сумбур, принудить мыслить готовыми штампами о том, о чем им извне рекомендовано мыслить.

Рудольф Штайнер называет шесть качеств («правил»), владение которыми делает сильной, живой, отчетливой индивидуальную пентаграмму эфирного тела человека, делает ее крепкой основой высшего сознания. — И все эти качества интенсивно разрушает цивилизация, направляемая прафеноменом зла.

Насаждаемое ею противоположное выражение качеств высшего развития усиливает в человеке апокалиптического зверя с 10-ю рогами, о котором мы говорили в 3-й главе. В опрокинутой пентаграмме зла они — первое условие для прихождения первого и второго зверя к единству, т.е. подпадения человека безраздельной власти Зората. Такой человеко-зверь социализируется в пяти центрах перевернутой пентаграммы зла, а далее из неё излучаются в мир людей пять видов основных заблуждений. Они разделяют людей, побуждают их ненавидеть друг друга, и всё это астрально излучается от Земли в Космос как ее позор.

А ещё нужно иметь в виду, что в мире зла всё человечески нравственное берется с обратным знаком. Так, если какая-либо из пяти оккультно-политических сил особенно много, с преувеличением осуждается на Земле за свои злодеяния, то на плохом астральном плане она от этого только выигрывает. Возникает, в особенности если осуждение связано с ложью о зле, клеветой на него, опасность именно такого его социального воплощения. Поэтому столь важно искать истину, истину и в понимании зла. Истина *претворяет* зло в добро.

У людей Земли есть все основания для того, чтобы изо всех сил

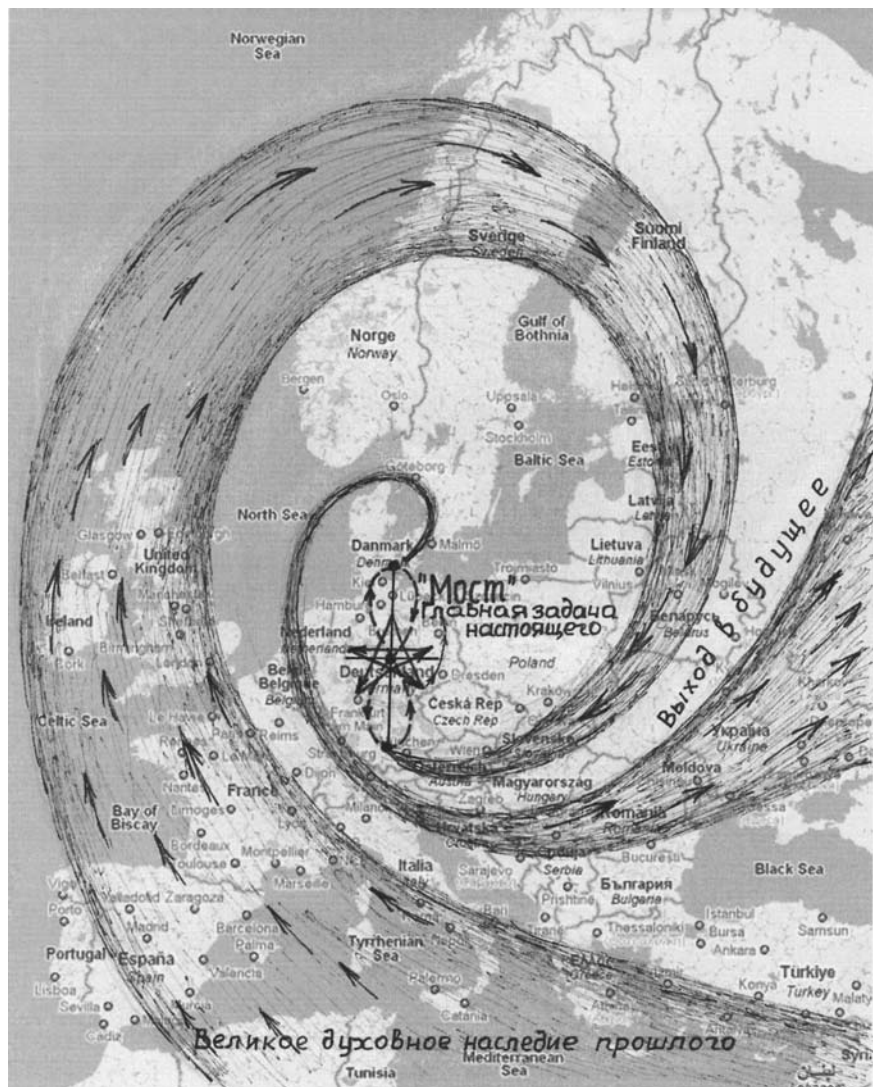

Рис. 52

отстаивать свое правильное развитие. Для этого *каждый* должен поставить себя в точку сближения двух ветвей спирали прафеномена нашей культурной эпохи и правильными уверенными действиями способствовать вызываемой им метаморфозе, в результате которой менялась бы форма человеческого сознания, а всю Европу захватило

бы культурно-историческое движение, берущее направление с запада на восток (рис. 52), чтобы в феномене европейской культуры зарождался прафеномен 6-й культуры.

Первое, что следует делать в такой работе, — это в соответствии с теоретико-познавательной лемнисковой метаморфизировать форму современного индивидуального сознания. Именно эта лемнисковая и образует мост для перехода от 5-й к 6-й культурной эпохе. Культурно-исторически, благодаря совершенно особенному пути из древности в современность в наибольшей степени предрасположена к этому германская раса. Большая задача и ответственность за развитие лежит на ней, в особенности на Средней Европе. Поэтому нужно всячески помогать ей справиться с этой задачей, сотрудничать с нею в исполнении ею своей миссии. В последние сто лет Средняя Европа напоминает птицу, улетающую с насиживаемых ею яиц. И именно ради этого в ней и вокруг нее была затеяна бойня XX-го века. Это было ее главной целью, всё остальное — лишь средствами.

Северный путь к Мистерии Христианства

То, как национал-социалисты обращались с северогерманской мифологией, должно было опорочить ее в глазах людей навсегда. Нечто подобное предпринималось и в отношении христианских преданий. Мы имеем в виду инквизицию.

Только эзотерическое понимание мифологии способно вернуть ей ее великий смысл. В мифологии даны глубочайшие знания о человеке и мире, каких можно достичь только на путях посвящения в Мистериях, в тех местах, где боги общаются с человечеством, направляя его развитие на земле. «Древние саги и мифы, — говорит Рудольф Штайнер, — это знаки высшей действительности в физическом мире. Они являются письменами, удивительным образом констатирующими прошлые времена. Если мы можем их читать, то глубоко заглядываем в прошлое ...мифы оплодотворяют нас» (ИПН. 101, 7.10.1907). Мифологии разных эпох и народов, как мы уже отмечали, были в полном смысле слова методологиями древних цивилизаций, приспособленными к формам существовавшего тогда сознания. Их создавали посвященные — ученые древности. Кроме того, мифологии являются описанием науки посвящения в разные эпохи у разных народов. Они, поистине, являются гносеологией древности, несравненно более высокой, живой и спиритуальной, чем гносеология новых времен. Ну а метод посвящения во все времена являлся *всеопределяющим фактором* развития целых эпох, народов, отдельных людей.

Существует мифология и у эпохи материализма. Ее основу составляет учение об атомном строении материи, материальной вселенной. И также и в этом случае, стоит от этого учения отказаться — и рухнет все устои материальной культуры. Иногда в наше время творят мифологии в литературной форме. Их язык оказывается необыкновенно емким, многоговорящим, в особенности, когда речь в них идет о нашей социальной жизни, об идеологиях, о политике. Примером тут могут служить «Властелин колец» Толкиена (вспомним тут, кстати, длившийся в течение нескольких лет кинопоединок между этой мифологией и «Гарри Потером») оккультные романы Карлоса Кастанеды.

Всё это показывает, что в кругу сил, распоряжающихся цивилизацией, господствует совсем иное, чем у простоватого атеиста, отношение к мифологии. Там понимают ее колоссальную действенную силу и потому-то, если она им не угодна, то они стараются ее исказить и порочить. Делать это в наше время легко, поскольку везде царит беспросветное невежество в вопросах духа, хотя они для всего человечества являются судьбоносными.

* * *

Это имеет особый, глубокий смысл, говорит Рудольф Штайнер, что великие учения человечества, данные через Моисея, св. Риши, Гермеса и др., выражены в аллегорической форме. «Когда, например, жрецы-друиды рассказывали о «Небельхайме» (об Атлантиде. — *Авт.*), о великане Имире и т.д., то это, естественно, не было народной поэзией. Жрец-друид знал: человеческий дух, которому я сегодня напечатлел сказки, будет, когда он перевоплотится, подготовлен к тому, чтобы истину постигать в более совершенной форме. Все эти сказки созданы исходя из предпосылки, что дух перевоплотится и ему тогда будет легче постигать истину. В основе этих сказок лежит не вера, а *познание*, опыт реинкарнаций. Даже отрицание реинкарнации — начиная с III в. по Р.Х. — произошло исходя из предпосылки, что она существует» (ИПН. 93, 10.6.1904). Просто человеку было нужно на его пути к свободе хотя бы одну инкарнацию пережить как свое личное «всё».

О том месте, где творилась германо-северная мифология, Рудольф Штайнер говорит следующее: «Духовная жизнь (современной Европы) изошла из центральной ложи в Скандинавии» (*Ibid.*, S. 42). Это была ложа друидов и троттов. Современная наука знает кое-что

о друидах лишь последнего, упадочного периода их Мистерий. Но и это знание лишь внешнее.

Мифы, саги, сказания, былины нужно учиться понимать. В них заключено до *семи* смыслов. Какая из современных литературных форм обладает таким богатством возможностей? Чтобы уметь эти смыслы раскрывать, необходимо овладеть языком эзотерики, уметь восходить от символики мифа к стоящему за ним высшему смыслу. И этим стоит заниматься, ибо, например, в одном только мифе о Прометее заключена история всей нашей коренной расы (Ibid., S. 47). В ней всё человечество стоит под знаком огня. Вся наша техника, промышленность, искусство связаны с огнем, с завоеванием с помощью огня безжизненной природы, на которой — как на «камне» — даже Христос основал Свою церковь. А миф об Адаме и Еве соединил в себе воедино всё, что прошлая эволюция мира принесла Земле.

Знания такого рода едва выразимы для абстрактной, интеллектуальной мысли. Ибо она есть лишь отражение, а древнее мышление было реальностью и потому было способно проникать вглубь реальности. И оно творило миф.

Мифы, обладая вечной ценностью, в то же время развиваются. На смену мифологии Ветхого Завета пришла христианская мифология, греческую мифологию постепенно заменила германо-северная, перерастая в европейскую христианскую мифологию: в сказаниях о круглом столе Артура, о св. Граале и др.

Характеризуя германо-северную мифологию, Рудольф Штайнер говорит: «...на земле нет другой мифологии, которая в ее своеобразном построении, в ее самобытном развитии дала бы более значительную или более ясную картину мировой эволюции, чем германо-северная мифология, так что эта картина может быть преддверием духовнонаучной картины мирового развития (подч. нами. — Авт.)» (ИПН. 121, 12.6.1910). В ней отразилось учение как об Иерархиях, так и об эволюции многочленного существа человека. Духи Мудрости и Духи Движения в этой мифологии — это ваны; Ангелы и Архангелы — азы. В Одине германец-северянин видел Архангела, но отставшего развития, жертвенно отказавшегося восходить на более высокую ступень ради того, чтобы взять на себя миссию работать над душой человека. В сказаниях о нем выражено овладение человеком речью, мудростью языка, рунами*. Хёнир, Лёдур — это Архангелы нормального разви-

*) Мы не станем тут параллельно показывать, как дилетантски и филистерски обходились с этой мудростью оккультные «гуру» национал-социализма, чтобы не терять попусту время.

тия. Первый из них одаряет силой представления, второй – тем, что еще близко расе: цветом кожи, характером крови.

Нанна в «Песне о нибелунгах» – это человеческая душа. Ее разум, волю, душевность выражают Вотан, Вили и Ве. Им противостоит Хёдур – представитель внешнего материального мира, исключаящего духовное. Этимологически его имя происходит от слова «хёд» – старогерманского названия раздора, тьмы. Бальдур, напротив, является представителем понимания, познания, света сознания. «Бальдур имеет в себе нечто от хороших черт Люцифера, Хёдур – нечто от хороших черт позднего Мефистофеля–Аримана. Под «хорошим», – уточняет Рудольф Штайнер, – я имею в виду не морально хорошее, а необходимое для развития» (ИПН. 173, 24.12.1916). Бальдур также символизирует зрелые силы Земли; Локи же – отставшие на лунной ступени. Хелль выражает низшую природу человека. Но она вызывает рождение и смерть и потому является то белой, то черной.

Локи, кроме прочего, – это еще огненное Божество. Он более древний, чем Вотан, Тор, которые произошли от смешения холодного, туманного элемента севера с огненным элементом юга. Локи воюет с ними, поскольку должен передать им господство. Жена Локи – из рода великанов. Ее зовут Ангрбода. Она родила Фернис-волка, змею Митгард и Хелль – богиню нижнего мира. Новые боги должны их сковать, чтобы в человеке могло развиться новое сознание. Митгард скована тем, что она лежит вокруг европейского континента и кусает свой хвост. Сам Локи прикован к трем скалам и ужасно страдает.

Когда туманы Атлантиды сгустились, то они стали водой моря. Исчезло ясновидение; мудрость, наполнявшая воздух, ушла в воду. Туда боги столкнули Митгард – дочь огненных властей, хранительницу древней мудрости.

Атланты получили речь; она первоначально состояла в подражании звукам природы. Все атланты говорили на одном языке. Он давал человеку колоссальную власть. Это был Фернис-волк. Чтобы его власть не проникала в сферу азов, они его сковали, т.е. раздробили единый язык, что повело к образованию племен и народов. Между ними возникли войны, благодаря чему человек свое внутреннее почувствовал направленным вовне. Звуки боли, радости зазвучали вовне. Война способствовала разделению языков.

Миф повествует, что Бог Тюр (Тур, Tur) сунул руку в пасть Фернис-волка и она стала у него языком. Это и есть язык человека, вызывающий различия в произнесении звуков, слов в языке, в языках.

Действия духовного мира были локализованы в разных органах чувств человека. Но с чувством тепла связано всё тело. В Лемурии в

огне господствовал Бог Сутур, и он придет вновь, ибо человек должен вновь овладеть мощью огня; в нем снова разовьется тот лемурийский орган, который, подобно лампе, светил из открытой вверху головы и давал человеку сверхчувственные переживания. А когда он погас, то изменилась вся судьба человека. Сын Сутура «Локи был прикован к троякой скале человеческой головы, туловища и конечностей; он не может двигаться и потому терпит все человеческие муки и страдания» (ИПН. 101, 21.10.1907).

Благодаря тому, что Тюр потерял руку в пасти волка, развился зачаток позднейшего заката богов. Когда атланты ушли в область Индии, то единый язык разделился на множество языков. Лишь одна народность сохранила нечто от древней Атлантиды. Это монголы. Атилла, Атли означает атлант. Другие племена, обособившись, пришли в Европу и повели войны между собой. Они не могли справиться с Атиллой, которому они не нравились. Он был хранителем древнего великого Духа — некоего рода монотеизма. В Христианстве Атилла встретил нечто восходящее над кровными связями. «Здесь Атилла увидел духовную власть, которая вновь соединяет людей, и это является тем, перед чем склоняется атлантический посвященный. Христианство должно подготовить состояние, когда вновь явится Сутур и вне зависимости от разделения людей на отдельные племена принесет миру мир» (Ibid.).

Так переживалось Христианство в самые первые века: как возвещающее закат богов и возвращение древних времен. И это было Христианство тайных обществ, исшедших из Англии, из Ирландии, а позже — и из Франции, полностью свободное от власти Рима.

А далее случилось так, что один из учеников того тайноведения, Винфрид (675—754) заключил союз с Римом. Папа дал ему имя Бонифаций; он стал бенедиктинским монахом и как миссионер нес Христианство германцам. Собственно говоря, с этого Бонифация и начался тот процесс, в ходе которого Христианство получило окраску римской церкви (Ibid.).

Так описывает Рудольф Штайнер историю духовного становления Европы, какой она запечатлена в северогерманской мифологии, постепенно вливающейся во внешнюю историю Европы. Без первого не понять последнего. И нужно особо подчеркнуть, что больше нигде, кроме как в этой мифологии духовная предыстория Европы не описана — предыстория северного пояса ее культуры, с которым связано ее будущее.

В этом поясе Зигфрид является посвященным еще 4-й подрасы. Он уязвим в том месте между плечами, на котором Христос нес крест.

Оно у него еще, так сказать, не прикрыто силой креста. В Зигфриде северные боги идут к своему закату. Но он еще — «Солнечный Герой», т.е. посвященный этой высокой ступени. Валькирия Брунхильда — это Матерь мира; поэтому она и Зигфрид — родственны друг другу. Кримхильда же и Гюнтер соответствуют времени, когда уже было потеряно старое ясновидение. Его представляет Фернис-волк: не просветленную, атавистическую силу, которая затуманивает и запутывает человечество. Его побеждает Христос в Своем втором Пришествии.

В «Сумерках богов» Фернис-волка побеждает Видар. «Кто знает Видара во всем его значении и чувствует его в своей душе, тот поймет, что в XX-м веке людям вновь может быть дана способность видеть Христа», — так говорит о Видаре Рудольф Штайнер (ИПН. 121, 7.6.1910).

Вотан, утративший «третий глаз» старого ясновидения, должен обрести его вновь, но уже по-новому, с помощью огромной школы мышления, которую увенчал идеализм дойчей (так называют сами себя «немцы»), а гётеанизм подвел человека к границе сверхчувственного, создав тем самым предпосылки для нового посвящения, а также и новую мифологию — «Фауста» и др.

* * *

Школа мышления зародилась в южном поясе культуры, но возрождение мышления, для чего необходима метаморфоза формы сознания, — силу для этого принесли с собой народы северного пояса. И теперь они должны помочь совершиться великому процессу перерастания, метаморфозы духовного импульса при его движении из 4-й в 5-ю и 6-ю культурные эпохи. Без борьбы, совершенно очевидно, такие процессы не совершаются.

Начало этой борьбы, достигшей особого накала в наше время, ее истоки макрокосмически выражены в германо-северной мифологии. Друиды, посвященные кельтов еще за тысячелетия до Р.Х. были хранителями мудрости, являвшейся отзвуком воспоминания о том, «что Земля имела в себе от Солнца и Луны, прежде чем (они)... отделились от Земли. Инициация Друидов была в существенном солнечной инициацией» (ИПН. 228, S. 80). Их дольмены, кромлехи были приспособлены для того, чтобы, загораживая физический свет, пропускать духовный свет Солнца, в котором приходили указания относительно всех земных дел. С востока, от пра-германских племен к ним пришло иное влияние. «Ибо кто такой Вотан? Мистерия, из которой

вышла культура Вотана, была Мистерией Меркурия (под влиянием интеллигенции Меркурия стоит 2-я половина земного эона. — *Авт.*). Мистерия, которая к импульсам Солнца и Луны присоединила импульс Меркурия. ... Вотан-Меркурий распространил свое влияние на Запад» (ИПН. 228, 10.9.1923). Он принес рунические письмена, благодаря чему первоначально совершенно примитивным, но уже *интеллектуалистическим* способом человек начал расшифровывать Мироздание. До Вотана у друидов считалось нездоровым предаваться раздумьям, погребать себя в своем внутреннем. Поэтому исходящий из культуры Вотана Бальдур ощущался соединенным не с жизнью, а со смертью, должен был идти к Хелль. Силы интеллигенции Вотана вели к смерти. Но в Бальдуре, подпадающем смерти и не могущем воскреснуть, можно видеть предшественника Христа, Который приносит не отраженную Меркурием силу Солнца, не силу интеллектуализма, а чистую духовную силу Солнца и потому может воскреснуть. Так через влияние сил Меркурия на силы Солнца и Луны готовилось воззрение на Христа.

Пятая коренная раса получила от 4-й, атлантической коренной расы главное сокровище: предпосылки к становлению Я-сознания. Вотан и Зигфрид спасают клад нибелунгов (атлантов). Но Альберих — представитель человечества, пробуждающегося к индивидуальному развитию, переносит высшие стремления в сферу себялюбия, эгоизма. Служащее целому — мудрость (золото) — он замыкает в кольцо эгоизма. Тогда умирает сила ясновидения, а с нею и древние боги.

Пророчески-трагическое настроение проходит через всю мифологию европейского севера, включая и русские былины. В них пророчески возвещается, что придут сумерки богов. Жрецы учили: «Мы — остаток атлантической культуры. Мы должны отмереть, чтобы могло прийти лучшее. ... Самых интимных учеников учили, что придет другой, который принесет духовную жизнь»*.

Это древнее наследие нибелунгов, а также и настроение сумерков богов в дальнейшем стало исторической реальностью Европы. Так, например, у франков, которые возникли в результате смешения германского этноса с латинским, имевших большой успех в завоевании Западной Европы, был род владетелей, ведших свое происхождение из Атлантиды. «Его называли родом нибелунгов, или вибелунгов, от чего произошло название гибеллинов»**. Их представитель — Карл

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 3 дек. 1905 г. в Кёльне. (Из частного архива.)

**) Ibid.

Великий, стремясь светское соединить с духовным, пожелал, чтобы царскую корону на него возложили в Риме.

Барбаросса считал себя продолжателем франкского господства, и действительно был таковым. Гогенштауфены были гибеллинами, вибелунгами (в противоположность гвельфам). В узких кругах рассказывалось, продолжает Рудольф Штайнер в цитируемой лекции, что Барбаросса перенес Св. Грааль из Азии в Европу. Сам он как физическая личность при этом погиб, но духовно он ждет, когда снова придет его время.

Так выражало себя настроение средневековья, находившееся между язычеством и Христианством, на переходе от одного к другому. И в этом состоянии перехода Европа вместе со всей цивилизацией пребывает и теперь. Альберих в форме Федеральной резервной системы США физически замкнул всё золото мира в кольцо англосаксонского эгоизма, достигшего в панамериканизме своего апогея. Все современные ведущие нибелунги мира собраны в тайных обществах под сенью Сообщества Тени. К этому еще добавились призраки древней Римской Империи, ну и еще кое-что. А переход к Христианству так и не может совершиться, к подлинному Христианству Св. Духа. Подвергается коррупции всё самое ценное духовное наследие прошлого. — Существует политическая ложа, названная именем круглого стола Артура; оккультными шарлатанами была предпринята попытка возродить Священную Римскую Империю немецкой нации (третьего царства — Reich) — претенденты на третий Рим имеются не только в России ;— ими же затевались поиски Св. Грааля и т.д. и т.д.

Чтобы всё это преодолеть, нужно обратиться к чистым источникам европейской спиритуальности и, познав их, решать то, что готовилось в них.

В Средние века не только в кругах посвященных, но и в кругах светской культуры говорили: Грааль хранится на «Монт сальвационис» — на горе исцеления. Его теперь окружают наследники круглого стола короля Артура, 12 рыцарей, которые в дополнении к старому, языческому посвящению получили христианское посвящение.

Действительная история св. Чаши была такова. Иосиф Аримафейский взял ее с Тайной вечери и собрал в нее кровь, текшую из ран Спасителя на Голгофе. Потом он, подвергшись гонениям в Палестине, эмигрировал на Британские острова и принес туда с собой Чашу. Туда же было принесено и учение Дионисия Ареопагита. Остатки Мистерий друидов и тротов в тех местах оказались пропитанными и претворенными Христовой Мистерией. Благодаря этому пришедшая туда из Средней Европы часть германского этноса — саксы — смогла

полностью осознать, «что искомое в Ху и Бальдуре пришло теперь во Христе» (ИПН. 57, S. 432–433). Хотя лишь только в узких кругах посвященных оставалась живой святая тайна Христианства, что «текущая из ран Спасителя кровь струится через всех» (Ibid.). Посвященный в эту тайну говорил себе: в поисках истины я должен обращаться не к внешнему миру, а к своей душе. «Вопрос души к высочайшему, что она может найти ... назывался «тайной Св. Грааля». И сказания о Граале, о Парсифале являются не чем иным, как выражением Христовой Мистерии» (Ibid.).

Трагическая нота проходит через историю посвящения Парсифаля. Он «сын Герцелоиды», имя которой означает «сердечное страдание». В этом слышен отзвук Мистерии-Драмы заката богов. Барбаросса должен ждать в горе, пока Христианство не найдет связи с предыдущим принципом посвящения, не выступит также и на внешнем плане как эзотерическое Христианство.

Засыпают в горе и богатыри русских былин. Все они находятся на пути к Св. Граалю. Они проснутся, когда трехчленная душа русского человека озарится Христовым светом.

Парсифаль является новым, христианским посвященным и «великим символом, пришедшим на смену посвящению Зигфрида»*.

Свое продолжение средневековье получает в переходе от Парсифаля к Лоэнгрину — инициатору культуры городов, в значительной мере основанной на материальном. Приходит книгопечатание, Коперник, Кеплер и т.д.

Союз Лоэнгрин с Эльзой Брабантской — это соединение инициатора урбанистической материальной цивилизации с рождающейся европейской культурной эпохой. В то же время, Лоэнгрин — посвященный, наследник Мистерии Грааля, а Эльза — это земная душа, ищущая нового посвящения.

С XIII — XIV веков на сцену европейской жизни выходит розенкрейцерство, которое, с одной стороны, также дает значительные импульсы внешней культуре, а с другой — воспринимает в себя и становится хранителем импульса чисто эзотерического Христианства. Посвященные розенкрейцеры были наследниками древних европейских Мистерий и Школы Св. Грааля.

А с концом Кали-юги в мир пришла Антропософия — наследница течения Парсифаля—Лоэнгрин—розенкрейцерства. Теперь, наконец, наступило время, когда и Барбаросса, и русские богатыри долж-

*) Лекция от 3 дек. 1905 г.

ны проснуться. Кончилась эпоха сумерек богов, взошла заря нового духовного откровения.

Мы живем в эпохе, которая началась с переходом точки весеннего равноденствия из созвездия Овна в созвездие Рыб и в ней уже зарождаются первые семена грядущей, 6-й, славяно-германской эпохи, эпохи Водолея.

Роль двух потоков культуры в становлении Я

Южный и северный потоки культуры, подготовившие современную, 5-ю, европейскую культурную эпоху, несмотря на кардинальное различие между ними, образуют единство. Так сказать, «замковым камнем» в «арке» этого единства является понимание его как коренящегося своими истоками еще в древней Атлантической эпохе. Основой их единства является развитие индивидуального Я человека. Именно в этом состоял смысл последнего периода Атлантической эпохи и всего послеплатонического времени.

Импульсом Я человечество было наделено Духами Формы в Лемурийскую эпоху. Для человека это наделение прошло совершенно бессознательно. Но к концу Атлантической эпохи посвященные начали уже как отдельные человеческие существа восходить в высокие сверхчувственные сферы этого Я и, не имея к нему индивидуального отношения на земном плане, сливаться с ним в духовных высях, о чем оставалось воспоминание, когда они возвращались в обычное земное сознание.

Так поступали посвященные и в древнеиндийскую культурную эпоху. Рудольф Штайнер говорит, что они в духовном мире соприкасались с *субъективным Я*. Это значит, что они приходили с ним в единство, подобное тому, которое переживает современный человек на земле, только с ними это происходило в высоких сферах духа, а на земле в индивидуальном Я они не были пробуждены. Они совершенствовались свою земную душу, не обладая Я на земле.

Тогда, на заре нашей коренной расы существовал и иной опыт переживания Я: как *объективного* сверхчувственного существа. Только происходило это в более низких сферах духа, где индийские посвященные, устремляясь в Нирвану, не задерживались. Это отношение к Я выразили в своей мифологии германо-северные народы.

И субъективное, и объективное Я, проделав долгий путь нисхождения в человека, в нашей культурной эпохе пришли в соприкосновение, чтобы породить некий синтез, нечто третье: *индивидуальное*

переживание Я как реального *объекта* сверхчувственного мира. Осуществление этого, в определенном смысле завершающего, процесса и стремятся сорвать темные власти, всячески искажая знание о подлинном генезисе Я, которым, фактически, определяются все формы человеческого бытия. Однако нужно найти силы, чтобы преодолеть насаждаемые нам извне предрассудки, предвзятости, национализм и прочее и это знание получить, усвоить, чтобы с ним продуктивно работать на благо человечества.

Благодаря высшему переживанию субъективного Я, древнеиндийская культура была необыкновенно спиритуальной. Но после нее развитие пошло по нисходящей линии – развитие южного пояса культур. Посвященные древней Индии восходили до ощущения высших существ 2-й Иерархии: до «Мула-Пракрити» – совокупности Духов Движения, и «Маха-Пуруши» – общей совокупности Духов Мудрости. Переживали они их, правда, в некоем воспоминании, почерпаемом в хронике Акаши. Непосредственно же их господство могли переживать посвященные Атлантиды.

В древнеперсидскую эпоху посвященные могли подниматься только до сферы Духов Формы – Амшаспанд. Халдеям были хорошо знакомы Духи Личности. В определенной мере их осознавали и греки, но более значительным было для них воспоминание о сверхчувственном опыте, в котором открывается, как Ангелы и Архангелы принимают участие в душевной жизни человека.

Египто-халдейское время лишь совсем смутно могло вспоминать об Ангелах и Архангелах, а в персидское – знание о них уже почти совсем отсутствует. Знание об этих существах возрастает по мере развития души человека, что обусловлено нисхождением к человеку Я через сферы иерархических существ.

Таким образом, в послеплатоническое время субъективное переживание Я всё более приближалось к человеку. Оно руководило в нем выработкой трехчленной души, что находилось в тесной связи и со специальным развитием трехчленного тела – всего многочленного существа человека. Но этот процесс шел в отсутствие в человеке собственного Я. Оно действовало в нем из высей как Ангел или Архангел.

Постепенно развитие пришло к тому, что Я, несомое существом Ангела, отразилось в высшей нервной деятельности человека, стало в нем низшим земным «я». И оно сохранило характер субъективного Я, хотя было лишь его тенью, отражением. Однако с его возникновением можно говорить и о пробуждении в человеке его подлинного Я. К такому результату пришел южный поток культур в эпоху

материализма. И здесь с возрастанием интеллектуализма отношение низшего «я» к Я высшему впало в кризис. Дело дошло до отрицания подлинного Я.

Этот кризис стал нарастать уже в эпоху древнего Рима. Там, собственно, впервые произошло, так сказать, массовое рождение Я в людях, что привело к образованию правовой жизни, к пониманию человека как гражданина и т.д. То рождение Я было хотя и земным, но ему было присуще живое отношение к своей сверхчувственной сущности. Однако потом набрало силу движение к абстрактному, в котором «я» оказалось всего лишь понятием.

Нечто иное происходило в северном потоке культуры. Германосеверные племена до того, как в них пробудилось Я, как и древние индусы, сохраняли воспоминание о переживании богов Атлантиды, «ванов» — Духов Движения и Духов Мудрости. Но потом они свершили переход к переживанию того, как в душу человека вступают Ангелы и Архангелы — «азы» нормального и отставшего развития. Этот сверхчувственный опыт был доступен многим, а посвященные-друиды лишь разъясняли его смысл.

Германосеверный человек, говорит Рудольф Штайнер, «не оглядывался *назад* в воспоминании о том, каким родом и способом души были встроены в тела... нет, он видел это как совершающееся *в настоящем*. Это было его *собственным* развитием, и он *присутствовал* при этом. Понимание этого он имел до VIII, IX, X столетий по Р.Х.. Он сохранял понимание того, как постепенно образуются, выкристаллизовываются в теле душевные силы» (ИПН. 121, 16.6.1910).

Он видел, что над этим работает Один—Архангел, жертвенно отказавшийся восходить в ранг Духа Личности, и даже Духа Формы, чтобы стоять ближе к человеку и мочь совершать работу над его душой.

Один даровал германосеверным народам язык, начала письменности (руны). Чтобы иметь для этого силу, он, будучи Богом, прошел через посвящение с помощью, как рассказывает миф, божественного напитка, хранившегося в седой древности у великанов. Напиток этот содержал мудрость, изживаемую в звучащей букве, слове. Чтобы овладеть ею, Один в процессе посвящения девять дней висел на кресте. Так стал он господином речи. Поэтому язык поэтов и скальдов возводили к Одину.

Один, даруя мудрость языков и рун, действовал окольным путем, через дыхание. Поэтому его видели повсюду господствующим в ветре, формирующим через дыхание речь. И северный человек видел это как единство. Он далее видел, «как живущее в нас и организующее

речь — т.е. то, что в северной организации было речью, — проникает в Я и вызывает пульсацию крови... Речь возникла раньше, чем было рождено Я. Поэтому Я повсюду ощущается как сын существа, дающего дар речи, язык» (Ibid., 14.06.1910).

Легко понять, насколько значительными были эти переживания германо-северного человека, если мы подумаем о том, что в христианском представлении о Боге Христос является *Логосом* и *Сыном Отца*. Северо-германский человек это наивысшее и универсальное представление переживал, переживал его как генезис собственной души на ее пути к Я. Это явление уникально во всей нашей коренной расе.

Переживание это в германо-северном человеке было астральным, сверхчувственным, и оно соединялось с пульсацией крови. Пульс крови — это пульс Я. При этом внешний, материальный процесс германца не интересовал. Его ощущения были ясновидческими: пульс — это деяние Тора, всё вновь ударяющий молот Тора, самого могущественного, из известных нам на Земле, Ангела.

«Каким образом, — говорит далее Рудольф Штайнер в цитируемой нами лекции из цикла «Миссии отдельных народных душ в связи с германо-северной мифологией», — духовная сила консолидирует физическое тело, это в германо-северной мифологии выражено с помощью того, что Я является тем, что при взаимосплетении душевного с духовным удерживает их вместе. Изнутри видит германо-северный человек ткань телесно-душевного человека, и он имел еще и в позднейшие времена понимание того, как из астрального вычленилось его внутреннее, как внутреннее, так сказать, отвечало внешнему. Он еще имел понимание этого, когда посвященный говорил ему как *мир формируется в человека*. Он понимал это, обращаясь назад к прошлым стадиям, к тому, что ему рассказывалось о том свершении, которое выражено в отношении Ангела и Архангела, обращаясь к прошлым стадиям, где человек был рожден физически-духовно из макрокосмоса. Он был в состоянии видеть, как строится из макрокосмоса отдельный человек, как он покоится в макрокосмосе. Он искал в макрокосмосе те процессы, которые макрокосмически разыгрываются так, что из человеческого севера, из холодных областей духа ткуются человеческие мысли и что оттуда исходит попечение о человеческой телесности... Он видел ткущий дух в том, что называл «Небельхаймом», или «Нифльхаймом»; он видел 12 потоков, которые сходятся вместе и материализуются в виде двенадцати нервов головного мозга человека; он видел, как навстречу тому, что приходит сверху, действует идущее от сердца, от человеческого юга; он искал

это вовне, в макрокосмосе и понимал это, называя его «Муспельхаймом». Так еще и в Христианские столетия он постигал возникновение микрокосмоса из всего макрокосмоса... как экстракт всего мира. ... (таков) древнегерманско-северный генезис...»

С множеством нюансов, проходя через множество ступеней душевного и духовного развития, двигалось южное человечество, народы южного пояса к пробуждению индивидуального Я. В этом процессе слагалась конституция души южно- и западноевропейских народов, не обладавших никаким непосредственным элементарным воспоминанием о пережитом прежде ясновидчески духовном мире. В состоянии «богооставленности» всё больше входили они и в нем овладевали внешним миром. Это, конечно, давало высокую степень земной индивидуализации, но должно было закончиться переходом к спиритуализации культуры. Однако для этого у них теперь как будто бы не хватает сил, но они есть у северного потока культуры, и поэтому он имеет духовную *общечеловеческую* задачу.

Объясняется это тем, что у германо-северных народов в более позднее время и совершенно иначе должно было «быть выработано то, что исходило непосредственно из нарастающего развития уже излитого в душу ощущающую прежнего ясновидения. Отсюда проистекает та особенная черта [их] внутренней сущности, которая при этом является лишь последствием внутреннего опыта, полученного [человеком] в глубокой древности. Южно-германские народы имели свою задачу прежде всего в области души сознательной. Греко-латинское время выработало душу рассудочную. — Они же имели задачу дать импульс не просто души рассудочной, они должны были действовать, будучи снабженными удивительным ясновидческим опытом древнего развития. Всё это излилось *в душу сознательную* среднеевропейско-северно-германских народов. Это продолжало действовать в них как душевная предрасположенность, и южные части германского человечества должны были прежде всего выработать то, что имеет отношение к внутреннему подготовке души сознательной, к внутреннему наполнению [ее] переведенным на физический план содержанием древнего ясновидческого сознания.

Может показаться, что философия Средней Европы далеко отстоит от области мифологии, та философия, которую еще в XIX веке представляли Фихте, Шеллинг и Гегель. И все же она есть не что иное, как результат сублимированного древнего ясновидения и завоеванного во внутреннем существе человека сотворчества с божественно-духовными силами. Иначе Гегелю было бы невозможно видеть в своих идеях реальности, не смог бы в ином случае Гегель высказать

ту удивительную мысль, так сильно характеризующую его, когда на вопрос: «что такое абстрактное?» он отвечает: «Абстрактным является, например, отдельный человек, совершающий свои повседневные отправления, скажем, — плотник». То есть то, что для абстрактно мыслящего является чем-то конкретным, для Гегеля было чем-то абстрактным. То, что для абстрактно мыслящего человека является лишь мыслями, для него было великим могущественным Мастером — Строителем мира. Мир идей Гегеля — это последнее сублимированное выражение души сознательной, и в чистых понятиях он содержит в себе то, что северный человек созерцал в связи с Я еще как чувственно-сверхчувственные божественно-духовные силы. Когда у Фихте пришло к выражению Я, то это было не что иное, как отблеск того, что Бог Тор дал душе человека, но увиденное Фихте из души сознательной, в беднейшей, как может показаться, мысли, в мысли «я есмь», из которой исходит вся его философия. Прямая линия развития идет от наделения древнего северного народа Я, изливающегося через Бога Тора, или Донара, из духовного мира, вплоть до философии. Этот Бог подготовил всё необходимое для души сознательной, чтобы она имела соответствующее ей содержание, ибо она предназначена для того, чтобы взирать во внешний мир и действовать внутри этого мира. Но эта философия находит не просто внешний грубо чувственный материалистический опыт, но находит содержание самой души сознательной во внешнем мире и видит природу лишь как идею в ее инобытии. Возьмите этот, продолжающий действовать импульс, и вы найдете в нем миссию германо-северных народов в Средней Европе» (Ibid., 16.6.1910).

Миссия эта, как мы теперь хорошо понимаем, и сводится как раз к обоснованию необходимости метаморфозы формы сознания. Поэтому в северном ареале культуры возник гётеанизм, пришла Антропософия. И всё это произошло в интересах *всего человечества*. И потому ему *всему* подобает лелеять эти духовные импульсы, пускать их в рост и так гармонично и мирно возводить новую, духовно более богатую цивилизацию.

* * *

Воспоминание о прошлом, о богатом прошлом человечества принес в европейскую культуру составляющий ее южный поток развития. Северный поток несет некоего рода «воспоминание о будущем», которое, становясь настоящим европейской цивилизации, далее протирается с запада на восток.

В цитированной выше лекции Рудольф Штайнер еще говорит, что дальнейшая задача души сознательной состоит в том, чтобы дать за-светиться в себе Самодуху. Это задача 6-й культурной эпохи, «которая должна стать в высшем смысле слова принимающей (воспринимающей — empfängliche) культурой, ибо она должна преданно, беззаветно ожидать нисхождения, проникновения Самодуха в душу сознательную...» Приход этой культуры готовится народами западной Азии и вдвинутыми в Западную Европу славянскими народами. Всё, идущее из будущего, должно прежде пройти через стадию приготовления.

Что касается народов Восточной Европы, то их культуру следует назвать «ожидающей» (wartende). Чтобы ее понять, «ее нужно сравнить с тем, что западноевропейские народы имеют в себе как действующий далее по прямой линии импульс, корни и происхождение которого находятся в древнем ясновидении». Своеобразие душ восточноевропейских народов всецело объясняется их отношением к высшим мирам. Это отношение, если его сравнить с тем, что показывает германо-северная мифология, представляет собой нечто совершенно иное. На востоке Европы не воспринимают следующие один за другим, один над другим миры. Там господствует представление, что это дело Запада, а: «мы, прежде всего, имеем ясное сознание о мире космического Отца». Это одно всеобщее ощущение Небесного Отца, объемлющего собой всю природу. И Он оплодотворяет Матерь Землю. Так стоят напротив друг друга в сознании восточноевропейца не индивидуальные фигуры богов, а два мира. А между ними он ощущает явление благословенного Дитя. И это тоже не столько индивидуальное существо, сколько продолжение небесного Отца и Матери Земли. Таким образом переживается на Востоке явление на земле того, что на Западе рассматривается как высший Девахан. Настолько универсальны эти ощущения. С ними готовит себя Восток Европы для восприятия Самодуха.

Россия и Дойчландия*

Уже «в пра-отдаленнейшие времена» в состояниях Солнечной системы, когда Солнце и планеты еще не разделились, и, собственно, даже еще не могло быть и отсчета времени, совершались те духовные процессы, в которых неким образом подготавливалось то, что в 5-й коренной расе обрело характер крайне своеобразного культурного процесса в среде племен северного пояса, куда входит и север европейской части России. Знание об этом позволяет понять совершенно исключительный характер задач, вставших перед человечеством с началом (в 1879 г.) новой эпохи правления Архангела Михаэля.

О том, как шло то космическое подготовление, следствия которого духовно до сих пор присутствуют в центральной и северной частях Европы, мы находим у Рудольфа Штайнера особенно интересные сообщения в лекции, прочитанной им 15 июля 1904 г. в Берлине. Она называется «Мифология дойчей»**. В ней он говорит о том, что Гиперборейская коренная раса развивалась в области современного северного полюса, северной части Европы и России. Земная ось в ту эпоху имела иное направление в космосе. Земля еще, собственно, не материализовалась и составляла вместе с Солнцем и будущими планетами одно целое. Тем не менее, это уже был второй этап 4-й глобы. Духовность Солнечной системы нисходила с астрального плана на физический, но в ней еще лишь едва проявлялось всё предшествующее разделение субстанций и духов. Поэтому Гиперборейская коренная раса была высоко спиритуальной. Эта ее спиритуальность в какой-то мере сохранялась на Земле и в Лемурийскую, и в Антлантическую коренные расы, т.е. и после того, как Солнце и Земля разделились, выделились другие планеты, а область бывлой Гипербореи сформировалась, материализовалась в виде северной части европейского континента.

Действие высокой гиперборейской духовности сохранилось в этих областях до нашего времени: действие спиритуальности чело-

*) Германия самими немцами называется Deutschland, т.е. земля дойчей. Имя «немец» абсурдно до последней степени. Его изобрели русские в эпоху «непросвещения». Называть жителей Германии германцами тоже не совсем верно, ибо германцы — это раса. Германцами являются и англичане, и норвежцы, и многие другие. Следует еще заметить, что совершенно нормально прижились названия: земля финнов — Финнланд, земля англов — Энгланд, т.е. Англия, и др. Мы позволим себе далее называть дойчей и их страну их подлинными именами.

**) Лекция еще не опубликована.

веческих монад, стоявших в эпоху Гипербореи на ступени человеко-растения и бывших потому высоко целомудренными.

О человечестве Гипербореи можно говорить, что оно совершало определенные миграции, «странствия» в направлении тех областей, где подготавливалась Лемурийская коренная раса, т.е., говоря по-современному, с севера на юг. Это, видимо, происходило в соответствии с действиями сил зодиакального круга на земное образование. Эти миграции продолжались и тогда, когда уже наступила эпоха Лемурийской коренной расы. «Существовали, — говорит Рудольф Штайнер, — так сказать, северная лемурийская раса и южная лемурийская раса. Существовало 12 больших перемещений, переселений (Wanderzüge) и 12 больших рас (в общей сложности. — *Авт.*). Двенадцать больших, великих переселений привели жителей тех областей в соприкосновение друг с другом. Эти переселения достигли областей, которые ... теперь называются средней Германией, Францией, средней Россией». Далее эти переселения пришли в соприкосновение с атлантическим населением. Из этих смещений гиперборейского человечества с лемурийским и атлантическим произошли посвященные этих коренных рас: Вотан, Вили, Ве. Они стали великими северными посвященными.

А потом, в 5-й коренной расе произошли два великих переселения того, что уже стало человеческими племенами, с запада на восток и с востока на запад. В первом случае образовалось кельтское население Европы; в результате второго переселения в Европу пришли германские племена, или, лучше сказать, та масса населения, которая прежде в течение тысячелетий находилась в Сибири. Их передовые отряды, придя в Европу, ушли из ее центральной части на северо-запад, на запад и на юг, и лишь одна их (малая) часть осталась в центре. А те, кто завершал это переселение, осели в Восточной Европе.

Когда в этой человеческой массе, в совокупности разных племен началось нарождение, т.е. когда к ним приблизились Ангелы, ставшие Духами народов, то, собственно, впервые и возникли англо-саксы, франки, дойчи, западные славяне и восточные славяне.

В этом сложном, многообразном процессе взаимодействия иерархических существ с массой земного населения важно отметить именно тот факт, лишающий всякого основания современные националистические мечтания и межнациональные претензии, что эта масса пришедших с востока в Европу переселенцев *первоначально была чисто лишена каких-либо национальных признаков*. Это был еще лишь человеческий материал, управляемый посвященными того времени, обладавший одной общей духовностью, объединенный лишь в роды

узами кровного родства. Была при этом, конечно, и некая племенная нюансировка, но надо всем доминировало *одно расовое начало*.

А когда к этим племенам низошли Архангелы, а за ними иерархические существа, управляющие развитием языков, то тогда, действительно, в том большом расовом монообразовании стали возникать народы. Тогда только стало возможно говорить об англичанах, французах, дойчах, поляках, русских. (Эти последние получили от норманнов и финнов название «руотси», от которого произошло имя «русские».) Поэтому когда теперь слышишь в России, что именно русские ходили к Трое, что Дрезден и Берлин были славянскими городами, то это звучит настолько же «умно», как если бы сказать, что Англия, а также Осетия — это части Германии, Россия же — часть Швеции и Норвегии. То есть это просто несусветная националистическая чушь*.

* * *

Заселив Европу, но еще не став народами, германские племена начали совершать походы на юг. Это были военные походы против Римской Империи, но в ходе их северный поток соприкоснулся с южным, был им окультурен, а главное — перенял от него Христианство.

Южный поток передал северному богатейшие плоды своего культурного развития. Этим он исполнил свою миссию и, как всё, живущее на земле, был обречен на закат своей инициативы. Но это должно быть жертвой в ее подлинном смысле, когда она совершается ради порождения новой жизни.

На смену старому развитию культур и цивилизаций пришла творческая инициатива северного пояса народов. Его соприкосновение с

*) Еще в 90-е годы в Москве состоялась дружеская конференция постсоветских и немецких националистов. Глава постсоветских националистов в заключение конференции сказал своим немецким «друзьям»: не забывайте, что все ваши восточные территории, вплоть до Берлина, — это бывшие земли славян; мы вам их подарили, и вы должны испытывать к нам за это благодарность.

К чему такая «дружба» националистов может привести — объяснять не нужно, но тут интересно другое, что делегация из Германии могла бы в ответ сказать: а вы не забывайте, что вся Сибирь — это родина пра-германских племен, и нам хотелось бы на эту родину вернуться. Чем бы тогда закончилась та конференция?

Но есть у нас и «доморощенные» проблемы. Кто может ответить на вопрос: кто кому принадлежит: Россия Украине или Украина России?

поясом южных народов не должно быть антагонистическим. Оба они вместе образуют одно живое целое, их соединяет общий прафеномен нашей коренной расы, который мы показали на рис. 51 и 52. Но в нем должна совершиться великая метаморфоза. И если она не произойдет, то будет остановлено дальнейшее развитие коренной расы: 5-я культурная эпоха погибнет в хаосе жестоких войн, а 6-я получит своего рода суррогат – каким-то образом всё-таки осуществится, но не на Востоке, как об этом говорит Рудольф Штайнер, а на Западе: в Латинской Америке. Это повлечет за собой гигантское разрушение ритмов развития, неисчислимы потери в дальнейшей эволюции человечества. Потому в Апокалипсисе Господь и говорит, обращаясь к 6-й культурной эпохе: «*Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего!*» (Апок. 3,11)

Свою миссию, которую она должна будет исполнить в 6-й культурной эпохе, должна крепко «держат» Россия; держать ее уже при подготовке в 5-й культурной эпохе. А делать это чрезвычайно трудно, ибо удержание ее должно носить крайне подвижный характер. Эта миссия еще *только слагается*, и она всецело зависит от той великой метаморфозы, в которой европейская культура должна осуществить переход от четырех истекших культурных эпох к 6-й и 7-й эпохам. России отведена большая роль в этой работе, и ее нужно исполнить правильно. Что ей из опрокинутой пентаграммы зла активно мешают это делать – разумеется само собой. Но совсем иное дело – как она должна к этому относиться: плыть пассивно по течению событий? Быть слепым инструментом борющихся за мировое господство сил? Или, действительно, «держат», что она имеет?

Ее искушают, ее принуждают, ее разрушают и ее вовлекают в активное разрушение мира.

Ее искушают идеей 3-го Рима, «заветом Петра Великого», а еще идеей того, что она есть «христианское государство» уже «фактом своего существования» якобы удерживающее приход Антихриста: государство—«катехон»^{*}. То есть тогда получается, что миссия России вся находится в нашем времени и она состоит в том, чтобы, взяв на себя всё наследие Рима, стать мировой державой и не дать Ариману воплотиться на Земле. Так ужасно подвергается извращению евангельское «Держи, что имеешь...»

Мы не станем еще раз приводить всю многообразную духовнонаучную аргументацию, показывающую всё коварство этой подмены истинных задач России, направленной на то, чтобы сделать из нее

^{*}) Термин взят из 2-го послания ап. Павла к фессалоникийцам (2,7).

помеху в решении главных задач европейской культурной эпохи, а затем просто выкинуть ее из культурно-исторического процесса.

Не желая понять это, свое положение в мире, Россия легко вовлекается в борьбу сил Сообщества Тени, в борьбу против Средней Европы, чтобы не дать ей исполнить ее миссию, от которой так сильно зависит и судьба самой России.

Когда развитие движется вперед, говорит Рудольф Штайнер, то от его прошлых этапов остаются «тени», «призраки», стремящиеся любой ценой продлить свое существование. Одним из таких призраков является призрак древней Римской Империи. Он особенно укоренился в латинской расе и, не желая «умереть и стать», всячески препятствует метаморфозе культур. Им руководит чувство страха, и его можно в этом смысле понять. Значительно труднее понять поведение англо-саксов (ну и славян, разумеется, тоже), также не желающих метаморфозы культур. Ведь европейская культурная эпоха — это англо-германская культурная эпоха; т.е. эти два национальных образования играют в ней ведущую роль, что предполагает их дружеское сотрудничество.

И потому британо-американский альянс, идущий на всё, чтобы стереть Среднюю Европу с карты земли, совершает предательство интересов человечества.

Свое противоестественное намерение этот альянс, конечно, всячески маскирует с помощью чудовищной по масштабам и лживости мировой пропаганды, но исторические публикации последних двух десятилетий пробили брешь в бывшем непроницаемом мраке этой лжи. Приблизился, как говорится, «момент истины», и России нужно его не пропустить, хотя трудно надеяться, что она это сделает, ибо Россия, как никакая другая страна в мире, была интегрирована в эту ложь, была, да и остается, ее едва ли не главным оплотом, а в таком случае добра ей не дожидаться. Потрясающе точно это состояние резюмировал Андрей Буровский. Вот его слова: «Сталинский миф о Великой Отечественной войне не разделялся ни народом США, ни европейскими народами. Но он согласовался с мифами, которые создавались в этих странах. Победители во Второй мировой войне не нуждались в объективной истине: на их руках было слишком много крови. ...»

В СССР даже возразить против мифа о Великой Отечественной значило заплатить жизнью за свою неуместную болтливость. После Сталина уже можно было рискнуть, но ведь миф поддерживался не только государством. Народ был в основном согласен с этим мифом, гнев множества людей мог обрушиться на несогласного.

Колоссальные людские потери «повязали кровью» людей. Как можно не принимать представлений, которые поддерживаются не только живыми, но и мертвыми?! Посягаешь на миф?! Тем самым оскверняешь память солдат своей страны, которые умирали за твою жизнь и твоё счастье. Они отдали за тебя свои жизни, а ты плюешь на их могилы. Такое обвинение способно остановить самого храброго человека.

То же самое и за рубежом.

Многие ли в Англии способны осознать: «серебряные крылья» летчиков Второй мировой — не крылья героев и патриотов, а крылья убийц? Не многие... В том числе и потому, что не разделять именно эту позицию общества — опасно. Можно оказаться вообще за пределами этого самого общества. ... попробуйте только сказать... нет, не только ВСЮ правду! Сказав 5% правды о чудовищных бомбежках (мирного населения Германии, например Дрездена, британской бомбардировочной авиацией. — *Авт.*), вы тут же становитесь предателем, растленным типом, врагом общества. ...

С Германией еще проще: немцам навязали миф штыками оккупационных армий. Послевоенные немецкие правительства, не успев возникнуть, тоже вколачивали в голову немцев, что это они начали Вторую мировую войну, совершили неслыханные преступления и сами во всем виноваты. В ГДР даже праздновалось 9 мая как День Освобождения Германии*.

Чтобы выбраться из этой глубокой исторической ямы, в которой, если мы из нее не выберемся, нас скоро просто закопают, необходи-

*) А. Буровский. Великая гражданская война..., стр. 276—277.

В дополнение к тому, о чем пишет А. Буровский, мы приведем выдержку из статьи Черчилля, которую он опубликовал в 1925 г. в открытой печати: «Всё, произошедшее в течение четырех лет войны (1-й мировой. — *Авт.*) было лишь прологом к тому, что готовилось для пятого года войны. Не состоявшаяся битва 1919 года увидела бы гигантское нарастание разрушительных сил. Тысячи самолетов должны были накрыть бомбами немецкие города, включая Берлин. До этой воздушной битвы 1919 года дело не дошло, но ее идеи живут дальше. Смерть пребывает в готовности, она только ждет боевого приказа. Может быть, в следующий раз речь пойдет о том, чтобы женщин и детей, или гражданское население, вообще уничтожить, и богиня победы в конце концов, полная ужаса, вступит в союз с тем, кто знает, как это организовать в гигантских размерах. В первый раз группе благовоспитанных людей представится возможность другую группу обречь на полную беспомощность». (Согл. немецкой «Quick», 12 дек. 1961.)

Остается спросить себя: так кто же на самом деле «патологический, рожденный убийца»? Кто же вел дело к развязыванию 2-й мировой войны?

мо, во-первых, увидеть и признать, что всё то, что было совершено для «победы над фашизмом», в действительности было совершено для искоренения дойчей как нации, к чему нас всячески поощрял альянс Сообщества Тени. Мы не станем об этом говорить подробно, а отошлем читателя, например, к последней главе книги Марка Солонина «Нет блага на войне» (М. 2010). А еще напомним о том, к чему поощрялся советский солдат во время войны. Один из советских «хэмингуэев» учил его: «Когда ты увидишь немца, то ты его убей. Сколько раз увидишь, столько раз и убей!» (К. Симонов) А другой (И. Эренбург) уточнял: убей «даже не родившихся фашистов»! Ну, и их советам, конечно, последовали, и в таких масштабах, что волосы начинают шевелиться на голове, когда узнаешь об этом.*

Советская власть прибегла к страшной уловке: допустив на короткое время вседозволенность в отношении населения захваченных областей Германии, Австрии, Венгрии, она превратила миллионы мучеников, жертв, героев в соучастников ее преступных действий. И они потом это в какой-то мере поняли. Но не все. Исключение составили служители многолюдных карательных органов.

В последнее время наследники (тоже многочисленные) этих служителей всё громче и упорнее стремятся убедить нас в том, что нужно просто от всего отпираться, ибо иначе от России потребуют вернуть некоторые захваченные территории и уплатить контрибуции. Трудно назвать такую идеологию просто недалёковидной. Она является чистой провокацией, имеющей целью Россию опять изолировать, чтобы можно было беспрепятственно превращать ее и дальше в страну орков.

Нас страшат жупелом контрибуций, убеждают, что от нескольких скал в море зависит всё наше государственное благополучие, — и это на фоне отделения от России Украины и Белоруссии! На фоне триллионных выплат дани, которой нас обложили в последние двадцать лет!**

Если кто-то тут возразит, что западные союзники вели себя в Германии не лучше, то ведь от этого наше преступление не делается доблестью. Да, вели. Совместными усилиями, прилагаемыми с востока

*) Люди старшего поколения помнят, что до середины 60-х годов вернувшиеся с войны стыдились носить свои ордена. И их можно понять.

**) Вспоминается по этому поводу случай с адмиралом Колчаком. Маннергейм предложил ему очистить Петроград от большевиков в обмен на признание суверенитета Финляндии. Колчак даже не удосужился ответить на это судьбоносное для России предложение. И если бы таким был один адмирал Колчак, а не, в какой-то мере, едва ли не большинство из нас!

и с запада, уже *после* окончания войны было уничтожено около 10 млн. дойчей. Всё это о чем-то говорит? — Да, говорит: о том, что нам есть в чем раскаиваться.

Во-вторых, нужно признать как аксиому, что дойчи как народ если и виноваты в приходе национал-социализма, то не более, чем русские в приходе большевизма, китайцы — маодзедунизма, камбоджийцы — полпотизма. И если в будущем в Англии будет введен орвелловский «ангсоц», то и английский народ об этом не спросят.

В-третьих, должно в России появиться определенное число ответственных людей, способных духовнонаучно понять происходящее в нашей эпохе, а также современную роль и задачи в этом России.

Главное, что должно интересовать Россию в нашу эпоху, — это то, как в ней зарождается, формируется прафеномен славяно-германской культурной эпохи. Мир причин будущего в событиях современности, а не следствий прошлого важно постигать России. Мировая борьба, мировое господство — всё это не для нас. Наша культура — ожидающая, в ожидании удерживающая свое будущее предназначение. Оно зреет в современной культурной эпохе и должно быть оплодотворено ее высшей спиритуальностью.

* * *

Изобличение лжи истории XX века снимает препятствия на пути духовного взаимодействия между Россией и Германией. Это взаимодействие должно сопровождаться постоянно углубляющимся самопознанием этих народов, пониманием ими своих подлинных (а не навязываемых им темными силами) задач в настоящей и будущей эпохах.

Такое познание и взаимодействие ни в коей мере не должно принимать характер конфронтации с другими народами. Ибо дело тут идет об общечеловеческих интересах, о служении им. С этого, собственно, и должно начинаться обновление цивилизации.

Не радоваться должны русские, когда они наблюдают бедствия Германии, как ее после военных погромов растаптывают психологически перевоспитанием. Этого не следует делать уже потому, что мы с дойчами, как ни с кем, братья по несчастью.

Без национального самолюбия, гордости, зависти нужно увидеть, как Божественные Иерархии готовили Среднюю Европу к исполнению ею своей задачи. Да, она в том состоянии, в которое ее привели, на это сейчас не способна. А на что способны мы? Но кризисы проходят, и народы духовно возрождаются.

Своеобразное, особенное в судьбе дойчей выражено во множестве духовных феноменов в истории их культуры, например в том, что в их среде воплощается особенно большое число гениальных душ. Рудольф Штайнер приводит примеры даже исключительных явлений в истории Средней Европы. В одной из лекций он говорит о том, что для души человека обычно вредно несколько раз воплощаться в одном народе. Душа тогда слишком сильно застревает в национальном. Именно такого рода души чаще всего бывают радикальными националистами. Однако в Средней Европе такое явление сыграло совсем иную роль. «В этом среднеевропейском народе, — говорит Рудольф Штайнер, — имеется много душ, которые... также и прежде были воплощены в среде германских народов» (ИПН. 157, 17.1.1915). Даже с помощью оккультных исследований этот случай трудно объяснить. Но как бы там ни было, именно в силу этого факта на первой заре германской культуры возникает эпоха, в которой поэты, такие как Вальтер фон Фогельвайде (1170—1230), сочиняют песни о нибелунгах. Потом это совсем забывается, уходит, а когда культура расцветает вновь, то приходит то, что однажды уже было здесь. «Ни у одного другого народа не было проделано такой метаморфозы, как у среднеевропейского: от одной вершины, которая образовалось в X, XI, XII-м веках, к другой, возникшей вновь в конце XVIII — начале XIX столетия...» (Ibid.). Объясняется это тем, что одни и те же души действуют и в первом и во втором случае.

Особенно гениальным образом связь этих «вершин» осуществил Рихард Вагнер в своем цикле опер.* Рудольф Штайнер говорит по этому поводу: «Никоим образом нельзя утверждать, что Рихард Вагнер был в состоянии отдельные саги различать, специфицировать таким образом, как это делается с помощью оккультизма. Но духовные силы, стоявшие за ним и инспирировавшие его, — они вели и направляли его художественные инспирации таким образом, что его искусство стало прекраснейшим выражением для того, что пребывает в основе мифа. То великое, чего в произведении искусства не видно, что стоит за ним, — всё оно изливается в звуке и слове. Удивительный инстинкт — если это назвать тривиально, а правильное будет назвать художественной инспирацией — господствует в Рихарде Вагнере. Это было неким духовным слышанием того древнего образа речи, который поднимался в нем. Он ощущал очень хорошо ту мане-

*) Поэтому его пытались скомпрометировать с помощью национал-социализма. Не лучшим образом поступают с ним и современные социал-демократы.

ру, мелодию, способ древней речи, что побуждало его не оставаться с конечной рифмой, поскольку ей принадлежит позднейшая ступень, ступень понимания (рассудка), но избирать ту ступень языкового развития, которая является отзвуком бегущего рокота волн, выплескивающихся из тумана древней Атлантиды. Такова аллитерация, которая для того, кто способен это ощущать, повторяет в тоне то, что может быть названо музыкой волн» (ИПН. 101, 21.10.1907).

В другой лекции Рудольф Штайнер говорит о Вагнере, что он совершенно не выносил, чтобы по сцене ходили повседневные люди. Поэтому он прибегает к мистическим обликам, которые, будучи и обычными людьми, несут в себе огромное содержание. Он искал в человеке сверхчеловеческое, искал, как выразить *всего* человека вместе со всем духовным, к которому он принадлежит.*

В ранней юности два гения в особенности занимали Вагнера: Шекспир и Бетховен. В Шекспире его восхищало то, что его герои словно бы шествуют над сценой, в них слово есть в то же время и действие. Эта драматургия занята только тем, чтобы представлять внутреннее вовне. А в Бетховене Вагнер изумлялся тому, как симфонист выражает всю шкалу ощущений, но без действия. У него это не выступает в пространство. Бетховен остается в музыкальном пространстве и только один раз выступает из него — в хоре 9-й симфонии, где чувства настолько сильны, что пробивают себе в слове путь вовне.

«Из этих двух художественных явлений в душе Вагнера возникло видение, в котором Шекспир и Бетховен стали одним». И нужно пройти долгий путь, чтобы показать, как в своем своеобразном обращении с оркестром «Вагнер пытается создать великое созвучие между Шекспиром и Бетховеном, так что внутреннее изживает себя в тоне и в то же время вливается в действие. Профанического языка ему было недостаточно, поскольку он есть средство выражения процессов физического плана. Та речь, которая единственно лишь может быть дана в звуке пения, стала для него средством выражения для того, что вырастает над физически-человеческим как сверхчеловеческое. ...

Рихард Вагнер не хочет быть просто музыкантом, драматургом, поэтом». Всё это в своем излиянии из духовного мира является для

*) Тогда становится вполне понятно, почему современные постановщики музыкальных драм Вагнера тривиализируют их до пошлости. Например в московской постановке «Летучего голландца» одно действие происходит в зале для фитнеса и т.п.

него «средством для соединения в физическом мире с чем-то вышшим...» Ибо он имел предчувствие той эпохи развития, когда Манас соединится с тем, что человек несет с собой с древнейших времен. «И предчувствие того великого импульса человечества, который соединит то, что во временном было разделено, присутствует у Рихарда Вагнера в слиянии отдельных художественных средств выражения в одно». В нем жило предчувствие того, какой будет культура, когда всё, живущее таким образом в душе, погрузится в принцип Самодуха, когда душа в своей полноте погрузится в духовные миры. Поистине, это первая заря будущей «всекультуры», которая придет в 6-й эпохе. «В музыке и поэзии Вагнера впервые взошла новая звезда, посылающая Земле свет духовной жизни» (ИПН. 102, 11.6.1908).

И только тот, кто умеет видеть и понимать знаки времени, способен распознать в творчестве Рихарда Вагнера эту звезду, которой полагается начало выхода Христианства из узких рамок ортодоксальной религиозной жизни на широкий план современной жизни, ее духовной культуры. «Можно, — говорит Рудольф Штайнер, — просто в душе самого Рихарда Вагнера подслушать, как религиозная идея Христианства выступает наружу, как она разрывает религиозные оковы и становится чем-то всеобъемлющим» (Ibid., 13.4.1908).

Рихард Вагнер подолгу жил на Цюрихском озере и там в 1857 г. в страстную пятницу он, глядя на распускающиеся весенние цветы, пережил, как в нем, в его душе зародилось зерно «Парсифаля». Именно в этой опере выразил он претворение того, что в Христианстве сначала жило лишь узко религиозно, в феномен общего плана жизни.

Сначала возвысившись «душой к тому провозвестию Христианства, которое так колоссально засветилось в его поэзии «Кольца нибелунгов», Вагнер в «Парсифале» эту христианскую идею полностью вывел наружу, и она обрела широкий горизонт. Тем самым был обретен исходный пункт для того будущего, в котором Христианство станет не только религиозной жизнью, но и жизнью познания, жизнью искусства, жизнью красоты во всеобъемлющем смысле слова» (Ibid.).

Через черные очки расово-политической ненависти к дойчам всего этого, конечно, не распознать, а вместе с тем не понять и сущности нового возрождения человечества. Поэтому и нужно обратиться от политической ажиотации к подлинному народоведению, какое существует в Духовной науке.

В прошлом, когда еще не сгустился мрак Сообщества Тени, в мире существовало понимание духовного творчества дойчей. Вот что, например, думал о Германии француз Эрнст Ренан. В письме от 13

сентября 1870 г. Давиду Фр. Штраусу он писал: «Кажется, в 1843 г., когда я был в семинаре в Сант-Сильнис, я начал знакомиться с Германией через сочинения Гёте и Гердера. Мне казалось, словно я вступаю в храм, и с этого мгновенья всё, что до того я считал достойным Божества великолепием, стало для меня пожелтевшими бумажными цветами. ... Германия имеет наилучшее национальное правооснование, а именно историческую роль наивысшего значения, я бы сказал, душу, литературу, гениальных мужей, изумительное постижение вещей божественных и человеческих. Германия совершила значительнейшую революцию нового времени – реформацию. Кроме того, уже столетие Германия совершает прекраснейшее духовное развитие, которое, я позволю себе сказать, добавило человеческому духу еще одну степень глубины и простираения, так что если кто-то остается не затронутым этим новым развитием, то его, по сравнению с тем, кто его прошел, можно уподобить человеку, овладевшему первыми элементами математики, тогда как тот, другой, уже владеет дифференциальным исчислением».

На другом континенте светлейший ум американской культуры Ральф Вальдо Эмерсон (1803–1882) писал о Гёте: тайна этого гения состоит в том, «что он не терпит, чтобы ложь продолжала существовать среди нас. Всё, что мы сознаем, делать истиной, в рафинированности современной жизни, в искусстве и науке, в книгах и в человеческих верованиях пробуждать определенность и доверие... на пути к словно бы бесконечной цели чтить истину за то, что мы не только познаем ее, но делаем ее путеводной нитью в наших делах». И еще: «В моих глазах (этот) писатель стоит как человек, чья позиция была предусмотрена при возведении мира».

* * *

Многочленный человек развивается не только как отдельное целостное существо, но и будучи дифференцированным, воплощая отдельные свои члены в многообразии европейских народов. На долю Средней Европы в этом смысле выпала задача вырабатывать главный член – человеческое Я. И это нужно взять неким лейтмотивом, когда мы хотим понять отдельного человека и характер культуры и истории этой области Европы. Рудольф Штайнер по этому поводу говорит: «Пойдемте в Среднюю Европу. Там мы находим то, что «всегда *становится* и никогда не *пребывает*» ... Я, как таковое, – это наивнутреннейшее человека. Как оно относится к членам души? ...

Рассмотрим Гёте. Мы знаем, как он стремился попасть в Италию, чтобы найти там то, что оплодотворяет Я, что это Я воспринимает из души ощущающей. С душой рассудочной (ее развивают французы. — *Авт.*) Я всесторонне обменивается силами. ... Посмотрите на Фридриха Великого, самого дойческого князя, говорившего и писавшего только по-французски ...» Он в особенности ценил французскую культуру, Вольтера. Дойческий философ Лейбниц писал свои труды по-французски.

Поиск Я души сознательной (ее развивают англичане. — *Авт.*) опять-таки выразился в Гёте, в его стремлении понять происхождение организмов одного из другого. «...Всеобъемлющее учение об организмах развивал он. Это исходит из глубин Я. Но этого не могут понять сразу. Люди ищут облегченного понимания вещей... Они не принимают того, что дал Гёте, но принимают то же самое в переводе на язык души сознательной, принимают Дарвина». Не принимают учение Гёте о цвете, но делают общепринятым то, что дал Ньютон (ИПН. 157, 31.10.1914).

К сказанному нужно еще добавить дойческую школу мышления, равной которой нет больше нигде в мире, уникальную философию Я. С неподражаемой мощью это Я звучит и в музыке дойчей.

Нужно много времени, чтобы хотя бы перечислить духовные плоды культуры Средней Европы. И творя всё это, она не заслонила духовного творчества ни одного народа, а служила для всех них питательной средой.

Всё это видно просто с земной точки зрения. А если заглянуть в сферы духа? Рудольф Штайнер говорит: «...Архангел Михаэль и Дух народа дойчей пребывают в совершенном созвучии. ... и им передана задача приводить к выражению Импульс Христа именно в наше время, как это соответствует характеру нашей эпохи. ... В нашу эпоху дело заключается в том, чтобы мы прежде всего поняли нашу прикованность к Ариману, которого мы сами производим в наших механизмах» (Ibid.). Противостоять Ариману можно, лишь спиритуализируя культуру. «Эпохе Михаэля подобает солнечное...» И Михаэль находит его в духовном творчестве дойчей. «Можно сказать: это миссия народа дойчей, что он не может ничего другого, как только с тем, к чему он стремится, в конце концов влиться в спиритуальную жизнь. Но это означает, выражаясь спиритуально, не что иное, как то, что народ дойчей призван к тому, чтобы внутренне соединиться с тем, что приходит в мир под водительством Михаэля» (Ibid, 19.1.1915).

Это не германофилия, это объективные факты духовного развития человечества. И когда эти факты говорят о благосклонности

богов к дойчам, то не дело людей судить об этом. Людям следует это просто понять. Ибо то боги Христова космоса.

Процитированное нами Рудольф Штайнер говорил в то время, когда между дойчами и русскими бушевала страшная война. И тогда же он говорил о том, какие отношения действительно необходимы между этими двумя народами: «Это задача, и мы можем это совершенно определенно написать перед душой: *это может стать истинным благословением человеческого прогресса, если в определенном кругу будут созданы гармоничные отношения между Средней Европой и Восточной Европой* (подч. нами. — Авт.)» (Ibid, 17.1.1915).

И далее Рудольф Штайнер говорит, что если Восточная Европа грубой силой распространится по Средней Европе, то это будет плохо не только для духовной культуры Средней Европы, но будет плохо и для Восточной Европы. Она может оказаться в ситуации, в которую могла бы попасть Франция, если бы у нее не было Жанны Д'Арк и она была бы аннексирована Англией.

«*Наихудшее, что могло бы постичь Восточную Европу, — это если бы она какое-то время могла вредить германской духовной культуре*» (Ibid.). Насколько это верно — мы испытали в полную силу. Но сколько еще нам предстоит это испытывать? Ошибки такого рода — это ошибки эволюционного процесса, они входят в карму народа, обрекая ее. Рудольф Штайнер своими сообщениями дает нам возможность это понять также и с эзотерической точки зрения, с точки зрения реинкарнации и кармы. В этом смысле русским не следует наносить вред дойчам по той причине, — так говорил Рудольф Штайнер в 1915 г., но вряд ли теперь всё тут стало по-другому сто лет спустя, — что души, которые воплощаются в России, до VIII—IX столетия воспринимали Христианство на Итальянском полуострове. «Это было им нужно, чтобы Христианство воспринять как одеяние, это одеяние Христианства носить так, как его носят в эфирных телах, а не в астральных. ... Это означает, что эти души восприняли его так, что были христианами в бодрственном состоянии, но были не способны Христианство взять с собой, когда выходили из физического и эфирного тел». Они не могли взять его с собой за врата смерти. Следовательно, приходя снова на Землю, такая душа Христианство забывает. А в силу особенностей телесности у людей Восточной Европы, особенностей ее культурного развития, они на этот раз воспринимают Христианство под действием чувства, под действием инстинкта, воспринимают его в свои астральные тела.

«Но то, чем должен в них стать Импульс Христа, он *никогда* не станет на пути развития того, что тут инстинктивно под именем ор-

тодоксального кафолицизма, который, по сути, является византийским, живет в душах и является лишь названием, а не (самим) Импульсом (Христа). Стать тем, чем он должен стать, Ему [при таких условиях] настолько же невозможно, насколько женщине невозможно без мужчины иметь ребенка. ... То, что подготавливается на Востоке, может чем-то стать только благодаря тому, что Средняя Европа с сильным сознанием ... со стремлением души, исходящим из Я-сознания, человеческую силу Я и человеческие силы познания соединит с Импульсом Христа» (Ibid.).

С раздутым непомерно нашим религиозным и великодержавным тщеславием, с нашим люциферизмом, в котором нет и тени смирения, принять эти слова ну никак невозможно. Они просто оскорбительны! Но да будет известно нам, что «оскорбляет» нас в таком случае дух времени Архангел Михаэль — Лик Христов. Ибо это знание о нас пришло от него!

Неизмеримы страдания, пережитые двумя народами в двух, по сути, гражданских войнах между собой. И при этом порваны тонкие, величайшего значения земно-космические связи, без которых не может идти вперед европейская культура и рождаться славяно-германская культура.

Если же все-таки Средней Европе удастся прийти в себя и начать исполнять свою задачу, то в Восточной Европе взойдут на ту ступень, задатки к восхождению на которую там имеются. Во всяком случае, там имеется мировая воля, чтобы это было так. «Эту волю мировой мудрости мы будем правильно понимать лишь в том случае, если скажем себе: это было бы величайшим несчастьем также и для Восточной Европы, если бы она повредила тем духовным силам, вокруг которых она должна обвиваться и двигаться вверх, которые она должна уважать, *дружески уважая, опекая* (подч. нами. — Авт.)» (Ibid.).

Пошлый националистический гонор постсоветских «учителей жизни» может тут возмущенно вопрошать: так что же, теперь каждого немца принимать за учителя русских, «сломавших хребет фашизму»... и т.д.? — Этого делать, разумеется, не нужно. Речь тут идет о другом, нужно только чуть внимательнее читать написанное.

В настоящее время как Германия, так и Россия лежат во прахе. И дойчи, и русские стремительно деградируют. И этот процесс нужно остановить. Нужно отказаться от мифов страшного советского прошлого. Нужно перестать нагнетать истерику праздника победы. В опрокинутой пентаграмме зла хорошо знают, какого рода их заказ исполнила Россия. И их только радует упоение России этой победой. Сами они открыто ликовать не решаются, опасаясь космическо-

го противоудара. А вот нам в детском азарте так хочется всю вину за этот космический грех взять на себя! И нас к этому охотно поощряют. И как же при этом насмеваются над нами!

Россия действительно катехон, но катехон *для себя*. Она всегда должна удерживать себя от вмешательства в дела и войны других стран. *Миротворицей* подобает ей быть, тогда ее сила пойдет ей на пользу. Тогда никто не сможет распоряжаться ею как дубиной и пугать народы и целые континенты. Она не призвана к игре в мировой политике; у нее для этого нет никаких способностей. Поэтому ее там *всегда будут обманывать*. Нужно нашим политическим и иным витиям это хорошо понять. Их праздная, дилетантская болтовня лишь внешне выглядит целой стратегией, но в действительности в ней всегда много маниловщины. На практике — это уже столько раз было — она обращается в прах.

Нам нужно развивать силы подлинного мышления и для этого пойти в классическую школу Средней Европы, окончить в ней и второй класс — гётеанистический, и третий — духовнонаучный, а у себя пытаться осуществить социальную трехчленность.

Дойчи и русские — необыкновенно родственные между собой народы, но при этом между ними имеются и большие различия. Возможно, такое сочетание родства и различий и затрудняет им взаимопонимание. Рудольф Штайнер говорит, например, что как дойчи, так и русские по природе своей совершенно аполитичны, поэтому политика их государств всегда кончается провалом. Дойчи любят «пахать землю и искать в облаках». Что-то в этом роде присуще и русским.

Различия же особенно существенны в характере мышления, в его работе и в отношении к нему. И требуется понять, что различия эти обусловлены задачами этих народов в культурно-историческом процессе. Если бы дойчи думали так, что это нравилось бы русским, то они просто выпали бы из культурного процесса нашей эпохи. А если бы русские думали как дойчи, то они лишились бы своей задачи в следующей культурной эпохе. Однако различия между ними должны вести не к антипатии, не к глупым насмешкам, каким так любят русские подвергать «немцев» именно за характер их мышления, а к очень плодотворному сотрудничеству, в котором русские нуждаются даже больше, чем дойчи. Но тут, повторяем, прежде всего необходимо понимание.

Рудольф Штайнер, имея в виду еще дореволюционную Россию, говорит: там много занимаются Кантом, Гегелем. Возьмите, например, Белинского. Он начинал с Шеллинга, потом перешел к Фихте, а потом — к Гегелю. Но как своеобразно мысли среднеевро-

пейцев проявляются в русском уме! «Они не переживаются душой как возвышающие ее ощущения, они становятся словно бы мысле-призраками, призрачными понятиями, уподобляясь тому, что над индивидуальностью живет как народная групповая душа. Я высказываю при этом, — предупреждает Рудольф Штайнер, — нечто столь же строго научное, сколь строго научны познания в физике, химии, биологии»*. Далее Рудольф Штайнер говорит: «...но мы живем в такое время, когда такие вещи должны быть высказаны, когда должно быть приобретено понимание импульсов, идущих через мир и вызвавших теперешние отношения» (Ibid.). Он имеет в виду шедшую тогда первую мировую войну. Она, перейдя потом во вторую, у очень многих русских не кончилась до сих пор, а агитаторы ведут дело так, чтобы она вообще в наших душах никогда не кончалась. Ибо в этом — залог дальнейшего разрушения Европы, мира, залог искажения хода 5-й культурной эпохи и деградации России.

Далее Рудольф Штайнер (в цитируемой лекции), говорит о том, что народы Средней Европы оказались окружены словно бы железным забором. Он возводился окружающим ее миром уже начиная с 860 года по Р.Х., когда норманны стояли под Парижем, варяги угрожали Константинополю и слагалась Киевская Русь. Тогда латинским элементом в направлении с юга на северо-запад в сущностный элемент народной душевности северного пояса был внесен *догматизм* мышления. Принесенный из прошлого романизм пронизал там отношение отдельной души с Душой народа.

«А с другой стороны, на Востоке мы видим, как сущность народной души возникает благодаря тому, что варяги, родственные норманнам, прорастают (восходят) в славянском элементе, пронизанном славяно-расообразным, а также византийской религиозностью. И мы видим, как возникающее там остается связанным с личностно-расообразным, как бы парящим в высях, никогда не сходящим вниз, по отношению к которому душа (отдельного) человека находится в таком положении, что оно ее либо подчиняет, либо повергает в прах. Таково отношение на Востоке с тем, что заявляет о себе непосредственно как расовый элемент».

Всё это, сложившееся таким образом на запад и на восток от Средней Европы, мало способно понимать ее сущность. А у народов Средней Европы, «огороженных» извне со всех сторон, постоянно

*) Rudolf Steiner, Die Verjüngenden Kräfte der deutschen Volksselle. Лекция, прочитанная 15 февраля 1915 г. в Ганновере. Журнал «Anthroposophie», 1931/32, Helt 4—5.

заявляет о себе стремление производить новое и «приносить его на алтарь развития человечества». И это рождается из «интимных связей отдельных душ с Душой народа» (Ibid.).

Запад, глядя на Среднюю Европу, руководствуется не непосредственным человеческим переживанием, а догмой, тем, что «тиранически повелевает (делать) Душа народа (проявляясь) в душе рассудочной». Характерен в этом отношении Бергсон*, заявляющий о том, что дойчская сущность желает воплощаться лишь в пушках и ружьях. Это называют «германским милитаризмом». Но, возражает Бергсону Рудольф Штайнер, к «милитаризму Дойчландию вынуждает ее окружение». И что иное она может в таком случае противопоставить своим врагам? рецитировать им Новалиса, Шиллера или Гёте?***

В наше время больше, чем когда-либо требуется национальная непредвзятость, которая возникает лишь в случае, если душа способна восходить от уз национального к общечеловеческому. Большинству русских, нужно признаться, этого сильно недостает и в отношении не только к дойчам, но и к другим народам. Национальному чувству многих русских бальзамом на душу проливаются слова Александра III – создавшего со своей германофобией «весомые» предпосылки для вступления России в мировую войну, – который сказал, что у России нет друзей, кроме ее армии и флота.*** Боже упаси назвать такое настроение милитаристским! Разве не помним мы, скажут нам в таком случае, что все наши соседи только и делали, что мечтали поработить мирный народ, захватить наши территории: татары, ливонцы, литовцы, поляки, французы, германские кайзеры и, наконец, –

*) А еще в большей степени – Ромен Роллан. См. его до неприличия германофобский роман «Жан Кристоф». В России его ценят выше творения Данте.

**) Существует такая статистика: «В период между 1850 и 1941 годами войны вели: Англия – 20, Франция – 18, Италия – 12, Россия – 11, Китай – 10, Турция – 10, Япония – 9, Германия (Пруссия) – 8, США – 7». Gerhard Brennecke, Die Nürnberger Geschichtsentstellung. Tübingen 1970. Автор при этом цитирует книгу американского военного историка Квинси Райта «A Study of War».

Согласно исследованию, проведенному ООН в 1985 г. («Ежегодный отчет о социальной ситуации на земле»), после 1945 г. ежемесячно на земле гибло в войнах в среднем от 33 до 41 тыс. человек. Германия, разумеется, в этих войнах совершенно не повинна. Так чья сущность «воплощается в пушках?»

***) Не дожил Александр до 1917 г., а то увидел бы, как пехотные генералы идут арестовывать царя, а флотская пушка палит по царскому дворцу.

Гитлер*. Россия же всегда лишь мечтала о мире. Ну да, было там и так, что в Европу полезли еще до нашествия Наполеона, Польшу в XIX в. сделали своей губернией и т.д. Да всё это только ради мира!

* * *

За судьбу страны в первую очередь отвечает ее духовная элита — интеллигенция. Но русская интеллигенция, какова она? Посмотрите, предлагает Рудольф Штайнер, что, например, говорит о Гёте Мережковский. Он называет его «гномом», «немецким обывателем», «немецким филистером» и т.п. «Так говорит Мережковский о творце «Фауста». Этот русский ум не может пробиться к Гёте, «он является ему как призрак». А наравне с этим Чехову, «одному из ведущих умов Востока», Мережковский ставит в вину то, что для него «ничего кроме России как бы и не существует, но также — ни веков, ни народов. ... Он видел Россию яснее, чем кто-либо, но проглядел мир» (Ibid.).

Так мыслит Дмитрий Сергеевич Мережковский, один из самых выдающихся представителей русского «Серебряного века», в пору наибольшего расцвета которого Россия приказала долго жить.

Всё это можно понять, заключает Рудольф Штайнер, зная, что «Средняя Европа для сегодняшнего Востока является лишь призраком». Но после всего, что было в XX-м веке, русским нужно дойчей непременно понять, понять, что их Дух народа «еще не исполнил того, что является его посланничеством в земном мире. Он пребывает в связи с омолаживающими силами Души народа дойчей». Притом: «Духовная наука имеет свои корни и истоки в дойческом идеализме, и мы можем доказать, что Духовная наука тесно связана с дойческим идеализмом» (Ibid.).

Что же касается нашего русского сверхчувствительного национального самолюбия (которое объясняется нашей народной детскостью), то его вполне могло бы успокоить знание о том, что «в школах

*) Приведем тут попутно для, так сказать, «охлаждения» этого воображения один пример из множества ему подобных. Знаменитый генерал Белого движения Дроздовский пробирался со своим отрядом на Дон, к генералу Корнилову. Ему при этом пришлось идти через территорию Украины, занятую тогда германской армией. Вот что он писал об этом: «Странные отношения у нас с немцами: точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами — всегда на нашей стороне, безусловное уважение...»

А когда возникла армия Деникина, то одной из главных целей ее борьбы с большевизмом было скорейшее возобновление войны с Германией.

(истинных) розенкрейцеров (а они работали в Средней Европе) учили (уже за несколько веков до нашего времени), что *Средняя и Западная Европа — это форпосты того, что разовьется на европейском Востоке*, что изойдет из оплодотворения (его) народного элемента европейским знанием» (ИПН. 93а, 5.11.1905).

Такова подлинная констелляция России в прафеномене нашей коренной расы. И имеет смысл посвятить себя работе, совершаемой в духе интенций этого прафеномена, постоянно памятуя о том, что сказано нам в Апокалипсисе: «...держи то, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего».

Большие опасности угрожают ныне не только Германии и России, но всей юпитерианской, т.е. белой расе, в состав которой входят все народы, населяющие Европу. Всем им нужно, объединяя усилия, отстаивать ее существование, противостоя проискам прафеномена зла. Руководящим положением в этой борьбе должна стать медитативная формула, данная Рудольфом Штайнером:

«Новая утренняя заря белой расы
Взойдет в земной юдоли лишь тогда,
Когда знающие в этой расе
Почувствуют связь души с духом;
И в них проявится переживание того позора,
Который чернит души,
Когда они сущность человека
Желают понять через восприятие материи.»

ИМПУЛЬС АНТРОПОСОФИИ

Прежде чем начинать эту, последнюю в наших трехтомных исследованиях главу, приведем еще один доклад Рудольфа Штайнера, который позволит нам подвести итоги уже сказанному выше и направить тему к ее завершению.

Рудольф Штайнер

Духовные истоки и задачи антропософского движения.

Дорнах, 28 июля 1924 г. (ИПН 237).

«Этот доклад [...] должен стать продолжением рассмотрений, которые здесь уже были проведены. В них речь шла о становлении кармы Антропософского Общества. Мы проследили события в физическом и сверхфизическом мирах, которые составляют основу того, что в настоящее время из Антропософии желает возвестить о себе миру. Мы ведь знаем, мои дорогие друзья, что именно в последние десятилетия произошли два важных события на пути развития человечества. Одним из них является ... окончание [в 1899 г.] так называемой «темной эпохи» (Кали-Юги) ... [после нее] началась «светлая эпоха». [...]

Каждый, естественно, может сказать: не слишком уж светлосно началась эта эпоха. Случилось так, что в первые десятилетия XX века словно бы всё плохое, что только человечество когда-либо переживало в истории, низверглось на него. И все-таки это не помешало тому, что во всеобщем развитии человечества возникла возможность проникнуть к свету духовной жизни. Только люди при этом, я бы сказал, просто из косности продолжают сохранять привычки темной эпохи [...]

Мы также знаем, что этот поворот всего человечества к светлой эпохе был подготовлен благодаря тому, что с конца 70-х годов XIX

века началось время Михаэля. Поставим еще раз перед нашей душой, что это значит, что с последней трети XIX века началось время Михаэля.

Мы можем представить себе, что как в физически-чувственном мире нас окружают три царства природы [...] так в духовном мире нас окружают высшие царства, которые мы в разной связи называем царствами Иерархий. [...] Ангелы имеют задачу вести отдельных людей, охранять их, когда они идут от одной земной жизни к другой. [...]

Если мы восходим в царство Архангелов, то находим их исполняющими разные задачи. Одна из них состоит в том, чтобы управлять основными тенденциями следующих одна за другой эпох, приводя их в связь с человеком. Так, в течение примерно трех столетий, до конца 70-х годов XIX века имело место то, что можно назвать господством Габриэля. [...] Никогда прежде силы физической наследственности, действующей через поколения, не были так сильны, как в (эти) последние три столетия [...]

Это выразилось в том, что проблема наследственности стала доминирующей в XIX веке, что человечество ощутило, как душевные, духовные свойства в человеке зависят от наследственности. И еще оно научилось ощущать то, что в XVI, XVII, XVIII веках и большей части XIX века правило в развитии человека как закон природы. [...] В это время особенную важность приобрели все свойства, связанные с физическим размножением. И опять-таки внешним знаком этого стал тот интерес, который проявился к вопросам размножения и вообще ко всем сексуальным вопросам в конце XIX века. Значительнейшие духовные импульсы подступали к человечеству в названные столетия таким образом, что своего осуществления (они) искали через физическое наследование.

В полной противоположности к этому стоит эпоха, в которой человечество ведет и направляет Михаэль [...] Эти два потока импульсов [правления Михаэля и светлой эпохи] действуют один в другом. Сегодня мы взглянем на то, что составляет особенность одной эпохи Михаэля. Я говорю *одной* эпохи Михаэля, ибо [...] через примерно три столетия другое существо из Иерархии Архангелов возьмет на себя духовное водительство развитием человечества в той области, где цивилизация разыгрывается наиболее выдающимся образом. [...]

Поскольку сегодня мы живем в эпоху Михаэля, то у нас есть повод вспомнить его предыдущую эпоху[...] То время Михаэля [...] завершилось деяниями *Александра*, основанием философии *Аристотеля*. [...] при наступлении эпохи Михаэля через мир проходит движение

космополитизма, интернационализма. Исчезают национальные различия. А в эпоху Габриэля [напротив] в европейской цивилизации и ее американском придатке укрепились национальные импульсы.

В нашу эпоху Михаэля они будут *в течение трех столетий* полностью преодолены. В каждую эпоху Михаэля происходит так, что через человечество проходит всеобщечеловеческое движение, противостоящее специальным интересам наций или человеческих групп. В [прошлую] ... эпоху господства Михаэля на Земле, до Мистерии Голгофы, это выразилось в том, что из сложившихся тогда в Греции отношений возникла колоссальная тенденция, приведшая к походам Александра, через которые греческая культура и цивилизация гениальным образом распространились в Азии, в северной Африке* [...]

Существа, которые принимали участие в тех земных делах, свершавшихся во имя служения Михаэлю, — они во время Мистерии Голгофы не были на Земле. Все существа, принадлежащие сфере Михаэля, будь то [...] развоплощенные человеческие души, будь то души, которые никогда не были на Земле, — все они были связаны друг с другом в совместной жизни в сверхчувственном мире в то время, когда на Земле происходила Мистерия Голгофы.

Тут нашим душам необходимо уяснить себе, с чем мы, собственно, имеем дело. Если взять земную точку зрения, то можно сказать себе: земное человечество тогда пришло в определенную точку земного развития. Высокий Дух Солнца, Христос приходит на Землю, воплощается в человеке Иисусе из Назарета. Жители Земли [...] мало знают о том, что они могли бы предпринять, чтобы оценить это событие соответствующим образом.

Но тем больше знают развоплощенные души, окружающие Михаэля, живущие в сверхчувственном мире в сфере солнечного бытия, как расценить из другой перспективы то, что произошло для них. То, что тогда совершилось для мира, они переживали с Солнца. И они переживали, как Христос, действовавший до того внутри солнечной сферы и бывший достижимым в Мистериях только, если человек был способен восходить до сферы Солнца, простился с Солнцем, чтобы на Земле соединиться с человеком.

Это было потому потрясающим, невероятным событием именно для существ, принадлежащих к общине Михаэля, что община эта находилась в особой связи со всем, что является исходящей от Солнца космической судьбой. Они должны были проститься с Христом, Ко-

*) Заметим, что речи о принудительном смешении рас при этом не шло.
(Авт.)

торый до того имел Свое место на Солнце и Которому нужно было отныне занять Свое место на Земле. Такова иная точка зрения, иной аспект.

С этим одновременно было связано и кое-что другое. Это можно правильно оценить, приняв к сведению следующее. Размышлять, жить в мыслях, которые притекают из внутреннего, люди в древние века не могли. При определенных условиях они были мудрыми, бесконечно более мудрыми, чем современные люди, но они не были умными в современном смысле этого слова. [...] Самостоятельно рожденных [человеком] мыслей не было в древние времена. Мысли посылались на Землю вместе с откровениями, приходившими из духовного мира к какому-нибудь человеку. Человек не размышлял, а воспринимал духовное содержание через откровение, но воспринимал его так, что при этом были и мысли. [...] тогда душевные впечатления приносили с собой мысли. Мысли были инспирированными, не самостоятельно мыслимыми мыслями. И тот, кто упорядочивал космическую интеллигенцию, направляющуюся таким образом вместе с откровениями к человечеству, кто в особенности, так сказать, господствовал над космической интеллигенцией, — это и есть то существо, которое мы, пользуясь христианской терминологией, называем Архангелом Михаэлем. Он в Космосе управлял космической интеллигенцией.

Только нужно постараться понять, что это означает. [...] Такой человек, как Александр Великий, ясно сознавал, что его мысли приходят к нему на пути Михаэля [...] и он рассматривал себя не иначе, как миссионером Михаэля, инструментом Михаэля. Он не мог думать иначе, как только: Михаэль действует на Земле, а я есть тот, через кого он действует. Таким было понимание. Это давало и силу воли для действий. [...] С нисхождением Христа на Землю [...] он (Михаэль) прежде всего видел, как от него, Михаэля, постепенно уходит господство над космической интеллигенцией. Тогда с Солнца было очень хорошо видно, что вещи с интеллигентным содержанием больше не будут приходит к человеку из духовного мира, но что он сам на Земле должен приходиться к своей собственной интеллигенции. Это было очень значительное, радикальное событие — видеть интеллигенцию в некоем роде потоками устремляющейся на Землю. [...]

Это длилось до VIII, IX христианского столетия. А затем пришло великое решение. Это было решением Михаэля и тех, кто был с ним, не важно, воплощенных на Земле или не воплощенных, когда они должны были сказать: люди на Земле начинают делаться интеллигентными, творить, исходя из себя, собственный рассудок, и косми-

ческая интеллигенция больше не может управляться Михаэлем. [...] А когда [они] смотрели вниз, на Землю, то видели, как с VIII, IX столетия начинается эпоха интеллигенции и люди начинают образовывать собственные мысли.

Ну, я вам уже рассказывал, как в отдельных особых школах, например в великой школе Шартра, по традиции еще сообщалось о том, что некогда, будучи погруженным в космическую интеллигенцию, открывалось людям. [...] и я также попытался представить вам, как к отдельным членам ордена доминиканцев непосредственно перешло управление интеллигенцией на Земле. Нужно только заглянуть однажды в сочинения, проистекающие из христианской схоластики, из того удивительного духовного течения, которое сегодня совершенно неправильно понимается как его сторонниками, так и его противниками, поскольку и те и другие рассматривают его не по существу. [...] Большой спор между номинализмом и реализмом разгорелся именно в ордене доминиканцев. Одни видели во всеобщих понятиях лишь имена, другие видели во всеобщих понятиях духовные содержания, которые открываются в вещах.

Вся схоластика является борьбой людей за ясность относительно вливающейся интеллигенции. Не стоит удивляться, что основной интерес тех, кто был с Михаэлем, обращался именно на то, что разворачивалось на Земле как схоластика. В том, что развивал *Фома Аквинский* и его ученики, другие схоласты, видно земное выражение, проявление того, что тогда было течением Михаэля. *Течение же Михаэля — это управление интеллигенцией, полной света спиритуальной интеллигенцией.*

Теперь она была на земле, эта интеллигенция. Теперь нужно было уяснить себе ее смысл. Глядя из духовного мира, можно было видеть внизу, на Земле, как то, что относится к сфере Михаэля, разворачивается вне господства Михаэля при начинающемся господстве Габриэля. Мудрость посвящения, мудрость розенкрейцеров, какой она распространялась тогда, состояла в том, что в ней была определенная ясность касательно этих обстоятельств. Важно посмотреть на род и способ, каким именно в это время земное было связано со сверхчувственным. [...] Поэтому я должен описать, что произошло в начале той эпохи, когда душа сознательная, а вместе с нею и интеллигенция, вчленились в человечество.

Прошло уже несколько столетий после того, как Михаэль в IX в. по Р.Х. увидел приход на Землю того, что прежде было космической интеллигенцией. И вот, он увидел, как она течет, струится дальше на земле, а именно в схоластике. Так было внизу. [А сверху] он собрал

тех, кто принадлежал к его окружению, в сфере Солнца [...] И там, как вы уже понимаете, прежде всего пребывали те человеческие души, которые я вам представил как великих учителей Шартра. Одним из значительнейших среди тех, кто в сонмах Михаэля в начале XV в. совершал в сверхчувственных мирах свои дела, был, конечно, Аланус аб Инсулис. Но также и все другие, о которых я рассказал вам как о принадлежавших к Школе Шартра, соединились с теми, которые уже опять взошли в жизнь между смертью и новым рождением, а [на земле] принадлежали к ордену доминиканцев. *Души, принадлежавшие к течению платоников, были сердечно, глубоко соединены с душами, принадлежавшими к течению аристотеликов.* Эти души пережили всё то, что является импульсами Михаэля. Многие из этих душ жили в таком состоянии, что Мистерию Голгофы они пережили не с земной, а с солнечной точки зрения. Тогда, в начале XV в. они пребывали в сверхчувственном мире в значительном положении.

В то время под водительством Михаэля возникло — мы должны тут воспользоваться земным выражением — то, что можно назвать сверхчувственной Школой. То, что некогда было Мистерией Михаэля, что в древних Мистериях Михаэля возвещалось посвященным, а теперь должно было стать другим, поскольку интеллигенция нашла для себя путь из Космоса на Землю, — это сам Михаэль в исключительно важном обобщении дал тем, которых он теперь собрал в начале XV в. в сверхчувственной Школе Михаэля. Там, в сверхчувственных мирах вновь ожило всё то, что некогда в Мистериях Солнца жило как мудрость Михаэля. Там было тогда грандиозным образом обобщено то, что представлял собой *платонизм в аристотелевском продолжении* и что Александром Великим было принесено в Азию, принесено в Египет. Было изложено, растолковано как во всем том еще живет старая спиритуальность.

Тогда все души, которые всегда были связаны с тем течением, о котором я вам рассказываю в этом ряде лекций, души тех, кто был предопределен принадлежать к антропософскому движению и вырабатывать свою карму для антропософского движения, — все они приняли участие в обучении в той сверхчувственной Школе. Ибо всё, чему там учили, подавалось с той точки зрения, что теперь в развитии человечества внизу (на земле) михаэлистическое должно формироваться иным образом, через собственную интеллигенцию человеческой души.

Там указывалось на то, как в конце XIX в., в последней его трети Михаэль снова вступит в свое правление на Земле, как наступит новая эпоха Михаэля [...] которая будет отличаться от других его

же эпох. Ибо другие эпохи Михаэля были такими, что космическая интеллигенция всегда изживалась во всеобщечеловеческом. Теперь же — так тогда говорил Михаэль своим ученикам в сверхчувственном — в эпоху Михаэля дело будет заключаться в совершенно ином. То, чем Михаэль в ходе эонов управлял ради людей, чем он инспирировал земное бытие, выпало у него из рук. Он обретет это снова, когда в конце 70-х годов XIX в. вступит в управление Землей. Он обретет это вновь, когда сначала лишенная спиритуальности интеллигенция найдет свое место внизу среди людей. Но он обретет ее в особом состоянии, он теперь найдет ее такой, что она в сильнейшей степени будет подвержена действию ариманических сил. Ибо в то же самое время, когда интеллигенция из Космоса погружалась в земное, всё более и более возрастали стремления ариманических властей отнять эту, становящуюся земной космическую интеллигенцию, у Михаэля и дать ей действовать лишь на Земле, свободно от Михаэля.

Это был большой кризис, возникший в начале XV в. и длящийся до сего дня, кризис, в котором находимся и мы, кризис, выражающийся в борьбе Аримана против Михаэля. [В ней] Ариман использует всё, чтобы оспорить господство Михаэля над интеллигенцией, ставшей теперь земной. Михаэль же стремится путем действия всех импульсов, какие он имеет, интеллигенцию, которую он выпустил из своих рук, снова получить на Земле с началом в 1879 г. эпохи его господства.

Под знаком этого решения стояло развитие человечества в последней трети XIX века. Тогда прежняя космическая интеллигенция стала земной, тогда Ариман захотел эту интеллигенцию сделать совершенно земной, чтобы она двигалась вперед таким же образом, как это началось в эпоху Габриэля. Совершенно земной должна была стать эта интеллигенция, лишь делом человеческого кровного родства, делом линии поколений, делом сил размножения. Всего этого хотел Ариман.

Михаэль нисшел (приблизился) к Земле. То, что между тем должно было проделать свой путь ради того, чтобы люди пришли к интеллигенции и свободе, он мог найти только на земле. Так что на земле должен он теперь овладеть этим, *в земной сфере* получить опять господство над интеллигенцией, которая действует теперь внутри человечества. Ариман в его отношении к Михаэлю ставит Михаэля перед необходимостью защищать от Аримана то, чем он в течение эонов управлял ради блага человечества. И внутри этой борьбы стоит человечество.

Быть антропософом означает, среди прочего, эту борьбу по мень-

шей мере понимать. А она проявляет себя повсюду. Ее истинный облик остается за кулисами исторического становления; но она повсюду заявляет о себе в фактах открытой жизни.

Мои дорогие друзья, те души, которые были тогда в сверхчувственной Школе Михаэля, они получили учения, которые я вам теперь бегло изложил. Они состояли в повторении того, чему в древние времена учили в Мистериях Солнца; они состояли в пророческом предвосхищении того, что должно произойти, когда начнется новая эпоха Михаэля; они состояли в увлекающих, захватывающих призывах, наставлениях, предупреждениях, в которых говорилось о том, что находящиеся вокруг Михаэля должны будут влиться в течение Михаэля, должны будут подхватить импульсы, необходимые для того, чтобы интеллигенцию снова соединить с существом Михаэля.

В то время, когда эти удивительные, грандиозные учения в той сверхчувственной Школе, управляемой самим Михаэлем, подступали к соответствующим душам, эти души принимали участие в колоссальном событии, которое лишь через длительные промежутки времени проявляется внутри развития нашего космоса. [...] Именно в начале того XV в., когда была учреждена эта Школа, о которой я говорю, в которой приняло участие множество душ в окружении Михаэля, тогда можно было одновременно видеть нечто, что, как сказано, лишь через длинные, длинные промежутки времени повторяется в космическом становлении, — можно было видеть неким образом, взирая вниз на Землю, как Серафимы, Херувимы и Троны, т.е. существа высшей, первой Иерархии, совершали грандиозное деяние.

Это происходило в первой трети XV столетия, в то время, когда за завесой развития нового времени была основана школа розенкрейцеров. [...] (Тогда) можно было видеть как Серафимы, Херувимы и Троны духовное из сферы Духов Формы, Духов Движения и Духов Мудрости вносят в физическое, своей властью духовное прививают физическому. От того, что обычно можно наблюдать в идущем вперед становлении, через большие промежутки времени всегда проявляется нечто, грандиозно отклоняющееся. В последний раз нечто подобное, если его рассматривать в духовном аспекте, проявилось в эпоху Атлантиды. Что тогда произошло в сфере человечества — это проявилось таким образом, как если бы сегодня мы из духовного мира увидели Землю пронизываемую в ее сфере вспышками молний и мощными раскатами грома. Это была, так сказать, одна из тех мировых гроз. Для людей на земле она прошла как бы во сне, а для духов вокруг Михаэля она была могучим событием.

Позади того, что в XV в. разыгралось исторически в человеческих

душах, находится именно нечто могущественное. Это могущественное проявилось как раз в то время, когда ученики Михаэля проходили в сверхчувственном свое обучение. В последний раз в атлантическое время, когда космическая интеллигенция оставалась еще космической, но обрела место в человеческих сердцах, также произошло нечто подобное, что теперь вновь разразилось в земной сфере духовными молниями и громами. Да, это было так. В эпоху, переживавшую земные потрясения, в которую распространилось розенкрейцерство, в которую происходили разного рода примечательные вещи, о чем вы можете узнать из истории, в эту эпоху Земля являла себя духам в сверхчувственном окруженной бушующими ужасными молниями и громами. Это Серафимы, Херувимы и Троны переводили космическую интеллигенцию в тот член человеческой организации, который является нервно-чувственной организацией, головной организацией.

Произошло событие, которое сегодня проявляется еще не отчетливо, но оно будет проявляться в ходе столетий и тысячелетий, и таким образом, что человек будет полностью преобразован.

Прежде человек был человеком сердца, а потом он стал человеком головы. Интеллигенция становится его собственной интеллигенцией. И это, если на него взглянуть со стороны сверхчувственного, является чем-то неслыханно значительным. Тогда видно, что за сила и власть пребывают в сфере первой Иерархии, в области Серафимов и Херувимов, которые свою власть и силу проявляют и открывают в том, что духовным они управляют не только в духовном, как Духи Движения, Духи Формы и Духи Мудрости, но духовное вносят в физическое, духовное делают творящим в физическом. Серафимы, Херувимы и Троны должны были совершить дела, которые, так сказать, повторяются лишь через эоны. И можно сказать: то, чему Михаэль учил своих в то время, то возвещалось внизу, в земном мире среди молний и громов. Это нужно понять, ибо эти молнии и громы, дорогие друзья, должны стать воодушевлением в сердцах и душах антропософов! И тот, кто действительно имеет тягу к Антропософии, тот имеет — сегодня еще бессознательно, люди еще не знают об этом, но они это будут познавать, — тот имеет сегодня в своей душе последствие того, что он тогда в окружении Михаэля воспринял как небесную Антропософию, которая предшествовала земной. Ибо учения, которые давал Михаэль, были тогда подготовлением к тому, что на Земле должно было стать Антропософией.

Итак, мы имеем двойное сверхчувственное приготовление к тому, что на Земле должно было стать Антропософией: приготовление в великой сверхчувственной Школе начиная с XV столетия, а потом то,

что я описал вам раньше, что совершилось в сверхчувственном в конце XVIII — начале XIX века как имагинативный культ, где в могучих имагинативных образах было разработано, оформлено то, что ученики Михаэля изучили в сверхчувственной Школе. Так были подготовлены души, которые потом низошли в физический мир и которые из всех этих подготовлений должны были получить стремление идти к тому, что как Антропософия должно действовать на земле.

Вы только подумайте: во всем том принимали участие великие учителя Шартра. Они [...] еще не нисходили вновь на Землю. Тогда [в прошлом] они послали впереди себя те души, которые так превосходно действовали в ордене доминиканцев, предварительно проведя с ними некий род «конференции» на повороте от XII к XIII столетию.

Затем все эти души вновь сошлись вместе (в сверхчувственном): те, кто в Шартре возвещал огненными устами пра-древние учения, и те, кто в холодной работе, которой, однако, они были преданы всем сердцем, боролся за овладение смыслом интеллигенции в схоластике. Все они принадлежали к сонмам Михаэля, учившимся в указанной Школе. [...]

Мы имеем эту Школу Михаэля. Мы имеем имагинативный культ [...] Мы имеем то значительное, которое состоит в том, что в конце 70-х годов вновь началось господство Михаэля, что Михаэль намеревается снова получить внизу, на земле интеллигенцию, которая во время до его правления ушла от него. Эта интеллигенция должна стать михаэлической. И необходимо понять смысл новой эпохи Михаэля. Те, кто сегодня приходит с тягой к такой спиритуальности, которая уже содержит в себе интеллигенцию, как это имеет место в антропософском движении, они сегодня являются в известном смысле теми душами, которые именно в силу их кармы находятся здесь, в этом столетии и которые должны принимать во внимание то, что происходит на земле в начавшейся эпохе Михаэля. И они связаны со всеми теми, которые еще не пришли опять в инкарнацию. Они, в первую очередь, связаны с теми, кто из течения платоников под водительством Бернарда Сильвестриса, Алануса аб Инсулиса и других остаются еще вверху, в сверхчувственном мире.

И те, кто сегодня с подлинной сердечностью и преданностью могут воспринять Антропософию, они имеют импульс [...] вместе со всеми теми, кто [еще] не нисходил вниз, вновь прийти на Землю в конце XX столетия. А до того времени через антропософскую спиритуальность будет подготавливаться то, чему тогда надлежит осуществиться из общности как полному откровению того, что было подготовлено сверхчувственно обоими названными течениями. [...]

Это моя задача — показать вам, какими рафинированными средствами Ариман хочет этому помешать, в какой острой борьбе стоит этот XX-й век. Из всего этого можно понять, как серьезно время и какое требуется мужество, чтобы правильно войти в спиритуальное течение. Но когда эти вещи воспринимают в себя, когда говорят себе: ты, душа человека, ты можешь быть к этому призванной, если знаешь, как способствовать обеспечению господства Михаэля, — то тогда может возникнуть [...] самоотверженное, бескорыстное внутреннее ликование души по поводу возможности, права стать такой сильной. Но настроение для этой полной мужества силы, для этого сильного мужества — его нужно обрести. [...]

Осознавать себя в этой борьбе, осознавать себя в этом решающем противостоянии между Михаэлем и Ариманом — это, мои дорогие друзья, является чем-то таким, что необходимо для антропософского энтузиазма, для антропософского воодушевления».

Антропософия и Гёте

Перед нами, таким образом, сложилась картина всеобъемлющего земно-космического развития человечества на протяжении последних примерно двух с половиной тысяч лет, о котором подавляющая часть этого человечества не имеет никакого представления. В прошлые столетия это незнание объяснялось вполне объективными причинами. Главной из них была неспособность человеческого сознания это знание вместить в себя. Но в последние примерно сто пятьдесят лет самосознание человека даже в его интеллектуалистической форме развилось до той высоты, на которой его восприятие стало возможным.

Рождение этой *возможности* совпало с наступлением острой *необходимости* этим знанием овладеть. Уже к концу XIX в. радикально изменилось положение Земли во всем окружающем духовном космосе. Свержение 1-й Иерархией космического мышления о Земле в головы людей вызвало за несколько веков гигантский мировой поворот, в котором старые причины развития меняются местом с их следствиями. Теперь человеческое мышление о содержании и задачах развития человечества на земле становится и причиной этого развития. Причины эти сами люди должны привести в гармоническое соответствие и взаимодействие с мышлением окружающего космоса. И если этого не делается, если мышление людей об их развитии на земле вносит в духовные миры хаос своих следствий, то этим мышле-

нием овладевают существа субистории, и тогда вместо восхождения к духу цивилизация направляется во тьму мирового отставания.

Главный и непосредственный помощник человечества в этой сложной констелляции — Архангел Михаэль. Он даровал человечеству — основательно подготовив это — огромное спиритуальное знание, раскрывающее смысл и задачи развития человека внутри развития мира. Знание это пришло в земной мир в форме Антропософии — божественной мудрости о человеке.

Антропософия как духовное течение соединяет в себе, становясь их квинтэссенцией, целый ряд потоков духовно-исторического развития человечества. Она производит их метаморфозу в человеке, в результате которой он становится индивидуальным носителем их единства, чем предваряется восхождение всей эволюционирующей Вселенной к ее грядущему всеединству.

Историю Антропософии можно в известном смысле начинать с эпохи возникновения платонизма и аристотелизма. В этом смысле походы Александра в Азию не менее близки духу нашего времени, чем той древности. Но особенно тесно историческое становление Антропософии связано со становлением Христианства.

Христианство в его сути следует понимать как Мистерию, Мистирию нового времени, пришедшую на смену всем Мистериям древности. Она вобрала в себя всё лучшее, что было в них, когда они служили подготовлением прихода Христианства, и метаморфизировала их в соответствии с задачами нового развития. Христианство в этой своей глубинной сути прошло через историческое развитие особым, не церковным путем. А теперь началось время, когда это, эзотерическое, Христианство выходит на широкий, открытый план жизни.

Внешний, «светский», культурно-исторический процесс развития, по сути, также движется навстречу глубинному, мистериальному Христианству. Он готовил человека для этого Христианства. На этом пути человечеству нужно было пройти и через эпоху материализма, давшую человеку особенно острое переживание низшего «я». Импульс к такому развитию был принесен в Европу вместе с вторжением в нее арабов. Они, по сути, дали европейской материалистической цивилизации ее органон и ее методологию. Но предрасположенность к этому народы Европы несли и в самих себе.

Развитию материализма в значительной мере способствовал также католицизм, латинизм, наследие латинской расы. А потом «флагманом» материалистической цивилизации стала англо-саксонская раса. Эта раса, будучи частью более широкой, германской расы, стала в англо-германской культурной эпохе носителем души созна-

тельной: носительницей этого высшего члена души в эпоху материализма. Поэтому, с одной стороны, у ее исторических истоков, когда население северного пояса развивало душу ощущающую, мы находим спиритуальное служение ложи короля Артура, а с другой — в настоящее время в ней пребывает оплот дарвинизма, коммерции, да, собственно говоря, и марксизма, поскольку промышленное развитие Англии послужило Марксу базой при составлении им своей теории.

Задача же перевода цивилизации из эпохи материализма в эпоху спиритуализма зрела в недрах средневропейской культуры. Поэтому именно там и занялась заря новой эпохи, в которую форма человеческого сознания дорастает до способности перевести Христианство эпохи приготовления в Христианство эпохи осуществления, и поэтому именно там миру была дана Антропософия.

О заре новой эпохи возвестил феномен Гёте. Гётеанизм заложил первый камень в фундамент органа и методологии грядущей цивилизации, начало которой было положено началом нового правления Михаэля. Гёте оказался одним из тех редких творцов, которые в эпоху правления Габриэля работали уже в духе эпохи Михаэля. Не понимая этого, правильного отношения к творчеству Гёте не найти.

В полную силу дело, начатое Гёте, развил Рудольф Штайнер, дав ему поистине космическое измерение. Но Гёте остается для нас знаковой фигурой еще по той причине, что он не выступает в этой своей инкарнации как большой посвященный, исследующий сверхчувственно духовные миры, но, действуя силой просто человеческой гениальности, смог создать новую форму человеческой духовности, которая становится вместилищем космической интеллигенции на этапе ее возвращения к Михаэлю.

Можно сказать в каком-то смысле, что Михаэль ждал появления такой фигуры, как Гёте, чтобы тотчас же откликнуться на это, порождающее новую причинность, решающее событие в развитии земного человечества и послать ему Антропософию.

Гёте положил начало совершенно новой теории познания, соответствующей новой *форме* человеческого сознания, владеющего созерцающей силой суждения. Его метод природопознания зиждется на способности индивидуального духа *воспринимать идеи* из объектов восприятия. Велика заслуга Гёте и как создателя новой мифологии, соединившей мифологию розенкрейцеров со светской культурой.

В истории культуры дойчей получилось так, что Рихард Вагнер мифологию древних германцев соединил с мифологией эзотерического Христианства, а Гёте земное художественное творчество человека возвысил до его мифотворческого звучания. Он сделал это в своей

«Сказке о зеленой Змее и прекрасной Лилии», в «Фаусте» и др. В «Фаусте» он выразил прафеномен души человека европейской культурной эпохи, что по своему значению сравнимо с мифом об Озирисе для египтян, с мифами о Дионисе, Аполлоне, Прометее, Одиссее и Эдипе для греков*.

Гётеанизм возник на почве культуры дойчей, и только на ней и мог возникнуть он, но он совершенно интернационален, как и физика Ньютона, и астрономия Кеплера, значение его общечеловеческое. Поэтому с разъяснения его сути начал Рудольф Штайнер развивать свое учение, Духовную науку.

Гёте как личность, изживавшая себя в своем творчестве, явил удивительный образец синтеза платонизма и аристотелизма. Более того, он был типом человека, соединившего в себе дионисийское и аполлоническое начала, а также типы авелита и каинита. И как такого рода целостная личность творец «Фауста» являл собой человека будущей культуры. Он через духовное творчество земного человека снова взшел в интеллигибельную сущность мира. *Земной волей он предался Божественному.*

Синтез — это не сумма частей, а органическое целое. В Гёте оно возникло благодаря тому, что он переживал противоречащим своей натуре разделение идеи и опыта, на чем стоял Платон. Уже само наблюдение природы несло Гёте идеи. Поэтому, пишет Рудольф Штайнер, Гёте мог мыслить природу лишь как наполненную идеями. «Мир идей, не пронизывающий вещи природы, ее возникновение и прехождение, не вызывающий ее становление и рост, был для него не имеющим силы простым сплетением мыслей. Логическая последовательность рядов мыслей без погружения в действительную жизнь и творение природы, казалась ему неплодотворной. Ибо он чувствовал себя интимно сросшимся с природой. ... К такому роду мыслей вела Гёте его художественная натура. С той же необходимостью, с какой цветет цветок, чувствовал он вырастающими из своей личности свои поэтические творения».** Поэтому того, что он искал, он не находил у философов. *Искал же он идеи, живущие в вещах, в том числе и вещах чувственного мира, а не абстрактную шелуху мыслей.*

*) Тут только нужно еще раз напомнить о созидающей, творящей роли мифа в формировании человеческой личности как психологически, так и социально. Что это имеет очень большое значение — об этом свидетельствует хотя бы то, что мифология антимира заполнила сегодня собой кинематограф, литературу и эстраду.

**) Rudolf Steiner, Goethe und die platonische Weltansicht. Статья в ИПН. 36.

Характеризуя духовный облик Гёте, Рудольф Штайнер говорит: «Гёте не хотел ни науки, ни искусства; *он хотел идеи ...* Гёте искал, как заключить союз с мировым Духом, и хотел открыть нам Его господство. Он делал это через посредство искусства или науки, в зависимости от потребности. Не односторонне художественное или научное стремление жило в Гёте, а неутомимый порыв к созерцанию «всех действующих сил и зародышей» (ИПН. 1, S. 100f.).

Гёте понимал, что развитие идет путем метаморфоз, и искал, каким образом должен быть метаморфизирован дух человека, чтобы он мог воспринимать божественную мудрость непосредственно. «Умереть, чтобы стать, становиться!» (Sterben um zu werden) — перед такой задачей стоит человек. И кто ее не решает, тот лишь «хмурым гостем» живет на земле. Со всей возможной наглядностью Гёте пытался выразить это в своей «Сказке ...». Показанное в ней — это вопрос, занимавший оккультистов всех времен: вопрос «алхимического претворения», над которым работал и Альберт Великий, и его выдающиеся последователи. Наивысшее, к чему только можно стремиться, во что нужно превратиться, — это Лилия в «Сказке». Змея — это мудрость, которая такую метаморфозу совершает и, став спиритуальной мудростью, образует мост между двумя мирами: чувственным и сверхчувственным. И именно его Средняя Европа должна возвести в спирали прафеномена культурных эпох.

Импульсом к созданию «Сказки», говорит Рудольф Штайнер, послужил для Гёте взгляд, пусть не вполне осознанный, брошенный словно бы сквозь узкую щель, на сверхчувственную Школу Михаэля.

Идеи, художественно воплощенные в ней, были движущими для Гёте и тогда, когда он работал над «Фаустом», о значении которого Рудольф Штайне говорит, что «это поистине наипервейшего ранга литературный и духовный завет человечеству» (ИПН. 57, S. 291), который был создан в силу не субъективной потребности Гёте, а потребности времени. «Фаустовская душа» описана Гёте как прафеномен современного человека.

В том, как средневековый Фауст восстал из гениальной интуиции Гёте «заложено новое пробуждение манихеизма» (ИПН. 175, 19.4. 1917).

В «Фаусте» Гёте проблему человека расширил до проблемы мира. Он сделал, так сказать, «Фауст-проблему» космической, хотя и не смог соединить ее с Импульсом Христа. Для этого во времена Гёте еще не было объективных условий; они впервые сложились лишь во время Рудольфа Штайнера. Но Гёте владел новой формой сознания, чистым созерцанием, которое, противопоставляя его материализму,

называл «прафеноменом». «Фаустом» он дал толчок к выработке новых, свободных имагинаций.

Описать весь огромный вклад Гёте в развитие 5-й, европейской культурной эпохи почти невозможно, особенно если его творчество изучать в свете Духовной науки, ибо «Гёте принадлежит к тем умам, которые содержали в себе бесконечно много»*. На опыте собственного изучения наследия Гёте Рудольф Штайнер пережил, что если, изучая Гёте, сделать паузу в несколько лет и снова углубляться в него, то всегда открывается что-то новое, грандиозное; «да, бесконечное находишь в творениях Гёте».**

Духовная наука и ее метод

Форму прекрасного моста принимает в «Сказке» Гёте принесшая себя в жертву Змея, и по этому мосту народы мира идут в сферу более высокого духовного бытия. А мост тот имеет форму теоретико-познавательной лемнискаты, которая одна лишь способна соединить в пятой культуре оба «берега» нашей коренной расы. Начать возведение этого моста в культурной жизни Европы мировой кармой определено Средней Европе. Этот факт никоим образом не должен связываться ни с политическими, ни с какими-либо иными пристрастиями. Это просто объективный факт. И именно в силу его как гётеанизм, так и Антропософия зародились именно в Средней Европе. Но обращены они ко всем жителям земли. При этом в любом месте земли оживление жизни с помощью Антропософии будет носить свой неповторимый характер.

Чтобы ступить на этот «мост», человеку нужно сделать всего лишь одно, но довольно трудное дело, а именно создать в себе новую форму для космической интеллигенции, позволяющую ему следовать за ней, когда она начнет возвращаться к Михаэлю. Первая, предварительная форма была выработана философской работой мысли. Теперь ее нужно суметь принести в жертву второй форме, основной.

Работая над этой задачей, Рудольф Штайнер соединил гегелевскую диалектику с гётевской теорией познания и достроил их до *семи-членной*, т.е. способной эволюционировать, полноты. Так образовалась теоретико-познавательная лемниската — ядро антропософской

*) Рудольф Штайнер. Лекция от 4 апр. 1904 г., прочитанная в Берлине. Записала М.Шолль. (Из частного архива.)

**) Там же.

методологии. Обе они составляют краеугольный камень Антропософии: как в ее учении, так и в ее жизненной практике.

Рудольф Штайнер работал над своей методологией в течение всей жизни, развивая ее по мере роста возводимой им системы знания, что уберегло его от абстрактных схем и теорий. Поэтому лишь в результате живой и напряженной работы с наследием Рудольфа Штайнера может быть выявлен и познан метод Духовной науки. Да, он сложен и в высшей степени необычен, в первую очередь благодаря тому, что субъект познания должен прийти к переживанию себя как его составной части.

У многих людей живет представление, будто бы метод Антропософии нужно искать прежде всего в эзотерической практике, приводящей к сверхчувственному восприятию. Ну а когда оно достигнуто, тогда, собственно, ничего больше и не нужно. Гляди да гляди!

Но такого рода представления говорят о сущностном непонимании Антропософии, о чем можно узнать от самого Рудольфа Штайнера. «Дело заключается, — говорил он, — в изучении результатов духовной жизни, а не в удовлетворении вожделений ясновидения... Ибо во всеобщем культурном процессе человечества особенно важно это применение духовнонаучного *метода* к внешней жизни, к познанию большого мира, внечеловеческого мира» (ИПН 201. 1.5.1920).

Антропософия пришла в мир, чтобы его спасти, чтобы вывести цивилизацию из кризиса, а кризис этот коренится в кризисе познания, не способного выйти за границы, очерченные ему Кантом.

Эти границы смог переступить Гёте, поэтому антропософский метод познания отталкивается от гётевского метода, хотя, конечно, намного шире его. Среди многих определений значения Гёте для нашего времени есть у Рудольфа Штайнера и такое: «В лучшем, истиннейшем смысле слова Гёте является современным духом пятой послееатлантической эпохи...

Ибо гётеанизм, будучи развитым далее, означает вхождение в антропософски ориентированную Духовную науку» (ИПН. 185. 1.11.1918).

Гётевское «как» в подходе к любой человеческой деятельности предполагает исходной точкой в ней Я-сознание. Кроме того, оно включает в себя не только новое осмысление способов познания и деятельности, но также и изменение самой познавательной способности человека. Заслуга Рудольфа Штайнера в этой связи состоит в том, что он с необычайной ясностью, последовательностью, выразительностью описал этот судьбоносный вклад Гёте в теорию познания, вклад, открывающий философии врата в теорию сверхчувс-

твенного познания; и не только описал, но краеугольным камнем в метод вводимой им Духовной науки заложил это гётевское «как». Уже в поздний период своей деятельности, в 1919 году он говорил: «...то, что является простым содержанием в Духовной науке, не столь уж существенно и важно. В чем тут заключается все дело — это *род и способ мышления*, каким нужно воспользоваться, чтобы мочь оценить Духовную науку» (ИПН. 187. 1.I.1919).

Рудольф Штайнер называет его «обликообразующим» (*gestaltende*) и даже «морфологическим», в отличие от старого «дробящего» (*zergliedernde*), «различающего» (*unterscheidende*) мышления. В этом последнем «ищут строгих дефиниций... Но строгие дефиниции дают не более чем возможность отличать определяемые вещи от других вещей. Такой род мышления является чем-то вроде маски, которой особенно охотно пользуются духи, которым сегодня хотелось бы разорвать нас на части...» (Ibid.).

Когда желают овладеть «морфологическим» мышлением, то дело в первую очередь заключается в познающем субъекте, а не в умозрительных плодах философии или в эмпирических плодах естествознания. Еще долгое время их будут получать с помощью «дробящего» мышления, однако первостепенной уже давно стала проблема возврата к *целостной личности*, строящей себя на базе мыслящего сознания. Проблема, надо сказать, в своей глубинной сути — чисто эзотерическая, и понимать ее начнут лишь с того момента, когда теории познания будут возвращены права *первостепенной эзотерической науки*.

Рудольф Штайнер был первым, кто доказал, что *беспредпосылочная* теория познания возможна, а значит, в человеческом сознании есть центр суверенного абсолютного начала.

* * *

Поскольку способ мышления (*Denkweise*) обуславливает все факторы культуры и цивилизации — что лишь уточняет древнюю максиму: человек есть мера всех вещей, — то нам остается только признать закономерным, что метод, каким Духовная наука дана миру, является чем-то основополагающим. Благодаря ему «становление» передается в собственные руки людей. «Я дается импульс, и Я должно развивать его собственной внутренне возгорающейся силой... Чувства, связанные с этим, пусть ученик воспламенит сам» (ИПН. 266/1, S. 456). Рудольф Штайнер не только говорил об этом, но и в полную силу применял этот принцип в работе над самим собой. Это позволило ему стать великим воспитателем нового времени. А еще о нем

можно сказать, если воспользоваться метафорой Кеплера: он вынес «священные сосуды» Мистерий наружу и передал их культуре и науке, ибо время для такого деяния уж наступило: в секуляризованной культуре, вне Мистерий люди овладели Я-сознанием.

Рудольф Штайнер дал не просто сумму оккультных знаний, оригинальных философских идей. Он дал то, чего прежде цивилизация не знала, — Духовную науку. Ее постижение может быть плодотворным лишь в том случае, если человек самого себя сделает частью процесса познания, станет менять способ, род мышления, сделает его «морфологическим». Такое развитие познающего субъекта и заложено в «как» Антропософии. Поэтому она во всех своих частях дана Рудольфом Штайнером миру *незавершенной*. Сделано это было, как мы теперь понимаем, не по причине недостатка сил и способностей у ее творца, а в силу глубоких эзотерических принципов воспитания рода человеческого, а также в силу эзотеризма, можно даже сказать — мистериальной сути методологии Духовной науки, которая имеет целью сначала усилить, а затем передать «в собственные руки людей» их собственное «становление», заложить в душу человека познание как семя, чтобы о его росте он позаботился сам в полноте своих мыслей, чувств и волеизъявлений.

Возводя систему Духовной науки, Рудольф Штайнер постоянно оставлял место для тех, кто будет следовать за ним, место, где они могли бы своим умом, творчески включиться в развиваемый им процесс познания и обновления мира, имеющий целью претворить самого человека. Кто на такой шаг не способен, кто привык эпигонски следовать за готовыми формами, те теперь пытаются отыскивать у него «противоречия». На любую цитату из его трудов, говорят они, можно найти другую, ее опровергающую. К таким выводам приходит человеческая поверхность.

Будучи в полном смысле слова *ученым в сфере сверхчувственного*, Рудольф Штайнер как большой художник упорно трудился над *формой* своего учения, имея в виду принцип Гёте, что

«Никакое время, никакая сила не способны
разбить сотворенную форму,
которая живо развивает себя».

Вот почему критикам Рудольфа Штайнера не удастся, к счастью, «разбить» живую форму Антропософии. Поэтому они стараются остановить ее живое развитие, «завершить» ее. Но живое никогда не может стать завершенным. Живое всегда есть процесс. И у живого процесса есть самодовлеющая цель: *становление*.

Об одной из своих основополагающих работ, об «Очерке Тайноведения» Рудольф Штайнер говорил, что видит в ней некоего рода *партитуру*. Не прочитать и собрать информацию, а проработать, пережить в собственном «исполнении» эту книгу должен читатель. Как «компендиум» законченных знаний она вообще не познаваема, в чем может убедиться всякий, желающий ухватить ее рассудком. Ее нужно действительно суметь «исполнить» в уме и сердце, приложив всю меру своих познавательных потенций, но также и чувство художественного вкуса, радость творчества и многое другое.

Музыкальные образы, вообще, оказываются наиболее плодотворными, если желаешь как-либо в целом охарактеризовать Духовную науку. Поэтому и ее метод хочется назвать контрапунктом. Хотя, разумеется, образ ее формы взывает к полноте всех художественных переживаний, имеющих в таком случае тенденцию углубляться до мистериальных первооснов.

Такого рода чувства не обманывают. Ведь именно к составу методологического кредо Антропософии следует отнести слова Рудольфа Штайнера, когда он по поводу строительства первого Гётеанума говорит: «Нам нужно уяснить себе следующее: до тех пор, пока мы вынуждены собираться в залах, чьи формы принадлежат закатывающейся культуре, наша работа в той или иной мере будет подпадать судьбе того, что обречено на закат... Спиритуальная жизнь будет действовать совершенно иначе, если будет проистекать из пространства, чьи массы обусловлены духовнонаучным, чьи формы вырастают из Духовной науки» (ИПН. 284. S. 11).

Таким примерно образом можно в общих чертах охарактеризовать «как» Антропософии, ее форму, ее метод или, точнее сказать, ее методологию. И именно в своей методологии Антропософия не завершена и не могла быть завершена Рудольфом Штайнером. Ибо ее выведение (видимо, так нужно здесь выразиться, поскольку все необходимые для такой работы предпосылки даны Рудольфом Штайнером) есть задача развития Я-сознания всякого, приступающего к такой работе.

Работу истинных антропософов можно уподобить работе природы. Пройдя через череду (метаморфозу) форм, растение заканчивает свой цикл урожаем семян. Далее семена должны упасть в землю и умереть там, чтобы породить новые растения. Так и антропософское познание необходимо возвращать, учиться приносимые им плоды пускать в дальнейший рост, памятуя, что их почвой является душа человека, где в каждом цикле рождается всё более высокая природа.

Гётеанум и борьба Михаэля

Антропософия как новая весть Св.Духа возвестила людям о том, что они подошли к порогу новой видовой метаморфозы, которую они должны осуществлять силой своего духа. Это положение меняет характер всех отношений человека с окружающей средой, и более того — с духовным миром, что предполагает изменение метода посвящения и обновление Мистерий.

Эту работу Рудольф Штайнер также взял на себя, но поскольку именно этому противостояли, так сказать, все силы ада, а носители антропософского дела в мире оказались не на высоте своих задач, то завершить ее ему было не дано, он был раньше времени отозван в духовный мир. Однако то, что он успел сделать, — грандиозно, и оно никогда не умрет.

Рудольф Штайнер, находясь в индивидуальной сознательной связи с Архангелом Михаэлем, принес его сверхчувственную Школу на землю. Что с XIV до XIX века звучало в ней сверхчувственно, должно было зазвучать на физическом плане. Если бы это дело было доведено до конца, то на земле возникло бы место, где постоянно осуществлялась бы сознательная связь людей с Михаэлем, и это был бы источник огромных, обновляющих земную жизнь сил. И тогда человечеству не пришлось бы терпеть фиаско от комплота сил, соединившихся в опрокинутой пентаграмме. Но оно не было доведено до конца, и потому мы должны, работая, ждать того момента, в который окажется возможным центр Мистерии Михаэля всё же основать на земле.

Возведение этого центра Рудольф Штайнер начал со строительства силами антропософов специального здания, архитектуру которого он разработал сам. Здание было названо Гётеанум.

Чтобы понять значение этого строения, роль, какую оно должно было играть в борьбе Михаэля с Ариманом за интеллигенцию, нам придется вернуться к теме введения к первому тому и вспомнить, что спиралеобразный принцип эволюции проецируется также и на культурно-исторический процесс, и таким образом, что один сложный виток двойной спирали сначала возникает духовно, как раскручивающаяся спираль в сфере метаистории в виде прафеномена будущей земной цивилизации, а затем переходит в свою закручивающуюся, феноменальную часть по мере становления новой цивилизации (см. рис. 53). Далее в этой феноменологии цивилизационного процесса как его духовный противополообраз зарождается прафеномен следующей цивилизации как второй виток двойной спирали.

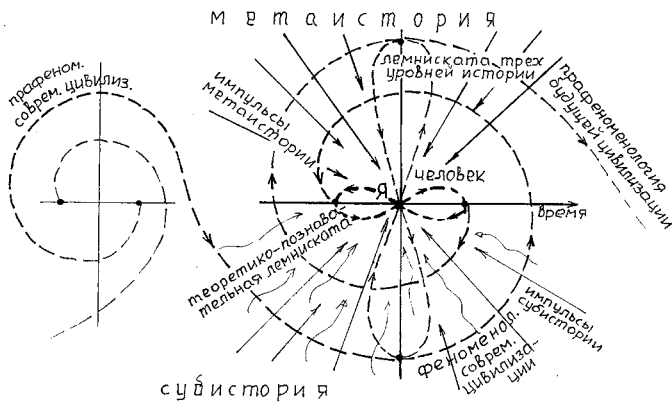

Рис. 53

Соединительным звеном между обоими витками спирали является человек. Его позиция имеет вид лемнискаты, которая образуется из взаимодействия мета- и субистории. Человек стоит в ее узловой точке. В такой сложной конфигурации развития осуществляется то, что называют ролью личности в истории.

Действие в этой конфигурации существ субистории не следует рассматривать как одно только зло. Ведь благодаря ему исторический процесс вошел в чувственную реальность, а человек в ней развил низшее «я». Но когда он хочет метаморфозировать его в Я высшее, то существа субистории восстают против этого и возникает борьба за человека. В этой борьбе меч Михаэля в его руках — это теоретико-познавательная лемниската. В ней человек персонифицирует лемнискату взаимодействия существ мета- и субистории, оказывает свое действие на феноменологию культурно-исторического процесса и его прафеноменологию. Так становится он учеником Мистерии Михаэля.

* * *

Современной европейской цивилизации предшествовал целый ряд цивилизаций 4-й культурной эпохи: греческая, римская, древнееврейская и др. В них вызревал прафеномен будущей христианской цивилизации, которой одновременно предстояло на время стать материалистической.

Четвертая культурная эпоха была переходной от 3-й к 5-й культурной эпохе. Она находилась как раз в середине нашей коренной

расы. В ней совершилась Мистерия Голгофы, которая стала центральной (узловой) точкой абсолютно всех эволюционных семичленных циклов, их метаморфоз, которыми прежняя, нисходящая эволюция меняется на эволюцию восходящую.

В цепи коренных рас эта мировая середина оказалась сдвинутой в 5-ю коренную расу. Это было сделано ради человека. Бог ждал, когда человек станет способным понимать Его индивидуальным «я», ибо Он есть Бог человеческого Я.

Сдвижение мирового центра в 5-ю коренную расу обусловило своеобразие и значение развития в ее пятой подрасе, т.е. в европейской культурной эпохе, на которую приходится второе Пришествие Христа и весь тот комплекс задач, решение которых связано с эпохой нового правления Михаэля. Благодаря всему этому на двойную спираль 5-й коренной расы в ее современной констелляции накладываются и спираль семи коренных рас, и спираль состояний жизни (рунд), и даже эонов. Нас не должно это удивлять, если мы подумаем о том, что из сферы «ничто», т.е. из узловой точки лемнискаты (которую также можно представить и в виде двойной спирали), соединяющей древнегреческую культурную эпоху с прошлыми и будущими эпохами, Мистерия Голгофы, будучи прафеноменом развития и цивилизации, и культурных эпох, и коренных рас, встала (как прафеномен) в «ничто» 5-й культурной эпохи и нашей цивилизации, благодаря чему эта цивилизация и получает такое большое, даже в чем-то решающее значение. В ней с особой остротой проявляется борьба двух законов развития, выражающихся в числах 6 и 7, о чем мы говорили выше.

В такой сложной и одновременно богатой уникальными возможностями развития констелляции находится человек, к которому переходит задача самому управлять своими земными делами. Он должен делать это сам и в неслышанно близком присутствии Бога и Его служителя Михаэля. И потому ему нужно бодрствовать. Оплошность, допущенная в Гефсиманском саду, где апостолы в страстной четверг уснули, теперь должна быть исправлена. Поэтому стояние на страже цивилизации, на страже судьбы человечества в позиции михаэлита, т.е. с новой формой сознания, является продолжением испытания Гефсиманией, через которое теперь нужно проходить с честью.

Необыкновенно много коренится и в проблеме кризиса современной цивилизации. Он многослоен, за ним просматриваются вселенские измерения. Поэтому духовно эта цивилизация имеет вид Мистерии-Драмы, которая есть продолжение Мистерии Голгофы, какой она являет себя в европейской культурной эпохе.

Рудольф Штайнер стремился, исполняя волю Михаэля, создать

на земном плане именно такую опору для современного действия Мистерии Голгофы. И выражением этой опоры стал Гётеанум (см. фото).

В этом строении абсолютно всё исполнено глубочайшего высшего смысла в его связи со смыслом всего земного. Оно есть некоего рода большая *окультиная печать*, поставленная на двойную спираль одновременно и цивилизации, и культурных эпох, и коренных рас, и даже эонов.

Большой купол Гётеанума был возведен не просто над определенным участком земли. Заключенным в нем эзотерическим смыслом он был возведен над феноменальной частью спирали исторической эпохи Михаэля. А малый купол был возведен над ее прафеноменальной частью.

Гётеанум стал чувственным образом великого мирового закона метаморфозы, который выражается в виде семичленных циклов. В Гётеануме как в месте и центре Мистерии Михаэля совершается некоего рода «выворачивание» эволюционного процесса со стороны, где он постоянно овнутрялся, инвольвировал в человеке, на сторону космической объективации, раскрытия, где человек берет свое собственное развитие в свои руки и осуществляет его. Это имеет вид мирового перелома. Он вызван мистерией Голгофы и его осуществление начинается в наше время. Это и явил миру великий символ Гётеанума. При его строительстве в землю был заложен краеугольный камень: сделанный из меди двойной пентагондодекаэдр. К нему как бы и сходятся сверхчувственно обе ветви двойной спирали (рис. 54), а в самом строении их схождение принимает характер определенного *беспереывного осуществления**.

Требуется основательно поработать с Антропософией, не только познавая, но и переживая ее содержание, углубляясь в ее феномен как вырастающий, практически, из всего культурно-исторического развития, чтобы понять ее глубинную эзотерическую суть, которая была явлена зримым образом в строении Гётеанума.

*) Приведенный рисунок даст раскрытие эзотерики того, что было показано на рис. 52. Гётеанум соединяет в себе оба плана: чувственный и сверхчувственный — двойной спирали нашей коренной расы. Поэтому в нем краеугольный камень своей меньшей формой обращен на запад, а большей — на восток. Это соответствует астральному плану двойной спирали, обе ветви которой соединяет краеугольный камень. Поэтому он скрыт от глаз людей. Купола Гётеанума соответствуют внешнему, культурно-историческому проявлению прафеноменальной спирали. Они соединяют ее ветви так, что большой купол обращен на запад, а малый — на восток. Это подобно тому, что мы имеем в случае двух направлений вращения свастики.

дует, выражаясь в духе древних Мистерий, назвать местом «малых» Мистерий, только теперь и к ним каждый должен искать доступ индивидуально.

Под малым куполом совершаются «большие Мистерии». Принимать в них участие способны лишь люди, опережающие общий ход развития. Если общее развитие подчинено принципу действия семичленной лемнискаты, то участников больших Мистерий следует называть «людьми октавы». Их задача — переводить *циклы* развития один в другой, работать в сфере, где рождаются прафеномены будущих состояний мира. Это люди, действительно способные сказать себе: «Не я, но Христос во мне», — подлинные михаэлиты.

Под малым куполом Гётеанума Рудольф Штайнер учредил эзотерическую Школу, которая на земном плане должна была стать продолжением сверхчувственной Школы Михаэля. Ее, как говорил сам Рудольф Штайнер, Михаэль учредил *через* него. Ее ученики должны были переживать себя учениками самого Михаэля, вершить его дела на земле, возносить к нему его интеллигенцию, одновременно проникая в *хтоническую* глубину мира, где за завесой субистории и низшей природы человека открываются существа 1-й Иерархии, свергшие в громах и молниях космическую интеллигенцию на земной план (см. далее рис. 55).

Зримый образ принципа работы михаэлитов в эзотерической Школе Гётеанума дан в скульптурной группе «Представитель Человечества», которая в физическом Гётеануме должна была стоять в особой нише в глубине сцены (см. цветное фото).

Когда Гётеанум пребывал на земле, под малым куполом, где находится пространство сцены, совершалось становление и показ новых видов искусства: эвритмии, новой рецитации и драматургии. Там началась постановка Мистерий-Драм, написанных Рудольфом Штайнером, и полная инсценировка «Фауста» Гёте. Это, по сути, искусства уже следующей цивилизации, в которую должна перерасти наша цивилизация. Та часть Дорнаха, небольшого поселения под Базелем, где был построен первый Гётеанум, и где теперь стоит второй Гётеанум, архитектурно представляет собой поселение будущего. (Туристы посещают его, удивляются, а потом, к сожалению, видимо, просто забывают увиденное.)

* * *

Гётеанум имеет крестообразную структуру с одной осью симметрии. По оси симметрии, идущей с запада на восток, духовные устремления

людей земной цивилизации текут в выси божественных Иерархий, а в противоположном направлении, сверху вниз, действиями больших Мистерий, облеченными в художественную форму и в эзотерическую практику людей, силы Иерархий низводятся в мир цивилизации. Этот процесс описать в простых понятиях довольно трудно. Тут всё носит характер действий и взаимодействий. Уже один только проход вдоль главной оси Гётеанума, если его усиливали сознательным переживанием витражей окон большого зала, капителей колонн и архитрава, производил на Я человека действие почти посвящательное. К этому нужно еще добавить действие росписи куполов, эзотерику капителей и баз колонн пространства сцены и другое. Эти переживания были способны вывести человека из времени и пространства и увлечь на «восток» духовных высей.

Поперечная, «горизонтальная» ось Гётеанума, идущая в направлении север-юг, имеет связь с действием ауры земной поверхности, в которой с севера на юг движутся физические силы, а с юга на север — эфирные. По «вертикальной» оси, соответственно, действуют земные астральные силы и силы Я.

В сфере всех таких действий человек слышал слово мудрости, получал чистейшие спиритуальные эстетические переживания и на встречу этому приносил индивидуальную эзотерическую работу.

Искусство, наука и религия через всё, что совершалось в Гётеануме, а также и через сам факт его существования сливались в единство. Космические интеллигенции приходили в связь с делами людей, и эти дела, даже повседневные, обретали космическое значение.

Гётеанум как центр Мистерии Михаэля напоминает алхимическую реторту, в которой происходит возгонка субстанций человеческой души и духа, очищение их квинтэссенцией высшей индивидуализации. Ну а через человека очищается и возвышается вся цивилизация, а далее — и аура Земли. Благодаря этому Гётеанум не дает цивилизации впасть в хаос. Через него Михаэль ведет феноменологию цивилизации до ее логического конца, по мере приближения к которому она должна спиритуализироваться и возрождаться в новых формах.

Этот процесс, разумеется, не может проходить без борьбы. Силы нижнего, inferнального треугольника (см. рис. 36) постоянно атакуют Гётеанум. Они делают это чувственно и сверхчувственно. Их атаки на плане внешней социальности проникают в Гётеанум с главного входа на западной его стороне. Они приходят оттуда с людьми и в людях: в виде их заблуждений, их эгоизма, их неизжитой враждебности к духу. Они заполняют большой зал, а далее пытаются всячески

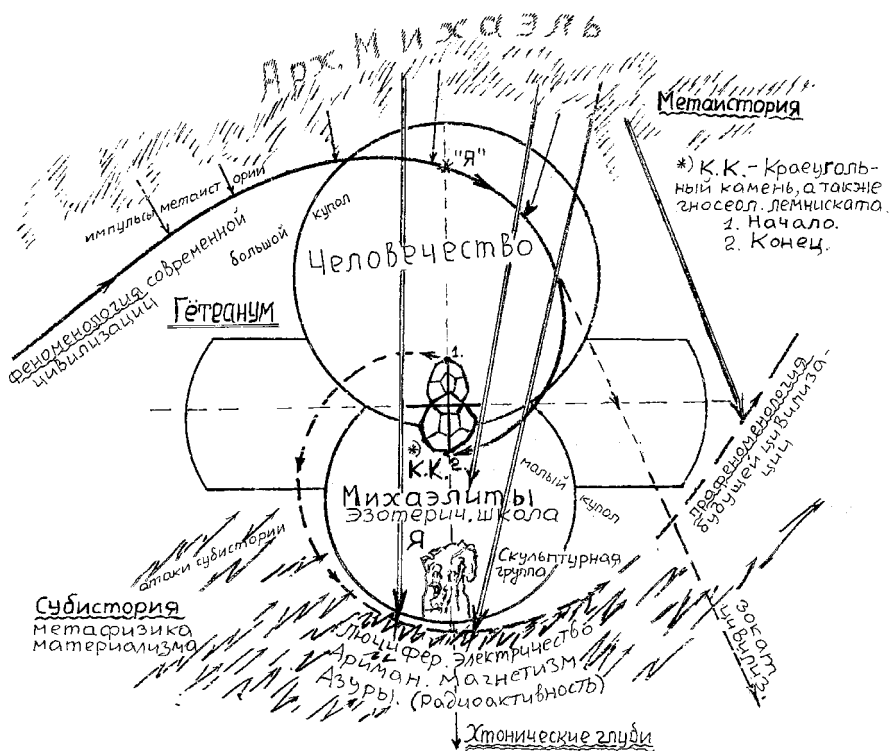

Рис. 55

корруптировать мистериальное искусство, являющее себя на сцене. Всё это можно теперь в избытке наблюдать во втором Гётеануме.

Сверхчувственно весь Гётеанум своим «востоком», духовными всями обращен в сторону сил субистории, сил внутренних сфер Земли, а также внутреннего мира человека в его коррумпированной страстями и вожделениями части. Это то направление, по которому посвящаемый движется в сферы 1-й Иерархии. Она открывается «по ту сторону» внутреннего Земли и «по ту сторону» человеческих чувств, души.

В этой направленности Гётеанум является не чем иным, как *современным выражением борьбы Архангела Михаила с драконом* (рис. 55).

Эту картину не следует представлять себе пространственно. Она

вся зиждется на силе чистого действия законов, т.е. на мышлении иерархических существ высшего и низшего мира*.

Михаэль в борьбе с люциферически-ариманическим драконом направляет копье божественной мысли в духовную тьму, куда Христос нисходил в страстную субботу. Там Он сковал Зората, но теперь тот частично освобождается, чтобы люди могли брать на себя часть борьбы с ним. Наилучшим образом они могут это делать, храня верность духу Гётеанума.

Год спустя после пожара, на Рождественском собрании 1923/24 гг. Рудольф Штайнер говорил о том, что Гётеанум продолжает существовать и дальше, призывал хранить ему верность ради успеха антропософского дела в мире. Это были необыкновенно проникновенные слова. Нигде и никогда больше Рудольф Штайнер не говорил таким образом. Вот эти слова:

«Дух Гётеанума, если только наше воление честно и искренне, не может быть взят от нас. И менее всего он может быть взят от нас, если мы в этот серьезный праздничный час, когда лишь короткое время отделяет нас от того момента, когда год назад пламя вырвалось из нашего любимого Гётеанума, если мы в этот момент не только вновь ощутим боль, но исходя из этой боли дадим себе торжественное обещание остаться верными тому духу, место которому нам было дано возводить здесь в течение десяти лет. Тогда, мои дорогие друзья, если это внутреннее торжественное обещание честно, искренне исходит сегодня из нашего сердца, если мы боль, страдание сможем превратить в импульс к деянию, то тогда также и печальное событие мы

*) Сравнив рисунки 53, 54, и 55, читатель может спросить: почему феноменальная и прафеноменальная части спирали даны на них по-разному. Дело в том, что речь у нас идет о чувственно-сверхчувственной реальности, где сверхчувственное различным образом выражает себя в чувственном. Поэтому всё, что мы здесь рассматриваем, не следует жестко закреплять пространственно, географически, исторически.

Если мы берем только прафеноменальный и феноменальный аспекты, скажем, цивилизации, но также и культурной эпохи, то совершенно очевидно, что прафеноменальное проявляется свыше, из мира метаистории, что и показано на рис. 53.

На рис. 54 нам нужно было показать сочетание прошлых культурных эпох нашей коренной расы и будущих. В этом случае прафеноменология будущего рождается в настоящем и простирается в 6-ю и 7-ю культурные эпохи. Соотношение мета- и субистории тогда просто снято. На рис. 55 дано сложное сочетание всех трех уровней истории, феноменального и прафеноменального, а еще — чисто мистериального. То есть на рисунке доминирует нечто, не связанное ни с пространственным ни с временным.

преобразуем в благословение. Боль оттого не станет меньше, но нам надлежит именно из боли обрести побуждение к деянию, к деянию в духе. [...] Так повторим в этот миг с еще большей глубиной те слова, которые год назад я примерно в это же время имел возможность сказать там (в Гётеануме). Тогда я сказал примерно следующее: мы достигли кануна нового года (Сильвестра), и теперь нам следует направить свою жизнь к новому мировому году. — О, если бы Гётеанум еще стоял среди нас, этот призыв мог бы быть в этот момент обновлен! Но он больше не стоит среди нас. И именно потому, что он больше не стоит среди нас, тот призыв, я верю, должен быть в этот вечер Сильвестра высказан с многократно большей силой. Перенесем Душу Гётеанума в новый мировой год и постараемся возвести в новом Гётеануме телу прежнего Гётеанума достойное свидетельство, достойный памятник!

Это, мои дорогие друзья, да соединит наши сердца с прежним Гётеанумом, который мы были вынуждены передать элементам. И да соединит это наши сердца с Духом, с Душой Гётеанума. И с этим торжественным обещанием, данным из лучшей части нашего существа, мы желаем не просто перевести нашу жизнь в новый год, мы желаем перевести ее деятельно сильной, несущей дух, ведущей душу в новый мировой год.

Мои дорогие друзья, Вы с пониманием восприняли меня, если в воспоминании Вы вознеслись в старый Гётеанум, если Вы живете в воспоминании об этом Гётеануме. Давайте теперь встанем в знак того, что мы дали торжественное обещание действовать далее в духе Гётеанума, исходя из наших лучших сил, какие мы только можем найти в образе нашего человеческого существа. Да будет так. Аминь.

Да будет это нашей волей, дорогие друзья, столь долго, сколь только мы можем следовать той воле, которая наши человеческие души соединяет с душами Богов, которым мы желаем сохранить верность в том духе, исходя из которого мы искали проявить эту верность им в тот момент нашей жизни, когда мы искали Духовную науку Гётеанума. Так сумеем же эту верность сохранить» (ИПН. 260, S. 251f.).

На повороте времен.

Содержание Антропософии выражает себя языком понятий, но более духовно и непосредственно оно выражает себя языком искусства. Художественные импульсы Антропософии опережают наше время, и нам следует признаться себе в том, что нашего вкуса, наших

эстетических способностей не всегда хватает, чтобы это искусство верно переживать. Для него необходимо новое эстетическое восприятие и воспитание, естественно. В суждениях людей о явлении Антропософии в художественном чаще всего звучит то, что имеет отношение лишь к эстетике прошлого. Удивляться этому, конечно, не стоит. Подумаем только о том, что сказали бы греки эпохи Перикла, если бы им предстал Кёльнский собор.

В Гётеануме мы имеем дело с возрождением древнего храмового искусства, которое было одновременно и наукой, и религией, но на совершенно новой, индивидуальной основе. Гётеанум, будучи центром Мистерии, художественно целиком соответствует тому, что в нем происходит.

А еще мы должны здесь заметить, что если кого-то удивляет форма настоящего времени, в которой мы говорим о Гётеануме, то пусть он подумает о Мистерии Грааля и о самой Мистерии Голгофы, которых на физическом плане тоже больше нет, но которые не остаются в прошлом, а как реальные сверхчувственные факты всегда здесь, с нами. На астральном плане можно войти в Храм Грааля, можно приблизиться к Голгофе, когда там совершалась величайшая Мистерия. Нужно привыкнуть видеть реальность в духовном мире, а здесь, на земле — лишь ее подобие.

В подобиях важен их иносказательный смысл, их нужно уметь истолковывать. Это следует делать и в истории, и в политологии, и в искусстве. Только в искусстве подобие иное, чем в фактах истории. В искусстве подлинный дух являет себя непосредственно, и нужно лишь научиться переживать его в чувственно воспринимаемых формах, преодолевая форму, снимая ее и приходя не к пониманию духа, а к созерцанию его.

Именно на основе созерцания духа Рудольф Штайнер соединил при строительстве Гётеанума людей, которые прежде не имели никакого отношения к строительству. Андрей Белый, работавший в группе, вырезавшей в дереве гигантские капители для большого зала, потом удивлялся, как вообще могли они это делать, никогда в прошлом не беря в руки ни стамески, ни молотка.

Но точно так же можно удивляться и тому, как это человек, мыслящий как и мы, кроме того еще восходит к имажинативному сознанию. Храмовое искусство — медитативно. В состоянии общей художественной медитации строителей творился Гётеанум. И управлял всем процессом, опосредуя связь земного с духовным, главный Иерофант нового типа — Рудольф Штайнер.

Можно с полным правом сказать, что через факт сотворения Гё-

теанума *впервые свет духа открыто засветил с Запада*, тот свет, который прежде светил с Востока: *ex oriente lux*. Мало кто способен оценить гигантское значение этого факта. Оно простирается в сферу как оккультного, духовного, так и в материальную сферу. В мире существует колоссальная полярность между Востоком и Западом. Восток понимает, что от него импульс духа шел на Запад. Ведь цепь культурных эпох двигалась с востока на запад. И потому как в мировых центрах власти на западе, соединенных в опрокинутой пентаграмме, совершенно не понимают, почему импульс развития должен теперь повернуть с запада на восток, так не понимают этого и на востоке. Положение усугубляется еще тем, что, по мнению посвященных Востока, Запад совершил предательство духа, обратившись к материализму, индустриализму и т.п. Поэтому Восток глубинно ненавидит Запад. А Запад стремится своей наукой, техникой, образом жизни просто подавить спиритуальность Востока. Если ничего в этом противостоянии не предпринимать, то оно приведет к великой расовой войне между Западом и Востоком. Восток будет вести ее в убеждении, что всей западной цивилизации лучше умереть, чем губить человечество, губить духовность.

На фоне такого противостояния одна только Антропософия являет Востоку подлинную духовность Запада, новую и более высокую, чем старая духовность Востока. И нужно сделать всё возможное, чтобы Восток это увидел и понял, для чего у европейцев должен прийти в движение, пробудиться 16-тилепестковый лотос. Его развитию служит «колесо» восьмичленной тропы Будды. Вращение этого лотоса приведет в совершенно особое движение социальную жизнь Запада. Рудольф Штайнер дал для понимания этого все необходимые разъяснения. Он сказал, что и Христос отныне шествует с запада на восток.

Тому, кто понимает глубинные процессы и задачи развития, не нужно объяснять, что мировой поворот, совершаемый Антропософией, имеет краеугольное значение для перехода всей Земли в ее новое состояние. Человеку в эту работу нужно войти двояким способом: через познание Духовной науки и через специальные упражнения, меняющие характер мышления. И тут мы опять должны говорить о теоретико-познавательной лемнискате. Она представляет собой некое подобие Гётеанума. Мы входим в ее большой «зал» с мыслительным наследием культуры, которое свою кульминацию имеет в Гегеле. Нам противостоит пространство «малого купола» как сфера созерцающего мышления. Мы должны обратить на это внимание, чтобы понять, что Гётеанум — это вся Антропософия и Рудольф Штайнер начал созидать его уже в своей теории познания. В ней он

совершил и поворот с запада на восток. Позволим себе привести на эту, уже много обсуждавшуюся нами, тему еще одну, особенно значительную, мысль Рудольфа Штайнера. «Благодаря чему, — говорит он, становится возможным, что субъект познания получает содержание познания из себя? Это возможно только в том случае, если субъект познания сам себя оплодотворяет, делает себя способным производить содержание мышления. Но на плане простого мышления такой способности не выработать. Через простое мышление получают некий род обозрения, род большого взгляда назад на то, что дух человека произвел во всемирно-историческом становлении. ... По этой причине с простым гегельянством достигается... почти безграничная, грандиозная *дисциплина* мышления; но оно не может достичь продуктивного содержания мышления. Иными словами: философия Гегеля не может через саму себя действовать продуктивно». Оплодотворяющее средство для субъекта познания содержится в «Как достигается познание высших миров?». Созерцающее исследование приходит с другой стороны. «Внутри плана мышления мы чувствуем ткание гегелевского Я, то, что называют диалектикой чистого мышления. Но потом, если мы идем этим путем, мы должны остановиться». И нужно ждать, когда мы будем в состоянии дать вливаться в нас другому, идущему из созерцания, видения. И то и другое тогда сливаются.

«Так что мы не остаемся односторонними, но усваиваем возможность строгий теоретико-познавательный метод видеть также и там, где простая чувственность снята». Философия XIX и XX вв. упустила сделать шаг, который следует из правильного понятого Гегеля (ИПН. 125, 26.8.1910).

Гётеанум как творение искусства.

Всё в Гётеануме: архитектура, пластика, живопись и то, что — как *его составная часть* — должно было происходить на его сцене, — родилось из новых принципов эстетики, всему этому Рудольф Штайнер дал новые импульсы для зарождения и развития. Он явился, по сути говоря, основоположником *новых видов* искусства или радикальным обновителем старых.

Об эзотерическом смысле краеугольного камня Гётеанума он сказал, что камень этот должен быть отличительным признаком, символом духовного импульса, который входит в культуру, будучи ей безусловно необходим. «Исполненное любви понимание человека»

должно прийти через этот импульс*. И сам Рудольф Штайнер творил в полном соответствии с этими словами.

Этому камню он дал также медитативное выражение, в котором открывается, что полнота всех девяти Иеархий и самого Божественного Троиинства присутствует в нем, импульсирует всё, что люди возводят, творят на этом камне-символе, камне-принципе. При этом и сама сущность человека заключена в нем. Поэтому в космизме Гётеанума, выраженном в его формах, в живописи и т.д., «во всём, что тут есть, – говорит Рудольф Штайнер, – мы находим то, что составляет тайну человека. И один человек здесь охотно соединяется с другим человеком, ибо здесь каждый находит то, что раскрывает его человеческую ценность и человеческое достоинство»**. Это означает, что искусство Гётеанума кроме своего эзотерического, духовнонаучного и религиозного содержания обладает большой и тоже новой социальностью. Не в виде каких-то ритуалов, священнодействий, а как многогранный феномен культуры открывает Гётеанум миру в малых Мистериях свои большие Мистерии. Такого тоже никогда не было в прошлом.

Гётеанум строили исходя из понимания того, что продуктивные импульсы, будь то архитектуры или любых других видов искусства, всегда рождаются из восходящей духовности конкретной эпохи. В этом смысле, например, архитектура древней Греции изошла из представлений греков о земном плане, который им было необходимо облагораживать и возвышать; готика же изошла из воззрений средневековых христиан на небесное. В Гётеануме приходит к синтезу постижение небесного и постижение земного. И понимание его должно проистекать из духовнонаучного воззрения. Он, по сути, есть само это мировоззрение, живым образом явленное органам чувств. В Гётеануме нет ничего абстрактного, ничего символического. Он дает возможность духопознанию возвыситься до художественного переживания.

Весь художественный стиль, все формы Гётеанума говорят нам то же самое, что мы находим сказанными в Духовной науке. Это один и тот же импульс в двух разных выражениях. Будучи взятыми в единстве, они образуют саму живую Душу Антропософии.

На вопрос: как возник этот стиль? – Рудольф Штайнер дает такой

*) Rudolf Steiner, *Bauformen als Kultur und Weltempfindungsgedanke*. Лекция от 20 авг. 1916. Phil.-Anthr. Verlag. Dornach, 1934.

**) Rudolf Steiner, *Die Stilformen des Organisch-Lebendigen*. Лекция от 30 дек. 1921. Phil.-Anthr. Verlag. Dornach, 1933.

ответ: «Он возник из мысли действующего из определенной точки Вселенной Бога. Он стал оболочкой действительности Бога. И он поэтому мыслится во всей своей форме как покров, оболочка, одеяние»*.

Эта мысль Бога, постигнутая Рудольфом Штайнером в сознательно переживаемой интуиции, развернувшаяся в огромное содержание Духовной науки, стала и импульсом к новому художественному творчеству. В нем то, что прежде переживалось художником в откровении, приходившем свыше, чьим инструментом он затем становился (например, в иконописи), а позже стало туманной интуицией, гениальным озарением, начало обретаться творцом художественных стилей и форм путем прямого и индивидуального сверхчувственного созерцания. И созерцание это есть человеческая форма мышления в сфере космической интеллигенции, где всё то, что для нас является по отдельности: как мыслительное, этическое и эстетическое, всегда существует в единстве. И то единство творит на земле новые формы художественного, наполняя их собой, являя в них себя.

В стиле гетеанистической архитектуры «геометрически-динамическое» переводится в «органически-живое»**. Но тут не имеется в виду, предупреждает Рудольф Штайнер, воспроизведение каким-либо образом стилизованных форм природы или чего-то напоминающее природу. В них нет ничего натуралистического. Эти формы словно бы вырастают из земли, в них — живая сила роста: не растительное, не животное, а *растущее*, органическое. Здесь формы — словно бы существа, говорящие друг с другом, которым присущи и дуализм, и выражение обоюдного отношения. В органическом стиле важно то, «что целое возникает не благодаря повторению отдельных частей, а что оно является целым, единством, и каждый (его) отдельный член должен быть таким, каким он может быть только на своем месте»***.

Именно так родились капители и архитравы обоих куполов Гётеанума. Рудольф Штайнер говорит, что когда он их создавал, то не следовал абстрактному принципу семичленности. Капители как бы выросли из единства, целостности Гётеанума. Он лишь воспроизводил их рост. А когда они уже были готовы, то оказалось, что они художественно-зримо выражают наш эволюционный цикл. При этом еще обнаружилось, что первые три капители большого зала повторили себя, но как бы выворачиваясь на другую сторону, в трех последних

*) Rudolf Steiner, Der Baugedanke von Dornach. Лекция от 20 окт. 1920. Phil.-Anthr. Verlag. Dornach, 1942.

**) Die Stilformen... 28 дек. 1921.

***) Там же.

Первый Гётеанум. Вид с юго-запада

Первый Гётеанум. Главный вход

Г. фон Баравалле. Внутренний вид Гётеанума.
Угол зрения увеличен на 30°.

Второй Гётеанум

Рудольф Штайнер. «Представитель человечества».
Выс. 9 м., дерево

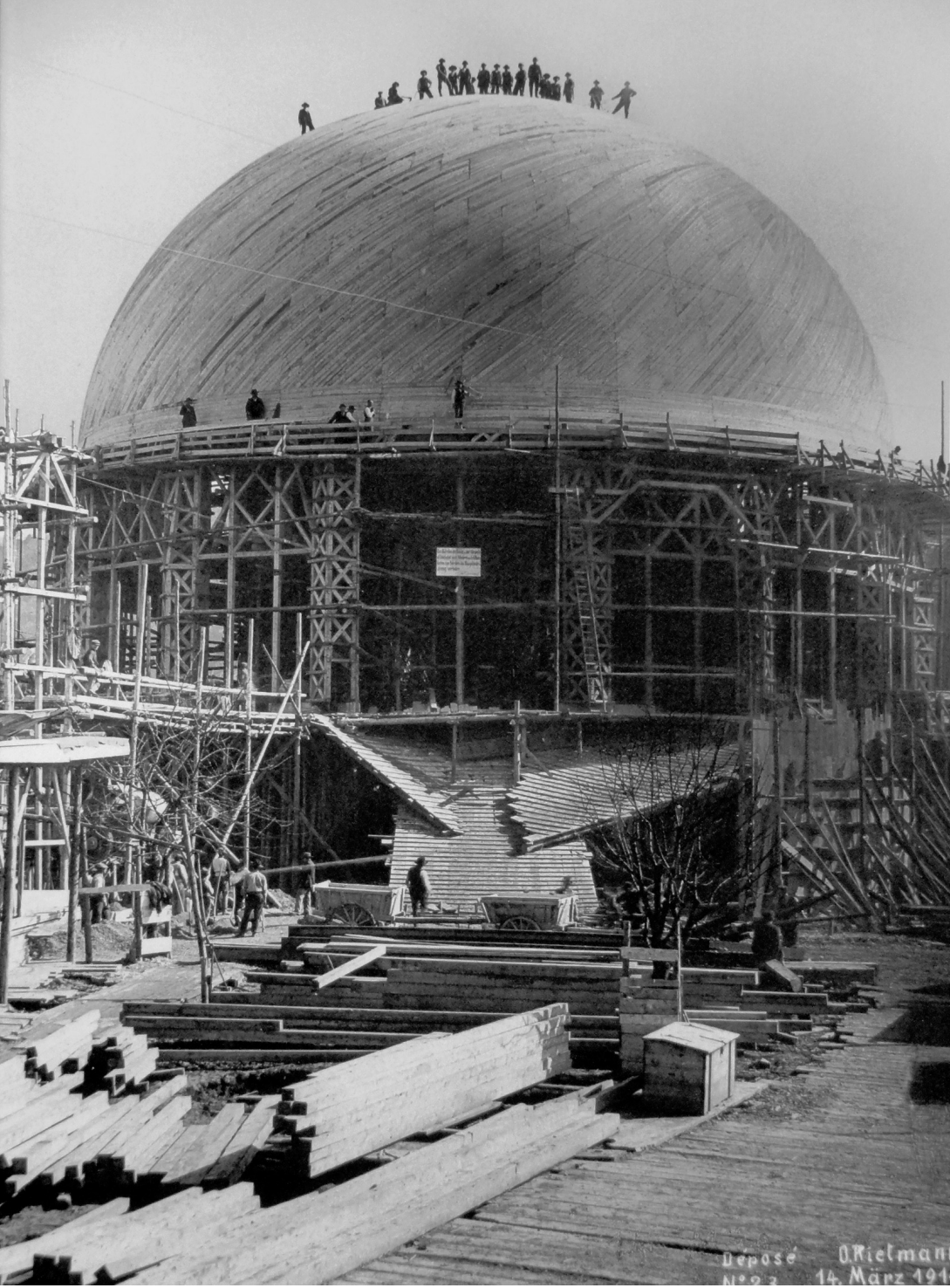

Rudolf Steiners Original-Entwurf
für das Mittelmotiv der vom ihm
ausgezeichneten Malereien in der
kleinen Kuppel des ersten Goetheanum
Signiert Rudolf Steiner

Рудольф Штайнер. Эскиз центрального мотива росписи
малого купола Гётеанума

Рудольф Штайнер. «Свет и тьма» (Люцифер и Ариман).
Пастель, 1923

Строительство Гётеанума

Сцена Гётеанума

Зал Г'етеанума

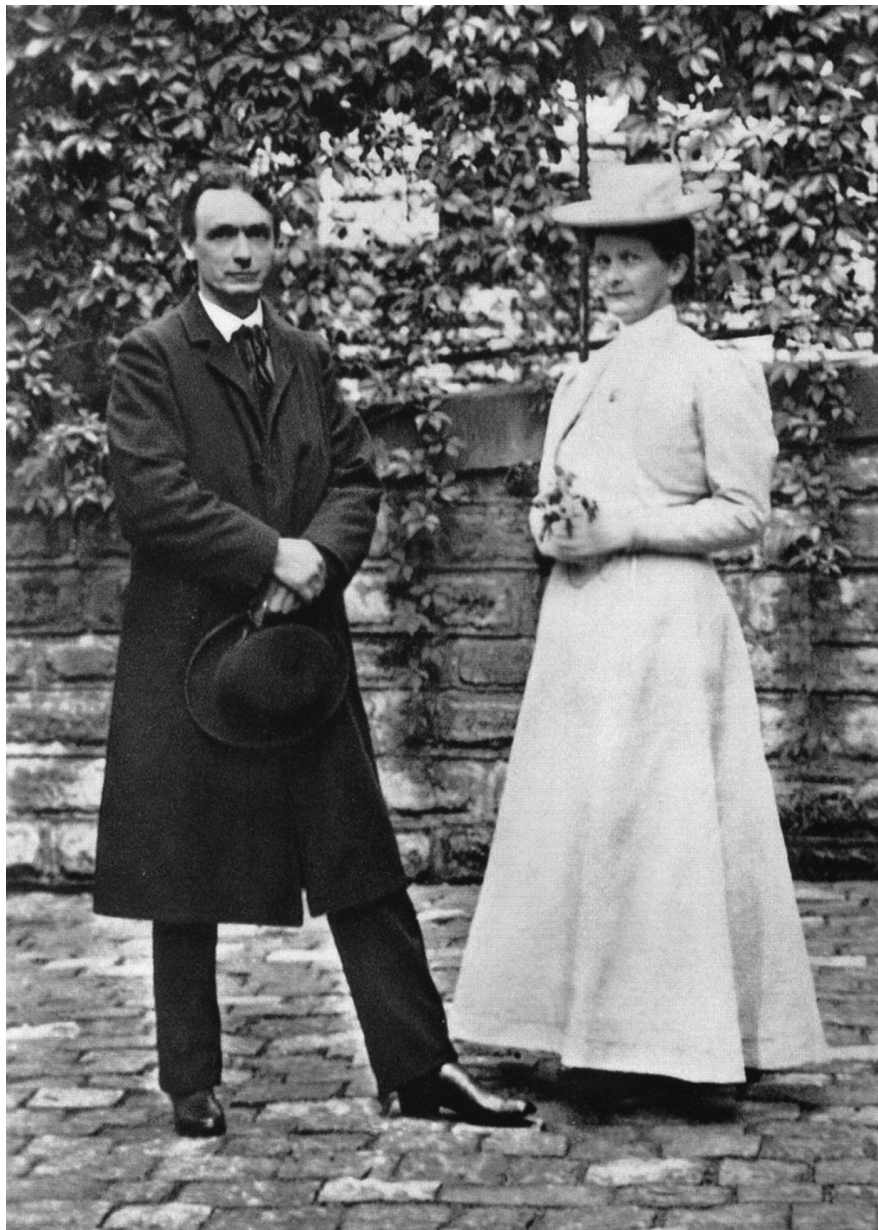
Ита Вегман

Rudolf Steiner

Мария Штайнер фон Сиверс

Рудольф Штайнер и Мария фон Сиверс. Штутгарт, 1908

Мария Штайнер. Дорнах, 1915

Мария фон Сиверс. Петербург, 1884

Мария фон Сиверс
в возрасте примерно четырех лет

Адмирал Петр фон Сиверс
(1647–1740)

Андрей Белый и Ася Тургенева

Рудольф Штайнер в ателье (1919 г.)

капителях: 1-я в 7-й, 2-я в 6-й, 3-я в 5-й. Посередине возникла 4-я капитель. А дальше — «не геометрически, а художественно» — первые три капители в своих выпуклых частях точно подошли к углублениям трех последних*. На 7-й капители процесс художественного становления завершился, и далее опять возникала 1-я капитель. Таково было чувство. Так переживал это их создатель.

Колонны малого купола возникли как «члены единого существа, которое к тому, что спешит к нему как развитие, как бы простирает руки»**. И обо всём этом можно говорить только после того, как оно возникло.

Человек, переживающий сверхчувственное, должен совершить необыкновенно трудную работу, если ему нужно свой опыт перевести на язык понятий. Еще труднее переводить его на язык искусства, ибо, переходя в понятия, бытие сверхчувственного *нисходит* к человеку, а в его художественном творчестве оно *возвращается* к себе. Поэтому искусство как форма познания стоит в Антропософии выше, чем познание в мышлении.

Формы, живопись куполов, стены в Гётеануме были тем же откровением, которое звучало в словах, в идеях, но при этом еще тем, что непосредственно вводило в тайны Мироздания. Стены были живыми, были эфирными. И стены были говорящими. Говорящими были и окна. Внешняя стена не замыкала пространства, а открывалась всему Мирозданию. Это были душевно проницаемые стены. А цвет, живопись были даны для того, чтобы сквозь них смотреть во весь Космос (ИПН. 286, S. 37ff.).

Во всех своих формах Гётеанум был словно бы гортанью богов.

Весь Гётеанум, кроме основания, был построен из дерева, ибо дерево лучше всего подходит для такого воссоединения с Универсумом.

Гётеанум был домом Логоса и одновременно он был человеком. Это строение, говорит Рудольф Штайнер, — пусть в нем не всё совершенно — я лучше, чем кто-либо другой, сам знаю об этом, — является ведь самой первой пробой, самым началом того будущего, которое выражает себя в настоящем. Пусть хотя бы и в малой степени, но оно производит на человека, вступающего в него, впечатление, которое можно выразить так: «Не я, не мое собственное (т.е. сотворенное. — *Авт.*) является тем, что через внешние формы производит впечатление на глаз... — (тут) хочет говорить Христос, Который через Слово

*) Der Baugedanke... 16 окт. 1920.

**) Там же.

высших Иерархий ищет выражение для откровения... И «устаами» должно быть это строение!»*

Рудольф Штайнер и его окружение

Новые откровения богов, новые формы художественного творчества, новая мудрость, творчество земных людей, их познания и их работа в центре Мистерии Михаэля — всё это слилось в единство в феномене Гётеанума. Его нельзя изучать как памятник культуры. Когда пожар унес его, Рудольф Штайнер говорил: мы вовсе не считаем, что Гётеанум взят от нас, однако нельзя сказать и того, что он как некая неизменная данность при всех условиях останется с людьми. Это понимают его враги, ведущие в самом Антропософском Обществе борьбу против него, которая с особой силой разгорелась в последние двадцать лет.

Гётеанум, если его взять, скажем, как выражение Антропософии в период ее вхождения в ширь и глубину культурно-исторического процесса, остается неразрывно связанным с многими, кто жил с ним и ради него. Из них мы хотим здесь поговорить только о тех, кто были ближайшими помощниками Рудольфа Штайнера, когда он действовал на физическом плане.

Среди них следует назвать известного поэта Христиана Моргенштерна. Когда он умер, Рудольф Штайнер сказал о нем, что его исполненная подлинной христианской любви эфирная аура как защитный покров простерлась над всем Антропософским Обществом.

О д-ре Карле Унгере, входившем в состав правления первого Антропософского Общества, Рудольф Штайнер говорил, что это сущее благословение — иметь среди нас такую силу, как он, который в спиритуально-философской области теорию познания чистого мышления субъекта познания, пребывающего как Я на плане мысли, способен детально разрабатывать и излагать» (ИПН. 125, S. 76). Для того, кто понимает, о чем тут идет речь, это высокая похвала.

Незаурядным антропософом был наш поэт Андрей Белый. Правда, противоречивость своей гениальной природы, проявлявшуюся во всех делах его жизни, он внес и в Антропософию. Но это был глубоко преданный новой духовности, которую он ждал и возвещал смолоду, человек. Он один из немногих уже в 20—30-е годы осознал значение

*) Rudolf Steiner, Die Sehnsucht der Seele nach Geist.

Доклад от 20 авг. 1914 г. Phil.-Anthr. Verlag. Dornach, 1938.

методологии Антропософии. Вся его жизнь была непрерывной мукой рождения в нем высшего человека.

Во многих отношениях значительными, а некоторые из них даже исключительно значительными, были индивидуальности, названные Рудольфом Штайнером в качестве членов правления нового Антропософского Общества, которое он создал на Рождество 1923/24 гг. и которое решился возглавить сам. Все эти люди (их было пять человек), несмотря на проявлявшееся порой в их жизни, говоря словами Ницше, «человеческое, сугубо человеческое», являются, несомненно, знаковыми фигурами, обладавшими специальными миссиями, к которым они шли в течение *ряда воплощений*, а также готовились в сверхчувственной Школе Михаэля.

Пройдет еще какое-то количество лет — и все земные неудачи этих людей, их страдания будут забыты, и останется лишь память о том, что они стояли у истоков учреждения на земле центра для Мистерии Михаэля. С этой точки зрения мы и поговорим о них, прибегая к языку эзотерики, ибо они имели за собой огромный сверхчувственный план. Это были люди более эзотерического, чем внешнего характера.

Но прежде всего нам следует хотя бы немного поговорить о личности самого Рудольфа Штайнера. Пусть и косвенно, но он высказал достаточно для того, чтобы понять, так сказать, вечный и уникальный характер его биографии. Начать тут нужно с размышления о том, что составляло суть его миссии. Ею он был поставлен в поток развития, в котором единая интеллигенция планетной системы стала терять свой всеобщий инспирирующий характер, дифференцироваться и отражаться в сознании отдельных людей, утративших способность созерцать интеллигенцию сверхчувственно. При этом — о чем у нас шла речь — возникла необходимость в ходе культурно-исторического процесса помочь людям вырабатывать форму сознания, которая, оставаясь на внешней, чувственной стороне мира, могла бы наполняться индивидуальной интеллигенцией в виде логически, абстрактно мыслящего сознания, которое субстанциональную интеллигенцию не воспринимало бы, а отражало бы, творило бы в себе ее отраженный, зеркальный образ.

Такая форма сознания была выработана благодаря логике Аристотеля. Ее предтечами были Сократ и Платон. А теперь мы вступили в эпоху развития, где сознание человека, сохраняя индивидуальный характер, должно, претерпев метаморфозу, от зеркального образа интеллигенции прийти к ее живому созерцанию.

Благодаря сообщениям Рудольфа Штайнера мы знаем, что одна

и та же индивидуальность стоит как у начала формирования индивидуальной абстрактной формы сознания, так и в завершающую эпоху (XIII-й век) нисхождения космической интеллигенции в эту форму. Это Аристотель и Фома Аквинский.

Работа, совершенная ими, вернее одной индивидуальностью в двух разных воплощениях, теперь подошла к своей решающей фазе, где нисхождение и дифференциация интеллигенции сменяются ее восхождением и новой универсализацией. И потому нужно опять помочь людям выработать в себе соответствующую форму сознания. Так спросим себя: кто из людей мог бы сделать это наилучшим образом? — Конечно, всё та же индивидуальность. И именно она и воплотилась в наше время как Рудольф Штайнер. Это даже просто логично, что данная индивидуальность наилучшим образом подходит для решения всё той же задачи и на ее третьем этапе.

Поэтому мысль эта — не просто догадка. А кроме того, известно, что в частных беседах с наиболее близкими людьми, например с Марией Штайнер, с Итой Вегманн, Рудольф Штайнер косвенно не раз указывал на это.

Нам важно знать об этом не из любви к мистическим сенсациям, а для углубленного понимания хода человеческого развития и божественного водительства.

Поняв, что за индивидуальность жила в Рудольфе Штайнере, мы далее уже из его сообщений можем проследить другие этапы ее биографии. Рудольф Штайнер говорит, что индивидуальность Аристотеля имела еще воплощение в 3-й культурной эпохе и носила там имя Эабани. Она была другом и соратником полумифического царя Гильгамеша, основателя вавилоно-халдейской культуры. В Эабани жила очень молодая душа, имевшая мало земных воплощений после кризиса, возникшего на Земле перед выделением из нее Луны, когда человеческие души ушли с Земли на другие планеты.

Таким образом, в Рудольфе Штайнере жила молодая душа и потому способная к быстрому развитию, к духовному творчеству.

Мы знаем также о еще двух воплощениях этой индивидуальности. В одной из них она получила посвящение в Мистериях Артемиды в Эфесе, в другой, уже в Средние века, она была воспитателем Парсифаля и носила имя Шонатуландер. Так что в Рудольфе Штайнере мы имеем дело с индивидуальностью, которая носит, если можно так выразиться, «осевой» характер в духовной истории земного человечества нашей коренной расы. Вокруг нее и во многих отношениях ею движется процесс индивидуализации человека в историческом и метаисторическом измерении.

Знать об этом важно также и ввиду будущего развития человечества. Ибо миссия Рудольфа Штайнера не закончилась с окончанием его жизни на земле. Эта индивидуальность даже еще более значительным образом будет проявляться до конца нашей коренной расы, помогая земным людям переходить в расу михаэлитов. И поскольку в нашей культурной эпохе разворачиваются события, имеющие колоссальное значение для всей коренной расы, то возникает мысль: а не будет ли эта индивидуальность тем водителем, который, подобно Ману, переведет человечество нашей коренной расы в следующую и там станет ее Ману? Эта мысль подкрепляется сообщением Рудольфа Штайнера о том, что начиная со следующей коренной расы их водителями будут всецело *человеческие* существа, тогда как в прошлом такие водители были полубожественными существами. Боги всё больше и больше передают в руки людей управление их земными делами, и если даже одни злоупотребляют этим, то им противостоят другие, осуществляющие это управление наилучшим образом, — т.е. действуя в созвучии с существами метаистории. Рудольф Штайнер же — это, поистине, главный михаэлит среди людей, мощный проводник воли Архангела Михаэля.

Для интеллигенция Рудольфа Штайнера характерно то, что она была интегрирована в интеллигенцию Космоса с полным сохранением индивидуальных черт ее земного носителя. Поэтому эта индивидуальность *есть подлинный мост для человечества в его движении с чувственного берега бытия на сверхчувственный*. Ее пример не может не вдохновлять, но кроме того, отношение к ней носит для человека судьбоносный характер. Здесь нужно только подумать о тех, кто в эпоху Атлантиды смог последовать за Ману, а кто не смог, и какова была судьба этих последних.

Эта индивидуальность не ведет людей к себе, она ведет их *за собой*, и ведет их к Архангелу Михаэлю; Михаэль же ведет людей ко Христу. В таком взгляде на поэтапность пути нет ничего надуманного. Она обусловлена характером развития самого человека, и только им. Идти этим путем никто не принуждает — ни боги, ни люди. На него можно ступить только по свободному решению, хорошо понимая его значение. И идти по нему можно, так сказать, с разной скоростью, которую каждый задает себе сам.

Мистерия Михаэля — это и есть Мистерия Антропософии. Рудольф Штайнер — ее учредитель и ее Верховный Иерофант. Его непосредственными помощниками были те, кто вошел в правление созданного на Рождество 1923/24 г. Антропософского Общества. Их было пять человек, что соответствует принципу микрокосмоса.

Рудольф Штайнер был их *внешним* единством, т.е. он неким образом объединял их, подходя к ним от внешнего мира. Это было тогда довольно плохо понято, поскольку люди, в силу старой традиции, искали в водителе принцип внутреннего единства. Им же в новых условиях является Сам Христос.

Как внутренняя сила в том правлении должен был действовать принцип *триединства*. Его выражали три индивидуальности: Альберт Штеффен, Ита Вегман и Мария Штайнер. Для них Рудольф Штайнер был также и внутренним единством, но только как для проводников его интенций в сферу *внешней* деятельности. Два других члена того правления имели задачу, так сказать, стоять у внешних врат мистериального центра, у его Порога.*

Ита Вегман, Мария Штайнер, Альберт Штеффен.

Созданное на Рождество 1923/24 гг. Антропософское Общество должно было служить некоего рода широким обрамлением Мистерии, поэтому перед его правлением стояли эзотерические задачи, которые нужно было приводить в связь, практически, со всеми сферами жизни цивилизации.

Общество было совершенно открытым для внешнего мира. Условия вступления в него были, на первый взгляд, минимальными: его членом мог стать всякий, кто «в существовании таких институтов как Гётеанум в Дорнахе и Свободная высшая школа Духовной науки, видит нечто правомерное». (Из статуты Общества.) Но «увидеть» это можно было по-разному. Мы со всей уверенностью говорим, что в полную силу это и поныне мало кто увидел.

Общество, Гётеанум, Школа — они стояли открыто, оставаясь при этом глубокими тайнами. И было так: «иди и смотри» (Апок.), смотри и понимай. Насколько ты их поймешь, настолько и станешь к ним причастен. Чем больше твоя причастность к ним, тем больше отзовется в тебе духовная реальность, в которой они коренятся. Проникнешь до определенной глубины понимания — станешь предста-

*) Тут нужно еще заметить, что в нашей попытке понять эзотерический смысл того правления, которое Рудольфом Штайнером было названо эзотерическим, мы опираемся на наш многолетний опыт изучения Антропософии и в особенности ее методологии. Это создает определенный потенциал, позволяющий познавать иносказательный смысл вещей и событий; но всё при этом, будучи высказанным вслух, разумеется, предоставляется на совершенно свободное усмотрение читателя.

водителем антропософского дела в мире. А можешь просто, так сказать, потоптаться в «приделе храма» и думать, что ты и в алтаре побывал. Тогда ты станешь вносить в эти институты хаос, ибо их интенсивно атакуют силы тьмы, которые пользуются упущениями каждого, приближающегося к Антропософии.

В Мистерии Антропософии совершенно реально всё решается на уровне отношения: конкретный человек и Архангел Михаэль. У этого отношения есть ступени восхождения, но это интимный процесс в человеке. Каков он был у тех, кто окружал Рудольфа Штайнера, — мы знать не можем. Они унесли это как тайну с собой. И так это и должно быть. В истории Общества остались лишь внешне факты, события, поэтому понять ее трудно.

У нас почти нет конкретных сведений о том, какими были эзотерические отношения между учениками этой Мистерии, между учениками и учителями. Лишь одно свидетельство сохранил для нас Андрей Белый. Однако оно, как мгновенная вспышка света, озаряет нам полную высокого смысла реальность сверхчувственного, которая в чувственном выражалась часто в совершенно тривиальных вещах.

Из дневниковых записей Бориса Бугаева (т.е. А.Белого) мы узнаем, что на сверхчувственном плане его отношения с Марией Штайнер удивительно напоминали отношения Иоанна Томазия и Марии в Мистериях-Драмах Рудольфа Штайнера. Дадим тут слово самому поэту. Начиная с 1913 года, пишет он, «вся огромность Марии Яковлевны (Штайнер) открылась мне [...] я духовно видел то, что лежало выше меня; я чувствовал себя приподнятым над самим собой; и я знал, что эта приподнятость есть «оккультная» помощь, посылаемая мне Марией Яковлевной, которую я боготворил; она стала для меня одновременно всем: сестрой, матерью, другом и символом Софии; ее лейтмотив в душе вызывал во мне звук, оплотняемый словами:

«Сияй же, указывай путь,
Веди к недоступному счастью
Того, кто надежды не знал.
И сердце утонет в восторге
При виде тебя».*

Разумеется, в этом мне непонятном обоготворении Марии Яковлевны не звучало ноты «влюбленности», и всё же образ ее был для меня символом Софии; иногда этот образ говорил мне: «Вот теперь я тебя

*) Это из романса М.И. Глинки на слова П.П. Рындина.

оставляю: опирайся на оккультную помощь, которую я тебе дала, и уже без меня держись на духовной высоте...» И образ меня покидал [...] я немедленно падал, разбиваясь об условия жизни в чувственном теле [...] я падал; и тогда образ духовной М.Я. глядел на меня с укоризной [...] потом — наступало примирение: М.Я., я чувствовал, опять давала мне свою помощь; и на крыльях этой помощи я вновь чувствовал себя вознесенным в «мир духа» до ... следующего падения»*.

Такого рода отношения имеют большую глубину, они коренятся в карме, связывавшей людей в разных отношениях на протяжении тысяч лет. Тривиальное сознание приучено отзываться лишь на широкую известность событий и лиц. Но в подлинной истории бывает и так, что индивидуальности, самым решающим образом оказавшие влияние на ее ход, могут внешне оставаться совсем мало известными.

Мистерия Антропософии зрела в тысячелетиях, и тысячелетиями в людях шел процесс, сделавший их в конце концов ее творцами и участниками. Не в одном воплощении нужно было так приходиться в связь с отпадавшей от Михаэля интеллигенцией, чтобы теперь быть способным вместе с нею возноситься к духу. Поэтому, как мы видели, существовал иной, более значительный, план истории, наполненный не внешней, а духовной борьбой.

Через ту историю прошли два потока, которые в наше время должны сливаться в одно, сливаться в конкретных людях, являющихся на земле восприимчивыми интеллигенции Михаэля, ни в малейшей степени не посягающими на удержание ее в чувственном мире. Это течения платоников и аристотеликов. Каждое из них получило в Мистерии Антропософии своего водителя, или, так сказать, главного выразителя и представителя в культурно-историческом смысле, который неразрывно связан со смыслом небесным. Ими были Мария Штайнер и Ита Вегман.

В Ите Вегман Рудольф Штайнер вновь обрел своего старого великого помощника, который некогда понес на Восток учение Аристотеля. Рудольф Штайнер сам сообщил, что в Ите Вегман пришла к воплощению та же самая индивидуальность, которая некогда жила в Александре Великом. И мы находим это настолько же логичным, насколько логична известная череда воплощений Рудольфа Штайнера. Мы даже должны сказать, что если бы это было не так, то это было бы

*) А.Белый. Материал к биографии (интимный). «Минувшее». Исторический альманах. М., 1992, стр. 418–419.

своего рода «упущением» с духовной точки зрения — этим двум поистине ключевым индивидуальностям, так долго и упорно бившимся за интеллигенцию Михаэля, в самый решающий момент истории не оказаться вместе.

По другую, так сказать, руку Рудольфа Штайнера встал его второй кармически обусловленный помощник, а в прошлом учитель — Альберт Великий. Индивидуальность, жившая в нем, воплотилась вновь в Марии Штайнер. Об этом Рудольф Штайнер также сказал сам.

Через Иту Вегман и Марию Штайнер течения аристотеликов и платоников вошли в лемнискатообразный мост, соединяющий обе ветви спирали прафеномена культурных эпох. Они вошли в него *через* Гётеанум и в *форме* Гётеанума. Мы знаем феномен возникновения хладниевых фигур. Гётеанум был на физическом плане построен таким образом, что он действовал на духовное подобно действию магнита на железные опилки. Он давал духовным течения, вбирая их в себя, особую форму. Это было действительно каким-то еще неданным чудом: земная форма давала форму процессам метаистории. Души людей, принадлежавших к этим двум духовным течениям, сошлись в физическом земном воплощении. Значительно преобладали при этом аристотелики, но это в данный момент для наших рассмотрений не существенно. Гётеанум притянул к себе их духовность и придал ей лемнискатообразный характер движения, т.е. ввел эти течения в процесс их дальнейшего развития на земле. Лемнискаты этих течений наполнили Гётеанум внешним и внутренним содержанием, и при этом — в точном соответствии с характером и задачами 5-й, современной культурной эпохи.

Как мы помним, одна из главных ее особенностей заключается в том, что потенциал собственных сил она должна развивать не в качестве наследия греко-латинской культурной эпохи, а совершенно заново, в силу чего основной ареал ее действия населил этнос северного пояса культуры, прошедший через четыре первые культурные эпохи собственным путем.

Мы считаем, что Ита Вегман в центре Мистерии Антропософии представляла этот пояс северных народов. Этим народам в большей мере присущ волевой элемент, а ведь именно с ним и соединился аристотелизм в лице Александра Великого. Кроме того, Александр понес в Азию Аристотелево естествознание, а Мистериям друидов и тротов, а также и народным верованиям севера было присуще особое отношение к природе, к природной магии, к элементарным духам природы. Им была близка и понятна *метафизика* природы.

Профессионально Ита Вегман была связана с медицинским им-

пульсом Антропософии. Эта медицина основывается на прямом знании целящего действия эфирных сил природы. Само врачевание понимается в Антропософии в широком смысле: как исцеление человека от наследственного греха. Именно в силу обремененности интеллектом человек делается больным и в теле, и в душе, и в духе. Узко, материалистически взятый аристотелизм стал выражением больной природы человека. И наоборот: аристотелизм, доросший до идеи метаморфозы формы сознания, является целительным средством. Если угодно, медицина в широком антропософском смысле может пониматься и как высшая стадия теории познания. Разве случайно Христос Иисус, странствуя по земле, то и дело совершает исцеления? Если взять это чисто внешне, то мы должны сказать: Он либо старался убедить людей в Своей силе, либо занимался ненужным для Бога делом, поскольку на земле больных неизмеримое число.

Бог, странствуя по земле, делал главное дело: разъяснял людям призыв Иоанна Крестителя: измените способ вашего восприятия и постижения мира, измените конституцию вашей души, — и Он при этом как бы продолжал: тогда вы избавитесь от болезни наследственного греха и от любой болезни.

Именно это и демонстрирует миру Антропософия в широком диапазоне познания и действия — от гносеологии до медицины. Избавление от наследственного греха снимает препятствия и на пути снятия всякого разделения людей: будь то на аристотеликов и платоников, будь то на каинитов и авелитов и т.д.. Должен быть восстановлен на индивидуальной основе единый райский тип человека.

О самой Ите Вегман следует еще сказать, что она была голландкой, а родилась на Яве, бывшей колонией Голландии. В древности в этой области была Лемурия. В духовной атмосфере тех мест сохраняются остатки ее духовности, и это имеет вполне конкретное значение для высшей духовности человека, особенно для человека высоко развитого. В Лемурийскую эпоху произошло разделение человека на два пола, а потом грехопадение, изгнание из Рая. А для нашей, 5-я коренной расы характерно то, что в ней, как говорит Рудольф Штайнер, произошло «расщепление духовного развития на культуру Иеговы и масонство»*. Возникла борьба между мужским и женским типами мудрости, между авелитами, духовенством, и сынами Каина, создателями наук, искусств и т.д. Известно, что Ита Вегман была членом масонской ложи, которая (это можно только предположить) принадлежала к типу лож европейского севера, где, во всяком случае

*) Лекция от 23 окт. 1905 г. (Из частного архива.)

до начала XX в., могли еще сохраняться остатки знаний о Гиперборее, о северном посвящении древности. И по складу характера Ита Вегман была каиниткой. Такого вот сложного рода поток представляла она в центре Мистерии Михаэля, Мистерии Антропософии.

Иное было в этой Мистерии представлено через Марию Штайнер. В первую очередь, это был южный поток культуры, в котором к людям пришел Христос. В нем же пришло в Центральную Европу течение платоников. Не следует думать, что южный поток всецело заключал в себе авелево или платоновское начало, северный — каиново или аристотелевское и т.д. Нет, речь у нас идет о том, что в Гётеанум вошли и должны были слиться благодаря ему воедино течения аристотеликов и платоников. При этом одно из них пришло в Гётеанум как бы из северного пояса культуры, а другое — из южного. Это имело большое значение для метаморфозы южного импульса культуры в северный и для осуществления северным потоком своего предназначения.

Жизненным призванием Марии Штайнер было искусство. Особенно глубоко она вошла в искусство слова, в искусство рецитации, импульс к становлению которого дал Рудольф Штайнер. Кроме того, она просто подвижнически занималась изданием книг и лекций Рудольфа Штайнера. Нечто от характера Школы в Шартре проявлялось в ней, а как издатель она стала проводницей новой мудрости в широкий мир. В новых условиях и уже по-новому, но эта ее работа чем-то напоминала работу ближайшего ученика Аристотеля Теофраста — популяризатора, продолжателя и в определенной мере спасителя духовного наследия Аристотеля. И еще в Марии Штайнер с большой силой действовал принцип древних Мистерий, в которых искусство, наука и религия были единством. В южном потоке культуры они в ходе времени разделились; в Гётеануме они вновь должны были стать единством.

По складу характера Мария Штайнер гармонично и сильно соединяла в себе Авелево и Каиново начала. Посвящение она получила под руководством Рудольфа Штайнера*.

Южный поток получил свое увенчание в Гётеануме в его новом храмовом искусстве, в науке посвящения, в его эзотерике. Можно представить себе образно, мистически-символически этот поток

*) Об этом свидетельствует Адольф Аренсон, один из ближайших учеников Рудольфа Штайнера. А в древности, как уже говорилось выше, эта индивидуальность прошла через посвящение у кельтов и в орфических Мистериях.

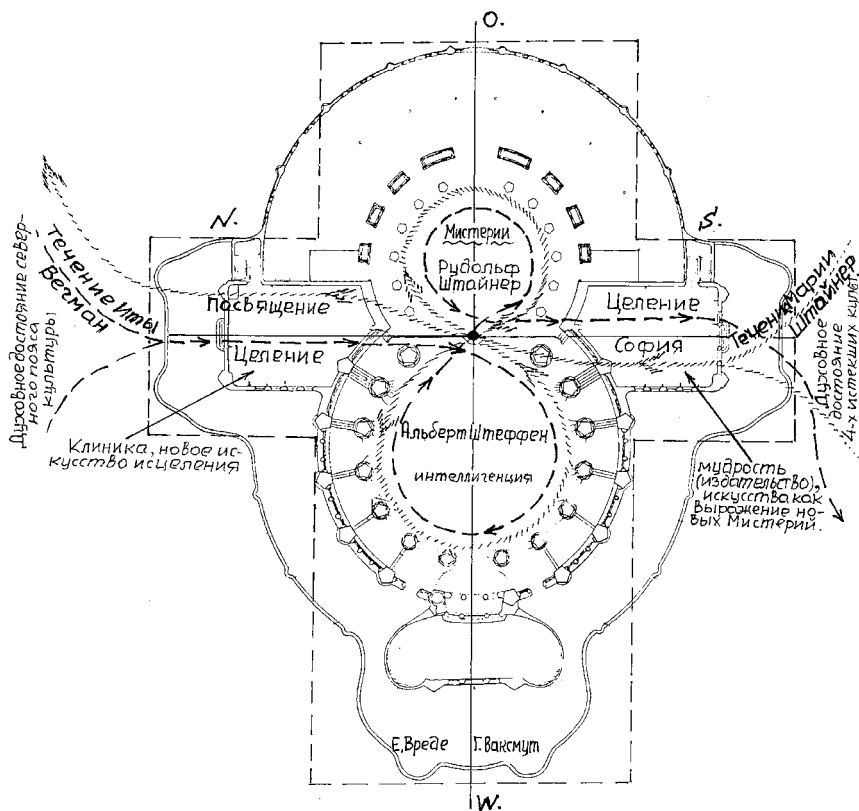

Рис. 56

входящим через южное крыло Гётеанума, делающим петлю в пространстве малого купола с его особой эзотерикой колонн и всего, что происходило на сцене, далее идущим в большой зал, т.е. в мир, а из него через северное крыло – в будущее движение от 5-й к 6-й культурной эпохе (рис. 56).

Течение Иты Вегман мы можем представить себе идущим в противоположном направлении, только оно сначала идет в большой зал, выражая себя сначала экзотерически, соединяясь с данностью современного положения человека, находящегося в потоке наследственности, который только усугубляет его болезнь, некогда вызванную Люцифером. В этом потоке не хватает воли к воскресению во Христе, единственно дающим полное исцеление. (Поэтому в Антропософии существует так называемая «пасторская медицина».)

Свое духовное возвышение поток, идущий с Итой Вегман, получает, вступая в эзотерику малого купола. Оттуда он течет в культуру южного пояса, неся с собой духовную пластичность и принцип целения, так необходимые ей, чтобы совершить метаморфозу.

Сливаясь вместе, оба потока образуют единую лемнискату развития, которым идут на пути Антропософии. В Гётеануме эта общая лемниската была представлена Альбертом Штеффеном, его творчеством.* В Штеффене жила индивидуальность, которая в прошлом была известна как Джотто — один из первых христианских живописцев. Альберт Штеффен в своей поэзии, драматургии, живописных опытах осуществлял синтез искусства, науки о прекрасном и религии. Это был поэт, художник, всецело рожденный из духа Антропософии.

Такова эзотерическая сторона Гётеанума как центра Антропософии и антропософов. Он действительно был словно бы оккультной печатью, поставленной на прафеномен культуры. Прошлое и будущее мира соединились в нем в настоящем, и в это настоящее Рудольф Штайнер вносил свое учение, свои художественные импульсы, свою науку и практику посвящения. Из Гётеанума всё это текло в широкий мир. Какой вид это имеет в настоящее время, когда Гётеанум пребывает на астральном плане, — об этом нам расскажет посвященный, который когда-то появится среди нас.

Этим нашим рассмотрением мы, конечно, не раскрыли всей эзотерической тайны Гётеанума. Наша задача была скромнее: обратить внимание людей на то, что этим строением им было явлено сущее чудо и что относиться к нему нужно памятуя следующие слова Рудольфа Штайнера: «...храм (т.е. Гётеанум. — *Авт.*) неким образом отделен от земли... также восток, запад, юг, север мыслятся в храме спиритуально. Всё, что принадлежит к нашему храму, — *сверхземное. И отправления в нем должны рассматриваться сверхчувственно*»**.

Теон — София

Рудольф Штайнер называл Марию Штайнер космическим существом. И это было не метафорой. Но тогда встает вопрос: как это следует понимать? Над этим в течение уже многих десятилетий за-

*) Альберт Штеффен был талантливым швейцарским поэтом, драматургом, эссеистом. Лишь по причине оппозиции внешнего мира Антропософии его имя замалчивается в ряду европейских писателей XX века, а он в нем — среди звезд первой величины.

**) Эзотерический урок в Кёльне, 12 мая 1913 г. (Из частного архива.)

думываются серьезные антропософы. Попробуем поразмышлять на эту тему и мы. Нас, русских антропософов, это должно интересовать в особенности, поскольку Мария Яковлевна фон Сиверс если и не была русской по рождению, то была ею по языку, по воспитанию, по особенностям склада своего характера и др.

Известен один факт, говорящий о космизме ее существа. Когда Рудольф Штайнер работал над моделью первого Гётеанума, то она часами *позировала* ему! Представим себе только этот неслыханный в истории искусства случай. Рудольф Штайнер работает внутри двухкупольной модели Гётеанума (она была большого размера), творит формы его колонн, капителей, ищет цветовую гамму купольной живописи и т.д., а натурой ему — как это обычно бывает только в случае портретной живописи и скульптуры — служит человек. Рудольф Штайнер называл Марию Штайнер в таких случаях своей «инспирирующей». Гётеанум же, как мы теперь знаем, был чувственно видимым выражением духовного космоса. И этому выражению нужно было дать форму человека как микрокосма, и не просто любого человека, а человека совершенно особого. Рудольф Штайнер говорил, что Гётеанум «во всех своих формах является воплощением *спиритуальной сущности*, которой мы привержены» (ИПН. 153, 14.4.1914). Эта сущность, говорил он в другом месте, реально пребывает в духе как существо иерархического рода. Его имя Антропо—София.

Таким образом, Рудольф Штайнер строил дом для реального иерархического существа, которое называется Человеко—Софией. И Мария Штайнер была земной моделью при создании этого дома. Это означает, что Гётеанум стал ее архитектурно-пластически-живописным портретом. Да, тут есть над чем задуматься.

* * *

Существует ряд чрезвычайно интересных воспоминаний о Марии Штайнер, имеются попытки написать ее биографию. Из них можно узнать о внешних фактах ее жизни и, что особенно важно: о впечатлениях, какие она производила на окружающих. О фактах ее биографии хорошо известно в антропософской среде на Западе, но в России об этом знают совсем мало, поэтому мы должны их пересказать.

Мария Яковлевна фон Сиверс родилась 14 марта 1867 г. в половине пятого утра в маленьком польском городке Влотлавек, где ее отец, генерал-лейтенант русской службы, командовал гарнизоном русских войск.

Всего в семье было пятеро детей. Из них дольше всех прожила Мария. Младший брат, окончивший пажеский корпус, был горячим русским патриотом и погиб в 1915 г. на войне. Сестра в 1917 г. умерла в Петербурге от голода. Другой брат имел слабое здоровье и умер еще до наступления XX века. Судьба старшего брата, морского офицера, бывшего русским консулом в Дании, не известна.

Первое упоминание о роде Сиверсов в России восходит ко временам Петра I, когда Петер фон Сиверс, выходец из немецко-датского Гольштайна, поступил в русскую морскую службу и поднялся в ней от чина лейтенанта до адмирала и командовал какое-то время всем флотом Петра на Балтике. Он также немало потрудился при возведении морской крепости Кронштадт.

В семейном предании сохранилась одна интересная история, приключившаяся с адмиралом. Задумал однажды царь выйти со своим флотом в открытое море. Изрядно штормило. И вдруг царь решил взять командование флотом на себя. Адмирал воспротивился, говоря, что делать это в условиях шторма опасно, но царь, как известно, был очень настойчивый. Тогда адмирал объявил, что силой данной ему власти он царя арестовывает, после чего запер его в каюте. Когда флот вернулся в гавань, Петр I понял, что, настаивая на своей затее он рисковал и флотом, и своей жизнью. Он признал правоту адмирала, действовавшего в соответствии с морским уставом, и даже наградил его баронским титулом и поместьем в Лифляндии.

Марии еще не было восьми лет, когда семья переехала в Ригу, а еще через два года отец вышел в отставку и поселился с семьей в Петербурге. Там в одной частной школе Мария получила довольно основательное гуманитарное образование, включавшее в себя историю, литературу, языки. Рано в ней обнаружилось влечение к поэзии. Уже в 12 лет она открыла для себя, что в поэтической речи живет таинственный внутренний звук; ее также глубоко волновала красота поэтического ритма. Этому способствовали детские переживания катящихся на берег морских волн, которые она наблюдала, еще живя в Польше, где семья часто выезжала на берег моря. А в Петербурге детей регулярно вывозили на природу к финской границе. Впечатлительной девочке, в которой рано проявилась особенная душевная глубина, эти поездки давали несравненно больше, чем другим.

Когда она подросла, в ней пробудилась тяга к красоте античного мира, к Греции. Она вознамерилась учить греческий язык, однако в семье воспротивились этому. «Зачем девушке из аристократической семьи греческий?» — так рассуждали родители. Позже Мария фон Сиверс оценила этот запрет как правильный жест судьбы. «Страст-

ное погружение в гречество, — признавалась она, — помешало бы мне найти путь к духовности будущего».

Руководитель той частной школы, где училась Мария, говорил о ней, что это лучшая ученица из всех, каких он когда-либо видел. Он называл ее «юным Шиллером».

По окончании школы Мария фон Сиверс получила диплом, дававший ей право работать учителем гимназии. Но она хотела учиться дальше и задумала поступить в университет, чтобы изучать сравнительное языкознание. Она свободно говорила и писала на четырех европейских языках. Однако семья воспротивилась и на этот раз. Причиной был страх, что в университете на молодую девушку могут оказать влияние социалистические идеи, которые в то время были необыкновенно широко распространены в студенческой среде.

Чтобы все-таки добиться своего, она поехала в Париж, намереваясь поступить в Коллеж де Франс на санскритское отделение. Ее сильно интересовало исследование природы, особенностей русского языка как находящегося между санскритом и европейскими языками. Но в коллеже она натолкнулась на холодное и даже презрительное отношение профессоров к намерению женского существа вторгнуться в науку.

Поэтому после окончания школы Мария фон Сиверс некоторое время работала учительницей в школе для детей рабочих в Петербурге. Опасения родителей, что социалистические идеи могли бы оказать на молодую дочь влияние, вообще говоря, не были лишены оснований. В ней довольно рано стала сильно проявляться любовь к самостоятельности, свободолюбие, стремление к эмансипации, отторжение сословных предрассудков, острое переживание социальной несправедливости. И она умела, не конфликтуя, в важных для нее вопросах настоять на своем.

В пролетарской школе, где она начала работать, несколько классов занималось одновременно в одном помещении. Чтобы быть услышанными учениками, учителям приходилось просто кричать. Результатом такой работы стал сорванный голос, причем настолько, что пришлось прибегнуть к операции. Но что было при этом интересно: после операции довольно продолжительное время при всякой попытке говорить Марии приходилось преодолевать определенное сопротивление, а в результате в ее речи вдруг что-то освободилось. Рудольф Штайнер говорил потом, что всё это было помогающим жестом судьбы, благодаря которому ей со временем удалось достичь величайшей высоты в искусстве новой рецитации, основы которого заложил Рудольф Штайнер. В этом искусстве перед учениками стоя-

ла задача так овладеть речью, словом, чтобы оно звучало будучи «свободным от органов речи». В чуде такого искусства Мария Штайнер добилась совершенства.

У Марии фон Сиверс уже в ранней юности пробудился талант драматической актрисы. Она, живя в Петербурге, участвовала в любительских спектаклях, всегда вызывая у публики неподдельный восторг. Все прочили «нашему эдельвейсу» — так тогда с любовью называли ее — будущее знаменитой актрисы. Однако и тут поперек дороги встала семья: как!? девушке-аристократке стать артисткой?! Так с разных сторон вставали барьеры, и они сужали поле жизни.

А в Марии нарастал поиск смысла жизни, предназначения человека. «Где истина?» — с тревогой спрашивала она себя. Свинцовое небо Петербурга навевало чувство безысходности. Отдушиной были природа и русские поэты. Она любила Пушкина, Лермонтова. Ее сильно заинтересовала поэзия Владимира Соловьева. Любовь к ней она сохранила на всю жизнь и позже делала переводы ее на немецкий. А еще ее восхищала врожденная спиритуальность русских людей. Однажды она решилась рассказать горничной Нюше о том, что существуют перевоплощения, и та тотчас же отозвалась: «Это что-то такое, что мне хорошо понятно!»

Из поры детства Мария хранила воспоминания о няне — светлой, доброй русской женщине, рассказывавшей ей народные сказки и певшей песни. Однажды няня задумала сходить в Иерусалим поклониться гробу Господню и намерение свое осуществила. Из дальнего странствия она принесла Марии кипарисовый крестик.

После операции на голосовых связках Мария больше не могла преподавать в школе, и в ней созрело намерение «идти в народ». Брат в это время купил в Новгородской губернии небольшое имение, и она стала там учить деревенских детей началам грамоты, завела небольшую амбулаторию, где крестьяне могли получить несложную медицинскую помощь, лекарства.

Однажды летом, в Иоаннов день она полезла в погреб за продуктами и упала с лестницы. В течение нескольких дней после этого она лежала, почти не подавая признаков жизни. Окружающие думали, что она уже умирает, а когда она все же пришла в себя, то крестьяне сказали, что это Бог совершил чудо, ибо «барышня уж очень хорошая».

Через некоторое время брат, страдавший чахоткой, умер. Молодой девушке одной оставаться в глухой деревне было нельзя, и она вернулась в Петербург. Тяга к театру необоримо росла в ней, и она уехала учиться в Парижскую консерваторию. Там был факультет искусства рецитации. Эта учеба давала шансы на поступление в труп-

пу Комеди Франсез. Но через два года пришлось снова вернуться в Петербург. А там как раз в это время талантливая актриса немецкой труппы Михайловского театра Мария фон Штраух-Шпеттини решила ставить «Марию Стюарт» Шиллера. И она дала Марии фон Сиверс в драме главную роль. Успех граничил с сенсацией. Однако и тут решением семьи было: если ангажемент — то только за границей.

У Шпеттини были хорошие связи с Берлинским театром им. Шиллера. Она уговорила Марию фон Сиверс поехать с нею туда, уверяя, что с ее талантом она непременно будет там принята. Но большой сюрприз, впрочем, известного рода, ожидал ее там. Директор театра д-р Рафаэль Лёвенфельд принял соискательниц очень любезно. С большим интересом он прослушал рецитацию Марией фон Сиверс одной сцены из «Марии Стюарт» и в конце сказал, что это было настолько убедительно, что он готов дать дебютантке главную роль в «Орлеанской деве», премьеры которой должна была состоять ближайшей осенью.

Да, это был большой успех: вот так, с первого раза получить главную роль в известном театре, который был знаменит своей верностью классическим традициям! Подруги едва сдерживали ликование. Мария фон Сиверс с энтузиазмом принялась за работу. А ее было много. Среди прочего требовалось, например, в течение трех месяцев избавиться от прибалтийского акцента в немецком языке. Но очень скоро всему пришел конец. Во время следующей встречи д-р Лёвенфельд сказал: «Видите ли, наш театр, как, впрочем, и любой другой, сильно зависит от прессы. Нам очень важно, что о нас пишут рецензенты. От этого зависит наш успех. Чтобы Ваш бенефис обезопасить с этой стороны, я позволю себе дать Вам один добрый совет. Наденьте лучшее, что у Вас есть, воспользуйтесь искусством косметики и постарайтесь привлечь на свою сторону журналистов».

Словно черный занавес упал перед внутренним взором Марии и загородил ей всю будущую жизнь. Как потерянная шла она по улице летнего Берлина, а голос внутри обескуражено и возмущенно вопрошал: «Как? Святое искусство, изшедшее из храмов Мистерий, где боги говорили с людьми, теперь опошлено до такой степени?» Мария Шпеттини пыталась ей что-то объяснять, в том смысле, что так заведено, практически, повсюду и т.д. Но потом остановилась и сказала: «Да, Мария, это не для тебя. Ты человек совсем иного рода».

Татьяна Киселева, талантливая русская эвритмистка, ученица Рудольфа Штайнера, в своих воспоминаниях о Марии Штайнер пишет по этому поводу: «Со всей очевидностью здесь перед нами встает факт, что спиритуальность, что подлинное целомудрие с одной сто-

роны, и жизнь современного театра — с другой, которая совершенно чужда мистериальному источнику всякого подлинного искусства, являются двумя тяжело примиримыми вещами. Соприкосновение с грубой действительностью, отчужденной от духовности и душевной глубины эпохи, и отказ идти с нею на компромисс привели к тому, что определило дальнейшую судьбу Марии фон Сиверс: на путь успеха и славы во внешнем современном театральном мире она вступать не будет...»

Но и капитулировать перед этой действительностью Мария фон Сиверс не собиралась. Она сохранила свою мечту обновить театр в его мистериальной сути и продолжала работать в одиночку над искусством слова. За год до описанных печальных событий, в 1898 году она встретила книгу французского писателя, эльзасца Эдуарда Шюре «Великие посвященные». На нее повеяло из книги чем-то знакомым и близким. Потом она прочла его драму мистериального характера «Дети Люцифера». Она подтвердила ей правильность избранного ею пути. Между нею и автором завязалась оживленная переписка. Ее нужно читать хотя бы на немецком языке, чтобы пережить легкость, изящество, красоту, необыкновенную живость и непосредственность стиля Марии фон Сиверс. Шюре, читая эти письма, был совершенно очарован и заинтригован ими. Он попросил свою корреспондентку прислать ему ее фотографию. Он должен был также и видеть, что это за чудесное явление, с которым его свела судьба.

Некоторое время спустя Мария фон Сиверс уже совместно с Рудольфом Штайнером осуществила постановку Драм-Мистерий Шюре и сама играла в них. Это было эпохальным событием. Пусть оно свершилось в сравнительно небольшом кругу — это были в основном члены Теософского общества, с которыми в начале XX века работал Рудольф Штайнер, — но с ним в мир снова пришла мистериальная драматургия. Шюре был постановками и игрой Марии фон Сиверс просто потрясен. Ему открылась такая эзотерическая глубина и космичность его творений, о которых он и сам не подозревал.

Мария фон Сиверс победила «грубую действительность».

* * *

Встреча Марии фон Сиверс с Рудольфом Штайнером состоялась в 1900 г. в Берлине. Ей тогда было 33 года. Ее пригласили на его лекцию, которую он читал в библиотеке графа и графини Брокдорф. С этого момента в ее жизни начинается великий поворот, даже, можно сказать, перелом.

Уже в 30-е годы она писала о той встрече: «Мой жизненный путь должен был привести меня к нему, ибо он был единственным, кто мог давать ответы на штурмующие вопросы нашего поколения в эпоху интеллектуальнейшего материализма». Но истинная сущность встречи этих двух во всех отношениях совершенно необыкновенных людей далеко выходила за пределы духовных запросов их личного. Она была судьбоносной для всего антропософского импульса, вступившего тогда в мир. Этот импульс в прямом смысле слова вошел в существо Марии фон Сиверс, и оно стало *другим*, о чем мы будем говорить чуть позже.

А внешне, чисто по-человечески, встреча с Рудольфом Штайнером поставила Марию фон Сиверс перед выбором, который в своем роде был совершенно уникален. Она поняла, что в деятельности Рудольфа Штайнера она встретила с таким излиянием духовности на земной план, какого не бывает и раз в тысячу лет и которое несет миру совершенно новый облик. И она увидела, что для этого ему приходится работать так, как еще не работал ни один человек, и потому ему совершенно необходима помощь. А помогать ему означало забыть себя, как это делал и он.

Такова была одна сторона дела, а на другой стороне было призвание, было любимое искусство. Ему тоже нужно было посвятить себя всю. И перед нею встала задача соединить два огромных дела: служить Духовной науке в ее движении в широкий мир европейской цивилизации и служить обновляющему искусства импульсу Антропософии. Немалый труд предстояло совершать и в связи с институализацией антропософского движения.

Мария фон Сиверс взяла на себя эту задачу и на этом, можно сказать, ее личная биография заканчивается. Начинается самоотверженное служение миссии и труду Рудольфа Штайнера. В ее служении инициированным Антропософией искусствам не было и тени того, что можно назвать самореализацией артиста, художника. Так зачеркнуть себя, так самоустраниться ради служения высшему — на такое мало кто способен. Но велики были и плоды этого самоустранения. Эвритмистка Илона Шуберт не раз слышала, как Рудольф Штайнер говорил, что без помощи Марии Штайнер, без сотрудничества с нею было бы невозможно вызвать к жизни ни Антропософию, ни Общество! Без нее мы не имели бы ни напечатанных лекций Рудольфа Штайнера, ни эвритмии, ни школы рецитации, ни постановок Мистерий-Драм, «Фауста» и много другого*.

*) См. Mitteilungen aus der anthroposophischen Bewegung, № 71, Nov. 1981.

Сомневаться в этом нет никаких оснований, ибо вот что еще говорил сам Рудольф Штайнер о самом первоначальном периоде его работы с Марией фон Сиверс. В лекции от 11 октября 1915 г. он вспоминает, что в 1901 году у него состоялся с нею разговор, в котором она поставила ему вопрос: «...а не назрела ли уже большая необходимость вызвать к жизни в Европе духовное движение? В ходе разговора, — говорит он далее, — я вполне определенно сказал: конечно, необходимо... но только я еще нахожу необходимым, чтобы такое движение было непременно приведено в связь с европейским оккультизмом, исключительно лишь с ним и развивало бы его далее. И еще я сказал, что тут нужно прийти в связь с Платоном, Гёте и т.д. Я изложил целую программу, которая потом и осуществилась».

Иоханна Мюкке, пришедшая от Карла Либкнехта к Антропософии, многолетняя усерднейшая помощница Марии Штайнер в ее издательской деятельности, сообщает об одном разговоре между Марией Яковлевной и Рудольфом Штайнером в Дорнахе, при котором она присутствовала. В нем Рудольф Штайнер вспоминал, как Мария Штайнер поставила ему вопрос, нельзя ли было давать теософскую мудрость в форме, более соответствующей европейской духовной жизни и с учетом Импульса Христа, и далее сказал: «Тем самым мне была дана возможность действовать в том смысле, который витал передо мною. Вопрос был поставлен, и я мог в соответствии с духовным законом давать на него ответ». Так было, фактически, положено начало тому великому повороту в духовной истории человечества, благодаря которому старый принцип «свет с Востока» впервые сменился принципом «свет с Запада».

Во внешней жизни Мария Штайнер стала некоего рода Ангелом-хранителем Рудольфа Штайнера. Она организовывала его поездки с лекциями по всем странам Европы, для чего нужно было решать уйму вопросов: о сроках, о месте, о номерах в гостиницах, о железнодорожных билетах и т.д. и т.п. Очень часто она и сама сопровождала его в этих поездках. Но силы у них были не равные. Временами она падала в изнеможении, а потом поднималась и снова пускалась в поездки. Это был просто невообразимый объем работы. Рудольф Штайнер нередко спал лишь один час в сутки, а то и вовсе оставался без сна и жил лишь благодаря тому, что был, как говорится, «не здешней силою хранимый».

Рудольфа Штайнера сильно донимала привередливость издательств, в которых выходили его книги. Мария Штайнер на собственные деньги учредила Философско-антропософское издательство. В нем она организовала и выпуск лекций, для чего ей пришлось

с головой и до конца своей жизни погрузиться в их редактирование, поскольку записи были несовершенными, а у Рудольфа Штайнера совсем не было времени, чтобы редактировать их самому. У него даже не было времени, чтобы отвечать на конкретные вопросы Марии Штайнер касательно содержания.

Рудольфа Штайнера просто осаждал поток посетителей. Беседы с ними отнимали у него особенно много сил. Марии Штайнер пришлось взять на себя особенно трудную задачу: этот поток как-то ограничивать, что, конечно, не прибавляло ей друзей.

А еще нужно было готовить программы с эвритмистами, рецитировать им, организовывать их выступления. Ну и, наконец, — ответственная административная работа. Уже в начале их знакомства Рудольф Штайнер назначил Марию Штайнер секретарем германской ветви Теософского общества, а когда было создано Антропософское общество, она вошла в его правление.

В письме от 7 января 1905 г. она пишет о деятельности Рудольфа Штайнера: «...у меня просо дух захватывает, если я лишь наблюдаю ее...» А нужно было не только наблюдать, но и активно участвовать в ней. Огромные физические и духовные нагрузки обострили проблемы со здоровьем. Падение с лестницы в имении брата оставило свои следы. Периодически на ушибленном позвоночнике возникал абсцесс. В 1911 г., когда они вместе с Рудольфом Штайнером были в Болонье, ей стало настолько плохо, что, когда ее привезли в гостиницу, хозяйка возмущенно говорила: «Через три дня синьора умрет, а это повредит репутации мой гостиницы!» Но случилось чудо. В Болонье находятся реликвии Фомы Аквинского. Позже Мария Штайнер полухутия говорила: «Это он мне помог». Ибо абсцесс вдруг вскрылся сам, и она ожила.

И такая жизнь продолжалась 21 год, начавшись с поездки с Рудольфом Штайнером в Англию летом 1903 г. и закончившись тоже поездкой в Англию летом 1924 года. После того Мария Штайнер ездила одна с гастролями эвритмистов и рецитаторов.

Роль Марии Штайнер в становлении новых видов искусства, рождавшихся из высоких интуиций Рудольфа Штайнера, просто неопределима. Ей целиком обязано своим развитием искусство рецитации. Но при этом следует сказать, что и эвритмия развилась как бы из рецитации Марии Штайнер: видимое слово — из слышимого слова. Об этом со всей определенностью говорит Татьяна Киселева, достигшая в искусстве эвритмии особенно больших высот.

Чтобы эвритмисты могли работать, нужно было часами рецитировать им и на репетициях, и во время выступлений. А то, как это дела-

ла Мария Штайнер, было не сравнимо ни с чем. Один из ее учеников, Фрэд Пёппиг, пишет, что ее мотивом было: обремененное материей земное бытие пронизывать духом. В ее существе Антропософия жила непосредственно, не как мысленное достояние, а как «дарящая себя жизнь». Через слово, произносимое ею, сам импульс Антропософии непосредственно формировал эвритмическое движение; формировал он и исполнителей эвритмии.

Безмерной была и благодарность к ней Рудольфа Штайнера. Уже в конце жизни он писал ей: «...я действительно не могу выразить Тебе, насколько восхищает меня Твоя самоотверженная деятельность и сколь благодарен я Тебе за всё, что Ты так благодатно совершила». А еще в 1905 году он писал: «Твое благословение требуется нашему делу». Эдуард Шюре в 1908 г. признавал: «Благодаря ей он может свой труд вносить в мир».

* * *

В своей автобиографии, написанной в конце жизни, Рудольф Штайнер в предпоследней главе пишет о Марии Штайнер: «...я должен назвать ее центральной носительницей Движения, ибо она является его основательницей». Это не похвала. Это факт огромного значения. И потому важно нам составить представление о том, какой была эта «основательница», как воспринимали ее окружающие люди.

Ну, прежде всего, нельзя не сказать о том, какое впечатление производил внешний облик Марии Штайнер. Она была настолько красивой, что люди на улицах, например в Берлине, останавливались и не могли удержаться от того, чтобы не сказать ей об этом, не выразить свое восхищение.

А вот как пережила ее взглядом профессиональный художницы Маргарита Волошина. В книге своих воспоминаний «Зеленая змея» она пишет, что впервые ей довелось наблюдать Марию фон Сиверс в 1908 г. в Цюрихе. «В большом зале я увидела сидевших впереди меня двух дам, очень живо беседовавших между собой. У одной из них, чей тонкий профиль я могла время от времени видеть, были золотые волосы и такой цветущий, нежный цвет лица, какой обычно бывает только у маленьких детей. Когда она повернулась к двери, я увидела совершенно невероятные глаза — синие и огненные, как сапфир. Губы были нежные, но твердые, четко очерченный подбородок. Мне бросились в глаза ее очень красивые маленькие руки. Порой она сердечно смеялась, порой казалась возмущенной, и тогда кровь легко прилиwała у нее к лицу. Я с интересом наблюдала ее, ибо она очень

мало походила на других женщин в зале». Несколькими страницами далее Волошина еще пишет: «Ее глаза были как сапфир. Вплоть до ее смерти в преклонном возрасте они сохранили свое свечение. Лишь высоко в горах можно переживать такую синеву. Вокруг нее был высокогорный воздух».

Современники Марии Штайнер отмечали, что во всех положениях жизни она была необыкновенно прямой, решительной и «самой истинностью». Киселева пишет о ней: «Внешняя тонкость ее аристократической натуры, одновременно и скромной, и гордой, ее глубокая и тонко чувствующая восприимчивость, широта и уравновешенность ее рассудка, в равной мере одаренность как в деятельности мысли, так и в искусстве делали ее удивительным образом подходящей для роли посредницы и апостола». И еще: «Как основную черту ее существа я пережила бессамость: бессамость носителя высочайшей духовной сверхличной цели. Там, где многие ощущали произвол, субъективность, несправедливость, недостаток знания дела, людей, я могла переживать, что *через посредничество Марии Штайнер говорит словно бы космическое суждение, происходит род космического суда*». (Подч. нами. — *Авт.*) А Рудольф Штайнер говорит, продолжает Киселева, что «вся наша земная жизнь поставлена неким образом в свет космического суждения. ... Особенно суждения Ангела важны для оценки деяний отдельного человека». (Это из ИПН. 227.)

Татьяна Киселева пишет еще, что была свидетельницей того, как трудно было Марии Штайнер делать людям замечания, быть с ними строгой, когда это было необходимо.

Помятуя о филистерском духе нашего времени, легко представить себе, почему и врагов было у Марии Штайнер достаточно. Через нее человеку открывалась правда о его собственном характере, выносить чего он был зачастую не способен. А такого люди не прощают. Но что интересно при этом: именно космичность существа Марии Штайнер чаще всех переживали русские антропософы и искренне восхищались ею.

С враждой приходилось сталкиваться им обоим — и Марии Штайнер и Рудольфу Штайнеру; и не только филистеров, но и духов тьмы. Уже в 1905 г. Мария Штайнер в одном письме пишет: «...он (Рудольф Штайнер) не надламывается никогда, но, как всегда бывает в таких случаях, если выступает такая сильная индивидуальность, с абсолютной самоотверженностью, с безграничным воодушевлением, то поднимается безмерная вражда. Громоздятся горы ненависти, да, они уже громоздятся». Противостоять ей было совсем не просто, и Рудольф Штайнер, чтобы поддержать Марию Штайнер, писал ей:

«Это ведь совершенно очевидно, что еще много противящихся сил восстанет против нашего душевного союза; этим вещам нужно противостоять со спокойствием» (апрель 1905).

«Противостоять со спокойствием» — это одно из главных жизненных правил оккультиста. Но как трудно бывает следовать этому правилу даже посвященному, когда дело идет о вещах неизмеримо важных, о судьбе человечества. Когда он знает, что от успеха дела, которому он служит, зависит: взойдет ли человечество к свету из пучины зла и страданий или еще глубже ввергнется в нее.

Марии Штайнер переживания такого рода были очень хорошо знакомы. И ей приходилось напрягаться всеми силами своего существа, чтобы выдерживать «цунами» мелочного эгоизма, зависти, непонимания, глупости, а также и неприкрытой вражды к духу и по возможности ограждать от них Рудольфа Штайнера.

Когда в начале мировой войны их давний близкий друг Эдуард Шюре, поддавшись французской шовинистической пропаганде, выступил с обвинением Рудольфа Штайнера в национализме, то Мария Штайнер слегла и три дня была словно парализованной. И потом — как следствие таких переживаний — ей всё больше начали отказывать ноги. А то, что она пережила при пожаре Гётеанума, сопоставимо с переживаниями лишь самого Рудольфа Штайнера, которому после него стало необыкновенно трудно удерживаться в физическом теле и продолжать инкарнацию.

«Мне приходилось постоянно бороться», — напишет в конце жизни Мария Штайнер. А Фред Пёппиг скажет о ней: «Путь несения креста она прошла до конца».

В декабре 1914 г. Мария Штайнер и Рудольф Штайнер вступили в гражданский брак. Он, конечно, носил чисто духовный характер и был вызван тем, что их совместная работа вынуждала их много находиться вместе, а это рождало сплетни. Не считаться с ними было нельзя. Но была у этого брака — в чем мы уверены — и более глубокая причина. Рудольф Штайнер хорошо сознавал, что в случае его смерти — а она угрожала ему уже в начале столетия — встанет вопрос о его наследии и враги сделают всё возможное, чтобы изъять его из мира и заставить мир забыть о нем. Поэтому уже в 1907 г. он завещал его Марии фон Сиверс. Потом он обновил это завещание, но полную силу ему, конечно, могли придать лишь отношения зарегистрированного брака. Обоснованность беспокойства Рудольфа Штайнера по этому поводу подтвердилась после его смерти.

Трудно, необыкновенно трудно изведать духовные глубины индивидуальности Марии Штайнер. Сама она не проронила об этом ни единого слова.

Очевидцы рассказывают, что когда Рудольф Штайнер посетил Кёльн, то он неоднократно водил Марию Штайнер в церковь ап. Андрея, где находится гробница Альберта Великого, но она туда ходила неохотно. Однажды (об этом свидетельствует Елена Рёхлин, она была руководительницей антропософской ветви в Маннхайме) Рудольф Штайнер спросил Марию Штайнер: «Помните ли Вы о том, как мы действовали в то время?» — на что она ответила, отшучиваясь, поскольку такой разговор ее смущал: «Лишь совсем смутно»*.

Нам довелось найти лишь одно свидетельство, напрямую говорящее о ее развитии в отношении сверхчувственного. Оно принадлежит Адольфу Аренсону, о котором мы уже упоминали. В открытом письме членам Общества он в октябре 1926 года рассказал о том, что одно время Рудольф Штайнер совершал возведение в градусы посвящения. Нас всех, пишет он, Рудольф Штайнер возвел символически и только Марию Штайнер — *полноправно*, «и именно так, что было указано на действительность, которая выходит за границы рождения и смерти».

Косвенно, но достаточно убедительно о сверхчувственном развитии Марии Штайнер говорит тот факт, что Рудольф Штайнер видел в ней едва ли не единственного человека, который вполне понимал его, понимал сущность и значение Антропософии. О том, чем это было для него, он пишет: «Ты понимаешь меня — и это дает мне силу, делает мои крылья свободными» (письмо от 12 апр. 1903). А в другом письме, написанном днем ранее известному теософу Хьюббе-Шляйдену, он сетует: «...мои, определенные посвященными указания, которые я изложил в Берлине, упали на неплодотворную почву и были поняты *одной только* фройляйн фон Сиверс».

Но особенно значительным, говорящим об особой духовной высоте Марии Штайнер, является то, что Рудольф Штайнер написал ей 8 апреля 1908 г.: «Мне очень понравилось, как ты дала подействовать на себя нашим двум последним эзотерическим урокам. Верь мне, моя дорогая Мария, ты идешь вперед быстрее, чем, может быть, ты сама себе представляешь. Я с любовью думаю о Тебе... Ты для меня являешься *священницей*, когда смотришь в ответ на меня, с тех пор

*) Рудольф Штайнер еще сказал: «А Вы тогда были моим учителем».

как я *распознал Твою индивидуальность*. Я дорожу Тобой в чистоте Твоей души, и только потому *смею я быть преданным тебе*. Мы живем друг с другом, потому что мы внутренне принадлежим друг другу, и мы всегда будем иметь право так относиться друг к другу, как мы это делаем теперь, если будем понимать, что наши *личные отношения ко-ренятся в святом служении духовной эволюции*. Я знаю, что не посмеет прийти такой момент, когда этой святости мог бы быть нанесен хоть малейший вред».

Мы подчеркнули в письме некоторые места, чтобы направить внимание на то, что в дружбе и сотрудничестве этих двух людей мы имеем перед собой нечто, выходящее за пределы всех известных нам человеческих отношений. Это отношения людей, уже в XX веке живших в далеком будущем человечества.

И еще выделим один момент. Говоримое Рудольфом Штайнером никогда не было фразой. И если учесть, на какой духовной высоте стоял он сам, то какой же должна была быть другая индивидуальность, перед которой он склоняется в благоговении?

Если думать, что он «распознал» прошлое воплощение этой индивидуальности, то этого совершенно недостаточно. Вспомним, как он не раз говорил, что никто не должен в новой инкарнации величаться тем, чего он достиг в прошлой. Он говорит Марии Штайнер: «Я смею быть преданным Тебе» «в святом служении духовной эволюции» — эволюции *мира, Вселенной!* должны добавить мы. О вселенском измерении индивидуальности идет тут речь.

* * *

После ухода Рудольфа Штайнера с физического плана Мария Штайнер по-прежнему, с полным напряжением сил продолжила издание его духовного наследия. Она опубликовала около 500 наименований различных книг и брошюр с лекциями Рудольфа Штайнера, а также переиздавала его книги. Вопросы о том, каких также и душевных трудов и мук ей это стоило, мы затрагивать не будем*.

С уходом Рудольфа Штайнера закончилась фаза активной организационной деятельности Марии Штайнер, и у нее, несмотря на

*) Имеются все основания говорить о том, что она это наследие спасла. Но на какое время? — Этот вопрос остается необыкновенно актуальным и теперь. Правление Наследия фактически приостановило дальнейшее издание полного собрания лекций Рудольфа Штайнера, хотя остаются еще не изданными около 1000 лекций.

напряженную издательскую работу, появилось больше времени для так горячо любимого ею искусства. Во втором Гётеануме она устраивает грандиозные постановки Мистерий-Драм Рудольфа Штайнера, драматических произведений Альберта Штеффена, конечно — полнотелого «Фауста», эвритмические представления, организует турне эвритмистов по Европе. Благодаря ей Антропософия в это время говорит с миром языком искусств.

Она ведет интенсивную работу с артистами, углубляя искусство рецитации, создает рецитирующий хор. Хор этот был совершенно удивительным феноменом. Он как бы вызывал явление одной человеческой души, но колоссально усиленной. Через хор словно бы вновь зазвучали великие Мистерии Эллады, где как раз через рецитацию жрецов к людям говорили боги. Хор много гастролировал по Европе, отклики в газетах на его выступления были восторженными. Например, в Кассельской «Нахрихтенблатт» один театральный критик писал: «Должен признаться, что как только хор начал говорить, по мне побежали мурашки. Возникает нечто очаровывающее, ослепительное, когда слышишь речь такого рода; возникает нечто невыразимое словами. За время, протекшее после предыдущего выступления, хор стал еще значительно лучше. Мне кажется, что им достигнута уже предельно возможная гармония и равновесие, ибо нельзя дать большую полнокровность произносимому слову, чем та, которую мы тут пережили». Журналист сетовал только на то, что при жаркой погоде зал был переполненным.

В Швейцарии на спектакли и концерты в Гётеанум приходили и приезжали целые классы школьников, солдаты. Да, Антропософия начала тогда через свои искусства выходить на широкий план европейской жизни.

Мария Штайнер не просто гениально, а в какой-то совершенно особенной, исключительной форме владела искусством рецитации. Она говорила: «*Законы речеобразования совпадает с законом медитации* (подч. нами. — Авт.)». Каждое слово человеческой речи не только выражает содержание представления, но является душевным существом. Существо же постижимо в его жесте, который всегда является волевым откровением души.

В феномене искусства, учила она своих студентов, мы освобождаемся от представлений и непосредственно воспринимаем позицию, «осанку» души. Жестом является каждая звучащая буква, слог, слово, фраза. Они суть элементы творящей силы *Логоса*. Логос является Духом языка. Чтобы дать ему звучать, нужно освободить гортань, держать ее открытой, как это делают певчие птицы. Тогда планетарные

колебания могут зазвучать через нее. В речи на колебаниях ритма, через образы звучащих букв Я может вступить в свет мирового эфира. «Учитесь думать дыханием», — призывала она. Сделайте мозг пустым, легкие пустыми, гортань пустой. Это должно быть своего рода жертвой. Она освободит слово от окостенения и сделает его живым, а человека — сознательным инструментом речи. В будущем на пути формирования речи откроют *тайну слова и звука*. Это произойдет в следующей культурной эпохе.

Один из учеников свидетельствует: «Весь метод художественного формирования речи Марии Штайнер имел целью пробудить новое сознание *вне* тела». Она разбивала нам повседневное «я», чтобы освободить Я высшее. — Иными словами, ученичество у Марии Штайнер было, фактически, прохождением пути посвящения, даже если особенно далеко идущих задач она при этом и не ставила. Ибо ситуация после ухода Рудольфа Штайнера сильно изменилась. Мария Штайнер говорила: «Моя задача — создать подступ к медитации». Однако именно первые ступени на пути посвящения являются особенно трудными. Поэтому те, кто хотел и мог работать с Марией Штайнер, должны были быть в состоянии, так сказать, «умирать и становиться». А для этого нужно было работать до изнеможения. Выносить такую работу и переживать от нее высшее удовлетворение можно было, лишь найдя отношение к реальному явлению в ней духа. Кто оставался снаружи, те уходили, и порой — с раздражением.

Русский эмигрант первой волны, артист Илья Дуван, ставший учеником Марии Штайнер, рассказывает такой случай. Был в их группе студентов один экстремальный холерик. Он не выдержал «тягот» обучения и однажды громко, грубо, с вызовом заявил, что не желает больше здесь оставаться и, хлопнув громко дверью, ушел. Мы, говорит Дуван, стояли бездыханные, и вдруг Мария Штайнер произнесла: «М-да, за такого я бы никогда не вышла замуж». Мы покатались со смеху, ибо нужно представить себе, что это сказала женщина, внушавшая благоговение и неприступная в манере держать себя.

Те, кого не погребал под собой их собственный мелкий эгоизм, кто мог как свободная индивидуальность в своем искреннем стремлении к духу выступать навстречу Марии Штайнер, те были в состоянии почувствовать одновременно с ее земной человечностью и ее космичность. Такие видели в ней неисчерпаемую силу позитивности, способность в любых условиях стряхнуть гнетущую реальность жизни и строить на добром безграничном доверии к духу.

Такие люди были способны переживать также и то, как в ее искус-

стве дух, так сказать, являл себя «без покровов», чувственно воспринимаемым образом, видимо для физических глаз. Дадим опять слово Илье Дувану. Мне довелось наблюдать, пишет он в своих воспоминаниях о Марии Штайнер, стоя на сцене сбоку и совсем близко, рецитацию Марии Штайнер. «Это опять-таки было что-то поражающее, озадачивающее, впечатляющее: согласные, гласные *из пространства* прилетели на уста говорившей и, едва коснувшись их, вновь улетали в пространство с полной силой и благородством формы! Они были почти видимы физически.

А тот факт, что Мария Штайнер была при этом совершенно спокойной, как бы и не затронутой этим, несмотря на сильное дыхание и напряжение, дополнял чудо».

Фред Пёппиг, посетивший Марию Штайнер уже в самом конце ее жизни, когда она жила в Беатенберге, расположенном на горе возле озера Тун, с целью получить от нее помощь в изучении роли, которую он должен был играть в Мистерии-Драме Рудольфа Штайнера, потом писал: «И хотя ее голос уже не имел физической силы, она владела полнотой духовной субстанции и жизни. Возникало впечатление, что из эфирного космоса она извлекает эфирные потоки духовной жизни, которые, будучи несомыми огнем воли, изливаются в пространство, разбивая все земные стены; и человек, захваченный ими, уносился в дали мерцающего светового круга. О, какая мощь драматического жеста еще живет в этом уже угасающем голосе! Какая боль дрожит в нем, словно разбивая судьбу, при словах: «О, человек, познай себя!»»

Некоторые из скептиков, желающих принизить индивидуальность Марии Штайнер, заявляют: да, она была гениальной артисткой, но плохим педагогом. — На филистерский взгляд, пожалуй, плохим. Филистеров вообще очень трудно воодушевить высшим, и уж совсем непостижимо для них, что «педагог» тот был одновременно и иерофантом нового типа, когда отношение между учеником и учителем строится только на свободном уважении и доверии.

Всё в существовании Марии Штайнер было устремлено к высшему, и совершенно необыкновенным образом. Свидетель нам — опять Илья Дуван: «Если среди учеников возникало беспокойство, вспыхивали эмоции, раздоры, то она стояла словно скала в море. ... Из этого могучего «камня» возвышался лик, сила излучения которого была столь интенсивной, который был окутан такой энергией, невидимым аурическим покровом, что требовалось изо всех сил напрягать внимание, обострять зрение, чтобы Марию Штайнер действительно точно видеть физически.

И в то же время, это лицо было детским, необыкновенно чутким, оно реагировало на мельчайшее спонтанно и открыто, так что, говоря с ним всегда можно было сразу видеть, как сказанное тобой воспринимается им. Синева глаз как бы всё вновь постоянно рождалась изнутри как вспыхивавшее волнами сияние. Да, это был видимый физическими глазами дух!»

На всю жизнь сохранил Дуван пережитые им в работе с Марией Штайнер явления подлинного чуда, и большая удача для нас, что этот русский артист не забыл записать свои переживания. Вот еще одно из них: «...ее истинная индивидуальность свободно открывалась в ее работе, в гениальных часах преподавания и пронизанных духом репетициях. ... Мне открылось: это сверхбольшое измерение истинно человеческого переживания, потрясающая полнота нюансировки, захватывающая искренность, душевность и сила мне доселе неведомой душевной глубины. — *Человек* во всем его душевном величии стоял передо мной. Как могла эта женщина такое выносить, не говоря уже о том, что бы еще и осуществлять, формировать? Одно было ясно: еще невиданная, неслыханная художественная и человеческая правда была здесь»*.

Еще в самом начале XX в. в библиотеке у графа Брокдорфа с Марией фон Сиверс встретила одна женщина, которую звали Текла фон Реден**. В 1935 г. она писала в своих воспоминаниях о том, как уже тогда Рудольф Штайнер среди заблуждений, в которых плутало Теософское Общество, пролагал путь к подлинной Теософии, во все времена неразрывно связанной с развитием рода человеческого; и в этих воспоминаниях она говорит о значении встречи Марии фон Сиверс с Рудольфом Штайнером следующее: «Взметнувшейся вверх из глубочайшего источника судьбой, что часто ошибочно называют случаем, было вызвано появление Марии фон Сиверс как слушательницы на тех лекциях, вскоре ставшей понимающей, никогда не отступающей, безотказной, неутомимой спутницей, активной, деятельной помощницей в духовном труде. — Ей при этом, конечно, пришлось ступить на тот же тернистый путь, которым вынужден был идти Рудольф Штайнер. Но ею это было сделано как *знак Теон-Софии*, с тою же (что и у Рудольфа Штайнера) никогда не надламывающейся духовной силой!»

*) Pija Duwan, Spachgestaltung und Schauspielkunst. Verl. am Goetheanum, 1990, S. 13.

**) О ней рассказала в своих воспоминаниях Татьяна Киселева. Maria Steiner-von Sivers im Zeugnis von Tatiana Kisseleff u.a. ...» Verl. Die Pforte. Basel, 1984.

Понятие Теон-Софии мы встречаем у ап. Павла в 1-м послании к коринфянам. Если то место перевести правильно, то оно звучит так: «... возвещаемое нами является также и мудростью, а именно той мудростью, которая живет в кругу посвященных. ... Высказываемое нами является Theon-Sophia (Божественной премудростью Мистерий – *mysterion*), которая жила в тайне после того, как Божественной Основой мира она была учреждена уже прежде всех кругооборотов времен, дабы (некогда) быть открытой нам.

Ни один из вождей настоящего времени не ведает об этой мудрости. А если бы они ведали, то не прибили бы ко кресту Того, Кто является Господом откровения» (1. Кор. 2, 7–8).

* * *

Божественная София является реальным сверхчувственным существом, и благодаря Антропософии мы имеем возможность составить себе в нашем познании некоторое представление о нем. София – это, по сути, есть Св. Дух в откровении. А открывается Он как Идея мира. Эту Идею несут, творя, в мир *все девять Иерархий*. Он как Идея открывается в составе Троицы, пребывая в неразрывном единстве с Богом-Отцом и Богом-Сыном. Идею мира нельзя оторвать от Субстанции Отца и от Жизни Сына*.

Идея организует откровение Отчей Основы мира в виде троичности. И становление мира – это своего рода несение Троицы из высей откровения вниз по ступеням нарождающегося бытия, вплоть до физически-чувственной ступени. Ее несут Иерархии через свое творение мира, и потому они и всё в мире организовано по триадному принципу.

В образной форме это должно иметь вид двух треугольников, один из которых, эволюционно-иерархический, направлен вершиной вниз (он есть несущий), а другой (несомый) – вверх, это треугольник восходящих мира, человека, эволюции. По сути говоря – это символ Св. Грааля, о котором сказано, что периодически «Ангелы» приносят его на Землю и возносят в дух (рис. 57).

Теон-София – это одновременно есть и Грааль-София, мудрость о Христе, способная привести кровь человека к очищению от страстей. Она есть форма высшего самосознания, возникающая в резуль-

*) Всё это было темой наших первых двух томов.

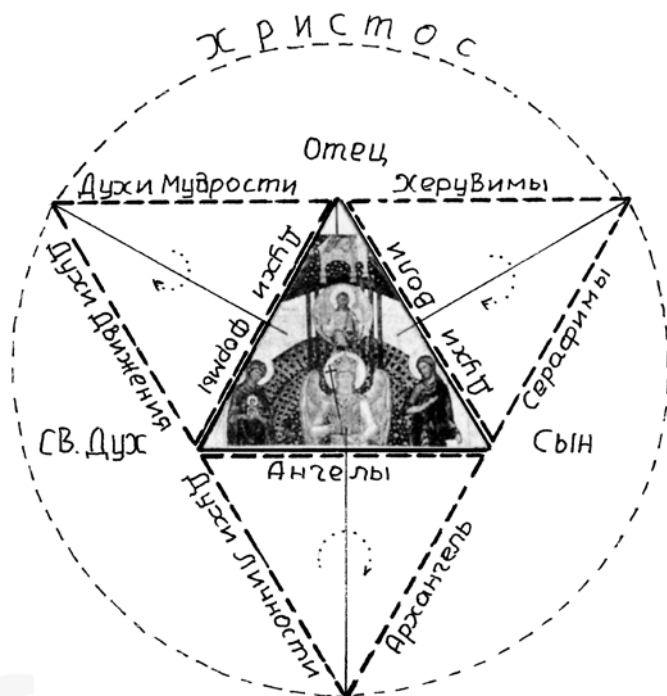

Рис. 57

тате соединения интеллигенции Иерархий со структурой Мироздания. Структура эта по замыслу есть Макро-антропос. Как высшее земного человека он есть Я-Манас, или Теон-София, во вселенской жизни Христа. Это мы и попытались показать на рисунке, включив в него часть софийной иконы.

Овеянная Жизнедухом Христа, Теон-София нисходит к людям. Низошла она и в Антропософии. Собственно говоря, Антропо-София – это и есть явление Теон-Софии среди людей. И вопрос состоит лишь в том, была ли она в этом случае персонифицирована отдельной земной личностью?

* * *

Мы считаем, что была. Ничего не зная о переживаниях Теклы фон Реден, Андрей Белый писал, уже живя в России, в своем «тайном

дневнике» о Марии Штайнер: «...образ ее был для меня символом Софии».

Ну а нам остается лишь высказать вслух то, что созрело у целого ряда наиболее серьезных антропософов, имевших счастье знать Марию Штайнер, даже работать с нею или близко чувствовать ее, переживая плоды развиваемого ею искусства. Они не сделали этого, поскольку были разбросаны во времени и в пространстве. А кроме того, требовалось время, чтобы окончательно убедиться в этом.

Нам, конечно, легко тут возразить, легко упрекнуть нас в нарушении золотого правила оккультизма, и нам на такой упрек нечего ответить, кроме одного, что из всех правил бывают исключения. И одно дело — легко бросаться направо и налево измышленными сенсациями, отгадывая перевоплощения, и другое — десятилетиями вживаясь не только в содержание, но и в дух Антропософии, в полный трагизма процесс ее вхождения в мир, стремясь постигнуть дух и душу ее творцов, изучив впечатления и мнения их современников, наконец, десятилетия посвятив изучению закономерных связей вещей чувственно-сверхчувственной реальности, — сделать этот вывод, который феномену Антропософии дает новую полноту и завершенность.

Да, через Марию Штайнер Само Существо Теон-Софии низошло на землю и жило среди нас, чтобы Самому служить человеку, который давал людям знание о Ней, который оказался в силах взять на себя миссию принести людям Ее откровение. Это не было человеческой инкарнацией Софии, но не было и просто инспирацией. Инспирирован Ею был Рудольф Штайнер. А это было *инкорпорацией*, тем, что в традиционном оккультизме называется аватаром. В этом случае человеческое существо остается со своим Я и действует исходя из него, но его индивидуальная аура наполнена большим сверхчувственным существом, простирающимся в дали космоса. Космическое существо через такого человека изливает свои силы в мир людей, и все действия этого человека получают тогда, естественно, иной, космический смысл. Понять это, если чувства грубы, бывает сложно. Но что говорить об аватаре, если и Христа многие не смогли распознать.

Многие были не способны правильно переживать существо Марии Штайнер. И можно понять — почему. Даже вживаясь в ее фотографии, можно почувствовать, что ее лицо — словно бы некоего рода окно, одушевленное окно в иную реальность, сквозь которое на каждого отдельного человека смотрит Божественный Дух; мы подчеркиваем: не индивидуальность Марии Штайнер, — она только оказалась способной на то, что через нее смог глядеть в мир Божественный Дух;

способной благодаря своей самоотверженности, жертвенности, бес-самостности и другим высоким качествам.

В том, как этот Дух из ее глаз смотрит на нас, нет осуждения, но нет и потакания всему низменному в нас. А такого взгляда большинство людей выносить не может. Если от него нельзя убежать, то человек способен на многое, чтобы его для себя затмить; прежде всего, конечно, убедить себя, что все люди есть только люди и он сам не хуже других.

Во взгляде Марии Штайнер было многое от того, что выражается во взгляде Архангела Михаэля на человека, как это описывает Рудольф Штайнер. Когда Михаэль «подступает к человеку, то приходит с отчетливым отказом многому в человеке, с чем тот сегодня живет на земле» (ИПН. 223а, 13.1.1924). Но Михаэль не отталкивает от себя. Он лишь не принимает всего унаследованного, животного и т.п. Он хочет показать, что это неприемлемо для духовного мира. Но что человек приносит в любви и свободе, то встречает у Михаэля понимающий взгляд, который ему говорит, что это правомерно с точки зрения космоса (Ibid.).

Нечто от этого взгляда можно пережить, повторяем, всматриваясь даже в фотографии (но хорошего качества) Марии Штайнер. И можно почувствовать, что ее взгляд действует на душу очищающее.

Но «отказ многому», читаемый в ее взгляде, был многим невыносим. Ведь люди и Христа часто представляют себе потакающим всем их слабостям.

Мария Штайнер была некоего рода «пробным камнем», «лакмусовой бумажкой», выявлявшей меру искренней преданности человека Духу. Для одних это был дар, для других – несчастье, что Антропософия так реально и непосредственно предстала перед ними.

Сама Мария Штайнер не думала, а может быть, и не знала о том, как ее облик, ее взгляд действуют на людей, не знала о том безграничном, что через нее входило в мир. Зато тем совершеннее было излияние духа, тот взгляд космической совести, обращенный на человека.

Не следует удивляться и тому, что Божественная София так непосредственно поставила Себя на служение Рудольфу Штайнеру. То же самое сделал и Архангел Михаэль. Только не нужно понимать это тривиально, как сделал ап. Петр в сцене омовения ног. Высшее всегда склоняется перед низшим, чтобы поднять его на свою высоту.

Человеко-София не могла явиться только лишь как учение, поскольку она объемлет собой как чувственную, так и сверхчувственную части единой реальности. Являя Себя в Антропософии лишь в виде

учения, Теон-София открыла бы лишь часть истины. А вся истина — Она Сама.*

Фрэд Пёппиг совершенно правильно распознал это. В его воспоминаниях мы находим три принципа, из соединения которых и родился феномен Марии-Теон-Софии. Принципы эти суть следующие.

1) «Она воплотила новый тип человека: не родовое существо, а всё вновь творящего себя из эфирного источника обновления Я-человека».

2) «В этой женщине жила пра-субстанция Антропософского Движения».

3) «...строение первого Гётеанума — это глубоко вписанная в пространство жизнь Марии Штайнер. Без нее оно невозможно». Гётеанум — это ее дом, *дом Софии*, и дом тот есть *человек*.**

* * *

Вся деятельность Марии Штайнер на ниве художественного творчества и служения искусству была напряженным стремлением вновь обрести «потерянное слово», на поиск которого человечество по-настоящему отправилось лишь после нисхождения на Землю Антропософии. Это еще одна из причин того, почему Теон-София стала человеком. Обретение человеком потерянного слова, которым он творился и будет твориться, — это высший акт творящей деятельности мировой Идеи на этапе перехода эволюции восхождения, идущей путем нисхождения, к эволюции чистого восхождения. Этот акт она может совершить *только через живущего на земле человека, как воскресение плоти было возможно только через вочеловечение Бога*.

Именно такой, колоссальный смысл носила работа Марии Штайнер со звучащим словом. И грубую ошибку совершает всякий, думающий, что это было лишь приятным дополнением к содержанию

*) Тут можно подумать еще о том, как воцерковленный люд относится к иконе Св. Софии. Он ее почитает, но как-то совсем безличностно, условно, не вглядываясь, не вчувствуясь в нее. При более внимательном наблюдении можно даже заметить, что ее изображение вызывает у людей некоего рода инстинктивный страх. Стоит сравнить, как люди переживают все другие иконописные лики, с тем, пусть не осознаваемым, но скорее отторжением, чем принятием образа Софии. У верующих уже выработалось отношение к лику Христа, Богородицы, Бога Отца, а вот Дух Святой — это «голубь» или... да, эта странная София, восседающая на троне Самого Христа. Понимания Ее в церкви нет, а из Антропософии его брать не хотят.

***) Fred Poeppig, Marie Steiner. Ein Leben im Dienst der Wiedergeburt des WorteS. Lohengrin-Verlag, 1990, S. 15, 23, 67.

Духовной науки. Когда мы от познания переходим в Антропософии к искусству, то это означает для нас духовное восхождение, если, естественно, мы на него способны*.

Что это означает: «обрести потерянное слово»? Мы знаем, что Логос, духовно звучащее Слово Бога есть Творец всего сущего. И как космическая панинтеллигенция Михаэля низошла, раздробившись, в отдельных людей, стала в них интеллектом, так Мировое Слово низошло в отдельных людей и стало в них даром речи. Как интеллигенция, так и Слово стали в человеке тенеподобными, но зато дали ему возможность обрести самосознание. Однако человек обязан вновь вознести их к их Божественному источнику, к их Божественной Сущности. Как в мышлении человек, меняя форму сознания, вносит в него жизнь, т.е. придает ему характер космичности, так и слово должно в устах человека стать снова *непосредственно творящим, т.е. порождающим*. Уже через несколько тысячелетий появятся люди, способные белой магией звучащего слова порождать других людей, творить в тонкой вещественности Земли физические тела для идущих к воплощению душ. В духе задач этого будущего должны развиваться храмовые по сути виды искусства, импульс к становлению которых дал Рудольф Штайнер. Внутренне — это процесс посвящения, который далее внешне выходит на широкий социальный план, ибо теперь встала проблема высшего развития уже не избранных, а буквально *всех* людей. Такова главная особенность Мистерии Михаэля, воплотившейся в Мистерии Антропософии.

Рудольф Штайнер дал земно-человеческое выражение Божественной Мудрости, ведущей ко Христу. И он создал форму, в которой Сама Человеко-София смогла стать осуществительницей метода такого восхождения в его особенно высокой форме: *в искусстве слова*. Так начал замыкаться великий круг: *«В начале было Слово», потом оно стало мыслью, и вот, живая мысль вновь возносится к Слово*. И это совершенно правильно, когда говорят, что без Марии Штайнер земная судьба Антропософии могла бы и не сложиться. Поэтому изначально, еще в сфере духа, в миссию Рудольфа Штайнера как ее составная часть была включена и миссия Марии Штайнер, и, разумеется, и миссия Иты Вегман. Большая роль при этом была уделена и ряду других душ. И именно с этой точки зрения следует понимать их жизненный путь.

*) И невообразимым злом являются все попытки «модернизировать» постановки Мистерий-Драм, низводить художественные импульсы Гётеанума на уровень обыденщины и т.п.

После всего рассмотренного нами кто-то может спросить: если такие мощные силы причастны к феномену Антропософии, то почему ее импульс удалось так основательно ограничить и задержать? Почему не удалось до конца основать на земле центр ее Мистерии?

Это произошло по вине людей. Тут нужно только повторить, что в эпоху обретения человеком свободы воли, ему самому боги передают право определять свою судьбу. А сделать он это должен, не потакая предрассудкам, не ввергая себя ни в какие групповые формы сознания, не творя произвол, вырывающийся наружу из его низшей, не очищенной природы, и т.д. Он должен сам свободно, исходя из понимания, направлять свою судьбу в духе высших законов развития.

И когда теперь из духа к людям приходят высокие импульсы, то их судьба зависит от того, насколько люди поймут их и захотят изменить себя. А изменить себя трудно в силу чрезвычайно сложной, многоуровневой эволюционно обусловленной двойственности человеческого существа. Эта двойственность пронизывает и его тело, и душу, и дух. В силах наследственности в каждом человеке продолжается борьба между женским и мужским началами, между авелевым и каиновым началами. Эта борьба входит в душу и усиливается там противоречием между дионисийским и аполлонистическим типами личности. Наконец, духовному единству мешает односторонняя предрасположенность к аристотелевской или платоновской ориентации мировоззрения, которым формируется также и характер души.

Двойственностью человеческого существа пользуются духи тьмы и творят многообразные формы социального и духовного закабаления людей. По-настоящему освободить себя от всякой кабалы способна только личность, приходящая к своему подлинному единству. Таких личностей в то время, когда Рудольф Штайнер действовал на земле, оказалось очень мало. Их оказалось «мало», так сказать, не в силу всемирно-исторической и даже космической обусловленности. В этом смысле их было даже много — душ, подготовленных их кармой в ходе не одного, а даже ряда воплощений к тому, чтобы способствовать развитию импульса Антропософии. Но слишком суровым оказался «железный век» материалистической цивилизации. По своей бездуховности, по своей подавляющей ариманической власти его нельзя сравнить ни с одной эпохой прошлого земли.

При этом в эпоху свободы развитая душой в прошлом *предрасположенность* к большой духовной работе не может стать *предопределением*. В новой эпохе душе, пришедшей на Землю, нужно решать совсем новые и трудные задачи своего дальнейшего развития, соединять

все противоположности, действием которых она индивидуализировалось в прошлом, и возводить в себе всеединство. На такое оказались способными не многие даже из тех, кто подошел к Антропософии. И их нужно понять, чтобы и их отрицательный опыт пошел на пользу тем, кто и теперь решает в себе, по сути, их же задачи.

Бросим еще раз беглый взгляд на духовное и историческое развитие человечества. Мы видим, что потомки Каина взяли на себя труд возделывать и преобразовать землю. Этой работой заняты, конечно, и авелиты, но они подходят к ней в большей мере со стороны небесного. Они односторонне сакрализируют земной труд человека. Нужно же гармонично соединять земное и небесное. Эта задача стала особенно актуальной с началом XX века.

Каиниты совершили большой труд, направленный на преобразование мира неорганического, и возвели этот труд в «королевское искусство». А теперь перед ними встала задача развить новое королевское искусство, — искусство работы с органическим, живым. По этой причине первое слово и в социальной, и в научной, и в культурной жизни в новое время оказалось за ними. Поэтому Антропософия и каиниты в первую очередь пошли навстречу друг к другу. И Теон-София склонилась к ним. Она явила им ключ к тайне потерянного слова. *Но они ее не поняли.* Они не поняли Гётеанума, не поняли судьбоносности Рождественского Собрания 1923/24 гг.* Не поняли, конечно, этого и авелиты.**

Поэтому после ухода Рудольфа Штайнера уже наметившийся синтез духовных течений превратился в свою противоположность: в борьбу двух начал.

Произошло нечто парадоксальное. Между каинитами и авелитами возникла борьба за принятие Антропософии, но не в духовном смысле — тут свободы хватает для всех, — а в смысле административном! В ходе XX столетия *внешне* победили в ней каиниты. И нужно понять этот парадокс во всей его трагической глубине: каиниты «приняли» Антропософию в свое административное управление ею! Новое вино влили в старые-престарые мехи. Они расплзаются по

*) Утверждая это, мы опираемся не на слухи, а на факты. Но при этом не в критике заключается дело, а в печальных фактах. Мы берем, например, признания, сделанные самой Итой Вегман в ее записных книжках. Они теперь опубликованы; см. Ita Wegmann, *Erinnerungen an Rudolf Steiner*. Verlag des Ita Wegmann Institut. 2009, кап. 2,3; S 95 u.a.

**) И те и другие пытаются это наверстать в начале XXI века, но то, как они это делают, оказывается коррумпированной оккультно-политической борьбой от начала до конца.

всем швам, и истинная Антропософия как духовная субстанция утекает неизвестно куда, туда, где о ней всерьез позаботиться некому. Оттого безнадежность в нынешнем мире только возрастает.

Каиниты вместо того, чтобы аристотелизму давать мистериальное выражение, соединяя его в себе с обновленным платонизмом, противостали течению платоников. Они начали управлять Антропософией *административно*. А в среде авелитов на каждом шагу наталкиваешься на католическое лобби.

Масонство в последние столетия выхолостило свое содержание. Его высокие градусы посвящения стоят пустыми, как ничем не заполненные оболочки. И нет никого, кто бы был способен их заполнить. В железный век материализма, эгоизма и отчуждения живем мы все, в век невиданного штурма неба силами тьмы. В таких условиях опираться нужно не на старое — оно закатывется, умирает, а только на новое. Благо оно есть. Но только: *«никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царства Божия!»* (Лк. 9, 62).

Однако где они теперь, — не озирающиеся?

Тревожно становится в мире.

* * *

Мария Яковлевна Штайнер умерла в один из дней Рождества, 27 декабря 1948 года, в три часа двадцать минут утра. Женщина, находившаяся в это время при ней позже записала: «Около двух часов мне стало ясно, что г-жа д-р Штайнер* покидает эту землю. Снаружи было на редкость чистое звездное небо; погода была такая мягкая, что хотелось выйти на улицу, и было такое чувство, что природа во вне сопереживает происходящее внутри помещения».

«Когда наступил момент смерти, возникло глубокое, незабываемое переживание от созерцания того, как изменялись смертные покровы г-жи доктор. В них выразилось что-то пра-могущественное, неопишущая возвышенность, величие и в то же время — непреклонная серьезность и строгость. Затем это сменилось царственным милосердием и девственной нежностью»**. Другая женщина, бывшая при том и понимавшая по-русски, слышала, что последними словами Марии Штайнер, сказанными по-русски, были:

«Придите все».

*) На Западе принято так именовать жену, в соответствии с научным статусом мужа.

***) Maria Steiner, Briefe und Dokumente. Privatdruck. Dornach, 1981, S. 367.

Русская софиология

Фактически, вместе с христианизацией на Русь пришла и софиология. Она пришла сначала не как учение, а как объект религиозного почитания, в центре которого стояла софийная икона — совершенно уникальное явление во всей христианской иконописи. Она родилась в Византии, где, видимо, была плодом греческой спиритуальности, в полуясновидческих созерцаниях которой начал открываться имагинативный мир христианского космоса, явившегося на смену космосу греческих богов.

Русь приняла не только софийную икону, но и традицию строить софийные соборы, начало которой было положено возведением константинопольского собора Св. Софии.

В особенности культ Софии закрепился в Великом Новгороде, который долгое время назывался также и «вольным». Оттуда пошел главный список иконы, от которого потом отпочковались вариации: киевская, ярославская и некоторые другие.

Павел Флоренский в своей книге «Столп и утверждение истины» приводит графическое изображение новгородской Софии. Оно позволяет лучше вникнуть в ее глубоко эзотерически-символический смысл, понимание которого в восточной церкви если и существовало, то было со временем полностью утрачено. Флоренский дает и описание этого графического изображения. Мы воспользуемся и тем и другим.

«Содержание этой заветной святыни Великого Новгорода, — пишет Флоренский, — таково: центральной фигурой композиции является ангелообразная фигура в царском далматике, с бармами и омофором. Длинные волосы ее не вьются, но падают на плечи. Лицо и руки ее — *огненного* цвета, за спиной два больших *огневидных* крыла, на голове — золотой венец в виде *зубчатой* стены. В правой руке ее — золотой кадудей, а в левой — закрытый список, прижимаемый к сердцу; около головы — золотой нимб, над ушами — тороки или «слухи». Это и есть София. Она представлена сидящей на двойной мутаке, которая лежит на пышном золотом престоле о *четырех* ножках и подпираемом *семью* огневидными столпами. Ноги Софии покоятся на большом камне. Весь престол находится в золотой *восьмиконечной* звезде, расположенной на фоне *голубых* или *зеленоватых* концентрических колец, испещренных золотыми же звездочками. ... По сторонам Софии, на отдельных подножиях, благоговейно предостоят: справа — Божья Матерь, слева — Иоанн Предтеча. ... Оба они — в нимбах, но уже не золотых (по крайней мере — иногда), а *зеленова-*

то-голубых» (с. 372). Над образом Софии в двойной сфере, на фоне восьми(семи-?)конечной звезды изображен Христос, благословляющий Софию и всё, что окружает ее.

Таким образом, всё в иконе организовано согласно пифагорейскому принципу числа. Это эзотерический язык иконы, на котором она говорит о законах эволюции мира и человека. Икона делает зримым то, как Бог открывает себя в законах и через законы творимого Им мира. Сущее Божественное открывает Себя, излучаясь мировыми закономерностями, закономерностями становления, — таким оказывается впечатление, рождающееся от созерцания иконы.

Со стороны земного плана выступают два восприемника того, что Божественное излучает в сторону мира. Это порождающая Матерь мира, Богородица, восприявшая Жизнь мира — Христа. Она держит в руках земную сферу, в которой на фоне семиконечной звезды (она выражает принцип развития, идущего путем метаморфоз) открывается Сын Божий, ставший человеком. Другой предстоятель — Иоанн Креститель. Он держит в руке развернутый свиток. Это, конечно, тот же свиток, который София прижимает к сердцу. В нем содержатся тайны Божественной мудрости, которые она через Иоанна раскрывает людям. Другой Иоанн, написавший «Апокалипсис», получил этот свиток в виде книги от Ангела, велевшего ему ее съесть.

Через внутреннее познание мудрости человек приходит в отношение с Софией. Эта мудрость должна стать в нем жизнью его духа, сердечной мудростью. Таким путем новый человек идет ко Христу, и Христос благословляет этот путь. *В троичности София—Богородица—Иоанн нам открывается наш водитель на этом пути: Человеко-София; она становится Жизне-Мудростью в мире людей.* Благодаря страданиям Бога, атрибуты которого изображены в верхней части иконы, она явлена людям открыто. Держа свиток у сердца, София как бы говорит человеку: но не забывай, что мудрость, которую я дарю тебе, выстрадана Богом, не относись к ней поверхностно, т.е. абстрактно, если говорить на современном языке.

Главная тайна этой мудрости состоит в том, что София — это откровение Св. Духа, Которого Христос поставил впереди Себя как персонифицированную совокупную мудрость, интеллигенцию всех девяти Иерархий. Христос сделал Софию Своей предтечей, о чем Он Сам говорит ученикам в Евангелии от Иоанна. Иоанн же Предтеча после свершения Мистерии Голгофы становится предтечей Софии.

Всё это дано на иконе Софии человеческому созерцанию и переживанию. Она своими формами, цветом, композицией, магией числа воздействует прямо на эфирное тело человека, поклоняющегося

ей, внося в него высокую мудрость, минуя его сознательное понимание, ибо 4—5 и более столетий тому назад мыслящего сознания у массы христиан восточной церкви еще толком не было. Их сознание еще сохраняло остатки группового, родового древнего ясновидения. И созерцание образа на иконах действовало как раз таким образом, что разбивало эти остатки группового в сознании и выкристаллизовывало личность, чтобы она в конце концов нашла к этому образу индивидуальное сознательное отношение, начала *понимать* его вселенский смысл.

Мы не беремся утверждать, что в первые века Христианства на Руси совсем не было отдельных людей, которые понимали эзотерический смысл иконы. Ими могли быть посвященные Христианства, жившие в монастырях. Но в жизнь церкви это не вошло. В ходе веков церковь утратила живое духовное знание, остались лишь традиция и догма. И в наше время, когда так возросла необходимость обновления духовной жизни, особенно трагично наблюдать стремление церкви вернуть общину в групповое сознание путем призывов «не мудрствовать», путем всяческого удержания прихожан от каких-либо поисков духовного знания, без которого человечество может только отпадать от Христа.

То, чего не смогла породить в себе церковь, начало оживать в русской светской культуре. На переходе от XIX к XX-му столетию, т.е. с наступлением эпохи Михаэля, русские образованные люди заговорили о *понимании* Софии. Возникло довольно впечатляющее течение русской софиологии, *течение, ведущее к эзотерическому Христианству*. И можно с уверенностью утверждать, что *это течение является первым проявлением русской реформации, самой подлинной реформации, которая вводит в Христианство Св. Духа*. Когда она начнет осуществляться в полную силу, то не станет бороться с церковью, вносить в нее раскол. Ибо Христианство Св. Духа — это Христианство образа жизни, в которой христианским оказывается всё — и хозяйственная жизнь, и наука, и социальные отношения, и правовые отношения, и искусства, даже политическая жизнь и система защиты государства. Отдельный человек, живя в этой духовно богатой среде, участвуя одновременно и в духовной, и в правовой, и в хозяйственной сферах жизни, сможет возвышать их в себе до религиозного звучания, но не сентиментально, не в духе религиозных сект или патриотизма, а за счет духовного углубления, развития своей личности. Во всех элементах земной жизни он станет тогда переживать присутствие духа.

Это будет высокая цивилизация, сильно отличающаяся от всего, к чему привыкли мы. Человек станет подлинно свободным. Одна-

ко пока что такое будущее у многих вызывает лишь страх. И потому не стоит удивляться, что церковной иерархией в России зарождение течения софиологии было встречено с настороженностью, которая вскоре переросла во вражду. Эта вражда не утихла и в эмиграции, когда в России церковь и духовенство были подвергнуты страшному погрому.

Такое трагическое развитие событий должно бы было тех, кто взял на себя право управлять русской религиозностью, навести на углубленные размышления, научить понимать иносказательный смысл событий, их поучительную речь, однако в том и состоит особенность русского характера, что в России ни ее политики, ни генералы, ни духовенство учиться на страданиях не умеют. И как бы их ни учила судьба, они, едва отряхнув прах пережитых страданий, снова хватаются за старое и изо всех сил стараются его повторить. Народ же при этом безмолвствует.

Враждебные действия в отношении русской софиологии в эмиграции выплеснулись наружу в 30-е годы. Они начались с осуждения протоиерея и философа Сергея Булгакова. Прецедентом стала его книга «Свет Невечерний»*. В выраженных в ней идеях о Софии Булгаков старался не выходить из рамок официально принятого богословия, опирался на отцов церкви — Афанасия Великого, и т.д. Однако его взгляды были объявлены «софианской ересью» и даже «самым тяжким грехом» против правил веры**.

Булгакову было заявлено: «Ему, о. Булгакову, надо публично отречься от своего собственного учения о Софии, этого гностического посредствующего существа между Богом и миром, как такого, которого никогда не было в действительности. Вместо этого ему надо принять учение Православной Церкви о второй Божественной Ипостаси, Сыне Божиим, как истинной Софии, Премудрости Божией...»

О невежественности, даже с богословской точки зрения, такого заявления не стоит и говорить, тем более что его несостоятельность показал еще до прихода господства большевиков Павел Флоренский. В своей, цитированной нами выше книге он писал: «По учению Булгакова, во Св.Троице, кроме трех Ипостасей, нужно различать Софию — Премудрость Божию. София есть от века присущая Богу мысль Божия о тварном мире, идеальный образ мира. А так как

*) См. Архиепископ Серафим (Соболев). Защита софианской ереси протоиереем С. Булгаковым перед лицом Архиерейского Собора Русской зарубежной церкви. София, 1937.

**) Интересно, что и католическая церковь встала на сторону осуждения Булгакова.

мысль Божия не может оставаться только мыслью без осуществления, только призраком бытия, то и София есть духовная реальность, существо, и притом живое». Она есть «вечная женственность» в Боге, небесная Афродита, как ее именовали Платон и Плотин. Она — радость Бога о Себе.

Изучая сочинения русских софиологов, невозможно не восхищаться тем, как они блистают сокровищами мыслей, чрезвычайно созвучных с Христологией Рудольфа Штайнера и Антропософией в целом. И отрадно наблюдать, что хотя пока что в малых, робких побеггах (чрезмерно долгой и холодной была «зима» бездуховности), но именно та, теперь уже классическая, русская софиология получает свое продолжение и в новое время, когда гнет атеизма наконец снят. Так, например, в реферате своей диссертации (с нею можно ознакомиться в центральной московской библиотеке) Е.А. Королькова пишет о том, что сущность Софии раскрывается в идее многослойности, иерархии и внутренней взаимосвязи миров, что в учении о ней разворачивается принцип всеединства, а в принципе самой Софии происходит иерархическое развертывание Бога и т.д. Это, несомненно, очень плодотворные, интересные мысли. Однако им противостоят и тени, призраки того Архиерейского Собора, который в лице Булгакова осудил всё софиологическое направление русской мысли*. Так, в одном сочинении на эту тему, опубликованном в 2000-м году можно прочесть: «Как уже давно я говорил, есть два учения о Софии и даже — две Софии, точнее сказать, — два образа Софии: истинный и реальный и — мнимый. ...Вторым вдохновлялись Соловьев и его масонские и западные учителя — вплоть до гностиков и Филона. *Церковной Софии* Соловьев вовсе не знал: он знал Софию по Бёму и бёмистам, по Валентину и Каббале. И это софиология еретическая...»**

Такого рода богословская конспирология свидетельствует только о том, что есть в России силы, готовые с комсомольским задором изо всех сил наступить еще раз на те же самые грабли, от удара которых по лбу (не «по Бёму») мы не можем прийти в себя до сих пор.

Знал ли Владимир Соловьев «церковную Софию»? Ну, конечно, не знал, ибо такого знания не существует. Церковь не знает Софии! Но зато он имел *личную встречу* с Софией, о чем рассказал в своей поэме «Три свидания». В последний раз София открылась ему в египетской пустыне. И это было так:

*) Позже, правда, на епархиальном Совете в Париже С. Булгаков был все-таки оправдан.

**) Д.А.Крылов. Евхаристическая чаша. Кн. 1. Чита, 2000, с. 240.

«И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела Ты как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.
Что есть, что было, что грядет веки —
Всё обнял тут один подвижный взор...

.....
Всё видел я, и всё одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь Ты».

Владимир Соловьев был одним из светлейших умов русской культуры. Рудольф Штайнер говорил о нем: «В этом осуществляется наивысшее достоинство Соловьева, что он говорит: высокая истина, которая признает Христа, — это истина, которая творит как свободное деяние, которая не позволяет принуждать себя» (ИПН. 153, 12.4.1914).

Своим даром провидца Соловьев правильно почувствовал, что Теон-София приблизилась к земному плану, и даже смог сверхчужденно пережить ее явление. Начиная с Владимира Соловьева близость Софии, словно сильное поле энергии, привела в состояние некоего рода «броуновского движения» весь цвет русской литературы, поэзии, философии. Это приобрело характер неопределенного ожидания, душевного беспокойства, восторженности, а также и напряженного поиска мысли.

Группа молодежи прямо заговорила о явлении Софии даже в чувственном облике. Это были племянники Владимира Соловьева, а также Борис Бугаев, успевший в своей жизни лично познакомиться с философом. Потом к ним примкнул Александр Блок.

Это был «Серебряный век» русской культуры. Тогда взрывообразно началась бурная ее спиритуализация.

«Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною Царица моя, —
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась...»

— Это Вл. Соловьев о Софии. А один из представителей следующего за ним «племени младого, незнакомого», скажет обо всех:

«Мы взлетаем в мирах неразвезанный прах,
Угрожаем обвалами дремлющих лет;
В просиявших пирах, в набежавших мирах
Мы — летящая стая хвостатых комет»
(Андрей Белый)

Мистический восторг ожидания встречи с чем-то невиданно высоким, святым соединяет молодых и уже гениальных поэтов, мыслителей в братство рыцарского служения красоте и Премудрости неизреченной.

Александр Блок, вдохновленный видениями Соловьева и общим ожиданием сверстников и единомышленников, пишет:

«Вхожу я в темные храмы,
Совершаю свой бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В сиянии светлых лампад».

Но бурный взрыв духовности в культуре повлек за собой ее люциферизацию. Для многих лик Софии оказался подмененным ликом Люцифера. Началось «безумие поэтов». Оно сильно напоминало нечто аналогичное, случившееся с поэтами древней Греции, но Элладу, говорит Рудольф Штайнер, спасли философы. Русские философы сделать этого не смогли. Владимир Соловьев слишком рано умер — в 1900 году в возрасте всего 47 лет. А ведь это был выдающийся платоник, родившийся на русской почве. Направление его мышления могло бы правильно сориентировать русскую духовность. Он стремился христианский платонизм сочетать с философским идеализмом дойчей. В этом он был несомненным предтечей Антропософии в России.

И вообще, люциферизированный взлет русской духовности привести в равновесие могла бы только Антропософия. Но — вот парадокс! — русские софиологи отвергли ее и даже ополчились на нее. В первых рядах ее противников оказался С. Булгаков, за ним — Н. Бердяев, потом кн. Е. Трубецкой и др. Павел Флоренский Антропософию принял. И принял хорошо. Но промолчал.

Против Антропософии, конечно, восстал Синод Православный Церкви.

Если говорить о звездах первой величины «Серебряного века», то к Антропософии в России пробилась только двое: Андрей Белый и Николай Лосский; причем совершенно открыто стал трубадуром Антропософии в России, — лишь Андрей Белый, хотя и он то и дело спотыкался, но, падая, поднимался, падал и поднимался.

Он пытался подвести к Антропософии своего гениального друга — Александра Блока, но безуспешно. Случилось то, чего Блок в своем ожидании Софии постоянно боялся: «изменишь облик ты»! Так и случилось. Облик ее явления оказался иным, чем тот, какого ждал Блок.

Какой-то темный рок помрачил Россию. словно бы все издержки, упущения, сделанные в истории и культуре, собрались вместе и предъявили свой счет. И это в тот момент, когда начиналось что-то светозарное, захватывающе возвышенное!

Проходит какое-то время — и ренессанс русского «Серебряного века» сменяется декадансом. И вот уже иное начинает звучать у Блока:

«По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

.....

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне».

Это «Незнакомка», прежняя «Прекрасная Дама», «вечная Женственность», «Божья Премудрость». — Священный сосуд разбит, и: «ветер, ветер на всём белом свете», ветер и снежная метель в ледяной пустыне духовного одичания.

Однако нет страдания без искупления. И сколь бы ни были велики и мучительны потери, сколь бы ни был велик ужас пережитого, Россия не смеет сдаваться. В ее будущем несравненно больше духа, чем в прошлом. Но нужно бодрствовать в очень сложных социальных условиях настоящего и неотдаленного будущего, когда метафизика истории низойдет на физический план. Владимир Соловьев уже в первый год XX-го века провидчески предвидел то, к чему мы близки теперь, и предупреждал об этом. В предисловии к «Трем разговорам» он тогда писал: «Важно для меня было реально определить предстоящее страшное столкновение двух миров — и тем самым наглядно пояснить настоятельную необходимость мира и искренней дружбы между европейскими нациями.

Если прекращение войны *вообще* я считаю невозможным раньше окончательной катастрофы, то в теснейшем сближении и мир-

ном сотрудничестве всех *христианских* народов и государств я вижу не только возможный, но необходимый и нравственно обязательный путь спасения для христианского мира от поглощения его низшими стихиями.

Чтобы не удлинять и не усложнять своего рассказа, я выпустил из текста разговоров другое предвидение, о котором скажу здесь два слова. Мне кажется, что успех панмонголизма будет заранее облегчен тою упорной и изнурительной борьбой, которую некоторым европейским государствам придется выдержать против пробудившегося ислама в Западной Азии, Северной и Средней Африке. ... Я далек от безусловной вражды к буддизму и тем более к исламу, но отводить глаза от существующего и грядущего положения дел — слишком много охотников и без меня.

Историческим силам, царящим над массой человечества, еще предстоит столкнуться и перемешаться, прежде чем на этом раздирающем себя звере вырастет новая голова — всемирно-объединяющая власть антихриста, который «будет говорить громкие и высокие слова» и набросит блестящий покров добра и правды на тайну крайнего беззакония в пору ее конечного правления, чтобы — по слову Писания — даже и избранных, если возможно, соблазнить к великому отступлению. Показать заранее эту обманчивую личину, под которой скрывается злая бездна, было моим высшим замыслом, когда я писал эту книжку».

Да, это звучит необыкновенно современно. Но у России есть, как говорил Рудольф Штайнер, спасительное средство. Этим средством является Антропософия. Она должна быть принята в России. Она должна стать здесь повсеместно известной. О ней должны столько же думать, писать и говорить, сколько, если угодно, писали и говорили в недавнем прошлом о марксизме. В таком случае в среде думающей всерьез о судьбе страны и народа части наших сограждан образуется потенциал — духовный, общественный и т.п., — необходимый для того, чтобы всю социальную структуру большого содружества наших народов преобразовать в духе социальной трехчленности. А если это произойдет, то мы покинем стезю несчастий, бед и страданий.

* * *

Мы хотели бы завершить наш труд единственным известным нам текстом Марии Штайнер, написанным ею по-русски. Это введение к «Духоведению» (Теософии) Рудольфа Штайнера, изданному ею на

русском языке*. В том, что она пишет, есть горькая правда о нашем прошлом и свет большой надежды на будущее.

К Духу на пути страданий и сознаний

«Россия отрезана от остального мира, — духовная жизнь ее задавлена, притоптана. Трагедия русского человека до того исключительна, невыразима и безмерна, что понять можно ее, только глядя на задачи будущности человечества, на необходимость народного очищения в горькой школе страданий; глядя на демонические силы тех могучих держав неземных, которые ставят себе целью разбить духовное развитие человечества, чтобы захватить его плоды для достижения собственных целей. Что державам этим было возможно дать такой разгар своим темным силам в богоумильной, богожаждущей земле русской — тому не мало способствовало высокомерие ее интеллигенции, часто скрытое под внешнею скромностью, но горделивое, пропитанное чувством собственного и народного превосходства — при недостаточной широте мирового воззрения. Тяготела над ней также любовь к самосозерцанию, закрывающая двери к самопознанию.

Культура запада прельщала, но не там, где под невзрачной, серой корою развивалось здоровое жизненное зерно; не там, где трезвая сосредоточенная сила терпеливо и степенно преодолевала материю; прельщала пестрая игра поверхности, фосфорический блеск декадентства западных столиц, особенно Парижа. Как мошка, кидающаяся в свет лампы, русский интеллигент был неукротимо привлекаем тлеющим светом разлагающейся культуры запада.

Однако здоровый жизненный инстинкт чутко чувствующих понял, что юным стремящимся силам русского народа надо было дать более здоровую пищу; понял, что надо было открыть двери скрытым силам народного духа, дабы он мог разбудить спящую душу народа.

«Спит, словно мертвая, Русь недвижимая...»

Та искра, которая разгорелась в славянофильстве и в панславизме, не могла дать России возможность найти свой народный Дух. Как всякое национальное течение, оно было слишком узко, потеряло

*) России экземпляры этой книги достигли через 50 лет, когда в начале 70-х годов, фактически, впервые после закрытия Антропософского общества в России в 20-х годах, удалось собрать (с большим риском) антропософскую группу. В ту группу друзья из Швейцарии и привезли эти книги.

возможность широкого взгляда на человеческие задачи. Панславизм был понятен как противодействие хлынувшим на Россию силам перзрелой западной культуры, которая взбунтовала элементарную молодость русского народа и вызвала в нем болезненные взрывы. Но он не умел разобраться в средствах к выздоровлению, не знал дороги к свету и к духу.

Дорогу эту указал высочайший гений нашей эпохи, родившийся в том краю, где сливаются германские и славянские силы крови и духа. То, что русскому человеку кажется слишком топорным и четырехугольным в германце, тут является смягченным и утонченным в австрийском элементе; то, что немцу кажется слишком неуровненным и утекающим в русском, тут является укрепленным и установленным в вольно-энергичном элементе австрийского славянина. Австрии этой больше нет; целью и задачей панславизма было ее уничтожить. Это удалось. Но то, что умирает в физической сфере, возникает с новыми силами и восстает в духе. В лице своего величайшего сына Австрия дала человечеству вожда к духу и освободителя от горьких его нужд, от смертельных его культурных заболеваний.

Русской народной Душе не удастся установиться и созреть, стать на высоту своих мировых задач, если она откажется от этого учителя. В слове его ей дается не только мудрость, но тот элемент жизненности, в котором она может найти себя, родить и охватить духовного сверхчеловека, ту сущность своего «Я», за которой она гонится, как в лихорадке, которую, в хаосе своей неорганической, перебивающейся, захлебывающейся культуры она потеряла, и, плача, во многих своих интеллигентных представителях, в многочисленных единичных случаях, объявляла умершей, не существующей.

Длинной вереницей приходили за помощью к Рудольфу Штайнеру представители этого хаотического душевного состояния. Мне выпало на долю служить им переводчицей. Удивлялась я и страдала от этой немочи, от этой болезненной растерянности, слишком часто соединенной с тем высокомерием, о котором я говорила в начале, соединенной даже с детски-негодующим презрением к тем, которых они, вследствие буржуазной порядочности, считали недостойными.

Удручала меня эта слабость. Понять могла я ее только, вспоминая давящее оловянное небо Петербурга, не столько в его атмосферной серой бесцветности, сколько в его духо-убивающей моральной неподвижности и пустоте; вспоминая также то отчаянное чувство безвыходности из власти тьмы, которое охватывало даже верующее в свет сердце, поставившее себе задачей жить в народе, вдали от железнодорожных путей.

О, там нельзя было найти ответ на вопрос жизни о ее смысле и ее цели. Из этих низменностей свету было невозможно пробиться. Надо было вырваться, искать правду на боевом поле материалистического интеллекта с традициями умерших спиритуальных веков и пробивающимися силами непонятных, неземных, не исчерпанных наукою стран. В борьбе со здешними силами неподвижности или бешенства надо было умирать. — Из темных недр этого народного отупения под игом бедности и невежества, из разодранных нервов этих расшатанных интеллигентов, бьющихся под кнутом демонических искушений или раздавленных деспотизмом того или другого направления, слышался один крик, крик души, томящейся в овраге, вдали от своего светлого источника, теряющейся в ночи, жаждущей, зывающей к освободителю, к духу.

На зов души, окованной цепями материализма, гонимой демонизмом, уже откликнулся дух, — уже протягивается его незримая рука, готовая ухватить нас на краю пропасти; уже белеют и сияют волны его света, уже слышатся дивные гармонии его мирового слова. Но не к поднятому эмоциями настроению обращается впервые слово его. В учении Рудольфа Штайнера оно обращается к нашему трезвому мышлению, к нашему озаренному светом пониманию, к нашей очищенной от желаний и от страстей воле. Вот та верная и здорово укрепленная дорога, по которой нас ведет водитель к сущности духа, Рудольф Штайнер.

Идя по этой дороге, душа вновь может соединиться со своим Свето-источником, с Богом-Творителем, обогащенная плодами испытаний и человеческим опытом, превращенным в человеко-веденье. Тогда просветлеет для неё Слово, лик и выражение Сына: она приобретет Его, проникнет, проведает Его, превратит в творческую силу, в жизненную мощь. В общении и соединении с Ним, в этом живом исповедании ее озарит и проникнет Святой Дух: Его воля будет ее волей, Его свет ее светом. Она будет выражением свободы, мудрости и сияния. Мир обогатится осуществлением нового самостоятельного освобожденного Я, откроет в нем божественное око.

«Загорелась искра незримая...»

Но искра эта должна быть зажжена в самосознающейся активной душе. Вера одна теперь не поможет: необходимо действующее участие каждого в приобретении духо-сознания. К вере, к любви, к надежде, сочетавшихся в лике Марии, необходимо присоединить «Веду», т.е. веденье, знание, Софию.

Веденье о Божестве, веденье о Человеке как о десятой иерархии,

с того мгновения, когда воля его освободится от желаний и страстей и сольется с волею мировой.

Душа, которая не примет эту весть Духа, останется нетворческой, неплодотворной, она отпадет от живого дерева, будь она душа единичная или народная.

Будущность России лежит в ее готовности принять тот дух, который загорелся на развалинах погибающей материалистической цивилизации (подч. нами. — Авт.).

М.Я. Штайнер-Сиверс. Дорнах. Октябрь 1926».

Такое завещание оставила Теон-София народу русскому.

Конец 3-го тома.

- 1*** Einleitungen zu Goethes Naturwissenschaftlichen Schriften
4 Die Philosophie der Freiheit
6 Goethes Weltanschauung
9 Theosophie. Einführung in übersinnliche Welterkenntnis und Menschenbestimmung
13 Die Geheimwissenschaft im Umriss
15 Die geistige Führung des Menschen und der Menschheit
18 Die Rätsel der Philosophie
26 Anthroposophische Leitsätze
30 Methodische Grundlagen der Anthroposophie
35 Philosophie und Anthroposophie
36 Der Goetheanumgedanke inmitten der Kulturkrise der Gegenwart
54 Die Welträtsel und die Anthroposophie
Zweiundzwanzig Vorträge, Berlin 5. Oktober 1905 bis 3. Mai 1906
55 Die Erkenntnis des Übersinnlichen in unserer Zeit und deren Bedeutung für das heutige Leben
Dreizehn Vorträge, Berlin 11. Oktober 1906 bis 26. April 1907 und Köln, 1. Dez. 1906
57 Wo und wie findet man den Geist?
Achtzehn Vorträge, Berlin 15. Oktober 1908 bis 6. Mai 1909
61 Menschengeschichte im Lichte der Geistesforschung
Sechzehn Vorträge, Berlin 19. Oktober 1911 bis 28. März 1912
65 Aus dem mitteleuropäischen Geistesleben
Fünfzehn Vorträge, Berlin 2. Dezember 1915 bis 15. April 1916
69a Wahrheiten und Irrtümer der Geistesforschung
Zehn öffentliche Vorträge, gehalten in Zürich, Prag, München, Stuttgart, Tübingen, Karlsruhe und Frankfurt a. M., 22. Februar 1911 bis 17. Mai 1913
73a Fachwissenschaft und Anthroposophie
Acht Vorträge, zwölf Fragenbeantwortungen und Schlusfwort in Dornach und Stuttgart 1920 und ein Diskussionsbeitrag in Stuttgart 1921
74 Die Philosophie des Thomas von Aquino
Drei Vorträge, Dornach 22., 23. und 24. Mai 1920
93a Grundelemente der Esoterik
Notizen von einem esoterischen Lehrgang in Form von einunddreißig Vorträgen, Berlin 26. September bis 5. November 1905

* Порядковый номер согласно каталогу Издания полного наследия (ИПН).

- 94 **Kosmogonie.** Populärer Okkultismus.
Zusammenfassungen und Notizen von Vorträgen u. Vortragsreihen aus dem Jahre 1906
- 95 **Vor dem Tore der Theosophie**
Vierzehn Vorträge und zwei Fragenbeantwortungen, (Hörernotizen), Stuttgart 22. August bis 4. September 1906 (Zyklus 1)
- 96 **Ursprungsimpulse der Geisteswissenschaft**
Zwanzig Vorträge in Berlin zwischen dem 29. Januar 1906 und 12. Juni 1907
- 97 **Das christliche Mysterium**
Notizen von einunddreißig Einzelvorträgen mit sechs Fragenbeantwortungen zwischen dem 9. Februar 1906 und dem 17. März 1907 in verschiedenen Städten
- 100 **Menschheitsentwicklung und Christus-Erkenntnis**
Zweiundzwanzig Vorträge, Kassel 16. bis 29. Juni und Basel 16. bis 25. Nov. 1907
- 101 **Mythen und Sagen. Okkulte Zeichen und Symbole**
Sechzehn Vorträge in Berlin, Stuttgart und Köln zwischen dem 13. Sept. und 29. Dez. 1907
- 102 **Das Hereinwirken geistiger Wesenheiten in den Menschen**
Dreizehn Vorträge in Berlin zwischen dem 6. Januar und 11. Juni 1908
- 103 **Das Johannes-Evangelium**
Zwölf Vorträge, Hamburg 18. bis 31. Mai 1908 (Zyklus 3)
- 104 **Die Apokalypse des Johannes**
Dreizehn Vorträge, darunter ein einleitender öffentlicher Vortrag, Nürnberg 17. bis 30. Juni 1908 (Zyklus 6)
- 105 **Welt, Erde und Mensch**
Elf Vorträge, Stuttgart 4. bis 16. August 1908 (Zyklus 4)
- 110 **Geistige Hierarchien und ihre Widerspiegelung in der physischen Welt.** Tierkreis, Planeten, Kosmos
Zehn Vorträge und zwei Fragenbeantw., Düsseldorf 12. bis 22. April 1909 (Zyklus 7)
- 112 **Das Johannes-Evangelium im Verhältnis zu den drei anderen Evangelien,** besonders zu dem Lukas-Evangelium
Vierzehn Vorträge, Kassel 24. Juni bis 7. Juli 1909 (Zyklus 8)
- 113 **Der Orient im Lichte des Okzidents**
Neun Vorträge und eine Betrachtung zur Goethe-Feier, München 23. bis 31. Aug. 1909 (Zyklus 9)
- 115 **Anthroposophie – Psychosophie – Pneumatosophie**
Zwölf Vorträge, Berlin 23. bis 27. Okt. 1909, 1. bis 4. Nov. 1910, 12. bis 16. Dez. 1911
- 117 **Die tieferen Geheimnisse des Menschheitswerdens im Lichte der Evangelien**
Zwölf Einzelvorträge zwischen dem 11. Okt. und 26. Dez. 1909 in verschiedenen Städten
- 119 **Makrokosmos und Mikrokosmos**
Elf Vorträge, Wien 21. bis 31. März 1910, mit einem vorangehenden öffentlichen Vortrag, Wien 19. März 1910, mit Notizbucheintragungen zu 2 Vorträgen (Faksimile)
- 120 **Die Offenbarungen des Karma**
Elf Vorträge, Hamburg 16. bis 28. Mai 1910 (Zyklus 12)
- 121 **Die Mission einzelner Volksseelen** im Zusammenhang mit der germanisch-nordischen Mythologie
Elf Vorträge, Kristiania (Oslo) 7. bis 17. Juni 1910 (Zyklus 13). Mit einer Vorrede von Rudolf Steiner
- 122 **Die Geheimnisse der biblischen Schöpfungsgeschichte**
Elf Vorträge, München 16. bis 26. August 1910 (Zyklus 14)
- 123 **Das Matthäus-Evangelium**
Zwölf Vorträge, Bern 1. bis 12. September 1910 (Zyklus 15)

- 124 Exkurse in das Gebiet des Markus-Evangeliums**
Dreizehn Vorträge und eine Fragenbeantwortung. Berlin 17. Oktober 1910 bis 10. Juni 1911 (Zyklus 30), München 12. Dezember 1910, Hannover 18. Dezember 1910, Koblenz 2. Februar 1911
- 125 Wege und Ziele des geistigen Menschen**
Vierzehn Einzelvorträge zwischen dem 23. Januar und 27. Dezember 1910 in verschiedenen Städten
- 126 Okkulte Geschichte**
Sechs Vorträge, Stuttgart 27. bis 31. Dezember 1910, 1. Januar 1911 (Zyklus 16)
- 129 Weltenwunder, Seelenprüfungen und Geistesoffenbarungen**
Zehn Vorträge, München 18. bis 27. August 1911 (Zyklus 18) mit einem Vortrag: Unsere Zeit und Goethe, 28.8.1911
- 130 Das esoterische Christentum und die geistige Führung der Menschheit**
Dreißig Einzelvorträge aus den Jahren 1911 und 1912, gehalten in verschiedenen Städten
- 131 Von Jesus zu Christus**
Elf Vorträge, darunter ein einleitender öffentlicher Vortrag, Karlsruhe 4. bis 14. Oktober 1911 (Zyklus 19)
- 132 Die Evolution vom Gesichtspunkte des Wahrhaftigen**
Fünf Vorträge, Berlin 31. Oktober bis 5. Dezember 1911 (Zyklus 35)
- 134 Die Welt der Sinne und die Welt des Geistes**
Sechs Vorträge, Hannover 27. Dezember 1911 bis 1. Januar 1912 (Zyklus 20)
- 136 Die geistigen Wesenheiten in den Himmelskörpern und Naturreichen**
Zehn Vorträge, Helsingfors 3. bis 14. April 1912 (Zyklus 21)
- 137 Der Mensch im Lichte von Okkultismus, Theosophie und Philosophie**
Zehn Vorträge, Kristiania (Oslo) 2. bis 12. Juni 1912 (Zyklus 22), mit dazugehörigen Notizbucheintragungen
- 138 Von der Initiation. Von Ewigkeit und Augenblick
Von Geisteslicht und Lebensdunkel**
Acht Vorträge, München 25. bis 31. August 1912 (Zyklus 23)
- 139 Das Markus-Evangelium**
Zehn Vorträge, Basel 15. bis 24. September 1912 (Zyklus 24)
- 145 Welche Bedeutung hat die okkulte Entwicklung des Menschen für seine Hüllen
– physischen Leib, Ätherleib, Astralleib – und sein Selbst?**
Zehn Vorträge, Den Haag 20. bis 29. März 1913 (Zyklus 27)
- 147 Die Geheimnisse der Schwelle**
Acht Vorträge, München 24. bis 31. August 1913
- 148 Aus der Akasha-Forschung. Das Fünfte Evangelium**
Achtzehn Vorträge aus den Jahren 1913 und 1914 in verschiedenen Städten. Mit Notizbucheintragungen und einem Handschriftfaksimile
- 149 Christus und die geistige Welt.
Von der Suche nach dem heiligen Gral**
Sechs Vorträge, Leipzig 28. Dezember 1913 bis 2. Januar 1914 (Zyklus 31)
- 151 Der menschliche und der kosmische Gedanke**
Vier Vorträge, Berlin 20. bis 23. Januar 1914 (Zyklus 33)
- 152 Vorstufen zum Mysterium von Golgatha**
Zehn Einzelvorträge, gehalten 1913 und 1914 in verschiedenen Städten
- 153 Inneres Wesen des Menschen und Leben zwischen Tod und neuer Geburt**
Sechs Vorträge, Wien 9. bis 14. April 1914 (Zyklus 32), mit zwei vorangehenden

öffentlichen Vorträgen, Wien 6. und 8. April 1914, und einer Ansprache

156 Okkultes Lesen und okkultes Hören

Elf Vorträge, Dornach 3. bis 7. Okt., 12. bis 26. Dez. 1914, Basel 27. Dez. 1914

157 Menschenschicksale und Völkerschicksale

Vierzehn Vorträge, Berlin 1. Sept. 1914 bis 6. Juli 1915 (Zyklus 39 «Zeitbetrachtungen»)

158 Der Zusammenhang des Menschen mit der elementarischen Welt

Sieben Vorträge, darunter ein öffentlicher, sechs Ansprachen und eine Fragenbeantwortung, gehalten 1912, 1913 und 1914 in verschiedenen Städten

161 Wege der geistigen Erkenntnis und der Erneuerung künstlerischer Weltanschauung

Dreizehn Vorträge in Dornach zwischen dem 9. Januar und 2. Mai 1915

170 Das Rätsel des Menschen

Die geistigen Hintergründe der menschlichen Geschichte

Fünfzehn Vorträge, Dornach 29. Juli bis 3. September 1916

172 Das Karma des Berufes des Menschen in Anknüpfung an Goethes Leben

Zehn Vorträge, Dornach 4. bis 27. November 1916

173 Zeitgeschichtliche Betrachtungen

Das Karma der Unwahrhaftigkeit – Erster Teil

Dreizehn Vorträge, Dornach 4. bis 31. Dezember 1916 und Basel 21. Dezember 1916

174 Zeitgeschichtliche Betrachtungen

Das Karma der Unwahrhaftigkeit – Zweiter Teil

Zwölf Vorträge, Dornach 1. bis 30. Januar 1917

175 Bausteine zu einer Erkenntnis des Mysteriums von Golgatha Kosmische und menschliche Metamorphose

Siebzehn Vorträge, Berlin 6. Februar bis 8. Mai 1917 (Zyklus 44 und 45)

177 Die spirituellen Hintergründe der äufseren Welt

Der Sturz der Geister der Finsternis

Vierzehn Vorträge, Dornach 29. September bis 28. Oktober 1917

178 Individuelle Geistwesen und ihr Wirken in der Seele des Menschen

Neun Vorträge, St. Gallen, Zürich und Dornach zwischen dem 6. und 25. November 1917

180 Mysterienwahrheiten und Weihnachtsimpulse

Alte Mythen und ihre Bedeutung

Sechzehn Vorträge, Basel 23. Dezember 1917, Dornach 24. Dezember 1917 bis 17. Januar 1918

182 Der Tod als Lebenswandlung

Sieben Einzelvorträge zwischen dem 29. November 1917 und 16. Oktober 1918 in verschiedenen Städten

84 Die Polarität von Dauer und Entwicklung im Menschenleben

Fünfzehn Vorträge, Dornach 6. September bis 13. Oktober 1918

185 Geschichtliche Symptomatologie

Neun Vorträge, Dornach 18. Oktober bis 3. November 1918

185a Entwicklungsgeschichtliche Unterlagen zur Bildung eines sozialen Urteils

Acht Vorträge, Dornach 9. bis 24. November 1918 (Zyklus D)

186 Die soziale Grundforderung unserer Zeit – In geänderter Zeitlage

Zwölf Vorträge, Dornach 29. November bis 21. Dezember 1918 (Zyklen 51 und 52) und Bern 12. Dezember 1918

- 187 Wie kann die Menschheit den Christus wiederfinden?**
Das dreifache Schattendasein unserer Zeit und das neue Christus-Licht
 Acht Vorträge, Basel 22. Dezember 1918, Dornach 24. bis 31. Dezember 1918 und 1. Januar 1919
- 189 Die soziale Frage als Bewusstseinsfrage**
 Acht Vorträge, Dornach 15. Februar bis 16. März 1919
- 200 Die neue Geistigkeit und das Christus-Erlebnis des zwanzigsten Jahrhunderts**
 Sieben Vorträge, Dornach 17. bis 31. Oktober 1920
- 201 Entsprechungen zwischen Mikrokosmos und Makrokosmos**
 Sechzehn Vorträge, Dornach 9. April bis 16. Mai 1920
- 203 Die Verantwortung des Menschen für die Weltentwicklung** durch seinen geistigen Zusammenhang mit dem Erdplaneten und der Sternenwelt
 Achtzehn Vorträge in Stuttgart, Dornach und Den Haag zwischen dem 1. Januar und 1. April 1921
- 208 Anthroposophie als Kosmosophie – Zweiter Teil**
 Elf Vorträge Dornach 21. Oktober bis 13. November 1921
- 209 Nordische und mitteleuropäische Geistimpulse**
 Elf Vorträge, Kristiania (Oslo) 24. November bis 4. Dezember 1921, Berlin 7. Dezember 1921, Dornach 12. bis 31. Dezember 1921, Basel 26. Dezember 1921
- 211 Das Sonnenmysterium und das Mysterium von Tod und Auferstehung**
 Zwölf Einzelvorträge zwischen dem 21. März und 11. Juni 1922 in verschiedenen Städten
- 214 Das Geheimnis der Trinität**
 Elf Vorträge, Dornach 23. Juli bis 9. August 1922, Oxford 20., 22., 27. August 1922, London 30. August 1922
- 217 Geistige Wirkenskräfte im Zusammenleben von alter und junger Generation**
 Dreizehn Vorträge, Stuttgart 3. bis 15. Oktober 1922
- 219 Das Verhältnis der Sternenwelt zum Menschen und des Menschen zur Sternenwelt**
 Zwölf Vorträge, Dornach 26. November bis 31. Dezember 1922, mit Notizbucheintragungen zu zwei Vorträgen
- 223 Der Jahreskreislauf als Atmungsvorgang der Erde und die vier großen Festeszeiten**
 Neun Vorträge, Dornach 31. März bis 8. April, Wien 27. Sept. bis 1. Okt. 1923
- 224 Die menschliche Seele in ihrem Zusammenhang mit göttlich-geistigen Individualitäten.**
 Elf Einzelvorträge zwischen dem 6. April und 11. Juli 1923 in verschiedenen Städten
- 225 Drei Perspektiven der Anthroposophie**
 Zwölf Vorträge, Dornach 5. Mai bis 23. September 1923
- 226 Menschenwesen, Menschenschicksal und Welt-Entwicklung**
 Sieben Vorträge, Kristiania (Oslo) 16. bis 21. Mai 1923
- 227 Initiations-Erkenntnis**
 Dreizehn Vorträge, Penmaenmawr 19. bis 31. August 1923
- 228 Initiationswissenschaft und Sternenerkenntnis**
 Acht Vorträge zwischen dem 27. Juli und 16. Sept. 1923 in verschiedenen Städten
- 229 Das Miterleben des Jahreslaufes in vier kosmischen Imaginationen**
 Sechs Vorträge, Dornach 3. bis 13. Oktober und Stuttgart 15. Oktober 1923
- 232 Mysteriengestaltungen**
 Vierzehn Vorträge, Dornach 23. November bis 23. Dezember 1923
- 233 Die Weltgeschichte in anthroposophischer Beleuchtung und als Grundlage der**

Erkenntnis des Menschengestes

Neun Vorträge, gehalten in Dornach vom 24. Dezember 1923 bis 1. Januar 1924

235 Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhänge

Erster Band

Zwölf Vorträge, Dornach 16. Februar bis 23. März 1924

237 Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhänge

Dritter Band

Elf Vorträge, Dornach 1. Juli bis 8. August 1924

238 Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhänge

Vierter Band

Zehn Vorträge und eine Ansprache (letzte Ansprache), Dornach 5. bis 28. Sept. 1924

240 Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhänge

Sechster Band

Fünfzehn Vorträge in Arnheim, Torquay, London, Bern, Zürich und Stuttgart zwischen dem 25. Januar und 27. August 1924

254 Die okkulte Bewegung im neunzehnten Jahrhundert und ihre Beziehung zur Weltkultur

Dreizehn Vorträge, Dornach 10. Oktober bis 7. November 1915

255b Die Anthroposophie und ihre Gegner 1919 – 1921

Zwei Mitgliedervorträge, sechs öffentliche Vorträge und verschiedene Schlufsworte und Mitteilungen in verschiedenen Städten 1919 bis 1921

260 Die Weihnachtstagung zur Begründung der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft 1923/24

Grundsteinlegung, Vorträge und Ansprachen, Statutenberatung, Dornach 23. Dezember 1923 bis 1. Januar 1924

262 Rudolf Steiner / Marie Steiner-von Sivers: Briefwechsel und Dokumente 1901–1925

264 Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904 bis 1914

Briefe, Rundbriefe, Dokumente und Vorträge

265 Zur Geschichte und aus den Inhalten der erkenntniskultischen Abteilung der Esoterischen Schule von 1904 bis 1914

Briefe, Dokumente und Vorträge aus den Jahren 1906 bis 1914 sowie von neuen Ansätzen zur erkenntniskultischen Arbeit in den Jahren 1921 bis 1924

266/1 Aus den Inhalten der esoterischen Stunden

Band I: 1904 – 1909

Gedächtnisaufzeichnungen von Teilnehmern sowie Notizen von Vorträgen aus dem Jahre 1904 und Meditationstexte nach Niederschriften Rudolf Steiners

284 Bilder okkultur Siegel und Säulen

286 Wege zu einem neuen Baustil. «Und der Bau wird Mensch»

Acht Vorträge, Berlin 12. Dezember 1911, 5. Februar 1913, 23. Januar 1914, Dornach 7. Juni bis 26. Juli 1914. Mit einem Anhang und 22 Abbildungen

296 Die Erziehungsfrage als soziale Frage

Sechs Vorträge, Dornach 9. bis 17. August 1919

307 Gegenwärtiges Geistesleben und Erziehung

Vierzehn Vorträge, Ilkley/England 5. bis 17. August 1923

318 Das Zusammenwirken von Ärzten und Seelsorgern

Elf Vorträge für Ärzte und Priester, Dornach 8. bis 18. September 1924 und eine «Ansprache an die Mediziner» vom 18. September 1924, mit 24 Seiten

Notizbucheintragungen in Faksimilewiedergaben

324a Die vierte Dimension

Sechs zusammenhängende Vorträge, Berlin 24. März bis 7. Juni 1905, zwei Einzelvorträge, Berlin 7. Nov. 1905 und 22. Okt. 1908. Fragenbeantwortungen von 1904 bis 1922

337a Soziale Ideen – Soziale Wirklichkeit – Soziale Praxis

Band I

zwischen dem 25. Mai 1919 und 15. September 1920

341 Nationalökonomisches Seminar

Band II

Sechs seminaristische Besprechungen mit den Teilnehmern am «Nationalökonomischen Kurs», Dornach 31. Juli bis 5. August 1922

342 Vorträge und Kurse über christlich-religiöses Wirken, I

Sechs Vorträge und zwei Besprechungen, Stuttgart 12. bis 16. Juni 1921

343 Vorträge und Kurse über christlich-religiöses Wirken, II

Neunundzwanzig Vorträge und Diskussionsstunden, Dornach 26. September bis 10. Oktober 1921, mit Faksimiles von Notizbucheintragungen, Wandtafelzeichnungen u.a.

345 Vorträge und Kurse über christlich-religiöses Wirken, IV

Vier Vorträge mit Fragenbeantwortungen, Stuttgart 11. bis 14. Juli 1923, mit dokumentarischen

Ergänzungen

346 Vorträge und Kurse über christlich-religiöses Wirken, V

Achtzehn Vorträge, Gespräche und Fragenbeantwortungen, Dornach 5. bis 22. September 1924

347 Die Erkenntnis des Menschenwesens nach Leib, Seele und Geist. Über frühe Erdzustände

Zehn Vorträge, Dornach 2. August bis 30. September 1922

Геннадий Александрович Бондарев

Макрокосм и микрокосм

Том 3

Интеллигенция

макро- и микрокосмоса

Редактор *Л. Бондарева*

Компьютерная верстка *С. Хос*